

**O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
HUQUQNI MUHOFAZA QILISH AKADEMIYASI**

**ZAMONAVIY CHAQIRIQLAR
SHAROITIDA QONUN
USTUVORLIGINI TA'MINLASH:
MUAMMO VA YECHIMLAR**

mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy
konferensiya materiallari

T O ' P L A M I

2-JILD

**O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI
HUQUQNI MUHOFAZA QILISH AKADEMIYASI**

**ZAMONAVIY CHAQIRIQLAR SHAROITIDA
QONUN USTUVORLIGINI TA’MINLASH:
MUAMMO VA YECHIMLAR**

mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari

**T O‘ P L A M I
2-JILD**

С Б О Р Н И К

материалов международной научно-практической конференции на
тему:

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА В
УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ:
ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ
2-ТОМ**

**ENSURING THE RULE OF LAW IN THE CONTEXT OF
MODERN CHALLENGES: PROBLEMS AND
SOLUTIONS**

Materials of the international conference Collection
Volume 2

Toshkent -2026

O‘UK: 343.195.3:343.163(575.1)

KBK: 67.7+67.4

H 97

Mazkur to‘plam O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Kengashining 2026-yil 03 fevraldagi 01-sonli qarori bilan nashrga tavsiya qilingan.

“Zamonaviy chaqiriqlar sharoitida qonun ustuvorligini ta‘minlash: muammo va yechimlar” mavzusida xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari to‘plami. 2-jild. // Mas‘ul muharrir yu.f.f.d., prof. Ye.V.Kolenko, yu.f.d., prof. A.S.Odinayev, yu.f.f.d., dots. Sh.I.Shayzakov. – T.: Lesson press. 2026.– 606 b.

Mas‘ul muharrir: yu.f.f.d., prof. **Ye.V.Kolenko**
yu.f.d., prof. **A.S.Odinayev**
yu.f.f.d., dots. **Sh.I.Shayzakov**

Tahrir hay‘ati: yu.f.d., prof. **B.X.Po‘latov**
yu.f.d., prof. **F.X.Raximov**
yu.f.d., prof. **V.Karimov**
yu.f.d., prof. **M.A.Aminjonova**
yu.f.f.d., dots. **M.Z.Radjabova**
yu.f.d., prof. **X.A.Karimov**

Nashrga tayyorlovchi: yu.f.f.d., dotsent **Sh.I.Shayzakov**
A.Normurodova
P.Abdullayeva

To‘plamda 2025 yil 27–28 noyabr kunlari O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasida “Zamonaviy chaqiriqlar sharoitida qonun ustuvorligini ta‘minlash: muammo va yechimlar” mavzusida xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya kuni o‘tkazilgan materiallari o‘rin olgan. Unda Jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish: raqamli davrda yondashuvlar transformatsiyasi, raqamli davrda huquqni muhofaza qilish sohasida ta‘lim va fan: muammolar va innovatsion yechimlar, korrupsiya 2.0: raqamli xatarlar va innovatsion yechimlar, kibermakonda huquqni muhofaza qilish faoliyati: muammo va yechimlar, shegara bilmas inson huquqlari: nolegal migratsiya, odam savdosi va raqamli voqelik (globallashtirish hamda raqamli muhit sharoitida), sun‘iy intellektni huquqiy jihatdan tartibga solish: xalqaro tajriba va milliy istiqbollarga oid masalalarni o‘z ichiga qamrab olingan.

To‘plam fan va ta‘lim sohasini boshqarishga vakolatli davlat organlari, yuridik fan va huquqni qo‘llash amaliyoti bilan bog‘liq xorijiy davlatlarning yetuk olimlari, mutasaddi tashkilotlar xodimlari, O‘zbekiston Respublikasining yuridik fanlar sohasida ko‘zga ko‘ringan yetuk olimlari, professor-o‘qituvchilar, mustaqil izlanuvchilar, doktorantlar, magistrlar boshqa yosh olimlarning maqola va tezislari bayon etilgan.

Mazkur to‘plamga kiritilgan materiallarning mazmuni, undagi statistik va boshqa ma‘lumotlar, me‘yoriy hujjatlar sanasining to‘g‘riligiga hamda tanqidiy fikr-mulohazalarga mualliflarning shaxsan o‘zlari mas‘uldirlar.

© O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi, 2026.

УДК: 343.195.3:343.163(575.1)
ББК: 67.7+67.4
Н 97

Настоящий сборник рекомендован к изданию решением Совета Правоохранительной академии Республики Узбекистан от 03 февраля 2026 года № 01.

Сборник материалов международной научно-практической конференции на тему «Обеспечение верховенства закона в условиях современных вызовов: проблемы и решения». Том 2. / Ответственные редакторы: д.ф.ю.н., проф. Е.В.Коленко; д.ю.н., проф. А.С.Одинаев; д.ф.ю.н., доц. Ш.И.Шайзаков. — Т.: Lesson press, 2026. — 592 с.

**Ответственные
редакторы:**

д.ю.н., профессор **Е. В. Коленко**
д.ю.н., профессор **А.С.Одинаев**
д.ф.ю.н., доцент **Ш.И.Шайзаков**

**Редакционная
коллегия:**

д.ю.н., профессор **Б.Х.Пўлатов**
д.ю.н., профессор **Ф.Х.Рахимов**
д.ю.н., профессор **В.Каримов**
д.ю.н., профессор **М.А.Аминжонова**
д.ф.ю.н., доцент **М.З.Раджапова**
д.ю.н., профессор **Х.А.Каримов**

**Подготовили к
изданию:**

д.ф.ю.н., доцент **Ш.И.Шайзаков**
докторант **А.Нормуродова**
П.Абдуллаева

В настоящий сборник включены материалы международной научно-практической конференции на тему «Обеспечение верховенства закона в условиях современных вызовов: проблемы и решения», проведённой 27–28 ноября 2025 года в Правоохранительной академии Республики Узбекистан. В сборнике освещены вопросы: противодействия легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма: трансформация подходов в цифровую эпоху; науки и образования в правоохранительной деятельности в цифровую эпоху: проблемы и инновационные решения; коррупции 2.0: цифровые риски и инновационные решения; правоохранительной деятельности в киберпространстве: вызовы и решения; безграничных прав человека: незаконной миграции, торговли людьми и цифровой реальности (в условиях глобализации и цифровой среды); правового регулирования искусственного интеллекта: международный опыт и национальные перспективы.

В сборнике представлены статьи и тезисы представителей уполномоченных государственных органов в сфере управления наукой и образованием, ведущих зарубежных учёных в области юридической науки и правоприменительной практики, сотрудников компетентных организаций, известных учёных Республики Узбекистан в сфере юридических наук, профессорско-преподавательского состава, самостоятельных соискателей, докторантов, магистрантов и других молодых исследователей.

Авторы материалов, включённых в настоящий сборник, несут личную ответственность за содержание представленных работ, достоверность статистических и иных данных, правильность указания дат нормативных правовых актов, а также за высказанные критические замечания и мнения.

© Правоохранительная академия Республики Узбекистан, 2026.

UDC: 343.195.3:343.163(575.1)
LBC: 67.7+67.4
H 97

This collection is recommended for publication by Decision No. of the Council of the Academy of Law Enforcement of the Republic of Uzbekistan dated 03 February 2026 № 01.

Proceedings of the International Scientific and Practical Conference on the topic “Ensuring the Rule of Law in the Context of Modern Challenges: Problems and Solutions.” Volume 2. // Responsible editors: Doctor of Philosophy in Law (PhD), Prof. Ye.V.Kolenko; Doctor of Law, Prof. A.S.Odinayev; Doctor of Philosophy in Law (PhD), Assoc. Prof. Sh.I.Shayzakov. — Tashkent: Lesson Press, 2026. — 592 p.

Responsible Editors: Doctor of Philosophy in Law (PhD), prof. **Ye.V.Kolenko**
Doctor of Law, Prof. **A.S.Odinayev**
Doctor of Philosophy in Law (PhD), assoc. prof. **Sh.I.Shayzakov**

Editorial Board: Doctor of Law, Prof. **B.Kh.Po‘latov**
Doctor of Law, Prof. **F.Kh.Rakhimov**
Doctor of Law, Prof. **V.Karimov**
Doctor of Law, Prof. **M.A.Aminjonova**
Doctor of Philosophy in Law (PhD), assoc. prof. **M.Z.Radjabova**
Doctor of Law, Prof. **X.A.Karimov**

Prepared for Publication by: Doctor of Philosophy in Law (PhD),
Associate Professor **Sh. I. Shayzakov**
A.Normurodova
P.Abdullayeva

This collection includes materials of the International Scientific and Practical Conference on the topic “Ensuring the Rule of Law in the Context of Modern Challenges: Problems and Solutions,” held on 27–28 November 2025 at the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan. The conference addressed issues related to counteracting the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism: transformation of approaches in the digital era; education and science in the field of law enforcement in the digital age: problems and innovative solutions; corruption 2.0: digital risks and innovative responses; law enforcement activities in cyberspace: problems and possible solutions; human rights without borders: illegal migration, human trafficking, and digital reality (in the context of globalization and the digital environment); as well as legal regulation of artificial intelligence: international experience and national prospects.

The collection presents articles and theses by leading foreign scholars in the field of legal science and law enforcement practice, employees of relevant organizations, prominent scholars of the Republic of Uzbekistan in the field of legal sciences, faculty members, independent researchers, doctoral students, master’s students, and other young Researchers.

The authors bear personal responsibility for the content of the materials included in this collection, the accuracy of statistical and other data contained, the correctness of the dates of regulatory legal acts, as well as for the critical opinions and conclusions expressed.

The authors of the materials included in this collection bear personal responsibility for the content of their submitted works, the accuracy of statistical and other data, the correct indication of the dates of legal and regulatory acts, as well as for the critical judgments and conclusions expressed.

© Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, 2026.

УЧИНЧИ ПАРАЛЛЕЛ СЕССИЯ:

**КОРРУПЦИЯ 2.0: РАҚАМЛИ ХАТАРЛАР ВА
ИННОВАЦИОН ЕЧИМЛАР**

**ADXAMOV ISROIL
MIRDJAMALOVICH**

O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokurori
o‘rinbosari

**DAVLAT XARIDLARI TIZIMIDA KORRUPSIYAGA QARSHI
MEXANIZMLAR**

***Annotatsiya.** Mazkur maqolada davlat xaridlarini amalga oshirish jarayonlarida korrupsiyaning oldini olish masalalari tahlil qilinadi. Davlat xaridlari tizimida shaffoflikni ta'minlash, raqobat muhitini shakllantirish hamda moliyaviy resurslardan samarali foydalanish muhim omil hisoblanadi. Tadqiqot davomida davlat xaridlari sohasida yuzaga kelishi mumkin bo'lgan korrupsion xavf-xatarlar, ularning sabablari va oqibatlari o'rganilgan. Tadqiqot natijalari davlat xaridlari tizimining samaradorligini oshirish va korrupsiyaning oldini olishga xizmat qiladi.*

***Kalit so'zlar:** davlat xaridlari, korrupsiya, shaffoflik, elektron xarid tizimlari, antikorrupsion siyosat, tender, huquqiy tartibga solish.*

***Abstract.** This article examines the issues of preventing corruption in public procurement processes. Ensuring transparency in the public procurement system, fostering a competitive environment, and promoting the efficient use of financial resources are considered essential factors for effective governance. The study analyzes potential corruption risks that may arise within public procurement procedures, as well as their underlying causes and consequences. The results of the research contribute to improving the efficiency of the public procurement system and enhancing anti-corruption measures in this field.*

***Keywords:** public procurement, corruption, transparency, electronic procurement systems, anti-corruption policy, tender, legal regulation.*

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются вопросы предупреждения коррупции в процессах осуществления государственных закупок. Обеспечение прозрачности в системе государственных закупок, формирование конкурентной среды и эффективное использование финансовых ресурсов являются важными условиями повышения эффективности государственного управления. В ходе исследования анализируются возможные коррупционные риски, возникающие на различных этапах процедур государственных закупок, а также их причины и последствия. Особое внимание уделяется вопросам усиления прозрачности,*

подотчетности и механизмов контроля в сфере государственных закупок. Результаты исследования направлены на повышение эффективности системы государственных закупок и совершенствование мер по предупреждению коррупции в данной сфере.

Ключевые слова: *государственные закупки, коррупция, прозрачность, электронные системы закупок, антикоррупционная политика, тендер, правовое регулирование.*

Davlat xaridlari tizimi har qanday mamlakat iqtisodiyotining muhim tarkibiy qismi hisoblanib, u davlat moliyaviy resurslarining katta qismini qamrab oladi hamda yalpi ichki mahsulot hajmida sezilarli ulushni egallaydi. Jahon banki tomonidan keltirilgan ma'lumotlarga ko'ra, rivojlanayotgan davlatlarda davlat xaridlari yalpi ichki mahsulotning taxminan 15–20 foizini, rivojlangan mamlakatlarda esa o'rtacha 10–15 foizini tashkil etadi. Bunday katta miqdordagi moliyaviy mablag'larning muomalada bo'lishi mazkur sohada korrupsion xatarlarning yuzaga kelish ehtimolini ham oshiradi.

Transparency International tashkiloti tomonidan olib borilgan tadqiqotlar davlat xaridlari jarayonlari korrupsiya eng ko'p uchraydigan sohalardan biri ekanligini ko'rsatadi va bu holat har yili milliardlab dollar miqdoridagi iqtisodiy yo'qotishlarga sabab bo'layotgani ta'kidlanadi.

O'zbekiston Respublikasida ham davlat xaridlari tizimini modernizatsiya qilish hamda korrupsiyaga qarshi kurashish choralari kuchaytirish davlat siyosatining ustuvor yo'nalishlaridan biri sifatida e'tirof etilmoqda. Davlat rahbariyati tomonidan qabul qilinayotgan strategik hujjatlarda korrupsiyaga qarshi kurashni kuchaytirish, shuningdek davlat xaridlari tizimini takomillashtirish masalalariga alohida e'tibor qaratilmoqda. Shu sababli davlat xaridlari jarayonlarida korrupsiyaning oldini olishga qaratilgan samarali mexanizmlarni ilmiy asosda o'rganish va tahlil qilish muhim ilmiy-amaliy ahamiyat kasb etadi.

Tadqiqot jarayonida qiyosiy-huquqiy tahlil, tizimli yondashuv hamda normativ-huquqiy hujjatlarni o'rganish usullaridan foydalanildi. Ilmiy manbalar tahlili shuni ko'rsatadiki, davlat xaridlari tizimida korrupsiyaning oldini olish masalalari xalqaro va milliy miqyosda keng

o'rganilgan. Jumladan, rus olimi Ye.A. Belaeva davlat xaridlari sohasidagi korrupsion omillarni tizimli tarzda tahlil qilib, ushbu jarayonlarda shaffoflik tamoyilini ta'minlash muhim ahamiyat kasb etishini ta'kidlaydi. Tadqiqotchining fikriga ko'ra, korrupsion holatlar ko'pincha axborot assimetriyasi mavjudligi hamda nazorat mexanizmlarining yetarli darajada samarali ishlamasligi bilan bog'liq.

Xalqaro tadqiqotchilar S. Rose-Ackerman va B. Palifka o'z ilmiy ishlarida korrupsiyaning iqtisodiy mohiyati hamda uning davlat xaridlari jarayonlariga ta'sirini tahlil qilib, sog'lom raqobat muhitini shakllantirish va huquqiy javobgarlik choralari kuchaytirish zarurligini asoslab berganlar. Ular korrupsiya nafaqat iqtisodiy samaradorlikka, balki jamiyatning ijtimoiy va siyosiy rivojlanishiga ham salbiy ta'sir ko'rsatishini ta'kidlaydilar.

Mazkur masala o'zbek olimlari tomonidan ham faol o'rganilmoqda. Xususan, A.X. Saidov davlat boshqaruvi tizimida korrupsiyaga qarshi kurashning huquqiy asoslarini tahlil qilib, milliy qonunchilikni xalqaro standartlar bilan uyg'unlashtirish zarurligini asoslab bergan. Shuningdek, O'zbekiston Respublikasida elektron davlat xaridlari tizimini joriy etish va rivojlantirish tajribasi ham ilmiy tadqiqotlarda alohida o'rganilmoqda.

Iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkiloti (OECD) tomonidan ishlab chiqilgan tavsiyalarda davlat xaridlari sohasida samarali boshqaruv tamoyillarini joriy etish, shaffoflikni ta'minlash hamda hisobdorlik mexanizmlarini mustahkamlash bo'yicha aniq yondashuvlar bayon etilgan.

MDH mamlakatlarida davlat xaridlari tizimida korrupsiyaga qarshi kurash tajribasini tahlil qilgan V.I. Smirnov esa elektron savdo platformalaridan foydalanish korrupsion xavflarni kamaytirishda muhim vosita ekanligini alohida ta'kidlaydi.

Adabiyotlar tahlili natijalari shuni ko'rsatadiki, davlat xaridlari sohasida korrupsiyaning oldini olish uchun kompleks yondashuv zarur bo'lib, u huquqiy, tashkiliy hamda zamonaviy texnologik choralarni o'z ichiga olishi lozim.

Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, davlat xaridlari tizimida korrupsiyaning oldini olish uchun bir qator ustuvor yo'nalishlar bo'yicha kompleks chora-tadbirlarni amalga oshirish zarur. Avvalo, shaffoflik tamoyilini ta'minlash muhim ahamiyat kasb etadi. Bunda tender e'lonlari, qabul qilingan qarorlar hamda tuzilgan shartnomalar haqidagi ma'lumotlarni ochiq e'lon qilish, shuningdek xarid jarayonining barcha bosqichlarida axborotdan erkin foydalanish imkoniyatini yaratish nazarda tutiladi. Shaffoflik darajasining oshishi korrupsion kelishuvlarni aniqlash ehtimolini kuchaytiradi va potensial huquqbuzarlarning bunday xatti-harakatlarga qo'l urishining oldini oladi.

Ikkinchi muhim yo'nalish elektron davlat xaridlari tizimlarini keng joriy etish bilan bog'liq. Bunday raqamli platformalar inson omilining ta'sirini kamaytiradi, xarid jarayonlarini standartlashtiradi hamda amalga oshirilayotgan operatsiyalarni tizimli ravishda qayd etib borish imkonini beradi. O'zbekiston Respublikasida joriy etilgan elektron davlat xaridlari tizimi amaliy natijadorligini ko'rsatib, xalqaro ekspertlar tomonidan ham ijobiy baholanmoqda.

Uchinchi jihat sifatida tender jarayonlarida sog'lom raqobat muhitini shakllantirish muhim omil hisoblanadi. Ishtirokchilar sonining ko'pligi hamda ular o'rtasida real raqobatning mavjudligi narxlarining sun'iy ravishda oshirilishining oldini olishga xizmat qiladi. Shu sababli kichik va o'rta biznes subyektlarining davlat xaridlari jarayonlarida faol ishtirokini rag'batlantirish maqsadga muvofiqdir.

To'rtinchidan, davlat xaridlari sohasidagi huquqiy bazani takomillashtirish hamda korrupsion xatti-harakatlar uchun javobgarlik choralarni kuchaytirish muhim hisoblanadi. Korrupsiya bilan bog'liq huquqbuzarliklar uchun qat'iy jazolarni belgilash va ularning muqarrar qo'llanilishini ta'minlash profilaktik ahamiyatga ega. Shu bilan birga, davlat xizmatchilari faoliyatida manfaatlar to'qnashuvini bartaraf etish, ularning mol-mulk va daromadlarini deklaratsiya qilish tizimini yanada takomillashtirish zarur.

Beshinchidan, nazorat mexanizmlarini kuchaytirish ham korrupsiyaning oldini olishda muhim rol o'ynaydi. Ichki audit tizimi,

tashqi nazorat organlari hamda fuqarolik jamiyati institutlari tomonidan davlat xaridlari jarayonlari ustidan monitoring olib borilishi korrupsion xavflarni o'z vaqtida aniqlash va bartaraf etishga xizmat qiladi. Xalqaro tajriba shuni ko'rsatadiki, mustaqil nazorat institutlari hamda jamoatchilik nazoratining mavjudligi korrupsiya darajasining pasayishiga sezilarli ta'sir ko'rsatadi.

O'tkazilgan tahlillar natijasida O'zbekistonda davlat xaridlari tizimida korrupsiyaning oldini olish bo'yicha muhim islohotlar amalga oshirilayotganini qayd etish mumkin. Jumladan, elektron davlat xaridlari tizimining joriy etilishi, normativ-huquqiy bazaning takomillashtirilishi hamda nazorat mexanizmlarining kuchaytirilishi ijobiy natijalarni bermoqda. Shunga qaramay, ayrim muammolar hanuzgacha dolzarbligicha qolmoqda. Xususan, texnik spetsifikatsiyalarni ma'lum bir ishtirokchi manfaatlariga mos ravishda shakllantirish, tenderlarni sun'iy ravishda qismlarga ajratish orqali raqobatli jarayonlardan chetlashish, shuningdek g'olibni aniqlash mezonlarining subyektiv talqin qilinishi kabi holatlar uchrab turadi.

Shu bois davlat xaridlari sohasida korrupsiyaga qarshi kurashni izchil davom ettirish, yangi institutsional va texnologik yondashuvlarni joriy etish zarur. Bu borada xalqaro tajribani chuqur o'rganish hamda ilg'or amaliyotlarni milliy sharoitlarga moslashtirish alohida ahamiyat kasb etadi.

Davlat xaridlari tizimida korrupsiyaning oldini olish murakkab va ko'p omilli jarayon bo'lib, ushbu muammoni hal etish kompleks yondashuvni talab qiladi. O'tkazilgan tadqiqot natijalariga tayangan holda bir qator muhim xulosalarni ilgari surish mumkin.

Birinchidan, shaffoflik davlat xaridlari jarayonlarida korrupsiyaga qarshi kurashning asosiy omillaridan biri hisoblanadi va u xarid jarayonining barcha bosqichlarida izchil ta'minlanishi zarur. Ikkinchidan, elektron davlat xaridlari tizimlaridan foydalanish korrupsion xavf-xatarlarni sezilarli darajada kamaytirishga xizmat qiladi, shu sababli ushbu tizimlarni yanada rivojlantirish va takomillashtirish muhim ahamiyatga ega.

Uchinchidan, davlat xaridlari jarayonlarida sogʻlom raqobat muhitini shakllantirish hamda kichik va oʻrta biznes subyektlarining faol ishtirokini qoʻllab-quvvatlash korrupsion holatlarning oldini olishda muhim rol oʻynaydi. Toʻrtinchidan, mazkur sohadagi normativ-huquqiy bazani muntazam ravishda takomillashtirib borish, shuningdek korrupsion huquqbuzarliklar uchun javobgarlik choralari kuchaytirish zarur.

Beshinchidan, davlat xaridlari ustidan samarali nazorat tizimini shakllantirish, jumladan jamoatchilik nazoratini rivojlantirish, korrupsion xavflarni kamaytirishda muhim ahamiyat kasb etadi. Shu nuqtai nazardan, Oʻzbekiston Respublikasida davlat xaridlari tizimini isloh qilish boʻyicha amalga oshirilayotgan chora-tadbirlarni izchil davom ettirish hamda ularni xalqaro standartlar va ilgʻor amaliyotlarga moslashtirish maqsadga muvofiq hisoblanadi.

ADABIYOTLAR RO'YXATI

1. World Bank. Benchmarking Public Procurement. – Washington: World Bank Publications, 2020. – 156 p.
2. Transparency International. Corruption in Public Procurement: A Perennial Challenge. – Berlin: TI Secretariat, 2022. – 89 p.
3. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2022-yil 28-yanvardagi "2022 — 2026-yillarga mo'ljallangan Yangi O'zbekistonning taraqqiyot strategiyasi to'g'risida"gi PF-60-son Farmoni.
4. Белаева Е.А. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок: системный анализ // Государственное управление. – 2021. – № 3. – С. 45-58.
5. Rose-Ackerman S., Palifka B. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. – Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 618 p.
6. Саидов А.Х. Ҳуқуқий давлатда коррупцияга қарши кураш: назария ва амалиёт. – Тошкент: Адолат, 2019. – 224 б.
7. Рахимов Б.Ш. Электрон давлат харидлари тизимини жорий этишнинг ҳуқуқий асослари // Юридик фанлар ахборотномаси. – 2022. – № 2. – Б. 67-78.
8. OECD. Recommendation of the Council on Public Procurement. – Paris: OECD Publishing, 2015. – 24 p.

КОЛЕНКО ЕВГЕНИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ

Первый заместитель начальника
Правоохранительной академии Республики
Узбекистан доктор философии по юридическим
наукам (PhD), профессор

НОВАЯ ПАРАДИГМА АНТИКОРРУПЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И КУЛЬТУРЫ ДОБРОПОРЯДОЧНОСТИ

Современный этап развития системы подготовки кадров для правоохранительных органов в Республике Узбекистан характеризуется последовательным внедрением новых организационно-правовых и образовательных подходов, направленных на формирование высококвалифицированного, профессионально и ценностно ориентированного кадрового потенциала.

Существенным шагом в данном направлении стало принятие Указа Президента Республики Узбекистан от 28 ноября 2022 года № УП-257 «О внедрении качественно новой системы подготовки квалифицированных кадров в сфере расследования преступлений», на основании которого на базе Академии Генеральной прокуратуры была образована Правоохранительная академия Республики Узбекистан.

Правоохранительная академия Республики Узбекистан функционирует как специализированное высшее образовательное и научно-исследовательское учреждение, входящее в организационную структуру Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан. Академия обеспечивает комплексную подготовку кадров для органов следствия и прокуратуры в рамках единой системы, ориентированной на интеграцию образовательной, научной и практико-ориентированной деятельности.

Создание и развитие Правоохранительной академии Республики Узбекистан отражает системный подход государства к совершенствованию подготовки кадров, основанный на институциональной целостности, научной обоснованности и практической направленности, что создает необходимые предпосылки для дальнейшего внедрения инновационных моделей антикоррупционного образования и формирования устойчивой культуры добропорядочности в системе публичной службы.

Важной составляющей реализации государственной политики в рамках антикоррупционного образования, антикоррупционного просвещения и формирования устойчивых антикоррупционных компетенций является деятельность Научно-образовательного центра противодействия коррупции, функционирующего на базе Правоохранительной академии Республики Узбекистан.

Деятельность данного Центра отражает переход от фрагментарных образовательных инициатив к комплексной, научно обоснованной модели подготовки и повышения квалификации кадров в сфере противодействия коррупции.

Центр осуществляет свою деятельность по ряду ключевых направлений, включая обучение работников государственных органов и иных организаций основам противодействия коррупции, проведение научно-аналитических исследований, изучение и обобщение правоприменительной практики, а также распространение и разъяснение антикоррупционного законодательства.

Существенное внимание уделяется вопросам повышения уровня профессиональных знаний и квалификации государственных служащих, что способствует формированию у них не только правовых, но и этико-ценностных ориентиров добропорядочного поведения.

Неотъемлемым компонентом формирования устойчивой и системной модели антикоррупционного образования является разработка и внедрение современных учебников и учебно-

методических материалов, обеспечивающих единый научно-методологический подход к изучению и применению антикоррупционного законодательства. В деятельности Правоохранительной академии Республики Узбекистан данное направление рассматривается как ключевой элемент обеспечения качества образовательного процесса и практической применимости получаемых знаний.

В рамках реализации антикоррупционной образовательной политики подготовлен и внедрен комплекс специализированных учебных и методических изданий, охватывающих как теоретические, так и прикладные аспекты противодействия коррупции. К числу таких разработок относятся научно-практический комментарий к Закону Республики Узбекистан «О противодействии коррупции», учебник «Противодействие коррупции», а также методические пособия и рекомендации по применению законодательства о конфликте интересов, административных процедурах и механизмах комплаенс-контроля в системе государственных закупок.

Научная деятельность занимает самостоятельное и системообразующее место в модели антикоррупционного образования, реализуемой Правоохранительной академией Республики Узбекистан, обеспечивая устойчивую связь образовательного процесса с развитием юридической науки и формированием доказательной антикоррупционной политики. Усиление научного потенциала Академии направлено на институционализацию антикоррупционных исследований как самостоятельного междисциплинарного направления юридической науки.

Важно подчеркнуть, что антикоррупционное образование в Республике Узбекистан на современном этапе приобретает системный и нормативно закреплённый характер, выступая одним из ключевых инструментов формирования устойчивой культуры добропорядочности и профилактики коррупционных проявлений.

Нормативной основой данного направления послужил Указ Президента Республики Узбекистан от 28 ноября 2022 года № УП-257 «О внедрении качественно новой системы подготовки квалифицированных кадров в сфере расследования преступлений», в рамках которого антикоррупционная составляющая была интегрирована в систему профессиональной подготовки и повышения квалификации кадров.

Дальнейшее развитие антикоррупционного образования получило закрепление в Постановлении Президента Республики Узбекистан от 21 июня 2024 года № ПП-228 «О мерах по внедрению системы непрерывного повышения знаний населения и государственных служащих в сфере противодействия коррупции». Указанный нормативный акт заложил основы перехода от эпизодических образовательных мероприятий к модели непрерывного антикоррупционного обучения, ориентированной на различные целевые группы: от государственных служащих до широких слоев населения.

В совокупности данные нормативные акты сформировали концептуальную и правовую рамку антикоррупционного образования как самостоятельного направления государственной антикоррупционной политики, основанного на принципах системности, преемственности и практической ориентированности.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что антикоррупционное образование в Республике Узбекистан развивается как комплексный институт, интегрированный в общую систему подготовки кадров и повышения правовой культуры, что в итоге создало прочную основу для постепенного внедрения инновационных образовательных моделей и цифровых технологий обучения.

В контексте формирования новой парадигмы антикоррупционного образования внедрение цифровых образовательных решений целесообразно ориентировать на

расширение охвата, доступность и адресность антикоррупционного просвещения и обучения.

В данном направлении ключевым инновационным инструментом выступила электронная платформа «Виртуальная академия по противодействию коррупции», созданная и функционирующая на базе Правоохранительной академии Республики Узбекистан.

Указанная платформа представляет собой многофункциональное цифровое образовательное пространство, направленное на обеспечение системного и непрерывного антикоррупционного обучения различных целевых групп.

Содержательное наполнение «Виртуальной академии» ориентировано на интеграцию теоретических знаний, практико-ориентированных модулей и интерактивных образовательных материалов, адаптированных под уровень подготовки и профессиональные потребности различных категорий обучающихся. Такой подход позволяет не только повысить уровень антикоррупционной грамотности, но и сформировать устойчивые навыки выявления коррупционных рисков, соблюдения антикоррупционных стандартов и применения механизмов превентивного контроля.

Важной особенностью платформы является ее роль в институционализации антикоррупционного образования в цифровой среде, а также в формировании единого образовательного и ресурсного пространства, обеспечивающего интеграцию передовых международных практик и стандартов в национальный контекст. Электронную платформу «Виртуальная академия по противодействию коррупции» следует рассматривать в качестве неотъемлемого элемента современной системы антикоррупционного образования в Республике Узбекистан, обеспечивающей синергию науки, цифровых технологий и культуры добропорядочности.

Одним из ключевых преимуществ электронной платформы является ее ориентация на широкий и дифференцированный контингент обучающихся, а также высокая адаптивность образовательных программ к уровню подготовки и профессиональным потребностям различных целевых групп. Концепция платформы предполагает переход от универсальных образовательных решений к многоуровневой и персонализированной модели антикоррупционного обучения.

Образовательные курсы Виртуальной академии варьируются от программ, направленных на повышение базовой антикоррупционной осведомленности населения, до узкопрофильных модулей, ориентированных на профессиональные группы, включая государственных служащих, работников государственных предприятий, представителей негосударственных некоммерческих организаций, институтов гражданского общества, предпринимателей, студентов и обучающихся образовательных учреждений различных уровней. Отдельное внимание уделяется разработке обязательных антикоррупционных курсов для ключевых категорий обучающихся с учетом возрастных, профессиональных и функциональных особенностей.

Модель обучения, реализуемая на платформе, основана на принципах элективности, индивидуальных образовательных траекторий и персонализации учебного процесса, что позволяет обучающимся самостоятельно формировать содержание и темп освоения программ. Использование инструментов электронного обучения и возможностей портала обеспечивает масштабируемость образовательных инициатив, расширение географии охвата и доступность обучения без отрыва от профессиональной деятельности.

Важным элементом образовательного процесса является внедрение механизмов контроля и оценки результатов обучения, включая цифровые формы тестирования, прокторинг и аналитические инструменты мониторинга образовательной

активности. Это обеспечивает объективность оценки усвоения знаний и способствует повышению доверия к результатам антикоррупционного обучения.

Реализация цифровой модели антикоррупционного образования на базе электронной платформы демонстрирует устойчивую положительную динамику и позволяет говорить о высокой результативности внедренных организационно-образовательных и технологических решений. Анализ количественных показателей свидетельствует о последовательном расширении охвата обучающихся, увеличении числа образовательных программ и росте доверия к цифровым форматам антикоррупционного обучения.

Так, количество слушателей платформы увеличилось с 3,7 тыс. человек в 2023 году до более 95,6 тыс. человек в 2024 году, при сохранении высокого уровня вовлеченности и в 2025 году. Существенный рост зафиксирован и по числу лиц, получивших сертификаты об успешном прохождении обучения, что указывает не только на массовость, но и на результативность образовательного процесса. Одновременно наблюдается расширение образовательного контента: количество реализуемых курсов возросло с 24 в 2023 году до 110 в 2024 году и 250 в 2025 году, что отражает адаптивность платформы к меняющимся потребностям различных целевых аудиторий.

Отдельного внимания заслуживают результаты реализации специализированных образовательных программ, ориентированных на государственную службу. В 2025 году на платформе повысили квалификацию более 45 тыс. государственных служащих, включая сотрудников комплаенс-служб, вновь принятых на работу лиц, работников с повышенным коррупционным риском, представителей средств массовой информации и территориальных советов. В настоящее время обучение продолжают порядка 13 тыс. слушателей, что свидетельствует о стабильной востребованности и непрерывности образовательного процесса.

Масштабный социально-просветительский эффект достигнут и в рамках программ, ориентированных на молодежь и обучающихся. По специальным учебным программам антикоррупционной направленности было охвачено более 4,4 млн. воспитанников дошкольных учреждений, школьников и студентов образовательных организаций, включая свыше 3,1 млн. школьников, более 1 млн. дошкольников и порядка 219 тыс. студентов высших учебных заведений.

Существенным элементом современной модели антикоррупционного образования и просвещения является функционирование Информационно-ресурсного центра, обеспечивающего систематизацию, накопление и распространение актуальных знаний в сфере противодействия коррупции и легализации преступных доходов. Деятельность Центра ориентирована на формирование единого цифрового пространства, аккумулирующего национальный и зарубежный опыт, научные исследования, методологические разработки и практико-ориентированные материалы.

Электронная база данных Информационно-ресурсного центра охватывает широкий спектр источников, включая нормативно-правовые акты, аналитические и статистические материалы, результаты научных исследований, образовательные курсы и специализированные публикации. Особое внимание уделяется систематизации успешных практик в двух приоритетных направлениях – борьбе с коррупцией и противодействию легализации преступных доходов, что обеспечивает комплексный подход к анализу взаимосвязанных криминогенных процессов.

Функционирование Центра способствует повышению доступности достоверной и структурированной информации для государственных служащих, исследователей, обучающихся и иных заинтересованных лиц, а также формированию единого методологического подхода к антикоррупционному просвещению. Важной особенностью является интеграция образовательных и

аналитических ресурсов с цифровыми платформами антикоррупционного обучения, что усиливает их прикладную направленность и практическую ценность.

Перспективным направлением развития Информационно-ресурсного центра является разработка и внедрение интеллектуального ИИ-модуля «Халолбек» (Integrity AI Advisor), ориентированного на оказание консультативной и методической поддержки государственным служащим в процессе принятия управленческих решений. Указанный инструмент призван содействовать формированию этически и юридически обоснованного поведения в режиме реального времени, повышению уровня антикоррупционной грамотности и предупреждению потенциальных коррупционных рисков.

Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что формирование новой парадигмы антикоррупционного образования в Республике Узбекистан приобрело системный, институционально оформленный и нормативно обеспеченный характер. Создание Правоохранительной академии Республики Узбекистан и развитие на ее базе специализированных подразделений (включая Научно-образовательный центр противодействия коррупции) позволили выстроить целостную модель подготовки кадров, сочетающую образовательный, научный и практико-ориентированный компоненты и обеспечивающую воспроизводство профессиональных компетенций для органов следствия, и прокуратуры.

ЕЩАНОВ АЛМАЗ ШҮКІРҰЛЫ

Профессор кафедры общих юридических дисциплин Института последипломного образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции

АМЕРХАНОВ РУСЛАН АЙТКАЛИЕВИЧ

доцент кафедры общеправовых дисциплин Института послевузовского образования, Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, кандидат юридических наук, младший советник юстиции

ТАЛКИБАЕВ АСКАР БУЛАТОВИЧ

старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Института послевузовского образования Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, советник юстиции

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Система государственной службы играет ключевую роль в деятельности государственной власти и управления, поскольку государственная служба не только обеспечивает исполнение полномочий государственных органов, но и обслуживает широкий круг потребностей граждан, реализуя на практике социальную сущность государства.

Государственная служба призвана обеспечивать и защищать социальную стабильность, внутреннюю и внешнюю безопасность, эффективное функционирование всей общественно-политической инфраструктуры, которая необходима для развития жизнедеятельности граждан, общества и государства.

При обеспечении внутренней и внешней безопасности также имеется ввиду состояние защищенности от правонарушений коррупционного характера, которые характерны при функционировании любого государственного аппарата.

Одновременно государственная служба ответственна за сохранение демократической стабильности и соблюдение принципов правового и социального государства, а также обеспечения и защиту прав и свобод человека, и гражданина, в том числе от различного рода преступных проявлений. Государственная служба является своеобразной основой структурированной государственной администрации.

Более того, государственная служба в демократическом, правовом и социальном государстве должна быть единой и в своей основе базироваться на общих принципах и подходах, так как составляет ее неотъемлемую подсистему. Государство может считаться правовым только в том случае, когда исполнение законов не зависит от субъективизма, а от имени государства действуют люди, имеющие служебную подготовку, и соблюдающие принцип законности.

В этой связи функционирование современного государства всецело зависит от множества разнообразных государственных задач и функций, от реализации которых зависит функционирование всей общественно-политической системы, что и предопределяет наличие профессионально подготовленного служебного корпуса, не подверженного коррупционным рискам и угрозам.

Словосочетание «государственная служба» прочно вошло в словесный лексикон и понятийный аппарат каждого государства с

присущими ей специфическими особенностями, обусловленными историческим происхождением и национальными аспектами.

Обращение к опыту зарубежных стран необходимо для поиска оригинальных моделей и концепций реформирования государственного аппарата в целях проведения работ по повышению эффективности функционирования государственного управления и органов центральной и местной власти с учетом характера решаемых проблем и стратегических целей государства при наличии имеющихся ресурсов, а также нейтрализации различных криминогенных факторов и, в первую очередь, коррупционной направленности. Говорить о зарубежном опыте в области государственной службы представляется возможным только в значительной степени обобщенно, выбирая из этого опыта наиболее значимые элементы, представляющие научный и практический интерес, в том числе в плане минимизации проявлений коррупционной преступности.

В этой связи, представляется актуальным и целесообразным изучение зарубежного опыта государственной службы, так как это имеет важное и первостепенное значение для построения национальной системы государственного управления и повышения эффективности государственной службы в Республике Казахстан.

Прежде чем говорить о системе государственной службы в зарубежных странах, необходимо определить само понятие «государственная служба» и рассмотреть основные ее модели и виды.

Понятие «государственная служба» имеет ряд различных, но достаточно близких по своему смыслу определений.

Так, по мнению казахстанских ученых (д.ю.н., профессор Л.Т. Жанузакова и к.ю.н. А.З. Турисбек) «государственная служба - это публичная, профессиональная, оплачиваемая из государственных средств деятельность лиц, замещающими должности в государственных органах, осуществляемая в установленном законом порядке посредством реализации должностных

полномочий и направленная на выполнение задач и функций государства». При этом функции государственной службы могут быть внешние и внутренние. Содержание внешних функций обусловлено, с одной стороны функциями государства, а с другой стороны, - целями и задачами государственной службы. Внутренние же функции раскрывают основные направления ее развития как важнейшей структурной части государственного механизма¹.

Законодательное определение государственной службы дано в действующем Законе Республики Казахстан «О государственной службе Республики Казахстан» в подпункте 6) абзаца 1 статьи 1 которого регламентировано, что «государственная служба Республики Казахстан (далее-государственная служба) – деятельность государственных служащих в государственных органах по исполнению должностных полномочий, направленная на реализацию задач и функций государственной власти².

Другими словами, главное предназначение государственной службы -это исполнение должностных обязанностей лицами, которые состоят на государственных должностях. К таким лицам следует отнести работников аппарата государственных органов, в числе которых различные министерства, агентства и ведомства.

Некоторые российские авторы (Жукова С.М.) под государственной службой понимают «профессиональную компетентную деятельность граждан РФ и иностранных граждан, в случаях предусмотренных законом, по обеспечению за денежное содержание (вознаграждение, довольствие) исполнения полномочий государства и его субъектов, а также государственных органов и их должностных лиц»³.

¹Жанузакова Л.Т., Турисбек А.З. Функции и виды государственной службы на современном этапе // <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsii-i-vidy-gosudarstvennoy-sluzhby-na-sovremennom-etape>, дата обращения 10 мая 2024 г.

² Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года №416-V ЗРК «О государственной службе Республики Казахстан» Справочная правовая система ЮРИСТ: ТОО «Компания ЮрИнфо». – www.prg.kz.

³Жукова С.М. Государственная гражданская служба в Российской Федерации: монография. - Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 116 с.

По мнению авторов учебного пособия «Государственная служба (комплексный подход)», под государственной службой понимается профессиональная деятельность по обеспечению исполнения полномочий государственных органов¹.

Понятие «государственная служба» может рассматриваться в различных смыслах. Так, в широком смысле слова «государственную службу» определяют, как деятельность работников, выполняющих служебные обязанности в разных институтах, к ним можно отнести: государственные органы, предприятия, учреждения и организации².

В узком смысле, как известно, «государственная служба» представляет собой выполнение сотрудником определенного перечня обязанностей в конкретном государственном аппарате, что позволяет говорить о необходимости рассмотрения концепции «служебного права».

Данная концепция рассматривалась в трудах таких авторов как Башуров В.Б., Дякина И.А. и другие³.

По единодушному мнению, данных авторов, целесообразность создания служебного права в качестве самостоятельной отрасли отражает «особенности государственной службы в комплексе. Созданию данной концепции послужило достаточно широкое распространение в законодательстве различных правовых норм, отражающих суть государственной службы».

Вместе с тем, по мнению вышеназванных авторов, рассмотренные выше широкое и узкое значения «государственной службы» не отражают всю многоаспектность и многогранность

¹ Государственная служба (комплексный подход): Учеб. пособие. - 2-е изд. - М.: Дело, 2000. - 440 с. // <https://mysocrat.com/book-card/17849-gosudarstvennaya-sluzhba-kompleksnyj-podhod/>, дата обращения 10 мая 2024 года.

² Государственная и муниципальная служба: курс лекций / М. А. Баринов; Владим. гос. ун-т им. А.Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2014. – 72 с.

³ Башуров, В.Б. Понятие должности государственной гражданской службы Российской Федерации / В.Б. Башуров // Инновационное образование и экономика. –2015. –№ 20. – С. 71-74.; Дякина И.А. Служебное право как комплексная отрасль права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук (12.00.14) / И.А. Дякина. - Ростов н/Д, 2007. – 26 с.

этого понятия и исследуемого явления, что затрудняют унифицировать и сформировать единую терминологию в сфере государственной службы. Данный тезис подтверждается трудами различных современных авторов, где отмечается дискуссионность вопроса по формированию понятийного аппарата «государственная служба».

Многоаспектность и многогранность такого понятия, как «государственная служба», проявляется и при его рассмотрении в организационном и правовом аспектах¹.

В свою очередь, в организационном смысле государственная служба относится к составному компоненту государственной деятельности и является элементом государственного аппарата².

Между тем, с точки зрения права, существование государственной службы обуславливается необходимостью формулирования, введения в действие и практического применения совокупности правовых норм, регламентирующих организацию государственной службы, деятельность и поведение государственных служащих, их правовой статус, в том числе с учетом разновидности государственной службы³.

В этой связи в настоящее время государственная служба относится к одному из важнейших институтов, обеспечивающих развитие государства по различным отраслям, среди которых представляется возможным выделить такие сферы как: политическая, социальная, экономическая и т.д.

Государственная служба как публичная служба, то есть служба в органах публичной власти, представляет собой достаточно сложный социально-правовой институт, состоящий из системы

¹ Иванов С.А. Правовое регулирование отношений в сфере госслужбы / С.А. Иванов [и др.] // Электронный Журнал - Юрист. - 2012. - № 6. - С. 10-12.

² Борщевский Г.А. Государственная служба: учебник и практикум для вузов / Г.А. Борщевский. - 3-е изд., испр. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2020. - 480 с.

³ Бахрах Д.Н. Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков // 5-е изд. пересмотр. и доп. - М.: Норма, 2011. - 816 с.

организационно-правовых отношений и норм, содержащих права, обязанности, ограничения, запретов, стимулирования, ответственности госслужащих, прохождения государственной службы, порядка возникновения и прекращения служебных отношений.

Основываясь на профессиональной деятельности людей, государственная служба позволяет реализовывать основные цели и задачи государственного управления. То есть, профессиональная деятельность большого количества людей, задействованных в системе государственной службы, а также ее значимость для социально-экономического развития государства представляет большой интерес к формированию определения понятия «государственная служба» и его характерных признаков.

Следует также сказать, что важность государственной службы в системе государственного управления обуславливает необходимость выработки ее четких теоретических основ, формирования качественной, научно-обоснованной методологической платформы, предоставляющей возможность в совокупности иметь в государстве профессиональный и компетентный аппарат государственных служащих. Поскольку именно с помощью теоретических исследований и обоснований удастся разрабатывать многие практические рекомендации, которые направлены на оптимальное реформирование и дальнейшее совершенствование государственной службы.

Таким образом, кратко рассмотрев понятийный аппарат государственной службы, представляется возможным определить оптимальное определение данного понятия, раскрывающего суть данной деятельности как публичной, профессиональной, оплачиваемой из государственных средств деятельности лиц, посредством исполнения обязанностей и полномочий по государственной должности, определенной в государственном органе либо организации, с целью исполнения задач и функций государства. При этом слово «исполнение» означает формирование

властно-управленческих взаимоотношений между государством и обществом, государственным органом либо организацией, подлежащими его ведению со стороны управляемых объектов.

В качестве альтернативного и более практико-прикладного определения возможно использовать также следующее определение, согласно которому: «государственная служба — это практическое и профессиональное участие граждан в осуществлении целей и функций государства посредством исполнения обязанностей по должности в конкретном государственном органе».

Различные варианты организации государственной службы могут быть классифицированы по нескольким основаниям. Если исходить из времени и места возникновения государственной службы, учитывая при этом отражаемые в процессе служебной деятельности интересы, представляется возможным дать следующую классификацию: древневосточная, античная, европейская континентальная и англосаксонская типы государственной службы.

В истории человечества впервые государственная служба возникла в восточных районах Китая, Индии, Египте и Междуречье. Практически полное отсутствие в этих государствах гарантий личных прав подданных и частной собственности на землю, тотальная власть верховного правителя и иные факторы предопределили основные особенности этого исторически первого вида государственной службы. К ним следует отнести:

- «пирамидальную» организацию системы государственной службы, во главе которой находился верховный правитель;
- отсутствие четко определенной компетенции каждого уровня государственной службы и твердо установленных принципов должностной субординации (каждый так называемый «служитель» находился в личной зависимости от верховного правителя, и последний мог обратиться к любому служащему «напрямую», без соблюдения должностной иерархии);

- отсутствие нормативного закрепления процедур осуществления должностных полномочий, господство личных связей, nepoтизма и коррупции;

- отсутствие четко регламентированных окладов «служителей», существование системы «кормления» - поборов с управляемых территорий;

- отсутствие у «служителей» гарантий от произвольных увольнений и понижений в должности.

Такая организация государственной службы была довольно нестабильна и постепенно вырождалась в «чиновничий феодализм», а передаваемые чиновникам на «кормление» территории фактически становились их наследуемыми владениями. Это привело к определенной деградации государственной службы и упадку государства.

В новое время развитие института государственной службы было обусловлено переходом от феодальной раздробленности к централизованным государствам, одним из важнейших атрибутов которых стал разветвленный и многочисленный государственный аппарат.

В тоже время, говоря о государственной службе, нельзя не сказать и о таком существующем понятии, как «коррозия» государственной службы, которая проявляется в фактах проявления коррупции.

Следует отметить, что коррупция на государственной службе - это факты злоупотребления государственным служащим своим должностным положением и использованием власти для личной выгоды или получения для себя различного рода неправомерных преимуществ. К примеру, она может проявляться в таких различных формах, таких как взяточничество, мошенничество, необоснованные расходы, кумовство, лоббирование интересов, оказание латентного и незаконного предпочтения в проведении государственных закупок тем или иным юридическим лицам, а также большое количество других видов незаконных действий.

Важно подчеркнуть, что последствия коррупции на государственной службе включают в себя такие жизненно важные социальные аспекты, как:

1. Ухудшение качества государственных услуг, т.е. люди не получают необходимого и должного уровня обслуживания или справедливого решения;

2. Снижение доверия общества к государственным институтам - граждане начинают сомневаться в честности и эффективности власти;

3. Экономические потери - коррупция мешает развитию бизнеса, увеличивает издержки и способствует неэффективному использованию ресурсов;

4. Нарушение принципов правового государства - коррупционные практики подрывают законность и справедливость.

В связи с вышеизложенным, вопросы противодействия и борьбы с коррупцией требуют создания прозрачных процедур, усиления контроля и ответственности, развития антикоррупционной культуры и внедрения современных технологий для предотвращения злоупотреблений. Важно также воспитание этических ценностей среди государственных служащих и активное участие общества в борьбе с этим явлением.

Чтобы эффективно бороться с коррупцией на государственной службе, необходимо применять комплексный подход, включающий применение следующих мер:

1. Принятие законодательных мер в части создания и строгого контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства, а также введение жестких санкций за коррупционные преступления. Важна разработка четких правил и стандартов поведения для государственных служащих;

2. Повышение прозрачности, т.е. обеспечение открытости процедур принятия решений, публикация информации о деятельности государственных органов и расходовании государственных средств, посредством внедрения электронных

систем и онлайн-платформ для проведения государственных закупок, и отчетности;

3. Постоянный и систематический контроль и аудит, который заключается в создании независимых органов контроля, проведению регулярных проверок и аудитов, а также установление системы внутреннего контроля в государственных органах;

4. Повышение уровня образования и воспитание этических норм у государственных служащих, которое может выражаться в проведении образовательных программ и тренингов для сотрудников государственных структур, формирование антикоррупционной культуры и ценностных ориентиров;

5. Осуществление юридической и физической защиты информаторов и свидетелей, которое может выражаться в обеспечении безопасности тех, кто сообщает о достоверных случаях коррупции, а также создание механизмов поддержки и защиты их прав;

6. Организация на уровне государства повсеместного общественного контроля, поскольку активное участие граждан и неправительственных организаций в мониторинге деятельности государственных органов, и проведении общественных слушаний и рейтингов служит повышению эффективности в борьбе и профилактике коррупционных проявлений;

7. Необходимость использования технологий, которая заключается в автоматизации процессов и внедрению информационных систем для отслеживания действий сотрудников и предотвращения злоупотреблений.

Следует заметить, что вопросы борьбы с коррупцией, это долгосрочный и системный процесс, требующий совместных усилий государства, общества и международных организаций. Формирование культуры честности и ответственности должно стать приоритетом для всех уровней власти.

Коррупция на государственной службе — это сложная и многогранная проблема, которая затрагивает многие страны,

включая Германию и Францию. Хотя обе страны имеют относительно низкий уровень коррупции по сравнению с другими государствами, случаи коррупции все же имеют место. Ниже в статье, мы более подробно рассмотрим вопросы борьбы с коррупцией в данных странах, поскольку институт профессионального государственного чиновничества первоначально имел место во Франции и Германии, в которых были сформированы основные элементы континентальной модели государственной службы: нормативная регламентация, централизация, жесткая иерархия и унификация.

В отличие от Франции и Германии, Англия гораздо дольше обходилась без профессиональной государственной службы в современном смысле этого слова. Ее место занимала полулюбительская администрация с нерегулярным характером материального вознаграждения. Гражданская служба рассматривалась как «почетная обязанность благородных людей», а должности - как собственность держателей королевских патентов (они продавались, дарились и нередко передавались по наследству)¹.

Имевшееся отличие было обусловлено географическими и историческими причинами, вследствие которых в Великобритании сформировалась децентрализованная система управления с развитым местным самоуправлением, на уровне которого традиционно решалось большинство практических вопросов.

Сформировавшаяся модель государственной службы была распространена, в целом, на англосаксонские страны, в том числе и на США, где принцип самоуправления получил еще более углубленную реализацию, чем в Великобритании. Бюрократическая система США также выделила еще одну особенность американской разновидности англосаксонского вида государственной службы - это

¹ Крозье М. Организационные изменения в системе государственного управления // Государственная служба. Общие проблемы. Зарубежный опыт. – М.: РАГС, 1994. Вып. 1. – 124 с.

появление принципа «добыча - победителю», что означало предоставление отдельных высших должностей в госаппарате США представителям победившей на выборах партии.

Таким образом, на основании классификации видов государственной службы можно выделить 4 основные модели государственной службы, существующие в современных зарубежных странах (существующая связь организации государственной службы с государственным устройством позволяет различать государственную службу в унитарных и федеративных государствах):

- для унитарных государств:

1. Рациональная централизованная закрытая модель (французская модель);

2. Относительно децентрализованная открытая модель (английская модель);

- для федеративных государств:

3. Рациональная относительно децентрализованная закрытая модель (германская модель);

4. Децентрализованная открытая модель (американская модель) [11, с. 94].

Кратко рассмотрим каждую модель из представленной классификации.

1. *Рациональная централизованная закрытая модель* применяется во Франции. Данная модель сформировалась во время Французской революции, её главными чертами являются служебная централизация, дисциплина и «кастовость» служащих. Данную модель характеризуют высокий уровень централизации; конкурсный отбор кадров на госслужбу; учебные заведения готовят государственных служащих.

К наиболее характерным признакам следует отнести:

1) иерархическая «пирамидальная» организация системы государственной службы с четкой, нормативно установленной

компетенцией каждого уровня государственной службы и твердо закрепленными принципами должностной субординации;

2) осуществление всей внутриорганизационной деятельности на основе формальных, нормативно закрепленных процедур;

3) конкурсная система отбора кадров для государственной службы;

4) «элитарность» государственной службы, которая при конкурсной системе отбора поддерживается за счет «образовательной монополии» нескольких учебных заведений на подготовку государственных служащих;

5) высокий социальный статус госслужащего, большое значение репутационных механизмов и норм профессиональной этики;

6) система гарантий правовой и социальной защищенности служащего (в том числе усложненной процедуры его увольнения);

7) зависимость карьерного роста, заработной платы и льгот от стажа службы, и должности;

8) преобладание на государственной службе узкоспециализированных специалистов (с юридическим, экономическим или техническим образованием)¹.

К числу основной особенности сформировавшейся во Франции модели государственной службы следует отнести влияние интенсивного процесса централизации, завершившегося намного раньше, чем в других европейских государствах.

Суть французской модели государственной службы — это «закрытая» и подробно регламентированная система администрирования с присущим ей духом строгой должностной иерархии, кастовость и верноподданность государству. Периодически в нее вносились определенные коррективы, но основополагающие принципы изменению не подвергались. В

¹ Старовойтов А.В. Реформирование российской государственной гражданской службы и опыт зарубежных стран. — М.: Фонд «Развитие парламентаризма в России», 2003. — 117 с.

середине XIX века была создана система социального обеспечения государственных служащих.

К числу недостатков французской модели можно отнести несменяемость кадров, которая ведет к инерционности и недостаточной мобильности государственного аппарата, что может особенно негативно проявиться в периоды политических, социальных и экономических перемен. Кроме того, система гарантированной от риска карьеры зачастую поощряет посредственность, препятствуя выдвижению активных и харизматичных людей (этому способствует при подобной системе неизбежный приоритет стажа над деловыми качествами). Таким образом, система закрытой карьеры в современных условиях не всегда является эффективной.

Вопросы коррупции в государственных учреждениях Франции остаются актуальной проблемой, несмотря на принятые меры по борьбе с ней. В стране существуют механизмы профилактики и расследования коррупционных преступлений, однако случаи коррупции периодически выявляются в различных сферах, включая государственное управление, строительство и здравоохранение.

Коррупция на государственной службе во Франции, как и в других странах, может проявляться в различных формах, включая взяточничество, злоупотребление служебным положением, мошенничество и другие неправомерные действия. Однако уровень коррупции в этих странах в целом считается низким по сравнению с другими регионами. Рассмотрим основные проявления коррупции во Франции: а) взятки и откаты - хотя это менее распространено во Франции, случаи получения взяток или откатов могут происходить в контрактах на государственные поставки или услуги; б) злоупотребление служебным положением, которое может проявляться в использовании служебного положения для получения личных выгод, таких как назначение на выгодные должности или распределение государственных средств; в) вопросы лоббирования интересов - хотя лоббизм является легальной практикой, его

злоупотребление может привести к коррупционным схемам, когда интересы частных компаний ставятся выше общественных; г) непрозрачность в принятии решений – данный фактор в процессах принятия решений может создать условия для коррупции, когда граждане не могут контролировать действия государственных служащих.

Давайте рассмотрим факторы, которые позволяют снизить коррупцию:

1. Сильные институты и правоприменение: Франция имеет развитую правовую систему и независимые судебные органы, что способствует наказанию за коррупционные действия.

2. Прозрачность и отчетность: Законы о доступе к информации и обязательства по отчетности помогают обеспечить прозрачность в действиях государственных органов.

3. Гражданское общество и СМИ: Активное гражданское общество и независимые СМИ играют важную роль в выявлении и освещении случаев коррупции, что способствует общественному контролю.

4. Образование и этика: Программы по повышению осведомленности о коррупции и обучению этике служащих помогают формировать антикоррупционную культуру.

5. Международное сотрудничество: Франция участвует в международных соглашениях по борьбе с коррупцией, что способствует обмену информацией и лучшими практиками.

6. Электронное правительство: Внедрение цифровых технологий в государственные процессы снижает возможности для коррупции, так как автоматизирует процедуры и делает их более прозрачными.

Эти факторы в сочетании помогают поддерживать низкий уровень коррупции и способствуют более эффективному и честному управлению во Франции.

В целом, уровень коррупции считается умеренным, и французские власти активно работают над повышением прозрачности и укреплением антикоррупционных мер.

2. *Относительно децентрализованная открытая модель* применяется в Великобритании. После масштабной реформы унифицирования системы государственной службы 1854 г., кадровая политика претерпела изменения, а именно были внедрены конкурсные экзамены. На исходе XX века, в период премьерства М. Тэтчер была сформирована концепция под наименованием «следующие шаги», основной целью которой являлось внедрение «нового менеджизма», то есть рыночных механизмов и стимулов в практику госслужбы. В целом, данная программа была признана не соответствующей потребностям общества, современным требованиям к госслужбе и благоприятному общественному имиджу, и по этим причинам она не вызвала должного энтузиазма у основной массы служащих.

Между тем, децентрализованную открытую государственную службу характеризуют следующие особенности:

- отсутствие единой четко организованной системы органов исполнительной власти, создание органов *ad hoc*, для решения конкретной задачи, с поручением им в последующем сходных по содержанию задач;
- недостаточное нормативно-правовое регулирование служебных отношений, что во многом предопределено господством системы общего права с особой ролью прецедента;
- принятие административных решений с максимальным учетом всей совокупности факторов, исходя из текущей ситуации, а не из предписаний правовых норм;
- гибкая конкурсная система отбора претендентов на государственную службу;
- наличие зависимости оплаты труда и продвижения по службе от результатов работы государственного служащего;

- преобладание специалистов общегуманитарного профиля (дженералистов).

3. *Рациональная относительно децентрализованная закрытая модель* формировалась на протяжении нескольких столетий и даже сегодня используется в Германии. Основное влияние на германскую довоенную администрацию оказала прусская модель государственной службы, сформировавшаяся в результате реформы Фридриха Вильгельма I в 1728 г.

Германия, как и Франция, относится к странам с богатейшими бюрократическими традициями.

Более позднее формирование централизованного государства в Германии предопределила наличие в государствах, существовавших до 70-х годов XIX в. на территории современной Германии, собственных систем государственной службы - как правило, более открытых и демократичных, чем в Пруссии. Это явилось предпосылкой для создания в Германии после Второй мировой войны федеративного государства и относительно децентрализованной системы государственной службы. Кроме того, в послевоенный период была устранена фундаментальная основа прусской бюрократии - ее претензии на независимость и надпартийность. Современное развитие государственной службы в Германии основывается на направляющем воздействии политических партий и широком развитии института политических назначений (принципов партийного «патронажа»).

К наиболее существенным чертам современной модели германской государственной гражданской службы относятся:

- 1) высокая роль политических назначенцев в системе государственной службы, особенно в процессе выработки стратегических управленческих решений;

- 2) четкая организация системы государственной службы с нормативно установленной компетенцией каждого уровня управления (вплоть до разделения компетенции по принятию и

исполнению решений) и установленными принципами должностной субординации;

3) осуществление всей внутриорганизационной деятельности на основе формальных, нормативно закрепленных процедур;

4) сложная, многоступенчатая система отбора кадров для государственной службы из числа выпускников высших учебных заведений с наилучшей успеваемостью (государство имеет приоритет в наборе кадров перед частным сектором);

5) высокий социальный статус госслужащего, большое значение норм профессиональной этики, существование института почетного чиновника;

6) система гарантий правовой и социальной защищенности служащего, принцип «пожизненного назначения»;

7) зависимость карьерного роста, заработной платы и льгот от стажа службы, и должности.

Институт верности чиновника государству играет столь значительную роль в германской госслужбе еще и потому, что ему корреспондирует обязанность государства заботиться о чиновнике. Употребляемый для обозначения оплаты труда чиновника термин «*alimention*» отражает эту специфику, поскольку означает «содержание». Иными словами, государство оплачивает не труд, а функцию чиновника. Система несет в себе элемент своеобразной ренты, поскольку не только охватывает пенсионный период жизни чиновника, но также распространяется и на остающихся после его смерти иждивенцев.

Также следует сказать, что государственная служба в Германии отличается высокой эффективностью, престижем и уважением среди населения, в связи с чем для адаптации государственной службы к изменяющимся условиям современного мира была выбрана тактика «большого качественного скачка посредством маленьких шагов». Среди таких шагов отмечается децентрализация гражданской службы, дивергенция статуса государственных служащих,

переориентация государственной службы на «сервисные» отношения с гражданами.

Нельзя не отметить тот факт, что Германия считается одной из стран с низким уровнем коррупции в государственных структурах, поскольку страна обладает развитой системой контроля, прозрачности и строгими законами, направленными на предотвращение коррупционных проявлений.

Тем не менее, периодически возникают отдельные случаи коррупции, особенно в сфере бизнеса и муниципальных органов, но их количество значительно ниже по сравнению с многими другими странами. В целом, по уровню коррупции Германия занимает высокие позиции в международных индексах восприятия коррупции, однако это не исключает наличие проблем. Коррупция в основном проявляется в виде взяток, мошенничества и злоупотребления служебным положением. Сферы ее проявления можно выделить в следующих отраслях: а) государственные контракты, в которых коррупция может возникать при заключении контрактов на выполнение государственных работ, когда компании могут подкупать чиновников для получения выгодных условий; б) лоббизм, хотя лоббизм законен, иногда он может переходить в коррупционные практики, когда интересы частных компаний оказывают чрезмерное влияние на государственные решения; в) политическая коррупция. В отдельных случаях политики могут быть вовлечены в коррупционные схемы, связанные с финансированием партий или выборами. Однако в Германии существуют и механизмы борьбы с коррупционными проявлениями. Так, к примеру Германия, имеет строгие законы против коррупции и активно работает над их соблюдением, а также существуют специальные органы, такие как Федеральное управление уголовной полиции, которые занимаются расследованием коррупционных дел.

В целом, в Германии существует высокая степень доверия к государственным институтам, что свидетельствует о низком уровне коррупции.

Завершая тему о так называемой континентальной системе государственной службы, следует сказать, что к особенностям романо-германской системы следует отнести большое влияние административно-правовой системы, усиливающей тенденцию к кодификации норм, стремление к простоте и точности, реструктуризация госаппарата, увеличение открытости госслужбы и расширение области применения конкурсных мероприятий при поступлении на госслужбу, переход к более демократическим механизмам отбора кадров (которое прослеживается в отказе от формальных подходов к предоставлению государственных должностей).

4. *Децентрализованная открытая модель* применяется в Соединенных Штатах Америки. В историческом аспекте деятельность органов местного самоуправления и государственной власти штатов предшествовала деятельности федерального правительства. Благодаря этим факторам в США можно наблюдать устоявшиеся традиции федерализма и самоуправления. Практически до 60-х годов XIX века в США на федеральном уровне практически отсутствовала профессиональная бюрократия в европейском понимании и значительное распространение получило введенное в 1829 году президентом Э. Джексоном государственно-кадровая формула «victor's spoils system» («добыча победителю»), согласно которой должности получали представители победившей партии.

Последовавшие в XIX в. этапы индустриального и социального развития и централизация государственного управления привели к активному росту профессионализации государственной службы. Большую популярность в конце XIX — начале XX в. получила точка зрения о необходимости введения в США «рациональной» модели государственной службы европейского образца. В 1883 г. в соответствии с законом Пендлтона была введена единая система должностей, окладов и квалификационных экзаменов для значительной части государственных служащих, что нанесло удар по «victor's spoils system». Актом прямого ограничения

политической деятельности государственных служащих стал закон Хэтча, принятый Конгрессом в 1939 г., который запретил им участвовать в избирательных кампаниях в любом качестве, а также использовать свое служебное положение в интересах какой-либо политической партии.

Соответственно, к основным чертам сложившейся модели государственной службы в США следует отнести:

1) высокую роль политических назначений в системе государственной службы - особенно на тех должностях, где принимаются ключевые стратегические решения;

2) наличие «системы заслуг»: оплата труда и продвижение по службе полностью зависят от результатов работы государственного служащего;

3) упрощенные процедуры увольнения госслужащих, поощрение высокой мобильности государственных служащих;

4) значительная степень децентрализации системы государственной службы, что обусловлено наличием, как федеральной государственной службы, так и государственной службы субъектов федерации (законы штатов о государственной службе совпадают в общих чертах друг с другом и с законами федерации);

5) незначительная унификация государственной службы: существуют публичные служащие, под которыми понимаются все работающие по найму в учреждениях США, правительственные служащие - высшие политические назначенцы, гражданские служащие - профессиональные несменяемые чиновники, составляющие до 60% госслужащих;

6) важное внимание уделяется проблемам этики государственных служащих.

К особенностям англо-саксонской системы госслужбы следует отнести существенную роль административного права, поскольку в этих странах юридические нормы развивались с превалирующим значением судебной практики и неписанных норм.

Кроме того, характерным является унифицирование госслужбы, формирование комплексности государственного аппарата и повышение значимости законов в сфере государственной службы.

Указанные особенности государственной службы являются результатом ее системного реформирования, которое носит постоянный характер и является неотъемлемой частью всех административно-государственных преобразований. Это особенно заметно в условиях перехода от традиционных форм государственного управления к более современным формам, к «модерну», как это было, например, в конце XX века в развитых странах Западной Европы и США, где на практике стала активно осуществляться теория «нового государственного управления».

Согласно этой теории, суть реформирования госслужбы заключается в том, что государство делегировало часть осуществлявшихся им функций рыночным структурам. Оставляя за своим аппаратом главные стратегические функции, оно должно было выступать в качестве такой организации, основным принципом управления которой, являлся сервисный подход к оказанию государственных услуг. Таким путем государство добивалось обеспечения большей эффективности, гибкости, прозрачности, более тесной связи с гражданами-потребителями государственных услуг.

На практике теория «нового государственного управления» является основой для новых моделей реформирования госслужбы. В частности, представляется возможным выделить следующие основные модели государственной службы («рыночная», «гибкая» и «дерегулированная»), сущность которых состоит в следующем.

Модель «рыночной госслужбы» предполагает, что государство, как «сервисный центр», предоставляет соответствующие услуги и определяет исчерпывающие обязательства, дифференцированные по сферам и уровням государственного управления. Это позволяет

обеспечивать подготовку граждан с соответствующей квалификацией и доступ к разработке механизмов внутригосударственного и гражданского контроля, а также к оценке качества выполнения государственных услуг.

Модель «гибкой» государственной службы предусматривает назначение на должность на основе заслуг для всех должностей, а также организацию подбора и отбора персонала на основе заслуг, позволяющих достигнуть критерия «универсальности отбора». «Гибкость» в данном случае состоит в том, что каждый кандидат может претендовать на занятие любой должности на государственной службе. В международной практике она считается одной из наиболее эффективных моделей.

Модель «дерегулированной» государственной службы позволяет привлечь открытым способом новые кадры на гражданскую службу. Это означает, что критерии отбора новых кадров основываются на имеющемся у кандидатов опыте управленческой работы и открытости конкурса на замещение вакантных должностей лицами, не находящимися на госслужбе.

Что касается видовой классификации, что все системы государственной службы, существующие в мире, можно разделить на три вида: кадровую, контрактную и смешанную.

Кадровая государственная служба предполагает длительное (вплоть до пожизненного) нахождение на ней, при этом правовой статус госслужащих значительно отличается от статуса прочих наемных работников. Госслужащие отличаются меньшей мобильностью, в их число достаточно сложно попасть. Такие системы действуют в ряде стран, где существует так называемое традиционное понятие чиновничества, например, Германии и Франции. Статус чиновника при этом несет в себе как преимущества (например, в Германии чиновники не могут быть уволены, а лишь переведены с одного места работы на другое), так и недостатки (как пример – отсутствие в Германии права на забастовку).

Таким образом, можно отметить, что в борьбе с коррупцией в обеих странах предпринимаются активные меры, и уровень коррупционных проявлений в Германии значительно ниже, чем во Франции. В обеих странах важную роль играет законодательство, контроль и общественный контроль за деятельностью государственных органов.

Контрактная разновидность системы государственной службы по своему характеру приближена к обычному пониманию трудоустройства и работы. При такой системе госслужащие фактически являются менеджерами, руководителем которых выступает государство в лице конкретного госоргана, обладающего широкими полномочиями по решению всех вопросов взаимоотношений с госслужащими. Правовой статус госслужащего во многом похож на статус работников частных компаний (разумеется, существуют и исключения – скажем, совершенно иным правовым статусом обладают военнослужащие и ряд других специфических категорий). Контрактная система характерна, прежде всего, для США.

Смешанная разновидность государственной службы характерна для Российской Федерации, которая заимствует черты различных систем. Разумеется, в системе госслужбы наиболее часто воспроизводятся полезные заимствования.

Как показывает анализ моделей государственной службы, он во многом условен: хотя госслужба каждой отдельной страны относится к какой-либо одной модели, она, как правило, сочетает в себе отдельные элементы других моделей госслужбы.

Существует и другие классификации, которые возможно дифференцировать по организационно-правовой структуре, как романо-германская (карьерная) и англо-саксонская (позиционная) модели государственной службы, шариатские (исламские страны), восточно-азиатские или элитные (страны Азиатско-Тихоокеанского региона) модели. Последняя ориентирована на высокой материальной мотивации госслужащих и постоянный контроль со

стороны общества. В КНР и Кубе госслужба основывается на принципах партийности, номенклатуры, административной иерархии и централизма (подобный опыт практиковался в бывшем СССР).

Между тем, воздействие на развитие государственной службы оказывают не только особенности отдельных стран, но и объективные факторы общественного развития. Качественные, глубинные изменения общественных отношений приводят к коренным изменениям системы государственного управления в мире, предъявляют новые требования к государственным служащим и определяют, таким образом, объективные тенденции развития государственной службы.

В данном контексте следует учитывать и криминогенные факторы коррупционной направленности, поскольку их наличие и всевозможные проявления, особенно в системе государственной службы, вызывают особую озабоченность и необходимость принятия мер государственного реагирования.

Тесная и неотъемлемая связь качественных скачков в развитии общества и изменения моделей государственной службы проявляется в том, что «волны» реформирования государственной службы приходились именно на период глубинных социально-экономических изменений. Так, появление «рациональной» модели государственной службы приходится на конец XVII - начало XVIII века и не может быть отделено от процессов формирования централизованных государств и абсолютных монархий. Реформы государственной службы 50-80-х годов XIX века (в Великобритании, Германии, США, России, Японии и др.) связаны с завершением стадии индустриализации и переходом на стадию империализма. Масштабные изменения государственной службы в 70-х годах XX века обусловлены переходом к постиндустриальной цивилизации, в корне меняющей картину взаимоотношений государства, общества и индивида и предъявляющей новые требования к государственной службе.

Начало последней волны реформирования государственной службы приходится на конец XX - начало XXI века. Реформа государственной службы стала приоритетом для многих государств, не желающих безнадежно отстать в развитии. Они, как правило, осуществляют реформы, заимствуя отдельные элементы гражданской службы у наиболее развитых стран и пытаясь использовать их с учетом национальных особенностей.

Основной целью реформы государственной службы, как правило, является стремление решить текущие проблемы страны и обеспечить в обозримой перспективе соответствие государственной службы потребностям быстро меняющегося глобализирующегося мира. И самое главное – это нивелировать угрозы криминогенного характера, которые могут проявляться в совершении коррупционных правонарушений.

В связи с этим, практически во всех государствах, реформирующих в настоящее время свою государственную службу, прослеживаются одни и те же тенденции.

Среди основных направлений реформирования государственной службы на современном этапе можно выделить:

1) поиск баланса между ролью политических назначений в системе гражданской службы и профессиональной внепартийной бюрократией, динамизмом государственной службы и ее стабильностью;

2) усиление политической составляющей при принятии решений на высших уровнях гражданской службы (в США, Франции, Китае и других странах - за исключением, пожалуй, Германии, где эта составляющая и так достаточна велика);

3) ориентация государственной службы на оказание услуг гражданам и обществу (наряду с исполнением государственных функций);

4) децентрализация исполнения решений и системы государственной службы в целом (Франция, Венгрия, Китай, Нидерланды, Новая Зеландия, Великобритания, Италия и др.);

5) усиление открытости государственной службы, ее «отзывчивости» на потребности и интересы граждан и общества;

6) повышение внимания к культурным и морально-этическим аспектам государственной службы;

7) «менеджеризация» государственной службы, внедрение некоторых рыночных принципов оценки деятельности государственных служащих (Великобритания, Италия, Нидерланды, Новая Зеландия и др.), создание неправительственных структур, заключающих с правительством на конкурсной основе контракт на исполнение той или иной государственной функции или оказание услуги;

8) расширение сферы проведения конкурсных экзаменов-как при занятии должности, так и при продвижении по службе;

9) сокращение численности гражданских служащих, их льгот и привилегий при одновременном повышении заработной платы и введении прогрессивной шкалы ее роста в зависимости от результатов работы (Великобритания, Нидерланды, Южная Корея, США).

Вместе с тем, каждое государство имеет свои особенности в социально-экономическом устройстве, национальной философии, веровании, традициях. В то же время прослеживаются и общие черты, которые их сближают в политической, культурной и иной сфере. По этой причине существующие модели государственной службы разных стран могут взаимно адаптировать те или иные принципы ее организации, например, в таких вопросах, как отбор кадров, обучение, продвижение по службе. Принцип жесткого конкурсного отбора госслужащих всех уровней в «позиционной» модели позволяет создать тип профессионального управленца, администратора широкого профиля и используется в целом ряде стран.

Таким образом, государственная служба, являясь одним из видов социальной деятельности людей, развивается самостоятельно в каждом государстве, опираясь на исторически сложившиеся

обычаи и традиции конкретного общества, при этом сочетая в себе другие зарубежные практики.

Основные выводы.

Зарубежный опыт государственной службы позволяет не только улучшить и модернизировать систему государственного управления, но и способствует созданию условий, при которых не допускалось бы совершение коррупционных правонарушений. Это обусловлено тем, что государство заинтересовано в усилении открытости государственной службы, ее потребности и интересы граждан и общества.

На основе данных и аналитических отчетов до октября 2023 года можно сделать следующие выводы о борьбе с коррупцией и ее проявлениях в указанных странах, а также о их позициях в индексе восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI):

1. Франция:

- **Уровень коррупции:** Франция занимает промежуточные позиции в рейтинге CPI, с рейтингом обычно в диапазоне 20-25, где 0 — наиболее коррумпированное, 100 — очень чистое.

- **Борьба с коррупцией:** Приняты меры по повышению прозрачности, борьбе с отмыванием денег и развитию антикоррупционных институтов. Однако коррупционные проявления в области политики, государственных закупок и бизнеса иногда продолжают иметь место.

- **Особенности:** Франция сталкивается с вызовами в сфере политической прозрачности и сектора общественных закупок.

Изучение и заимствование зарубежного опыта государственной службы должно проводиться каждым государством с учетом национальных интересов и местных реалий с целью нейтрализации различных криминогенных факторов, прежде всего, порождающих или создающих условия для совершения коррупционных правонарушений;

2. Германия:

- **Уровень коррупции:** Германия обычно входит в топ стран с высоким уровнем честности, с рейтингом около 80-85 в

CPI. • Борьба: Страна активно борется с коррупцией с помощью строгого законодательства, прозрачных процедур и сильных институтов надзора. Публичные отчеты и контроль за финансированием партий помогают снижать уровень коррупционных проявлений;

3. Нидерланды: • Уровень коррупции: Обычно занимает одни из лучших позиций — 80-90 в CPI, что свидетельствует о высокой степени прозрачности и низкой коррупционной активности. • Борьба: Активные меры по обеспечению прозрачности, сильная судебная система и высокая гражданская активность помогают держать коррупцию под контролем;

4. Южная Корея: • Уровень коррупции: В прошлом Южная Корея имела проблемы с коррупцией, однако за последние годы показатели значительно улучшились. В CPI ее рейтинг обычно в диапазоне 50-60. • Борьба: Правительство внедряет реформы, усиливает контроль и привлекает внимание к борьбе с коррупцией через антикоррупционные агентства. Тем не менее, некоторые высокопоставленные скандалы периодически выходят на поверхность;

5. США:

Уровень коррупции: США занимают позицию в диапазоне 70-75 в CPI, показывая относительно низкий уровень восприятия коррупции по сравнению с многими странами. Ведутся регулярные усилия по повышению транспарентности, борьбе с корпоративными и политическими коррупционными схемами, однако отмечаются скандалы и обеспокоенность финансированием политических кампаний, что иногда ослабляет восприятие власти.

В целом, в странах с развитой демократией и сильными институтами уровень коррупции, как правило, низкий, поскольку высокий уровень прозрачности и эффективности правовых механизмов способствует снижению коррупции.

В то же время, ни одна страна полностью не избавилась от проявлений коррупции, особенно в сложных структурных или

политических сферах. Постоянный мониторинг и реформы необходимы для поддержания и повышения уровня чистоты государственных и бизнес-систем.

При этом, необходимо учитывать, что индексы и позиции в большинстве случаев отражают восприятие коррупции, а не обязательно объем фактических ее проявлений.

**ШОМИРЗАЕВ САХОДУЛЛА
ХАСАНБОВЕВИЧ**

Хукуқни муҳофаза қилиш академияси
доценти, ю.ф.ф.д. (PhD), доцент

**КОРРУПЦИЯГА ҚАРШИ КУРАШИШДА КАДРЛАРГА ОИД
КОРРУПЦИЯВИЙ ХАВФЛАРНИ БОШҚАРИШ
МАСАЛАЛАРИ**

***Аннотация:** Ушбу мақолада коррупциявий хавфларни бошқаришда кадрларга масалаларга халқаро-ҳуқуқий асослардан келиб чиқиб, мазкур йўналишдаги муаммоларни ҳал этишининг йўллари ва аҳамияти ёритилган.*

***Аннотация:** Данная статья посвящена к кадровым вопросам в сфере управления коррупционными рисками исходя международно-правовых основ а также пути и важность решения вопросов в этой сфере.*

***Abstract:** This article is devoted to human resource issues in the field of corruption risk management based on the international legal framework, as well as the ways and importance of resolving issues in this area.*

***Калим сўзлар:** коррупциявий хавф, хавфни баҳолаш, кадрлар билан ишлаш, назорат рўйхати, мансабдор шахс, манфаатлар тўқнашуви, кадрлар сиёсати, касбий ҳуқ-атвор.*

***Ключевые слова:** коррупционный риск, оценка риска, штатное расписание, контрольный перечень, должностное лицо, конфликт интересов, кадровая политика, профессиональное поведение.*

***Key words:** corruption risk, risk assessment, staffing, checklist, official, conflict of interest, personnel policy, professional conduct.*

Ривожланган мамлакатларда хавфни бошқариш ҳар бир соҳада шакллантирилган, бу, таъбир жоиз бўлса, касалликни даволаш эмас, уни олдини олиш чораларини кўриш ҳисобланади. Ушбу йўналишда мутахассислар томонидан тегишли тавсия ва йўриқномалар ҳам ишлаб чиқилган. Хусусан, БМТнинг Наркотик ва жиноятчиликка қарши кураш идораси томонидан яратилган коррупциявий хавфни бошқариш стратегияси ва уни пасайтириш чоралари тўғрисида бир қатор тавсиялар бунга яққол намуна сифатида кўрсатиш мумкин.

Хавфни бошқаришда уни баҳолаш биринчи қадам сифатида тан олинади. Ўз вазифаларини бажаришга жиддий қарайдиган ҳар қандай ташкилот ўз фаолиятида коррупциявий хавфлар ва уларни камайтириш қобилиятини элементар баҳолашга тайёр бўлиши керак. Коррупция хавфни дастлабки аниқлаш ва баҳолаш имкон қадар эрта амалга оширилиши, сўнгра доимий равишда уларни қайта таҳлил қилиниши ва ўрганилиши керак бўлади. Ўрганиш жараёнида ҳар қандай ташкилот ташқи ва ички кўринишдаги кўплаб коррупция хавфлар мавжудлигини инобатга олиши лозим. Бу хавфлар ўзларини турли йўللار билан ва турли даражаларда намоён қилишади.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2022 йил 11 майдаги “Давлат бошқаруви соҳасида коррупциявий хавф-хатарларни бартараф этиш механизмларини такомиллаштириш ва ушбу соҳада жамоатчилик иштирокини кенгайтириш чоратadbирлари тўғрисида”ги ПҚ-240 сон қарорининг ижроси юзасидан давлат ҳокимияти ва бошқаруви органлари ҳамда давлат улуши 50 фоиздан юқори ташкилотларнинг фаолиятида коррупциявий хавф-хатарларни мажбурий аниқлаш ва баҳолаш, коррупциявий қонунчилик ҳужжатларини такомиллаштириш, инсон омилини қисқартириш ҳамда тегишли тартиб-таомиллар ва функцияларни рақамлаштириш, шаффофликни таъминлаш, жамоатчилик назоратини йўлга қўйиш орқали муаммоларни бартараф этиш каби масалалар таҳлил қилинган.¹

¹ strategy.uz/index.php?news=1540

Мазкур масалалар орасида коррупциявий хавфларни аниқлаш ва баҳолаш муҳим ўрин тутди. Хусусан, хавфни баҳолаш - бу тезкор ва динамик жараён бўлиб, ҳар бир ташкилот ўз мақсадларига эришиш йўлидаги потенциал тўсиқларни, шу жумладан, коррупция ва фирибгарликни аниқлайди ва уларнинг таъсир даражасини таҳлил қилади. БМТнинг Наркотик ва жиноятчиликка қарши кураш идораси томонидан коррупция хавфини самарали камайтиришга тайёрлигини баҳолаш учун Коррупциянинг олдини олиш бўйича назорат рўйхати¹ ишлаб чиқилган. Назорат рўйхати ташкилотнинг коррупциянинг олдини олиш, аниқлаш ва унга қарши курашиш учун қанчалик имкониятларга эга эканлигини баҳолаб беради. Бу коррупциянинг олдини олишга қаратилган комплекс ёндашувни ишлаб чиқишда ҳар қандай ташкилотга ёрдам беришга қаратилган ўз-ўзини таҳлил қилиш воситасидир. Ушбу назорат рўйхати тўққизта, яъни коррупцияга қарши умумий чоралар, инсон ресурслари ва уларни бошқариш, молиявий менежмент, давлат харидлари бўйича кўрсатмалар, асосий инфратузилма ва қурилиш, хавфсизликни таъминлаш бўйича инфратузилма ва чоралар, хусусий секторни жалб қилиш, коррупцияни аниқлаш ва ҳуқуқни муҳофаза қилиш фаолияти, шунингдек чора қўллангандан кейинги қадамлар каби асосий бўлимлардан иборат. Унда коррупцияга қарши умумий чоралардан кейин биринчи ўринда, инсон ресурслари ва уларни бошқариш яъни кадрлар сиёсати турибди, бу эса мазкур йўналиш коррупциявий хавфларни бошқариш ва уларнинг даражасини пасайтиришда қанчалик муҳим аҳамиятга эга эканлигини кўрсатади. Бинобарин, инсон ресурсларини бошқариш ва давлат секторидаги кадр сиёсати БМТнинг Коррупцияга қарши конвенциясининг 7-моддасида ҳам келтириб ўтилган. Унда самарадорлик, ошқоралик, виждонлилик - кадрлар билан ишлашнинг асосий принциплари сифатида белгилаб берилган. Бу борада устувор йўналишлар сифатида қуйидагилар киритган:

¹https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/Major_Public_Events_Training_Materials/RU_Participant_Manual_Safeguarding_against_Corruption_in_MPE.pdf

- давлат хизматчиларини ёллашда объектив мезонлардан фойдаланиш;
- доимий ўқитиш ва малакасини ошириш имкониятларини таъминлаш;
- адолатли иш ҳақи ва давлат хизматчилари учун меҳнат шароитлари.

Бунда кадрларни танлаш ва лавозимини кўтариш бўйича тизим белгиланган стандартлар асосида ишлаб чиқирилиши, шунингдек кадрлар сиёсати тенглик, хизматга лаёқат ва қобилият тамойилларига мувофиқ олиб борилиши лозим. Кадрларни топиш, танлаш, ишга қабул қилиш ва бошқариш функцияларида ҳар қандай ташкилот, хусусан, давлат ташкилоти муҳим коррупциявий хавфларга дуч келади, жумладан, қариндошлик, манфаатлар тўқнашуви, нолойиқ ва ноқобил ходимларни ишга қабул қилиш кабилар.

Одатда, давлат бошқаруви соҳасида хавф-хатар, жумладан, коррупциявий хавфлар фақат давлат хизматчилари билан боғлиқ бўлади, қачонки бундай хавфлар амалга оширилган тақдирда бошқа мансабдор шахслар ҳам иштирок этиши мумкин.¹ Шунинг учун ҳам давлат бошқарувида коррупциявий хавфларни бошқаришда қардлар сиёсатига алоҳида эътибор берилади.

Халқаро-ҳуқуқий ҳужжатларга кўра, коррупцияга қарши курашиш, кадрларга оид коррупциявий хавфларни бошқаришда энг долзарб деб ҳисобланган тўққизта масала мавжуд:

- Кадрлар билан ишлаш;
- Ишга қабул қилиш амалиёти;
- Манфаатлар тўқнашувига йўл қўймаслик;
- Касбий стандартлар ва одоб-ахлоқ қоидалари;
- Лавозимлар, коррупцияга кўпроқ мойил бўлганлар;
- Коррупцияни олдини олиш бўйича ходимларни тайёрлаш;
- Самарали назорат;

¹Н.Д.Казакова. Ж.А.Денисова. Кадровые риски в управлении персоналом государственной гражданской службы // Власть. 2019. №2.

- Коррупция ҳолатлари тўғрисида хабар бериш;
- Интизомий чоралар.

Мазкур масалалар орасида биринчи ўринда кадрлар билан ишлашда БМТнинг Коррупцияга қарши Конвенциясида¹ қуйидагича талаблар ўрнатилган:

а) самарадорлик ва шаффофлик тамойилларига ва мукамаллик, адолат ва қобилият каби объектив мезонларга асосланади;

б) айниқса коррупцияга мойил деб ҳисобланадиган давлат лавозимлари учун кадрларни танлаш ва тайёрлаш бўйича тегишли тартибларни ва тегишли равишда ушбу лавозимдаги кадрларнинг ротациясини ўз ичига олади;

в) иштирокчи-давлатнинг иқтисодий ривожланиш даражасини ҳисобга олган ҳолда, етарли иш ҳақи тўлашга ва адолатли иш ҳақининг белгиланишига кўмаклашади;

г) бундай шахслар давлат функцияларини тўғри, виждонан ва муносиб бажаришлари учун талабларга жавоб берадиган даражада таълим ва ўқув дастурларини татбиқ этишлари, уларнинг коррупциявий хавфлар тўғрисида хабардорлигини ошириш чораларини кўришлари керак.

Мазкур халқаро-ҳуқуқий асослардан келиб чиқиб, Ўзбекистон Республикаси Коррупцияга қарши кураш агентлиги ва Адлия вазирлигининг 2022 йил 31 августдаги №3383 сон билан рўйхатга олинган қўшма қарори мавжуд, ушбу қарор билан “Давлат ҳокимияти ва бошқаруви органлари, шу жумладан уларнинг ҳудудий бўлимлари, давлат унитар корхоналар ҳамда давлат улуши 50 фоиздан юқори ташкилотларнинг фаолиятида коррупциявий хавфларни аниқлаш ва баҳолаш” услубияти тасдиқланган.

Масалаларнинг охирида эса коррупция ҳодисалари тўғрисида хабар бериш ҳам қайд этилган бўлиб, унга кўра ташкилот ўз ходимлари ва фуқароларнинг коррупция ёки манфаатлар тўқнашуви

¹ https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

тўғрисида хабар беришлари учун шароит яратиш бўйича чораларни ишлаб чиқишлари, бунда хабар берувчиларни ҳимоя қилиш механизми ҳам мавжуд бўлиши лозим бўлади. Бунда ишончли хабарни ҳимоя қилиш сиёсатининг самарадорлиги қуйидаги элементлардан таркиб топади:

1) хабар берувчи тўғрисидаги маълумотларнинг сир сақланишини таъминлаш;

2) қасос олишга, таҳдид қилишга ёки хабар берувчини таъқиб қилишга уринишларга нисбатан ҳеч қандай тоқат қилмаслик;

3) расман хабар берувчи шахснинг хатти-ҳаракатларини содиқлик намоёйиши сифатида тан олиш;

4) қабул қилинган ҳар бир хабарга мажбурий жавоб бериш.

Бу масаланинг муҳимлиги шундаки, ҳар бир хабар жиддий қабул қилиниши ва тегишли текширувдан ўтказилиши керак бўлади, чунки коррупция даъвоси ҳақида сукут сақлашнинг энг кўп келтирилган сабабларидан бири - бу ахборот берувчиларнинг ўзларининг хабарлари эътиборсиз қолдирилишига ишониши ҳисобланади.

Интизомий чораларнинг белгиланганлиги энг охиридан ўрин олган бўлсада, уларнинг ҳар қандай ташкилотнинг одоб-ахлоқ қоидалари бузилган барча ҳолатларда тизимли ва бир хилда қўлланилиши мақсадга мувофиқ. Бунда ички қоидалар ва процедураларга аниқлик киритилиши ва ташкилотнинг масъул тузилмаси коррупцияга қарши курашиш бўйича оммавий ахборот воситаларида мувозанатли ва холис ёритилишини таъминлаши лозим бўлади. Жиноий жавобгарликка тортишнинг процессуал тартиби бўлгани каби касбий хулқ-атвор нормаларини бузганлик учун ҳам, шу билан бирга коррупциявий ҳаракатлар учун ҳам мос ва натижадор интизомий жазо чораларини қўллашнинг самарали ва адолатли тартибини ишлаб чиқиши ва қабул қилиниши лозим бўлади.

KENJAEV TIMUR ISOMOVICH
associate professor/ Independent Applicant Law
Enforcement Academy of the Republic of
Uzbekistan, Doctor of Law (PhD)

LEGAL MECHANISMS FOR INDEPENDENT ANTI-CORRUPTION EXPERTISE OF DRAFT LEGISLATION: A COMPARATIVE ANALYSIS

***Аннотация:** В статье проведён комплексный сравнительно-правовой анализ механизмов независимой антикоррупционной экспертизы проектов нормативно-правовых актов, действующих в отдельных государствах СНГ. Исследование основано на изучении модельных правовых актов Содружества, национальных законов и подзаконных нормативных документов, регулирующих деятельность независимых экспертов, а также порядка проведения экспертизы и рассмотрения экспертных заключений. Особое внимание уделено сравнительной характеристике подходов Узбекистана, России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана к вопросам аккредитации экспертов, источников финансирования, процедур доступа к проектам нормативно-правовых актов и степени участия институтов гражданского общества в правотворческом процессе. Выявлены различия в правовом статусе независимых экспертных институтов, уровни их самостоятельности, а также особенности применения международных рекомендаций СНГ. Результаты исследования позволяют определить ключевые тенденции развития независимой антикоррупционной экспертизы и сформулировать предложения по совершенствованию национальных механизмов в данной сфере.*

***Abstract:** The article provides a comprehensive comparative legal analysis of the mechanisms for independent anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts in force in certain CIS countries. The study is based on an examination of model legal acts of the Commonwealth, national laws, and subordinate regulatory documents governing the activities of independent experts, as well as the procedure for conducting reviews and considering expert opinions. Particular attention is paid to a comparative analysis of the approaches of Uzbekistan, Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan to the issues of expert accreditation, sources of funding, procedures for accessing draft regulatory acts, and the degree of participation of civil society institutions in the law-making process. Differences in the legal status of*

independent expert institutions, their levels of independence, and the specifics of the application of CIS international recommendations have been identified. The results of the study make it possible to identify key trends in the development of independent anti-corruption expertise and to formulate proposals for improving national mechanisms in this area.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, независимая экспертиза, общественная экспертиза, научная экспертиза, коррупциогенные факторы, проекты нормативно-правовых актов, гражданское общество, аккредитация экспертов, сравнительно-правовой анализ, СНГ, правотворческий процесс, противодействие коррупции, международные стандарты, правовое регулирование, экспертное заключение.

Keywords: *anti-corruption expertise, independent expertise, public expertise, scientific expertise, corruption-generating factors, draft regulatory acts, civil society, accreditation of experts, comparative legal analysis, CIS, law-making process, anti-corruption, international standards, legal regulation, expert opinion*

In the course of our research on anti-corruption review mechanisms, we came to a conclusion that is shared by most researchers in this field: anti-corruption review can be broadly divided into state (official) and independent (unofficial, public) review.

This paper focuses on analyzing the existing mechanisms of independent (public) anti-corruption expertise of draft legislation used both in the Republic of Uzbekistan and in foreign countries that use similar assessment tools.

In our opinion, independent anti-corruption expertise is one of the most important mechanisms in the field of preventing corruption at the legislative level, the effectiveness of which depends on the opportunities provided to civil institutions. "The institution of independent anti-corruption expertise is designed to strengthen public control over government bodies as one of the instruments of civil society, to implement the principle of publicity and openness of the activities of state bodies and local self-government bodies"¹.

¹ Biryukov D.D. Independent anti-corruption expertise of normative legal acts. Molodoy Ucheny, No. 21 (207) / 2018. P. 335.

Our study of the chosen area has shown that anti-corruption expertise of projects, as we understand it, is mainly found in the so-called near abroad or CIS countries. In this regard, we propose to focus primarily on the international standards developed within the framework of the CIS.

For the first time in the legislative activity of the CIS, the term "unofficial" anti-corruption expertise of draft legal acts was used in Article 14, directly devoted to anti-corruption expertise of legal acts, of the 2003 CIS Model Law "Fundamentals of Legislation on Anti-Corruption Policy". According to paragraph 9 of the aforementioned article, "decisions on conducting informal anti-corruption expertise of legal acts and their drafts are made independently by anti-corruption policy entities and financed by them from their own budgets"¹.

Next, we will take a closer look at the specialized CIS Model Law of 2012 "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts." The Law devotes a separate chapter to the institution of independent anti-corruption expertise, which deals in great detail with the regulation of this area.

It is noteworthy that, unlike the CIS Model Law "Fundamentals of Legislation on Anti-Corruption Policy", where anti-corruption expertise is divided into "official" and "unofficial", the 2012 CIS Law does not provide for this division. Moreover, such terms are not used at all, and we only encounter the term "independent" anti-corruption expertise.

The 2012 law offers participating countries the following mechanisms for independent anti-corruption expertise of draft legislation²:

¹ Model Law of the CIS Member States of 15 November 2003 No. 22-15 "Fundamentals of Legislation on Anti-Corruption Policy". Official website of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States. <https://iacis.ru/public/upload/files/1/1>. Date of access: 11 December 2025.

² Model Law of the CIS Member States No. 37-12 of 17 May 2012 "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts". Official website of the Interparliamentary Assembly of Member Nations of the Commonwealth of Independent States. https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomenda. Accessed on 11 December 2025.

1) legal entities and individuals must obtain accreditation from the judicial authorities in order to be granted the right to conduct independent anti-corruption expertise. It is specifically stipulated that accreditation must be free of charge;

2) conducting reviews using their own funds, as well as budget funds, in cases provided for by national legislation;

3) professional and qualification requirements for independent experts (higher legal education, at least 5 years of practical experience, completion of a special training course in the field of anti-corruption expertise). Legal entities are required to have at least 5 employees who meet the requirements set out in the previous paragraph.

The Republic of Uzbekistan has recently taken a significant step towards the establishment and development of independent anti-corruption expertise, as evidenced by a fundamental document in this area – the 2021 decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On measures to further improve the conduct of anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts."

It was this decision by the President of the Republic of Uzbekistan that marked the beginning of the establishment of independent anti-corruption expertise in Uzbekistan. According to this decision:

from 1 January 2022, the right to conduct scientific and independent anti-corruption expertise of draft legislation is granted to representatives of scientific organizations and higher education institutions, as well as to individuals who are independent experts;

the Ministry of Justice is responsible for maintaining the Register of Experts for Conducting Anti-Corruption Expertise of Legislative Acts and Drafts, and is authorized to develop and approve requirements for the formation and maintenance of this Register;

"Conclusions based on the results of scientific and independent anti-corruption expert reviews of regulatory legal acts and drafts thereof are subject to mandatory consideration by the relevant state bodies and organizations, and a report compiled based on the results of their

consideration is sent to the persons who conducted the expert review and to the Ministry of Justice"¹ .

In Uzbekistan, the following requirements are established for:

a) independent experts:

citizenship of the Republic of Uzbekistan;

higher education;

at least 5 years of work experience in the field;

knowledge and skills in the field of preventing and combating corruption;

b) scientific experts:

citizenship of the Republic of Uzbekistan;

higher education;

work in a scientific organization and/or higher education institution with at least 5 years of work experience in the field and a scientific degree and/or scientific title.

Exceptions in Uzbekistan are:

employees of state authorities and administration, law enforcement and supervisory bodies;

persons who have been declared legally incompetent or incapacitated by a court decision that has entered into force;

persons with an unexpunged or unextinguished criminal record for committing an intentional crime;

persons who are under investigation, preliminary investigation or judicial proceedings².

Thus, the institution of non-governmental anti-corruption expertise of draft legislation in Uzbekistan began to function in 2022 and takes the form of scientific and independent expertise. The expertise is carried out

¹ Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. PP-5263 of 22 October 2021 "On measures to further improve the anti-corruption review of regulatory legal acts and their drafts". National Legislation Database, 18 March 2022, No. 06/22/89/0227. (<https://lex.uz/ru/docs/5691404>).

² Order of the Minister of Justice of the Republic of Uzbekistan dated 2 February 2022 No. 2-mkh "On approval of the Regulations on the procedure for forming and maintaining a register of experts on anti-corruption expertise of legislative acts and their drafts". National database of legal information, 02.02.2022, 10/22/3347/0094-son. (<https://lex.uz/ru/docs/5846637>).

exclusively by individuals listed in the Register of Experts at their own expense and/or at the expense of customers, which may be either state or non-state organizations.

It is important to emphasize the significance of having and improving mechanisms for conducting independent anti-corruption expertise, as many researchers in the field have pointed out. For example, experts in the field of anti-corruption policy at the National Research University Higher School of Economics R.O. Dolotov and D.V. Krylova emphasize that "the development of the institution of independent anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts is one of the relevant areas of interaction between the state and civil society institutions and citizens in the fight against corruption"¹.

In Russia, due to the existence of a special law in the field of anti-corruption expertise, the legal regulation of independent anti-corruption expertise of drafts begins with a legislative act. Thus, according to Article 5 of the Law on Anti-Corruption Expertise², the right to conduct independent anti-corruption expertise of draft normative legal acts is granted to civil society institutions and citizens of the Russian Federation. At the same time, it is specifically stipulated that this process is carried out at their own expense. In addition, the Law explicitly prescribes the mandatory nature and time frame for reviewing the conclusions of independent experts, as well as the criteria and exceptions for them.

Issues relating to independent experts' access to draft regulatory legal acts are set out in the Rules for Conducting Anti- y Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts. In accordance with these Rules, "in order to ensure the possibility of conducting an independent anti-corruption review state bodies and organizations that

¹ Dolotov R. O., Krylova D. V. Prospects for improving the effectiveness of the institution of independent anti-corruption expertise. Journal of Russian Law. 2019. No. 10. P. 164.

² Federal Law of the Russian Federation No. 172-FZ of 17 July 2009 "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts." Official Internet Portal of Legal Information of Russia. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102>. Date of access: 11 December 2025.

develop draft regulatory legal acts shall publish these drafts on the website regulation.gov.ru"¹.

Independent experts, in turn, send their conclusions in written or electronic format to the organizations that developed the drafts, as well as copies of these conclusions to the judicial authorities.

The conclusions of independent experts are advisory in nature and must be reviewed within 30 days. Following the review of the conclusions, independent experts receive a response containing substantiated information on whether their comments and proposals have been taken into account or rejected.

According to the Administrative Regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation on the provision of public services for the accreditation of legal entities and individuals², the following criteria have been established for independent experts:

a) for individuals:

citizenship of the Russian Federation;

higher education;

at least 5 years of work experience in the field;

b) for legal entities:

at least 3 employees who meet the requirements for individuals.

Exceptions are:

a) individuals who have an unexpunged or unextinguished criminal record, dismissal (removal from office) for committing a corruption offence with entry in the register of persons dismissed due to loss of trust, as well as employees of federal executive bodies, other state bodies and

¹ Decree of the Government of the Russian Federation No. 96 of 26 February 2010 "On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts". Official Internet portal of legal information / <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres> Date of access: 11 December 2025.

² Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 57 dated 29 March 2019 "On the Approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Justice of the Russian Federation on the Provision of Public Services for the Accreditation of Legal Entities and Individuals Who Have Expressed a Desire to Obtain Accreditation to Conduct Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts as Independent Experts in Cases Provided for by the Legislation of the Russian Federation." Official Internet portal of legal information / <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?searchres=&x=0&y=0&bpas7>. Date of access: 11 December 2025.

organizations, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, and local government bodies;

b) legal entities – international and foreign organizations, as well as non-profit organizations performing the functions of a foreign agent.

The main difference between the system of anti-corruption expertise of draft legislation in Russia and Uzbekistan is the possibility of involving both individuals and legal entities in this process, as well as the existence of a directly applicable law that provides for general concepts, review periods, requirements for independent experts, and exceptions in the selection process.

The Kazakh experience has certain features that suggest a lack of complete independence of experts, as well as a significantly limited list of objects for review. First of all, it should be noted that Kazakhstan uses the concept of "scientific anti-corruption expertise". Regarding our conclusion about the lack of independence and the existence of limitations, the following should be noted.

Scientific anti-corruption expertise is mentioned both in the Law "On Combating Corruption", where it is referred to as a countermeasure, and in the Law "On Legal Acts", where we can find restrictions on the subject of expertise. Thus, , scientific anti-corruption expertise does not apply to draft "normative resolutions of the Parliament of the Republic of Kazakhstan and its Chambers, normative legal decrees of the President of the Republic of Kazakhstan, normative resolutions of the Constitutional Council and the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, as well as normative legal acts, determined by the Government of the Republic of Kazakhstan in agreement with the Administration of the President of the Republic of Kazakhstan"¹ .

However, this list is not exhaustive; broader restrictions are contained in the Rules for Conducting Scientific Anti-Corruption Expertise, approved by the Government. For example, the restrictions

¹ Law of the Republic of Kazakhstan dated 6 April 2016 No. 480-V ZRK "On Legal Acts". Information and Legal System of Regulatory Legal Acts of the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000480#z14>. Date of access: 11 December 2025.

provided for in the Law are supplemented by draft legal acts of the Chairman of the Security Council of Kazakhstan and acts on the recognition of normative legal acts as invalid, as well as normative legal acts on:

"the establishment of polling stations and the determination of locations for the placement of campaign materials;

the formation, abolition and transformation of administrative-territorial units, the establishment and change of their boundaries and subordination, their names and renaming;

approval of qualification requirements for administrative state positions"¹ and others.

With regard to the presence of signs of dependence, it should be borne in mind that the Agency of the Republic of Kazakhstan for Combating Corruption is responsible for organizing scientific anti-corruption expertise of draft normative legal acts, and the coordination of the expertise is carried out by a scientific institution or higher education institution determined in accordance with the procedure for public procurement. All funding for the examination is provided from the republican budget.

In Kazakhstan, as in Uzbekistan, only individuals who meet the following criteria can act as experts:

"higher education;

at least 5 years of work experience in the field in which they intend to act as an expert, or at least 3 years if they have a candidate of sciences, doctor of sciences, PhD or doctorate degree in the field in which they intend to act as an expert"².

Exceptions are persons who have:

¹ Rules for conducting scientific anti-corruption expertise of draft normative legal acts, approved by Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 451 dated 16 July 2020. Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/r>. Date of access: 25.04.2022.

² Rules for conducting scientific anti-corruption expertise of draft normative legal acts, approved by Resolution of the Government of the Republic of Kazakhstan No. 451 dated 16 July 2020. Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/r>. Date of access: 25 April 2022.

an unexpunged or unextinguished criminal record;
an administrative penalty for committing an administrative corruption offence within the last three years;
dismissal for a disciplinary offence discrediting the civil service;
a conviction for a corruption offence¹.

To be included in the register of experts, candidates must pass a competitive selection process (testing and interview), which is organized and conducted by a scientific institution or higher education institution (currently Al-Farabi Kazakh National University). In accordance with the Rules for the competitive selection of experts to conduct scientific anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts, "the candidacies of experts who have passed the competitive selection are sent to the Agency of the Republic of Kazakhstan for Combating Corruption for inclusion in the register of experts for conducting scientific anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts"².

Thus, despite the recommendations of the CIS, Kazakhstan, Russia and Uzbekistan did not include the criterion of higher legal education for independent experts. There is much debate among scholars on this issue, most of whom (Khabrieva T.Ya., Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Podkatilina M.L.) argue that the quality of anti-corruption expertise is low when it is carried out by persons without legal education. Tonkov E.E. and Turanin V.Yu., while agreeing in principle with this position, cite the opinion of Andryukhina O.V. on independent experts accredited in Russia: "There are a large number of individuals with degrees in engineering (electrical engineering, aero hydromechanics, systems engineering, metallurgical engineering, etc.), medicine, musicology, etc. In this regard, the advisability of obtaining such status is unclear, and the

¹ See: Ibid.

² Order of the Chairman of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Combating Corruption No. 255 dated 12 August 2020 "On Certain Issues of Conducting Scientific Anti-Corruption Expertise of Draft Regulatory Legal Acts". Information and legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000021095>. Date of access: 25 April 2022.

quality of expert opinions from such specialists is highly questionable or limited to a narrow field of Russian law"¹ .

In this case, we suggest looking at the experience of Kyrgyzstan, which has set a criterion of higher legal education for experts. As we noted in the previous chapter, Kyrgyzstan's experience has a distinctive feature, which is the different regulation of anti-corruption expertise: separately for draft laws and separately for subordinate legislation.

In the case of draft laws, as appointed by the Committee of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic, independent expertise may be conducted by a specialist or specialists who did not participate in the development of the draft under consideration.

As noted above, unlike the countries previously considered (Kazakhstan, Russia and Uzbekistan), when specialists are engaged as experts to conduct anti-corruption expertise of draft laws in the Kyrgyz Parliament, persons with higher legal education and qualifications, as well as professional experience in the field related to the subject matter of the draft law, are engaged. "An expert opinion is one of the mandatory conditions for the consideration of a draft law at a meeting of the Committee or the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic"².

This requirement applies only in cases where experts are engaged to conduct anti-corruption expertise in Parliament. As for the general requirements for legal entities or individuals wishing to obtain accreditation to conduct anti-corruption expertise of draft normative legal acts, such persons must:

"1) have a higher education in the relevant field;

¹ Tonkov E.E. and Turanin V.Yu. On the need to develop new criteria for accrediting individuals as independent anti-corruption experts for regulatory legal acts and their drafts. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2017- No. 17 (266) Volume 41. P. 5.

² Resolution of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic dated 18 January 2008 No. 75-IV "Standards for conducting certain types of specialised expert reviews of draft laws in the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic". Centralised database of legal information of the Kyrgyz Republic. <https://cbd.minjust.gov.kg/6-6208/edition/497778/ru>. Date of access: 1 April 2025.

2) have skills and experience in developing and reviewing draft regulatory legal acts"¹. At the same time, there are no criteria for refusing accreditation to independent experts.

However, during our research, we found gaps in the legal regulation of the activities of independent experts. For example, the Instructions on the Procedure for Conducting Legal, Human Rights, Gender, Environmental, and Anti-Corruption Expert Reviews of Draft Subordinate Acts of the Kyrgyz Republic², while providing for the possibility of conducting anti-corruption expert reviews of drafts, does not clearly regulate certain issues in this area (mechanisms for engaging independent experts, financing of such activities, the procedure for reviewing expert opinions, etc.).

Perhaps these omissions were one of the main reasons for the very small number of accredited experts in Kyrgyzstan. According to data from the state register of accreditation for conducting specialized types of expert reviews of draft laws, only 14 individuals and 6 legal entities were accredited between 2015 and 2022, and between 2015 and 2017³. It should be noted that in this case, we are talking about not only anti-corruption expertise, but also legal, human rights, gender and environmental expertise.

Next, we propose to consider the experience of another CIS country, Tajikistan, where in 2012 (as in Russia) a specialized law was adopted, "On Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts." In accordance with this law, independent anti-

¹ Decree of the Government of the Kyrgyz Republic No. 413 of 15 July 2013 "On the Approval of the Regulations on the Accreditation of Individuals and Legal Entities Carrying Out Specialised Types of Expertise of Draft Regulatory Legal Acts (Legal, Human Rights, Gender, Anti-Corruption and Environmental)". Centralised database of legal information of the Kyrgyz Republic. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/94595>. Date of access: 26 April 2022

² Decree of the Government of the Kyrgyz Republic No. 319 of 8 December 2010 "On the Approval of the Instructions on the Procedure for Conducting Legal, Human Rights, Gender, Environmental and Anti-Corruption Expert Reviews of Draft Subordinate Acts of the Kyrgyz Republic". Centralised database of legal information of the Kyrgyz Republic. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/9>. Date of access: 26 April 2022.

³ Statistics of the State Register of Accredited Experts of the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic. <http://minjust.gov.kg/ru/content/478>. Date of access: 26 April 2022.

corruption expertise of draft legislation is considered in Tajikistan to be a public activity and consists of "activities to identify corruption-prone factors in normative legal acts and draft normative legal acts, carried out in accordance with the procedure established by the Government of the Republic of Tajikistan by citizens and public organizations, based on the results of which a conclusion is given to law-making entities, which is subject to mandatory consideration"¹ .

A distinctive feature of Tajikistan is the requirement, specifically enshrined in the aforementioned law, for public experts in the field of anti-corruption expertise to have a higher legal education. Thus, according to the law, the following criteria are established:

a) for individuals:

higher legal education;

at least 5 years of work experience in the field;

b) for public organizations: at least 3 persons on staff who meet the requirements for individuals.

The conclusions of public anti-corruption expertise of draft normative legal acts are of a recommendatory nature and are sent to law-making bodies. The latter may reject the proposals and comments of experts by sending them a reasoned refusal. Citizens and public organizations, in turn, if they disagree with the opinion of the law-making body, have the right to appeal to the state financial control and anti-corruption authority.

According to the Procedure for Conducting Anti-Corruption Expertise² , in order to create conditions for experts to conduct public

¹ Law of the Republic of Tajikistan No. 925 of 28 December 2012 "On Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Draft Normative Legal Acts". Database of Legislation of the Republic of Tajikistan. <http://ncz.tj/content/%D0%B7%D0%B0%>. Date of access: 26 April 2022.

² Decree of the Government of the Republic of Tajikistan No. 355 of 3 June 2014 "On the Procedure for Conducting Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts, Regulatory Legal Acts of a General Nature of Ministries, State Committees, Other State Bodies, Local Government Bodies, Self-Government Bodies of Settlements and Villages and Their Drafts, Internal Anti-Corruption Assessment of Draft Regulatory Legal Acts". http://ef-ca.tj/publications/moa/07_metodology.pdf. Date of access: 26 April 2022.

anti-corruption expertise, ministries and departments that develop draft regulatory legal acts are required to post them on their official websites.

The first thing to mention in the conclusion is that the Model Law provides specific recommendations on establishing, at the level of law, the procedure for conducting anti-corruption expertise, the status of experts and the consequences of negative conclusions in participating states. Virtually all countries have included provisions on anti-corruption expertise in their anti-corruption laws and laws on normative legal acts, but only two states, Russia and Tajikistan, have adopted special laws in this area. In other cases, these are acts of the President (Belarus), decisions of Parliament (in the case of draft laws in Kyrgyzstan), decisions of the Government (Moldova, Lithuania, Kazakhstan, Kyrgyzstan) or the authorized state administration body in this area (Uzbekistan).

Thus, despite the existence of common CIS standards in the field of independent anti-corruption expertise of draft legislation, each country has chosen its own path to regulate this area. In general, of course, there are common features in the established procedures of many CIS countries, but there are also those who have completely abandoned this type of anti-corruption expertise (Belarus). In order to provide a clear overview, this study presents a comparative legal analysis of the mechanisms for independent anti-corruption review of draft legislation in some CIS countries in tabular form.

The second point we would like to focus on is the need to distinguish between the concepts of "independent", "unofficial", "public" and "scientific" anti-corruption expertise. Essentially, they all refer to independent types of expertise, but in the case of scientific expertise (which also refers to unofficial expertise), depending on the level of state regulation (intervention), independence may well be absent. For example, in cases where scientific expertise is conducted exclusively at the request of state bodies and at the expense of state funds, as well as in cases of regulated distribution of draft regulatory legal acts among experts.

Conclusion

A comparative legal analysis has shown that, despite the existence of uniform model recommendations within the CIS, states apply different approaches to the formation of mechanisms for independent anti-corruption expertise of draft legislation. The most consistent legal regulation is observed in Russia and Tajikistan, where specialised laws have been adopted that clearly define the status of experts, the accreditation procedure and the mandatory consideration of expert opinions. In Uzbekistan, the system of independent anti-corruption expertise received a boost after the adoption of the 2021 Presidential Decree, but so far it operates mainly at the level of departmental regulation. Kazakhstan and Kyrgyzstan demonstrate mixed models, in which the degree of independence of experts varies depending on the state's participation in the financing and distribution of draft regulations.

The study revealed the need for further improvement of legal mechanisms, as well as the importance of conceptually distinguishing between the terms "independent," "unofficial," "public," and "scientific" anti-corruption expertise. Despite their common focus, the actual degree of independence of such expertise depends significantly on the extent of state intervention and the nature of procedural regulation. The systematic development of the institution of independent anti-corruption expertise, the strengthening of the role of civil society and ensuring the transparency of the law-making process appear to be key conditions for improving the effectiveness of anti-corruption efforts in the legislative sphere.

“КОРРУПЦИЯ” ТУШУНЧАСИ: ИЛМИЙ ҚАРАШЛАР ВА ХАЛҚАРО-ҲУҚУҚИЙ АСОСЛАР

***Аннотация.** Мақолада коррупциянинг тавсифи ва унга оид тадқиқотлар таҳлили келтирилган, коррупцияни таърифлашдаги ёндашувлар ва коррупция тушунчасининг халқаро-ҳуқуқий асослари тадқиқ этилган.*

***Аннотация.** В статье представлена характеристика коррупции и анализ исследований в данной области, рассмотрены подходы к определению коррупции и международно-правовые основы понятия коррупции.*

***Abstract.** The article presents the characteristics of corruption, analysis of research in this field, considers approaches to the definition of corruption and the international legal basis of the concept of corruption.*

***Калим сўзлар.** коррупция, мансабдор шахс, мансаб мавқеи, шахсий манфаат, пора эвазига оғдириш*

***Ключевые слова.** коррупция, должностное лицо, служебное положение, личный интерес, подкуп.*

***Key words.** corruption, official, public office, private gain, bribery.*

Коррупция демократия, қонун устуворлиги, инсон ҳуқуқлари, ҳокимият бошқарувининг нуфузи ва барқарорлигига ҳамда жамиятнинг маънавият пойдеворига таҳдид солади. Бундан ташқари, коррупция ҳар йили дунё мамлакатларининг ижтимоий-иқтисодий ривожланишига улкан зарар етказди ва барқарор ривожланиш мақсадларига эришиш йўлида тўсиқлар пайдо қилади.

Коррупцияга оид тадқиқотлар қадимги цивилизацияларга бориб тақаладиган узок тарихга эга. Асрлар давомида ҳукмдорлар коррупцияга қарши курашишга ва унинг сабабларини тушунишга ҳаракат қилиб келишган.

XV асрнинг ёрқин намоёндаларидан бири, италиялик сиёсий арбоб ва файласуф Никколо Макиавелли (1469-1527 йй.) ўзининг “Ҳукмдор” асарида доно ҳукмдорлар ҳақида мулоҳаза қилар экан,

давлат бошқарувидаги муаммоларни, шу жумладан коррупцияни сил кассалиги билан таққослайди. Унинг фикрича, касаллик аломатларини дастлаб аниқлаш қийин бўлса-да, уни осонликча даволаса бўлади, агар уни барча учун аён бўладиган даражага, оммавий авж олишига йўл қўйилса, уни аниқлаш осон бўлса-да, йўқ қилишнинг деярли имкони қолмайди¹. Макиавелли томонидан олти аср олдин келтирилган мазкур фикрлар, ҳозирги давр учун ҳам долзарб ҳисобланади.

Коррупцияга оид изланишлар узоқ тарихга бориб тақалса-да, мазкур соҳадаги тизимли тадқиқотлар анча кейин, XIX асрнинг охирларида бошланган. Ушбу даврда олимлар ва тадқиқотчилар томонидан қатор мамлакатларда ривожланишнинг паст даражаси ва юқори даражадаги коррупция ўртасидаги боғлиқлик кузатила бошланган. Ушбу кузатишлар соҳада янада тизимли тадқиқотларни олиб бориш ва ривожлантириш учун бошланғич нукта бўлиб хизмат қилган.

Умуман олганда, коррупция дунёнинг барча мамлакатларига салбий таъсир қилувчи иқтисодий, сиёсий ва ижтимоий ҳодиса ҳисобланади.

Коррупцияга оид замонавий тадқиқотлар турли мавзулар ва методологияларни қамраб олади. Унинг айнан иқтисодий, сиёсий ва ижтимоий ҳодиса сифатида долзарблиги ва мураккаблиги сабабли, тадқиқотчилар томонидан уни ўрганишга бўлган қизиқиш ва иштиёқ кун сайин ошиб бормокда. Иқтисодий тадқиқотлар коррупция оқибатидаги иқтисодий йўқотишлар ҳамда унга қарши курашиш чоралари самарадорлигини баҳолашга қаратилади. Сиёсий тадқиқотлар коррупциянинг сиёсий жараёнларга ва мамлакат барқарорлигига таъсирини ўрганади. Ижтимоий тадқиқотлар эса коррупцияга олиб келадиган ижтимоий ва маданий омилларни тушунтиради.

¹ Макиавелли Н. Государь. Пер. с ит. Курочкина Н. Россия: типография Тиблина и К. (Неклюдова) В.О. 8 л. д. но. 25. Санкт Петербург. 1869 г. стр. 13.

Ҳозирда коррупция иллати тадқиқотчилар томонидан ҳуқуқ, иқтисодиёт, социология, тарих ва бошқа бир қанча ижтимоий ва гуманитар фанлари нуқтаи назаридан чуқур изланишлар олиб борилмоқда, юзлаб мақолалар чоп этилмоқда.

Хўш, коррупция ўзи нима, коррупция тушунчасини ўзи қандай таърифлаш мумкин? Халқаро ҳамжамиятда, шунингдек ҳуқуқ, ижтимоий ва гуманитар фанларда тадқиқотчилар томонидан коррупциянинг умумэътироф этилган таърифини ишлаб чиқишга кўплаб уринишлар бўлганлиги, бунинг учун турли хил ёндашувлар ва вариантлар ишлаб чиқилганлигига қарамасдан, коррупциянинг умумэътироф этилган яқдил таърифи мавжуд эмас.

Жиноят ҳуқуқи фани доирасида коррупциянинг таърифи тадқиқотчилар томонидан тор ёки кенг ёндашув нуқтаи назаридан ўрганилади.

Колин Най тор ёндашувдан фойдаланган ҳолда, коррупцияни “шахсий (ўзи, яқин қариндошлари, тор доирадаги гуруҳлар), моддий манфаатлар ёки мансабга эга бўлиш мақсадида давлат ролининг расмий вазифаларидан четга чиқадиган хатти-ҳаракат”¹ дея таърифлайди.

Ўхшаш элементларни Муштак Хоннинг таърифида ҳам кўришимиз мумкин. У коррупцияга “давлат ҳокимияти мансабдор шахсининг бойлик, куч-қудрат ёки мансаб каби шахсий манфаатлар туфайли расмий хулқ-атвор қоидаларидан четга чиқувчи хатти-ҳаракат”² дея таъриф беради.

Робин Теобальд ҳуқуқий ёндашувдан фойдаланган ҳолда, коррупцияни “мансаб мавқеидан шахсий манфаатлар учун ноқонуний фойдаланиш”³ деб таърифлайди.

¹ Nye, J.S., “Corruption and political development: A cost-benefit analysis”, (1967) American Political Science Review, vol. 61, no. 2, pp.: 417-427., p.: 419.

² Khan M., “A typology of corrupt transactions in developing countries”, (1996) IDS Bulletin, vol. 8, no. 5, 2

³ Theobald R., “Corruption, Development and Underdevelopment”, (1990) Durham, North Carolina: Duke University Press, 16.

Роберт Клитгард коррупцияни мансаб мавқеини норасмий мақсадларда суиистеъмол қилиш эканлигини таъкидлайди¹.

Халқаро ҳуқуқий ҳужжатларда ҳам коррупцияни таърифлашда ягона ёндашув мавжуд эмас. Халқаро ташкилотлар, шу жумладан Жаҳон банки² ва “Transparency International”³ ташкилотлари томонидан тан олинган ва коррупцияга нисбатан кенг қўлланиладиган таъриф бу “мансаб ваколатларини шахсий манфаат учун суиистеъмол қилиш” ҳисобланади. Кўриб турганимиздек, мазкур таъриф тор ёндашувни ўзида мужассам этади.

Ҳуқуқ-тартиботни сақлаш бўйича мансабдор шахсларнинг ҳуқ-атвор кодексида⁴ (1979 йил 17 декабрда БМТ Бош Ассамблеясининг 106-ялпи мажлисида 34/169-сонли резолюцияси билан қабул қилинган) коррупциянинг таърифи берилган бўлиб, унга кўра, коррупция бу талаб қилинган ёки қабул қилинган совғалар, ваъдалар ёки рағбатлантиришлар натижасида мажбуриятларни бажариш ёки ушбу мажбуриятлар сабабли бирор-бир ҳаракатни амалга ошириш ёхуд амалга оширмаслик ёки ҳар сафар бундай ҳаракат ёки ҳаракатсизлик содир бўлганда совғалар, ваъдалар ёки рағбатлантиришларни ноқонуний қабул қилиш тушунилади. Ушбу таъриф коррупциянинг тор ёндашувдаги талқинини ифодалайди ва асосан пора эвазига оғдиришни назарда тутди.

Европа Кенгашининг Коррупция учун фуқаролик-ҳуқуқий жавобгарлик тўғрисидаги Конвенцияда эса, коррупция деганда пора, номақбул устунликлар ёхуд уларнинг ваъдасини олувчидан талаб

¹ Klitgaard R., “Addressing corruption together”, (OECD 2015), 7.

² World Bank, “Helping countries combat corruption: The role of the World Bank”, (World Bank Group 1997), Washington, D.C.
<http://documents.worldbank.org/curated/en/799831538245192753/Helping-countries-combat-corruption-the-role-of-the-World-Bank>

³ Transparency International, “How to stop corruption: 5 key ingredients”, (2016), https://www.transparency.org/news/feature/how_to_stop_corruption_5_key_ingredients

⁴ Code of Conduct for Law Enforcement Officials (adopted by the United Nations General Assembly resolution 34/169 of 17 December 1979), <https://www.ohchr.org/sites/default/files/codeofconduct.pdf>

қилинадиган ҳар қандай мажбурият ёки хатти-ҳаракатни нормал бажаришдан оғдиришга қаратилган порани ёки ҳар қандай бошқа номақбул устунликларни ёхуд уларнинг ваъдасини тўғридан-тўғри ёки билвосита сўраб олиш, таклиф қилиш, бериш ёки қабул қилиш тушунилади¹. Мазкур таърифда коррупциянинг субъекти этиб ҳар қандай шахс кўрсатилган бўлса-да, коррупциявий хатти-ҳаракатлар сифатида порахўрлик назарда тутилмоқда.

Юқорида келтирилган таърифлардан келиб чиқиб, коррупция деганда асосан порахўрлик ҳолатларини назарда тутилаётганини кўришимиз мумкин. Назаримизда, бугун жамият ҳаётининг турли жабҳаларида коррупцияга оид жиноятларнинг ошиб бораётган ва коррупциянинг янги шакллари пайдо бўлаётган бир даврда ушбу иллатни фақат порахўрлик билан чеклаш нотўғри ёндашув.

Кенг ёндашув тарафдорларидан бири бўлмиш Инге Амундсен қуйидаги фикрни билдиради: “Коррупция давлат амалдорларининг порахўрлиги ва давлат маблағларининг оддий ўғрилигидан тортиб, тадбиркорлар, сиёсатчилар ва бюрократларнинг бойишига олиб келувчи шубҳали иқтисодий ва сиёсий амалиётларнинг кенг доирасини ўз ичига қамраб олади”². Дарҳақиқат, коррупция доимо ҳам фақат давлат амалдорлари томонидан эмас, балки ўз манфаатини кўзлаган ва бойиш мақсадини қўйган бошқа шахслар томонидан ҳам амалга оширилади.

Ю.М.Смирнова ва К.М.Лобзовлар кенг ёндашувни қўллаган ҳолда, коррупцияни ижтимоий ҳодиса сифатида мансабдор шахслар, шу жумладан давлат хизматчилари ва жамиятнинг алоҳида аъзолари ўртасида ўзи эгаллаган мансаб имкониятларидан шахсий манфаат олиш мақсадида учинчи тараф (давлат, жамият, корхона, истеъмолчилар, шериклар, рақиблар ва бошқалар) манфаатларига

¹ Civil law convention on corruption (the Council of Europe, Strasbourg, November 4, 1999) https://eurasiangroup.org/files/documents/conventions_eng/CE%20Civil%20law%20Convention%20on%20corruption.pdf

² Amundsen I., “Corruption: Definitions and concepts” (2000) Chr. Michelsen Institute Development Studies and Human Rights, p.: 2.

зарар етказиш учун фойдаланиш бўйича юзага келадиган муносабатларни криминализация қилиш¹ деб таърифлашади.

Коррупциянинг кенг ёндашувдаги талқини Мустақил Давлатлар Ҳамдўстлиги иштирокчи давлатларнинг Парламентлараро Ассамблеяси томонидан келтирилган. “Коррупцияга қарши кураш тўғрисида”ги намунавий қонунга кўра, “Коррупция, ушбу қонуннинг 10-моддасида назарда тутилган шахслар томонидан ўз мансаб мавқеи ва у билан боғлиқ имкониятлардан фойдаланишга қаратилган ижтимоий хавфли хусусиятга эга бўлган қонунга хилоф қилмишни содир этиши, хизмат кўрсатиш, ҳомийлик қилиш, ўзи ёки учинчи шахслар учун имтиёزلарни таклиф қилиш ёки тақдим этиш шаклида моддий ёки бошқа манфаатларни олишга қаратилган қилмишни содир этиш” деб белгиланган².

Тор ёндашув тарафдорларининг таъкидлашича, коррупцияни таърифлашда кенг ёндашувни қўллаш мазкур жиноят тушунчасининг “хиралашувига” олиб келади. Масалан, А.И.Долгова мазкур нуқтаи назарни асослар экан, “коррупцияни ҳаддан ташқари кенг талқин қилиш ўз криминалистик хусусиятларига кўра бир-биридан тубдан фарқ қилувчи ҳодисаларни, ҳам талон-торож қилиш, ҳам пора эвазига оғдириб олиш, ҳам мансабдорлик жиноятларини деярли бир атама остида бирлаштиришни англатади”³, дейди.

Йенс Кристофер Андвигнинг таъкидлашича, коррупцияга нисбатан уни муайян агентлар, секторлар ёки битимлар билан чеклайдиган қатъий ва тор ёндашувдаги таърифларни қўлланилиши, муаммо чекланган бўлсагина қулай бўлиши мумкин. Бироқ, тор (ҳуқуқий) ёндашувдаги таърифлар муаммонинг муҳим жиҳатларини

¹ Смирнова Ю.М., Лобзов К.М. Коррупция как угроза национальным интересам // Вестник Поволжского института управления. 2016. №1(52). С.10.

² Модельный Закон «О противодействии коррупции» (принят постановлением №31-20 от 25.11.2008 Межпарламентской Ассамблеей государств участников Содружества Независимых Государств)

[https://zakonrb.com/npa/o-novoy-redakcii-modelnogo-zakona-o-](https://zakonrb.com/npa/o-novoy-redakcii-modelnogo-zakona-o-protivodeystvii#%D0%97%D0%B0%D0%B3_%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB_0)

[protivodeystvii#%D0%97%D0%B0%D0%B3_%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB_0](https://zakonrb.com/npa/o-novoy-redakcii-modelnogo-zakona-o-protivodeystvii#%D0%97%D0%B0%D0%B3_%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB_0)

³ Криминология: Учебник для вузов/Под общ. ред. А.И. Долговой. (2001), стр.559.

эътибордан четда қолдириши мумкинлиги сабабли, кенг тарқалган ва оммавий коррупция ҳолатларида кенгрок ва очикрок ёндашувдаги таърифларни қўллаш, масалан, коррупцияни ҳокимиятни суиистеъмол қилиш нуқтаи назаридан ифодалаш зарур¹.

Баъзи халқаро ҳужжатларда коррупция тушунчасига таъриф берилмаган, бироқ уларда коррупция деб ҳисобланиши лозим бўлган ҳаракатлар рўйхати кўрсатилган. Масалан, Бирлашган Миллатлар Ташкилотининг Коррупцияга қарши курашиш тўғрисидаги Конвенцияси² ёки Европа Кенгашининг Коррупция учун жиноий жавобгарлик тўғрисидаги Конвенциясида³ жиноят деб топилиши керак бўлган коррупцияга оид ҳаракатларнинг кенг рўйхати келтирилган. Бундай ёндашувдан фойдаланиш жиноят ҳуқуқи доирасида шубҳасиз тўғри, бироқ ушбу ёндашув унинг кўламини чегаралаб қўяди, чунки коррупциянинг моҳияти коррупцион хатти-ҳаракатларни ўз ичига олган жиноятлар рўйхатидан кенгрокдир.

Бизнингча, бугунги кунда коррупциянинг долзарблигини, унинг аллақачон трансмиллий характерга эга муаммога айланганлигини инобатга олиб, уни таърифини белгилашда тор ёндашувдан фойдаланиш мақсадга мувофиқ эмас. Шу билан бирга, коррупцияни таърифлашда кенг ёндашувни қўллаш, юқорида таъкидланганидек, унинг “хиралашувига” олиб келмаслиги лозим. Фикримизча, коррупция тушунчасига таъриф беришда унинг субъекти, предмети ҳамда унинг қўллаш соҳасини аниқ белгилаб олиш зарур.

¹ Andvig J.C. and Fjeldstad O.H., “Corruption: A Review of Contemporary Research” (2001) Chr. Michelsen Institute Development Studies and Human Rights, 5.

² United Nations Convention against Corruption (Adopted by the UN General Assembly: 31 October 2003, by resolution 58/4) https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/Convention/08-50026_E.pdf

³ Criminal Law Convention on Corruption (the Council of Europe, Strasbourg, 27.1.1999) <https://rm.coe.int/168007f3f5>

NEMATILLAYEV ODILJON

BAHODIR O'GLI

Lecturer of the Department of State-
Legal Sciences of the Law Enforcement
Academy of the Republic of Uzbekistan

CORRUPTION PROOFING OF LEGISLATION AS A MEANS OF PREVENTION OF CORRUPTION

The modern opportunities created in Uzbekistan in recent years, the quality of normative legal acts and their correct application have significantly increased. At the same time, due to the process of globalization and the development of information technologies, legislation is constantly developing primarily in a dynamic direction. Now there is a necessity to introduce a system of legal institutions that includes specific mechanisms which allow for a rapid response to existing shortcomings in legislation, which should serve to completely prevent the emergence of loopholes in the laws. Therefore, one of the institutional mechanisms of this type is the anti-corruption expertise of normative legal acts or more briefly corruption proofing of legislation. If we look at the current trend, the conduct of anti-corruption expertise of current regulatory legal acts is currently being put forward as a mandatory requirement and recognized as a necessity of the time and period in more than 10 countries around the globe.

From Uzbekistan's legislative perspective the corruption proofing of legislation stands for – a set of measures aimed at identifying corruption-generating factors in normative legal acts and their drafts, developing recommendations and taking measures aimed at eliminating identified corruption-generating factors¹. Meanwhile, Europe or more correctly to refer to the Regional Anti-Corruption Initiative publications developed slightly broader general definition of explanation of the

¹ Law of the Republic of Uzbekistan “On the Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Their Drafts” from 08.08.2023 year № LRU-860.

phenomena of Corruption Proofing of Legislation – CPL, that goes as follows: “Anti-corruption assessment of legislation is a review of the form and substance of drafted or enacted legal rules in order to detect and minimize the risk of future corruption that the rules could facilitate¹”. Due to this legal institution being new in the area of jurisprudence as a counter measure against corruption and abuse of power overall, there is no universally agreed definition of this term. Thus, in our noble viewpoint the United Nations as a leading interstate organization must present and legalize not only the term of corruption proofing of legislation, but also the international legal mechanisms of this institution by enacting a UN Convention with proposing title of “Corruption Proofing of Legislation as a Mandatory Measure Against Corruption”.

Yet, the lack of international legal mechanisms has not anyhow deterred the set of states from implementing corruption proofing mechanisms into their legal frameworks. To date, as of 2025 more than 10 countries have this mechanism already functioning over a decade, to which belongs Uzbekistan, Kazakhstan, Russia, Moldova, Belarus, South Korea, Lithuania, Latvia, Croatia and others. Despite the all of the these, in most of the state’s single and centralized agency or organization is either established or transformed to carry out the corruption proofing of existing legislation and their drafts. In Uzbekistan, for instance, the duty of engaging in such activity given to the Anti-corruption agency (some other state offices also empowered to conduct corruption proofing), which lawfully may pick random laws or drafts, that attracted public concern, conduct corruption proofing.

In Kazakhstan the same procedure is carried by the group of experts, who are listed in a registry of experts that is updated by the Anti-corruption agency. In Latvia, however, the leading anti-corruption authority, the Corruption Prevention and Combating Bureau (KNAB), aims to fight corruption through prevention, investigation, and education, and is an independent public administration institution under the

¹ Regional Cooperation Council and Regional Anti-Corruption Initiative (2014), p. 12

supervision of the Cabinet of Ministers, thus, under the Chapter III “Competence of the Bureau” of Section 7 “Functions of the Bureau to Prevent Corruption” Law on the Corruption Prevention and Combating Bureau dated 18 April 2002 with amending laws until end of 2008 in order to prevent corruption, the Bureau shall perform the following functions: analyze regulatory enactments and draft regulatory enactments, as well as propose to make amendments therein, submit recommendations for drafting new regulatory enactments¹.

From the socio-legal standpoint preeminent purpose of the corruption proofing of legislation is to stop corrupt actions even before of their occurrence or legalization through unseen (underlying) lobbyism. Therefore, the procedure itself involves two fundamental terms such as **corruption-causing factors** and **checklist**, that are correlated and substantial of each other in fulfilling. Legally, **checklist** is a standardized questionnaire designed to identify corruption-inducing factors in normative legal acts and their drafts, while **corruption-generating factor** means legal norms that create an opportunity for corruption manifestations, the commission of corruption offenses. Thus, within the legal and scientific framework of corruption proofing of legislation in Uzbekistan corruption factors classifications consist of the following types:

- ✚ Corruption-generating factors related to the stability and legal compliance of norms;

- ✚ Corruption-generating factors related to authority, rights, and obligations;

- ✚ Corruption-generating factors related to administrative procedures;

- ✚ Corruption-generating factors related to control and supervision activities².

¹ Hoppe, T. Anti-Corruption Assessment of Laws (‘Corruption proofing’). Comparative Study and Methodology / T. Hoppe. – Regional Cooperation Council, 2014. – 205 p. – p. 189.

² Law of the Republic of Uzbekistan “On the Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Their Drafts” from 08.08.2023 year № LRU-860.

Nevertheless, angle of some foreign scholars emphasizes the significant theoretical aspect of this legal institution, which establishes that the main general corruption risks within any of the above areas stem from three factors.

Discretion: if its scope is unnecessarily broad then a public official can take advantage of it. Public officials can normally exercise discretion as to the procedure and to the substantive decisions (such as granting a permit).

Accountability: if a public official has nothing to fear from abusing the law, then this increases the risk of corruption.

Transparency: if the actions of a public official remain outside the eyes of the public then it is easier to abuse the law¹.

In Sweden the corruption proofing of legislation is carried out by the Legislative Council (Swedish: Lagrådet) that scrutinizes and gives opinions on draft legislation, which the Government intends to submit to Parliament. A parliamentary standing committee can also request a statement of opinion in a legislative matter. The Council on Legislation consists of one or more divisions – with a maximum of five. Each division has three members, of whom at least one must be a justice of the Supreme Court and at least one a justice of the Supreme Administrative Court.

Draft bills are presented to the Council by civil servants or parliamentary officials who have been involved in the preparation process. One important feature of the Council's work is to consider whether the draft bill is compatible with the constitution and general legal principles.

The Council on Legislation's views are of an advisory nature, and are not binding on the Government or Parliament. The Council's statement of opinion is a public document which is included in the Government bill or standing committee statement, together with the draft text.

¹ Tilman Hoppe /Council of Europe, "Designing and Implementing Anti-corruption Policies" 2013 (English and Russian), Chapter 3.2 "Assessing the Strength of Governance Measures", page 20.

While most opinions of the Council are issued at the request of the government, however, a parliamentary committee can also request the Council for an opinion before a parliamentary decision is made. In particular, **the Council's review must concern the following matters:**

- ✚ How is the proposed legislation aligned with the constitution and the legal framework as a whole? **(example: legal expertise);**

- ✚ How are the provisions of the proposed legislation interconnected and consistent with each other? **(example: legal expertise);**

- ✚ How does the proposal adhere to the requirements of legal certainty? **(example: legal expertise);**

- ✚ Whether the proposal is designed in such a way that the law can be assumed to fulfil the stated objectives? **(example: linguistic expertise);**

- ✚ What potential challenges or issues could arise during the application of the proposed legislation? **(example: anti-corruption expertise)¹.**

Accordingly, the aforementioned practices in Sweden, albeit not directly, indirectly reflect the existence and establishment of the legal mechanisms for corruption proofing of legislation in a state threshold. The vivid indirect evidence of the existence of corruption proofing institute is the law and drafts bill being reviewed from a various angle for potential flaws and drawbacks as well as for alignment with the constitution and the legal framework as a whole.

Being implemented in Uzbekistan as early as in the late 2011 corruption proofing of legislation history showcases the upward rapid growth with it being first as a sub-institute of legal expertise of laws in 2011 prescribed in the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On Measures for Further Improvement of the Activities of the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan” from 23.08.2011 (which is now out of power), then after a decade emerging as a separate

¹ <https://www.lagradet.se/>

legal institute of mandatory expertise of legislations for corruption-causing factors according to the article 25 and 29 of the Law of the Republic of Uzbekistan “On normative legal acts” dated 20.04.2021 г. № LRU-682. Currently, the trajectory of practical activities of corruption proofing of existing legislation is determined and prescribed in the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On measures to further improve the conduct of anti-corruption examination of normative legal acts and their drafts” adopted on 22.10.2021 y. № DP-5263, which clearly establishes corruption proofing strategy of Uzbekistan for next four years and the **Schedule for conducting anti-corruption examination of existing normative legal acts in 2022 — 2026**, and also points out the areas of existing legislation that are subject to corruption proofing in those period.

As of national perspective of Uzbekistan this legal institution serves as a pivotal mechanism in the implementation of the Development Strategy of New Uzbekistan, facilitating the principle of **“Legislation Free from Corruption”** in the drafting of normative-legal documents. Thus, modern information and communication technologies have been strategically integrated to enhance public engagement in the legislative drafting process. A noteworthy example is the establishment of the **“regulation.gov.uz”** portal, which enables citizens to participate in the discourse surrounding draft normative-legal acts. The portal includes diagnostic tools, such as a control questionnaire and survey, designed to identify corruption-generating factors within proposed legislation.

Furthermore, the introduction of the specialized online bot **“adliya_korrupsiyasizqonun_bot”** in 2021 marks a progressive step in anti-corruption efforts. Particularly, this bot empowers citizens to report corruption-inducing factors embedded **in existing legislation**. These initiatives have demonstrated substantial capacity for fostering transparency and accountability, garnering significant interest and engagement from stakeholders in the legal and civic domains.

From a statistical and numeric angle, the tremendously large number of normative legal acts underwent the corruption proofing procedure in

the past few years. Similarly, based on annual official national anti-corruption reports of Anti-corruption Agency of Uzbekistan, it should be noted that in 2022, the corruption proofing of 1791 existing legislative acts was conducted. In total, 339 various corruption factors were identified in 238 of these regulatory legal acts, and to eliminate them, the Ministry of Justice developed 3 draft regulatory legal acts. In particular, in 2023, total of 1979 normative legal acts related to the legal and anti-corruption expertise of legislative acts were subjected to legal expertise, of which 543 were returned with objections. At the same time, in the sphere of conducting an anti-corruption examination of legislative acts in force in this year, 113 regulatory legal acts were subjected to anti-corruption examination, in which 11 corruption factors were identified¹. Finishing thorough analysis of the legal, direct and indirect mechanisms of corruption proofing of legislation of Uzbekistan and Sweden as well as some other effective practices, we have deemed it to be appropriate to state that both countries legal system has long established the aforementioned legal institute into their legislation. However, as the lawmaking process is supposed to be never-ending and continuous activity, the legal mechanisms of corruption proofing of laws must be refined as well. Thus, in our noble opinion the United Nations as a leading interstate organization must present and legalize not only the term of corruption proofing of legislation, but also the international legal mechanisms of this institution by enacting a UN Convention “Corruption Proofing of Legislation as a Mandatory Measure Against Corruption”, which shall eliminate the problem of the lack of international legal basis for corruption proofing of legislation for member states to UN.

¹ <https://aca.uz/ru/article/agentlikning-yillik-milliy-maruzalari>

MIRZARAHMONOV
SHOHRUHMIRZO AKRAM O'G'LI
Assistant to the prosecutor of Fergana city

CORRUPTION AS A GLOBAL PROBLEM: THE NATURE, CAUSES AND CHARACTERISTICS OF CORRUPTION CRIMES

***Abstract:** This study examines in detail the concept of corruption crimes and its necessary elements, as well as the specifics of corruption crimes, and the reasons for the emergence of corruption cases.*

***Key words:** corruption, official, bribery, bribe-taker, official.*

In today's world, corruption is a global problem that is increasingly causing concern among the international community. It is a negative phenomenon that hinders public security and stability, the economic, socio-cultural, and institutional development of society, and the state. Corruption and related crimes not only undermine the authority of government officials in the eyes of the public but also create serious obstacles to the effective development of domestic and foreign political, economic, and social ties.

It is well known that corruption causes serious damage to the political and economic development of any society, undermines the constitutional foundations of the state, destroys the spiritual and moral foundations of society, weakens democratic institutions and the rule of law, and leads to significant violations of the rights and freedoms of citizens.

This problem can be approached from various perspectives. Historically, corruption is one of the most ancient forms of crime: wherever a state exists, it manifests itself as a form of criminal activity that permeates various levels of the state apparatus, from the lowest to the highest.

Combating corruption is a priority area of state policy in the Republic of Uzbekistan. In the context of current socioeconomic and

political transformations, this issue is particularly pressing, as corruption poses a serious threat to the sustainable development of the state and society as a whole. In this regard, President Shavkat Mirziyoyev, emphasizing the importance of combating this negative phenomenon, notes that one of the current priorities is effectively addressing corruption and organized crime as sinister phenomena hindering the country's development, as well as preventing crime.¹

At the same time, the Head of State emphasizes that successful counteraction to corruption cannot be achieved solely through the efforts of law enforcement agencies. In his opinion, a proactive public stance and the development of a sustainable anti-corruption culture play a decisive role in this process. Specifically, the President emphasizes that no matter how proactive law enforcement agencies are in combating corruption, without fundamental public intolerance of this phenomenon and without the establishment of effective public oversight, it is impossible to effectively combat this scourge.

These provisions demonstrate the need for a comprehensive approach to combating corruption, which entails not only improving law enforcement and legal regulation, but also the active participation of civil society institutions and raising the level of legal awareness and legal culture among the population. This approach is consistent with modern international anti-corruption standards and is aimed at strengthening the rule of law, the rule of law, and public trust in government institutions.

In terms of geography, corruption is one of the most widespread crimes, affecting the entire world. Various countries, past and present, on all continents, have waged and continue to wage both successful and unsuccessful battles against corruption. However, effective ways to completely eradicate it have not yet been found, and the problem remains pervasive.

¹ Bilimli avlod – buyuk kelajakning, tadbirkor xalq – farovon hayotning, do'stona hamkorlik esa taraqqiyotning kafolatidir / O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Shavkat Mirziyoyevning O'zbekiston Respublikasi Konstitutsiyasi qabul qilinganining 26 yilligiga bag'ishlangan tantanali marosimdagi ma'ruzasi.

Despite expanded scientific understanding of corruption and strengthened measures aimed at combating corrupt practices in law enforcement, these crimes continue to spread and take root in social relations. This, in turn, necessitates a more in-depth analysis of the nature of corruption and a comprehensive study of its causes.

Corruption in the social system manifests itself in the commission of such illegal acts as bribery, bribery, abuse of office, abuse of power, or exceeding official authority, which collectively constitute corruption crimes. Corruption crimes are acts involving the abuse of official position by an official or employee for selfish purposes, to obtain material or non-material benefits for personal gain or for the benefit of others, as well as the inducement of officials to commit such acts.

According to S.K. Ilyin, corruption crimes should be considered intentional actions or inactions of individuals or legal entities, manifested in abuse of office or failure to perform official duties. In practice, corruption crimes most often manifest themselves in the form of bribery aimed at obtaining financial gain¹.

Historically, corruption is one of the oldest forms of criminal activity: in all states, regardless of their level of development, it permeates various levels of government, from the lowest to the highest. Territorially, corruption is universal and prevalent in all regions of the world. States throughout history have made both successful and unsuccessful attempts to combat this socio-legal phenomenon.

Corruption crimes are characterized by the fact that officials or employees use the powers or official authority granted to them contrary to the interests of the service, for selfish purposes, to extract material or non-material benefits for themselves or for third parties, and also involve other persons in illegal activities.

The detection and investigation of corruption crimes presents significant challenges. Firstly, these crimes are typically prepared and committed in strict confidentiality, without witnesses, with careful

¹ URL: http://online.stat.us/document/?doc_id=30414958

concealment and destruction of traces of criminal activity. Secondly, difficulties arise due to errors made during the pre-investigation stage. Thirdly, all participants in the crime, recognizing the inevitability of criminal liability, refuse to provide truthful testimony and attempt to mutually conceal their actions.

Furthermore, during the investigation, active resistance is often encountered from those interested in concealing the crime, which manifests itself in various forms of pressure on the pre-trial investigation agencies. Corruption schemes involving alliances between government officials and organized crime groups and criminal organizations pose a particular danger.

The most common type of corruption crime is bribery. It typically involves two parties: the bribe-taker and the bribe-giver. In some cases, these crimes involve intermediaries in the bribery. The actions of these individuals constitute corruption offenses and entail criminal liability.

In most cases, the recipient of the bribe is an official, government official, or civil servant. The bribe may include cash, valuable gifts, other tangible and intangible benefits, as well as property-related services provided free of charge.

In the public consciousness, corruption is often associated with a necessary condition for resolving everyday issues, which is reflected in widespread ideas about giving a bribe to obtain employment, mitigate administrative penalties, or speed up the adoption of management decisions.

In corruption crimes, both the bribe-taker and the bribe-giver have an objective interest in concealing the crime, since if it is discovered, both parties are subject to criminal liability. Therefore, bribery is often committed without witnesses and in a veiled manner, significantly complicating its detection and investigation.

Cases in this category are characterized by a predominance of circumstantial evidence, the establishment of which, in turn, requires a complex, multi-stage process of proof. In some cases, forensically significant traces, such as fingerprints, sales receipts, labels, personal

notes, and other tangible media, may be preserved on the bribe or its packaging, potentially facilitating the investigation.

The moment of completion of the crime does not depend on the time of the bribe—before or after the commission of the agreed-upon action—or on the actual performance of the action in the interests of the bribe-giver. The crime is considered complete upon receipt of at least part of the bribe or the provision of material services.

The most typical location for corruption crimes is an official's office. However, in some cases, these crimes can be committed in public places such as cafes, restaurants, and even in vehicles.

The causes of corruption are complex. Economic factors include low salaries for civil servants, despite their considerable discretionary powers. Institutional factors include the closed nature of government agencies, the cumbersome nature of the reporting system, the lack of transparency in the legislative process, and weak government personnel policies.

The socio-cultural causes of corruption are expressed in a decline in the level of legal awareness and moral guidelines in society, insufficient information and activity of citizens, as well as in the tolerant attitude of society towards abuses by government officials.¹

In summary, it should be noted that corruption crimes possess a number of specific characteristics: firstly, they encompass the illegal actions of not only officials but also other individuals who benefit from such acts; secondly, they are committed through the abuse of official authority for selfish purposes; thirdly, the resulting benefit may be both material and non-material; fourthly, these crimes are often committed not only in the interests of the perpetrator but also in the interests of third parties. Thus, an analysis of the issues under consideration allows us to conclude that the key factor in effectively combating corruption lies not so much in the behavior of individual social groups, but rather in ensuring strict compliance with legal requirements by all citizens. Universal law enforcement and equality before the law are essential conditions for the

¹ William C. Gilmore, 1999 *Dirty Money: The Evolution Of Money-Laundering Counter-Measures*, 2 nd Edition (Strasbourg: Council of Europe Press).

development of a rule-of-law state and strengthening public trust in government institutions.

The human factor, particularly the selection and placement of personnel, is of particular importance in the anti-corruption system. The lack of transparency and objective criteria in selecting candidates for leadership positions creates a favorable environment for individuals prone to corrupt behavior to infiltrate the system, which, in turn, reduces the effectiveness of public administration and undermines the foundations of official discipline and accountability.

In this regard, it seems necessary to implement a comprehensive and systemic approach to combating corruption, including improving human resources policies, increasing the transparency of management procedures, and fostering a sustainable anti-corruption culture in society. At the same time, the fight against corruption cannot be viewed solely as a function of law enforcement agencies, as its effectiveness directly depends on the active civic engagement, legal awareness, and responsibility of every member of society.

Consequently, a sustainable reduction in the level of corruption is only possible through concerted action by the state and society aimed at strengthening the principles of legality, justice and the rule of law.

АЗИМОВ ХАЙРУЛЛО ҒАЙБУЛЛОЕВИЧ

Бош прокуратура ҳузуридаги ИЖҚК
Департаменти Сурхондарё вилояти бошқармаси
Денов туман бўлими терговчиси

**ТИББИЁТДАГИ КОРРУПЦИЯНИ ОЛДИНИ ОЛИШДА
“СИРЛИ МИЖОЗ” МОДЕЛИ: ЯНГИ ЁНДАШУВ ВА
АМАЛИЙ САМАРАДОРЛИК**

Аннотация: Ушбу мақолада тиббиёт тизимидаги коррупциянинг илдиз сабаблари, уни аниқлаш ва олдини олишда “сирли миждоз” моделини жорий этишининг илмий-амалий аҳамияти таҳлил қилинган. Мақолада сунъий

интеллект, ички назорат ва ахборот таҳлили орқали врач-бемор-дорихона занжиридаги яширин манфаатдорликни фош этишининг янги усули таклиф этилади. Ишнинг марказида “сирли мижоз” модели оқрали дорихона, шифокор ва дори етказувчи фирмалар ўртасидаги занжирнинг ҳар бир босқичи таҳлил қилинади.

Кириш

Тиббиёт соҳасидаги коррупция жамиятнинг энг оғриқли муаммоларидан бири ҳисобланади. У фуқаролар ишончини пасайтиради, давлат ресурсларининг самарасиз сарфланишига олиб келади ва энг асосийси — инсон ҳаётига таҳдид солади. Шу сабабли тиббиёт тизимида шаффофлик ва масъулиятни таъминлаш бўйича янги ёндашувларга эҳтиёж ортиб бормоқда.

Тиббиёт соҳасидаги коррупция инсон ҳаёти ва соғлиғига бевосита таҳдид солувчи энг жиддий ижтимоий муаммолардан биридир. Дорихона, шифокор ва дори етказувчи фирмалар ўртасидаги мураккаб занжирлар, баъзан беморнинг ҳаёти учун зарур бўлган дори воситаларининг нотўғри тақсимланишига олиб келади. Кучли таъсир қилувчи дориларни рецептсиз сотиш, қиммат ва кераксиз дориларни мажбуран ёздириш ёки бюджет маблағларининг талон-торож қилиниши - буларнинг барчаси давр талабларига жавоб берувчи тизимли ечимларни талаб қилади.

Муаммолар ва сабаблар

Коррупциянинг асосий сабаблари — назорат тизимининг заифлиги, рақамли ҳисоботнинг етишмаслиги, беморларнинг ҳуқуқий саводсизлиги ва врачлар маошининг пастлигидир. Беморларнинг кўп ҳолларда врачга боғлиқлиги ва дори воситалари бозоридаги норасмий алоқалар тизимни ифлослайди.

Фармацевтика соҳасидаги коррупция нафақат иқтисодий зарар келтиради, балки беморнинг ҳаёти ва соғлиғига бевосита таҳдид солади. Ўзбекистон шароитида ушбу соҳада учрайдиган асосий муаммолар қуйидагилардан иборат:

1. Дорихоналар ва шифокорлар ўртасидаги занжирли келишувлар, бунда баъзи шифокорлар ва дорихона тармоғи ўртасида фойда келтирадиган ёки келтирмайдиган дориларни мажбуран ёзиб бериш ҳолатлари кузатилади. Бу беморларга ортиқча ва қиммат дориларни харид қилишга мажбурият яратади.

2. Рецепт тизимининг самарадор эмаслиги, яъни кучли таъсир қилувчи дориларни рецептсиз сотиш ҳолатлари мавжуд. Беморлар рецептга кирмаган дори воситаларини ноқонуний йўллар билан харид қилмоқда.

3. Дори етказувчи фирмаларнинг манипулятсиялари айрим етказувчи компаниялар дориларни ортиқча нархда ёки талабга мос келмаган миқдорда етказди, бу тизимнинг шаффоф эмаслигини кўрсатади.

4. Кадрлар ва назорат тизимларининг етарли эмаслиги – бу соҳада мутахассислар, аудиторлар ва назорат органларининг малака даражаси ва ресурслари чекланган бўлиб, бу коррупцион ҳолатларни аниқлашни қийинлаштиради.

5. Маълумотларнинг рақамлаштирилмаганлиги – дорилар ҳаракати уларнинг ишлаб чиқарилиши, етказилиши ва сотилиши тўғрисидаги маълумотлар ягона платформада бирлаштирилмаган. Бу ҳолат назоратни қийинлаштиради ва коррупцияга йўл очади.

Оқибатлар ва давлатга таъсири

1. Соғлиқни сақлаш тизимига таъсири шундаки, сифатсиз ёки қалбаки дорилар беморлар саломатлигини хавф остига қўяди, касалликларни оғирлаштиради ва даволаш харажатларини оширади. Нотўғри рецептлар ёки ортиқча дорилар беморларни кераксиз дори воситалари билан таъминлайди, натижада клиник натижалар пасаяди. Коррупция тизими ичида шифокорлар, дорихоналар ва дори етказувчи фирмалар ўз манфаатини биринчи ўринга қўяди, бу эса соғлиқни сақлаш тизимининг самарадорлигини пасайтиради.

2. Давлат бюджетига таъсири шундаки, нотўғри рецептлар ва юқори нархдаги дорилар орқали бюджет маблағлари кераксиз ишлатилади. Қалбаки ёки сифатсиз дорилар йўқ қилиниши,

беморларни қўшимча даволаш харажатлари давлат бюджетига қўшимча юк бўлади. Ўзбекистон шароитида фармацевтика соҳасидаги коррупция йилига 500-700 миллиард сўмдан ортиқ бюджет зарарига олиб келиши мумкин.

3. Ижтимоий ва иқтисодий оқибатлари эса, аҳолининг соғлигини сақлаш тизимига бўлган ишончи камаёди, бу эса давлат тизимининг обрўсига салбий таъсир қилади. Коррупция туфайли ортиқча харажатлар ва молиявий оқибатлар юзага келади, уларни қоплаш учун қўшимча ресурслар жалб қилинади. Коррупция юқори бўлган соҳалар мамлакатнинг халқаро обрўсига салбий таъсир кўрсатади, туризмни камайтиради ва сармоядорларни чеклайди.

Тиббиётдаги коррупция давлатнинг молиявий барқарорлигига салбий таъсир кўрсатади, аҳолининг саломатлиги кўрсаткичларини ёмонлаштиради ва ислохотларга ишончни йўқотади. Шунинг учун ушбу соҳадаги ҳар бир ислохот амалий ва интеллектуал ёндашув билан таъминланиши зарур.

Халқаро тажриба

Бутун дунё миқёсидаги давлатларда ва ҳаттоки иқтисодий тарафлама қудратли бўлган давлатларда ҳам фармацевтика соҳасидаги коррупцион ҳолатлар тарихдан кузатилган ва ҳозирда биров салмоғи камайганлиги билан бирга барибир мавжуд бўлиб келмоқда.

Буюк Британия, АҚШ, Канада, Швеция, Япония, Сингапур ва Финляндия каби давлатларда “**сирли мижоз**” модели орқали давлат хизматлари сифатини назорат қилиш кенг қўлланилади. Бу усул воситасида бемор сифатида текширув ўтказувчи шахслар орқали врачлар, дорихоналар ва таъминот занжиридаги ноқонуний схемалар фош қилинади.

Ушбу давлатларда “сирли мижоз” модели коррупцияни фақат аниқлабгина қолмай, шаффофлик ва хизмат сифатини оширди. Нафақат молиявий йуқотишларни камайтирди, балки беморларнинг хавфсизлиги ва соғлиқни сақлаш тизимининг ишончилигини мустаҳкамлади. Бу модел Ўзбекистонда ҳам “дорихона + шифокор +

таъминотчи” занжиридаги коррупцияни фош қилиши ва олдини олиш учун мослаштирилиши мумкин.

Таклиф: “сирли мижоз” моделини тиббиётда жорий этиш

Ўзбекистонда “сирли мижоз” модели махсус ички агентура тизими билан уйғунлаштирилиши керак. Бу тизимда махсус тайёрланган шахслар бемор сифатида давлат ва хусусий шифокорларга мурожаат қилиб, уларнинг амалиётдаги ҳалоллиги, ахлоқий мезонларга риоя қилиши ва ноқонуний даромад олиш ҳолатларини аниқлайди. Маълумотлар сунъий интеллект орқали таҳлил қилиниб, автоматик равишда хавфли нукталар ва манфаат занжирлари аниқланади.

Сирли мижоз – махсус тайёрланган агент бўлиб, у ҳақиқий бемор ёки мижоз сифатида тиббиёт муассасига ёки дорихона занжирига киритилади. Унинг вазифаси – коррупцион, ноқонуний ёки сифат назорати талабларига зид ҳолатларни аниқлаш ва ҳужжатлаштиришдир.

Сценарий-А.

Шифокор стандарт текширувдан сўнг беморга аниқ бир брендни тавсия қилади ва “шу аптекада бор”, - деб айтади. Мижоз энг яқин 3 та аптекага бориб нархини текширади, улардан фақат 1 та аптекада мавжуд ва нархи 30 % қиммат эканлиги аниқланади. Ушбу ҳолатларнинг ҳар бири аниқ вақт билан “e-prescription” дастурига киритиб боради, ҳар бир шубҳали ҳолатлар ушбу дастурда қайд этиб борилади, ушбу дастур сунъий интеллект орқали дорихона, врач ва тиббиёт муассасаси фаолиятини таҳлил қилиб боради. **Граф анализ:** шифокор ва дорихонанинг 6 ой давомида сотган ҳамда тавсия қилган дориларини, нархини, етказувчи корхонани тўлиқ таҳлил қилиб боради, агарда бир нечта сигнал (*шифокор тавсияси, аптекадаги нарх аномалияси, етказиб берувчи алоқаси*) тўпланса, тўлиқ “риск-пакет” яратилади ва “сирли мижоз”ни киритиш ваколатига эга бўлган давлат органига автоматик хабар юборилади ва асослантирувчи маълумотлар электрон шаклда илова қилинади.

Сценарий-Б.

Бир қатор “сирли мижозлар” бир шифокор қабуллариға бориб, бир хил ҳолат бўйича мурожаат қилишади, шифокор уларнинг ҳар бирига бир хил дори тавсия қилади, бунда ёки аниқ бир дорихонани айтади, ёки беморларнинг ўзлари ҳеч қайси дорихонадан шифолкор ёзган дорини топиша олмасликларини кутиб, шифокорга қўнғироқ қилиб ҳеч қаердан дорини топа олишмаганликларини, қерда сотилишини билса айтишини сўрайди, шунда шифокор айнан бир дорихонага йўналтиради. Ташхис ва тавсия қилинган дори ўрнини босадиган ва арзонроқ бўлган нархдаги дорилар билан сунъий интеллект граф анализ асосида таҳлил қилиб чиқади. Агарда шифокор умумий рецептларининг 40 % бир фирма бренди бўлса, унга сунъий интеллект томондан “e-prescription” дастурига қизил байроқ қўйилади.

Сценарий – С

Сирли мижоз тўлиқ яширин камера ва яширин овоз ёзиш мосламалари ҳамда бошқа техникалар билан таъминланган ҳолда дорихонага киради. Рецептсиз ёки қонуний бўлмаган дори сотилаётганини аниқлашга ўтади. Сирли мижоз дорихонага бемор сифатида киради, белгиланган дори бўйича сўров ўтказади: “бу доридан кўпроқ бера оласизми, яшигига пул тўлайман, аммо жуда зарур”, - каби сўзлар билан рецептсиз дори сотиш ёки сотмаслигини текширади. Рецептсиз дорини дорихона вакили сотган тақдирда бу ҳолат яширин камерага ёзиб олингани сабабли ушбу ҳолат бўйича ҳуқуқни муҳофаза қилиш органлари (кейинги ўринларда – ХМҚО деб юритилади)га хабар беради ва жиноятни этувчи далилларни тақдим қилади.

Умуман олганда “сирли мижоз” амалиёти дастлабки 6 ой давомида тўлиқ барча тиббиёт муассасалари ва дорихоналар бўйича ички разведка маълумотларини олиш, улар ҳақида аниқ фактларга асосланган маълумотларни тўплаб “e-prescription” дастурига киритиб бориши, шундан сўнг тўпланган жами маълумотлар базасига асосан ХМҚО органлари билан ҳамкорликда, махфий

тарзда коррупцион ҳолатларни олдини олиш, аниқлаш ва тегишли чора кўрилишини таъминлаши зарур бўлади.

Методология ва илмий ёндашув

Тадқиқотда қиёсий таҳлил, тизимли таҳлил, социологик сўров ва машинали таҳлил усулларида фойдаланиш мумкин. АИ тизими шифокорнинг рецепт бериши, беморларнинг дорихона билан алоқаси, дори нархлари ва таъминот фирмалари маълумотларини таҳлил қилиб, шубҳали муносабатларни автоматик аниқлайди.

Сирли мижоз модели коррупцияни аниқлаш ва олдини олишда самарали восита ҳисобланади. Бу моделни Ўзбекистонда дорихона ва тиббиёт тизимида жорий этиш орқали – рецептсиз дори сотилишини камайтириш; дорихона ва шифокорлар орасидаги яширин келишувларни фош қилиш; сифатли дорилар етказиб берилишини таъминлаш мумкин бўлади. Рақамли тизим билан бирлаштирилса, таҳлил ва мониторингни бутун мамлакат бўйича амалга ошириш мумкин.

Сирли мижоз ёрдамида дорихона ва шифохоналардаги хизмат сифати ҳам баҳоланади. Бу орқали тиббий хизмат ва дори етказиб бериш тизими ҳам яхшиланади.

Бугунги кунда коррупция ҳақида хабар бериш бўйича “**ишонч телефонлари**”, “**Call-center**”, “**my.gov.uz**”, “**anticorruption.uz**” ва шу каби бошқа марказлаш мавжуд бўлсада, **кўпинча мижознинг ўзи ҳам коррупцион ҳолатдан яхшигина манфаатдор бўлгани сабабли ҳеч қачон мурожаат қилмайди.**

Бундан ташқари, кўп ҳолатларда шикоятлар бир неча ойлаб ечимсиз қолиб кетади, пастки бўғинга тушиб кетади, етарли чоралар кўрилмасдан қолади. Ички аудит текширувлари кўпинча расмийатчилик учунгина ўтказилади. Шаффофлик етарли эмаслиги, рағбатнинг йўқлиги сабабли ҳеч ким юқоридаги мурожаат марказларига шикоят қолдирмайди.

Сирли мижоз модели ёрдамида қуйидагилар аниқланади.

1. Рецепт ёзишда ортиқча дорилар кўрсатилиши;
2. Қиммат дориларни мақсадли тарғиб қилиш;

3. Рецептсиз дори сотилиши;
4. Таъминотчи фирмалар ва дорихоналар ўртасидаги келишувлар;
5. Муддати ўтган ёки нотўғри сақланган дорилар;
6. Давлат ва хусусий сектор ўртасидаги коррупцион келишувлар;
7. Таъминотчи фирмаларнинг дорихоналарга ёки шифокорга махсус бонуслар ёки совғалар орқали дори танлашга таъсири;
8. Маълум фирманинг дорилари доимий тарғиб қилиниши ёки бошқа брендларни камситилиши;
9. Шифокор беморга керагидан ортиқ дори ёзиши, кўп миқдорда ёки қиммат брендларни танлаши;
10. Давлат шифохоналарида ишлатилмаган дори воситаларини таниш дорихоналарга сотилиши ёки ўзлаштирилиши;
11. Сифатсиз дорилар сотилиши;
12. Сунъий оширилган нархларда дориларни сотиш;

Натижа ва кутилаётган самара

Тизим жорий этилса, коррупция ҳолатларини камида 40–60% гача аниқлаш ва профилактика қилиш мумкин бўлади. Сунъий интеллект орқали маълумотларни интеграция қилиш орқали барча манфаат занжирлари мониторинг қилинади, коррупцияни амалга ошириш имконияти сезиларли даражада чекланади. Сирли мижозлар дорихона, шифокор ва етказиб берувчи компания занжиридаги ҳаракатларни, нотўғри рецепт ёзиш, қиммат дориларни мажбуран тавсия қилиш, дориларнинг ноқонуний сотилиши каби коррупцион схемаларни фош қилади. Буюк Британия ва АҚШда “сирли мижоз”лар туфайли тиббиёт соҳасида коррупцион ва нотўғри ишлаш ҳолатлари аниқланиб, молиявий йуқотишлар сезиларли даражада камайган.

Ўзбекистонда расмий маълумотларга кўра, ҳар йили 500–700 миллиард сўм давлат бюджети маблағлари айнан тиббиёт соҳасидаги коррупцион схемалар орқали талон-торож қилинади.

“Сирли мижоз” моделининг ўзи билан бу кўрсаткични 200-300 миллиард сўм камайтиришга эришиш мумкин.

Хулоса

“Сирли мижоз” ва AI технологиясини уйғунлаштириш тиббиёт соҳасидаги коррупцияга қарши курашишда янги босқич бўлади. Бу модель фақат жазо эмас, балки профилактика воситаси сифатида ҳам фаол ишлайди. Натижада давлат хизматларига ишонч ортади, врачлар масъулияти ошади ва жамиятда ҳақиқий адолат муҳити қарор топади.

Фойдаланилган адабиётлар

1. Transparency International — Global Corruption Report (2024).
2. OECD Health Integrity Framework (2023).
3. Ўзбекистон Республикаси Соғлиқни сақлаш вазирлиги ҳисоботлари (2022–2025).
4. Secret shopper studies: an unorthodox design that measures inequities in healthcare access (Rankin K.A ва бошқалар 2022 йил)
5. Myster shopping (муаллиф: Ж.М. Ченг)
6. Deadly Medicines and Organised Crime: How big pharma has corrupted healthcare (Peter C. Gotzsche)
7. Жаҳон соғлиқни сақлаш ташкилоти (WHO) маълумотлари.

**XUDOYOROV RASHID
TO‘YCHEYIVICH**

Mirzo Ulug‘bek nomidagi O‘zbekiston Milliy
universiteti Jizzax filiali katta o‘qituvchisi

**SULTONALIYEVA ZULAYXO
SHIRZOD QIZI**

Mirzo Ulug‘bek nomidagi O‘zbekiston Milliy
universiteti Jizzax filiali talabasi

**MOLIYAVIY HISOBOTLAR TIZIMIDA KORRUPSIYAVIY
XAVFLAR VA INNOVATSION YONDASHUVLAR**

***Annotatsiya.** Mazkur maqolada moliyaviy hisobotlar tizimida yuzaga keladigan korrupsiyaviy xavflar, ularning shakllanish omillari hamda ushbu xavflarni kamaytirishda innovatsion texnologiyalarning o‘rni tahlil qilinadi. Tadqiqot davomida moliyaviy hisobotlarni yuritishda inson omilining yuqoriligi, ichki nazorat tizimining sustligi, axborotning yetarli darajada shaffof emasligi va hujjatlarning qo‘lda qayta ishlanishi korrupsiyaviy holatlarning asosiy manbalari sifatida o‘rganildi. Shuningdek, avtomatlashtirilgan buxgalteriya tizimlari, elektron hujjat aylanishi, blokcheyn va sun‘iy intellekt kabi innovatsion yondashuvlarning moliyaviy hisobotlar tizimida shaffoflik va ishonchlilikni oshirishdagi ahamiyati yoritib berildi.*

***Kalit so‘zlari:** Moliyaviy hisobotlar, korrupsiya, korrupsiyaviy xavflar, raqamli texnologiyalar, innovatsion yondashuvlar, ichki nazorat, shaffoflik, avtomatlashtirilgan buxgalteriya, blokcheyn, sun‘iy intellekt.*

Kirish: Bugungi kunda moliyaviy hisobotlar tizimi iqtisodiy boshqaruvning eng muhim vositalaridan biri hisoblanadi. Ushbu tizim orqali xo‘jalik yurituvchi subyektlarning moliyaviy holati, daromad va xarajatlari, shuningdek, iqtisodiy samaradorligi baholanadi. Moliyaviy hisobotlar boshqaruv qarorlarini qabul qilish, investorlar va manfaatdor tomonlarni ishonchli axborot bilan ta‘minlashda muhim ahamiyat kasb etadi. Biroq moliyaviy hisobotlar tizimida korrupsiyaviy xavflarning mavjudligi ushbu ma‘lumotlarning ishonchliligi va shaffofligiga jiddiy tahdid soladi. Korrupsiya holatlari moliyaviy axborotlarning buzilishiga

olib kelib, iqtisodiy barqarorlik va moliyaviy intizomga salbiy ta'sir ko'rsatadi.

Korrupsiya moliyaviy hisobotlarni soxtalashtirish, daromadlarni yashirish, xarajatlarni asossiz ravishda oshirish yoki kamaytirish kabi ko'rinishlarda namoyon bo'lishi mumkin. Ayniqsa, an'anaviy, ya'ni qo'lda yuritiladigan hisob tizimlarida inson omilining yuqoriligi korrupsiyaviy holatlarning yuzaga kelish ehtimolini oshiradi. Nazorat mexanizmlarining yetarli darajada rivojlanmaganligi va axborotning yopiq bo'lishi korrupsiya uchun qulay sharoit yaratadi. So'nggi yillarda raqamli texnologiyalar va innovatsion yondashuvlarning jadal rivojlanishi moliyaviy hisobotlar tizimini tubdan o'zgartirmoqda. Avtomatlashtirilgan buxgalteriya tizimlari, elektron hujjat aylanishi, blokcheyn va sun'iy intellekt texnologiyalari korrupsiyaga qarshi samarali vosita sifatida keng joriy etilmoqda. Mazkur maqolaning asosiy maqsadi moliyaviy hisobotlar tizimida mavjud korrupsiyaviy xavflarni aniqlash hamda ularni kamaytirish va bartaraf etishda innovatsion yondashuvlarning rolini ilmiy jihatdan tahlil qilishdan iborat.

Tadqiqot metodologiyasi

Mazkur tadqiqot jarayonida ilmiy-uslubiy yondashuvlarning majmuasidan foydalanildi. Tadqiqotda moliyaviy hisobotlarda korrupsiyaviy xavflarning shakllanish mexanizmlarini aniqlash maqsadida bir necha ilmiy-uslubiy qo'llanmalardan foydalanildi. An'anaviy va innovatsion moliyaviy hisobot yuritish tizimlarining afzallik va kamchiliklarini aniqlash uchun taqqoslash usulidan foydalanildi. Innovatsion texnologiyalarning korrupsiyaviy xavflarni kamaytirishdagi samaradorligini oshirish bo'yicha ishlar ko'rib chiqildi. Shuningdek, moliyaviy hisobotlar tizimini o'zaro bog'liq elementlardan iborat yagona mexanizm sifatida o'rganish maqsadida tizimli yondashuvdan korrupsiyaga qarshi kurashda qo'llanilayotgan innovatsion texnologiyalar ham chuqur tahlil qilindi.

Natijalar

Moliyaviy hisobotlar tizimida korrupsiyaviy xavflarning mavjudligi tizimli muammolar bilan chambarchas bog'liqligini ko'rsatdi. Xususan,

korruptsiyaviy xavflarning asosiy manbai sifatida inson omilining yuqori darajada saqlanib qolayotgani aniqlandi. Qo'lda yuritiladigan hisob-kitob jarayonlarida xodimlarning subyektiv qarorlari, manfaatlar to'qnashuvi hamda mas'uliyatsizlik holatlari moliyaviy axborotlarning buzilishiga olib kelmoqda. Bu holat, o'z navbatida, moliyaviy hisobotlarning haqqoniyliги va ishonchliligini pasaytiradi.

Ichki nazorat tizimining sustligi korruptsiyaviy xavflarni kuchaytiruvchi muhim omil sifatida baholandi. Nazorat mexanizmlarining yetarli darajada avtomatlashtirilmaganligi moliyaviy operatsiyalar ustidan samarali monitoring olib borishga to'sqinlik qiladi. Natijada ayrim moliyaviy ma'lumotlarning yashirilishi yoki soxtalashtirilishi uchun imkoniyatlar yuzaga keladi. Shuningdek, axborotning yetarli darajada shaffof emasligi va moliyaviy ma'lumotlarga kirish imkoniyatining cheklanganligi korruptsiyaviy holatlarni aniqlashni qiyinlashtirishi aniqlanib, bu omil moliyaviy hisobotlar sifatiga salbiy ta'sir ko'rsatishi qayd etildi.

Tadqiqot natijalari hujjatlarning qo'lda qayta ishlanishi korruptsiyaviy xavflarni oshiruvchi asosiy texnik omillardan biri ekanligini tasdiqladi. Qo'lda rasmiylashtirilgan hujjatlarda xatoliklar va ataylab kiritilgan noto'g'ri ma'lumotlar ulushi yuqori bo'lib, bu holat moliyaviy hisobotlarda tafovutlar paydo bo'lishiga olib keladi. Bunday sharoitda korruptsiyaviy holatlarni o'z vaqtida aniqlash va oldini olish murakkablashadi.

Shu bilan birga, tadqiqot jarayonida innovatsion yondashuvlarning joriy etilishi mazkur muammolarni sezilarli darajada kamaytirishi aniqlandi. Avtomatlashtirilgan buxgalteriya tizimlaridan foydalanish moliyaviy operatsiyalarni real vaqt rejimida qayd etish va nazorat qilish imkonini yaratib, inson omiliga bog'liqlikni keskin kamaytiradi. Natijada moliyaviy ma'lumotlarning aniqligi va tezkorligi oshadi. Elektron hujjat aylanishi tizimlari hujjatlarni soxtalashtirish ehtimolini minimallashtirib, barcha operatsiyalarni raqamli iz bilan qayd etilishini ta'minlaydi.

Blokcheyn texnologiyasining joriy etilishi moliyaviy ma'lumotlarning o'zgartirib bo'lmazligini kafolatlab, hisobotlar tizimida

shaffoflik darajasini sezilarli oshiradi. Bu esa korrupsiyaviy holatlarning oldini olishda samarali mexanizm sifatida namoyon bo'ladi. Sun'iy intellekt asosidagi tahliliy tizimlar esa katta hajmdagi moliyaviy ma'lumotlarni tahlil qilish orqali noodatiy va shubhali operatsiyalarni avtomatik aniqlab, korrupsiyaviy xavflarni erta bosqichda aniqlash imkonini beradi.

Innovatsion texnologiyalarning moliyaviy hisobotlar tizimida korrupsiyaviy xavflarni kamaytirishda yuqori samaradorlikka ega ekanligini ko'rsatdi. Ushbu texnologiyalarning kompleks joriy etilishi natijasida moliyaviy hisobotlarning ishonchliligi va shaffofligi oshib, korrupsiyaviy holatlarning oldi olinmoqda hamda moliyaviy boshqaruv samaradorligi yuksalmoqda. Moliyaviy hisobotlarda korrupsion holatlar juda katta zarar berishi mumkin, shuningdek axborotlarning haqqoniyligiga putur yetkazishi, shu bilan birga mansab vakolatini suiiste'mol qilish firigibgarlik holatlari ham keltirib chiqaradi.

Muhokama

Moliyaviy hisobotlar tizimida korrupsiyaviy xavflar bilan bog'liq jarayonlarni o'rganish shuni ko'rsatadiki, mazkur sohada mavjud muammolar tizimli xususiyatga ega. Tadqiqot davomida aniqlangan holatlar moliyaviy hisobotlarni shakllantirish jarayonida inson omilining sezilarli darajada saqlanib qolayotganini ko'rsatadi. Bu esa hisob-kitob jarayonlarida subyektivlikning mavjud bo'lishiga va ayrim hollarda axborotlarning buzilish ehtimoliga olib kelishi mumkin.

Ichki nazorat mexanizmlarining amaldagi holatini tahlil qilish moliyaviy operatsiyalar ustidan nazorat qilishda raqamli vositalardan foydalanish darajasi yetarli emasligini ko'rsatadi. Nazorat jarayonlarining markazlashmaganligi va ayrim bosqichlarda qo'lda amalga oshirilishi axborot almashinuvida uzilishlar yuzaga kelishiga sabab bo'lishi mumkin. Shu bilan birga, moliyaviy axborotlardan foydalanish tartibining turli bo'limlar kesimida farqlanishi ma'lumotlarning shaffofligini ta'minlashda muayyan cheklovlar mavjudligini anglatadi.

Tadqiqotda qayd etilganidek, moliyaviy hisobotlar tizimida raqamli texnologiyalardan foydalanish jarayoni bosqichma-bosqich amalga

oshirilmoqda. Avtomatlashtirilgan buxgalteriya tizimlari va elektron hujjat aylanishi mavjud bo'lsa-da, ularning qo'llanish darajasi va qamrovi bir xil emas. Bu holat moliyaviy axborotlarning yagona standart asosida shakllantirilishiga to'sqinlik qilishi mumkin.

Shuningdek, moliyaviy ma'lumotlarni saqlash va himoyalash masalalari muhokama jarayonida alohida e'tiborni talab etadi. Raqamli texnologiyalar axborot xavfsizligini oshirish imkonini bersa-da, ularni joriy etishda texnik va tashkiliy choralar yetarli darajada uyg'unlashtirilmasa, ma'lumotlar bilan bog'liq xatarlar yuzaga kelishi ehtimoli saqlanib qoladi. Shu sababli, moliyaviy hisobotlar tizimida innovatsion yondashuvlarni qo'llash jarayoni nafaqat texnologik, balki institutsional jihatdan ham muvofiqlashtirilishi lozim.

Moliyaviy hisobotlar tizimida korrupsiyaviy xavflar va raqamlashtirish jarayoni o'rtasida uzviy bog'liqlik mavjudligini ko'rsatadi. Mavjud jarayonlarni muhokama qilish shuni anglatadiki, moliyaviy hisobotlar tizimini takomillashtirishda raqamli texnologiyalarni joriy etish bilan bir qatorda, tashkiliy va boshqaruv mexanizmlarini ham uyg'un holda rivojlantirish zarur.

Xulosa

Moliyaviy hisobotlarda uchraydigan korrupsiyaviy amaliyotlar kompaniya moliyaviy holatining haqqoniyligini jiddiy ravishda buzadi. Daromadlarni oshirib yozish, xarajatlarni yashirish, aktivlar qiymatini sun'iy oshirish va majburiyatlarni yashirish kabi manipulyatsiyalar kompaniyaning moliyaviy ko'rsatkichlarini real holatidan farqli ko'rsatadi. Hisob-kitob davrlaridagi tafovutlar va soxta hujjatlardan foydalanish esa auditorlar va investorlarni chalg'itadi hamda moliyaviy axborotlarning shaffofligini kamaytiradi. Ushbu amaliyotlar moliyaviy boshqaruvning samaradorligini pasaytirib, iqtisodiy barqarorlikka salbiy ta'sir ko'rsatadi va mansab vakolatini suiiste'mol qilish riskini oshiradi. Shu bois, moliyaviy hisobotlarni shakllantirishda korrupsiyaviy xavflarni aniqlash va oldini olish, shuningdek, innovatsion raqamli texnologiyalarni joriy etish muhim ahamiyat kasb etadi.

YUMATOV BOGDAN OLEGOVICH

Postgraduate student at the Law
Enforcement Academy
of the Republic of Uzbekistan

SIGNIFICANCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH FOR ANTI-CORRUPTION MONITORING

Abstract: *corruption as a socio-legal phenomenon is characterized by multidimensionality, adaptability, and latency, which significantly complicate its objective measurement and assessment. Despite the development of anti-corruption research, issues related to methodology, data sources, and the interpretation of results remain relevant. The article substantiates the need to apply a comprehensive set of instruments to form a reliable understanding of the scale and dynamics of corruption manifestations. Particular attention is paid to sociological research as one of the key tools of anti-corruption monitoring. The paper examines its normative entrenchment in the legislation of the Republic of Uzbekistan, as well as its objectives, tasks, and practical significance. It concludes that sociological research has high applied value and that further development of its methodology, expansion of thematic coverage and sampling, and improvement of data analysis and interpretation mechanisms are necessary to enhance the effectiveness of anti-corruption policy in general and anti-corruption monitoring in particular.*

Аннотация: коррупция ижтимоий-ҳуқуқий ҳодиса сифатида кўп қирралилиги, мослашувчанлиги ва яширинлиги билан ажралиб туради, бу эса уни объектив ўлчаиш ва баҳолашни сезиларли даражада қийинлаштиради. Коррупцияга қарши тадқиқотларнинг ривожланишига қарамай, методология, маълумотлар манбалари ва натижаларни талқин қилиш билан боғлиқ масалалар ўз долзарблигини сақлаб қолмоқда. Мақолада коррупция кўринишларининг кўлами ва динамикаси ҳақида ишончли тасаввурни шакллантириш учун комплекс воситаларни қўллаш зарурлиги асосланган. Шу билан бирга, коррупцияга қарши мониторингнинг асосий воситаларидан бири сифатида социологик тадқиқотларга алоҳида эътибор қаратилмоқда. Уларнинг Ўзбекистон Республикаси қонунчилигида меъёрий мустаҳкамланиши, мақсади, вазифалари ва амалий аҳамияти кўриб чиқилган. Социологик тадқиқотларнинг юқори амалий аҳамияти ва уларнинг методологиясини янада ривожлантириш, мавзу ва танлов қамровини кенгайтириш, шунингдек, умуман коррупцияга қарши сиёсат ва хусусан,

коррупцияга қарши мониторинг самарадорлигини ошириш учун маълумотларни таҳлил қилиш ва талқин қилиш механизмларини такомиллаштириш зарурлиги тўғрисида хулоса қилинган.

Аннотация: коррупция как социально-правовой феномен характеризуется многогранностью, адаптивностью и латентностью, что существенно затрудняет ее объективное измерение и оценку. Несмотря на развитие антикоррупционных исследований, вопросы касательно методологии, источников данных и интерпретации результатов сохраняют свою актуальность. В статье обосновывается необходимость применения комплексного инструментария для формирования достоверного представления о масштабах и динамике коррупционных проявлений. При этом особое внимание уделяется социологическим исследованиям как одному из ключевых инструментов антикоррупционного мониторинга. Рассматривается их нормативное закрепление в законодательстве Республики Узбекистан, цели, задачи и практическое значение. Делается вывод о высокой прикладной значимости социологических исследований и необходимости дальнейшего развития их методологии, расширения тематического и выборочного охвата, а также совершенствования механизмов анализа и интерпретации данных для повышения эффективности антикоррупционной политики в целом и антикоррупционного мониторинга в частности.

Keywords: anti-corruption monitoring, perception, measurement, corruption, assessment, sociological research.

Калим сўзлар: коррупцияга қарши мониторинг, идрок этиш, ўлчов, коррупция, баҳолаш, социологик тадқиқотлар.

Ключевые слова: антикоррупционный мониторинг, восприятие, измерение, коррупция, оценка, социологические исследования.

Corruption as a socio-legal phenomenon has a complex and multifaceted nature, which significantly complicates both its quantitative measurement and qualitative assessment.

Despite the fact that intensive research aimed at identifying the causes of corruption, as well as developing methods and measures to combat it, has been conducted since the late twentieth century¹, along with

¹ Heinrich F., Hodess R. Measuring corruption // Handbook of Global Research and Practice in Corruption / eds. A. Graycar, R.G. Smith. – Edward Elgar Publishing, 2011. – p. 18.; Belyaeva

regular studies devoted to determining the level of corruption and the scale of its prevalence¹, questions regarding the purposes and methods of scientifically measuring and assessing corruption were relevant in the past² and remain to this day central both to anti-corruption research and to anti-corruption practice³, including among domestic researchers⁴.

This situation is largely predetermined by the exceptional resilience and high adaptability of corruption, manifested in its ability to transform and acquire new forms depending on ongoing socio-economic and

I.M., Kusainova A.K., Nurgaliev B.M. Rol' statisticheskikh i rejtingovykh pokazatelej v bor'be s korrupciej (na primere Respubliki Kazahstan) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2020. – Vol. 20, № 3. – p. 13. (in Russian).; Perumal K. Corruption measurements: caught between conceptualizing the phenomenon and promoting new governance agenda? // Vision – The Journal of Business Perspective. – 2022. – Vol. 26. – p. 32.

¹ Shumanov I.V. Analiz podhodov k issledovaniyu fenomena korrupcii i sovremennye issledovatel'skie praktiki korrupcii // Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – p. 27. (in Russian).; Lyah E.A. Analiz osnovnykh metodik ocenki korrupcii // Novaya ekonomika. – 2018. – № 2 (72). – p. 224. (in Russian).

² Heywood P.M. Political Corruption: Problems and Perspectives // Political Studies. – 1997. – Vol. 45, No. 3. – pp. 417–435.

³ Rohwer A., Hülsewig A. Measuring corruption: a comparison between the Transparency International's Corruption Perceptions Index and the World Bank's Worldwide Governance Indicators // Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. – 2009. – Vol. 7, No. 3. – p. 42.; Roca T. Assessing corruption: expert surveys versus household surveys, filling the gap // Université Montesquieu-Bordeaux. – Working Paper No. DT/160/2010. – 2010. – p. 30.; Graycar A., Smith R. Research and practice in corruption: an introduction // Handbook of Global Research and Practice in Corruption / eds. A. Graycar, R.G. Smith. – Edward Elgar Publishing. – 2011. – p. 6.; Heywood P.M. Measuring corruption: perspectives, critiques and limits // Routledge Handbook of Political Corruption / ed. by P.M. Heywood. – Routledge, 2014. – pp. 137–153.; Sampson S. The anticorruption package // Ephemera: Theory and Politics in Organization. – 2015. – Vol. 15, No. 2. – p. 122.; Lučić D., Golubović N., Džunić M. Measuring corruption – key issues, data sources and the most commonly used indicators // FACTA UNIVERSITATIS - Economics and Organization. – Vol. 13, No. 1. – 2016. – p. 101.; Rudenkin V.N. Problema izmereniya korrupcii: vozmozhny li ob"ektivnye mezhdunarodnye korrupcionnye rejtingi? // Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. – 2017. – № 2 (39). – p. 23. (in Russian).; Yuen Yuen Ang Unbundling corruption: revisiting six questions on corruption // Global Perspectives. – Vol. 1, Issue 1. – p. 1.; Bittueva E.A. Izmerenie urovnej korrupcii. Indeks vospriyatiya korrupcii // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. – 2020. – № 14. – p. 74. (in Russian).; Pustu Y., Abdulai A.-M., Ince M. Global corruption indexes: a critical overview // The Academic Elegance. – 2021. – Vol. 8, No. 17. – p. 223.; Fazekas M., Ferrali R. Advances in measuring corruption and agenda for the future. – Budapest: Government Transparency Institute, 2023. – GTI-WP/2023:01. – p. 3.; Flores Sierra S. Quantifying corruption: the urgent need for metrics // Statistical Journal of the IAOS. – 2025.

⁴ Turdikulov Sh.X. Quantitative assessment of corruption and its peculiarities // American Journal of Interdisciplinary Research and Development. – 2022. – Vol. 10. – p. 267.

politico-legal changes, as well as the anti-corruption measures being applied.

The specificity of corruption manifestations in each state is determined by a combination of historical, political, cultural, social, economic, and legal factors, as well as by the particular features of the formation and development of a given society, which makes it impossible to develop a universal understanding of corruption and complicates the elaboration of unified criteria and methodological approaches to its measurement and assessment.

Additional difficulties are introduced by the high level of latency of corruption manifestations, as well as by the lack of consensus regarding the reliability and validity of data sources. As a result, any attempts to quantitatively or qualitatively measure and assess this phenomenon are inevitably associated with an element of uncertainty: no source – regardless of whether it is objective or subjective, specific or aggregated – can be considered absolutely reliable in the context of providing accurate, valid, and comprehensive data¹.

On the basis of various data collection methods, different approaches to measuring and assessing corruption have been developed over time and gradually refined. In the scholarly literature, these approaches have been designated in different ways: perception-based, experience-based, single-source, composite (aggregated) indicators, and proxy indicators²; sociological, statistical, and combined approaches³; first-generation (composite indicators), second-generation (comparative meso-level assessments), and third-generation (nationally specific multi-

¹ Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Measuring corruption: myths and realities // Development Outreach. – 2007. – p. 3.

² Rohwer A., Hülsewig A. Measuring corruption: a comparison between the Transparency International's Corruption Perceptions Index and the World Bank's Worldwide Governance Indicators // Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. – 2009. – Vol. 7, No. 3. – p. 43.

³ Kabanov P.A. Antikorrupcionnyj monitoring v sub"ektah Rossijskoj Federacii: ponyatie, sodержanie, klassifikaciya i specifika pravovogo regulirovaniya // Sledovatel'. - 2011. - № 8. - p. 15. (in Russian).

level/multi-method assessments) corruption measurement tools¹; sociological, expert-based, and integrated approaches²; original (primary) and composite (derived) indicators³; perception indicators based on surveys or interviews, individual detailed and specific studies (in particular, audits), proxy indicators, official institutional reports, and data collected from court cases or the media⁴; as well as statistical and analytical approaches⁵.

The approaches listed above do not provide an exhaustive picture of corruption, as each of them has both advantages and disadvantages, as well as inherent limitations. The most reliable understanding of the level of corruption, its dynamics, and the scale of its prevalence is possible only through the use of a set of instruments, that is, within the framework of a comprehensive approach⁶.

¹ Heinrich F., Hodess R. Measuring corruption // Handbook of Global Research and Practice in Corruption / eds. A. Graycar, R.G. Smith. – Edward Elgar Publishing, 2011. – p. 19.; Perumal K. Corruption measurements: caught between conceptualizing the phenomenon and promoting new governance agenda? // Vision – The Journal of Business Perspective. – 2022. – Vol. 26. – pp. 32–33.

² Shumanov I.V. Analiz podhodov k issledovaniyu fenomena korrupcii i sovremennye issledovatel'skie praktiki korrupcii // Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – p. 28. (in Russian).

³ Lučić D., Golubović N., Džunić M. Measuring corruption – key issues, data sources and the most commonly used indicators // FACTA UNIVERSITATIS - Economics and Organization. – Vol. 13, No. 1. – 2016. – p. 108.

⁴ Jelinek J. Developing corruption indicators at the municipal level: prosecution mined data for Spain. – Universitat Jaume I; Universitat de València, 2021. – p. 5.

⁵ Turdikulov Sh.X. Quantitative assessment of corruption and its peculiarities // American Journal of Interdisciplinary Research and Development. – 2022. – Vol. 10. – p. 269.

⁶ Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Measuring corruption: myths and realities // Development Outreach. – 2007. – p. 5.; Rohwer A., Hülsewig A. Measuring corruption: a comparison between the Transparency International's Corruption Perceptions Index and the World Bank's Worldwide Governance Indicators // Leibniz Institute for Economic Research at the University of Munich. – 2009. – Vol. 7, No. 3. – p. 43.; Heinrich F., Hodess R. Measuring corruption // Handbook of Global Research and Practice in Corruption / eds. A. Graycar, R.G. Smith. – Edward Elgar Publishing, 2011. – p. 20.; De Beco G. Monitoring corruption from a human rights perspective // The International Journal of Human Rights. – 2011. – Vol. 15, No. 7. – p. 1119.; Krylova Yu.V. Osnovnye podhody k izmereniyu i ocenke korrupcii: analiticheskij obzor // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. – 2012. – № 2. – p. 51. (in Russian); Lučić D., Golubović N., Džunić M. Measuring corruption – key issues, data sources and the most commonly used indicators // FACTA UNIVERSITATIS - Economics and Organization. – Vol. 13, No. 1. – 2016. – pp. 113–114.; Babkina N.A., Nejvert V.D. Analiz metodov i podhodov izmereniya masshtabov korrupcii // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Estestvennye

In this article, particular attention is paid to sociological research as one of the key instruments for understanding corruption processes. This choice is determined not only by their methodological potential, but also by the direct normative consolidation of the relevant approach in national legislation. Thus, the Law of the Republic of Uzbekistan “On Combating Corruption”¹ provides for the need for a comprehensive study of the state of corruption, including its nature, scale, dynamics, and main trends, as well as for the assessment of the effectiveness of the implemented state anti-corruption policy. The achievement of these objectives is explicitly linked by the legislator to the conduct of sociological, special, and scientific research.

In this context, sociological research is aimed not only at identifying the most vulnerable sectors and spheres of public relations exposed to corruption risks and at determining the causes and conditions of their emergence and spread, but also at examining public perceptions of corruption and assessing the level of trust in state institutions.

The conduct of sociological research in Uzbekistan is characterized by broad thematic coverage and a diversity of target groups. Within the framework of such studies, the opinions of various population categories are examined, which makes it possible to form a comprehensive and multidimensional understanding of the state of corruption, its perception by the population, the prevalence of corrupt practices, and the effectiveness of anti-corruption measures implemented by the state and society.

The subject matter of sociological research conducted encompasses a wide range of key areas of socially significant activity directly related to anti-corruption issues. These include the level of legal awareness and citizens’ willingness to participate in anti-corruption activities, the degree of trust in state institutions, public attitudes toward corruption as a threat

i ekonomicheskie nauki. – 2022. – № 99. – p. 130. (in Russian).; Fazekas M., Ferrali R. Advances in measuring corruption and agenda for the future. – Budapest: Government Transparency Institute, 2023. – GTI-WP/2023:01. – p. 20.

¹ Law of the Republic of Uzbekistan No. ZRU-419 of 3 January 2017 “On Combating Corruption”
// <https://lex.uz/ru/docs/3088013>

to sustainable social and state development, as well as issues related to the business sector and corruption risks in socially sensitive spheres such as education, healthcare, the public–private partnership system, and the activities of law enforcement bodies. Particular attention is paid to examining factors influencing citizens' willingness to report corruption offenses, as well as to analyzing the role of such reports in enhancing the overall effectiveness of anti-corruption mechanisms.

A significant characteristic of these studies is the broad and diversified composition of respondents, which ensures the representativeness and multidimensionality of the data obtained. Within the framework of sociological surveys and studies, the opinions and attitudes of youth, the general population, entrepreneurs, and representatives of various professional groups, as well as civil servants and law enforcement officers – sectors traditionally exposed to heightened corruption risks – are analyzed. Such diversity of target groups makes it possible to identify specific forms of corruption manifestations in different sectors, determine factors influencing the perception of corruption, the formation of legal awareness, and citizens' readiness for lawful responses, as well as to conduct a comprehensive assessment of the effectiveness of implemented anti-corruption measures.

The territorial coverage of sociological research is also of significant importance, as it is comprehensive and extends to all regions of the Republic of Uzbekistan. This creates conditions for capturing the regional specificity of corruption manifestations, identifying differences in the level of trust in state institutions, and analyzing the particularities of the perception of corruption risks in various sociocultural contexts. The broad geographical scope of such research makes it possible not only to identify regional differences in the perception of corruption and local corruption risks, but also to formulate targeted and differentiated recommendations aimed at enhancing the effectiveness of anti-corruption measures while taking regional characteristics into account.

The methodological framework of the sociological research conducted is characterized by the use of a variety of qualitative and

quantitative methods. In particular, expert surveys, in-depth interviews, and focus groups are employed, making it possible to identify behavioral motivations, latent factors, and causal relationships underlying corruption manifestations. Alongside these, modern data collection tools have become widely used, including computer-assisted telephone surveys, online questionnaires, and anonymous surveys, which ensure broader respondent coverage and enhance the reliability of the results obtained. A significant role is also played by regional and sectoral studies, which make it possible to take territorial differences and the specificities of particular spheres of public life into account. The use of a combination of qualitative and quantitative methods forms a comprehensive and multidimensional approach to the study of corruption.

An additional advantage of sociological research lies in its longitudinal nature, which makes it possible to track the dynamics of public perceptions of corruption and to assess the effectiveness of implemented anti-corruption measures over a period of several years. At the same time, a key feature of such research is its pronounced applied orientation. The results obtained are used not only to record the current state of corruption processes, but also to improve state anti-corruption policy, as well as its individual directions and instruments. In particular, research materials are applied in the development of sectoral anti-corruption documents and in the formulation of targeted recommendations, which contributes to identifying systemic problems, existing corruption risks, and their underlying causes and conditions.

The applied nature of sociological research is also manifested in the fact that a significant portion of proposals and recommendations is formulated directly by the respondents themselves. The aggregation of initiatives and proposals put forward by citizens makes it possible to develop practical recommendations that are maximally adapted to real public demands, thereby contributing to an increase in the effectiveness and sustainability of state anti-corruption policy.

Summarizing the above, it should be concluded that corruption requires the application of a comprehensive set of scientific tools for its

objective measurement and thorough assessment. The high variability of corruption manifestations, their adaptability to socio-economic and politico-legal changes, as well as the significant latency of such offenses, give rise to methodological difficulties in the development of unified criteria and approaches to the study of corruption. Under these conditions, recourse to sociological research acquires particular significance, as it makes it possible to capture both the actual parameters of corruption and those perceived by society.

The broad coverage of target groups, the diversity of research themes, and the regularity of studies ensure the formation of a comprehensive understanding of the state of corruption, the level of its social acceptability, public trust in state institutions, and the dynamics of civic activity. Equally important is the fact that the results of sociological research in Uzbekistan have a distinctly applied character.

Sociological research plays an important role in the system of combating corruption in the Republic of Uzbekistan. The further development of the methodology of such research, the gradual shift from perception-based approaches to the study of experience, the expansion of thematic coverage and categories of respondents, and the improvement of mechanisms for data analysis and interpretation will contribute to increasing the accuracy of assessments, strengthening public trust, and enhancing the effectiveness and efficiency of anti-corruption activities in general, and anti-corruption monitoring in particular.

**PULATOV SARDOR
BAKHODIROVICH**

Doctoral Student, Law Enforcement
Academy of the Republic of Uzbekistan

**ALGORITHMIC ACCOUNTABILITY AS AN ELEMENT OF
ANTI-CORRUPTION REGULATION IN THE DIGITAL AGE: A
CONCEPTUAL AND IMPLEMENTATION FRAMEWORK FOR
UZBEKISTAN**

***Abstract:** Digital transformation is reshaping corruption risks and the architecture of public integrity systems. While artificial intelligence (AI) and automated decision-making tools offer new ways to detect anomalies and improve efficiency, they also introduce challenges regarding accountability. If unchecked, algorithmic decisions in government can embed biases or even facilitate corrupt practices behind a veneer of objectivity. This article argues that algorithmic accountability – the requirement that public authorities be answerable for automated decisions – should be developed as a preventive anti-corruption mechanism. Drawing on rule-of-law principles and emerging international guidelines, the study proposes a conceptual framework for algorithmic accountability and outlines an implementation roadmap for Uzbekistan. The aim is to ensure that as the Uzbek public sector embraces digital governance, it also embeds transparency, oversight, and legal safeguards to uphold integrity.*

***Annotatsiya:** Raqamli transformatsiya korrupsiya xavflarining tabiatini va ommaviy halollik tizimlarining institutsional arxitekturasini tubdan o'zgartirmoqda. Sun'iy intellekt (SI) va avtomatlashtirilgan qaror qabul qilish vositalari anomaliyalarni aniqlash hamda samaradorlikni oshirish uchun yangi imkoniyatlar yaratayotgan bo'lsa-da, ular bilan bir qatorda javobgarlik masalalarini ham yuzaga keltirmoqda. Tegishli nazorat mexanizmlarisiz davlat boshqaruvida qo'llaniladigan algoritmik qarorlar xolislikni buzuvchi tarafkashlikni mustahkamlashi yoki soxta obyektivlik niqobi ostida korrupsiyaviy amaliyotlarga sharoit yaratishi mumkin. Mazkur maqolada algoritmik javobgarlik — ya'ni davlat organlarining avtomatlashtirilgan qarorlar uchun javob berish majburiyati — korrupsiyaning oldini olishga qaratilgan mexanizm sifatida shakllantirilishi lozimligi asoslab beriladi. Huquq ustuvorligi tamoyillari va shakllanib borayotgan xalqaro tavsiyalar asosida tadqiqot algoritmik javobgarlikning konseptual modelini*

taklif etadi hamda uni O'zbekiston Respublikasida joriy etish bo'yicha yo'l xaritasini ishlab chiqadi. Tadqiqotning maqsadi O'zbekistonda raqamli davlat boshqaruvini rivojlantirish jarayonida shaffoflik, nazorat va huquqiy kafolatlar tizimli ravishda mustahkamlanishini ta'minlashdan iborat.

Аннотация: Цифровая трансформация коренным образом изменяет характер коррупционных рисков и архитектуру систем публичной добропорядочности. Хотя искусственный интеллект (ИИ) и инструменты автоматизированного принятия решений открывают новые возможности для выявления аномалий и повышения эффективности, они одновременно порождают проблемы, связанные с подотчётностью. При отсутствии надлежащего контроля алгоритмические решения в деятельности государственных органов могут закреплять предвзятость или даже способствовать коррупционным практикам под прикрытием мнимой объективности. В статье обосновывается тезис о том, что алгоритмическая подотчётность — как обязанность публичных органов нести ответственность за автоматизированные решения — должна рассматриваться в качестве превентивного антикоррупционного механизма. Опираясь на принципы верховенства права и формирующиеся международные рекомендации, в исследовании предлагается концептуальная модель алгоритмической подотчётности, а также излагается дорожная карта её внедрения в Республике Узбекистан. Целью является обеспечение того, чтобы процесс внедрения цифрового государственного управления в Узбекистане сопровождался институционализацией прозрачности, надзора и правовых гарантий, направленных на поддержание добропорядочности.

Keywords: *algorithmic accountability; anti-corruption regulation; rule of law; AI governance; integrity systems; Uzbekistan; UNCAC; OECD; EU AI Act.*

Kalit so'zlar: *algoritmik javobgarlik; korrupsiyaga qarshi tartibga solish; huquq ustuvorligi; sun'iy intellektni boshqarish; halollik tizimlari; O'zbekiston; BMTning Korrupsiyaga qarshi konvensiyasi; OECD; Yevropa Ittifoqining Sun'iy intellekt to'g'risidagi akti.*

Ключевые слова: *алгоритмическая подотчётность; антикоррупционное регулирование; верховенство права; управление искусственным интеллектом; системы добропорядочности; Узбекистан; Конвенция ООН против коррупции; ОЭСР; Акт ЕС об искусственном интеллекте.*

Introduction

The rapid digitization of public administration has significantly altered the landscape of corruption risks. Governments worldwide are adopting AI-driven systems for tasks ranging from service delivery to law enforcement, aiming to enhance efficiency and objectivity. However, these same algorithmic tools can create opacity in decision-making, making it harder to detect bias or abuse. Without adequate safeguards, delegating decisions to algorithms may enable new forms of corruption – for example, by embedding preferential treatment in code or by obscuring accountability behind automated processes.¹ Recognizing these dangers, policymakers and scholars have begun to emphasize algorithmic accountability as a critical component of good governance in the digital age².

Uzbekistan is no exception to this trend. In recent years, the Uzbek government has launched ambitious reforms to modernize public services and combat corruption. The creation of an Anti-Corruption Agency in 2020 and the adoption of e-government initiatives signal a high-level commitment to integrity and transparency³. National strategies such as “Digital Uzbekistan 2030” underscore the country’s vision to harness digital technologies in governance. At the same time, Uzbekistan’s leadership acknowledges that technological innovation must be matched by robust accountability measures. Indeed, the 2025 Tashkent Anti-Corruption Forum highlighted the use of AI in combating corruption as a key theme, reflecting both the potential and the risks of automated governance⁴. In this context, ensuring algorithmic accountability in

¹ Niklas Kossow, Svea Windwehr and Matthew Jenkins, Algorithmic Transparency and Accountability (Transparency International 2021) <https://www.jstor.org/stable/resrep30838> accessed 23 June 2021.

² Actions for Transparent and Accountable Digital Governance, Open Government Partnership (OGP, 6 April 2021) <https://www.opengovpartnership.org/actions-for-transparent-and-accountable-digital-governance/> accessed [insert date you accessed it].

³ OECD, Anti-Corruption Reforms in Uzbekistan: Fourth Round of Monitoring of the Istanbul Anti-Corruption Action Plan (OECD Publishing 2019) <https://doi.org/10.1787/46942986-en>.

⁴ Uzbekistan Deepens Its Anti-Corruption Efforts Through a Series of Thematic Discussions (Delegation of the European Union to Uzbekistan, 22 October 2025) https://www.eeas.europa.eu/delegations/uzbekistan/uzbekistan-deepens-its-anti-corruption-efforts-through-series-thematic-discussions_en accessed [insert date you accessed it]

public-sector AI tools has become an urgent task for aligning Uzbekistan's digital transformation with the rule of law.

This article examines how algorithmic accountability can serve as a preventive anti-corruption mechanism in Uzbekistan's public administration. It first elucidates the concept and theoretical foundations of algorithmic accountability, drawing on international standards and principles. It then discusses the current legal and institutional landscape in Uzbekistan, identifying gaps and opportunities for embedding algorithmic accountability into national anti-corruption efforts. Finally, a phased implementation roadmap is proposed, offering practical steps for integrating accountability tools (such as audits, impact assessments, and oversight bodies) into the development and deployment of AI systems in government. The findings aim to contribute to policy discourse by providing a structured framework for marrying technology-driven innovation with enduring principles of accountability and transparency in governance.

Theoretical Framework

In essence, algorithmic accountability refers to the obligation of those who design, deploy or oversee AI systems to ensure these systems can be monitored, questioned, and rectified in case of error or abuse. It extends traditional notions of public-sector accountability to the realm of automated decision-making. This means that when government agencies use algorithms – for example, to allocate social benefits or flag fraudulent transactions – they remain answerable for how those algorithms make decisions. The concept has gained traction recently as scholars warn of “accountability deficits” in algorithmic governance¹. Unlike human decision-makers, algorithms do not explain themselves, which complicates the task of assigning responsibility when things go wrong. Algorithmic accountability seeks to fill this gap by requiring measures such as transparency about how an algorithm works, record-keeping of its decisions, and mechanisms for human review and redress. Ultimately, it

¹ Mădălina Busuioc, ‘Accountable Artificial Intelligence:Holding Algorithms to Account’ (2021) 81(5) Public Administration Review 825–836 <https://doi.org/10.1111/puar.13293>

stipulates that automating a decision does not absolve authorities of the duty to justify and correct that decision.

From a corruption prevention perspective, algorithmic accountability is vital. Corruption often thrives in opacity and unchecked discretion. Algorithmic systems, if improperly configured or intentionally manipulated, can become a new avenue for corruption – for instance, by systematically favoring certain individuals or companies in public procurement, or by hiding biased allocations behind a facade of algorithmic impartiality¹. A recent analysis by Transparency International notes that opaque AI decision-making can enable abuse of power, and stresses the need for accountability and transparency safeguards to prevent corrupt outcomes². By ensuring algorithms are transparent and subject to oversight, algorithmic accountability can deter corrupt insiders from exploiting these tools for personal gain. It also provides assurance to the public that AI applications in government are serving the public interest, not particularistic agendas. In this way, embedding accountability into algorithmic systems strengthens the overall integrity framework: it makes it easier to detect wrongdoing and assign responsibility, thereby closing potential loopholes that tech-savvy corrupt actors might otherwise exploit.

The push for algorithmic accountability is reflected in emerging international standards on AI governance. Global bodies emphasize that AI systems used by governments must be deployed in line with rule-of-law values. For example, UNESCO’s 2021 Recommendation on the Ethics of AI calls for responsibility and accountability in AI usage, stating that such systems “should be auditable and traceable” and that oversight and impact assessment mechanisms are needed to avoid abuse³. Similarly,

¹ Niklas Kossow, Svea Windwehr and Matthew Jenkins, Algorithmic Transparency and Accountability (Transparency International 2021)
<https://www.jstor.org/stable/resrep30838> accessed 23 June 2021.

² Niklas Kossow, Svea Windwehr and Matthew Jenkins, Algorithmic Transparency and Accountability (Transparency International 2021)
<https://www.jstor.org/stable/resrep30838> accessed 23 June 2021.

³ UNESCO, Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (UNESCO)
https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation_ethics accessed [insert date]

the OECD's AI Principles (2019) highlight transparency and accountability as key pillars for trustworthy AI. These principles urge governments to ensure that AI decisions can be scrutinized and that those impacted have avenues for recourse. Although not legally binding, they set a benchmark that many countries strive to meet. In the specific context of anti-corruption, international conventions like the United Nations Convention against Corruption (UNCAC) implicitly support technology-driven transparency and accountability measures. While UNCAC predates the AI era, its requirements for transparent public administration and safeguards against misuse of discretionary power provide a normative basis for advocating algorithmic accountability in today's digital governance¹. Additionally, multi-stakeholder initiatives such as the Open Government Partnership have begun sharing best practices on algorithmic accountability policies across countries². The overall message from the international community is clear: governments should harness AI for public good, but in doing so they must put in place robust accountability and oversight to uphold integrity and public trust.

Discussion

Over the past decade, Uzbekistan has undertaken significant steps to strengthen its anti-corruption regime and modernize governance. A landmark Law “On Combating Corruption” was adopted in 2017, establishing a legal foundation for integrity in the public sector. In 2020, the government created the Anti-Corruption Agency, a specialized body to coordinate national efforts in preventing and detecting corruption. These developments, coupled with administrative reforms, reflect a top-level commitment to break from past practices and instill accountability in public service³.

you accessed it]

¹ Niklas Kossow, Svea Windwehr and Matthew Jenkins, Algorithmic Transparency and Accountability (Transparency International 2021)

<https://www.jstor.org/stable/resrep30838> accessed 23 June 2021.

² Actions for Transparent and Accountable Digital Governance, Open Government Partnership (OGP, 6 April 2021) <https://www.opengovpartnership.org/actions-for-transparent-and-accountable-digital-governance/> accessed [insert date you accessed it].

³ OECD, Anti-Corruption Reforms in Uzbekistan: Fourth Round of Monitoring of the Istanbul

Simultaneously, Uzbekistan has embraced digital transformation as a governance priority. The “Digital Uzbekistan 2030” strategy and related e-government initiatives have introduced online public services, digital procurement platforms, and data-driven decision tools across various agencies. This convergence of anti-corruption reforms and digital innovation sets the stage for implementing algorithmic accountability. On one hand, there is political will to enhance transparency and oversight; on the other, there is a rapid deployment of AI and algorithms in government functions. However, as of now, Uzbekistan’s legal framework does not explicitly regulate the use of AI in public decision-making. Existing laws address general principles of administrative fairness and transparency, but they do not yet contain provisions ensuring that automated systems are auditable or that officials remain answerable for algorithm-driven actions. Bridging this gap will likely require new regulations or amendments – for example, guidelines clarifying that decisions informed by algorithms must be reviewable, or mandates that agencies conduct risk assessments before adopting high-impact AI tools.

Integrating algorithmic accountability into Uzbekistan’s governance will involve both legal reforms and institutional capacity-building. Legally, a first step could be to codify the core requirements of algorithmic accountability (transparency, explainability, auditability, and redress) into law or binding regulations. For instance, a legislative act or government decree might require that any algorithm used in public administration be subject to an algorithmic impact assessment prior to deployment – evaluating risks of bias or corruption – and that results of such assessments be made available to oversight bodies. Moreover, data governance rules should mandate preservation of decision logs and data inputs for algorithms, to enable audits¹.

International experience offers some models: countries like France and Canada have pioneered algorithmic assessment frameworks for their

Anti-Corruption Action Plan(OECD Publishing 2019) <https://doi.org/10.1787/46942986-en>.

¹ Sandra Wachter, Brent Mittelstadt and Luciano Floridi, ‘Transparent, Explainable, and Accountable AI’ (2017) 2 Harvard Journal of Law & Technology 1.

public sectors, and the proposed Algorithmic Accountability Act in the United States seeks to enforce auditing of AI systems for bias and fairness¹. Uzbekistan can draw on these examples to craft its own standards aligned with its legal tradition and anti-corruption goals.

Institutionally, clarifying roles and strengthening oversight mechanisms will be critical. The Anti-Corruption Agency (ACA) could be tasked with supervising the integrity of algorithmic systems used by public bodies, as part of its mandate to identify corruption risks. This would entail the ACA developing expertise in auditing algorithms and coordinating with IT specialists². Additionally, other existing institutions can contribute: the national Personal Data Protection Authority, for example, might oversee privacy and data misuse aspects of government AI systems; the Ministry of Justice could ensure that algorithmic decision-making complies with administrative procedural law; and the Digital Development Ministry (responsible for e-government) could issue technical standards for algorithm transparency. Creating inter-agency working groups or committees on AI ethics and accountability would facilitate knowledge-sharing and consistent practices. Another institutional component is external oversight: empowering civil society and independent experts to scrutinize algorithmic tools. Uzbekistan could consider establishing an advisory council on AI in public administration, including academics, tech industry representatives, and civic activists, to review and advise on major AI deployments. Over time, these combined efforts would embed a culture of accountability, so that officials understand they are answerable for both manual and automated decisions.

Translating the above principles into practice will require concrete tools and a phased approach. On an operational level, several measures can be introduced relatively quickly. One is the adoption of algorithmic impact assessments (AIAs) for new high-risk AI systems – a structured process to evaluate how an algorithmic application might affect fairness,

¹ Danielle Citron, 'Technological Due Process' (2008) 85 Washington University Law Review 1249.

² UNESCO, Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (2021)

transparency, and corruption risks before it goes live. Such assessments should involve not only technical testing for biases but also consultation with stakeholders to identify any governance concerns¹. Another measure is to implement mandatory audit trails in all algorithmic systems used for significant decisions. This means the system should keep a log of inputs, processes, and outputs, enabling ex-post review of how a decision was reached and whether any irregularities occurred. These audit trails would be invaluable if a decision is challenged or if an investigation is needed into suspected malfeasance. In addition, integrity-by-design principles should be embraced: when procuring or developing algorithmic tools, agencies must include features that facilitate oversight – for example, dashboards for human supervisors, or built-in alert systems when anomalous patterns (which could indicate error or manipulation) are detected.

Implementing algorithmic accountability will be a gradual process. A phased roadmap can help manage this change. In Phase 1 (short-term, next 1–2 years), the focus could be on building awareness and pilot-testing. The government might select a few critical areas (such as public procurement or tax administration) to pilot algorithmic accountability measures, conduct training workshops for officials on AI ethics and accountability, and develop initial guidelines. Early successes and lessons from these pilots would inform broader rollout. In Phase 2 (medium-term, 3–5 years), formal regulations and institutional structures should be in place. By this stage, laws or decrees on AI use in government would be adopted, the ACA and other oversight bodies would have dedicated units for algorithm oversight, and routine algorithmic impact assessments would be standard procedure for new systems. This phase could also involve upgrading IT infrastructure to support transparency (for instance, creating registries of algorithms in use, with public-facing information about their purpose and design). Finally, in Phase 3 (long-term, 5+ years), algorithmic accountability should be fully integrated into the fabric of

¹ Virginia Dignum, *Responsible Artificial Intelligence: How to Develop and Use AI in a Responsible Way* (Springer 2019).

public administration. The expectation would be that any digital system is launched only after rigorous vetting for integrity risks, and that continuous monitoring is in effect. Uzbekistan's goal by this stage would be to have a reputation regionally as a leader in accountable AI governance. Importantly, throughout all phases, international cooperation and knowledge exchange can bolster domestic efforts – Uzbekistan can collaborate with organizations like the OECD, UNDP, or regional peers to stay updated on best practices and to receive expert support.

In summary, the discussion highlights that algorithmic accountability is not a one-off checkbox but an ongoing commitment. It spans legal rules, institutional arrangements, and technical practices¹. By starting with clear legal mandates and empowering oversight institutions, and then methodically building the necessary tools and culture, Uzbekistan can create an environment where AI strengthens public trust rather than undermining it. The ultimate objective is that the introduction of advanced technologies in governance does not outpace the safeguards that ensure those technologies are used ethically and in the public interest.

Conclusion

As Uzbekistan navigates the opportunities and challenges of digital governance, embedding algorithmic accountability will be essential to safeguard public trust. The analysis has shown that algorithmic accountability is not merely a technical concern, but a governance imperative grounded in the rule of law and anti-corruption principles. By conceptualizing how AI systems can be held to account – through transparency, oversight, and legal responsibility – this article has outlined a framework to prevent abuses of these technologies. International experience and standards confirm that governments must proactively manage the integrity risks of AI, rather than assume that algorithms are infallible or neutral by default².

¹ Cary Coglianese and David Lehr, 'Regulating by Robot' (2017) 105 Georgetown Law Journal 1147.

² UNESCO, Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence (UNESCO 2021); Cary Coglianese and David Lehr, 'Regulating by Robot: Administrative Decision-Making in the Machine-Learning Era' (2017) 105 Georgetown Law Journal 1147.

For Uzbekistan, implementing algorithmic accountability offers a path to ensure its ambitious digital transformation does not inadvertently create new corruption loopholes. It requires action on multiple fronts: updating laws and regulations to set clear expectations for AI use in the public sector; empowering institutions like the Anti-Corruption Agency to oversee algorithmic decision-making; and adopting practical tools (impact assessments, audits, etc.) to make transparency and oversight routine. These steps will reinforce the progress Uzbekistan has made in combating corruption by extending it into the digital realm. Crucially, algorithmic accountability aligns with Uzbekistan's broader commitment to international best practices and innovation. By holding algorithms to the same standards of integrity and accountability expected of human officials, Uzbekistan can foster greater confidence in its modernized public services.

Algorithmic accountability represents a necessary evolution of anti-corruption regulation in the digital age. It bridges the gap between technological innovation and ethical governance. As Uzbekistan and other countries continue to deploy AI in administration, those who also implement strong accountability frameworks will be better positioned to reap the benefits of technology while upholding the fundamental values of transparency, fairness, and public accountability¹.

¹ Mădălina Busuioc, 'Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account' (2021) 81(5) Public Administration Review 825–836;

**MAHMARAHIMOV IXTIYOR
BAXTIYOROVICH**

Toshkent davlat yuridik universiteti
mustaqil izlanuvchisi

**TENDER SAVDOLARIDA RAQOBATGA ZID RAVISHDA
TUZILGAN BITIMLAR BO‘YICHA JAVOBGARLIKNI
TAKOMILLASHTIRISH ISTIQBOLLARI**

***Annotatsiya:** O‘zbekiston iqtisodiyotida davlat xaridlari bozor talabining sezilarli qismini shakllantiruvchi asosiy mexanizmlarda biri hisoblanadi. Infratuzilmalar, ta’lim, sog‘liqni saqlash va kommunal xizmatlar bo‘yicha yirik loyihalarning ko‘pi tenderlar orqali amalga oshirilishi tender jarayonlarining shaffofligi va raqobatbardoshligi masalasini huquqiy davlat va qonun ustuvorligi nuqtai nazaridan strategik darajaga olib chiqadi. Amaliyotda esa “Raqobat to‘g‘risida”gi Qonun va “Davlat xaridlari to‘g‘risida”gi Qonunda mustahkamlangan ochiqlik, shaffoflik, xolislik va sog‘lom raqobat tamoyillariga zid ravishda tenderlarda til biriktirish (bid rigging), g‘olibni oldindan belgilash, lotlarni sun‘iy birlashtirish, ayrim ishtirokchilarni asossiz chetlatish, buyurtmachi va tadbirkorlar o‘rtasidagi korrupsion kelishuvlar kabi sxemalar uchrab turibdi. Bu esa davlat xaridlarida va tender savdolarida raqobatga zid amalga oshirilgan xatti-harakatlar uchun javobgarlik choralari takomillashtirish zaruriyatini keltirib chiqaradi.*

***Abstract:** In economy of Uzbekistan, public procurement constitutes one of the key mechanisms that shape a significant share of market demand. The fact that major infrastructure, education, healthcare, and public utility projects are implemented through tender procedures elevates the issues of transparency and competitiveness in tenders to a strategic level from the perspective of the rule of law and good governance. In practice, however, despite the principles of openness, transparency, impartiality, and fair competition enshrined in the Law “On Competition” and the Law “On Public Procurement,” various anti-competitive and corrupt schemes continue to occur. These include bid rigging, pre-determination of the winner, artificial merging of lots, unjustified disqualification of participants, and collusive arrangements between procuring entities and businesses. Such practices necessitate the improvement of liability mechanisms for anti-competitive conduct in public procurement and tender processes.*

Kalit soʻzlar: davlat xaridlari, tender, til biriktirish, bid rigging, kartel kelishuvlar.

Keywords: public procurement, tender, collusion, bid rigging, cartel agreements.

Davlat xaridlari Oʻzbekiston iqtisodiyotida alohida oʻrin tutadi. Mamlakatimizda davlat budjeti hisobidan moliyalashtiriladigan infratuzilma, taʼlim, sogʻliqni saqlash va boshqa ijtimoiy-iqtisodiy loyihalar tenderlar orqali amalga oshiriladi. Davlatning iqtisodiyotdagi ulushi yuqoriligi sababli tenderlar bozor talabining muhim qismiga aylangan. Shu bois tender mexanizmlarining toʻgʻri ishlashi narxlar shakllanishi, bozor ishtirokchilarining teng raqobat sharoitida faoliyat yuritishi va iqtisodiy islohotlar natijadorligiga bevosita taʼsir koʻrsatadi. “Davlat xaridlari toʻgʻrisida”gi Qonun xarid jarayonlarini ochiqlik, shaffoflik, xolislik, tejamkorlik va raqobat tamoyillariga asoslanishi lozimligini belgilaydi.¹ “Raqobat toʻgʻrisida”gi Qonun esa tenderlarda raqobatga qarshi harakatlarni alohida tartibga soladi. Qonunning 19-moddasida narxlarni kelishib belgilash, bozorni hudud yoki mijozlar boʻyicha taqsimlab olish, tanlov va auksionlarda takliflarni oldindan kelishish kabi kartel bitimlar qatʼiy taqiqlanadi. 29-modda esa ommaviy tenderlarda buyurtmachilar, tashkilotchilar va ishtirokchilar uchun maxsus cheklovlarini belgilab, ayrim ishtirokchilarga afzallik yaratish, raqobatni cheklovchi talablarni tender hujjatlariga kiritish, ishtirokchilarni asossiz rad etish, maxfiy maʼlumotlarni oshkor etish va raqobatga qarshi bitimlar tuzishni noqonuniy deb eʼtirof etadi.²

Tenderlarda til biriktirish (bid rigging)³ – kompaniyalar takliflarni mustaqil shakllantirish oʻrniga yashirin kelishuv asosida harakat qiladigan holatlar Oʻzbekistonda ham dolzarb muammo sifatida namoyon

¹ Oʻzbekiston Respublikaning “Davlat xaridlari toʻgʻrisida”gi Qonun. 22.04.2021 yildagi OʻRQ-684 <https://lex.uz/docs/-5382974>

² Oʻzbekiston Respublikasining “Raqobat toʻgʻrisida”gi Qonuni. 03.07.2023 yildagi OʻRQ-850-son <https://lex.uz/uz/docs/-6518381>

³Guidelines for fighting bid rigging in public procurement https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2009/02/guidelines-for-fighting-bid-rigging-in-public-procurement_d4a5f7a8/8cfeafbb-en.pdf

bo‘lmoqda. Til biriktirishning asosiy shakllariga narxlarni muvofiqlashtirish (price fixing), takliflarni sun’iy cheklash (bid suppression), “uch mushketyor” yoki cover bidding sxemalari, takliflarni navbatma-navbat taqsimlash (bid rotation), bozorni hudud, mijoz yoki lotlar bo‘yicha taqsimlab olish (market allocation), g‘olib bo‘lgan kompaniyaning tenderda ataylab “yutqazgan” ishtirokchilarga subpudrat orqali foydaning bir qismini qaytarishi kabi yashirin subpudrat kelishuvlari kiradi. Bunday kelishuvlar tender natijalarini raqobatga emas, balki oldindan kelishilgan manfaatlarga bog‘lab qo‘yadi, narxlarning sun’iy oshishiga, sifatning pasayishiga, yangi ishtirokchilar uchun bozorga kirish to‘siqlari kuchayishiga va tenderlar tizimiga umumiy ishonchning susayishiga olib keladi.¹

Raqobat qonunchiligi tenderlardagi huquqbuzarliklarni shartli ravishda uch guruhga ajratish imkonini beradi: buyurtmachilar tomonidan sodir etiladigan buzilishlar (tender shartlarini “kerakli” kompaniyaga moslab yozish, talablarni ataylab murakkablashtirish, ishtirokchilarni asossiz rad etish, baholashda subyektivlik, maxfiy ma’lumotlarni “kerakli” ishtirokchiga uzatish, lotlarni sun’iy yiriklashtirish va boshqalar); tadbirkorlar o‘rtasidagi til biriktirish sxemalari (narxlarni kelishib belgilash, takliflarni cheklash, navbatma-navbat g‘oliblik, market allocation, yashirin subpudrat kelishuvlari, bir xil shakl va xatolar bilan tayyorlangan takliflar va hokazo); buyurtmachi va tadbirkor o‘rtasidagi korrupsion kelishuvlar (tender g‘olibini oldindan belgilab qo‘yish, soxta hujjatlar tayyorlash, narxni sun’iy oshirish va ortiqcha mablag‘ni “bo‘lishib olish”). Bu harakatlar nafaqat raqobat huquqini, balki korrupsiyaga qarshi me’yorlarni ham buzadi.

Xorijiy tajribaga qaraydigan bo‘lsak, xususan Iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkiloti (OECD)ning “Fighting Bid Rigging in Public Procurement” tavsiyalari², Yevropa Ittifoqi doirasida (TFEU)

¹ Xodjayeov, B.K., va boshq. Raqobat huquqi: darslik. T.: TDYU nashriyoti, 2025. – 384.

² Recommendation of the Council on Fighting bid rigging in public procurement. <https://www.studocu.com/en-us/document/chamberlain-university/nursing/oecd-legal-instruments-on-fighting-bid-rigging-in-public-procurement/143916471>

101-moddasi¹ va AQSH Sherman Akti amaliyoti tenderlarda til biriktirishga qarshi kurashda bir qator ilg'or yondashuvlarni ishlab chiqqan. IHTT tender o'tkazishni to'g'ri tashkil etish, kartel alomatlarini erta bosqichda aniqlash bo'yicha ko'rsatkichlar tizimi (70+ indikator), og'ir moliyaviy jarimalar va tenderlardan chetlatish mexanizmlarini tavsiya etadi. Yevropa Ittifoqida leniency – pushaymonlik dasturlari, kompaniyaning global aylanmasining 10 foizigacha yetadigan jarimalar, tender ma'lumotlarining maksimal ochiqligi qo'llanadi.² AQSHda bid rigging og'ir jinoiy qilmish sifatida baholanib, yirik jarimalar bilan bir qatorda kompaniya rahbarlari uchun qamoq jazosi va whistleblowing mexanizmi, ya'ni huquqbuzarlikni fosh etgan shaxslarga moliyaviy rag'bat berish tizimi mavjud.

O'zbekiston davlat xaridlari tizimida so'nggi yillarda raqamlashtirish va ochiqlik bo'yicha sezilarli ijobiy o'zgarishlar kuzatilayotgan bo'lsa-da, amaliyotda bir qator tizimli muammolar saqlanib qolmoqda. Jumladan, tenderni tashkil etish va baholash mezonlari bo'yicha buyurtmachining haddan tashqari vakolati kengligi, Raqobat qo'mitasining vakolatlari asosan raqobatga zid xatti-harakat sodir etilganda so'nggina qo'llanilayotganligi, kartel alomatlarini aniqlash bo'yicha metodikalarning sustligi, jarimalarning iqtisodiy zarar bilan mutanosib emasligi, davlat korxonalari uchun yashirin ustunliklar hamda jamoatchilik nazoratining zaifligi tenderlarning raqobatbardoshligini pasaytiradi.

Tenderlarda raqobatga zid harakatlarga qarshi kurashish qonun ustuvorligini ta'minlashning muhim yo'nalishlaridan biri bo'lib, bu jarayonda "Raqobat to'g'risida"gi va "Davlat xaridlari to'g'risida"gi qonunlarning samarali qo'llanishi, raqobat organi va huquqni muhofaza qilish organlarining institutsional salohiyatini kuchaytirish hal qiluvchi ahamiyatga ega. Xorijiy tajriba va milliy amaliyotni hisobga olgan holda quyidagi yo'nalishlarda islohotlar maqsadga muvofiq:

¹ The treaty on the functioning of the European Union. <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:12012E/TXT:en:PDF>

² O'sha manba.

1) tender savdolari shartlarini mustaqil ekspertiza asosida ishlab chiqish va Raqobat qo'mitasiga tender oldi monitoring vakolatlarini berish;

2) IHTT indikatorlari asosida tenderlarda kartel alomatlarini aniqlash bo'yicha metodika va raqamli skrining tizimini joriy etish;

3) jarimalar va javobgarlik choralarini iqtisodiy zarar bilan mutanosib darajada kuchaytirish hamda leniency tizimini bosqichma-bosqich tatbiq etish;

4) davlat xaridlari bo'yicha "open data" (ochiq ma'lumotlar) formatida keng jamoatchilik nazoratini yo'lga qo'yish;

5) davlat korxonalari uchun "competitive neutrality" (raqobat neytralligi) tamoyillarini mustahkamlash.

Mazkur chora-tadbirlar tenderlarda sog'lom raqobat muhitini shakllantirish, davlat mablag'larining oqilona sarflanishini ta'minlash hamda jamiyatda davlat xaridlari tizimiga bo'lgan ishonchni mustahkamlashga xizmat qiladi.

**SUVANOVA BERNARA
ALISHEROVNA**

O'zbekiston Milliy Universiteti
1-kurs magistranti

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASIDA KORRUPSIYAGA QARSHI KURASHDA DAVLAT SIYOSATI

***Annotatsiya:** Mazkur maqolada 2017-yildan boshlab, O'zbekiston Respublikasida korrupsiyaga qarshi kurashishga doir olib borilayotgan davlat siyosati haqida so'z boradi. Muallif tomonidan korrupsiyaga qarshi kurashga oid huquqiy yondashuvlar, davlat organlari va tashkilotlarida islohotlarning singdirilish jarayoni ko'rib chiqiladi. Yoshlar orasida korrupsiyaga qarshi kurashga doir huquqiy madaniyatni shakllantirish hamda ularning faolligini oshirish jarayonlari tahlil qilinadi. Korrupsiyaga oid jinoyatlarning statistik ma'lumotlari va Singapur mamlakati tajribasi asosida takliflar beriladi.*

***Аннотация:** В данной статье рассматривается государственная политика Республики Узбекистан по противодействию коррупции,*

проводимая с 2017 года. Автор анализирует правовые подходы в сфере борьбы с коррупцией, а также процессы внедрения соответствующих реформ в деятельность государственных органов и организаций. Анализируются процессы формирования правовой культуры среди молодёжи, а также повышение их активности в борьбе против коррупции. На основе статистических данных о коррупционных преступлениях и опыта государства Сингапур предлагаются рекомендации.

Abstract: *This article discusses the state policy on combating corruption in the Republic of Uzbekistan since 2017. The author examines the legal approaches to combating corruption and the process of implementing reforms in government agencies and organizations. The processes of forming a legal culture against corruption among young people and increasing their involvement are analyzed. Suggestions are offered regarding corruption-related crimes based on statistical data and the experience of the Republic of Singapore.*

Kalit soʻzlar: *davlat siyosati, korrupsiya, huquqiy yondashuv, huquqiy madaniyat, yoshlar, qonunchilik, statistika.*

Keywords: *government policy, corruption, legal approach, legal culture, youth, legislation, statistics.*

Ключевые слова: *государственная политика, коррупция, правовой подход, правовая культура, молодёжь, законодательство, статистика.*

Kirish. Bugungi kunda dunyo miqyosidagi oʻzgarishlar shuni koʻrsatadiki, korrupsiyaga qarshi kurash doirasida amalga oshirilayotgan keng koʻlamli islohotlar mustahkam va adolatli jamiyat barpo etishga xizmat qilmoqda. Xalqaro tashkilotlar, davlatlar hamda jamoatchilik oʻrtasidagi hamkorlik orqali adolatni taʼminlash va samarali boshqaruvni yoʻlga qoʻyish borasida muhim yutuqlarga erishilmoqda.

Asosiy qism. Maʼlumki, Sobiq Sovet Ittifoqining parchalanishidan soʻng, undan ajralib chiqqan mamlakatlar mustaqillikka erishib, oʻz tarixida yangi bosqich - siyosiy, iqtisodiy va maʼnaviy rivojlanishni boshladilar. Oʻzbekiston Respublikasi ham ushbu davlatlar qatoriga kirib, nafaqat siyosiy mustaqillikni, balki oʻzligini va milliy qadriyatlarni yangilash, boshqaruv tamoyillarini shakllantirish, xalqaro maydonda oʻz oʻrnini mustahkamlash yoʻlida muhim bosqichni bosib oʻtdi.

Mustaqillik yillarida, fuqarolik jamiyatining rivojlantirishida va davlat boshqaruvida ochiqlik va shaffoflikni ta'minlash jarayonida qator islohotlar amalga oshirilgan. Ushbu jarayonda korrupsiyaga qarshi kurashish masalasi davlat siyosatida ustuvor yo'nalishlardan biriga aylandi. Rivojlanish jarayonida korrupsiya bilan bog'liq muammo to'siq sifatida tan olinmoqda. Shu sababdan, so'ngi yillarda mamlakatimizda korrupsiyaga qarshi samarali kurash olib borish maqsadida huquqiy asoslarni yaratish va ularni takomillashtirish hamda xalqaro standartlarga muvofiq tizimlarni shakllantirishga doir alohida e'tibor qaratilmoqda.

Mazkur jarayonlarda respublikamizda korrupsiyaga qarshi turli darajada samarali chora-tadbirlar joriy etila boshlandi. Jumladan, 2008-yil 19-iyuldagi "Birlashga millatlar tashkilotlarning korrupsiyaga qarshi konvensiyasiga O'zbekiston Respublikasining qo'shilishi to'g'risida"gi 158-sonli qarorining¹ kuchga kirishi muhim ahamiyatga ega. Mazkur qaror xalqaro mezonlarning milliy qonunchilikka uyg'unlashtirishga zamin yaratgan.

Shuningdek, 2017-yil 3-yanvarda "Korrupsiyaga qarshi kurashish to'g'risida"gi 419-sonli qaror² qabul qilindi. Ushbu qaror Korrupsiyaga qarshi kurashishga oid asosiy normativ-huquqiy hujjatlardan biri bo'lib, davlat organlari faoliyatining shaffofligini ta'minlash va mansabdor shaxslarning mas'uliyati hamda javobgarligini kuchaytirishga qaratilgan. Qarorda davlat organlarini korrupsiyaga qarshi kurashish bo'yicha vakolatlari belgilanib, aholining faolligini oshirish hamda aholi orasida huquqiy madaniyatni oshirish qayd etilgan.

2017-yil 20-fevraldagi F-4849-sonli "2017-2021-yillarda O'zbekiston Respublikasini rivojlantirishning beshta ustuvor yo'nalishi bo'yicha harakatlar strategiyasini amalga oshirishga doir tashkiliy chora-tadbirlar to'g'risida"³ farmoyishiga muvofiq, korrupsiyaga qarshi

¹ O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2008-yil 19-iyuldagi 158-sonli qarori "Birlashgan Millatlar Tashkilotining Korrupsiyaga qarshi konvensiyasiga qo'shilish to'g'risida".

² O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2017-yil 3-yanvardagi 419-sonli "Korrupsiyaga qarshi kurashish to'g'risida"gi qarori.

³ Sh.M.Mirziyoyevning 2017-yil 20-fevraldagi F-4849-sonli "2017-2021-yillarda O'zbekiston Respublikasini rivojlantirishning beshta ustuvor yo'nalishi bo'yicha harakatlar strategiyasini

kurashishga oid masalalar davlat siyosati darajasiga ko'tarilgan. Mazkur farmoyish doirasida, korrupsiyaning oldini olish maqsadida, maxsus vakolatli davlat organini tashkil etish belgilandi. Ushbu agentlik¹ 2020-yil 29-iyunda tashkil etildi. Agentlikning asosiy vazifalari sifatida davlat organlarida korrupsiya holatlarini tahlil qilish va ularni bartaraf qilish hisoblanadi. Shu maqsadda elektron "OPEN DATA" va "E-ANTICOR.UZ"² saytlari faoliyati yo'lga qo'yilib, ma'lumotlarni ommaga ochiq taqdim etish va statistik tahlilni amalga oshirishga imkoniyat yaratadi. Ushbu, barcha davlat tashkilotlarda adolatni va tenglikni ta'minlash, shaffoflikni kuchaytirishga xizmat qiluvchi elektron murojaat tizimlar, botlar, saytlar tashkil etilgan va ishonch telefon raqamlari joriy etilgan. Davlat korxona va tashkilotlarda, mas'ul shaxslar biriktirilgan bo'lib, joylarda murojaatlarni ko'rib chiqish va qonun doirasida hal etish uchun zarur shart-sharoitlar yaratilgan.

Hozirgi kunda yoshlar orasida huquqiy ongni shakllantirish, ularning huquqiy madaniyatini yuksaltirishda 2019-yil 10-yanvarda qabul qilingan PF-5618-sonli "Jamiyatda huquqiy ong va huquqiy madaniyatni yuksaltirish tizimini tubdan takomillashtirish to'g'risida"³ gi farmon muhim ahamiyat kasb etadi. Mazkur farmonga muvofiq, ta'lim muassasalarida yoshlar orasida korrupsiyaga qarshi kurashishga oid dasturlar ishlab chiqish, ular asosida o'quv jarayonlarini takomillashtirish va ijtimoiy loyihalar tashkil etish belgilangan. Ushbu jarayon yosh avlodda korrupsion holatlarni aniqlashda, ularni oldini olishga va unga qarshi faol fuqarolik pozitsiyani shakllantirishga xizmat qiladi.

amalg oshirishga doir tashkiliy chora-tadbirlar to'g'risida" farmoyishi.

¹ O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2020-yil 29-iyundagi PQ-4761-sonli "O'zbekiston Respublikasi Korrupsiyaga qarshi kurashish Agentligi faoliyatini tashkil etish to'g'risida"gi qarori.

² Open Date Portal of the Republic of Uzbekistan. [<https://data.egov.uz/rus>]

³ O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2019-yil 10-yanvardagi PF-5618-sonli "Jamiyatda huquqiy ong va huquqiy madaniyatni yuksaltirish tizimini tubdan takomillashtirish to'g'risida"gi farmoni.

2025-yil 5-mart kuni bo‘lib o‘tgan Korrupsiyaga qarshi kurashish bo‘yicha milliy kengashning kengaytirilgan yig‘ilishida korrupsiyaga barham berishga oid “yo‘l xaritasi” tasdiqlandi¹.

Ushbu yig‘ilishda, davlat byudjetidan ko‘p mablag‘ ajratilgan 3 ta vazirlik va idoralarda mavjud hamda ehtimoliy korrupsiya omillarini aniqlash, ularni bartaraf etish yuzasidan takliflar ishlab chiqish belgilandi. Vazir va hokim lavozimdagi nomzodlarining korrupsiyaga qarshi rejalarini Oliy Majlis palatasi va Milliy Kengashlarda muhokamasidan o‘tkazish; xalqaro mamlakatlar tajribasi asosida kiberjinoyatlarga qarshi kurashishga oid huquqiy baza yaratish hamda har oyning 5-sanasiga qadar mas’ul idoralar tomonidan “korrupsiyaga qarshi kurashish haftaligi” davomida hududlarda “qizil” toifadagi mahallalarda mazkur jinoyat turining kelib chiqish sabablarini tahliliy ishlarni amalga oshirish belgilandi. Bu barchasi davlat boshqaruvida ochiqlikni ta’minlashga qaratilgan, jamoatchilik nazoratini kuchaytirish va fuqarolarning faolligini oshirish orqali korrupsiya tizimini kamaytirishga qaratilgan.

Yillar davomida amalga oshirilgan islohotlar va chora-tadbirlar natijasida, O‘zbekistonda korrupsiyaga qarshi kurashish sohasida muayyan tizim shakllandi. Endilikda mazkur jarayonning samaradorligini tahlil qilish, ushbu yo‘nalishda erishilgan natijalarni baholash va mavjud muammolarni aniqlash dolzarb ahamiyatga egadir.

Yuqoridagi ma’lumotlardan kelib chiqib, respublikamizda amalga oshirilgan islohotlarni tahlil qilsak, korrupsiyaga qarshi kurashishda muayyan natijalarga erishganini ko‘rsatadi. Mazkur yo‘nalishda amalga oshirilgan chora-tadbirlar samaradorligi va ularning statistik tahlilini ko‘rib chiqsak bo‘ladi.

¹ O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining 2025-yil 21-apreldagi PF-71-sonli “Korrupsiyaga qarshi kurashish tizimini yanada takomillashtirish bo‘yicha belgilangan ustuvor vazifalar ijrosini samarali tashkil etishga doir chora-tadbirlar to‘g‘risida” farmoni.

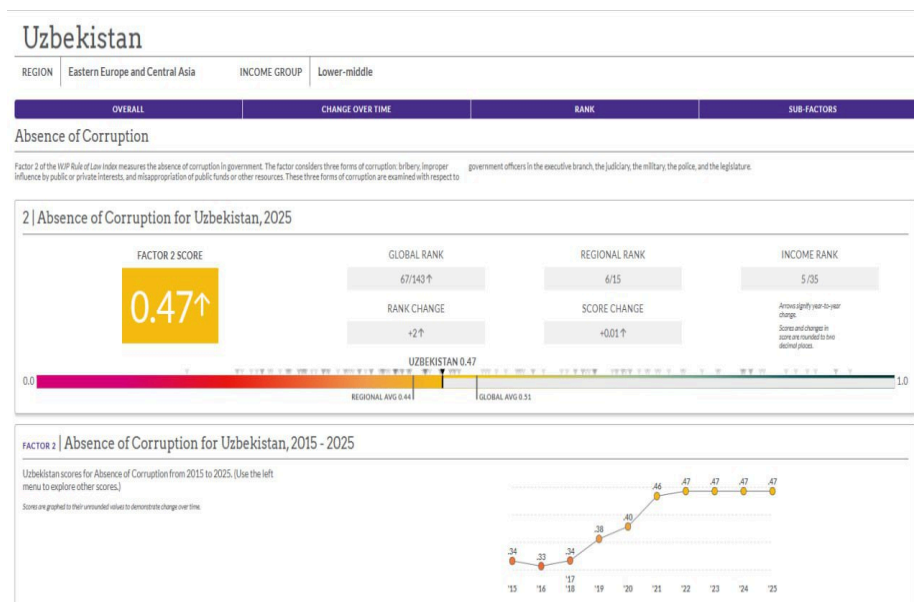
**Агентлик томонидан 2022 йил 12 ойи давомида амалга оширган ишлари тўғрисида
СТАТИСТИК ҲИСОБОТ**

т/р	Йўналиш номи	2022 йил 1-чорак	2022 йил 2-чорак	2022 йил 3-чорак	2022 йил 4- чорак	Жами:
1.	Ишлаб чиқилган норматив-ҳуқуқий ҳужжат лойиҳалар	9	5	4	3	21
1.2	шундан, қабул қилинган норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар	1	2	2	0	5
2.	Агентлик томонидан ўрганишлар натижасида аниқланган ва ҲМҚОларга тақдим этилган коррупцияга оид қонун бузилиши ҳолатлари	22	45	68	39	174
3.	Коррупцияни келтириб чиқарувчи сабаб ва шарт-шароитларни бартараф этиш чораларини кўриш тўғрисида киритилган тақдимномалар	45	41	51	60	197
4.	Вазирлик ва идораларга юборилган оғохлантиришлар	0	9	31	0	40
5.	Кўриб чиқилган мурожаатлар	555	614	564	486	2219
6.	Ўтказилган тарғибот тадбирлари	48	68	52	45	213
7.	Амалга оширилган хорижий сафарлар	0	5	3	9	17

Mazkur statistika Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligining¹ rasmiy veb-saytida e'lon qilingan bo'lib, unda 2020-yil davomida agentlik tomonidan amalga oshirilgan muhim ishlar haqida ma'lumotlar taqdim etilgan. Xususan, ushbu davr mobaynida jami 21 ta normativ-huquqiy hujjat loyihasi ishlab chiqilgan bo'lib, shulardan 5 tasi ijro uchun qabul qilingan. Agentlik tomonidan 174 qonun buzilishlar qayd etilib, ulardan 197 korrupsiyani keltirib chiqaruvchi omillarni bartaraf etish yuzasidan kiritilgan talabnomalar soni hisoblanadi. 2219 nafar murojaat ko'rib chiqilib, bu jamoatchilik nazorati va aholining faolligining samaradorligi ko'rsatkichidir. 17 ta xorijiy safarlar davomida xorijiy davlat tajribalari o'rganilganligi va tajriba almashuvi korrupsiyaga qarshi kurashning samaradorligini oshiradi.

Xalqaro reytinglarda ham O'zbekiston korrupsiyaga qarshi kurashish va huquq ustuvorligini ta'minlash borasida yaxshilana bormoqda.

¹Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi statistik hisobotlari, 2022. <https://aca.uz/storage/MIJ8DrfN9XuhpQd6kNoJD4dqNxOyFimetaU3RhGdGldGlrIGhpc29ib3QucGRm>

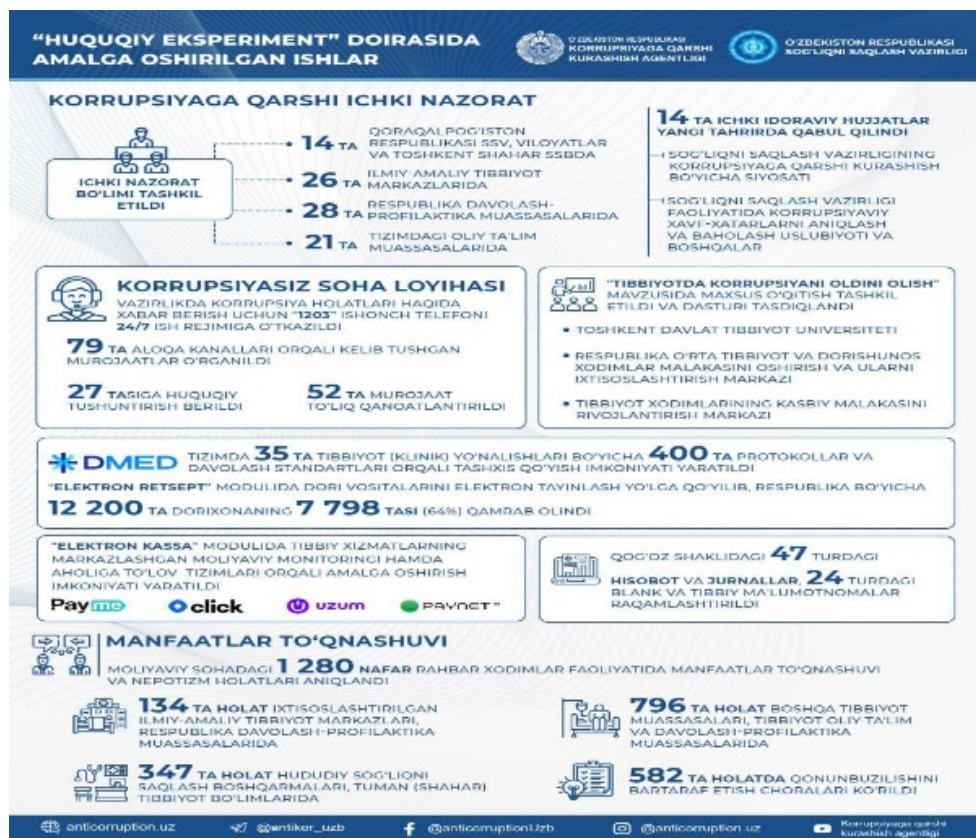

Ushbu “World Justice Project”¹ xalqaro tashkilotining 2025-yildagi Huquq ustuvorligi indeksi natijalariga ko‘ra, mamlakatimiz 3 pog‘onaga ko‘tarilib, 143 nafar xorijiy mamlakatlar orasida 81-o‘rinni egallagan. Ushbu indeksda “Korrupsiya mavjud emasligi” faktorida respublikamiz 0.47 ball bilan 67-o‘ringa ko‘tarilgan. Rasmiy hisobotlarga asosan, 2016-yilda ushbu ko‘rsatkich 0.33 ballni tashkil etib, 96-o‘rinda edi.

Mazkur holatga qaramasdan, quyidagi Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligining rasmiy saytida² joylangan rasmiy statistik ma’lumotlarga ko‘ra, Sog‘liqni saqlash vazirligida korrupsiyaga qarshi islohotlar - ichki nazorat, ishonch telefon va botlar hamda xodimlarning huquqiy madaniyatini oshirish samarali ishlamoqda. Biroq, bu islohotlarga qaramasdan, korrupsiya yashirin shaklda saqlanib kelmoqda, uni yanada kamaytirishda esa nafaqat huquqiy savodxonligini oshirish va jamoatchilik nazoratini oshirish, shuningdek, jinoiy javobgarlikni kuchaytirish lozim.

¹ World Justice Project, Rule of Law Index. 2025. <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global/2025/Uzbekistan>

² Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi. “Huquqiy eksperiment doirasida amalga oshirilgan ishlar”. <https://anticorruption.uz/uz/article/huquqiy-eksperiment-doirasida-amalga-oshirilgan-ishlar>

Dunyoda korrupsiya darajasi past bo'lgan davlat sifatida tanilgan Singapur tajribasi, korrupsiyani oldini olishda samarali mexanizmlarni namoyon etadi. Singapur mamlakatining birinchi "Prevention of Corruption Ordinance"¹ (POCO) ya'ni "Korrupsiyani oldini olish to'g'risida"gi normativ-huquqiy hujjat 1937-yilda Buyuk Britaniya hukmronligi ostida bo'lgan davrda kuchga kirgan. Ushbu qonun, 1960-yilga kelib yanada takomillashtirilib, "Prevention of Corruption Act"² - "Korrupsiyani oldini olish to'g'risida"gi qonun qabul qilingan. Ushbu qonuniy hujjat korrupsion holatlarga oydinlik kiritgan. Misol sifatida, "Pora" nafaqat puldan iboratligini, shuningdek nomoddiy shakllardan tashkil topganini ifodalaydi va bu o'z navbatida huquqni muhofaza qiluvchi organ hamda sudlarga korrupsiya holatlarini aniqlashda erkinlik beradi. Singapurda korrupsiya holatlari faqat davlat korxonalarida emas, bundan tashqari, xususiy sektorlardagi holatlarni ham nazorat qiladi. Va

¹ CPIB "Prevention of Corruption Ordinance" (POCO) <https://www.cpi.gov.sg/who-we-are/our-heritage>

² CPIB "Prevention of Corruption Act" <https://www.cpi.gov.sg/about-corruption/legislation-and-enforcement/prevention-of-corruption-act>

eng asosiy jihati bu Singapur fuqarosi xorijiy mamlakatlarda sodir etgan korrupsion holatlarni ham nazorat qilinadi. Mazkur mamlakatda nafaqat yuqori maoshlar korrupsiyaga moyilligini kamaytirishga yordam beradi, shuningdek, fuqarolarning axloqiy qadriyatlari, mas'uliyatni his qilish hamda qonunlarni hurmat qilish o'z o'rnini egallaydi.

Xulosa. Ushbu maqolada, O'zbekiston Respublikasida korrupsiyaga qarshi kurashishda qator muhim huquqiy islohotlar amalga oshirilgani ko'rsatilgan. Barcha amalga oshirilgan chora-tadbirlar korrupsiya darajasini kamayishiga samarali bo'lib, davlat va jamoatchilikning faolligini oshirishga xizmat qilmoqda. Respublikamizda ochiqlik va shaffoflikni ta'minlash maqsadida joriy etilgan elektron platformalar korrupsiya holatlarini kamaytirmoqda. Biroq, korrupsiya hali ham mavjudligi dolzarb muammo hisoblanadi. Korrupsiya jamiyatda adolat tamoyillarining buzilishiga va ijtimoiy ishonchning pasayishiga olib keladi. Bu esa davlatimiz uchun muhim bo'lgan iste'dodli yosh mutaxassislarning o'zlari uchun qulay sharoit izlab xorijiy mamlakatlarga ketishiga sabab bo'lmoqda. Natijada, kelajakda mamlakatda malakali kadrlarning yetishmovchiligi yuzaga kelishi ehtimoli oshib, bu holat iqtisodiy bozorga salbiy ta'sir ko'rsatishi mumkin. Singapur misolida ko'rishimiz mumkinki, korrupsiyaga qarshi kurashda har bir fuqaroning axloqiy qadriyatlari va huquqiy madaniyatining oshirilishi muhim ahamiyatga ega. Korrupsiyani kamaytirish jarayonida eng asosiy omillardan biri tarbiyaning oiladan boshlanishidir, chunki oila jamiyatning poydevori hisoblanadi. Har bir shaxs o'zini tarbiyalash va ma'naviy rivojlanishga e'tibor qaratishi lozim, zero, aynan shu omillar jamiyatda halollik va ishonch muhitining shakllanishiga xizmat qiladi.

ХОННИЁЗОВ ДОСТОН
НУРАЛИ ЎҒЛИ
Ҳуқуқни муҳофаза
қилиш академияси магистранти

ЎЗБЕКИСТОНДА КОРРУПЦИЯГА ҚАРШИ КУРАШИШНИНГ УСТУВОР МАСАЛАЛАРИ: ПРОКУРАТУРА ОРГАНЛАРИ МИСОЛИДА

***Аннотация:** Мазкур мақолада мамлакатимизда коррупцияга қарши курашиш жараёнида амалга оширилаётган ислохотлар, норма ижодкорлиги жараёнлари ҳамда прокуратура органларининг бу борада тутган ўрни ҳақида сўз юритилган. Шунингдек, мақолада Ўзбекистон Республикасининг “Коррупцияга қарши курашиш тўғрисида”ги Қонунда прокуратура органининг ваколатлари билан боғлиқ масалалар ҳуқуқий жиҳатдан таҳлил қилинган.*

***Аннотация:** В данной статье рассказывается о реформах, проводимых в нашей стране в процессе борьбы с коррупцией, процессах нормотворчества и роли органов прокуратуры в этом вопросе. Также в статье был проведен юридический анализ вопросов, связанных с полномочиями органа прокуратуры в Законе Республики Узбекистан «О противодействии коррупции».*

***Abstract:** This article describes the reforms carried out in our country in the fight against corruption, the processes of rulemaking and the role of the prosecutor's office in this matter. The article also conducted a legal analysis of issues related to the powers of the prosecutor's office in the Law of the Republic of Uzbekistan “On Combating Corruption”.*

***Калим сўзлар:** коррупция, прокуратура, прокурор назорати, қонунийлик, шаффофлик, ислохот.*

***Ключевые слова:** коррупция, прокуратура, прокурорский надзор, законность, прозрачность, реформы.*

***Keywords:** offense, corruption, prosecutor's office, prosecutor's supervision, legality, transparency, reforms.*

Ўзбекистон Республикаси Президентининг ташаббуси ва раҳбарлигида коррупцияга қарши курашиш соҳасида муҳим ташкилий-ҳуқуқий ислохотлар амалга оширилиб келинмоқда.

Сўнгги йилларда аҳолининг ҳуқуқий онги ва ҳуқуқий маданиятини ошириш, жамиятда коррупцияга нисбатан муросасиз муносабатни шакллантиришга йўналтирилган тизимли чоралар кўрилди. Мазкур устувор вазифаларнинг амалиётдаги натижасини бевосита статистик маълумотлар кўрсатиб турибди. “Сўнгги йилларда мамлакатимиз “Transparency International” индексида 42 поғонага кўтарилди ва бу борада минтақамизда энг юқори ўринни эгалламоқда. 2030 йилга қадар мазкур рейтингдаги ўрнимизни яна 50 поғонага яхшилаш мақсадини кўзлаганмиз. “Open Data Inventory” рейтингида эса жорий йилда 30-ўринга кўтарилдик. Очик маълумотлар манбалари бўйича Ўзбекистон дунёда 4-ўриндан жой олган.”¹.

Мамлакатимизда қонун устуворлигини таъминлаш, қонунийликни мустаҳкамлаш, коррупциявий ҳуқуқбузарликларни олдини олиш сингари вазифалар юзасидан прокуратура органлари томонидан назорат остидаги объектларда қонун ҳужжатларининг ижросини таъминлаш, ҳуқуқбузарликлар содир этилишининг сабаб ва шарт-шароитларини ўз вақтида аниқлаш ҳамда бартараф этиш, жамиятда қонунийликни янада мустаҳкамлаш чоралари кўрилмоқда². Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг 118-моддасига кўра, Ўзбекистон Республикаси ҳудудида қонунларнинг аниқ ва бир хилда бажарилиши устидан назорат Ўзбекистон Республикасининг Бош прокурори ва унга бўйсунувчи прокурорлар амалга оширади³.

Бугунги кунга қадар мамлакатимизда давлат назоратининг бир неча турлари шаклланган бўлиб булар ичида прокурор назорати алоҳида аҳамиятга эга. Шу билан бирга Ўзбекистон

¹ Ўзбекистон Республикаси Президенти Шавкат Мирзиёевнинг Коррупцияга қарши курашиш соҳасида юксак халқаро мукофотни топишириш маросимидаги нутқи [//https://president.uz/uz/lists/view/6934](https://president.uz/uz/lists/view/6934)

² Ш.Мажидов. “Прокуратура органлари томонидан қонунлар ижроси устидан назоратни амалга оширишда коррупцияга қарши экспертиза: назария ва амалиёт масалалари” мавзусидаги магистрлик диссертацияси. Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси академияси. Тошкент-2022 й. Б. 40.

³ Ўзбекистон Республикаси Конституцияси. Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 01.05.2023 й., 03/23/837/0241-сон. <https://lex.uz/docs/6445145>

Республикасининг “Коррупцияга қарши курашиш тўғрисида”ги Қонунида прокуратура органининг ваколатлари алоҳида тўхталиб ўтилган. Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратураси ўз ваколатлари доирасида:

- коррупцияга қарши курашиш соҳасидаги давлат дастурларини ва бошқа дастурларни ишлаб чиқиш ҳамда амалга оширишда иштирок этади;

- коррупцияга қарши курашиш тўғрисидаги қонунчиликнинг аниқ ва бир хилда ижро этилиши устидан назоратни амалга оширади;

- коррупцияга қарши курашиш соҳасидаги тезкор-қидирув фаолиятини, терговга қадар текширувни, суриштирувни, дастлабки терговни амалга оширувчи органлар фаолиятини мувофиқлаштиради;

- коррупция билан боғлиқ жиноятлар бўйича дастлабки терговни амалга оширади;

- коррупциянинг ҳолати ва коррупцияга қарши курашиш натижалари тўғрисидаги ахборотни йиғиш ҳамда таҳлил қилишни амалга оширади;

- жисмоний ва юридик шахсларнинг коррупция фактларига доир мурожаатларини кўриб чиқади ҳамда уларнинг бузилган ҳуқуқларини тиклаш ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш чораларини кўради;

- коррупцияга қарши курашиш соҳасидаги қонун ижодкорлиги фаолиятида, шу жумладан қонунчилик ташаббуси ҳуқуқини амалга оширишда иштирок этади;

- аҳоли ўртасида жамиятда ҳуқуқий онгни, ҳуқуқий маданиятни юксалтиришга ва қонунийликни мустаҳкамлашга қаратилган ҳуқуқий тарғиботга доир фаолиятда иштирок этади;

- коррупцияга оид ҳуқуқбузарликларнинг ўз вақтида олди олинишини, аниқланишини ва уларга чек қўйилишини таъминлашга, уларнинг оқибатларини, шунингдек уларга имкон

берувчи сабаблар ва шарт-шароитларни бартараф этишга доир тадбирларни ишлаб чиқади ҳамда амалга оширади;

- коррупцияга қарши курашиш бўйича фаолиятни амалга оширувчи ва унда иштирок этувчи бошқа органлар ҳамда ташкилотлар билан ҳамкорлик қилади;

- коррупцияга қарши курашиш соҳасида халқаро ҳамкорликни амалга оширади¹.

Таъкидлаш керакки, прокуратура органлари фаолиятини ташкил этиш ва улар фаолиятининг асосий принциплари ҳисобланган қонунийлик, мустақиллик ва ошкоралик айнан коррупциявий хавф-хатарларни олдини олиш ва бартараф этишда муҳим ўрин эгаллайди. Зеро, мазкур тамойиллар коррупцияга қарши курашишнинг айрим асосий принциплари (*қонунийлик, очиқлик ва шаффофлик*) билан ўзаро ҳамоҳангдир.

Юқорида санаб ўтилган принциплар асосида коррупцияни олдини олиш ва бартараф этишга қаратилган ҳуқуқий механизм чораларини амалга оширишда прокуратура органларининг бошқа давлат органлари ва ташкилотлари билан ҳамкорлик алоқалари муҳим ўрин эгаллайди. Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратурасининг коррупцияга қарши курашиш соҳасидаги ваколатлари орасида коррупцияга қарши курашиш бўйича фаолиятни амалга оширувчи ва унда иштирок этувчи бошқа органлар ҳамда ташкилотлар билан ҳамкорлик қилишга алоҳида урғу қаратилган.

Ўзбекистон Республикаси Президенти Ш.М.Мирзиёев, “Биз ҳар қайси ҳуқуқни муҳофаза қилиш органи бевосита ўз ваколати доирасидан чиқмайдиган, бир-бирининг функциясини такрор этмайдиган тизим шакллантиришимиз шарт. Лўнда қилиб айтганда, ички ишлар - жамоат тартиби ва хавфсизлигини таъминлаш билан, миллий хавфсизлик - давлатни ички ва ташқи таҳдидлардан ҳимоя

¹ Ўзбекистон Республикасининг “Коррупцияга қарши курашиш тўғрисида” ги Қонуни. // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 26.02.2025 й., 03/25/1038/0188-сон. // <https://www.lex.uz/acts/3088008>

қилиш билан шуғулланиши лозим. Прокуратура эса қонунлар ижроси устидан назорат олиб бориши зарур. Судларнинг асосий вазифаси адолатни қарор топтиришдан иборат. Бунинг учун суд ҳар бир иш юзасидан қонуний, асосли ва адолатли қарор чиқариши лозим. Шу мақсадда ўтган бир йил мобайнида суд, прокуратура, ички ишлар органлари фаолиятини тубдан ислоҳ қилиш бўйича кенг қўламли ишларни амалга оширдик. Ушбу идораларнинг вазифалари аниқ белгиланиб, уларнинг фаолияти халқ манфаатларига хизмат қилишга йўналтирилмоқда”¹, деб таъкидлаган эди. Ҳақиқатдан ҳам сўнгги йилларда прокуратура органларининг бу йўналишдаги ваколатлари кенгайтирилди.

Таъкидлаш керакки, мазкур ҳамкорлик нафақат давлат органлари билан балки кенг жамоатчиликка ҳам тааллуқли ҳисобланади. Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Бош прокуратурасининг 2021 йил 6 декабрда аҳолига қилган мурожаатида “Бош прокуратура мамлакатимизнинг ҳар бир фуқаросини жамиятда, хусусан прокуратура органларида коррупцияни таг-томири билан бартараф этишда фаол ҳамкорликка чақирган”лигини қайд этиш лозим².

Коррупцияга қарши курашишда фуқаролик жамияти институтлари билан ҳамкорликни йўлга қўйиш, жамоатчилик назоратини олиб боришни қўллаб-қувватлашга доир масалалар мамлакатимизда соҳага доир қабул қилинаётган норматив-ҳуқуқий ҳужжатларнинг устувор мақсадларидан бирига айланган.

Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2019 йил 27 майдаги “Ўзбекистон Республикасида коррупцияга қарши курашиш тизимини янада такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5729-сон Фармони билан тасдиқланган “2019-2020 йилларда коррупцияга қарши курашиш Давлат дастури”да коррупцияга қарши

¹ Ш.М.Мирзиеёв. Халқимизнинг розилиги бизнинг фаолиятимизга берилган энг олий баҳодир. –Тошкент. “Ўзбекистон”. – 2018. – Б-110.

² Бош прокуратура аҳолига мурожаат билан чиқди. <https://xs.uz/uzkr/post/bosh-prokuratura-aholiga-murozhaat-bilan-chiqdi-2>

курашиш бўйича идоравий тизимлар самарадорлигини ошириш, шу жумладан, давлат органларида коррупцияга қарши курашиш бўйича идоравий координаторларнинг ўзаро ҳамкорлигини таъминлашга доир вазифа Бош прокуратурага юклатилган.

Фикримизча, мамлакатимизда коррупцияга қарши курашиш ва уни олдини олишда прокуратура органларининг коррупцияга қарши курашишда бошқа давлат органлари билан ўзаро ҳамкорлиги етарли даражада таъминланган. Мамлакатимизда коррупциянинг олдини олиш ва унга қарши курашиш бўйича амалга оширилаётган чоратadbирлар нафақат мазкур йўналишдаги нафақат муайян давлат органлари, балки бутун жамият аъзолари ҳамкорликда иш олиб борилмоқда.

ЖАЛИЛОВ МЎМИНЖОН

Хуқуқни муҳофаза қилиш
академиясининг мустақил изланувчиси

КОРРУПЦИЯГА ҚАРШИ КУРАШИШ ВА УНИНГ ОЛДИНИ ОЛИШДА РАҚАМЛАШТИРИШНИНГ НАЗАРИЙ ВА АМАЛИЙ АҲАМИЯТИ

***Аннотация:** Мазкур мақолада коррупцияга қарши курашишда рақамлаштиришнинг аҳамияти, рақамлаштиришга доир олиб борилаётган ҳуқуқий ислоҳотлар, коррупцияга қарши курашишда рақамлаштиришни такомиллаштириш, рақамлаштиришнинг коррупцияга қарши курашишдаги ўрнини белгиловчи илмий-назарий қарашлар ва рақамлаштиришнинг коррупцияни олдини олишни такомиллаштиришга қаратилган таклиф ва мулоҳазалар акс эттирилган.*

***Аннотация:** в данной статье рассматривается значение цифровизации в борьбе с коррупцией, анализируются проводимые правовые реформы в сфере цифровизации, вопросы совершенствования цифровых механизмов противодействия коррупции, а также научно-теоретические подходы к определению роли цифровизации в антикоррупционной деятельности. Кроме того, в работе представлены предложения и выводы,*

направленные на совершенствование цифровизации в целях предупреждения и предотвращения коррупции.

Abstract: *This article examines the significance of digitalization in combating corruption, the legal reforms being implemented in the field of digitalization, and the improvement of digital mechanisms for anti-corruption efforts. It also analyzes scientific and theoretical perspectives defining the role of digitalization in the fight against corruption and presents proposals and recommendations aimed at enhancing digital tools to prevent and reduce corruption.*

Калим сўзлар: коррупция, рақамлаштириш, стратегия, даромадни декларацияси, интернет.

Ключевые слова: коррупция, цифровизация, стратегия, декларирование доходов, интернет.

Keywords: corruption, digitalization, strategy, income declaration, Internet.

Коррупцияга қарши курашишга оид чораларни такомиллаштириш бугунги кунинг долзарб масаласидир. Чунки, коррупцияга қарши курашишнинг назарий ва амалий ривожланиш босқичларини таҳлил этиш амалиётига кўра, коррупцияга қарши курашишга оид айрим чораларнинг бугунги кун талабига жавоб бермаслигидан далолат беради.

Сўнгги йилларда мамлакатимизда коррупциянинг олдини олиш ва унга қарши курашиш, давлат ва жамият қурилишининг барча соҳаларида коррупциоген омилларга чек қўйишга қаратилган кенг кўламли ислохотлар ҳамда давлат органлари зиммасидаги вазифа ва функцияларни бажаришда юзага келадиган коррупцияга оид хавф-хатарларни баҳолаш тизимини такомиллаштириш ҳамда давлат хизматида ҳалоллик стандартларини жорий этиш бўйича қатор ишлар амалга оширилмоқда. Шу билан бирга, коррупцияга қарши курашиш самарадорлигини тубдан ошириш бўйича белгиланган вазифалар коррупция ҳолатларининг сабаб ва шарт-шароитларини аниқлаш, уларни бартараф этишнинг таъсирчан тизимини яратишни тақозо этмоқда. Ҳозирги кунда коррупциянинг олдини олиш учун рақамли технологиялардан фойдаланиш янги фанлараро нуқта ҳисобланади. Бугун ҳаётимизга ахборот технология имкониятлари

шиддат билан кириб келмоқда. Айниқса сунъий интеллектнинг инсон ҳаётига кириб келиши янги-янги муносабатларни вужудга келтирмоқда. Албатта, янги муносабатлар вужудга келган жойда янги-янги турдаги ҳуқуқбузарликлар ва жиноятлар, шу каби коррупциянинг янгича услубларда амалга оширилишига имкониятлар яратилади.

Ахборот технологияларнинг инсон ҳаётига кириб келиши ҳаётдаги имкониятларни кенгайтириш, яшаш тарзини осонлаштириш билан бир қаторда янгича ёндошувларга асосланган ҳуқуқбузарликларни ҳам вужудга келишига асос солади.

Юртбошимиз томонидан Ўзбекистон республикасида барча соҳаларда рақамлаштиришни жадаллик билан амалга оширишга доир кескин чоралар белгиланмоқда. Хусусан, Ўзбекистон 2000 йилларнинг бошларида ахборот-коммуникация технологиялари (АКТ)ни ривожлантириш ва рақамлаштиришга устувор аҳамият бера бошлади. Жумладан, “2013-2020 йилларда Ўзбекистон Республикаси Миллий ахборот-коммуникация тизимини ривожлантириш комплекс дастури”, “2017-2021 йилларда Ўзбекистон Республикасини ривожлантиришнинг бешта устувор йўналиши бўйича Ҳаракатлар стратегияси” ҳамда “Рақамли Ўзбекистон – 2030” ва “2022-2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегияси”да миллий иқтисодиёт, саноат ва умуман жамиятда рақамли трансформацияни амалга оширишга қаратилган бир қатор чора-тадбирлар кўзда тутилган¹.

“Рақамли Ўзбекистон – 2030” Стратегиясини муваффақиятли амалга оширишнинг энг муҳим шартлари соҳанинг молиявий таъминоти ва аҳолининг рақамли саводхонлигини оширишдан иборат. Шундай қилиб, ҳужжатга мувофиқ, Ўзбекистон Республикаси Ахборот технологиялари ва коммуникацияларини ривожлантириш вазирлиги бошқа тегишли давлат органлари билан биргаликда 2022 йил охирига қадар мактабгача таълим, соғлиқни

¹ Ф.Ҳакимов. “Рақамлаштириш янги Ўзбекистон тараққиётининг муҳим пойдевори” 29217 | 20 Април. 2022 й <https://strategy.uz/index.php>

сақлаш ва умумтаълим мактабларини рақамлаштиришни якунлаш чораларини кўради.

Шунингдек, “Рақамли Ўзбекистон – 2030”¹ бошқа миллий стратегик ҳужжатлар ва дастурларда назарда тутилган вазифалар, хусусан, 2030 йилгача бўлган даврда БМТ барқарор ривожланиш мақсадлари бўйича миллий вазифалар ҳамда 2022-2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг тараққиёт стратегиясида белгиланган мақсадларга эришишда, шунингдек энг муҳими Ўзбекистон Республикасида коррупцияни олдини олиш ва унга қарши курашишда катта аҳамият касб этади.

Тадқиқот натижаларига кўра, С.Рахимов ва Х.Турдибоевлар ўз тадқиқот ишларида “айрим тадқиқотчилар рақамли активларни ўғирлаш жиноятини баҳолашга ва криптовалютадан фойдаланган ҳолда жиноятларни легаллаштиришга алоҳида эътибор беришади, аммо яна бир муҳим муаммо - коррупцияни олдини олиш масаласини рад этишади” – деган фикрларни илгари суришади.² Дарҳақиқат, С.Рахимов ва Х.Турдибоевларнинг фикрларига қўшилган ҳолда айни вақтда, рақамли технологияларнинг шаффофлиги, қулайлиги ва универсаллиги уларни коррупцияни аниқлаш ва олдини олишда фойдаланиш учун самарали эканлигини қайд этиш лозим.

С.Рахимов ва Х.Турдибоевлар давлат бошқаруви шаффофлигини рақамли технологиялар билан таъминланганлиги уни жамоатчилик назоратига тақдим этилганда бир томондан жамоатчиликнинг ҳукуматга бўлган ишончсизлик даражасини пасайтиришини, иккинчи томондан, мавжуд бўлган давлат хизматларини, давлат идоралари ва расмий маълумотларга аниқлик киритишга имкон берувчи қайта алоқа ўрнатиш тизими орқали

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг “Рақамли Ўзбекистон — 2030” стратегиясини тасдиқлаш ва уни самарали амалга ошириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги Фармони. Тошкент ш., 2020 йил 5 октябрь, ПФ-6079-сон. <https://lex.uz/uz/docs/5030957>

² С.Рахимов, Х.Турдибоев. Коррупцияга қарши курашишда рақамли технологияларни қўллаш. “Iqtisodiyot va innovatsion texnologiyalar” ilmiy elektron jurnali. № 3, may-iyun, 2021 yil

экспертларни қўллаб-қувватлаш имкониятларини кенгайтиришини қайд этишади. Шунингдек, мазкур тадқиқотчилар ўз илмий ишларида “давлат бошқаруви тизими шаффофлигини таъминлаш ва коррупцияга оид ҳуқуқбузарликларни ошкор қилишда рақамли технологияларнинг аниқ афзалликларига қарамай, ушбу технологияларнинг ижобий таъсирини рақамли инфратузилманинг ривожланмаганлиги камайтиради” деган фикрларни илгари суришган. Улар бу фикрларини кенг тармоқли интернетнинг етишмаслиги, онлайн хизматларнинг ривожланмаганлиги, аҳолининг рақамли саводсизлиги ва бошқалар билан ифодалашган. Ҳақиқатдан ҳам мазкур тадқиқотчиларнинг фикрларига қўшилган ҳолда бугунги кунда халқимизда ахборот технологиялардан кенг фойдаланиш имкониятлари етарли эмаслигини қайд этиш лозим.

С.Рахимов ва Х.Турдибоевлар коррупцияга қарши курашиш доирасида молиявий мониторинг модели ҳам самарадорлиги юқори модел ҳисобланишини қайд этишади, лекин мазкур модел маълумотларни йиғишнинг замонавий тизимига мос келмаслиги, шунингдек, шахсий маълумотларни сақлаш ва ҳимоя қилиш тартиби баъзи ҳолларда бу шахсий ҳаёт қоидаларига зид келишини назарда тутишади¹. Дарҳақиқат, ушбу модель коррупцияга дучор бўлиши мумкин бўлган шахслар, уларнинг оила аъзоларини эгаллаб турган лавозимлари давомида молиявий фаолиятларини таҳлил қилишга имкон беради. Ушбу тизим доимий равишда янгиланиб турадиган маълумотлар базасига асосланган бўлиб, у шахсий маълумотларни тўплайди ва биринчи навбатда ушбу одамлар ҳақидаги молиявий ва мулкӣ, барча банк операциялари, жарималар, уй-жой, қарзлар, солиқлар ва бошқа тўловларни тўлаш тўғрисида маълумотларни қайта ишлайди. Шунингдек, шахслар томонидан моддий бойликлар ҳаракати тўғрисида хабар берилмаганда ёки тўлиқ бўлмаган маълумотлар билан хабар берилганда ёки ёлғон маълумотлар

¹ С.Рахимов, Х.Турдибоев. Коррупцияга қарши курашишда рақамли технологияларни қўллаш. “Iqtisodiyot va innovatsion texnologiyalar” ilmiy elektron jurnali. № 3, may-iyun, 2021 yil.

берилганда қўлланиладиган жавобгарлик масаласини ҳам инобатга олиш лозим. Чунки, бу маълумотлар албатта мансабдор шахс томонидан тақдим этилиши ва уни келгусида ҳақиқатга қанчалик мос эканлигини текшириш чоралари мавжуд эмаслиги, уларни тақдим этаётган маълумотлари ҳақиқатдан сохта эканлиги аниқланган ҳолларда тегишли жазо белгилаш масаласини кўриб чиқиш лозим. Ўзбекистон Республикасининг Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги ҳамда Жиноят кодексида бундай ҳаракатлар учун аниқ жазо белгиланмаган. Коррупцияга қарши курашишга доир бундай амалиёт Россияда кенг йўлга қўйилган бўлиб, 2012 йил 3 декабрда ушбу давлатда “Давлат лавозимларини эгаллаган шахслар ва бошқа шахсларнинг харажатларининг уларнинг даромадларига мувофиқлигини назорат қилиш тўғрисида”ги Федерал қонун қабул қилинди.¹

Ушбу Федерал қонун коррупцияга қарши курашиш учун давлат лавозимини эгаллаган шахс (бошқа шахс) харажатларининг бажарилишини назорат қилишнинг ҳуқуқий ва ташкилий асосларини белгилайди, мансабдор шахснинг турмуш ўртоғи ва вояга етмаган болаларининг ушбу Федерал қонунда белгиланган ҳолларда ва тартибда мансабдор шахс ва унинг турмуш ўртоғининг даромадларига харажатлари, харажатларининг қай даражада мослигини текшириш ва ноқонуний даромадлар орқали орттирилган мол мулкларни Россия давлати мулки сифатида қабул қилиш механизмларини белгилайди. Мазкур қонун талабига кўра, Россияда яшаб, мансабдорлик лавозимларида ишлаётган ҳар бир шахс ўзининг ҳар ойлик даромадлари ва харажатлари ҳақидаги маълумотларни тақдим этиши лозим. Мазкур маълумотлар, давлат идораларининг мансабдор шахслари омонидан коррупция жиноятлари содир этилган ёки этилмаганлигини аниқлаш учун асос бўлиб ҳисобланади. Лекин, мазкур қонунда фақатгина вояга етмаган

¹ Федеральный закон "О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам" от 03.12.2012 N 230-ФЗ (последняя редакция). 3 декабря 2012 года N 230-ФЗ.

болаларнинг ҳаражатлари назарда тутилганлиги бироз баҳсли кўринади. Чунки, оилада вояга етган фарзандлар ҳар доим ҳам ўз ҳаражатларини ўзлари қоплай олмайди. Шунингдек, ўзбек оилаларида айрим ҳолларда келин ва унинг болалари ҳаражатлари ҳам оила бошлиғи бўлган мансабдор шахснинг зиммасида бўлади. Шу жиҳатдан, мазкур қонундаги “турмуш ўртоғи ва вояга етмаган болалари” жумласини “бирга яшайдиган оила аъзолари” жумласи билан алмаштириш лозим. Шу ўринда айрим ҳолларда “оила аъзолари” жумласи ҳам олимлар ўртасида бироз баҳс ва мунозарага асос бўлаётганлигини ҳам қайд этиш лозим. Хусусан, қонунчиликда ҳам “оила аъзолари” деган тушунчага икки хил ёндошувлар мавжуд. Масалан, Ўзбекистон Республикасининг Оила кодексининг 5 моддасига кўра, оила аъзолари: эр-хотин, ота-она ва болалар (фарзандликка олувчилар ва фарзандликка олинганлар) эканлиги қайд этилган.¹ “Оила аъзолари” таркиби Ўзбекистон Республикасининг Уй жой кодексида бошқача белгиланган. Яъни, мазкур кодекснинг 32-моддасига кўра, “Турар жой мулкдорининг оила аъзолари” деб у билан доимий бирга яшаётган хотини (эри) ва уларнинг фарзандлари тан олинади. Эр-хотиннинг ота-онаси, шунингдек мулкдор билан доимий бирга яшаётган оилали фарзандлари ва уларнинг эр-хотини, агар улар илгари бу ҳуқуққа эга бўлмаган бўлса, фақат ўзаро келишувга биноан мулкдорнинг оила аъзолари деб тан олиниши мумкин.

Меҳнатга қобилиятсиз боқимандалар, шунингдек мулкдор билан доимий бирга яшаётган фуқаролар, агар улар мулкдор билан умумий хўжалик юритаётган ва унинг турар жойида рўйхатдан ўтган бўлсалар, унинг оила аъзоси деб топилишлари мумкин²лиги қайд этилган.

¹ Ўзбекистон Республикасининг Оила кодекси. (Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг Ахборотномаси, 1998 й., 5-6-сонга илова; 2003 й., 1-сон, 8-модда; 2004 й., 1-2-сон, 18-модда; Ўзбекистон Республикаси қонун ҳужжатлари тўплами.

² Ўзбекистон Республикасининг Уй-жой кодекси. (Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлисининг Ахборотномаси, 1999 й., 1-сон, 4-модда; 2001 й., 5-сон, 89-модда; Ўзбекистон Республикаси қонун ҳужжатлари тўплами,

Юқоридагилардан хулоса қилиш мумкинки, “оила аъзолари” тушунчасига ягона ёндошув асосида таъриф бериш мақсадга мувофиқ. Чунки, коррупцияга қарши курашишда мансабдор шахсларнинг оила аъзолари таркибини аниқлаш ва уларнинг даромадлари билан харажатларини мониторинг қилишда “оила аъзолари” таркибини аниқлаш муҳим аҳамиятга эга. Юқорида ҳар икки кодексда “оила аъзолари” тушунчаси бир-биридан кескин фарқ қилиб, Ўзбекистон Республикасининг Уй жой кодексига “оила аъзолари” тушунчасига батафсилроқ таъриф берилган. Чунки, “оила аъзолари” тушунчаси ўз мазмунига кўра, битта оилада доимий яшаб келаётган шахсларни назарда тутди. Биз “оила” тушунчаси билан “оила аъзолари” тушунчасини бир-биридан фарқлаган ҳолда “оила аъзолар” тушунчасини кенгроқ тушунишимиз лозим. Чунки, айрим ҳолларда оилада эр-ёки хотиндан ташқари фарзандлар, ота-она, қайнона-қайнота, опа-сингил, ака-ука, амма-амакилар ҳам бирга яшашини инобатга олган ҳолда “оилада мунтазам биргаликда ҳўжалик юритиб, битта оилада яшовчилар” тушунилиши лозим. Лекин, “оила” деган тушунча мазмунида эр, хотин ва фарзандлар” тушунилиши лозим. Мазкур тушунчаларга аниқлик киритиш, албатта муҳим аҳамият касб этади, чунки тадқиқот натижаларига кўра Ўзбекистон Республикасида ҳам мансабдор шахсларнинг даромадларини мониторинг қилиш амалиёти йўлга қўйилганда юқоридаги тушунчаларнинг мазмуни муҳим аҳамиятга эга бўлади.

Юқоридагиларга кўра, Ўзбекистон Республикасида ҳам “Давлат лавозимларини эгаллаган шахслар ва бошқа шахсларнинг харажатларининг уларнинг даромадларига мувофиқлигини назорат қилиш тўғрисида”ги Қонунни қабул қилиш мақсадга мувофиқ деб ҳисоблаймиз.

Мансабдорларнинг декларацияси оддий халқ манфаати учун қўйилган муҳим қадам бўлади.

Ўзбекистонда мансабдор шахсларнинг мол-мулки ва даромадлари декларациясини жорий этилиши бу фақат давлат назорати ёки расмийларни чеклаш учун эмас балки оддий халқ учун

ҳам катта фойда ва ижобий ўзгаришлар олиб келадиган муҳим ислоҳотлардир.

Давлат хизматларининг шаффофлигини таъминлаш модели сифатида Краудсорсинг платформаларини ишга туширишнинг самарадорлиги юқори ҳисобланади¹. Бунда, Ҳиндистонда кенг қўлланиладиган “Мен пора бердим (I Paid a Bribe)” порталини мисол тариқасида кўриб чиқишимиз мумкин. Портал Вравишда хабар беришига имкон беради. Шунингдек, Филиппинда ота-оналарга мактаблар харажатларни назорат қилиш имконини берувчи “Менинг мактабимни текширинг (Check my school)” тизими мавжуд. Албатта, Ўзбекистон Республикасида коррупцияга қарши курашиш назарияси ва амалиётини ривожлантиришда юқорида қайд этилган ижобий тажрибалардан фойдаланиш муҳим аҳамият касб этади.

Рақамлаштиришнинг коррупцияга қарши курашиш ва унинг олдини олишга доир аҳамияти хусусида айрим олимларнинг назарий қарашлари ҳам коррупцияга қарши курашишда рақамлаштиришнинг назарий ва амалий жиҳатларини очиқ беришга хизмат қилади.

Хусусан, А.И.Овченниковнинг фикрича, рақамлаштириш давлат ҳокимияти ва бошқаруви органлари фаолиятининг очиқлиги, ошкоралиги ва шаффофлигини сезиларли даражада ошириш, коррупцион алоқалар, схемалар ва муносабатларни аниқлаши, ҳуқуқний муҳофаза қилиш органларининг коррупцияга қарши кураш фаолиятини оптималлаштириши, коррупцияга мойил мансабдор шахсларнинг имкониятларини чеклаши мумкин, лекин рақамлаштириш ўз ўрнида коррупциянинг янги турларини келтириб чиқариши ва коррупциянинг молиявий соясига кўмаклашишга

¹ Adam, M. Fazekas. Are emerging technologies helping win the fight against corruption in developing countries? Pathways for Prosperity Commission. Background Paper Series; no. 21 (2018). URL: http://www.govtransparency.eu/wpcontent/uploads/2019/02/ICTcorruption4Feb19_FINAL.pdf . Accessed: 01.10.19.

кодир¹. Дарҳақиқат, А.И.Овченниковнинг фикрини тўла қўллаб-қувватлаш лозим, чунки рақамлаштиришнинг ўзи янги муносабатларни вужудга келтириши билан бир вақтда бу муносабатлар коррупциянинг янги аломатларини ҳам келтириб чиқариши ҳаммага маълум.

Г.Грефнинг фикрига кўра, рақамли технологиялар ушбу тамойилларни янги семантик таркиб билан тўлдиришга имкон беради, рақамлаштириш ҳақиқатан ҳам давлат бошқарувининг очиқлиги ва ошкоралигини оширади.

Рақамлаштириш коррупцияни енгишда ёрдам беради, чунки рақамли технологиялар маъмурий фаолиятнинг шаффофлигини оширади, ҳар бир мансабдор шахснинг қарори экспертлар ҳамжамияти томонидан таҳлил қилиниши ва унинг тўғрилигига баҳо берилиши мумкин. Шу билан бирга, у рақамли эволюция жараёнини ҳукукий тартибга солишда ҳаддан ташқари шошқалоқликдан тўғри оғоҳлантиради, чунки бу ривожланишни “ортиқча тартибга солиш” ва “қоидалар билан ортиқча юклаш” орқали секинлаштириши мумкин².

Электрон ҳукумат стратегиясини жорий этган аксарият мамлакатларда, Т.Андерсеннинг тадқиқотига кўра, антикоррупция кўрсаткичларида сезиларли ўзгаришлар кузатилган. Бунга бошқа хорижий муаллифлар ҳам эътибор қаратиб, миллий маданият электрон ҳукуматнинг антикоррупция самарасини пасайтириши мумкинлигини таъкидлайдилар³.

¹ Овченников А.И. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: возможности, перспективы, риски. // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 158—170. DOI: 10.12737/jrL2019.11.12.

² Греф Г. Цифровизация — единственный способ борьбы с коррупцией. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113176> (дата обращения: 10.06.2019).

³ См.: Andersen T. B. E-Government as an anti-corruption strategy // Information Economics and Policy, 21(3), 201—210. URL: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2008.11.003> (дата обращения: 10.06.2019). См.: Nasr G. Elbahnasawy. E-Government, Internet Adoption, and Corruption: An Empirical Investigation // World Development. 2014. Vol. 57. P. 114—126. URL: <https://doi.org/>

Давлатнинг антикоррупцияга қарши ҳуқуқий сиёсати илмий-техникавий тараққиёт ютуқларига боғлиқ бўлиб, улар жиноятчиликка қарши курашишда ва коррупцияга қарши курашиш соҳасида энг янги технологиялардан фойдаланиш имконини беради.

Бу ҳақда коррупцияга қарши курашишда замонавий ахборот технологияларидан фойдаланиш масалалари, шакллари ва йўналишларини кундалик (маиший) ҳаётда тадқиқ этаётган замонавий муаллифларнинг изланишлари тобора кўпроқ гувоҳлик бермоқда, шунингдек хорижий мамлакатларда коррупцияга қарши курашда ахборот ёндашувларининг ривожланиши, замонавий ахборот давлатидаги антикоррупция сиёсати ҳам бунга мисол бўла олади¹.

Маълумки, “2022-2026 йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг Тараққиёт стратегияси” – инсон қадрини юксалтириш ва эркин фуқаролик жамиятини янада ривожлантириш орқали халқпарвар давлат барпо этиш; мамлакатимизда адолат ва қонун устуворлиги тамойилларини тараққиётнинг энг асосий ва зарур шартига айлантириш; миллий иқтисодиётни жадал ривожлантириш ва юқори ўсиш суръатларини таъминлаш; адолатли ижтимоий сиёсат юритиш, инсон капиталини ривожлантириш; маънавий тараққиётни таъминлаш ва соҳани янги босқичга олиб чиқиш; миллий манфаатлардан келиб чиққан ҳолда умумбашарий муаммоларга ёндашиш; мамлакатимиз хавфсизлиги ва муҳофаа салоҳиятини кучайтириш, очик, прагматик ва фаол ташқи сиёсат олиб бориш каби 7 та устувор йўналишлар доирасида кейинги беш йилда эришиш керак бўлган юзта стратегик мақсадларни ўз ичига олган.

¹ См.: Трунцевский Ю. В. Информационно-телекоммуникационные технологии в сфере противодействия бытовой (повседневной) коррупции // Информационное право. 2017. № 2. С. 27—32., См.: Тимошенко И. Г. Социальный контроль как средство противодействия коррупции в зарубежных государствах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 102—109., См.: Талапина Э. В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М., 2015. 192 с.

“Рақамли комплаенс” ахборот дастурий комплекси 2026 йил 1 июлдан бошлаб синов тариқасида ишга туширилиши белгиланиб, ушбу платформа коррупцияга қарши чораларни мувофиқлаштириш, маълумотлар алмашувини тезлаштириш ва назорат жараёнларини рақамлаштиришга хизмат қилади.

Хусусан, дастур доирасида коррупциянинг олдини олиш кластери иштирокчилари ўртасида тезкор ахборот алмашиш имконияти яратилади. Шунингдек, “E-Komplaens” модули орқали давлат органлари ва ташкилотларидаги коррупцияга қарши ички назорат бўлинмалари фаолияти тўлиқ рақамли шаклга ўтказилади.

Коррупцияга ыаршии Коррупцияга қарши курашиш агентлиги ваколатлари ҳам кенгайтирилди. Энди агентлик давлат органлари ва ташкилотларининг марказий аппаратидаги ички назорат бўлинмаларига қонунбузилишларни олдини олиш бўйича мажбурий кўрсатмалар ва тақдимномалар киритиш ҳуқуқига эга бўлади.

Коррупциявий ҳолатлар ҳақида хабар берган шахсларни ҳимоя қилиш масаласига ҳам алоҳида эътибор қаратилди. Бундай фуқароларни иш жойида тазйиқ ва таъқибдан асраш мақсадида агентлик томонидан махсус ҳимоя ордери берилиши назарда тутилди.

Шу билан бирга, коррупциянинг олдини олиш ва унга қарши курашишда фаол иштирок этган шахсларни рағбатлантириш мақсадида “Коррупцияга қарши курашишга қўшган ҳиссаси учун” номли кўкрак нишони таъсис этилади.

Мазкур янгиликлар коррупцияга қарши курашишда очиқлик, самарадорлик ва жамоатчилик иштирокини янада оширишга хизмат қилиши кутилмоқда¹.

Келгусида рақамлаштириш жараёнида коррупцияга қарши курашининг назарий ва амалий жиҳатларини такомиллаштириш мақсадида:

¹ Коррупцияга қарши курашда янги босқич: рақамли назорат кучаяди. <https://zamin.uz/uzbekiston/179744-korruptsiyaga-qarshi-kurashda-yangi-bosqich-raqamli-nazorat-kuchayadi.html>

- давлат органлари ишининг очиқлигини таъминлаш ва коррупциявий жиноятлар содир этган шахслар ҳақидаги маълумотларни рақамли платформаларга жойлаштириш, коррупция ҳаракатини амалга оширган шахслар ҳақидаги маълумотларни ошкоралаштириш (ошкоралик модели);

- мансабдор шахсларнинг мансаб ваколатларини суистеъмол қилганликлари тўғрисидаги маълумотларни тезкор равишда олиш учун давлат идоралари ва давлат хизматлари истеъмолчилари ўртасида қайта алоқа платформаларини яратиш, бу юқорида қайд этилганидек, кўпроқ Ҳиндистон ва Филиппин тажрибасига ўхшайди (тескари алоқа модели);

- электрон ҳужжат айлануви тизими ва оммавий ахборотни рақамли ҳимоя қилиш, ҳар бир ташкилотларнинг ҳужжатлар айланишини ошкоралигини таъминлаш, масалан “Прокуратура рақамлаштириш-2030” стратегиясида прокуратура органлари фаолиятини 2030 йилгача тўлиқ рақамлаштириш, бунда прокуратура органларига кадрларни танлаш ва тайинлаш, хизматни ўташга доир барча фаолиятига рақамлаштириш орқали ошкоралик бериш назарда тутилган¹. Бу каби талабларни бошқа давлат ташкилотлари учун мажбурийлигини таъминлаш лозим; (ҳужжат айланувининг очиқлиги модели).

Юқоридагилардан хулоса қилиш мумкинки, рақамлаштириш бугунги кунда коррупциянинг олдини олиш ва унга қарши курашишда энг муҳим омиллардан бири ҳисобланади.

¹ Ўзбекистон республикаси Президентининг “Рақамли прокуратура - 2030” стратегиясини тасдиқлаш ҳақидаги 03.11.2025 йилдаги ПФ-204 сон Фармони.

**ХУДОЙБЕРДИЕВ ҲАСАН
БАХОДИР ЎҒЛИ**

Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
мустақил изланувчиси

**БИРИНЧИ ИНСТАНЦИЯ СУДЛАРИДА ЖИНОЯТ
ИШЛАРИНИ ЮРИТИШДА КОРРУПЦИЯВИЙ ХАВФ-
ҲАТАРЛАРНИ ОЛДИНИ ОЛИШДАГИ НАЗАРИЙ
ЁНДАШУВЛАР**

Аннотация: Мазкур мақолада биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда коррупциявий хавф-хатарларни олдини олишдаги назарий ёндашувлар баён этилган. Шунингдек, жиноят ишларининг юритишда коррупциявий хавф-хатарларни олдини олишда ва суд муҳокамасида коррупциявий хавф-хатарлар ва уларнинг олдини олишдаги олимларнинг фикрлари таҳлил этилган.

Аннотация: В данной статье изложены теоретические подходы к предотвращению коррупционных рисков при ведении уголовных дел в судах первой инстанции. Также проанализированы мнения учёных о предотвращении коррупционных рисков в процессе ведения уголовных дел и в судебном разбирательстве, а также о коррупционных угрозах и мерах по их предотвращению.

Annotation: This article presents theoretical approaches to preventing corruption risks in the handling of criminal cases in courts of first instance. It also analyzes scholars' views on preventing corruption risks during the conduct of criminal proceedings and during the court hearing, as well as corruption-related threats and measures to prevent them.

Калим сўзлар: жиноят, босқичлар, жазо, жиноят иши, коррупция, коррупциявий хавф-хатар, жавобгарлик, суд, муҳокама, суд мажлиси, жараён, тарафлар.

Ключевые слова: преступление, стадии, наказание, уголовное дело, коррупция, коррупционный риск, ответственность, суд, разбирательство, судебное заседание, процесс, стороны.

Keywords: crime, stages, punishment, criminal case, corruption, corruption risk, liability, court, hearing, court session, process, parties.

Кириш. Ўзбекистон Республикаси демократик ҳуқуқий давлат ва эркин фуқаролик жамияти қуришда, коррупциядан ҳоли бўлган адолатли суд-ҳуқуқ тизимини, фуқароларнинг ҳуқуқларини ҳамда эркинликларини жамият ва давлатнинг манфаатларини ҳимоя қиладиган механизм яратишни назарда тутмоқда. Ушбу йўлда халқаро ва миллий қонунчиликда коррупциядан ҳоли бўлган адолатли суд муҳокамасига бўлган ҳуқуқни таъминлаш учун зарур бўлган чуқур ислохотлар амалга оширилмоқда.

Ҳар бир жиноят иши доирасида инсон, давлат, халқнинг тақдири ётади. Бунда жиноят судлар томонидан жиноят ишларини кўриб чиқилишида, суд ҳукмларининг коррупциядан ҳоли ва адолатли чиқарилиши муҳимдир. Мамлакатимизда коррупциядан ҳоли ва адолатли суд муҳокамасини амалга оширилишида ҳам ишлар изчиллик билан амалга оширилиб келинмоқда.

Президент Шавкат Мирзиёевнинг 2022 йил 28 январда қабул қилинган 2022-2026-йилларга мўлжалланган Янги Ўзбекистоннинг “Тараққиёт стратегияси”¹ да ҳам фуқароларнинг одил судловга бўлган ҳуқуқини таъминлашга қаратилган муҳим режалар белгиланган.

Жумладан мазкур Фармоннинг 84-мақсади айнан коррупцияга мойил соҳа ва тармоқларни аниқлаш, коррупциявий омилларни бартараф этиш тизимининг самарадорлигини ошириш, жамиятда коррупцияга нисбатан муросасиз муносабатни шакллантириш каби вазифалар назарда тутилган.

Шунингдек мамлакатимиз Президент Шавкат Мирзиёевнинг 2020 йил 7 декабрда қабул қилинган мўлжалланган “Судьяларнинг чинакам мустақиллигини таъминлаш ҳамда суд тизимида коррупциянинг олдини олиш самарадорлигини ошириш чоратадбирлари тўғрисида”²ги Ўзбекистон Республикаси Президентининг Фармони қабул қилинган. Ушбу фармон, умумий олганда, жиноят судларида жиноят ишларини юритишда

¹ <https://lex.uz/docs/5841063>

² <https://lex.uz/ru/docs/5146554>

коррупциявий хавф-хатарларни олдини олиш, суд тизимининг шаффофлигини оширишга қаратилган қатор аниқ чора-тадбирларни ўзида қамраб олган.

Коррупция жиноят ишларининг кўрилишида энг жиддий таҳдидлардан бири саналади. Биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда коррупциядан холи бўлиши ҳуқуқий давлат ва қонунийликнинг асосий кафолатларидан бири ҳисобланади. Коррупция суд муҳокамаси босқичида намоён бўлса, адолат принципларига путур етади ва жамиятда суд тизимига нисбатан ишонч сусаяди.

Адабиётлар таҳлили. Transparency International ташкилоти эълон қилган 2024 йилги Коррупцияни қабул қилиш индексида кўра Ўзбекистон 180 давлат орасида 121-ўринда¹, шунингдек, Жаҳон одил судлов лойиҳасининг Ҳуқуқ устуворлиги индексидаги “коррупциядан ҳалоллик” кўрсаткичида 83-ўринни эгаллагани кўрсатилган². Бу ҳолатлар суд тизимида коррупцияга қарши чораларни кучайтириш долзарблигидан далолат беради. Шу боис, халқаро ва миллий даражада олимлар томонидан нафақат жиноят ишларини юритишда балки барча судларнинг ишларнинг кўрилишининг ҳар бир босқичида коррупциянинг олдини олишга қаратилган турли назарий ёндашувлар мавжуд бўлиб, уларни шартли равишда қуйидаги тоифаларга ажратиш мумкин:

- ҳуқуқий-институтционал ёндашувлар;
- ташкилий-идоравий ёндашувлар;
- очиқлик ва жамоатчилик назоратига таянувчи ёндашувлар;
- ахлоқий ва кадрлар сиёсатига оид ёндашувлар.

Жумладан назарий ёндашувлар доирасида биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда коррупциянинг пайдо бўлишига имкон яратадиган ҳуқуқий бўшлиқлар ва ортиқча дискреция доираларини қисқартиришга эътибор қаратилади.

¹ <https://www.transparency.org/en/cpi/2024>, Transparency International, CPI 2024 (Uzbekistan 121/180) Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024. Transparency.org

² <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/country/2024/Uzbekistan/>

Россиялик олим А.Ю.Афанасьев жиноят-процессуал қонунларидаги коррупциоген нормаларни аниқлаш, баҳолаш ва нейтраллаштириш бўйича методикани ишлаб чиққан. Бу методика орқали у жиноят-процессуал қонунчилигини такомиллаштириб, коррупция хавфларини илдизидан бартараф этишни назарда тутди¹. Демак тадқиқотчининг фикрларига қўшилган ҳолда суд муҳокамаси тартибини белгилайдиган нормаларда манфаатлар тўқнашуви ёки суиистеъмолга йўл қўювчи бўшлиқлар бўлмаслиги керак.

Шунингдек, Т.В.Шитова Россия Федерацияси жиноят суд юритувини таҳлил қилиб, “антикоррупцион стандартлар” тушунчасини илгари суради. Унинг таъкидлашича, давлат хизматчилари, жумладан суд жараёнини амалга оширувчи шахслар учун махсус одоб-ахлоқ ва хизмат ўташ қоидаларини жорий этиш, уларнинг нотўғри хулқ-атвориغا чек қўяди. Шунингдек халқаро ҳужжатларга таянган ҳолда судларда ишларни ёпиқ тартибда ёки якка таркибда кўришни чеклаш, қонун нормаларини судья томонидан кенгайтириб талқин қилишга йўл қўймаслик ҳамда ишлар кўриш босқичларининг чўзилиб кетмаслигини таъминлаш каби процессуал чекловларни таклиф қилади. Демак бу чекловлар судьялар фаолиятини тартибга солиб, уларни ҳар қандай ташқи таъсир ёки манфаатдорликдан холи қилишга қаратилгандир².

Фикримизча, тадқиқотчининг ёндашуви асосида биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда суд босқичларида коррупциявий хавф-хатарларни олдини олиниши мумкин. Бироқ судларда ишларни ёпиқ тартибда ёки якка таркибда кўришни чеклаш суд муҳокамасида бошқа хавф-хатарларни келтириб чиқариши мумкин. Масалан, жабрланувчининг соғлигига етказилиши мумкин бўлган хавф-хатарлар, оилавий сирларнинг ошкор бўлиш ва бошқа бир қанча хавфлар бўлиши ҳам мумкин.

¹ Afanasyev, A.Yu. (2017). Коррупционные риски уголовно-процессуального доказательственного права: монография (под ред. А.Ф. Лубина). Москва: Юрлитинформ. 224 с.

² Шитова Т. В. Коррупционные риски в уголовном производстве //Юридическая техника. – 2019. – №. 13. – С. 632-635.

С.Б.Россинский ва Е.В.Рябцеванинг таъкидлашича, судьяларнинг иш доирасидаги шахсий манфаатдорлиги коррупциявий хатар манбаи бўлиши мумкинлиги ва шунинг учун холисликни таъминлаш мақсадида уни олдини олиш борасидаги институтни тубдан такомиллаштириш кераклиги билан аниқ ёндашган. Уларнинг 2022 йилги тадқиқотида жиноят ишларини кўришда судья ҳамда терговчиларнинг беғаразлиги ва поклигига кафолатларни мустаҳкамловчи қонун нормалари қабул қилиниши зарурлиги таъкидланган¹.

Шунингдек, жиноят суд муҳокамасида коррупциянинг олдини олишда суд тизимининг ички ташкилий чоралари ва институционал ислохотлари ҳам катта аҳамиятга эга. Бу борада ёндашув бўйича асосий эътибор судьяларни танлаш, тайинлаш ва улар фаолияти устидан назорат ўрнатишга қаратилган. Масалан, АҚШ Халқаро тараққиёт агентлиги (USAID) томонидан тайёрланган тахлилий ҳисоботда суд-ҳуқуқ тизимидаги коррупцияга қарши кураш чоралари умумий суд ислохотларига интеграциялашган ҳолда амалга оширилиши лозимлиги таъкидланган. Шу билан бирга, судьяларни муносиб моддий таъминлаш ҳам муҳим омил сифатида эътироф этилади. Кўплаб тадқиқотчиларнинг фикрича, агар судьялар меҳнат ҳаққи юқори бўлса, улар пора олиш васвасасига камроқ берилади. Масалан, Сингапур тажрибасида давлат амалдорлари ҳамда суд органлари ходимларига юқори маош тўлаш орқали коррупция минимал даражага туширилгани таъкидланади.

Transparency International тадқиқотлари шуни кўрсатадики, судьялар фаолияти юзасидан мустақил шикоятлар механизми ва судьяларни интизомий жазолаш бўйича кенгашлар мавжудлиги суд тизимининг ҳисобдорлигини оширади. Масалан, АҚШда федерал судьяларнинг хатти-ҳаракатидан норози бўлган шахслар махсус Судьялар одоби бўйича кенгашга мурожаат қилиб, текширув талаб

¹ Россинский, С.Б. (2022). Досудебное производство по уголовному делу: учебник. Москва: Норма. 232 с, Рябцева, Е.В. (2018). Предупреждение и противодействие коррупции в судебной деятельности: научно-практическое пособие. Москва: РГУП. 130 с.

қилиш ҳуқуқига эга. Шу тариқа, ҳар бир судьянинг иш доирасидан коррупциядан ҳоли бўлиши доимий назоратда бўлади ва заруратга кўра жавобгарликка тортилиши мумкин.

Фикримизча биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритиш босқичларида ошкора тарзда ўтиши, оммавий ахборот воситалари ва жамоат кузатувчилари учун очик бўлиши коррупцион келишувлар эҳтимолини пасайтиради. Халқаро тавсияларга биноан, суд қарорлари ва ишлар ҳолатини онлайн эълон қилиб бориш, суд мажлисларини аудио-видео орқали ёзиб олиш каби чоралар жорий этилиши лозим.

Норвегиялик тадқиқотчи С.Глоппен суд муҳокамасида коррупция муаммоларини ечиш учун судьялар мустақиллигини таъминлаш билан бир вақтда жамоатчиликка ҳисобдорликни ошириш зарурлигини қайд этади. Унинг фикрича, аҳоли ва ОАВнинг суд жараёнини эркин кузатиши ҳамда суд ҳокимияти устидан таъсирчан жамоатчилик назорати ўрнатилиши судьяларнинг пора олиши ёки босим остида қарор чиқариши хавфини камайтиради¹.

Б.О.Юматов таъкидлашича, давлат хизматларини электрон тизимига ўтказиш орқали амалий мулоқотларни қисқартириш коррупция хавфларини кескин пасайтирганини кўрсатади. Демак бу борада суд муҳокамасини рақамлаштириш жараёнлари орқали коррупцияни чеклаш мумкинлигини ва субъективлик ва яширин келишувларга ўрин қолмайди².

Жиноят ишларини кўрилишида коррупциянинг олдини олиш учун юқори малакали ва садоқатли кадрларни шакллантириш ҳам устувор вазифадир. Бу борада судьяларнинг шахсий ҳалоллиги ва ахлоқий қиёфасига катта эътибор қаратиш лозим. Шу сабабли, кўплаб давлатларда судьялар учун одоб-ахлоқ кодекслари қабул

¹ Gloppen, S. (2014). Courts, Corruption and Judicial Independence. In T. Søreide & A. Williams (Eds.), *Corruption, Grabbing and Development: Real World Challenges* (pp. 68–79). Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

² Yumatov, B.O. (2025). Anti-corruption monitoring within the framework of the model legislation of the Commonwealth of Independent States. *The American Journal of Political Science Law and Criminology*, 7(3), 7–13. URL:

қилинган бўлиб, унда судьялар ўз фаолиятида қонунийлик, холислик, ҳалоллик, махфийликни сақлаш каби тамойилларга қатъий риоя қилиш мажбуриятини олади. Масалан, 2002 йилда қабул қилинган Бангалор судьялар одоб-ахлоқ принциплари бутун дунё судьялари учун халқаро меъёрга айланди. Ушбу принциплар судьяларга одил судловни амалга оширишда виждонан хизмат қилиш, манфаатдорликдан четда туриш ва ҳар қандай коррупциядан йироқ бўлиш мажбуриятини юклайди.

Шунингдек биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда судьяларни коррупцияга йўл қўймаслиги учун уларни коррупцияга қарши тайёрлаш ва тарбиялаш масаласи ҳам ўта муҳимдир.

С.Б.Россинский ва Е.В.Рябцева янги авлод ҳуқуқшунос кадрларини тайёрлашда нафақат юриспруденция бўйича билим, балки юқори даражадаги ахлоқий фазилатларга эга шахсларни шакллантириш лозимлигини қайд этади. Жумладан, принципно, юксак ҳуқуқий маданиятга ва ватанпарварлик руҳига эга судья кадрлари коррупцияга нисбатан муросасиз бўлади ҳамда уларга пора таклиф қилинган ёки бошқа ноқонуний таъсир ўтказилган ҳолларда ҳам унга берилмайди¹.

Таҳлил ва натижалар. Юқорида келтирилган турли назарий ёндашувларни таҳлил қилиш шуни кўрсатадики, улар бир-бирини тўлдирувчи ва айрим жиҳатларда фарқ қилувчи чоралар мажмуасини таклиф этмоқда. Ҳуқуқий-институтционал ёндашувлар кўпроқ қонунчиликни такомиллаштириш, коррупциоген омилларни бартараф этишга урғу беради.

Фикримизча А.Ю.Афанасьев, Т.В.Шитова, С.Б.Россинский, Е.В.Рябцеванинг С.Глоппен, фикрлари тўлиқ қўшилган ҳолда уларнинг ёндашувлари суд муҳокамасида коррупциявий хавф-хатарларни олдини олишга хизмат қилади деб ҳисоблаймиз. Бироқ

¹ Yumatov, B.O. (2025). Anti-corruption monitoring within the framework of the model legislation of the Commonwealth of Independent States. The American Journal of Political Science Law and Criminology, 7(3), 7–13. URL:

Т.В.Шитованинг ёндашувига қисман қўшилиб, унинг ишларни ёпиқ тартибда ёки якка таркибда кўришни чеклаш таклифи айрим муаммоларни келтириб чиқариши мумкин деб ҳисоблаймиз. Ушбу муаммолар сифатида, жабрланувчининг шахсий ҳаётига доир маълумотлар ёки давлат сирлари мавжуд бўлган ишларда ёпиқ суд муҳокамаси зарур бўлади. Агар бундай ҳолатларда ёпиқ муҳокамалар чекланса, жабрланувчиларнинг ҳуқуқлари ва давлат манфаатлари ҳимоясиз қолиши мумкин.

Шунингдек Б.О.Юматов фикрларига тўлиқ қўшилган ҳолда биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда рақамлаштириш жараёнлари орқали коррупцияни чеклаш мумкин.

Фикримизча, назарий жиҳатдан энг мақбул ёндашув–судьялар мустақиллигига путур етказмаган ҳолда уларнинг ҳалоллиги устидан таъсирчан назорат ўрнатишдир. Барча ёндашувларда умумий нуқтаси шуки–судда ишларни кўрилишида коррупцияни олдини олиш.

Юқорида қайд этилган назарий ёндашувлар ва хорижий тажрибалар таҳлили асосида, биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда коррупциянинг олдини олиш бўйича жиноят ишларига раислик қилувчи суднинг ички иммунитетини шакллантириш ва ташқи таъсирлардан ҳимоя қилишни ўз ичига олган яхлит рақамлаштирилган профилактика тизимини яратиш лозим.

Биринчидан, судьялар корпусида ички “иммунитет” ни шакллантириш талаб этилади. Яъни, ҳар бир судья шахсий ҳалоллик ва касбий фазилатларга эга бўлиши, коррупцияга мутлақо мурса қилолмайдиган даражада тарбияланиши лозим. Бунинг учун судьяларни танлашда нафақат уларнинг билим ва малакаси, балки ахлоқий баркамоллиги ҳам синовдан ўтадиган тизим жорий этилиши зарур.

Масалан, судьяликка номзодлар учун алоҳида “одил судлов психологияси ва коррупцияга бардошлилик” мавзусида тест синовларини жорий этиш мақсадга мувофиқ. Бу орқали номзоднинг

ғайриқонуний таъсирларга қанчалик берилиш-берилмаслиги аниқланади. Шунингдек, янги тайинланган ҳар бир судья таянч судья қўл остида маълум муддат стажировка ўташи ва ўша давр мобайнида унинг ахлоқий қиёфаси махсус баҳоланиб бориши таклиф этилади. Бундай чоралар судьяликка номзодларни илк босқичданоқ поклик ва ҳалоллик принципларига риоя қилишга ўргатади.

Иккинчидан, биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда қолаверса барча суд жараёнини ташқи таъсирлардан ҳимоя қилиш механизмларини кучайтиришни назарда тутди. Айниқса электрон воситалардан кенг фойдаланган ҳолда, судья ва тарафлар ўртасидаги бевосита алоқани максимал даражада чеклаш лозим. Жумладан, “судья билан электрон мулоқот” номли махсус платформани жорий этиш таклиф этилади: унда томонлар судья билан фақат махсус рақамли платформа орқали белгиланган тартибда мулоқот қилади. Барча процессуал ҳужжат алмашинуви ва ҳатто айрим процессуал ҳаракатлар масалан, дастлабки эшитув, қўшимча материалларни муҳокама қилиш онлайн тартибда шу платформа орқали ўтказилади.

Хулоса. Юқоридаги олимлар фикрини таҳлил қилар эканмиз, биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда коррупцияга қарши кураш комплекс, кўп қиррали ва рақамли профилактика орқали амалга оширилади. У бир вақтнинг ўзида қонунчиликни ҳам, ташкилий тизимни ҳам, технологияни ҳам ва инсон омилини ҳам қамраб олади. Унинг илмий асоси – коррупцияга қарши “иммунитет” ни шакллантириш. Амалий жиҳатдан эса бу ёндашувни татбиқ этиш учун судларда жиноят ишини юритишда юқорида санаб ўтилган тегишли ислоҳотлар ҳамда инновацияларни жорий этиш талаб этилади. Мазкур ислоҳотларнинг амалга оширилиши биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритиш ҳақиқий маънода холис, адолатли ва коррупциядан холи майдонга айлантиради. Бу эзгу мақсадга эришилса, фуқароларнинг одил судловга бўлган ишончи мустаҳкамланади.

**ИБРАГИМОВ МУРОДЖОН
ЖУМАНАЗАРОВИЧ**

Ҳуқуқни муҳофаза қилиш
академияси кафедраси ўқитувчиси

**ЎЗБЕКИСТОНДА СОҒЛИҚНИ САҚЛАШ СОҲАСИДА
КОРРУПЦИЯНИ ОЛДИНИ ОЛИШ: МУАММОЛАР,
ХОРИЖИЙ ТАЖРИБА ВА ЕЧИМЛАР**

Соғлиқни сақлашда коррупция фақат моддий-молиявий зарар эмас, балки тиббий хизмат сифати пасайиши, ресурсларнинг нотўғри тақсимланиши, аҳоли ишончи сусайиши ва тенглик бузилиши каби институционал оқибатларга олиб келади¹. БМТ Тараққиёт дастури соғлиқни сақлаш соҳасида учрайдиган асосий коррупциявий ҳуқуқбузарликлар қаторига ноқонуний тўловлар, талон-торож қилиш, қалбакилаштириш, заиф тартибга солиш механизмлари ва ношаффоф харид жараёнларини киритади².

Замонавий аксилкоррупция ҳуқуқий сиёсатининг асосий тенденцияларидан бири бу коррупцияни ҳуқуқбузарлик ходисаси эмас, олдиндан бир хавф сифатида бошқаришни таклиф этади. Бунда “коррупция хавфлари” деганда муайян жараёнларда (масалан, давлат ёки корпоратив харидларида товар ва хизматлар рўйхатини тузиш, харид ёки ишга қабул қилиш комиссияси қарорини қабул қилиш, шартномаларни бажариш ва ҳк.) коррупция пайдо бўлиши эҳтимоли ва унинг салбий оқибатлари тушунилади³. БМТ ва бошқа халқаро ташкилотларнинг ҳисоботлари, шунингдек, амалиётдаги муаммолар таҳлили соғлиқни сақлаш секторида коррупцияга қарши курашни бу соҳадаги хавфларни аниқлаш, уларни бартараф этиш

¹ European Commission: Directorate-General for Migration and Home Affairs and ECORYS, Updated study on corruption in the healthcare sector – Final report, Publications Office, 2017, <https://data.europa.eu/doi/10.2837/68580>

² UNDP (2011) Fighting Corruption in the Health Sector: Methods, Tools and Good Practices.

³ Помазуев Александр Евгеньевич Коррупционные риски: понятие и значение для механизма противодействия коррупции // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2016. №2.

чораларини ишлаб чиқиш, назорат қилиш каби комплекс тадбирларни тақозо қилади.

Шу нуқтаи назардан, мазкур ҳуқуқий тадқиқот учун биз икки асосий даражани белгилаб оламиз: норматив ҳуқуқий (қонунчилик, ваколатлар, стандартлар, нормалардаги коррупциоген омиллар) ҳамда амалиёт таҳлили (соҳа ичидаги амалий чоралар, ҳужжатлар, харидларга оид маълумотлари, ички текширув материаллари, муурожаатлар ва ҳк.). Ушбу кенг қамровли таҳлил бизга соғлиқни сақла соҳасидаги коррупциявий муаммоларни кўриш, уларни ўз вақтида аниқлаш ва чора кўриш имконини беради¹.

Ўзбекистон Республикасининг 2023 йил 8 августдаги “Норматив-ҳуқуқий ҳужжатларнинг ва улар лойиҳаларининг коррупцияга қарши экспертизаси тўғрисида”ги ЎРҚ-860-сон Қонуни норматив-ҳуқуқий ҳужжатларнинг ва улар лойиҳаларининг коррупцияга қарши экспертизасига оид муносабатларни белгилаб берди. Ҳуқуқий тартибга солиш нуқтаи назаридан ушбу қонун соғлиқни сақлаш соҳасида коррупцияни олдини олишда муҳим норматив-ҳуқуқий аҳамиятга эга. Шунингдек, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2025 йил 21 апрелдаги “Коррупцияга қарши курашиш тизимини янада такомиллаштириш бўйича белгиланган устувор вазифалар ижросини самарали ташкил этишга доир чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПФ-71-сон Фармони эса стратегик ҳужжат сифатида амалиётда коррупцияга қарши курашиш, унга оид халқаро стандартларни жорий қилиш, ҳисобдорлик, баҳолаш, очиқлик ва шаффофликни таъминлаш, замонавий технологияларни қўллаш каби чораларни аниқ белгилаб беради.

Шу билан бирга амалиётда коррупциявий ҳуқуқбузарликларнинг кўпчилик қисми соғлиқни сақлаш соҳасига тўғри келади. Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Сенати маълумотига кўра 2024 йил давомида Соғлиқни сақлаш вазирлиги

¹ Ўзбекистон Республикасининг “Коррупцияга қарши курашиш тўғрисида”ги Қонуни (03.01.2017 йил, ЎРҚ-419-сон)

тизимида 500 дан ортиқ коррупцияга оид жиноятлар қайд этилган¹. Бундан ташқари, коррупциявий ҳуқуқбузарлик фактларининг жиноий қилмиш даражасида бўлмаган ҳодисалари ҳам кам эмас.

Ушбу таҳлилларни умумлаштириб соғлиқни сақлаш соҳасида қуйидаги коррупциявий муаммоларни келтириш мумкин.

А) Давлат харидлари жараёнларининг тўлиқ назорат қилинмаслиги асосий муаммолардан бири бўлиб, амалиётда у харидларнинг режалаштирилиши, товарлар ва хизматлар рўйхати шаклланиши, рақобатли харидни амалга оширилиши, ижро ва шаффофлик каби жараёнларнинг тўлиқ назорат қилинишидаги қийинчиликларни ифодалайди².

Коррупция хавфи механизми шундай ишлайдики, унга кўра, коррупция фақат тендер ғолибини танлаш босқичида эмас, аксинча, кўпинча тендердан олдинги босқичдаёқ “режалаштирилади”, эҳтиёж асоссиз равишда катталаштирилади, муайян етказиб берувчига мослаб талаб ва эҳтиёжлар шакллантирилади; баҳолаш мезонлари рақобатни чеклайдиган шаклга келтирилади ва ҳк. Халқаро стандарт ва қўлланмалар айни шундай хавфларни кўриш учун харидларнинг савдодан олдинги, савдо жараёнидаги ва савдодан кейинги (pre-tender, tender ва post-tender) босқичларига ажратиб, ҳар бир босқич учун профилактик чоралар белгилашни таклиф қилади³.

Б) Манфаатлар тўқнашуви ҳам соғлиқни сақлаш соҳасида муҳим коррупциявий омиллардан бўлиб, соғлиқни сақлаш соҳасидаги мансабдор шахслар ва мутахассисларнинг фармацевтика, қурилиш, турли товар ва хизматлар кўрсатиш соҳасидаги тадбиркорлик тизимлари билан алоқаларига оид муаммоларни кўрсатиб беради⁴.

¹ <https://senat.uz/post/post-3851>

² Vian, T. (2020). Anti-corruption, transparency and accountability in health: concepts, frameworks, and approaches. Global Health Action, 13(sup1). <https://doi.org/10.1080/16549716.2019.1694744>

³ ISO 37001:2025 Anti-bribery management systems, Requirements with guidance for use 2025, <https://www.iso.org/standard/37001>

⁴ Ўзбекистон Республикасининг “Манфаатлар тўқнашуви тўғрисида”ги Қонуни (05.06.2024 йил, ЎРҚ-931-сон)

В) Самарадорлик кўрсаткичлари ҳам муҳим бўлиб, соғлиқни сақлаш тизимида коррупцияга қарши комплаенс-назорат тизимининг мавжудлигигина эмас, у реал хавфларни кўра олиши, уларни камайтира олиши ҳам тизимли муаммонинг бир қисми сифатида намоён бўлади.

Сабаблар кўп ҳолларда бошқарув ва маълумотлар инфратузилмасига бориб тақалади. Комплаенс самарадорлиги ўқув, тарғибот, мажлис каби фаолият кўрсаткичлари билан чекланиб қолади; хавфларни реал камайтиришни кўрсатадиган индикаторлар, масалан, тендер рақобати, шартномадаги ўзгаришлар, шикоятларни ҳал қилиш сифати, бемор тўловлари шаффофлиги эса тизимли баҳоланмайди. Натижада комплаенс “самарадор” деган хулоса маълумотга эмас, тасаввурга таянади. Бу айниқса кам даромадли, ривожланаётган мамлакатларга хос бўлиб, коррупция хавфларини аниқлаш тизимлари жуда самарасиз ишлашини англатади¹.

Г) Шунингдек, соғлиқни сақлаш соҳасида кадрлар сиёсати ва ички интизом коррупция соҳасидаги муҳим заиф нуқталардандир. Жиноят ишларининг кўпчилиги қисми айти кадрларни ишга қабул қилиш, уларни жой-жойига қўйишда коррупциявий хавфларни кўрсатади.

Бунда кадр фақат ходим эмас, у қарор қабул қилиш, ресурсга кириш, ахборотга эгалик қилиш ва бемор билан тўғридан-тўғри алоқада бўлиш имкониятига эга субъект сифатида баҳоланиши керак. Кўпинча, ишга қабул қилиш жараёнининг шаффоф эмаслиги, талаб ва мезонларнинг ноаниқлиги, қарор қабул қилувчи шахслар ваколатининг юқори даражада жамланганлиги, ротациянинг чекланганлиги ва ички интизом механизмларининг танлов билан ишлаши бу соҳада коррупция хавфини кучайтиради.

Д) Қолаверса, соғлиқни сақлаш соҳасида лицензиялаш/рухсат бериш, уларни назорат қилиш энг жиддий коррупциявий хавф экани

¹ Maponga CC, Chikwinya T, Hove R, Madzikwa N, Mazambara F, Midzi SM, et al. Lessons learnt from implementing the Good Governance for Medicines Programme in Zimbabwe. BMJ Global Health. 2022;7:e007548. <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2021-007548>

хам амалиётда энг кўп исботини топган. Бу борада ваколат ва имкониятлар коррупция хавфини оширувчи даражада жамланган бўлиб, уларни қайта кўриб чиқиш ва тақсимлаш аксилкоррупция сиёсатининг муҳим қисмига айланиши лозим¹.

Бир қатор ҳуқуқий-ташкилий омиллар, яъни, лицензия талабларининг ноаниқлиги ёки бир рўйхатда жамланмагани, қарор қабул қилиш муддати ва асосларининг шаффоф эмаслиги, текширувлар режасининг тушунарсизлиги, инспекторларнинг узок вақт бир ҳудуд/субъект билан ишлаши коррупция хавфларини пайдо қилади.

Е) Шунингдек, шифокорларнинг бемор билан тўғридан-тўғри молиявий муносабатларга киришиши, улардан норасмий тўловлар, хизмат ҳақи ундириши миллий муҳитда аллақачон коррупциянинг энг тарқалган кўриниши сифатида тан олинган. Бемор ўз ҳуқуқи ва хизмат стандартини тўлиқ билмаслиги, навбат ва ресурс танқислиги, хизмат сифати ва имкониятларидаги фарқ, тўлов жараёнларининг шаффоф эмаслиги, айрим ҳолатларда “совға бериш маданияти”нинг клиник хизматга кўчиши ушбу соҳадаги коррупциянинг кўринишларидандир. Бундай шароитда коррупция тез ижтимоийлашиб, нормаллашиб кетади.

Юқоридаги таҳлиллар шуни кўрсатадики, соғлиқни сақлаш соҳасида коррупция асосан ушбу олти хавф ҳудудларида тизимли равишда шаклланади: (А) давлат харидларининг бутун занжир бўйича тўлиқ назорат қилинмаслиги; (Б) манфаатлар тўқнашувининг (фарм/қурилиш/таъминот) бошқарилмаслиги; (В) комплаенс-назорат самарадорлигини ўлчаш кўрсаткичлари заифлиги; (Г) кадрлар сиёсати ва ички интизомда шаффофлик ва ҳисобдорликнинг етарли эмаслиги; (Д) лицензиялаш/рухсат бериш ва инспекцияда дискреция ваколатларининг жамланиши; (Е) бемор ва шифокор ўртасида норасмий тўловлар орқали “параллел тариф”нинг шаклланиши. Халқаро тажриба ва стандартлар бу муаммоларни якка

¹ Sogʻliqni saqlash vazirligining korrupsiyaga qarshi kurashish boʻyicha siyosati. Sogʻliqni saqlash vazirligining 2025-yil 08 iyuldagi 203-sonli buyrugʻiga 1-ilova.

жазо чоралари билан эмас, балки рискка асосланган комплаенс-назорат, шаффофлик, ҳисобдорлик, рақамлаштириш ва институционал мустақил назорат орқали барқарор камайтириш мумкинлигини кўрсатади¹.

¹ Фатхутдинов Альберт Ахтамович, Кулик Юрий Павлович Неформальные платежи как явление теневой экономики в России (на примере сферы здравоохранения) // Вестник ТГУ. 2015. №6 (146).

ТЎРТИНЧИ ПАРАЛЛЕЛ СЕССИЯ:

**КИБЕРМАКОНДА ҲУҚУҚНИ МУҲОФАЗА
ҚИЛИШ ФАОЛИЯТИ: МУАММО ВА ЕЧИМЛАР**

AZAR RASIM HASANLI
Head of the Unit for Affairs with
Supervisory Authorities of the Financial
Monitoring Service of the Republic of
Azerbaijan

SUBHAN LAZIM GARAYEV
Specialist of the Unit for Affairs with
Supervisory Authorities of the Financial
Monitoring Service of the Republic of
Azerbaijan

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES FOR BUILDING DATA-DRIVEN SUPERVISORY FRAMEWORKS

***Annotatsiya:** Ushbu maqolada mualliflar pul yuvish va terrorizmni moliyalashtirish xavflarining o'zgarib borishi hamda texnologik rivojlanish sharoitida DNFBP subyektlari ustidan samarali nazoratni ta'minlash ma'lumotlarga asoslangan, xavfga yo'naltirilgan yondashuvlarga o'tishni talab qilishi haqida fikr bildiradilar. Nazorat organlari ma'muriy, so'rovnom va nazorat ma'lumotlarini tuzilmaviy diagnostik vositalar orqali qayta ishlashi, sektor xavflarini to'liq anglash va nazorat resurslarini oqilona taqsimlash imkonini beradi. Ushbu usul uzoq muddatli SupTech tizimiga o'tishning amaliy bosqichi hisoblanadi va xavfga yo'naltirilgan nazorat tamoyillariga mos ravishda nazorat samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.*

***Аннотация:** В данной статье утверждается, что эффективный надзор за субъектами нефинансового бизнеса и профессий (DNFBP) в условиях эволюционирующих рисков отмыwania денег и финансирования терроризма, а также технологических изменений, требует перехода к основанным на данных риск-ориентированным подходам. Надзорные органы должны использовать административные, опросные и надзорные данные с помощью структурированных диагностических инструментов, что позволяет формировать целостное понимание секторальных рисков и рационально распределять надзорные ресурсы. Такой подход представляет собой практический этап на пути к долгосрочной SupTech-модели, согласованной с принципами риск-ориентированного надзора и способствующей повышению его эффективности.*

Abstract: *In this article, the authors argue that supervising DNFBPs amid evolving money laundering and terrorism financing risks and technological developments requires a shift toward data-driven, risk-based strategies. Authorities should leverage administrative, survey, and supervisory data through structured diagnostic tools to gain a comprehensive understanding of sectoral risks and to guide the allocation of supervisory resources. This approach offers a practical pathway toward a long-term SupTech framework, aligning supervision with RBA principles and enhancing overall effectiveness.*

Kalit soʻzlar: *FATF tavsiyalari, riskga asoslangan nazorat, nazorat samaradorligi, maʼlumotlarga asoslangan nazorat vositalar*

Ключевые слова: *Рекомендации ФАТФ, надзор на основе оценки рисков, эффективность надзора, инструменты надзора, основанные на данных*

Keywords: *FATF Recommendations, risk-based supervision, supervisory effectiveness, data-driven supervisory tools*

Introduction

The rise of new technologies and expansion of cross-border financial flows complicates the efforts addressing ML/TF financing risks. These developments increase compliance costs and reputation risks for obliged entities while also hindering supervisory authorities' capacity to oversee their entities. The use of conventional supervisory tools and frameworks become more difficult in light of rising number and complexities of regulated sectors and obliged entities. While global AML/CFT standards, such as the FATF Recommendations, require countries to adopt risk-based approaches in supervising obliged entities, the evolving nature of business and regulated sectors necessitates alternative strategies, particularly the use of data-driven supervisory tools to identify sectoral risks and address them effectively. In this article, the authors argue that expanding traditional supervisory resources is neither feasible nor proportionate. Instead, leveraging administrative, survey, and supervisory data through structured diagnostic tools can enable targeted, entity-level risk assessments and more effective allocation of supervisory resources, while also addressing emerging supervisory challenges.

Understanding risks and risk-based approach in supervision

Risk-based approach (RBA) constitutes one of the primary cornerstones of the FATF Recommendations. The RBA allows countries to adopt a more flexible set of measures to allocate their resources more effectively and apply preventive measures that are proportionate to the nature of risks (FATF, 2012-2025).

Under the RBA, countries should require financial institutions and DNFBPs to apply stronger and more intensive controls in situations where ML/TF risks are higher, and allow simplified measures when risks are demonstrably lower and properly justified. To enable this proportional application of controls, countries should determine which sectors, activities, or products present lower risk, using national or sub-national risk assessments to guide institutions in calibrating their measures accordingly (FATF, 2012-2025).

Recommendation 1 and its interpretative note require countries to take appropriate steps to identify, assess and understand ML/TF risks and to apply the RBA to mitigate those risks accordingly, which also applies to supervisory activities. In other words, the road to RBA starts from undertaking national risk assessment (NRA) to identify, assess and identify the risks facing by jurisdictions. NRA is a multi-stakeholder process involving all actors of the AML/CFT system, including supervisory authorities. The supervisory authorities should undertake a risk assessment of the financial services business and DNFBPs for whose general oversight the supervisor is responsible.

Recommendations 26 and 28 clearly sets provisions for applying effective supervisory tools and measures in supervision of financial institutions and DNFBPs. Understanding inherent risks and common weaknesses in AML/CFT controls at the sectoral level is the starting point for understanding risks at a more granular, i.e., entity-level (FATF, 2021). However, in practice, this is a highly challenging task for countries to introduce and apply effective supervisory frameworks are highly sensitive country and sector-specific contextual and background factors encapsulating these obliged entities.

Horizontal Review: Common Challenges of DNFBP Supervision

The supervision of DNFBPs remains one of the most frequently cited deficiencies in mutual evaluation processes across various FATF-style regional bodies. For the purposes of this article, a concise horizontal review of 18 jurisdictions within the EAG and MONEYVAL networks was conducted to identify recurring structural weaknesses and systemic gaps in DNFBP oversight. This comparative assessment provides a cross-jurisdictional perspective on supervisory challenges and informs the subsequent analysis of potential digital and risk-based solutions.

In financial institutions, supervisors deal with a relatively small number of entities holding large asset volumes, which makes intensive, sector specific supervision feasible. DNFBP sectors, by contrast, consist of large numbers of small and medium sized entities with comparatively modest assets. MERs repeatedly refer to a large number of supervised entities and to DNFBP categories that still lack effective AML/CFT supervision. Compared with the more concentrated banking sector, this scale makes regular, proportionate and risk-based coverage of DNFBPs impossible without adapted strategies and methods.

Horizontal analysis of MERs also highlight a persistent lack of resources, capacity and tools. DNFBP supervisory teams are often small relative to the number and risk profile of supervised entities. At the same time, inspection planning is frequently not based on NRA and SRA results, some authorities lack powers to inspect or sanction certain DNFBPs and many do not have adequate IT and analytical tools. In practice, even where legal frameworks are broadly consistent with FATF standards, DNFBP supervision remains more formalistic and fragmented than bank supervision, with weaker deterrence and limited support to financial intelligence and law enforcement.

The horizontal review of selected jurisdictions within the EAG and MONEYVAL networks reveals several recurrent weaknesses, including the following:

- Supervisory understanding of DNFBP ML/TF risks remains limited and bank-centric, with the findings of national and sectoral risk

assessments are not systematically incorporated into DNFBP supervisory strategies or inspection planning.

- DNFBP outreach and guidance are insufficient, resulting in weak sectoral understanding of obligations and limited awareness of evolving ML/TF vulnerabilities.

- Supervisory monitoring of DNFBPs is infrequent and largely document-based, with on-site visits rarely targeting higher-risk entities or themes.

- Supervisors lack risk-based tools, IT systems and analytical models to differentiate risk across large DNFBP populations, constraining effective oversight.

- Limited supervisory outreach and weak sanctioning practice have not generated behavioral change in DNFBP sectors, contrasting sharply with stronger enforcement in banking.

As many DNFBP sectors consist of a large number of predominantly small institutions, it is often impracticable for supervisors to develop comprehensive risk profiles for each individual entity (FATF, 2021). In such cases, it would be more effective for supervisory authorities to conduct tailored, sector-level risk assessments to generate an overarching understanding of the risk landscape within each DNFBP cluster. This approach should leverage all available micro-, sectoral-, and, where feasible, macro-level data sources to inform subsequent supervisory actions, including risk assessment, inspection planning, and targeted outreach or capacity-building initiatives.

Data-driven supervision: Integrating RBA to dynamic sectoral diagnostic tools

As noted above, the diversity and complex structure of DNFBP sectors, combined with the large number of obliged entities, present a persistent and significant challenge for countries in fully meeting FATF requirements or achieving a high level of effectiveness in DNFBP supervision. Recommendation 28 requires countries to ensure that all categories of DNFBPs should be subject to effective systems for monitoring and ensuring compliance with AML/CFT requirements which

should also be performed on a risk-sensitive basis (FATF, 2012-2025). The type and intensity of tools applied to an entity should be aligned with the supervisor's understanding of the nature and level of risks of the entity as well as the supervisory strategy in place (FATF, 2021).

The resource and sectoral complexity challenges of DNFBP sectors urge supervisors to adopt a dynamic risk-based supervisory regime, shifting away from rule-based approach. As each supervisory tool has a different and specific objective, supervisors could consider deploying one or more or combinations of diverse supervisory tools, and to calibrate their supervisory approaches to their objective and risks (FATF, 2021). For DNFBPs, this may imply a “system for monitoring” in lieu of full traditional supervision, combining off-site monitoring with targeted, risk-driven interventions rather than uniform periodic inspections.

The aggregated sector or entity-level data would allow supervisors to map DNFBPs through complex risk assessment tools. These tools would inform supervisors about entity-specific risk concerns, and initiate a targeted inspection on that entity or employ appropriate monitoring tools, depending on the assessed risk impact. In other words, supervisors could design diagnostic tools, covering all the major inherent risk factors associated with targeted DNFBP groups and calibrate their overall risk exposure.

In the stage, digitalization and use of a mix government data tools would enable supervisors to collect all this information from administrative databases either through automated channels, or request-based inquiries. The purpose of this data collection is to calibrate inherent risks associated with entities. Inherent risks capture both threats and vulnerabilities regarding the business portfolio, operational environment, as well as customer profile of these entities.

In the second stage, authorities should calibrate risk scores to inform the selection of appropriate risk-mitigation measures. Relevant data may be drawn from supervisory records, entity-level surveys, or administrative sources such as FIU databases or supervisory platforms that maintain profiles or accounts for DNFBPs. The accuracy of this information, such

as confirming whether a given entity has an internal control program in place, should subsequently be verified through on-site or off-site inspection. Throughout the data-collection and risk-assessment phases, these inputs may be treated as provisional “factual” data points, which can later be validated and supplemented through traditional supervisory tools.

The proposed digital supervision tools and data-driven approach can materially enhance the effectiveness of AML/CFT oversight through different perspectives:

 Risk-data integration and analytical risk scoring: Digital systems can aggregate disparate data, such as administrative data, corporate registries, beneficial ownership databases, transaction flows and tax or corporate filings, and apply analytics to identify high-risk entities or unusual patterns across the DNFBP population. This enables supervisors to triage firms dynamically and focus resources on those posing the greatest ML/TF risk.

 Remote/off-site supervision and continuous monitoring: Digital supervision platforms, such as secure portals for periodic supervisory and administrative data collection, allow authorities to maintain continuous oversight over DNFBPs without the need for constant on-site visits. This less intrusive but systematic off-site supervision is particularly well suited to large DNFBP populations and helps preserve proportionality

 Compliance support and capacity-building: Such type of sectoral-tailored diagnostic tools would enable supervisory authorities to identify common vulnerabilities and compliance gaps within specific DNFBP groups and develop sector-specific guidance, training modules, and other support tools that address the distinct risk profiles and operational realities of each category of obliged entities. This targeted approach would be useful to strengthen overall compliance culture while ensuring that supervisory resources are deployed efficiently and proportionately.

Conclusion

The growing importance of robust AML/CFT regimes, coupled with evolving technologies both in terms of the risks they pose and the opportunities they offer, requires authorities to reconsider and redesign their policy and regulatory approaches. The effectiveness of a RBA depends on a common understanding by competent authorities of what the RBA entails, how it should be applied and how ML/TF risks should be addressed (FATF, 2019).

At this stage, supervisory authorities should fully leverage their access to administrative, supervisory, and survey data to develop effective diagnostic and risk-assessment tools. Enhancing DNFBP supervision cannot rely solely on expanding human, financial, or administrative resources, as the size of the DNFBP population far exceeds feasible staffing levels. Moreover, increasing personnel alone would not produce proportional improvements in supervisory effectiveness, highlighting the need for data-driven, risk-based approaches.

Given these constraints, traditional sector-based supervision becomes structurally unsustainable. While a full transition to SupTech represents a long-term objective, a practical interim solution is the adoption of structured diagnostic tools, such as risk matrices, to support entity-level risk analysis and targeted inspections. This approach bridges entity-level assessments with broader sectoral evaluations, enabling authorities to allocate supervisory resources more effectively in line with RBA principles.

**ЧАМБАЕВ ЭМИЛЬ
ДЖЕКШЕМБЕКОВИЧ**
начальник управления
информационных технологий
Генеральной прокуратуры Кыргызской
Республики

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ВЫЗОВЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

***Аннотация:** В статье рассматриваются ключевые направления цифровизации правосудия в Кыргызской Республике, включая внедрение электронных систем регистрации преступлений, цифровых платформ межведомственного взаимодействия и автоматизацию процессуального контроля. На основе системного анализа правовых актов, экспертных оценок и практики досудебного производства исследуется влияние информационных технологий на деятельность следователей. Особое внимание уделено вызовам, связанным с техническими, организационными и правовыми аспектами цифровой трансформации. Определены перспективы дальнейшего внедрения электронных решений в уголовное судопроизводство.*

***Annotation:** The article examines the key directions of the digitalization of justice in the Kyrgyz Republic, including the implementation of electronic crime-registration systems, digital platforms for interagency cooperation, and the automation of procedural oversight. Based on a systematic analysis of legal acts, expert assessments, and pre-trial practice, the study explores the impact of information technologies on the work of investigators. Particular attention is given to the challenges associated with the technical, organizational, and legal aspects of digital transformation. The prospects for the further implementation of electronic solutions in criminal proceedings are identified.*

***Ключевые слова:** Кыргызская Республика, цифровизация, автоматизированная информационная система, правосудие, уголовный процесс, следователь, прокурор, суд, судья, уголовное судопроизводство.*

***Keywords:** Kyrgyz Republic, digitalization, automated information system, justice, criminal procedure, investigator, prosecutor, court, judge, criminal justice system.*

Цифровая трансформация государственного сектора стала одной из ключевых стратегических задач Кыргызской Республики. Правоохранительная система, находящаяся под значительным общественным и институциональным давлением, испытывает острую потребность в модернизации подходов к регистрации преступлений, расследованию и процессуальному контролю уголовных дел. В то время как увеличение количества обращений, сложность современных преступлений и требования к транспарентности делают традиционные бумажные процедуры неэффективными.

В этой связи цифровизация уголовного правосудия приобретает особую значимость. Внедрение электронных реестров, цифровых систем учёта заявлений, платформ аналитики, межведомственного обмена и автоматизированных инструментов контроля создаёт условия для оптимизации деятельности следственных органов.

Цифровизация правосудия в Кыргызской Республике является одним из ключевых направлений государственной политики в сфере модернизации судебной-правовой системы, начатая фактически в 2019 году, с момента внедрения в промышленную эксплуатацию автоматизированной информационной системы (далее - АИС) «Единый реестр преступлений» (далее - АИС «ЕРП»).

Правовой основой внедрения цифровых технологий в повседневную деятельность следователей, прокуроров и судей является Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (далее - УПК), а также ряд других законов и подзаконных актов, регламентирующих эту сферу деятельности.

Также, принятая в 2024 году Концепция цифровой трансформации Кыргызской Республики (далее - Концепция) определяет создание единого информационного пространства,

обеспечивающего прозрачность и эффективность деятельности правоохранительных и судебных органов¹.

Одной из стратегических целей Концепции является полная цифровая реформа государственного управления, которая должна существенно упростить или полностью исключить бюрократию, снизить затраты на исполнение государственных функций. Цифровые данные, генерируемые во всех сферах, должны стать инструментом измерения эффективности бюджетных расходов и оценки реальной ситуации в этих областях. В этих целях государственные институты Кыргызской Республики должны полностью перестроить внутренние процессы для формирования государственной политики на основе данных и осуществления контроля исполнения задач посредством цифровых инструментов².

Однако процесс внедрения цифровых решений в правоохранительную деятельность сопровождается рядом организационных, технических и правовых проблем, требующих системного анализа.

Начало процессу цифровизации правоохранительного блока в Кыргызской Республике положила Генеральная прокуратура Кыргызской Республики, на которую Указом Президента Кыргызской Республики возложены функции формирования уголовно-правовой статистики, а также поставлена задача по созданию «единой и объективной системы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, а также внедрение открытой автоматизированной электронной системы учета движения материалов и уголовных дел»³.

В целях надлежащего исполнения Указа Президента Кыргызской Республики, в структуре Генеральной прокуратуры

¹ «Концепция Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024-2028 годы», УП №90 от 05.04.2024 года

² «Концепция Цифровой трансформации Кыргызской Республики на 2024-2028 годы», УП №90 от 05.04.2024 года

³ «О мерах по реформе системы правоохранительных органов Кыргызской Республики», УП №161 от 18.07.2016 года

образовано новое подразделение, ведающее вопросами формирования правовой статистики, а также занимающееся цифровизацией органов прокуратуры и правоохранительных органов.

Надзорные полномочия Генеральной прокуратуры позволили в императивном порядке внедрить в деятельность правоохранительных органов инновации.

Непосредственную разработку информационных систем осуществляет IT-команда, являющаяся подведомственным учреждением органов прокуратуры Кыргызской Республики - государственным учреждением «Укук» при Генеральной прокуратуре Кыргызской Республики¹.

Необходимо отметить, что успешному старту цифровой трансформации правоохранительных органов способствовал обмен опытом с зарубежными государствами, включая близлежащие страны.

Особый вклад внесла Республика Казахстан. Коллеги из Генеральной прокуратуры Казахстана на протяжении многих лет открыто делились с нами своими наработками и подходами. Платформа АИС «Единый реестр досудебных расследований» Генеральной прокуратуры Республики Казахстан была взята за основу при разработке отечественной АИС «ЕРП».

Следует также отметить значительный вклад коллег из Республики Узбекистан, которые в последние годы активно делятся своими достижениями и оказывают помощь как практического, так и методологического характера.

Изучением опыта зарубежных государств установлено, что успешное внедрение цифровизации зависит прежде всего от технической инфраструктуры.

¹ «О вопросах реорганизации государственного предприятия «Укук» при Государственном комитете информационных технологий и связи Кыргызской Республики и передачи его в ведение Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики», Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 24 июля 2021 года № 88

В первую очередь необходимо было выстроить стабильные и скоростные каналы связи между всеми точками взаимодействия, т.е. между всеми районными, городскими, областными и республиканскими звеньями правоохранительных органов. Не последнюю роль также играло обновление компьютерного парка и периферийной техники.

Вышеуказанные вопросы были взяты на контроль Правительства Кыргызской Республики, благодаря чему они оперативно разрешены.

С 1 января 2019 года АИС «ЕРП» успешно внедрена по всей республике, после чего начались работы по наращиванию ее функционала.

В конце 2021 года уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Кыргызской Республики подверглось существенным изменениям. В связи с кардинальными изменениями законодательства, АИС «ЕРП» была полностью переработана в краткие сроки, новая версия которой запущена с 1 декабря 2021 года.

На сегодняшний день Генеральной прокуратурой Кыргызской Республики проводится внедрение нового модуля АИС «ЕРП» - «Электронное уголовное дело» (далее – «ЭУД»).

Согласно законодательному определению, «Электронное дело – уголовное судопроизводство, которое осуществляется в электронно-цифровой форме, обозначающее движение дела, начиная с регистрации преступления, доследственной проверки, следствия, судебного разбирательства и исполнения наказания, формируемое сведениями соответствующих ведомственных информационных систем с возможностью генерировать процессуальные документы в бумажном виде, удостоверяемые посредством электронной подписи, аккумулированное в Едином реестре преступлений»¹.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, от 28 октября 2021 года, № 129

Генеральной прокуратурой продолжается работа по наращиванию функционала «ЭУДа», все действия в системе и генерируемые документы приводятся в полное соответствие с действующим законодательством.

В процессе внедрения как АИС «ЕРП», так и «ЭУДа» приходилось сталкиваться с рядом проблем, такие как непринятие «старой школы» новых форм работы, отсутствие цифровых навыков даже у молодого поколения следователей, все еще слабая техническая инфраструктура отдельных органов, а также вопросы наделения юридической силой генерируемых информационной системой процессуальных документов в условиях отсутствия единой платформы цифровой подписи.

Изучением литературы по проблемам цифровизации в странах СНГ, установлены аналогичные, к примеру, в области правосудия Российской Федерации.

Так, перечислены следующие неудобства использования АИС судьями: нестабильная работа (слабые сети, старые компьютеры, отсутствие айти-специалистов), громоздкость заполняемых форм, неудобство использования ЭЦП или ее отсутствие, дублирование документооборота (электронная и традиционная)¹.

В других источниках указаны отсутствие у большинства граждан необходимых знаний в информационно-технической сфере, что требует проведение специальной информационно-просветительской работы среди населения; информационная безопасность (70 млн. попыток атак в 2016 году на объекты критической информационной инфраструктуры России); сбои в работе АИС².

Обращаясь к словам Марка Аврелия о том, что препятствие на пути становится путем³, в конечном итоге, преодоление

¹ Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.

² Романова Н. Л., Гаджиев В. Э. О некоторых проблемах цифровизации правосудия // Искусство правоведения. 2025. № 2. С. 170–176.

³ Марк Аврелий. Размышления. Кн. V, 20.

вышеуказанных и иных трудностей на пути становления цифровизации в нашей республике, позволило родиться сильной команде разработчиков со стороны айти-специалистов, а также появиться продвинутому «айти-прокурорам», владеющими, помимо основных навыков работы в сфере надзора за исполнением законов, соответствующими знаниями и современными тенденциями в постоянно развивающейся среде информационных технологий.

Переходя к достижениям внедрения АИС в повседневную деятельность правоохранительных органов, необходимо отметить такие как снижение коррупционных рисков, исключение фактов манипуляций с уголовно-правовой статистикой, снижение количества процессуальных нарушений, экономия времени и оперативность коммуникации.

Одним из важных достижений внедрения АИС является снижение коррупционных рисков, поскольку любая информация, внесенная в систему, не подлежит удалению или намеренному искажению путем внесения корректировок. Таким образом закрепляется доказательная база в электронном виде, на которую никто не может повлиять, отредактировать, исказить смысл.

При сборе обратной связи о пользователях, в первую очередь после запуска «ЭУДа» следователи положительно отзывались о возможности закрепления первичной доказательной базы в виде допросов и невозможности удалить их или каким-либо образом откорректировать.

Существенно снижены, а в отдельных случаях полностью прекращены манипуляции с официальной уголовно-правовой статистикой, так как каждый шаг следователя зафиксирован в АИС «ЕРП», в том числе его окончательные процессуальные решения, влияющие на показатели эффективности деятельности, такие как раскрытие преступлений, сроки расследования дел, количество отмен процессуальных решений прокурором и другие.

Значительно снижены процессуальные нарушения сроков ведения следствия и доследственных проверок. АИС «ЕРП» строго

контролирует и считает каждую минуту с момента регистрации заявления или сообщения о преступлении.

Экономия процессуального времени и оперативность коммуникации выражена в доступности материалов доследственных проверок или уголовных дел в режиме онлайн как непосредственному руководству на местах, так и вышестоящему руководству, в том числе и всем надзирающим прокурорам.

Заложенные в АИС «ЕРП» и «ЭУДе» алгоритмы раскрывают даже перед самым неопытным следователем систему расследования преступления или проведения доследственной проверки и помогают ему.

В одном случае система не даст провести следственные действия возможные только после возбуждения уголовного дела, в другом, подскажет какие следственные действия доступны следователю на текущий момент расследования.

Относительно перспектив развития АИС «ЕРП» - эта система уже является центральной магистралью уголовного правосудия, т.к. в ней рождается преступлений и лицо, его совершившее, а также регистрируются потерпевшее лицо, адвокаты сторон, свидетели, эксперты, специалисты и другие участники уголовного процесса.

Посредством интеграции других информационных ресурсов к АИС «ЕРП», таких как АИС службы пробации, службы исполнения наказаний, различных государственных реестров и системы судебных органов - реально будет отследить судьбу каждого человека, вовлеченного в сферу уголовного правосудия.

В перспективе представляется необходимым поступательно обеспечивать максимальную автоматизацию рутинных элементов деятельности следователя.

Современный следователь не должен быть вынужден постоянно концентрироваться на вопросах корректности процессуального оформления материалов: точности составления того или иного документа, полноте и правильности указания ссылок

на нормы уголовного закона, соблюдении всех реквизитов, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством.

Аналогично, его деятельность не должна зависеть от опасений, что допущенные формальные недочёты могут повлечь оспаривание документа со стороны защиты, возвращение уголовного дела прокурором или судом для дополнительного расследования, либо, в крайнем случае, обусловить вынесение оправдательного приговора вследствие незначительных процессуальных нарушений.

Предотвращение указанных рисков должно быть возложено на комплексную информационную систему, функционал которой предусматривает наличие полного массива шаблонов процессуальных документов, применяемых в уголовном судопроизводстве, а также возможность их оперативного дополнения и модификации.

Тогда работа следователя действительно будет приближена к идеалу – установлению истины в совокупности доказательств, опираясь исключительно на закон, факты и совесть.

В последующем же, корректной интерпретации доказательств будут содействовать как системы искусственного интеллекта, так и надзирающий прокурор, при этом окончательная оценка доказательств останется за судом.

Относительно перспектив внедрения искусственного интеллекта (далее - ИИ) в действующие АИС Кыргызской Республики следует отметить, что данный вопрос требует глубокого анализа, а также предварительного решения финансово-организационных задач.

Внедрение сторонних ИИ-агентов (таких как OpenAI, Grok и другие) в национальные информационные системы не представляется возможным ввиду высокого уровня конфиденциальности обрабатываемых сведений, включающих персональные данные участников уголовного процесса.

Реализация функционала ИИ предполагает создание мощной технологической инфраструктуры, включая крупный центр

обработки данных или их распределённый комплекс, а также разработку собственной нейросетевой модели, её обучение и адаптацию к практическим задачам правоохранительной деятельности.

При этом, всё вышеуказанное будет осуществляется на фоне сохраняющейся потребности в наращивании серверных мощностей, систем хранения данных, а также средств и технологий, обеспечивающих кибербезопасность и сохранность петабайтов архивных массивов информации.

Кроме этого, даже с учетом развития ИИ, его применение будет ограничено помощью редакционного и консультативного характера. Все же последнюю точку в деле решения судебных человека должен решать другой человек.

В законодательстве стран СНГ прописаны гарантии независимости процессуальных лиц, которые оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности рассмотренных доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью¹.

В российском законодательстве судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью².

В исследованиях на эту тему некоторые авторы указывают, что в основе такой независимости судей лежит очень многое: жизненный опыт, который невозможно загрузить в нейросеть, поскольку он является результатом не только проживания, но и переживания и осознания его человеком, мудрость, понимание человека и его интересов, умение чувствовать (которое зачастую становится не только слабостью, но и великой силой человека), а

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ

также высокий уровень правосознания, которое, разумеется, простым запоминанием норм права и доктрины не ограничивается¹.

Учитывая мировые тенденции, создание дополнительных вычислительных мощностей, разработка собственных нейросетей и дальнейшее внедрение ИИ представляется не только целесообразным, но и неизбежным. Однако все это требует тщательной правовой регламентации, а также должно сопровождаться параллельным решением моральных и этических аспектов внедрения ИИ в деятельность правоохранительных и судебных органов.

Таким образом, формирование национального подхода к внедрению искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных и судебных органов Кыргызской Республики должно учитывать, как технологические перспективы, так и фундаментальные правовые принципы, лежащие в основе отечественной системы правосудия. Развитие ИИ может существенно повысить эффективность процессов, однако его интеграция должна осуществляться без ущерба для независимости процессуальных лиц, человеческого фактора и принципа справедливости, который остается ключевым в правовой системе.

В конечном итоге именно сочетание современных технологий и устойчивых правовых традиций позволит обеспечить безопасное, этическое и эффективное использование ИИ в интересах общества и государства.

¹ Туманов, Д. А. (2024). Может ли искусственный интеллект заменить судью-человека? Цифровое право. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-1>

**АКИЛОВА МУКАДДАС
МИРМУХАМАДОВНА**

заместитель декана юридического
факультета, доцент кафедры теории
государства и права Таджикского
государственного университета права, бизнеса
и политики, кандидат юридических наук

**КИБЕРУГРОЗЫ И ПРАВОПОРЯДОК: ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

***Аннотация:** Статья посвящена теоретико-правовому анализу влияния киберугроз на состояние правопорядка и реализацию принципа верховенства закона в условиях цифровой нестабильности. В исследовании раскрываются сущностные характеристики современных киберугроз, их роль как фактора нормативной и институциональной неопределённости, а также выявляются ключевые проблемы обеспечения правовой определённости, защиты прав человека и эффективности механизмов правоприменения в цифровой среде. Особое внимание уделено международным и национальным механизмам реагирования, включая Будапештскую конвенцию, стандарты ЕС, рекомендации ООН и национальные стратегии кибербезопасности. На основе анализа предлагаются направления совершенствования законодательства, институциональной инфраструктуры и механизмов взаимодействия государства и частных цифровых платформ.*

***Abstract.** The article examines the theoretical and legal foundations of how cyber threats affect the stability of the legal order and the implementation of the rule of law in conditions of digital instability. It explores the essential characteristics of modern cyber threats, their role as a driver of regulatory and institutional uncertainty, and the key challenges in ensuring legal certainty, human rights protection, and the effectiveness of law-enforcement mechanisms in the digital environment. Special attention is given to international and national response mechanisms, including the Budapest Convention, EU cybersecurity standards, UN recommendations, and national cybersecurity strategies. Based on the analysis, the paper outlines directions for improving legislation, institutional infrastructure, and cooperation frameworks between the state and private digital platforms.*

Ключевые слова: киберугрозы; цифровая нестабильность; верховенство закона; правопорядок; цифровые права; кибербезопасность; международное киберправо; цифровые доказательства; частное нормотворчество платформ; правовая определённость.

Keywords: *cyber threats; digital instability; rule of law; legal order; digital rights; cybersecurity; international cyber law; digital evidence; platform governance; legal certainty.*

Стремительная цифровизация общественных отношений, переход экономики и публичного управления на платформенные и сетевые решения радикально изменили характер рисков для правопорядка и институтов государства. Киберугрозы, от целенаправленных атак на критическую инфраструктуру до массовых кампаний по дезинформации и манипуляции общественным мнением, стали одним из ключевых факторов современной цифровой нестабильности, подрывающей доверие к институтам власти и способность государства обеспечивать верховенство закона в онлайн-среде.

В отличие от традиционных угроз безопасности, кибератаки характеризуются анонимностью субъектов, трансграничностью, высокой скоростью распространения последствий и низким «порогом входа» для потенциальных правонарушителей. Опыт атак на инфраструктуру и киберинцидентов против государственных органов и объектов критической инфраструктуры различных стран показывает, что информационно-коммуникационные технологии стали не только ресурсом развития, но и каналом воздействия на суверенитет и устойчивость национальных правопорядков.

Актуальность исследования обусловлена, по меньшей мере, тремя группами факторов.

Во-первых, происходит сближение киберугроз и системных рисков для правопорядка. Современные исследования в области кибербезопасности подчеркивают, что деструктивные воздействия на цифровую инфраструктуру несут не только технологические, но и юридические последствия: нарушается функционирование

органов публичной власти, срываются судебные и административные процедуры, подрывается доверие к институтам правосудия и правоохранительной системы.

Во-вторых, цифровая трансформация сопровождается фрагментацией нормативного пространства. С одной стороны, государства разрабатывают национальные стратегии кибербезопасности и цифрового суверенитета, в которых подчеркивается необходимость защиты демократических институтов, прав человека и верховенства закона в цифровой среде. С другой стороны, усиливается регулятивная роль частных акторов – глобальных платформ, провайдеров облачных сервисов, операторов критической инфраструктуры, - создающих собственные правила модерации контента, обработки данных и управления инцидентами, далеко не всегда соответствующие стандартам правового государства.

В-третьих, существует методологический разрыв между классическими доктринами верховенства закона и спецификой цифровой среды. Европейская и международная доктрина «rule of law» традиционно исходит из требований законности, предсказуемости и прозрачности правового регулирования, а также эффективной судебной защиты прав человека как ключевых критериев правового государства. В цифровую эпоху эти критерии сталкиваются с технологически опосредованным принятием решений (алгоритмическая модерация, автоматизированный скоринг, электронное правосудие), что порождает новые вопросы к содержанию принципов правовой определенности и справедливого процесса.

В национальных правовых порядках и, в частности, в постсоветских государствах активно развивается доктрина правового регулирования кибербезопасности и информационной безопасности, акцентирующая связь киберугроз с рисками для конституционного строя, экономической и общественной безопасности. Вместе с тем вопросы обеспечения верховенства

закона в условиях цифровой нестабильности, в аспекте реального функционирования институтов правосудия, правоохранительных органов и регуляторов, остаются фрагментарно изученными и требуют комплексного теоретико-правового анализа.

Современный этап развития информационно-коммуникационных технологий характеризуется формированием сложной, взаимосвязанной и высокодинамичной цифровой среды, в которой киберугрозы становятся одним из ключевых факторов системной нестабильности. В научной литературе киберугрозы рассматриваются не только как технические явления, но как многоаспектный феномен, влияющий на устойчивость правопорядка, функционирование государственных институтов и реализацию прав человека.

Цифровая нестабильность определяется как состояние, при котором интенсивность и сложность киберугроз нарушают предсказуемость, управляемость и правовую определённость общественных отношений. Исследователи отмечают, что в условиях цифровой зависимости даже единичные киберинциденты способны вызвать масштабные сбои в экономических, административных и правовых системах.

К числу фундаментальных признаков киберугроз относятся:

1. **Трансграничность**, обеспечивающая выход воздействия за пределы национальной юрисдикции.

2. **Анонимность** субъектов, создающая значительные сложности при установлении автора атаки и применении уголовно-правовых мер.

3. **Автоматизируемость** и масштабирующийся эффект, что позволяет распространять вредоносные воздействия мгновенно и без участия человека.

4. **Асимметричность**, выражающаяся в том, что малые технические ресурсы способны нанести ущерб, сопоставимый с деятельностью государственных акторов.

Эти характеристики делают киберугрозы объектом особого правового анализа, поскольку традиционные механизмы правоприменения оказываются ограниченными или недостаточно адаптивными в цифровой среде.

Международные организации, включая Европейское агентство по кибербезопасности (ENISA), Международный союз электросвязи (ITU) и Европейский центр кибербезопасности (NATO CCDCOE), выделяют несколько устойчивых групп киберугроз, каждая из которых имеет значимое влияние на правопорядок государств:

1) Атаки на критическую информационную инфраструктуру. Критическая инфраструктура – энергетика, транспорт, системы здравоохранения, государственные реестры – становится одной из главных целей кибервоздействий.

2) Массовые киберпреступления

Согласно *Verizon Data Breach Investigations Report (2022–2023)* и аналитическим обзорам Лаборатории Касперского (2023), киберпреступность демонстрирует устойчивый рост. Наиболее распространёнными формами являются:

- вредоносные программы, нарушающие целостность или функционирование системы;
- финансовые мошенничества;
- несанкционированный доступ к персональным данным;
- нарушение работы облачных сервисов и социальных платформ;

Эти угрозы осложняют деятельность правоохранительных органов, усложняют доказательственные процессы и создают риски массового нарушения прав граждан.

3) Информационно-психологические операции и манипуляции

Исследования Oxford Internet Institute (2021–2023) фиксируют рост координированных кампаний по распространению дезинформации, цифровых манипуляций и созданию дипфейков, направленных на подрыв доверия к государственным институтам.

Киберпространство становится ареной конкуренции за контроль над информационными потоками, при этом правовые механизмы реагирования пока недостаточно эффективны.

Таким образом, киберугрозы оказывают влияние на правопорядок не только через нарушение функционирования информационных систем, но и через воздействие на фундаментальные правовые категории – предсказуемость, законность, правовую определённость и эффективность механизмов защиты. Исследователи отмечают, что сбои в цифровых системах органов власти, судебных органов и правоохранительных структур ведут к затруднению правоприменения, искажению или утрате процессуальных данных и невозможности выполнения публичных функций в установленные сроки, что в свою очередь приведет к уязвимости государственных сервисов и подрыву доверия населения к правосудию и правовой системе в целом. В свете отправления правосудия проблемы аутентичности цифровых доказательств, подделка цифровых профилей, использование алгоритмов для сокрытия преступной деятельности создают новые вызовы для уголовного, гражданского и административного судопроизводства, а отсутствие единых стандартов цифровых доказательств приводит к росту правовой неопределённости и увеличению риска судебных ошибок.

Понятия правопорядка и верховенства закона в условиях цифровой трансформации приобретают новое содержательное измерение. Если в классической юридической теории правопорядок определяется как состояние урегулированности общественных отношений на основе норм действующего права, а верховенство закона – как требование приоритета закона, связанности государства правом и доступности эффективной судебной защиты, то цифровая среда существенно усложняет реализацию этих принципов.

Современное правовое государство функционирует в пространстве, в котором правоотношения всё чаще опосредованы алгоритмами, платформенными структурами, трансграничными

потоками данных и деятельностью негосударственных цифровых акторов. Это требует переосмысления содержания правопорядка не только как нормы, обеспечиваемой государством, но как многоуровневой системы регулирования, включающей механизмы международного права, отраслевые стандарты кибербезопасности и «частные нормативные режимы» глобальных цифровых платформ.

В теории государства и права традиционно выделяются три ключевых элемента правопорядка:

1. устойчивость правового регулирования;
2. эффективная реализация закона;
3. обеспеченность прав и свобод личности.

В цифровую эпоху каждое из этих оснований сталкивается с качественно новыми вызовами.

Авторы концепции «цифрового верховенства закона» (Brownsword R., Yeung K., *Regulating Technologies*, 2008; Hildebrandt M., *Law for Computer Scientists*, 2020) подчёркивают, что технологическая динамика приводит к снижению предсказуемости правоприменения. Регулятивные модели сталкиваются с рядом проблем:

- быстрый технологический цикл приводит к устареванию норм;
- киберугрозы создают ситуацию постоянного риска;
- цифровые платформы вырабатывают нормы поведения, конкурирующие с государственным регулированием;

Впоследствии, правопорядок теряет устойчивость, если нормативная система не успевает адаптироваться к новым формам вреда, цифровым практикам и угрозам.

Другим уязвимым звеном является то, что государственные органы используют автоматизированные системы для оказания услуг, хранения данных, проведения выборов, административных процедур. Однако алгоритмическое принятие решений порождает вопросы о соответствии принципам законности, прозрачности и обоснованности. Таким образом, верховенство закона требует

включения новых гарантий: обязанности государства обеспечивать объяснимость алгоритмов и аудит цифровых систем. Наряду с этим, новые угрозы – от слежения до алгоритмической дискриминации - требуют расширения механизмов правовой защиты, включая процедуры проверки цифровых систем, обеспечение пространства для правового контроля и судебной коррекции.

Таким образом, верховенство закона в цифровой среде требует институциональной эволюции создания механизмов: - проверки аутентичности данных; - независимого аудита цифровых систем; - международного обмена цифровыми доказательствами; - и наднационального правового регулирования.

В правовом государстве формирование эффективных механизмов реагирования на киберугрозы является ключевым условием поддержания правопорядка и реализации принципа верховенства закона в цифровой среде. Учитывая трансграничный характер киберопераций, многообразие субъектов киберпространства и высокую динамику технологических процессов, правовое регулирование в данной сфере складывается как многоуровневая система, включающая нормы международного права, национальные правовые режимы и регулятивные практики частного сектора.

Проведённый анализ показывает, что обеспечение верховенства закона в условиях цифровой нестабильности сталкивается с комплексом междисциплинарных проблем, затрагивающих как фундаментальные правовые принципы, так и практические механизмы правоприменения. Киберугрозы, характеризующиеся трансграничностью, анонимностью и высокой технологической адаптивностью, создают ситуацию нормативной и институциональной неопределённости, в которой традиционные модели регулирования оказываются недостаточно эффективными.

Во-первых, трудности атрибуции кибератак и размывание юрисдикционных границ препятствуют надлежащему применению уголовно-правовых мер и институтов международной

ответственности. Во-вторых, конфликты между задачами безопасности и защитой прав человека свидетельствуют о необходимости развития новых критериев пропорциональности и обоснованности вмешательства в цифровой сфере. В-третьих, усиливающееся «частное нормотворчество» транснациональных цифровых платформ приводит к фрагментации правового пространства и ослаблению способности государства обеспечивать единообразное действие закона. В-четвёртых, проблемы обращения с цифровыми доказательствами и неопределённость процессуальных стандартов подрывают гарантии справедливого судебного разбирательства. В-пятых, модернизация национального законодательства отстаёт от динамики цифровых рисков, что снижает эффективность правовых механизмов реагирования.

В совокупности эти факторы свидетельствуют о необходимости системного переосмысления природы правопорядка в цифровую эпоху и разработки адаптивных, технологически нейтральных и международно-согласованных правовых инструментов. Решение обозначенных проблем возможно только при условии научно обоснованной эволюции национальных правовых систем, расширения международного сотрудничества и создании механизмов демократического контроля над цифровыми инфраструктурами и платформенными субъектами.

Таким образом, поддержание верховенства закона в условиях цифровой нестабильности требует перехода от фрагментарных мер к комплексной модели цифрового правопорядка, интегрирующей конституционные ценности, технологические стандарты и международные правовые обязательства.

Анализ представленных факторов совершенствования правового регулирования и институциональных механизмов реагирования на киберугрозы позволяет сделать вывод, что устойчивое обеспечение верховенства закона в условиях цифровой нестабильности требует комплексной трансформации правовой системы. Цифровая среда предъявляет требования, выходящие за

рамки традиционных правовых подходов, в связи с чем государственные, международные и частные субъекты должны действовать в согласованной нормативной логике, обеспечивающей предсказуемость, прозрачность и правовую определённость цифровых процессов.

Во-первых, развитие международных норм и стандартов является ключевым условием преодоления фрагментации глобального киберпространства. Формирование универсальных договорных механизмов, укрепление инструментов ООН и расширение действия региональных стандартов (в частности, европейских) создают основу для гармонизации правоприменения и эффективного международного сотрудничества.

Во-вторых, национальные правовые порядки нуждаются в технологически нейтральных и адаптивных нормах, обеспечивающих своевременную реакцию на изменения цифровой среды. Обновление уголовно-правовых положений, процедур цифровых доказательств и механизмов защиты прав человека является необходимым условием повышения эффективности правоприменения.

В-третьих, институциональная модернизация органов правового порядка и правосудия должна учитывать сложность цифровых технологий. Создание специализированных структур, развитие цифровой криминалистики и повышение квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов обеспечивают возможность адекватного реагирования на киберугрозы.

В-четвёртых, взаимодействие с частными цифровыми платформами требует перехода к модели совместной ответственности, предполагающей прозрачность алгоритмов, нормативную определённость модерации контента и обязательность соблюдения прав человека.

В-пятых, укрепление гарантий цифровых прав личности — включая защиту данных, предотвращение алгоритмической

дискриминации и обеспечение права на объяснение решений — должно стать центральным элементом цифрового правопорядка.

В совокупности данные направления формируют концептуальную основу для становления устойчивого цифрового правопорядка, сочетающего принципы демократического управления, технологическую безопасность и эффективную защиту прав человека. Они задают вектор дальнейшего развития отечественного и международного законодательства, отвечающего вызовам цифровой эпохи и обеспечивающего реализацию верховенства закона в условиях цифровой нестабильности.

**ХОЛМИРЗОВ МИРЗОШОХРУХ
ФАРХОДОВИЧ**

ассистент кафедры правоведения ГУ
«Худжандский международный
Университет»

ПРОБЛЕМА НАВЯЗАННОГО СОГЛАСИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

***Аннотация:** В условиях цифровизации современного общества практически каждая онлайн-активность сопровождается обработкой персональных данных. Пользователи социальных сетей, мессенджеров, облачных сервисов и маркетплейсов вынуждены давать согласие на сбор и обработку своих данных, чтобы пользоваться услугами. Однако на практике согласие часто становится формальностью: пользователь либо принимает условия, либо лишается доступа к платформе. Такая ситуация получила название «навязанное согласие» и представляет собой серьезную правовую и этическую проблему. В статье анализируются международные стандарты (GDPR, CCPA), национальное законодательство России и СНГ, проблемы практической реализации согласия, а также предлагаются пути совершенствования правовой защиты персональных данных с учетом интересов пользователей и цифровых платформ.*

***Abstract.** In the context of the digitalization of modern society, almost every online activity is accompanied by the processing of personal data. Users of social networks, messengers, cloud services, and marketplaces are forced to give consent for the collection and processing of their data in order to use the services. However, in practice, consent often becomes a formality: the user either accepts the terms or loses access to the platform. This situation is called "imposed consent" and constitutes a serious legal and ethical problem. The article analyzes international standards (GDPR, CCPA), national legislation of Russia and the CIS, issues of practical implementation of consent, and also proposes ways to improve the legal protection of personal data, taking into account the interests of users and digital platforms.*

***Ключевые слова:** персональные данные, согласие пользователя, цифровые платформы, GDPR, CCPA, защита прав потребителей.*

***Keywords:** personal data, user consent, digital platforms, GDPR, CCPA, consumer rights protection.*

С развитием цифровых технологий объем собираемых о пользователях данных растет экспоненциально. Современные информационные и коммуникационные платформы – социальные сети, мессенджеры, облачные сервисы и маркетплейсы – предоставляют доступ к огромным массивам информации и одновременно предлагают пользователю разнообразные услуги «бесплатно». Однако за кажущейся бесплатностью скрывается обязательство предоставить согласие на обработку персональных данных, что становится основой для сбора, хранения и анализа личной информации. Проблема возникает уже на этапе добровольности согласия. В большинстве случаев у пользователей отсутствует реальная альтернатива: отказаться от условий платформы практически невозможно без полной утраты доступа к сервису. Таким образом, согласие превращается в формальный акт, а не в осознанное решение.

Как отмечает Л. Н. Бокова¹, современные цифровые платформы создают определенную зависимость пользователей от своих сервисов. Эта зависимость формирует своеобразное психологическое давление, которое влияет на принятие решений и подрывает принципы добровольности и информированности при предоставлении согласия. Аналогично, И. Н. Новицкая² подчеркивает, что цифровые платформы используют стратегию «все или ничего», превращая согласие в чисто формальный акт, где отказ лишает пользователя возможности пользоваться сервисом. Ситуация дополнительно осложняется сложностью пользовательских соглашений: они часто представляют собой длинные тексты, написанные юридическим языком, насыщенные специализированными терминами и формулировками, что делает их непонятными для большинства пользователей. Как следствие, реальная информированность о том, какие данные собираются и как они будут использоваться, оказывается минимальной.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе правовых аспектов навязанного согласия при использовании цифровых платформ. Исследование направлено на выявление существующих пробелов в законодательстве, а также на формулирование рекомендаций по защите прав пользователей, с учетом как современных цифровых реалий, так и требований законодательства о персональных данных. Особое внимание уделяется вопросам добровольности, прозрачности и информированности, которые являются ключевыми принципами законного и этичного обращения с персональной информацией.

Теоретические основы согласия

Согласие является одним из ключевых оснований для законной обработки персональных данных и играет фундаментальную роль в

¹ Бокова Л. Н. Правовые вопросы защиты персональных данных граждан в цифровом пространстве. 2023.

² Новицкая И. Н. Правовая защита персональных данных в Российской Федерации. 2024.

обеспечении защиты прав пользователей в цифровой среде. В соответствии с Общим регламентом защиты данных (GDPR) согласие должно соответствовать ряду строгих требований: оно должно быть свободным, конкретным, информированным и однозначным (Regulation (EU) 2016/679, Art. 4). Это предполагает, что пользователь имеет реальную возможность как дать согласие, так и отказаться от обработки своих данных, при этом полностью понимая, какие именно данные собираются, с какой целью они будут использоваться, на какой срок и каким образом могут быть переданы третьим лицам.

Мищенко К. В.¹ отмечает, что добровольность согласия фактически утрачивается в тех случаях, когда у пользователя нет альтернативного способа получения услуги. Например, отказ от предоставления согласия может означать невозможность пользоваться платформой или сервисом, что ставит пользователя перед выбором «все или ничего». В таких ситуациях формальное согласие перестает быть отражением свободной воли и становится инструментом, легализующим сбор персональных данных.

Помимо юридических аспектов, навязанное согласие нарушает и этические принципы взаимодействия с пользователями. По мнению Д. Солове², согласие должно быть осознанным, уважать автономию пользователя и обеспечивать его информированность о последствиях предоставления данных. Игнорирование этих требований создает риски злоупотребления персональной информацией, включая использование данных для таргетированной рекламы, передачу их третьим лицам без явного согласия, а также манипулирование поведением пользователей в коммерческих и политических целях. Такая практика подрывает доверие к цифровым платформам и ставит под угрозу права и свободы личности в цифровой среде, делая актуальным поиск правовых и этических механизмов защиты пользователей.

¹ Мищенко К. В. Согласие как основание обработки персональных данных. 2020

² Solove, D. Understanding Privacy. Harvard University Press, 2021

Международное регулирование персональных данных

Европейский опыт показывает, что эффективная правовая защита персональных данных возможна при соблюдении строгих стандартов прозрачности и ответственности цифровых платформ. Общий регламент по защите данных (GDPR) устанавливает ряд обязательных требований к обработке персональных данных: согласие пользователя должно быть отделено от других условий предоставления услуги, выражено в ясной и понятной форме и предоставлять возможность его легкого отзыва в любой момент. Такие меры направлены на обеспечение реальной информированности пользователей и защиту их автономии. Однако, как отмечает Ратушный М., на практике многие платформы обходят эти требования, предлагая пользователям длинные, перегруженные юридическими формулировками соглашения, которые крайне трудно прочесть и осмыслить. В результате согласие часто приобретает формальный характер, и цифровые сервисы продолжают собирать и использовать персональные данные без реального контроля со стороны пользователя. В Соединенных Штатах аналогичные цели преследует Калифорнийский закон о защите персональных данных (CCPA), который предоставляет жителям штата ряд прав: право знать, какие данные собираются о пользователях, требовать их удаления, а также запрещать передачу и продажу информации третьим лицам. Несмотря на это, отсутствие единого федерального регулирования в США делает систему защиты персональных данных фрагментарной и зависимой от законодательства отдельных штатов. Такая разрозненность создает значительные риски для пользователей, поскольку уровень защиты их данных сильно варьируется в зависимости от юрисдикции.

Таким образом, международный опыт демонстрирует, что строгие нормативные стандарты, ясность и прозрачность условий обработки данных являются ключевыми элементами эффективной защиты прав пользователей, тогда как их отсутствие или обход норм

закономерно приводит к навязанному согласованию и снижению доверия к цифровым сервисам.

Национальное регулирование персональных данных в странах СНГ

В странах СНГ защита персональных данных регулируется национальными законодательствами, которые во многом ориентированы на принципы, закрепленные международными стандартами. В России, например, основным нормативный акт – Федеральный закон №152-ФЗ «О персональных данных», который устанавливает, что обработка персональных данных возможна только при наличии согласия субъекта. Закон определяет права и обязанности операторов данных и пользователей, однако не содержит подробных критериев, позволяющих оценить реальную добровольность согласия в условиях доминирования крупных цифровых платформ и ограниченного выбора сервисов.

Грунина В.А.¹ отмечает, что формальные согласия, получаемые от пользователей, не гарантируют фактической защиты персональных данных, так как в реальной практике согласие часто предоставляется под давлением отсутствия альтернатив или непрозрачности условий. Ситуация в других странах СНГ схожа: соответствующие законы существуют и декларируют защиту персональных данных, однако их реализация сталкивается с рядом проблем. Основными препятствиями являются слабый контроль со стороны государственных органов за деятельностью цифровых платформ, отсутствие эффективной практики привлечения к ответственности за нарушения и низкая осведомленность пользователей о своих правах. В результате, несмотря на формальное наличие законодательной базы, фактическая защита персональных данных в странах СНГ часто остается недостаточной, что создает риски навязанного согласия и злоупотребления персональной информацией. Таким образом, национальное

¹ Грунина В.А. Правовое регулирование отношений онлайн-бронирования жилья. 2020.

регулирование в странах СНГ требует совершенствования, как в части определения критериев добровольности согласия, так и в части усиления контроля за цифровыми платформами, чтобы обеспечить реальную защиту прав пользователей.

Навязанное согласие представляет собой комплексную проблему, включающую несколько взаимосвязанных аспектов, каждый из которых оказывает влияние на права и безопасность пользователей. Одной из основных проблем является отсутствие реальной альтернативы: пользователи часто вынуждены принимать условия платформы, иначе они теряют доступ к сервису или ключевым функциям. В таких условиях согласие перестает быть добровольным, превращаясь в формальный акт, легализующий сбор и обработку данных без реального выбора для пользователя. Другим важным аспектом является сложность пользовательских соглашений. Длинные тексты, написанные юридическим или техническим языком, перегруженные непонятными формулировками, затрудняют понимание того, на что именно пользователь соглашается. Это ограничивает осознанность согласия и делает невозможным полноценное информированное решение. Сбор избыточных данных также является следствием навязанного согласия. Платформы нередко запрашивают больше информации, чем необходимо для предоставления услуги, включая данные о местоположении, привычках, контактных лицах и поведении в интернете. Такая практика создает повышенные риски нарушения конфиденциальности и злоупотребления персональными данными, включая таргетированную рекламу, передачу информации третьим лицам и манипулирование поведением пользователей. Монополизация платформ усиливает проблему. Когда несколько крупных компаний контролируют значительные сегменты цифрового рынка, у пользователей практически отсутствует выбор альтернативных сервисов, что делает навязанное согласие системной практикой.

Последствия навязанного согласия многогранны. На уровне пользователей это ведет к снижению доверия к цифровым сервисам и ослаблению ощущения контроля над собственными данными. На уровне платформ возникают потенциальные юридические риски. Примером служит дело Google против французской комиссии CNIL, когда компания была оштрафована за несоблюдение требований по добровольному и информированному согласию. Этот случай демонстрирует, что несоблюдение норм может приводить к значительным финансовым санкциям и ущербу репутации, что делает важным соблюдение прозрачности и уважение к автономии пользователей при сборе и обработке данных.

Таким образом, навязанное согласие не только нарушает права пользователей, но и создает риски для самих платформ, подчеркивая необходимость совершенствования как правового регулирования, так и этических стандартов работы цифровых сервисов.

Для эффективной защиты прав пользователей необходимо внедрять комплекс мер, которые обеспечат баланс между развитием цифровых платформ и защитой интересов граждан. Важным шагом является разделение функционала платформ, что позволит пользователям пользоваться необходимыми сервисами без принуждения к предоставлению согласия на обработку дополнительных данных. Законодательное уточнение понятий «добровольность» и «информированность» создаст правовую основу для того, чтобы согласие считалось осознанным и свободным, а платформы не могли обходить требования закона. Не менее значимой мерой является обеспечение прозрачности обработки данных: пользователи должны четко понимать, какие данные собираются, как они используются, и кто имеет к ним доступ. Повышение цифровой грамотности пользователей позволит им принимать более осознанные решения о предоставлении своих данных и защищать свои права в цифровой среде. В совокупности эти меры создадут условия для гармоничного развития цифровых платформ при надежной защите прав и интересов граждан.

Таким образом, навязанное согласие является одной из ключевых проблем современного цифрового общества, поскольку оно затрагивает одновременно юридические, этические и социальные аспекты взаимодействия пользователей с цифровыми платформами. Оно формирует условия, при которых формальное согласие заменяет реальное осознанное решение, снижает контроль пользователей над собственными данными и создает предпосылки для их злоупотребления. Последствия такого подхода отражаются не только на правах и свободах граждан, но и на доверии к цифровым сервисам в целом, что в долгосрочной перспективе может ограничивать развитие цифровой экономики и подрывать репутацию платформ. Международный опыт показывает, что эффективная защита персональных данных возможна при соблюдении принципов прозрачности, предоставлении пользователям четкой информации о целях и способах обработки данных, а также создании реальных альтернатив. Это означает, что согласие должно быть свободным, осознанным и легко отзываемым, а пользователи должны иметь возможность использовать сервис без принуждения к предоставлению избыточной информации. Примеры таких практик демонстрируют, что строгие стандарты прозрачности и контроля способны существенно повысить доверие пользователей и снизить риск юридических и этических нарушений.

В России и странах СНГ для преодоления проблемы навязанного согласия необходим комплексный подход. Важным направлением является уточнение и детализация законодательства, чтобы четко определить критерии добровольности и информированности согласия. Не менее значимым является усиление контроля за деятельностью цифровых платформ, включая мониторинг соблюдения норм, привлечение к ответственности за нарушения и внедрение прозрачных процедур обработки данных. Одновременно необходимо развивать цифровую грамотность пользователей, повышать их информированность о правах и рисках, связанных с передачей персональной информации. Только

сочетание этих мер – законодательной, контролирующей и образовательной – позволит создать безопасную цифровую среду, где права граждан будут надежно защищены, а доверие к цифровым сервисам укреплено. Это обеспечит не только соблюдение норм и стандартов защиты персональных данных, но и гармоничное развитие цифровой экономики, где инновации и безопасность будут идти рука об руку.

ФАРАДЖИЕВ МАМЕД АХМЕД ОГЛЫ
директор Криминалистического центра им.
А.Бертильона Юридической Академии
Генеральной прокуратуры Кыргызской
Республики

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА

В целях непосредственного обнаружения, выявления и фиксации различных материальных объектов и следов на них, а также выяснения обстановки происшествия и установления иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, следователем проводится осмотр места происшествия¹.

О важности ОМП говорит то, что это:

- «фундаментальное» и самое первое следственное действие по большинству видов происшествий;
- самое близкое во времени и пространстве соприкосновение следователя с событием происшествия;

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года, №129.- Бишкек (в редакции на 19 мая 2025г.), ч1, ст.172

- в многих случаях самое трудоёмкое следственное действие, так как производство его может быть длительным, т.е. производится часами иногда и сутками;

- самое «продуктивное» следственное действие, позволяющее выявить, изучить и зафиксировать обстановку места происшествия и различные материальные объекты, и следы;

- следственное действие, требующее применения криминалистических средств и методов.

Практика показывает, что наибольшее количество ошибок и недоработок допускается следователем при производстве осмотра места происшествия, что приводит к увеличению срока следствия, и к тому, что по ряду преступлений не представляются возможным привлечь к ответственности виновных лиц.

Высказывание известного французского ученого-криминалиста Лионской школы криминалистики Эдмонда Локара *«Каждый контакт оставляет след»* лежит в основе утверждения о том, что на месте происшествия **не может не быть** следов: любой контакт преступника с обстановкой приводит к оставлению материальных следов. Принцип Э. Локара объясняет, по какой причине на месте происшествия неизбежно остаются следы, а значит, следователь обязан их найти и зафиксировать.

На наш взгляд, к типичным ошибкам, допускаемым при подготовке и проведении осмотра места происшествия, относятся следующие:

1. Необеспечение охраны места происшествия;
2. Несвоевременное прибытие на место производства осмотра места происшествия;
3. Проникновение и нахождение посторонних лиц на месте происшествия;
4. Нарушение первоначальной обстановки места происшествия;
5. Повреждение или утеря потенциальных доказательств;

6. Неточная и неполная фиксация или некачественная упаковка, изымаемых объектов;

7. Некомпетентная работа по поиску следов и иных материальных объектов на месте происшествия.

В Кыргызской Республике, как и во многих странах, актуальны проблемы качества расследования, связанные с осмотром мест происшествий.

Результативность и качество технико-криминалистического обеспечения расследования преступления, начиная с осмотра места происшествия зависят от работы следователей и специалистов. Это также связано с необходимостью научных исследований и совершенствования практики использования технических средств при проведении осмотра места происшествия.

Представляется, что причины недостаточно эффективного применения технических средств при осмотре места происшествия обусловлены следующими факторами:

- отсутствие специальных знаний, умений и навыков у следователей и специалистов, позволяющих обнаруживать, фиксировать и направлять на исследование следы и иные материальные объекты;
- несовершенство контроля за использованием технических средств при производстве осмотра места происшествия;
- недостатки в сопоставлении результатов использования технических средств, примененных при производстве осмотра места происшествия с материалами уголовных дел.

Последствия названных недостатков могут выражаться в следующем:

- отсутствие или незначительное количество доказательств в уголовном деле в форме заключений судебных экспертиз;
- некачественное расследование и низкая раскрываемость преступлений;
- допущение судебных ошибок и иные тяжкие последствия;

- недоверие к судебной и правоохранительной системе, чувство незащищённости населения.

Представляется, что улучшение качества производства осмотра места происшествия может быть достигнуто за счёт следующих мер:

- организации профессиональной подготовки и повышения квалификации следователей, судебных экспертов, специалистов-криминалистов и специалистов в иных областях;

- обеспечение качественной охраны места происшествия;
- максимальное использование технических средств и методов, в том числе современных;

- надлежащий контроль за проведением осмотра места происшествия и своевременное направление объектов для производства судебных экспертиз;

- создание условий для производства сложных и современных видов судебных экспертиз в экспертных организациях;

- проведение научных исследований в области криминалистики и судебных экспертиз.

В целях повышения эффективности контроля качества производства осмотра места происшествия считаем целесообразным применение разработанных нами учётных карт:

- Карта учёта использования технических средств при производстве ОМП (Форма ОМП, приложение №1);

- Карта учёта назначенных судебных экспертиз (Форма СЭ, приложение №2).

Учетные карты предназначены для решения следующих задач:

1. Повышение качества производства осмотра места происшествия;

2. Координация деятельности следственных и экспертно-криминалистических служб;

3. Формирование статистической и информационной базы по уголовным делам;

4. Анализ состояния технико-криминалистической оснащённости правоохранительных органов;

5. Планирование подготовки и повышения квалификации следователей, судебных экспертов и специалистов.

6. Планирование мероприятий по организационно-техническому обеспечению деятельности этих служб.

Карты разработаны для электронного применения и предусматривают обработку, передачу, учёт и анализ данных в режиме реального времени.

Анализ информации указанных карт позволит:

1. Определить основные направления и задачи мероприятий по устранению проблем осмотра места происшествия;

2. Разработать рекомендации по рациональному использованию технических средств при производстве осмотра места происшествия;

3. Вносить предложения по созданию и оснащению лабораторий для производства судебных экспертиз, в том числе современных видов;

4. Осуществлять анализа информации о качестве производства ОМП в рамках внутреннего контроля и прокурорского надзора;

5. Выявлять недостатки в подготовке кадров и планировать подготовку и повышение квалификации;

6. Определить проблемы, связанные с охраной места происшествия и обеспечить безопасность участников осмотра места происшествия;

7. Проводить аналитическую работу по отдельным уголовным делам и группам уголовных дел *(по виду преступлений, по территориальности, по времени года, дней недели, времени суток, по руководителю производства осмотра – следователю, по специалисту-криминалисту, участвовавшему при производстве осмотра и др.)*.

Идентификаторами карт могут являться номер ЕРП *(единый реестр преступлений)*, номер уголовного дела, вид преступления,

территориальность, данные потерпевшего, данные следователя, данные специалиста-криминалиста, день недели, время суток, период анализа и др.

Карта учета использования технических средств при производстве осмотра места происшествия

Дата составления карты: « ____ » ____ 202 ____ г. Подразделение _____
 № учета ЕРП _____ № уголовного дела _____ Вид происшествия _____
 Место происшествия _____

Заявитель /иной источник информации о
 происшествии _____

Составил	_____ _____ подразделение, должность, звание, Ф.И.О. (специалист-криминалист, лицо его заменяющее) телефон _____		
Следователь	_____ _____ подразделение, должность, звание, Ф.И.О., телефон _____		
Информация о происшествии / преступлении	Фабула происшествия _____ _____ _____ _____		
	_____ широта _____ долгота _____ высота _____ _____ географические координаты МП _____		
Дата и время осмотра МП	дата, время начала осмотра « ____ » ____ 202 ____ г., ____ ч. ____ мин.	дата, время окончания осмотра « ____ » ____ 202 ____ г., ____ ч. ____ мин.	
Условия производства осмотра МП	Место происшествия Примечания ☐ охранялось ☐ не охранялось		
	В ходе осмотра внесены изменения (какие)		
	Осмотр проводился ☐ в помещении ☐ вне помещения	Освещение ☐ естественное ☐ искусственное ☐ комбинированное	Условия (погодные и т.п.) Температура воздуха _____
Технические средства, использованные при	☐ фототехника ☐ видеотехника	☐ спец.освещение ☐ дакт.порошки ☐ хим.реактивы ☐ средства копирования следов ☐ средства изъятия объектов цифровой криминалистики	☐ унифицированные комплекты ☐ передвижная крим. лаборатория ☐ служебно-розыскная собака ☐ иные средства _____

¹ Die Organisation und Qualitätsprüfung des Tatortes in Gegenwart von DNA-Spuren. Ahmad Mahammad oglu Faradjiev (Bischkek). Christian Bachhiesl, Sonja Maria Bachhiesl, Johann Leitner (Hg.)Kriminologische Entwicklungslinien Eine interdisziplinäre Synopsis. ©LIT VERLAG GmbH & Co. KGWien 2014. Krotenthallergasse 10/8, стр. 130

осмотре МП	☐ поисковые средства ☐ камерный дрон				
В ходе осмотра МП изъяты	<u>Следы человека:</u> ☐ Следы рук ☐ Перчатки или их следы ☐ Следы ног и обуви ☐ Следы зубов ☐ Следы других частей тела ☐ Следы одежды ☐ Предметы одежды ☐ Волосы ☐ Запаховые следы <u>Трасологически е:</u> ☐ Следы животных ☐ Замки и запирающие устройства ☐ пломбы, ЗПУ ☐ Орудия взлома ☐ Следы орудий взлома	☐ Следы волочения ☐ Транспортны е средства, их части Но: ☐ Останки животных (шкура и т.п.) ☐ Следы транспортных средств (протектора шин, выступающих деталей кузова, фрагменты разрушенных деталей ТС) <u>Оружиеведение:</u> ☐ Объект исслед. огнестр. оружия Но:	☐ Патроны и их части ☐ Следы выстрела ☐ Взрывчатые вещества ☐ Взрывные устройства ☐ Следы взрыва ☐ Объект исслед. хол. оружия <u>Объекты цифровой криминалис тики</u> ☐ Компьютерная техника и цифровые устройства ☐ Носители цифровой информации ☐ Сетевое оборудование и коммуникацио нные устройства ☐ Документы и материальные носители с информацией	☐ Информация, доступная в оперативном режиме ☐ Электронные следы и данные из облачных сервисов <u>Иные объекты</u> ☐ Следы лакокрасочных покрытий ☐ Следы почвы ☐ Микрочастицы ☐ Предположительн о наркотические средства, ☐ Объекты со предп следами наркотиков ☐ Объекты растительного происхождения	☐ Документы ☐ Прочие объекты <u>Объекты биол. происхождения</u> : ☐ Кровь ☐ Сперма ☐ Слюна ☐ Моча ☐ Кал ☐ Влагалищные выделения ☐ Другие
				☐ Труп ☐ Части тела ☐ Костные останки ☐ иные источники ДНК	
☐ Образцы (пробы) изъяты в ходе осмотра места происшествия. Какие: _____					
<u>Использованные средства индивидуальной защиты.</u> Средства защиты МП и следов от изменения и уничтожения	☐ перчатки ☐ обувь/бах илы ☐ маски ☐ очки ☐ комбинез он	☐ другие средства <u>Средства оцепления МП</u> ☐ лента ☐ флажки	<u>Дактилоскопировано (количество):</u> _____; <u>Проведены предварительные исследования:</u> ☐ Каких объектов, следов, их краткие результаты:		
Примечания					
Приложения ☐ Схемы ☐ планы ☐ чертежи ☐ фототаблицы ☐ видеоматериал ☐ карта местности ☐					

Составил _____ м.п. Следователь _____
 _____ м.п.
 (Специалист-криминалист, лицо его заменяющее)

Приложение №2¹

ФОРМА СЭ

Карта учета назначенных судебных экспертиз

Дата составления карты: « ____ » 202 ____ г.

Подразделение _____

№ учета ЕРП _____ № уголовного дела _____ Вид происшествия _____

Место происшествия _____

Заявитель /иной источник информации о происшествии _____

<u>Криминалистические:</u> ☐ Дактилоскопическая ☐ Исследование следов ног или обуви ☐ Исследование следов зубов человека ☐ Исследование замков ☐ Исследование пломб ☐ Исследование следов транспортных средств ☐ Исследование следов орудий взлома ☐ Исследование следов животных ☐ Исследование следов производственных механизмов, ☐ Установление целого по частям ☐ Баллистическая ☐ Холодного, метатель. оружия ☐ Техническая экспертиза документов ☐ Почерковедческая ☐ Автороведческая ☐ Портретная ☐ Фоноскопическая ☐ Видеофоноскопическая ☐ Фототехническая ☐ Материалов, веществ и изделий ☐ Взрывотехническая ☐ Восстановления маркировочных обозначений ☐ Лакокрасочных материалов, покрытий и окрашенных предметов ☐ Нефтепродуктов ☐ Экспертиза стекла	<u>Медицинские и психофизиологические:</u> ☐ Судебно-медицинская ☐ Судебно-психиатрическая ☐ Судебно-психологическая ☐ Комплексная психолого-психиатрическая <u>Судебно-экономические:</u> ☐ Финансово-экономическая ☐ Инженерно-экономическая ☐ Экспертиза по ценам и ценообразованию ☐ Судебно-бухгалтерская ☐ Планово-экономическая ☐ Товароведческая ☐ Инженерно-экономическая <u>Инженерно-транспортные:</u> ☐ Автотехническая ☐ Авиационно-техническая ☐ Железнодорожно-техническая ☐ Воднотранспортно-техническая Судебные инженерно-технические: ☐ Инженерно-технологическая ☐ Пожарно-техническая ☐ Строительно-техническая ☐ По технике безопасности ☐ Электротехническая <u>Судебно-комплексно-технические:</u> ☐ Аппаратно-компьютерная, ☐ Программно-компьютерная, ☐ Информационно-компьютерная, ☐ Экспертиза информационных систем и сетей ☐ Экспертиза мобильных устройств <u>Судебно-биологические:</u> ☐ Ботаническая	<u>Экспертиза пищевых продуктов и напитков:</u> ☐ Мяса и мясных продуктов ☐ Молока и молочных продуктов ☐ Рыбы и рыбопродуктов ☐ Пищевых жиров и масла ☐ Экспертиза меда ☐ Алкогольных напитков (Спиртосодержащих жидкостей) ☐ Слабоалкогольных и безалкогольных напитков ☐ Кулинарных изделий ☐ Вкусовых приправ <u>Судебно-сельскохозяйственные:</u> ☐ Агробιοлогическая ☐ Агротехническая ☐ Зооветеринарная ☐ Ветеринарно-токсикологическая <u>Судебно-почвоведческие:</u> ☐ Почвенных наслоений на объекте носителя ☐ Минерало-почвоведческая ☐ Землеустроительная ☐ Эколого-почвоведческая <u>Судебно-экологическая:</u> ☐ Состояния почвенно-геологических объектов ☐ Состояния водных объектов ☐ Состояния атмосферного воздуха ☐ Радиационной обстановки

¹ Kriminalisticky sbornik. Praha, 2008 r., Formulare pro ohledání místa cinu Mamed Ahmed ogly Faradjiev, str.47

☐ Металлов (Металловедческая) ☐ Полимерных материалов ☐ Парфюмерных и косметических средств ☐ Наркотических средств и психотропных веществ ☐ Объектов волокнистой природы ☐ Исследование люминофоров	☐ Зоологическая ☐ Микробиологическая ☐ Энтомологическая ☐ Ихтиологическая ☐ Орнитологическая	☐ Воздействия хозяйствующего объекта на окружающую среду ☐ <u>Искусствоведческие</u> ☐ <u>Судебно-геномные (ДНК)</u> ☐ <u>Одородологическая</u> ☐ <u>Химическая</u> ☐ <u>Другие:</u>

Производство экспертизы поручено (указать экспертную организацию или эксперта)

Следователь _____

М.П.

(подразделение, должность, звание, Ф.И.О.)

РАСУЛЕВ АБДУЛАЗИЗ КАРИМОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
ученый секретарь Института
законодательства и правовой политики при
Президенте Республики Узбекистан

МУМИНОВ БЕХЗОД АБДУВАХОБОВИЧ

доктор юридических наук, доцент, главный
научный сотрудник института Института
законодательства и правовой политики при
Президенте Республики Узбекистан

БОРЬБА С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ: ВРЕМЯ ПЕРЕЙТИ ОТ РЕАКТИВНОЙ МОДЕЛИ К ПРОАКТИВНОЙ

***Annotatsiya:** Maqolada O'zbekistonda kiberjinoyatchilikka qarshi kurashning zamonaviy chaqiriqlari va raqamli tahdidlarga nisbatan reaktiv yondashuvdan proaktiv modelga o'tish zarurligi tahlil qilinadi. Amaldagi tizimdagi huquqiy, institutsional va texnologik bo'shliqlar — tartibga solishning parchalanganligi, yagona milliy koordinatorning yo'qligi, tergov jarayonlarining raqamli dinamikadan ortda qolishi hamda idoralararo hamkorlikning yetarli emasligi ko'rsatib o'tiladi. EU va BMT standartlari asosidagi xalqaro tajriba tahlil*

qilinib, kompleks “Kiberjinoyatchilikka qarshi kurash to‘g‘risida”gi qonun qabul qilish, Milliy markaz tashkil etish, erta ogohlantirish tizimlarini joriy etish va sun’iy intellekt texnologiyalarini qo‘llash bo‘yicha takliflar beriladi. Proaktiv raqamli xavfsizlik arxitekturasini shakllantirish zarurligi asoslanadi.

Аннотация: Статъя посвящена анализу современных вызовов киберпреступности и необходимости перехода от реактивной к проактивной модели противодействия цифровым угрозам в Республике Узбекистан. Рассматриваются правовые, институциональные и технологические пробелы в действующей системе борьбы с киберпреступлениями, включая фрагментарность регулирования, отсутствие единого национального координатора, отставание расследования от цифровой динамики и недостаточный уровень межведомственного взаимодействия. Приводится международный опыт, в том числе стандарты ЕС и ООН, а также предлагаются меры по разработке комплексного закона, созданию национального центра, внедрению систем раннего предупреждения и технологий искусственного интеллекта. Обоснована необходимость формирования целостной стратегии и архитектуры проактивной цифровой безопасности.

Abstract: The article examines the modern challenges of cybercrime and the necessity for Uzbekistan to shift from a reactive to a proactive model of combating digital threats. It analyzes the legal, institutional, and technological gaps in the current system, including fragmented regulation, the absence of a national coordinator, insufficient investigative tools, and weak interagency cooperation. The paper reviews relevant international standards of the EU and the UN and proposes measures such as adopting a comprehensive cybercrime law, establishing a National Cybercrime Coordination Center, implementing early-warning mechanisms, and introducing AI-based analytical tools. It substantiates the need for a coherent strategy and a proactive digital security architecture.

Kalit so‘zlar: kiberjinoyatchilik; kiberxavfsizlik; proaktiv model; huquqiy tartibga solish; raqamli tahdidlar; OSINT; erta ogohlantirish; xalqaro standartlar;

Ключевые слова: киберпреступность; кибербезопасность; проактивная модель; правовое регулирование; цифровые угрозы; OSINT; раннее предупреждение; международные стандарты.

Keywords: cybercrime; cybersecurity; proactive model; legal regulation; digital threats; OSINT; early warning; international standards; Uzbekistan.

I. Введение: цифровая реальность как вызов государственности

Современный мир вступил в эпоху, где цифровое пространство перестало быть вспомогательным инструментом человеческой деятельности и превратилось в самостоятельную среду — самостоятельное измерение экономических, социальных и политических процессов. В этой новой реальности **киберпреступность выходит за пределы привычных представлений о преступности как о физическом деянии.** Вредоносные программы распространяются быстрее, чем государственный аппарат успевает их обнаруживать.

В этих условиях становится очевидно: **традиционная, реактивная модель борьбы с преступностью — больше не работает.**

Она основана на ожидании события: преступление должно произойти, чтобы механизм реагирования был запущен. Но когда преступление совершается в цифровой среде, время измеряется не днями и неделями, а миллисекундами. Реактивная модель опаздывает уже в момент, когда преступление зафиксировано.

Сегодня борьба с киберпреступностью требует нового мышления, новой архитектуры управления и новой правовой философии. Речь идёт не просто об адаптации отдельных норм, а **о переходе к проактивной модели,** в которой государство опережает злоумышленника, прогнозирует угрозы, создаёт механизмы цифровой устойчивости и предотвращает преступления до их реализации.

В условиях глобальной цифровизации киберпреступность превратилась в одну из наиболее серьёзных транснациональных угроз, оказывая прямое воздействие на экономическую стабильность, национальную безопасность и общественное доверие к институтам государства. Международное сообщество выработало ряд системных подходов и стратегических инструментов,

направленных на выстраивание устойчивой модели противодействия киберпреступлениям.

За последние пять лет (2020–2024 гг.) количество киберпреступлений в республике выросло в 68 (!) раз – с 863 до 58 800 случаев. Только за прошлый год их число возросло на 35 484 (с 2772 до 38 256), то есть почти в 19 (!) раз. В результате граждане лишились свыше 1 трлн 909 млрд сумов, что почти сопоставимо с общим объёмом ущерба за предыдущую пятилетку.

В перспективе ближайших лет доля IT-преступлений может превысить 60–70%, вытеснив классические виды преступлений на периферию.

При этом, из общего числа преступлений в 2023 году 69,7% дел осталось нераскрытыми, в 2024 году 98,2% дел остались не раскрыты.

Республика Узбекистан за последние годы достигла конкретных результатов в противодействии киберпреступности, подтвердив свою нацеленность на создание в стране высокоэффективной системы про-активного противодействия киберпреступности. Были определены приоритетные задачи по совершенствованию механизмов предупреждения и раскрытия киберпреступлений. В стране сформирована многоуровневая система институтов борьбы с киберпреступностью. Впервые поставлена задача разработки проекта закона «О борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий».

В целом, анализ показал, что правовая база Узбекистана по противодействию киберпреступности достаточно широкая (УК, УПК, КоАО, специализированные законы о персональных данных, информатизации, кибербезопасности), но имеет фрагментарный характер, недостаточно гармонизирована с международными стандартами.

II. Проблемы противодействия киберпреступности: от юридической фрагментации до инфраструктурной уязвимости

1. Правовая архитектура: когда закон не успевает за технологией

Право — фундамент государственного управления. Но в цифровую эпоху оно начинает уступать в скорости развитию технологий. Нормы, принятые пять или даже три года назад, нередко оказываются устаревшими.

Правовая система сталкивается с рядом структурных проблем.

1.1. Фрагментарность регулирования. Отсутствие единой стратегии противодействия киберпреступлениям в Узбекистане порождает системные, правовые, институциональные и международные риски.

В связи с неопределенностью национальной правовой политики в данной сфере соответствующие правовые акты (УК, УПК, Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Закон «Об электронной коммерции», др.) не содержат единого целостного подхода к понятию, классификации, профилактике, уголовному преследованию киберпреступлений. Отсутствие единых научно и практически обоснованных дефиниций (например, «киберпреступление», «киберкоррупция», «кибертерроризм» и т.д.) создает сложности в правоприменении.

Регулирование сферы противодействия киберпреступности в Узбекистане в последние годы преимущественно осуществляется посредством подзаконных актов.

Правовые нормы разбросаны по различным законам: о персональных данных, об информации, об электронных транзакциях, об экстремизме, об оперативно-розыскной деятельности. Между ними отсутствует целостная логика. Научно-практические последствиями указанных противоречий является отсутствие единого «национального координатора», риск конфликта полномочий между силовыми органами и цифровым ведомством при расследовании киберпреступлений, правовая неопределённость для бизнеса: неясно, кому и в какие сроки сообщать о киберинцидентах, какая ответственность за нарушение.

В результате цифровая безопасность превращается в «мозаичный регуляторный набор», а не в системную архитектуру.

Во первых. Согласно Закону «О кибербезопасности» под термином киберпреступность понимается — совокупность преступлений, осуществляемых в киберпространстве с использованием программного обеспечения и технических средств, с целью завладения информацией, ее изменения, уничтожения или взлома информационных систем и ресурсов. То есть согласно данной формулировке, предметом посягательства может стать только информация.

Однако в данной формулировке **чрезмерно сужена сфера:** перечислены цели «завладение/изменение/уничтожение/взлом». Вне дефиниции остаются массовые категории:

- мошенничество в сети (social engineering, BEC), вымогательство, стокинг(онлайн-преследование), сексторшн (форма кибершантажа);
- преступления содержания (CSAM), разжигание ненависти;
- преступления, где ИКТ — **средство** (отмывание, сбыт наркотиков онлайн и т.п.), хотя на практике именно они доминируют.

Термин также не соответствует международному подходу: глобальные договоры, как правило, **не определяют «киберпреступность» одним термином,** а перечисляют *конкретные составы* (access, interference, data/ system offences, misuse of devices, computer-related fraud, child sexual abuse material и т.д.).

Например, Будапештская конвенция не даёт общей дефиниции «cybercrime»; вводит **категории составов** (гл. II, ст. 2–10).

UNODC (Comprehensive Study on Cybercrime, 2013): подчёркивает отсутствие **универсально принятого определения;** различает «узкое ядро» (посягательства на данные/системы) и «широкую зону» (любые преступления с существенным ИКТ-элементом). Это тот подход, который национальная дефиниция не

отражает.

Во вторых, Закон «О кибербезопасности» регулирует отношения в сфере кибербезопасности, то есть профилактика киберпреступлений не входит в предмет его регулирования. В свою очередь, Закон **«О профилактике правонарушений»** в основном предполагает профилактики традиционных правонарушений, система профилактики киберпреступлений не урегулирована законом.

В-третьих, ограниченность секторального регулирования и необходимость комплексного акта. Постановление Правления Центрального банка Республики Узбекистан от 21 мая 2024 г. № 3513 **«Об утверждении Положения о мерах по обеспечению информационной безопасности и кибербезопасности платежных систем»** представляет собой важный шаг в направлении защиты платежной инфраструктуры и профилактики правонарушений в сфере цифровых технологий. Однако его действие охватывает лишь **узкий сегмент** — операторов платежных систем и поставщиков платежных услуг.

Киберпреступность не ограничивается сферой платежных систем: в зоне риска находятся государственные информационные ресурсы, критическая информационная инфраструктура, телекоммуникационные сети, электронное правительство, цифровые сервисы для населения. Регламентация только банковско-финансовой сферы не создает единого правового поля и оставляет другие сегменты уязвимыми.

Киберугрозы носят межотраслевой характер и требуют согласованных действий правоохранительных органов, операторов связи, органов национальной безопасности, органов юстиции и др.

В-четвертых, не криминализированы некоторые общественно опасные кибердеяния. Так, отсутствие ответственности за несоблюдение банками и платежными организациями требований информационной и кибербезопасности, приводит к огромным хищениям.

В частности, на 10 февраля 2025 года зафиксировано 1 835 случаев хищений, совершённых через мобильное приложение «Uzum Bank», в результате чего граждане лишились имущества на сумму свыше 9 млрд 749 млн сумов.

Действующее законодательство не предусматривает правового механизма, позволяющего установить причинную связь между хищениями и невыполнением банками требований в сфере информационной и кибербезопасности. Также отсутствует механизм возмещения ущерба гражданам за счёт операторов платёжных систем и поставщиков платёжных услуг, по вине которых такие преступления стали возможны.

Слабые стороны, институциональные пробелы национальной системы противодействия киберпреступности.

1. Фрагментарность охвата регулирования. Жёсткие требования по киберустойчивости детализированы преимущественно для платёжного сектора. Другие отрасли критической инфраструктуры (энергетика, транспорт, здравоохранение, государственные платформы, крупная e-commerce) пока не включены в единый риск-ориентированный режим регулирования, аналогичный директиве ЕС NIS2.

2. Отсутствие унифицированных процедур уведомления об инцидентах. В законодательстве не закреплён обязательный механизм уведомления о киберинцидентах с чёткими временными рамками и формализованными отчётными требованиями, что снижает эффективность мониторинга и анализа угроз.

3. Ограниченная ответственность производителей цифровых решений. Законодательство ориентировано преимущественно на эксплуатантов информационных систем. Требования к разработчикам и поставщикам программного обеспечения и оборудования (security by design и security by default, политика обновлений и устранения уязвимостей) остаются вне нормативного регулирования.

4. Отсутствие национальной схемы сертификации. В отличие от положений Регламента ЕС «О кибербезопасности» (Cybersecurity Act), в национальной системе пока отсутствуют механизмы сертификации ИКТ-продуктов и услуг по уровням доверия, что ограничивает развитие рынка сертифицированных программ.

5. Недостаточное развитие социального партнёрства. Механизмы отраслевого обмена информацией об угрозах, практика коллективной защиты и гарантии возмещения средств пользователям в финансовом секторе находятся на ранней стадии формирования.

1.2. Институциональная разобщённость. Функции по предупреждению, выявлению и расследованию преступлений в киберпространстве распределены между несколькими ведомствами—правоохранительными органами, регуляторами телекоммуникационной сферы, структурами по защите персональных данных, финансовыми регуляторами. Отсутствие единого центра координации приводит к дублированию полномочий, пробелам в обмене информацией и снижению эффективности реагирования на киберпреступления. В результате каждое ведомство видит лишь свою часть проблемы. Это создаёт «информационные острова», между которыми отсутствует плотная связующая ткань.

Право буксует перед технологией, а преступность — опережает и право, и правоохранительную систему.

Системные пробелы в расследовании и процессуальной практике по киберпреступлениям.

Для классических преступлений процесс выглядит так: **преступление → заявление → расследование → задержание.** Эта схема эффективна для классических преступлений, но абсолютно бесполезна в цифровой среде.

В действующем законодательстве не закреплены специальные полномочия и обязанности подразделений по борьбе с

киберпреступностью. К моменту возбуждения уголовного дела похищенные денежные средства, как правило, уже обналичены либо переведены на третьи счета, что делает их возврат почти невозможным. Неэффективность действующего механизма приводит к накоплению нераскрытых дел и необходимости проведения дополнительных проверочных мероприятий. Кибератаки должны быть выявлены на стадии замысла — по сигналам, аномалиям трафика, моделям поведения. Однако, подразделения по противодействию киберпреступлениям не обеспечены современными средствами технического контроля и анализа данных, ощущается дефицит специалистов в сфере противодействия киберпреступлениям.

Несмотря на стремительный рост числа преступлений в цифровой среде, следственные органы в значительной мере продолжают применять традиционные подходы, что приводит к затягиванию процессов, утрате цифровых следов и низкой эффективности раскрытия. Особенно остро ощущается нехватка инструментов анализа больших массивов данных и оперативного выявления транзакций, связанных с мошенничеством. Не внедрены такие прогрессивные технологии, как OSINT (Open Source Intelligence) — сбор и анализ данных из открытых источников.

III. Переход от реактивной к проактивной модели: стратегические направления реформ

Переход к проактивной модели не означает простое усиление контроля. Проактивная модель — это современная система управления рисками, основанная на знаниях, технологиях и прогнозировании. Она предполагает новую философию управления цифровыми угрозами.

С учётом стратегических целей противодействия киберпреступности, необходимости поступательного и динамичного социально-экономического развития республики, развития криминогенной ситуации в сфере киберпреступности, предлагается рассмотреть следующие предложения и рекомендации:

1) Разработка Концепции правовой политики по противодействию киберпреступности в Республике Узбекистан и Стратегии (программ) по ее реализации до 2030 года. Концепция обеспечивает возможность выявлять ключевые политико-правовые, организационные, инфраструктурные и технологические ограничения, препятствующие эффективности борьбы с киберпреступностью, и позволяет формировать целевые стратегические решения, направленные на укрепление системы профилактики и предупреждения цифровых угроз.

2) Принятие комплексного закона «О противодействии киберпреступлениям», который устранил разрозненность, создаст устойчивую институционально-процессуальную основу противодействия киберпреступности в Узбекистане.

3) Унификация составов киберпреступлений под стандарты конвенции ООН

В УК есть блок «кибер-статей» (278¹–278⁶ и др.), охватывающих незаконный доступ, вмешательство, вредоносное ПО. Однако, отсутствует полная гармонизация с Конвенцией ООН.

Требуется системная гармонизация и присоединение к международным стандартам.

Следует принять следующие **меры правового характера:**

- ввести нормы об ответственности за современные виды (формы) киберпреступлений;
- криминализировать передачу платёжных инструментов, усиление контроля над банковскими картами и внедрение многоуровневых антифрод-систем;
- дополнить законодательство нормами о противодействии злоупотреблениям с криптовалютами;
- установить правовой механизм ответственности операторов платёжных систем и поставщиков платёжных услуг за несоблюдение требований информационной и кибербезопасности;
- установить ответственность операторов и поставщиков за ущерб, причинённый гражданам вследствие их невыполнения

требований кибербезопасности;

- ввести дополнительные требования к безопасности и аутентификации при оформлении онлайн-микрозаймов.

4) Создание Национального центра противодействия киберпреступности как координатора всех ведомств и связующего звена с международными партнёрами.

5) Создание единой цифровой платформы «финансовый навигатор» с онлайн-реестром подозрительных компаний, интерактивными инструментами проверки и консультациями граждан, а также межведомственный Центр мониторинга финансовых рисков (Генпрокуратура, МВД, ЦБ, антимонопольный орган), обеспечивающий оперативную блокировку мошеннических сайтов и счетов и взаимодействие с банками для предотвращения переводов в адрес финансовых пирамид по аналогии с Scamwatch (Австралия), FCA (Великобритания) и FinCEN (США).

6) Закрепление принципа обязательного уведомления о киберинцидентах

По аналогии с законодательством ЕС (NIS2) банки, операторы связи, крупные компании должны быть обязаны сообщать о любых атаках. Это создаёт прозрачность угроз и обеспечивает своевременное реагирование.

7) Упорядочение доступа к данным цифровых платформ

Проактивная модель невозможна без правового статуса OSINT, регламентации работы с цифровыми следами, процедур международного обмена данными.

8) Национальная система раннего предупреждения: цифровой «щит» государства

Проактивность означает способность видеть угрозы до того, как они материализуются.

Основные элементы:

Национальный Cyber Security Operations Center, Единый центр, выполняющий:

- круглосуточный мониторинг трафика,

- анализ аномалий,
- прогнозирование поведения преступных группировок,
- координацию реагирования.

2.2. Использование технологий машинного обучения

ИИ способен:

- выявлять типичные модели атак,
- автоматически блокировать вредоносные операции,
- предсказывать вероятные цели киберпреступников.

Цифровая эпоха ставит перед государством вызовы, которые невозможно решить старыми методами. Сегодня нужны не только новые технологии, но и новая логика безопасности — основанная на аналитике, прогнозировании и способности действовать на опережение. Реактивная модель, построенная на позднем реагировании, уже не отвечает характеру современных угроз. Она неизбежно отстаёт от темпов развития киберпреступности, которая становится всё более организованной, скрытной и трансграничной.

Настало время, когда государству необходим переход к проактивной стратегии — интеллектуальной, гибкой и предвосхищающей. Стратегии, которая позволяет выявлять уязвимости заранее, предупреждать угрозы ещё до того, как они нанесут ущерб, и тем самым формировать устойчивую цифровую среду. Такой подход обеспечивает не только безопасность граждан и экономики, но и укрепляет доверие общества к институтам государства.

Будущее кибербезопасности — за проактивной моделью, превращающей раннее выявление, анализ рисков и предотвращение преступлений в центральные элементы национальной системы защиты. Только так можно обеспечить устойчивость страны в условиях стремительно меняющейся цифровой реальности.

**КАМИЛОВ ОЙБЕК
ХАМИДЖОНОВИЧ**

сотрудник Секретариата Совета
Безопасности при Президенте Республики
Узбекистан, доктор философии по
юридическим наукам (PhD)

**УЗБЕКИСТАН НА ПЕРЕКРЁСТКЕ МИГРАЦИИ И ПРАВ
ЧЕЛОВЕКА: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Узбекистан, как полноправный участник международных отношений является наиболее густонаселённой страной Центральной Азии с населением более 37 млн человек (2025 г.) и высоким демографическим приростом.

Естественно и вполне закономерно, что экономические реформы способствуют мобильности: либерализация валютного рынка, развитие частного сектора и открытие экономики усилили связи с международными рынками труда.

Согласно имеющимся данным, в 2024–2025 гг. за рубежом работало более 1,14 млн человек. При этом, география миграции разнообразна:

1. Россия. Традиционно основная страна назначения; в 2024 г. там находилось около 698 тыс. узбеков, что почти вдвое меньше, чем годом ранее.

2. Казахстан. Второе направление; количество работающих выросло до 322,7 тыс. человек. Высокие зарплаты и свободное перемещение в рамках ЕАЭС делают Казахстан привлекательным.

3. Турция, Южная Корея и страны Персидского залива. Официальные квоты на 2024 г. позволили 37 тыс. гражданам работать в Южной Корее; на турецком рынке работало около 88,7 тыс. человек.

4. Европа и Великобритания. В 2023 г. узбекистанцы получили более 26 тыс. новых разрешений на проживание в ЕС. Сезонные

рабочие визы Великобритании выросли более чем семикратно между 2021 и 2023 гг., а Германия и Польша заключили межправительственные соглашения по привлечению работников.

5. Новые рынки. В 2025 г. правительство поставило задачу трудоустроить более 200 тыс. граждан в 21 развитой стране, среди которых Германия, Великобритания, Япония, Израиль, Канада, Польша, Турция, Саудовская Аравия и ОАЭ. Такая диверсификация снижает зависимость от одного рынка труда и расширяет возможности для мигрантов.

Социально-экономическое значение миграции.

Переводы мигрантов играют немаловажную роль в экономике. В 2023 г. они достигли 16,1 млрд долл., что составляло примерно 17,7 % ВВП. В 2025 г. за десять месяцев поступления составили 15,8 млрд долл., увеличившись на 25 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Средства, отправляемые мигрантами, поддерживают потребление, финансируют образование и здравоохранение, а также стимулируют развитие микро- и малого бизнеса.

Тенденции возвращения и реинтеграции

Усилия правительства по созданию рабочих мест внутри страны привели к возврату около 115 тыс. трудовых мигрантов в январе–октябре 2024 г., и к концу года ожидалось возвращение ещё 250–300 тыс. человек. Для реинтеграции вернувшихся правительство предусмотрело программы субсидий, помощь в открытии бизнеса, а также бесплатные медицинские обследования и социальную поддержку детям мигрантов. Предприятия, принимающие на работу возвращающихся, получают ежемесячную субсидию 500 тыс. сумов (около 40 долл. США) на каждого работника.

Реальные условия трудовых мигрантов

Несмотря на соблюдение формальных стандартов, трудовые мигранты сталкиваются с различными вызовами:

1. Трудовые и бытовые трудности. Неофициальные работники часто подвержены низкой оплате, плохим условиям проживания и риску конфликта с властями стран назначения. Однако правительство стремится уменьшить количество нелегальных выездов за счёт развития организованной миграции.

2. Доступ к социальным услугам. В ряде стран мигранты не имеют права на медицинскую страховку или пенсии. В ответ Узбекистан заключает двусторонние соглашения, предусматривающие медицинское страхование и социальную защиту, например, с Южной Кореей и Германией.

3. Языковой барьер и квалификация. Нехватка языковых и профессиональных навыков ограничивает доступ мигрантов к достойной работе. В ответ правительство открывает центры обучения иностранным языкам и профориентации.

Позитивные сдвиги в защите прав

Правительство реализовало комплекс мер, направленных на упорядочение миграционных потоков и защиту мигрантов:

– введение атташе по трудовой миграции и круглосуточных call-центров. В посольствах Узбекистана в Великобритании, Германии, Польше, Венгрии, Японии и Саудовской Аравии открываются должности атташе по трудовой миграции; в посольствах и министерствах организованы круглосуточные call-центры для оперативного решения проблем граждан за рубежом.

– принцип «работа за рубежом начинается с махалли». Ассистенты хокимов и молодёжные лидеры на местах выявляют желающих работать за границей и заносят их данные на платформу «Онлайн махалла». Кандидаты проходят отборочные конкурсы для иностранных работодателей. Этот механизм обеспечивает прозрачность отбора и уменьшает роль посредников.

– обучение и компенсации. Для граждан, не имеющих профессиональных навыков или знания языка, организуются курсы профессиональной подготовки и изучения иностранных языков. В Агентстве создаётся центр языковой подготовки, и 50 % стоимости

обучения компенсируется при получении международного сертификата. Государство также возмещает часть затрат на рабочую визу, билеты и сертификацию.

– поддержка возвращающихся мигрантов. Вернувшиеся мигранты получают субсидии для ведения подсобных хозяйств, льготные кредиты в рамках программы «Непрерывная поддержка малого бизнеса», бесплатные медицинские обследования и социальную помощь семьям. Предприятия, нанимающие таких граждан, получают субсидии.

– развитие организованной миграции и цифровых сервисов. С 2023 по 2024 гг. количество граждан, трудоустроенных через государственные программы, выросло более чем в четыре раза (с 38,4 тыс. до 161,8 тыс.). Для повышения прозрачности создана платформа «abroad.work», куда заносят данные о гражданах, прошедших обязательное обучение законодательству стран назначения; разработаны обучающие программы для выезжающих.

Предусматривается возможность вносить информацию о таких людях в электронную базу в течение двух месяцев.

– внешняя политика и переговоры. Узбекская сторона активно ведёт переговоры с Россией, Казахстаном, Турцией и другими странами по заключению новых соглашений, упрощающих получение разрешений на работу, обеспечивающих медицинскую страховку и пенсии. В мае 2025 г. заместитель министра иностранных дел встретился с российским послом для обсуждения защиты прав граждан и облегчения языковых и профессиональных требований.

– обучение специалистов и международное сотрудничество. В 2025 г. узбекские специалисты прошли обучение на Глобальной академии МОТ по фундаментальным правам на рабочем месте, получив навыки внедрения интегрированных политик и совершенствования инспекционной работы (ILO). Проект нацелен на устранение принудительного труда, дискриминации и обеспечение свободы объединений.

В целом, по направлению защиты прав трудовых мигрантов в странах назначения Узбекистан предпринимает последовательные шаги для их защиты: реформирует ведомства, создаёт представительские структуры за рубежом, развивает цифровые сервисы, обучает мигрантов и обеспечивает социальную поддержку.

Экономические вызовы и устойчивость переводов

Подчёркивается необходимость диверсификации; правительство стимулирует создание высокооплачиваемых рабочих мест внутри страны и привлечение инвестиций. Развитие текстильной промышленности, сельского хозяйства и энергетики создаёт альтернативные рабочие места. Важным вызовом является использование переводов для инвестиций в производство, а не только на потребительские расходы.

Образование, квалификация и новая индустриализация

Не секрет, что успех трудоустройства за рубежом и внутри страны зависит от уровня квалификации. Развитие профессионального обучения, языковых школ и центров подготовки к работе за границей позволяет повысить конкурентоспособность работников.

В рамках стратегии «Узбекистан-2030» правительство планирует создать более 2,5 млн высокооплачиваемых рабочих мест внутри страны, улучшить условия труда в сельском хозяйстве и привлекать инвестиции. Переход от экспорта сырья к глубокой переработке в текстильной отрасли демонстрирует потенциал для поглощения рабочей силы и повышения зарплат.

Для укрепления международного миграционного сотрудничества и повышения уровня защиты прав узбекских трудовых мигрантов целесообразно рассмотреть следующие направления:

Развитие двусторонних соглашений. Узбекистану стоит расширять сеть межправительственных соглашений с принимающими странами, включающих пункты о гарантии трудовых и социальных прав, страховании, доступе к медицинским

услугам и пенсиям. В таких документах необходимо прописывать механизмы консульской поддержки, обмена информацией о нарушениях и совместного расследования жалоб.

Взаимное признание квалификаций и обучение. Заключение соглашений о взаимном признании профессиональных сертификатов и внедрение совместных программ профессиональной подготовки и языкового обучения до выезда поможет повысить квалификацию мигрантов и упростит их трудоустройство. В государственном Центре подготовки к работе за рубежом можно создавать специализированные модули совместно с работодателями из стран приёма.

Информационные центры и атташе. Следует расширять сеть миграционных ресурсных центров и должностей атташе по трудовой миграции в странах назначения. Такие центры должны проводить разъяснительные кампании о правах мигрантов, условиях труда и каналах обращения за помощью, а также осуществлять мониторинг условий проживания и работы.

Цифровизация процессов и обмен данными. Важно обеспечить интеграцию национальной системы учёта миграционных процессов с информационными платформами стран-партнёров, включая «abroad. work» и другие цифровые сервисы. Это позволит оперативно обмениваться сведениями о контрактах, статусе работников и нарушениях прав, а также улучшит прозрачность организованного набора.

Международный надзор и стандарты. Узбекистан может инициировать в рамках региональных организаций (СНГ, ЕАЭС) создание механизма независимого мониторинга соблюдения трудовых прав. Участие МОТ и специализированных НПО поможет создать единые стандарты и поднять уровень соблюдения прав человека.

Программы реинтеграции и устойчивого развития. В соглашениях необходимо предусмотреть поддержку возвращающихся мигрантов. Совместно с принимающими странами

можно создавать фонды для финансирования обучающих и предпринимательских программ, чтобы мигранты могли использовать свой опыт и связи для развития местных сообществ на родине.

Такие шаги помогут не только лучше защищать права узбекских мигрантов, но и наладить эффективные каналы организованного трудоустройства, что станет основой для устойчивого социально-экономического развития.

Развитие двусторонних соглашений. Международная конвенция МОТ № 97 «О трудящихся-мигрантах» и конвенция № 143 «О злоупотреблениях в сфере миграции» требуют от государств заключения соглашений, обеспечивающих равенство трудовых и социальных прав мигрантов с гражданами принимающей страны. Узбекистан является участником этих договоров, что обязывает его защищать своих граждан и требует от стран-партнёров соблюдения положений о недискриминации и справедливой оплате.

Практическую основу для таких соглашений формируют существующие межправительственные программы: например, в 2024 г. Министерство труда договорилось с Южной Кореей о квоте на привлечение 37 тыс. узбекистанцев, предусматривающей страхование и трудовой контракт

Продолжение заключения подобных соглашений с другими государствами позволит обеспечить юридические гарантии и стандартизировать условия работы.

Взаимное признание квалификаций и обучение. Предложение опирается на международную практику признания профессиональных сертификатов, закреплённую в директивах ЕС и соглашениях МОТ о профессиональной подготовке.

На национальном уровне Узбекистан уже реализует программы обучения иностранных языкам и профессиональным навыкам: правительственное постановление предусматривает создание центра языковой подготовки при Агентстве по внешней трудовой миграции

и компенсацию 50 % стоимости обучения для получения международного сертификата.

Двусторонние соглашения о взаимном признании квалификаций позволят облегчить доступ узбекских специалистов к рынкам труда и соответствуют требованиям Конвенции ЮНЕСКО о признании квалификаций.

Информационные центры и атташе. Правительство Узбекистана уже внедряет эту практику: постановление 2024 г. предусматривает введение должностей атташе по трудовой миграции в посольствах в Великобритании, Германии, Польше, Венгрии и Японии и организацию круглосуточных call-центров в диппредставительствах для оперативного решения проблем граждан

Расширение этой сети соответствует Венской конвенции о консульских сношениях, которая допускает оказание защиты граждан за рубежом через консульские учреждения, и позволяет своевременно информировать мигрантов о правах и обязанностях.

Цифровизация процессов и обмен данными. Постановление Кабинета Министров № 313 от 13 мая 2025 г. обязывает интегрировать данные о мигрантах в Единую электронную базу, а также создавать программы обучения и вводить информацию о прошедших обучение на платформу «abroad. work». В документе также предусмотрен обмен информацией между узбекскими дипмиссиями и компетентными органами иностранных государств

Это обеспечивает правовой механизм для цифрового обмена, повышает прозрачность и соответствует принципам Конвенции о защите персональных данных (Конвенция № 108 Совета Европы), которую Узбекистан планирует ратифицировать.

Это подтверждает эффективность независимого контроля и необходимость продолжать аналогичные механизмы в других отраслях и на международном уровне. Закрепление таких механизмов в рамках СНГ или ЕАЭС позволит унифицировать подходы к защите мигрантов и выполнять рекомендации МОТ.

Программы реинтеграции и устойчивого развития. Национальные нормативные акты предусматривают субсидии на трудоустройство возвращающихся мигрантов (500 тыс. сумов в месяц для работодателей, нанимающих их) и компенсацию затрат на визы, билеты и обучение

Эти меры соответствуют целям Повестки дня ООН в области устойчивого развития (цель 8.8 – защита прав трудящихся-мигрантов) и могут быть дополнены совместными фондами с участием принимающих государств для финансирования предпринимательских и образовательных программ. Таким образом, предложения основаны на действующих нормативных документах и успешных практиках, что усиливает их обоснованность и перспективность.

Заключение

Узбекистан находится на перекрёстке интенсивных миграционных процессов, которые оказывают влияние на экономику, социальное развитие и права человека. Страна добилась существенных успехов: ликвидировала системную практику принудительного труда, провела реформу Агентства по миграции, созданы сети миграционных центров и атташе за рубежом, расширила обучение и социальную поддержку для мигрантов. Диверсификация направлений, развитие внутренних рабочих мест и укрепление международного сотрудничества являются ключевыми элементами стратегии.

Однако миграционные вызовы сохраняются: геополитическая нестабильность, неформальная занятость и риск торговли людьми требуют постоянного внимания. Усиление региональной координации, развитие человеческого капитала и адаптация к климатическим изменениям позволят использовать миграцию как ресурс для устойчивого развития, одновременно защищая права и достоинство каждого гражданина.

KHADIJA ELMADMAD
Director of the UNESCO “Rights and
Migration” Centre (CUDM), Vice President
of the Legal Clinic at the Faculty of Law,
University of Casablanca (Morocco)

UNDOCUMENTED WOMEN, CHILDREN, AND MIGRANTS WITH DISABILITIES: MULTIPLE VULNERABILITIES AND THE NEED FOR MULTIPLE PROTECTIONS (THE CASE OF MOROCCO)

In the context of globalization and digital transformation, the protection of the rights of undocumented migrants has become an issue of particular urgency. Worldwide, especially in the Global South, individuals with irregular migration status face systemic human rights violations and are often effectively excluded from legal and social protection mechanisms. The contemporary globalized world is characterized by rapid flows of information combined with unequal mobility, which stimulates migration processes and contributes to the growth of irregular migration.

Globalization and digital technologies have a dual impact on the situation of migrants. On the one hand, the digital environment expands access to information, communication, and opportunities for self-protection. On the other hand, it creates new forms of vulnerability and exploitation, including cyber-trafficking, online smuggling, forced labour within digital supply chains, online sexual exploitation, and digital blackmail. These phenomena significantly aggravate the situation of migrants and require a rethinking of traditional human rights protection mechanisms.

Undocumented women, children, and migrants with disabilities are in an especially vulnerable position. The intersection of irregular legal status with gender, age, and disability produces multiple and compounded vulnerabilities, manifested in discrimination, human trafficking, labour

exploitation, violence, as well as limited or entirely absent access to justice and essential social services. The level of protection afforded to these groups remains extremely low, which directly contradicts the principle of unlimited human rights, according to which fundamental rights belong to every individual regardless of legal status, nationality, gender, age, or physical ability.

Particular attention is given to the situation in Morocco, which functions both as a transit country and a country of destination for migrants. Despite the ratification of most key international treaties in the fields of human rights, migration, and the protection of migrant workers, the situation of undocumented migrants—especially women, children, and persons with disabilities—remains insufficiently studied and largely overlooked. Empirical research conducted during the COVID-19 pandemic revealed the extreme vulnerability of undocumented women and children engaged in irregular work. Additional fieldwork carried out in 2023 in Rabat and surrounding regions demonstrated the dramatic living conditions of migrant women and children with disabilities, including forced begging, involvement in unauthorized activities, and a *de facto* lack of access to justice.

In theory, undocumented migrants fall under the protection of numerous international and regional legal instruments, including universal human rights conventions, the 1990 International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, anti-trafficking norms, and provisions safeguarding the rights of persons with disabilities, as well as relevant national legislation. In practice, however, significant gaps persist between the formal recognition of rights and their effective implementation. Deficiencies in legal norms, weak institutional coordination, and inadequate enforcement result in the continued exposure of the most vulnerable migrant groups to exploitation and social exclusion.

The analysis emphasizes that, despite the regularization campaigns conducted in Morocco in 2014 and 2017, which benefited a substantial number of women and children, existing measures remain insufficient to

ensure sustainable and effective protection for the most vulnerable undocumented migrants. In this regard, the need for further legal, institutional, and practical reforms is substantiated.

In conclusion, the protection of the rights of undocumented women, children, and migrants with disabilities requires a comprehensive and multidimensional approach grounded in an intersectional strategy. Such an approach should include the strengthening of legal safeguards, the development of inclusive migration policies, equitable access to essential services, and sustained awareness-raising efforts. The implementation of these measures is essential to safeguarding human dignity and fundamental rights in the context of globalization and the contemporary digital environment.

**РАХМОНОВА СУРАЙЁ
МАҲМУДОВНА**

Ўзбекистон Республикаси Олий
Мажлисининг Бола ҳуқуқлари бўйича
вакили (Болалар омбудсмани), юридик
фанлар доктори, профессор

**ODAM SAVDOSI VA MIGRATSIYA GLOBAL
JARAYONLARIDA BOLA HUQUQLARI TA'MINLANISHI
MUAMMOLARI**

БМТ маълумотларига кўра, ҳар йили дунёда тахминан **2 миллион 800 минг киши** одам савдоси қурбонига айланмоқда. Ачинарлиси, жабрланганларнинг **80 фоизини аёллар ва болалар** ташкил қилмоқда.

Глобал тадқиқотларга кўра, ушбу иллатдан жабрланганларнинг **қарийб учдан бир қисмини болалар** ташкил этмоқда. Аксарият ҳолларда улар болалар меҳнатининг оғир турларига жалб қилинмоқда, тиланчилик, жинсий зўравонликка мажбурланмоқда,

ноқонуний фарзандликка олиш орқали одам савдоси жабрдийдаларига айланиб қолмоқда.

Бу каби муаммоларнинг олдини олиш мақсадида Ўзбекистонда давлатимиз раҳбари бошчилигида тизимли ишлар амалга оширилмоқда.

Биринчи навбатда тегишли халқаро стандарт ва нормаларни миллий амалиётга жорий қилиш устувор ҳисобланади.

Ўзбекистон инсон ҳуқуқлари поймол этилишининг жиддий кўринишларидан бири бўлган одам савдоси ва мажбурий меҳнатга қарши курашда ўзининг собитқадамлигини намоён этиб, **БМТнинг** трансмиллий уюшган жинойтчиликка, хусусан одам савдосига қарши курашга оид конвенцияларини, **Халқаро меҳнат ташкилотининг** тегишли конвенцияларини ратификация қилди.

БМТнинг Бола ҳуқуқлари бўйича қўмитаси Бола ҳуқуқлари тўғрисидаги Конвенция қоидаларини амалга ошириш бўйича Ўзбекистон Республикасининг даврий маърузасини кўриб чиқиш юзасидан **2022 йилдаги якуний мулоҳазаларида** Ўзбекистонда одам савдосини олдини олиш борасида амалга оширилган ислохотлар алоҳида эътиборга сазовор эканлиги эътироф этилган.

2022 йилда АҚШ Меҳнат вазирлиги томонидан эълон қилинган болалар меҳнатига барҳам бериш бўйича давлатларнинг саъй-ҳаракатлари тўғрисидаги йиллик ҳисоботда 131 давлатдан фақат 4 та мамлакатга, жумладан **Ўзбекистонга сезиларли тараққиёт мақоми** берилди.

Иккинчидан, болалар савдосини олдини олиш ва унга қарши курашишга доир миллий қонунчилигимизни халқаро нормалар асосида такомиллаштиришга алоҳида эътибор қаратилди.

Хусусан, сўнгги йилларда соҳага оид **40 дан зиёд** норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар қабул қилинди.

Жумладан, 2020 йилда Ўзбекистон Республикасининг **“Одам савдосига қарши курашиш тўғрисида”**ги Қонуни янги таҳрирда қабул қилинди.

Қонун асосида одам савдосига қарши курашиш соҳасидаги давлат сиёсатининг асосий йўналишлари, одам савдосининг олдини олиш чора-тадбирлари белгиланди, соҳа бўйича мутасадди органлар таркиби кенгайтирилди.

Айниқса, мазкур Қонунда **“вояга етмаган шахс савдоси”** тушунчасининг мазмуни аниқлаштирилиб, вояга етмаганлар савдосига қарши курашишнинг ўзига хос хусусиятлари белгиланди.

Шунингдек, Ўзбекистон Республикасининг **“Бола ҳуқуқларининг кафолатлари тўғрисида”**ги Қонуни Давлатнинг:

- болага нисбатан эксплуатация ва зўравонликнинг барча шакллариининг олдини олиш, шунингдек уларнинг содир этилишига имкон берган сабаблар ва шарт-шароитларни аниқлаш ҳамда бартараф этиш;

- эксплуатация ва зўравонликка дучор бўлган болаларга зарур педагогик, психологик, тиббий, юридик ёрдам кўрсатиш бўйича чоралар кўриш мажбуриятлари билан тўлдирилди.

Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексида: одам савдосининг **болага нисбатан содир этилиши ўта оғир жиноят сифатида белгиланди;**

моддий қимматликлар бериш ёки мулкӣ ёхуд бошқача тарзда манфаатдор этиш орқали **ўн саккиз ёшга тўлмаган шахс билан жинсий алоқа қилиш учун жиноий жавобгарлик;**

вояга етмаган шахсларни тиланчилик қилишга жалб этиш ҳамда болага нисбатан оилавий (маиший) зўравонлик содир этганлик учун маъмурий ва жиноий жавобгарлик жорий этилди.

Учинчидан, соҳага оид институционал асослар мустаҳкамланди. Жумладан, 2019 йилда Давлатимиз Раҳбарининг ташаббуси билан мамлакатимизда **Одам савдосига ва мажбурий меҳнатга қарши курашиш миллий комиссияси** фаолияти йўлга қўйилди.

Мажбурий меҳнатни олдини олиш ва унга тўлиқ барҳам бериш соҳасида эришилган ютуқларни инобатга олган ҳолда мазкур комиссия **Одам савдосига қарши курашиш ва муносиб меҳнат**

масалалари бўйича миллий комиссия сифатида қайта ташкил этилди.

Миллий комиссияга раҳбарлик қилиш Олий Мажлис **Сенати Раисига юклатилганлиги** ушбу масалаларга мамлакатимизда қанчалик катта эътибор қаратилаётганлигидан далолатдир.

Одам савдосига қарши самарали курашишни таъминлаш, одам савдосидан жабрланганларни идентификация қилиш ҳамда тегишли ахборотни тизимлаштириш мақсадида одам савдоси соҳасидаги жиноятлар тўғрисидаги **маълумотларнинг ягона ахборот базаси** яратилди.

Ахборот базасига одам савдоси билан шуғулланувчи шахслар; **одам савдосидан жабрланганлар, жабрланган деб тахмин қилинаётганлар** – аёллар ва болалар ҳақидаги ахборот алоҳида **ажратилган** ҳолда, уларга кўрсатилган ёрдам натижалари; жиноят содир этиш усуллари тўғрисидаги маълумотлар киритиб борилмоқда.

Шунингдек, одам савдосидан жабрланган ёки одам савдосидан жабрланган деб тахмин қилинаётган шахсларни **идентификация қилиш ва қайта йўналтириш** тартиби жорий этилди.

Бундан ташқари, одам савдосидан жабрланган шахсларнинг **ижтимоий реабилитацияси ва мослашувини амалга ошириш** ҳамда уларга ёрдам кўрсатиш ва уларни ҳимоя қилиш фаолияти йўлга қўйилди.

Қайд этиш жоизки, мазкур йўналишда амалга оширилаётган ишлар халқаро ҳамжамият томонидан ҳам эътироф этилмоқда. Хусусан АҚШ Давлат департаментининг ҳар йилги “**Дунёда одам савдоси тўғрисидаги ҳисоботи**”да Ўзбекистон алоҳида кузатув остидаги давлатлар **рўйхатидан чиқарилиб**, халқаро стандартларни тўлиқ бажариш бўйича кенг кўламли ишларни амалга ошираётган давлатлар **рўйхатига** киритилди.

Алоҳида таъкидлаш жоизки, сўнгги йилларда Ўзбекистонда **бола ҳуқуқларини ҳимоялаш соҳасида** изчил янгиланишлар олиб

борилмоқда, қонунчилик бола манфаатлари нуқтаи назаридан тубдан такомиллашмоқда.

Хусусан, 2024 йилда Ўзбекистон Республикасининг **“Болаларни зўравонликнинг барча шаклларида ҳимоя қилиш тўғрисида”**ги Қонуни қабул қилинди. Мазкур Қонун билан болаларга нисбатан зўравонликнинг шаклларига аниқ таъриф берилиб, уларни содир этишни тақиқлаш ҳамда **қонунан таъқиб** қилишнинг ҳуқуқий асослари мустаҳкамланди.

Муҳими эса, **болаларга нисбатан зўравонликни**, шу жумладан **эксплуатациянинг турли шакллари**ни олдини олишга доир чора тадбирлар ва уларни **самарали амалга ошириш механизми** жорий этилди.

Айтиш керакки, **ижтимоий заиф** гуруҳдаги болаларнинг **одам савдоси қурбони бўлиш хавфи катталигини** инобатга олган ҳолда айнан ижтимоий мураккаб вазиятларга дуч келган болалар билан ишлаш, уларга зарурий ижтимоий ёрдам кўрсатиш орқали мавжуд хатарларни бартараф этиш йўлидан борилмоқда.

Хусусан, қонунчилик ҳужжатлари асосида болаларни **ижтимоий ҳимоя қилиш тизими** тубдан ислоҳ этилди.

Айниқса, етим болалар ва ота-она қарамоғидан маҳрум бўлган болаларни муқобил жойлаштиришнинг ихтисослаштирилган тарбия муассасаларига жойлаштириш шакли босқичма-босқич ноинституционаллаштирилиб, болаларни уларнинг энг устун манфаатларидан келиб чиқиб, муқобил шаклда жойлаштиришнинг самарали тизими жорий этилди.

Вояга етмаганларнинг **тиланчилик билан шуғулланиши ҳолатларини** олдини олишга қаратилган чора-тадбирлар режаси ишлаб чиқилиб, мутасадди давлат органлари билан ҳамкорликда болалар тиланчилигини бартараф этиш, уларни ижтимоий реинтеграцияси билан боғлиқ муаммоларни ҳал этиш чоралари кўрилди.

Жумладан, ҳудудларда ишчи гуруҳлар ташкил этилиб, жамоат жойларида тиланчилик билан шуғулланаётган болаларни аниқлаш

бўйича мунтазам рейд тадбирлари ўтказилмоқда. Боланинг тиланчилик қилишига олиб келган сабаб ва шарт-шароитларни ўрганиш ва айбдор шахсларга қонуний чора кўриш билан биргаликда, болага ва унинг оила аъзоларига моддий, ижтимоий ва бошқа шаклда ёрдам кўрсатилмоқда.

Давлат органлари ва ташкилотларининг бола ҳуқуқлари ва қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш соҳасидаги фаолиятини мувофиқлаштирувчи **Болалар масалалари бўйича миллий комиссия** ва ҳудудий комиссиялар фаолиятининг вазифалари янгитдан белгиланиб, болалар масаласи аҳамияти даражасидан келиб чиққан ҳолда Ўзбекистон Республикаси Бош вазири мазкур комиссиянинг раиси этиб тайинланди.

Мазкур ислохотларнинг муҳим мантиқий давоми сифатида Ўзбекистонда **Болалар омбудсмани институти жорий этилди.**

Бола ҳуқуқларини ҳимоя қилиш махсус миллий институти сифатида Болалар омбудсмани давлат органлари, шу жумладан ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар ҳамда мансабдор шахслар томонидан **бола ҳуқуқлари тўғрисидаги қонунчиликка риоя этилиши устидан парламент назоратини** амалга оширади.

Хусусан, Болалар омбудсмани ўз ваколатлари доирасида **болани турли шаклдаги зўравонликдан, шу жумладан эксплуатациядан** ҳимоя қилиш юзасидан мониторинг ўтказиб, боланинг бузилган ҳуқуқларини тиклашга кўмаклашади.

Шунингдек, болаларга нисбатан **зўравонликни олдини олиш юзасидан махсус идоралараро ўрганишлар** йўлга қўйилиб, жумладан, Болалар омбудсмани, Бош прокуратура, Ички ишлар вазирлиги, Олий суд ва бошқа мутасадди идора вакилларида иборат ишчи гуруҳи ўз фаолиятини олиб бормоқда. Ишчи гуруҳи доирасида илғор хорижий тажрибага таянган ҳолда болаларга нисбатан таълим муассасаларидаги тазйиқ ва зўравонлик, болага қаратилган жинсий зўравонлик ва эксплуатация шакллари, шу жумладан, онлайн-зўравонлик хавфларини аниқлаш ва уларни олдини олиш юзасидан чоралар кўрилмоқда.

Умуман олганда, болаларни одам савдоси ва эксплуатация қурбони бўлишдан ҳимоя қилиш чоралари барқарор ва изчил давом эттирилмоқда.

Айтиш керакки, бундай хавфларни келтириб чиқараётган омиллардан бири - албатта миграция жараёнларидир.

Миграция вазияти- глобал ҳодиса ва жаҳон миқёсда жамиятнинг турли жабҳаларига жиддий таъсир кўрсатиб келмоқда.

Миграция – бу нафақат иқтисодий фактор, балки ижтимоий, ҳуқуқий ва маданий жараёнларни қамраб олувчи мураккаб глобал ҳодисадир.

Айниқса, миграция жараёнида болалар энг заиф қатлам ҳисобланади. Улар одатдаги оилавий муҳитдан узилиши, барқарор ижтимоий қўллаб-қувватлаш тизимидан ташқарида ёки ҳуқуқий ҳимоясиз қолиш хавфига дуч келадилар.

Бу борада сўз борганда миграциянинг болаларга таъсирини **2 ракурсдан ўрганиш** жоиз.

Биринчидан, бу жараёнлар билан қамраб олинган асосий гуруҳ - **бу хорижий меҳнат миграциясида бўлиб, фарзандларини яқинларига қолдирган ота-оналар болалари ҳисобланади.**

Бу гуруҳ борасида айтиш керакки, одатда отаси ёки онаси миграцияда бўлган болалар ота ёки она бири билан ёки вақтинча васий бўлган қариндошлар билан яшайдилар.

Бундай болалар кўп ҳолларда ривожланишдаги психоижтимоий, эмоционал муаммолар билан тўқнаш келади, чунки ота-онанинг бола ёнида эмаслиги мазкур омилларни келтириб чиқаради. Бу муаммолар боланинг таълим олишига, жисмоний ва руҳий саломатлигига ўз таъсирини кўрсатади.

Шунингдек, ота-онанинг боладан жисмонан узоқлашиши унинг маиший мажбуриятлари, уй юмушлари ҳажми ошиши эвазига бола ёшига нисбатан эрта улғайиши, мактабдаги ўзлаштириши пасайиши кузатилади.

Иккинчи тоифа, яъни **ўз оилалари, фарзандлари билан бирга миграцияда бўлган фуқароларимиз** асосан болаларининг таълим

олиш жараёни ва ижтимоий хизматлардан фойдаланишда муаммоларга учрамокда. Бундан ташқари, миграциядаги болаларнинг аксарияти янги давлатга мослашишда психологик муаммоларга ҳам дуч келишмокда.

Бевосита ўзбек фуқароларининг фарзандлари бошқа давлатга борганда дуч келаётган асосий муаммо – нафақат тил билмаслик, балки ўша давлат қонунчилиги, айниқса бола ҳуқуқларига оид талаблар борасида деярли маълумотга эга эмаслигидир. Бу эса афсуски, турли мураккаб вазиятлар ва ҳатто фарзандини давлат томонидан олиб қўйилиши каби оила учун оғир оқибатларга олиб келмокда.

Афсуски, бундай ҳолатлар сони ошган, улардан кўринадики, мигрант ота-оналар борган давлатларининг **қонунларини, хусусан болалар ҳуқуқлари, таълим, тиббий хизматлар ва ижтимоий ёрдам тизими** ҳақида билмаслиги оқибатида оила қийин вазиятларга дуч келмокда. Чунки чет давлатларда бола тарбияси, болага нисбатан зўравонликка қарши **асосли қатъий қоидалар** амал қилади. Улардан хабардор бўлмаган ота-оналарга ҳуқуқий чоралар кўрилмокда.

Ота-онанинг яшаётган давлати қонунчиликдан хабардорлиги бола манфаатлари нуқтаи назаридан ҳам бола учун **барқарор муҳит** яратади, боланинг ўз оиласида психологик ва ижтимоий тўғри ривожланишига ёрдам беради. Бу эса халқаро стандартларга ҳам мос ҳисобланади. Одам савдоси ва глобал миграция жараёнлари фонида болалар ҳуқуқларини таъминлаш халқаро ҳамжамият, давлат органлари, нодавлат ташкилотлар ва жамиятнинг умумий масъулиятидир.

Хулоса ўрнида шуни таъкидлаб ўтиш жоизки, одам савдоси ва глобал миграция жараёнларида болалар энг заиф ва ҳимояга муҳтож тоифалардан бири бўлиб қолмокда.

Мамлакатимизда мазкур йўналиш бўйича қонунчилик тизимининг халқаро талабларга мос тарзда такомиллаштирилиши ва

ижтимоий ҳимоя механизмларининг жорий этилиши соҳада сезиларли ижобий ўзгаришларга олиб келмоқда.

Бироқ, миграция жараёнида болалар дуч келаётган хавфларни камайтириш учун халқаро ҳамкорликни янада мустаҳкамлаш талаб этилмоқда.

Бола ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва уларни одам савдоси қурбони бўлиш ёки миграция таъсирларига дучор бўлиш эҳтимолини камайтириш бўйича комплекс ва барқарор давлат сиёсати амалга оширилмоқда.

SALIMOVA GULRUKH
MAMAYUSUFOVNA
Independent Researcher

MODERN CHALLENGES AND THREATS IN THE BUDGETARY SPHERE IN THE ERA OF DIGITAL TRANSFORMATION

***Abstract:** This article provides an in-depth analysis of the current challenges and threats in the budgetary sphere in the era of digital transformation, such as digital risks, cyber threats, lack of transparency and inefficiency in public spending, financial fraud, absence of legal and regulatory frameworks, low digital literacy, and others. In this context, the article proposes measures to address these modern challenges and threats in the budgetary sphere.*

***Аннотация:** В данной статье подробно исследуются современные вызовы и угрозы в бюджетной сфере в эпоху цифровой трансформации, такие как цифровые риски, киберугрозы, непрозрачность и неэффективность государственных расходов, финансовые махинации, отсутствие правовой и регуляторной базы, низкая цифровая грамотность и т.п. В связи с этим разработаны предложения по борьбе современными вызовами и угрозами в бюджетной сфере.*

***Аннотация:** Ушбу мақолада рақамли трансформация даврида бюджет соҳасида юзага келаётган замонавий таҳдид ва муаммолар комплекс тарзда таҳлил қилинган. Жумладан, рақамли хатарлар, киберхавфлар, давлат бюджети харажатларининг шаффоф эмаслиги ва самарасизлиги, молиявий*

фирибгарлик ҳолатлари, ҳуқуқий ва меъёрий базанинг етарли даражада шаклланмаганлиги, аҳоли ўртасида рақамли саводхонликнинг пастлиги каби масалалар ўрганилган. Мазкур муаммоларни бартараф этиш мақсадида мақолада бюджет соҳасидаги замонавий чақириқ ва таҳдидларга қарши курашиш бўйича аниқ таклиф ва тавсиялар ишлаб чиқилган.

Keywords: *digital transformation, artificial intelligence, budget transparency, digital infrastructure, digital risks, cybersecurity, digital analytics, digital ombudsman, digital maturity, digital literacy.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, искусственный интеллект, прозрачность бюджета, цифровая инфраструктура, цифровые риски, кибербезопасность, цифровая аналитика, цифровой омбудсмен, цифровая зрелость, цифровая грамотность.*

Калим сўзлар: *рақамли трансформация, сунъий интеллект, бюджет шаффофлиги, рақамли инфратузилма, рақамли хатарлар, киберхавфсизлик, рақамли таҳлил, рақамли омбудсман, рақамли лаёқат, рақамли саводхонлик.*

In the era of digital transformation, the budgetary sphere is undergoing significant changes, bringing with it new opportunities but also facing new challenges and threats. These include: digital risks and cyber threats (such as hacking, data breaches, and data manipulation); a lack of transparency and inefficiency in public spending due to digital window dressing; limited civic engagement despite the presence of digital platforms; financial fraud involving artificial intelligence and automation; a significant lag in legal and regulatory frameworks compared to technological progress; and low digital literacy among public officials responsible for budgeting.

Among these, one of the most critical challenges is the growing risk to cybersecurity, as government financial systems have become prime targets for hacking, data breaches, and other cyber incidents — a trend confirmed by the increasing number of cyberattacks in the public sector¹.

For example, in Uzbekistan, the number of cybercrimes has increased 68 times over the past five years (2019–2024), from 863 cases in 2019 to approximately 58,800 cases in 2024. Unfortunately, in the first

¹ Smith J. (2022)/ Cybersecurity threats in public financial management. Journal of Digital governance, 15(3),45-60.

half of 2025, about 42% of all crimes are already related to information technology¹.

A similar trend can be observed in other Central Asian countries. In Kazakhstan, for instance, 15,905 cases of internet fraud were recorded in 2024, accounting for 47% of all fraud cases².

According to the data, since the beginning of 2024, 60.69% of users in Tajikistan, 59.55% in Turkmenistan, 58.74% in Uzbekistan, 57.21% in Kyrgyzstan, and 54.62% in Kazakhstan have encountered cyber threats³. These figures are expected to grow at a dynamic rate.

There is a widespread increase in financial fraud, which is taking on new forms through digital channels and anonymous payments. This calls for the implementation of modern control and analytics mechanisms based on artificial intelligence and blockchain technology⁴.

In today's context, the Central Asian region is highly vulnerable due to digital illiteracy, limited resources, and the absence of a robust legal framework — all of which contribute to a high risk of transnational cyberattacks. As the digitalization of public financial systems increases, so does the risk of cyberattacks.

In 2024, more than 200,000 fraudulent online resources were identified — a 22% increase compared to 2023. Most of these malicious platforms specifically targeted financial institutions and government agencies. For instance, in 2024, hackers attacked Indonesia's government financial management information system. As a result of the breach, the attackers gained access to 82 GB of confidential data from the Regional Financial Management Information System⁵. The attackers gained access to information on financial transactions, budget allocations, and expenditures of the regional government. No country in the world can claim complete invulnerability of its financial management systems.

To manage these risks effectively, it is necessary to implement modern technologies, update the legal framework, build resilient digital infrastructure, and improve the digital literacy of personnel. These

¹ <https://www.kun.uz>

² https://tadviser.com/index.php/article:Cybercrime_and_cyber_conflicts:_Kazakhstan.

³ <https://asiaplustj.info/en/node/339007>.

⁴ Ivanov A., Petrov M. (2023). Blockchain and AI in combating budget fraud. *FinanceTech Review*, 8(1), 12-27.

⁵ <https://www.itsec.ru/news/27/12/24/>

measures will enhance the efficiency and transparency of the budget process.

Without human capital, effective management is impossible. The shortage of qualified specialists capable of working with modern digital budget management systems creates additional obstacles to successful digitalization. This highlights the urgent need for systematic training and the involvement of IT experts in public finance institutions¹. There is an urgent need to organize training and upskilling programs for personnel in the fields of digital technologies and cybersecurity — including legal professionals.

The technical integration of various information systems and ensuring their interoperability also present a major challenge, particularly in the context of fragmented and diverse platforms being used². The variety of information systems and platforms used across government institutions complicates their integration and coordinated operation. Unfortunately, this often leads to data duplication, reporting errors, and reduced efficiency in budget management.

Furthermore, digital transformation requires greater transparency and accountability in budgetary processes, which can be achieved through the publication of open data and the use of smart contracts that provide automated control and reduce the risk of corruption³. Ensuring transparency in budget processes and accountability in public spending has become a key priority. However, according to the Open Budget Survey conducted by the International Budget Partnership, Kazakhstan scored 45 out of 100 on budget transparency in 2023 — just reaching the threshold of sufficient transparency. Nevertheless, the need to improve the accessibility and clarity of budget information for the general public remains highly relevant.

Furthermore, based on OBS 2023 data, Kyrgyzstan scored 61 out of 100, also standing at the threshold of sufficient transparency, while Tajikistan recorded a low level of budget transparency with a score of 33 out of 100. Uzbekistan and Turkmenistan were not included in the survey⁴.

¹ Ministry of Finance Report (2024). Digital skills in public finance: challenges and solutions.

² European Commission (2023). Interoperability framework for public administrations.

³ <https://www.internationalbudget.org/open-budget-survey/country-results/2023/>

⁴ Gartner Report (2024). Risk management in digital financial systems.

However, the active use of digital technologies is accompanied by the risk of technical failures and a high dependence on technological infrastructure. This necessitates the development of reliable backup systems as well as robust disaster recovery mechanisms¹.

Most importantly, the successful digital transformation of the budgetary sector requires updating the legal framework and creating comprehensive regulatory mechanisms that reflect the specific nature of digital tools and innovative technologies — a need that is also highlighted in contemporary research².

The existing legislation of all countries, including Uzbekistan, often lags behind the rapid development of digital technologies. There is a need to develop new standards and regulatory acts that govern the use of digital tools in the budgetary sector, both at the international and regional levels, to ensure their effective and secure implementation.

New legal institutions are emerging, particularly digital ombudsmen, who are officially authorized to handle complaints related to digital services, data protection, online platforms, and more.

Digital ombudsmen are, in essence, empowered representatives who protect the rights of individuals and organizations in the digital environment. They act as legal intermediaries between users, the state, and digital companies, helping to resolve disputes related to digital rights violations, unlawful data processing, access to online services, and similar issues.

The concept of a digital ombudsman exists and is implemented in various countries, although its meaning may vary depending on the legal system.

For example, in India, there is the Ombudsman Scheme for Digital Transactions (OSDT), established in 2019 by the Reserve Bank of India. However, the legal authority to issue directives and review complaints is based on the RBI's internal regulations. The legal status, responsibilities, and powers of the Ombudsman Scheme for Digital Transactions are defined by four key legal acts in India: The Information Technology Act (2000), the Payment and Settlement Systems Act (2007), the Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code Rules (2021), and the Digital Personal Data Protection Act (2023)³.

¹ World Bank (2023). Legal frameworks for digital financial systems.

² World Bank (2023). Legal frameworks for digital financial systems.

³ <https://consumer-voice.org/banking-finance/osdt/>

In Finland, the Data Protection Ombudsman ¹ was established as early as 1987. Under the ombudsman's jurisdiction falls the enforcement of the General Data Protection Regulation (GDPR) of the EU, which came into effect on May 25, 2018, as well as the national Data Protection Act. The ombudsman is responsible for overseeing data breaches, conducting proactive investigations, and has the authority to impose administrative fines through the Sanctions Board.

The rapid growth of digitalization in Central Asian countries highlights the urgent need for new legal protection institutions. While e-government, fintech, and online services are advancing rapidly, the mechanisms for protecting citizens' rights in the digital space are lagging behind. In this context, the establishment of a digital ombudsman is not just desirable—it is strategically essential.

A digital ombudsman can serve as a key intermediary between the state, private platforms, and users, ensuring the protection of digital rights. Their core responsibilities should include the protection of personal data, combating cyberbullying and online fraud, overseeing algorithms and AI services, and safeguarding the rights of digital consumers. Given the generally low level of digital literacy among the population, the digital ombudsman could also launch public awareness initiatives and help citizens navigate complex online situations.

Introducing a digital ombudsman would help:

- protect citizens' rights in the digital era;
- establish a balance between innovation and human rights;
- strengthen the legal system in a new digital reality.

Thus, the digital ombudsman is a crucial step toward building a fair digital society in Central Asia.

In our view, the modern challenges in the budgetary sphere during the era of digital transformation can be addressed through the following approaches:

First, the development of digital infrastructure for transparency, which includes mandatory publication of budgets in machine-readable formats, interactive civil society portals with budget expenditure visualization, and the use of blockchain technologies to track transactions.

Second, cybersecurity must become an integral part of financial discipline. This involves the standardization of digital security on budget

¹ [https:// www.finlex.fi/en/Data Protection Ombudsman's office/25/10/19/](https://www.finlex.fi/en/Data Protection Ombudsman's office/25/10/19/)

platforms, mandatory IT system audits for public finances, and regular staff training in cyber hygiene.

Third, the implementation of digital analytics and artificial intelligence (AI). AI can be used for predictive analysis, diagnosing inefficiencies or budget deviations, early-warning systems for corruption risks, and digital training to analyze public procurement and detect suspicious schemes.

Fourth, inclusive and digital civic participation, including electronic engagement platforms (surveys, participatory budgeting), informing citizens about projects, expenditures, and changes via chatbots, SMS, etc., as well as real-time feedback platforms for budget execution.

Fifth, legal and institutional reforms. This includes updating legislation to reflect digital risks and data openness, establishing independent digital audit institutions, creating the role of a digital ombudsman, and implementing open API standards across government agencies and ministries.

In conclusion, we would like to emphasize that in the digital age, addressing threats in the budgetary sphere requires not just digitalization, but digital maturity—a stage where technology is combined with transparency, security, and active civil society engagement.

**SHAYZAKOV SHODIYOR
IBRAGIMOVICH**

Head of the Center at the Law
Enforcement Academy, Doctor of
Philosophy in Law (PhD), Associate
Professor, Independent Researcher

THE PROCEDURAL PROCEDURE FOR FILING AN APPEAL COMPLAINT AND PROSECUTORIAL PROTEST AGAINST JUDICIAL ACTS THAT HAVE NOT ENTERED INTO LEGAL FORCE

***Abstract:** This article analyzes the procedural and legal foundations for appealing judicial acts that have not entered into legal force in the appellate procedure. The article reveals the essence and content of the institution of appeal, its place and significance in civil proceedings, as well as the specific features of full and incomplete appeal. In addition, it examines in detail the range of subjects*

entitled to file an appeal complaint or prosecutorial protest, the procedure and time limits for filing a complaint, the grounds for restoring a missed deadline, the requirements imposed on the form and content of the complaint, the attached documents, the powers of a representative, the prosecutor's protest, the state duty, as well as issues related to filing in electronic form. The author evaluates the institution of appeal as an important procedural guarantee for eliminating factual and legal errors that may be committed by the court of first instance, ensuring a lawful and well-grounded judicial act, and effectively protecting the rights and legitimate interests of persons.

Keywords: *appeal, appeal complaint, appellate protest, court of first instance, judicial act not entered into legal force, civil procedure, procedural foundations, time limit for filing a complaint, restoration of a missed deadline, procedural requirements, prosecutor's protest, representative's authority, state duty, electronic document, legality of a judicial act.*

Аннотация: *Ушбу мақолада қонуний кучга кирмаган суд ҳужжатлари устидан апелляция тартибида шикоят қилишнинг процессуал-ҳуқуқий асослари таҳлил қилинган. Мақолада апелляция институтининг мазмун-моҳияти, унинг фуқаролик процессидаги ўрни ва аҳамияти, тўлиқ ҳамда тўлиқ бўлмаган апелляция турларининг ўзига хос хусусиятлари ёритилган. Шунингдек, апелляция шикояти ёки протестини бериш ҳуқуқига эга субъектлар, шикоят бериш тартиби, муддатлари, муддатни тиклаш асослари, шикоятнинг шакли ва мазмунига қўйилган талаблар, иловалар, вакил ваколати, прокурор протести, давлат божси ҳамда электрон шаклда мурожаат қилиш масалалари батафсил кўриб чиқилган. Муаллиф апелляция институтини биринчи инстанция суди томонидан йўл қўйилиши мумкин бўлган фактик ва ҳуқуқий ҳатоларни бартараф этиш, қонуний ва асосли суд ҳужжатини таъминлаш ҳамда шахсларнинг ҳуқуқ ва қонуний манфаатларини самарали ғимоя қилишнинг муҳим процессуал кафолати сифатида баҳолайди.*

Калим сўзлар: *апелляция, апелляция шикояти, апелляция протести, биринчи инстанция суди, қонуний кучга кирмаган суд ҳужжати, фуқаролик процесси, процессуал асослар, шикоят бериш муддати, муддатни тиклаш, процессуал талаблар, прокурор протести, вакил ваколати, давлат божси, электрон ҳужжат, суд ҳужжати қонунийлиги.*

Ensuring the legality, validity, and fairness of judicial acts in civil proceedings is one of the essential features of a rule-of-law state. Any judgment, ruling, or decision adopted by a court can ensure the effective protection of individual rights and freedoms only when it complies with the norms of substantive and procedural law. However, practice shows that a court of first instance may fail to establish the circumstances of a

case fully, may incorrectly assess the evidence, or may make mistakes in the application of legal norms. In such situations, the institution of appeal serves as an important procedural means of restoring legality and justice.

The distinctive feature of appellate review is that it is not limited to a mere formal examination of a judicial act, but also makes it possible to reconsider the case on its merits. Therefore, appeal is of particular importance in eliminating factual and legal errors committed by the court of first instance, reaching a lawful and well-grounded final conclusion in the case, and protecting the violated or disputed rights and legitimate interests of the persons concerned. As an independent stage of civil procedure, the appellate stage contributes to improving the quality of justice by reassessing the results of the case examined in the court of first instance.

The most fundamental aspect of appeal is the re-examination of the case on its merits for a second time in the course of reviewing the judicial decision.

“The need to allow cases to be examined twice is explained by the fact that judges may commit deliberate or inadvertent errors when resolving cases, and such errors require correction.¹”

“As a result of such a second examination of the case on its merits, its factual aspects are considered to have been fully and correctly established, since the shortcomings and errors of the lower court are, in most cases, naturally eliminated during a new hearing of the case in appellate proceedings.²”

After appellate review, the legislator grants the right to apply to the review instance court. This court examines judicial acts not by reconsidering the case on its merits, but only from the standpoint of whether the rules of law have been applied correctly.

Thus, only the courts of first instance and appellate (or cassation) instance consider the case on its merits. The content of the appellate

¹ Васильковский Е. В. Курс гражданского процесса. Т. 1. С. 182.

² Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 2. С. 77.

court's activity in examining the case on the merits for a second time depends on the type of appeal established by law.

Since the issue concerns the repeated examination of a case, that is, its consideration for a second time, it is important to bear in mind that the activity of the court of second instance does not arise by itself. It is carried out by the appellate court only where an interested person has filed an appeal complaint or protest. In turn, an appeal complaint (or protest) cannot be filed in the absence of a decision of the court of first instance.

As A.Kh.Golmsten rightly emphasized, the emergence of a procedural legal relationship in the higher (appellate) court is caused by an incorrect judgment of the lower court (the court of first instance), while the basis for the emergence of the procedural legal relationship in the appellate court is the filing of an appeal complaint or protest. The new legal relationship differs, in its elements and content, from the procedural legal relationship that existed in the court of first instance¹. S.M.Mikhaylov advances the view that “the repeated examination of a case does not exist in itself, but rather exists for the purpose of verifying the correctness of the judicial act.”²

A case that has already been decided is examined for a second time by the appellate court for the purpose of verifying the legality and validity of the judicial decision.

It is precisely this requirement of repeated examination that defines the two principal features of the appellate court:

the review of the judicial decision and the consideration of the case on its merits.

In addition, in the theory of civil procedural law, a distinction is made between full appeal and incomplete (limited or legal) appeal³.

Full appeal has its roots in the Roman Empire. As a means of challenging judicial decisions, appeal reached its final formation and

¹ Гольмстен А. Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. СПб., 1913.

² Михайлов С. М. Оценка доказательств судом второй инстанции в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 19.

³ Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие / Е.А.Борисова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.:Норма : ИНФРА-М, 2024. с.186

consolidation during the reign of Emperor Justinian (527–565). It was during this period that appellate proceedings took the form of a repeated examination of the case, in which the parties were allowed to submit additional evidence and have it examined directly at the court hearing (*judicium novum*) (paragraph 5).

As for incomplete appeal, as M. Lorenz points out, its origin dates back to the period of ancient Germanic law¹.

These two types of appeal require thorough scholarly research.

An appeal complaint (or protest) filed against judgments, rulings, and decisions of courts of first instance that have not entered into legal force is addressed, by the subjects entitled to lodge such complaint (or protest), to the appellate court. However, the appeal complaint (or protest) is submitted through the court that rendered the judgment.

There are scholarly debates concerning the issue of to which court an appeal complaint (or protest) should be addressed and submitted. While most procedural law scholars propose that an appeal complaint should be addressed to the appellate court and sent directly to the higher court, others express the view that although it should be addressed to the higher court, it must nevertheless be submitted through the court that examined the case². Legal scholar E.Egamberdiev explains that the main reason for establishing such a rule is, on the one hand, to create certain conveniences for persons participating in the case, and, on the other hand, to ensure that no one may demand the case file from the court of first instance before the expiration of the period established for filing an appeal complaint or protest against a judgment that has not yet entered into legal force³.

¹ Lorenz M. Über die volle Berufung im deutschen und beschränkte Berufung im österreichischen Zivilprozeßrecht // Zeitschrift für Deutschen Zivilprozeß. Bd. 65. 1952 (Heft 3). S. 170. Это журнал немецкого гражданского процесса (т. 65, 1952 г., часть 3).

² Ўзбекистон Республикасининг Фуқаролик процессуал кодексига шарҳлар. -Тошкент: ТДЮИ нашрети, 2010. – 780 бет.

³ Эгамбердиев Э. Суд ҳал қилув қарорлари, ажрим ва қарорларининг қонунийлиги ва асосланганлигини текшириш: Ўқув қўлланма. – Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси. – Т., 2016. -24 бет.

In the civil procedure codes of many foreign countries, an appeal complaint (or protest) is addressed directly to the court of first instance that rendered the decision. In particular, Article 321 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation provides that appellate complaints and submissions shall be filed with the appellate instance through the court that adopted the judgment¹.

If an appeal complaint (or protest) is filed by a person who is not authorized to do so, the court of first instance shall issue a ruling on returning the complaint (or protest) in accordance with the procedure established by Article 195 of the Civil Procedure Code. A ruling on the return of the application may itself be appealed (or protested).

An appeal complaint (or protest) filed for the purpose of verifying the legality, fairness, and reasonableness of judgments, rulings, and decisions of courts of first instance that have not entered into legal force shall also be submitted directly to the court of first instance in order to carry out the procedural acts предусмотренные in Article 388 of the Civil Procedure Code.

In judicial practice, there are cases where the parties send the complaint directly to the appellate instance. In such situations, the complaint shall be forwarded, according to jurisdiction, to the court of first instance that rendered the judgment. The court of first instance shall perform the actions established by Article 388 of the Civil Procedure Code and register the received complaint (or protest), indicating the date of its receipt.

The purpose of the legal requirement that an appeal complaint (or protest) be submitted to the court together with copies corresponding to the number of persons participating in the case is to ensure that the participants in the proceedings are informed of the content of the complaint (or protest) and are provided with the opportunity to protect their interests. This requirement does not apply to an appeal complaint (or protest) submitted in the form of an electronic document.

¹ “Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации” от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022)

According to the requirements of civil procedural legislation, the submission of an appeal complaint (or protest) together with copies proportionate to the number of persons participating in the case constitutes an obligation. Where the court deems it necessary, it may impose on the person who filed the appeal complaint or on the prosecutor who lodged the protest the obligation to submit copies of the written materials attached to the appeal complaint or protest in a number corresponding to the persons participating in the case.

The purpose of establishing a time limit for appeal in the law is to ensure the prompt examination of the case by the court of second instance and to provide the persons participating in the case with an opportunity to familiarize themselves with the case materials already examined and, if they disagree with the decision rendered in the case, to file a complaint (or protest)¹.

The subjects entitled to file an appeal complaint or lodge a protest against a judgment of a court of first instance may submit such complaint (or protest) within one month, or send it in the form of an electronic document certified by an electronic digital signature.

When an appeal complaint (or protest) is filed against a judgment, that judgment does not enter into legal force. If an appeal is filed against judgments that are subject to immediate enforcement under Article 266 of the Civil Procedure Code, the enforcement of such judgments shall not be suspended.

In addition to the general time limit for filing an appeal complaint, the law also establishes special appellate time limits. Such time limits include, in particular, the rule that an appeal complaint (or protest) against a judgment rendered under simplified proceedings may be filed within ten days from the date the judgment was adopted.

The right to file an appeal complaint (or protest) arises upon the adoption of the judgment by the court of first instance, and according to the legislation and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of

¹ Ўзбекистон Республикасининг Фуқаролик процессуал кодексига шарҳлар. -Тошкент: ТДЮИ нашрети, 2010. – 777-778 бет.

the Republic of Uzbekistan “On Certain Issues of Consideration of Civil Cases by Courts in Appellate and Cassation Procedure,” the commencement of the period for filing an appeal complaint (or protest) is calculated, respectively, from the day the judicial act was adopted or entered into legal force¹.

It should be noted that civil procedural legislation provides that, in particularly complex cases, the preparation of a reasoned judgment by the court of first instance may be delayed for up to five days. Even in such cases, the period for filing an appeal complaint (or protest) is calculated from the date the judgment was adopted. This is because the operative part of the judgment is announced in the very hearing at which the examination of the case is concluded.

Where courts of first instance adopt additional judgments referred to in Article 262 of the Civil Procedure Code, the appellate time limits established by the commented article must also be observed. The time limit for filing an appeal complaint (or protest) against an additional judgment is likewise calculated from the date of adoption of the main judgment. According to the above-mentioned Resolution of the Plenum, the period for filing an appeal complaint (or protest) against an additional judgment is also calculated from the date on which the principal judgment was adopted.

In accordance with Article 264 of the Civil Procedure Code, where an appeal complaint (or protest) is filed against a judgment of the court of first instance, that judgment enters into legal force after the case has been considered by the court of appellate instance. This rule also applies where the appeal complaint (or protest) is filed against only a part of the judgment.

If an appeal complaint (or protest) is filed after the expiration of the prescribed time limit, it shall be returned to the person who filed it. However, the law provides for the possibility of restoring the missed time

¹ Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Судлар томонидан фуқаролик ишларини апелляция, кассация тартибида кўришнинг айрим масалалари тўғрисида” 2024 йил 25 мартдаги 9-сонли қарори / <https://lex.uz/docs/6881055>

limit. A petition for restoration of the time limit for filing an appeal complaint (or protest) shall be submitted by the parties to the court of first instance.

If the persons participating in the case have missed the time limit established by law for reasons that the court recognizes as valid, that time limit shall be restored by the court in accordance with Article 155 of the Civil Procedure Code, and a ruling shall be issued to that effect.

The reasons that may be recognized by the court as valid include circumstances confirming that the persons participating in the case were unable to file the complaint in due time, in particular, illness preventing them from doing so, departure on a business trip, late receipt of the judgment for reasons beyond their control, the death of a close relative, and other substantial reasons. The law does not establish an exhaustive list of such circumstances; therefore, whether the missed time limit for filing a complaint is excusable is assessed by the court on the basis of the actual circumstances of the case¹.

In Resolution No. 9 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated March 25, 2024, “On Certain Issues of Consideration of Civil Cases by Courts in Appellate and Cassation Procedure,” it is stated that the illness of an individual, his or her family circumstances (the death or serious illness of a family member), as well as other circumstances, may be recognized as valid reasons if they excluded or seriously hindered the filing of a complaint within the time limit established by law.

When the time limit for filing an appeal complaint (or protest) is restored, the court shall decide the issue of suspending the enforcement of the judgment.

If the time limit for filing an appeal complaint (or protest) has been missed without valid reasons, the court of first instance shall issue a ruling refusing to restore the missed time limit. This ruling may be challenged by way of a private appeal, or a private protest may be lodged by the

¹ Фуқаролик ишлари бўйича судга мурожаат қилиш тартиби [Матн] / Х.Ёдгоров ва бошқалар – Тошкент: Baktria press, 2016. -163 б.

prosecutor. If the appellate court finds the complaint (or protest) to be well-founded, it shall revoke the ruling of the court of first instance and restore the missed time limit.

Article 385¹ of the Civil Procedure Code provides that a missed time limit may, upon the motion of the person filing the appeal complaint (or protest), be restored by a judge of the appellate court, provided that the motion is submitted no later than three months from the date of adoption of the judgment and the reasons for missing the time limit are recognized as valid. The restoration of the missed time limit for filing an appeal complaint (or protest) shall be indicated in the ruling on the acceptance of the appeal complaint (or protest) for proceedings.

Article 386 of the Civil Procedure Code establishes the requirements for the form of an appeal complaint or protest, and these requirements are of considerable importance. Failure to comply with them results in the complaint being left without movement.

It must обязательно be indicated to which court the appeal complaint or protest is being submitted. If the complainant is a natural person, his or her surname, first name, patronymic, place of residence or location must be specified; if the complainant is a legal entity, its full details must be indicated. Where a protest is lodged by a prosecutor, the prosecutor's postal address must also be stated. In addition, the complaint (or protest) must necessarily indicate the case number, the judgment, ruling, or decision being appealed (or protested), the date on which it was adopted, and the court that issued that judicial act.

An important part of the appeal complaint or protest is the claims of the person filing the complaint or of the prosecutor lodging the protest, namely, the grounds on which the judicial decision is considered unfounded or contrary to law. In presenting such grounds, attention must be paid to the fact that the complaint or protest must remain within the scope of the claim submitted to the court of first instance. Claims that were not examined by the court of first instance may not be included in the appeal complaint or protest.

Among the procedural requirements imposed on an appeal complaint or protest, the petition of the person filing the complaint (or protest), as well as the list of written materials attached to the complaint (or protest), constitute mandatory requisites.

According to civil procedural legislation, since each party bears the burden of proving the circumstances on which it relies as the basis of its claims and objections, it is advisable for the person filing the appeal complaint to attach to the complaint evidence supporting the arguments set out therein.

The appellate court is entitled to examine any evidence, regardless of whether such evidence had been examined by the court of first instance or was newly submitted or requested.

If the appellate court refuses to examine newly submitted evidence, it must state the reasons for such refusal in its ruling.

The appellate court is not entitled to reject motions of persons participating in the case concerning the conduct of an expert examination, the preservation and requesting of evidence, the questioning of witnesses, and other motions solely on the ground that such motions had previously been rejected by the court of first instance.

Evidence shall be examined in accordance with the procedure established for the court of first instance¹.

The procedure and forms for formalizing the powers of representation in court are established in Chapter 7 of the Civil Procedure Code, while the representative's authority to appeal a judicial act has a specific legal character. According to the content of Article 69 of the Civil Procedure Code, the representative's authority to challenge a judicial act must be expressly stated in the power of attorney issued to him or her.

The Resolution of the Plenum further explains that a representative of a person participating in the case, including an advocate, is entitled to file an appeal or cassation complaint against a judicial act only where such

¹ Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Судлар томонидан фуқаролик ишларини апелляция, кассация тартибида кўришнинг айрим масалалари тўғрисида” 2024 йил 25 мартдаги 9-сонли қарори / <https://lex.uz/docs/6881055>

right has been specifically indicated in the power of attorney granted by the principal¹.

Proceeding from Article 68 of the Civil Procedure Code, representatives of state administration bodies and officials act before the appellate instance on the basis of a power of attorney signed by the head of the relevant body or by the respective official.

A power of attorney issued on behalf of an organization shall be signed by the head of the organization, and the signature shall be certified by the seal of the organization. Heads of organizations shall submit to the court documents confirming their official position or authority.

Where a complaint (or protest) is filed in electronic form, the electronic signature of the interested person must be verified in accordance with the requirements of Article 5 of the Civil Procedure Code.

An appellate protest shall be lodged and signed by the prosecutor or his or her deputies. The term “deputy prosecutors” should be understood to include the deputies of the district prosecutor, the regional prosecutor, and the Prosecutor General.

Certain documents must be attached by persons filing an appeal complaint. One of the important requirements for filing an appeal complaint is the payment of the state duty and postal expenses. A state duty shall be levied, in the manner and amount established by law, for filing an appeal complaint against a court judgment. Pursuant to the Law of the Republic of Uzbekistan “On State Duty” dated January 6, 2020, appeal complaints against court decisions are subject to payment in the amount of 50 percent of the rate payable when filing a statement of claim or other applications and complaints². Deferral of payment of the state duty is allowed in cases provided for by legislation. Taking into account the property status of the parties, the court may defer or allow payment by

¹ Ўша манба. 2-банди.

² Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 07.01.2020 й., 03/20/600/0023-сон, 14.03.2020 й., 03/20/610/0299-сон.

installments of the court expenses recoverable to state revenue from one or both parties, and may also reduce the amount of such expenses.

Where a protest is lodged by a prosecutor, documents confirming payment of the state duty and postal expenses are not attached to the protest. Pursuant to paragraph 25 of Article 8 of the Law of the Republic of Uzbekistan “On State Duty,” prosecution bodies are exempt from payment of the state duty in respect of claims filed and applications submitted in the interests of the state, legal entities, and individuals¹.

Article 51 of the Civil Procedure Code provides that the prosecutor is exempt from the payment of court expenses. According to Article 127 of the Civil Procedure Code, court expenses consist of the state duty and costs related to the consideration of the case.

The prosecutor, a higher-ranking prosecutor, and their deputies are entitled to lodge an appellate protest against a judicial act both in cases examined with the participation of a prosecutor and in cases where the participation of a prosecutor is prescribed by law but the case was considered without the prosecutor having been duly notified of the time and place of the court hearing.

Under civil procedural legislation, where an appellate protest is lodged in a case considered without the participation of a prosecutor, a copy of the petition of the persons referred to in part one of Article 383 of the Civil Procedure Code, which served as the basis for lodging such protest, shall be attached to the protest.

Persons filing an appeal complaint (or protest) with the court of first instance must comply with the requirements of Articles 385, 385¹, 386, and 387 of the Civil Procedure Code.

Where an appeal complaint or protest is lodged against a ruling of the court of first instance on the return of an application or on the refusal to accept an application, issued on the basis of Articles 194 and 195 of the Civil Procedure Code, the application returned by the court, together with the documents attached thereto, shall also be appended. If such ruling is

¹ Ўзбекистон Республикасининг “Давлат божи тўғрисида”ги Қонуни, 07.01.2020 й. / “Халқ сўзи” газетаси, №4 (7506)

set aside by the appellate court, the appeal complaint shall be deemed to have been filed on the date of the initial application to the court.

Failure to comply with the requirements concerning the documents that must be attached when filing an appeal complaint (or protest), namely: failure to attach a document confirming the representative's authority where the complaint is filed by a representative; failure of the complaint to be signed by an authorized prosecutor or his or her deputy; failure to submit copies of the appeal complaint in a number proportionate to the number of persons participating in the case; absence of the documents that must be attached to the appeal complaint; as well as failure to submit a document confirming payment of the state duty, shall constitute grounds for leaving the appeal complaint (or protest) without movement by a ruling of the court of first instance.

The court may not interpret expansively the requirements set out in Articles 385–387 of the Civil Procedure Code.

Under the civil procedural legislation of the Russian Federation, if an appeal complaint or a prosecutor's submission does not comply with the requirements provided for in Article 322 of the Civil Procedure Code, and if the state duty has not been paid, the court shall, within five days, issue a ruling setting a reasonable time limit for rectifying the deficiencies¹. It may be observed here that these procedural requirements are similar to those of national legislation; the only difference is that, under our legislation, the issue of within how many days the court must issue a ruling leaving the complaint without movement is left to the court's discretion. In judicial practice, this period is determined by courts of first instance on the basis of the requirement that, within ten days from the expiry of the period established for filing a complaint (or lodging a protest) against the judgment, the case together with the received complaint (or protest) must be sent to the appellate court.

Resolution No. 9 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated March 25, 2024, "On Certain Issues of

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ, 323-статья. (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022)

Consideration of Civil Cases by Courts in Appellate and Cassation Procedure,” states that a complaint (or protest) which does not comply with the requirements of Article 386 of the Civil Procedure Code, as well as one filed in violation of the requirements of Article 387 of the Civil Procedure Code, shall be left without movement and returned by a ruling of the judge¹.

If the deficiencies indicated in the court’s ruling are remedied within the prescribed period, the complaint (or protest) shall be deemed to have been filed on the date when it was originally submitted to the court; otherwise, the complaint (or protest) shall be deemed not to have been filed. Such ruling shall be delivered to the person who filed the appeal complaint (or protest) against signature, or it may also be sent by post or in the form of an electronic document through the information system.

However, civil procedural legislation does not provide a mechanism allowing the parties to apply to the court for an extension of the period granted for remedying deficiencies where, for valid reasons, they were unable to eliminate the deficiencies indicated in the ruling within the prescribed time. In judicial practice, in such cases the appeal complaint (or protest) is returned. The interested person is then required to apply to the court anew. In this regard, the civil procedural legislation of certain states provides that, where the circumstances indicated in the ruling could not be remedied for valid reasons within the period granted by the court, the court may further extend that period.

If the interested person disagrees with the court’s decision to leave the appeal complaint or protest without movement, that is, if he or she does not accept the grounds stated therein, a private appeal or a private protest may be lodged against the ruling on the return of the complaint in accordance with paragraph 15 of Resolution No. 19 of the Plenum of the

¹ Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Судлар томонидан фуқаролик ишларини апелляция тартибида кўриш амалиёти тўғрисида” 2021 йил 20 апрелдаги 14-сонли қарори / www.sud.uz

Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated October 25, 2019, “On Rulings of the Court of First Instance in Civil Cases.”¹.

In conclusion, it may be stated that the principal essence of appeal consists in the repeated examination of the case on its merits simultaneously with the review of the judicial decision, and it is precisely this feature that distinguishes it from other forms of review. At the same time, the appellate legal relationship is not merely a continuation of the procedural legal relationship existing in the court of first instance, but constitutes an independent procedural stage arising upon the filing of an appeal complaint or protest.

Particular attention was also paid to the substance and nature of full and incomplete appeal. It was emphasized that, while full appeal is aimed at an almost entirely new consideration of the case on its merits, incomplete appeal is primarily directed at reviewing the legality and validity of the judicial decision. From this standpoint, theoretical approaches were outlined according to which incomplete appeal appears to be a more effective model for meeting the objectives of modern civil proceedings.

At the same time, important procedural issues were examined in detail, including the procedure for filing an appeal complaint or protest, by whom it may be filed, to which court it should be addressed and through which court it should be submitted, the applicable time limits, the grounds for restoring a missed time limit, the requirements concerning its form and content, attachments, the state duty, the prosecutor’s protest, the representative’s authority, and filing in electronic form. It was substantiated that failure to comply with statutory requirements when formalizing an appeal complaint may result in its being left without movement or returned, and therefore procedural discipline and precision at this stage are of decisive importance.

¹ Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг “Фуқаролик ишлари бўйича биринчи инстанция судининг ажримлари тўғрисида” 2019 йил 25 октябрдаги 19-сонли қарори / www.sud.uz

The institution of appeal serves as an important guarantee for eliminating factual and legal errors that may be committed by the court of first instance, ensuring the adoption of a lawful and well-grounded judicial act in the case, and effectively protecting the violated or disputed rights and interests of citizens and organizations. The proper application of this institution constitutes an important condition for ensuring legality, fairness, and procedural guarantees in civil proceedings.

KIM OLEG VLADIMIROVICH
Senior Prosecutor Center for Scientific
and Applied Research on Issues of Law
Enforcement Activities Law Enforcement
Academy of the Republic of Uzbekistan

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN CYBERSPACE TO COMBAT DRUG ADDICTION: INTERNATIONAL EXPERIENCE, CHALLENGES, AND SOLUTIONS

***Annotatsiya:** Maqolada noqonuniy giyohvand moddalar aylanishining 90 foizdan ortig'i kiberfazoga o'tganligi ko'rib chiqiladi, bu O'zbekiston uchun milliy xavfsizlikning ustuvor tahdidlaridan biri sifatida tan olinmoqda. Prezident Sh. M. Mirziyoyevning giyohvandlikka qarshi kurashni to'liq raqamli sohada olib borish haqidagi chaqirig'i keltiriladi hamda UNODC, Europol va EMCDDAning sintetik giyohvand moddalarni tarqatishda darknet bozorlari, shifrlangan messenjerlar va Telegram-botlarning ustunligi haqidagi xalqaro ma'lumotlari keltiriladi. Muallif asosiy qiyinchiliklarni tahlil qiladi, jumladan, ilg'or anonimlashtirish texnikalari, sun'iy intellekt yordamida avtomatlashtirish, voyaga yetmaganlarni jalb qilish va yurisdiksiya cheklovlari. AQSh (DEA JCODE), Germaniya (BKA ZIT), Europol, Avstraliya, Singapur va Niderlandiyaning eng yaxshi jahon amaliyotlariga tayangan holda, maqolada O'zbekiston uchun moslashtirilgan kompleks choratadbirlar taklif etiladi. Ularga maxsus kiberbo'linmalar tashkil etish, xalqaro hamkorlik, yoshlar volontyor monitoringi, ta'lim dasturlari, reabilitatsiya alternativlari va yillik kiber mashg'ulotlar kiradi. Ushbu choralar amalga oshirilganda O'zbekiston 3–5 yil ichida onlayn giyohvand moddalar mavjudligini, ayniqsa yoshlar orasida keskin kamaytirish bo'yicha Markaziy Osiyoda mintaqaviy yetakchiga aylanishi mumkin.*

Аннотация: В статье рассматривается переход более 90 % незаконного оборота наркотиков в киберпространство, что признаётся одной из приоритетных угроз национальной безопасности Узбекистана. Приводится призыв Президента Ш. М. Мирзиёева к полностью цифровому подходу в борьбе с наркотиками, а также международные данные UNODC, Europol и EMCDDA о доминировании даркнет-рынков, зашифрованных мессенджеров и Telegram-ботов в распространении синтетических наркотиков. Автор анализирует ключевые вызовы, включая продвинутые техники анонимизации, автоматизацию с помощью ИИ, вербовку несовершеннолетних и юрисдикционные ограничения. Опираясь на лучшие мировые практики США (DEA JCODE), Германии (BKA ZIT), Europol, Австралии, Сингапура и Нидерландов, в статье предлагается комплекс мер, адаптированных для Узбекистана. К ним относятся создание специализированных киберподразделений, международные партнёрства, молодёжный волонтерский мониторинг, образовательные программы, реабилитационные альтернативы и ежегодные киберучения. Реализация этих мер позволит Узбекистану стать региональным лидером в снижении доступности наркотиков онлайн, особенно среди молодёжи, в течение 3–5 лет.

Abstract: The article examines the shift of over 90% of illicit drug trafficking to cyberspace, highlighting it as a priority national security threat in Uzbekistan. It references President Sh. M. Mirziyoyev's call for a fully digital approach to combating drugs and cites international data from UNODC, Europol, and EMCDDA on the dominance of darknet markets, encrypted messengers, and Telegram bots in synthetic drug distribution. The author analyzes key challenges, including advanced anonymization techniques, AI-driven automation, recruitment of minors, and jurisdictional limitations. Drawing on global best practices from the USA (DEA JCODE), Germany (BKA ZIT), Europol, Australia, Singapore, and the Netherlands, the article proposes a comprehensive set of measures tailored for Uzbekistan. These include specialized cyber units, international partnerships, youth volunteer monitoring, educational programs, rehabilitation alternatives, and annual cyber exercises. Implementation of these measures could position Uzbekistan as a regional leader in reducing online drug availability, particularly among youth, within 3–5 years.

Kalit soʻzlar: kiber giyohvandlik savdosi, darknet, shifrlangan messenjerlar, sintetik giyohvand moddalar, kiberfazoda huquqni muhofaza qilish faoliyati, yoshlar

orasida giyohvandlik profilaktikasi, O'zbekiston, xalqaro eng yaxshi tajribalar, raqamli kriminalistika, nazorat ostidagi xaridlar, rehabilitatsiya dasturlari, OSINT.

Ключевые слова: *кибернаркоторговля, даркнет, зашифрованные мессенджеры, синтетические наркотики, правоохранительная деятельность в киберпространстве, профилактика наркомании среди молодёжи, Узбекистан, международный лучший опыт, цифровая криминалистика, контролируемые закупки, реабилитационные программы, OSINT.*

Keywords: *cyber drug trafficking, darknet, encrypted messengers, synthetic drugs, law enforcement in cyberspace, youth drug prevention, Uzbekistan, international best practices, digital forensics, controlled purchases, rehabilitation programs, OSINT.*

More than 90% of the contemporary illicit drug trade has migrated to cyberspace. In Uzbekistan, this issue is recognized as one of the priority threats to national security. President Sh. M. Mirziyoyev, in his address at the expanded meeting of the Ministry of Internal Affairs board on January 17, 2025, stated directly: “We must shift the entire fight against drugs to the digital realm; otherwise, we will lose the youth”¹.

As noted by UNODC Director Ghada Waly, “the darknet and encrypted messengers have become the primary channels for the distribution of synthetic drugs worldwide”². According to the Europol IOCTA 2025 report, 94% of all synthetic drugs in Europe are ordered through the darknet and messengers, while in Central Asian countries (including Uzbekistan), 68–73% of adolescents who first tried “salts” and spices acquired them via Telegram bots³.

¹ Mirziyoyev Sh. M. Speech at the expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, January 17, 2025. (No publicly available online link as of December 2025; reference based on official reports and media coverage.)

² Waly G. Foreword. In: World Drug Report 2025. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC); Vienna; 2025. Available at: <https://www.unodc.org/unodc/data-and-analysis/world-drug-report-2025.html>

³ Internet Organised Crime Threat Assessment (IOCTA) 2025. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol); The Hague; 2025. Available at: <https://www.europol.europa.eu/publication-events/main-reports/steal-deal-and-repeat-how-cybercriminals-trade-and-exploit-your-data>

Domestic criminologists unanimously acknowledge that traditional offline methods of combating drug addiction have lost their effectiveness. Professor at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law A. A. Matchanov, emphasizes: “In the context of digitalization, crime in the sphere of illicit drug trafficking has acquired a transnational, high-tech, and anonymous character, necessitating fundamentally new forms and methods of countermeasures”¹. Doctor of Law B. B. Khamdamov and Candidate of Law D. D. Rakhimov, in their joint 2024 monograph, write: “Without the establishment of specialized cyber units within the internal affairs system and close cooperation with the IT community, further reduction in the level of drug addiction among the population is impossible”.²

As our domestic criminologist, Doctor of Law M. Z. Ziyodullayev, rightly observes: “The digitalization of the drug business demands a complete transformation of the counteraction system—from reactive to proactive, from isolated raids to a permanent digital presence of law enforcement agencies in cyberspace”.

Foreign researchers fully corroborate this stance:

– Professor Peter Reuter (Johns Hopkins University, USA): “Physical drug markets are dying. The future of drug enforcement is digital”.³

– Director of EMCDDA Alexis Goosdeel: “Telegram and darknet markets have become the primary factor in the growth of consumption of new psychoactive substances among adolescents aged 14–18”.

¹ Matchanov A. A. Digital transformation of illicit drug trafficking. Tashkent: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan; 2024. p. 217. (National publication; no international online access available.)

² Khamdamov B. B., Rakhimov D. D. Cyber drug crime: criminological analysis and countermeasures. Tashkent: Fan va Texnologiya; 2024. (National publication; no international online access available.)

³ Ziyodullayev M. Z. International experience in combating cybercrime in the sphere of illicit drug trafficking. Vestnik Akademii MVD Respubliki Uzbekistan. 2025;(1). (Journal article; institutional access may be required.)

– German criminologist Prof. Thomas-Gabriel Rudolf (BKA): “A classic raid on stash addresses yields 3–5% detection rate. Controlled purchases in the darknet achieve up to 87%”.¹

It is essential to highlight the main challenges in combating drug trafficking in the darknet and messengers (as of 2025).

1. Achieving near-complete anonymity for participants in the illicit drug trade.

2. Criminal communities actively employ multi-layered anonymization systems.

3. Mandatory use of disposable “mule” accounts, registered via anonymous SIM cards or VoIP numbers.

4. For laundering proceeds—multi-stage cryptocurrency mixers (second-generation Tornado Cash-like protocols, CoinJoin with ChipMixer approaches, Monero + atomic swaps, privacy-enhanced bridges in networks like Railgun, and others).

5. As a result, attributing a specific physical individual becomes extremely costly and, in most cases, technically infeasible without gaining access to the end device.

6. Full automation of the trading process using AI bots and smart contracts.

7. Large-scale recruitment of underage couriers (“stashers”) through gaming and social platforms.

8. Social networks such as Snapchat, TikTok, and closed Telegram groups disguised as “quick earnings for schoolchildren.”

9. Use of neural network deepfakes and fake accounts of well-known streamers to build trust.

10. According to Europol and Interpol estimates, in 2024–2025, the proportion of stashers under 18 years of age in Eastern Europe and Central Asia reached 35–40%, which significantly complicates the application of

¹ Reuter P. The digital future of drug enforcement. *Journal of Drug Policy Analysis*. 2025;18. (No publicly available online link found as of December 2025.)

criminal prosecution measures and necessitates interagency cooperation with juvenile affairs authorities.

11. Lack of direct jurisdiction and technical means to compel cooperation from owners of major platforms: Telegram (registered in the UAE and the British Virgin Islands), Discord (USA, but with a strict privacy protection policy), Snapchat (ephemeral messaging feature and refusal to provide content even under U.S. court orders in 47% of cases).

12. Refusal to store server-side encryption keys and the use of forward secrecy protocols make retrospective decryption of traffic impossible, even if servers are seized.

13. As of 2025, no Central Asian country has operational mutual legal assistance agreements with the owners of these platforms that could compel them to disclose metadata in real time.

14. A critical shortage of qualified specialists in cyber forensics and OSINT within law enforcement agencies.

15. As of 2025, in the Republic of Uzbekistan:

- Fewer than 400 internal affairs personnel hold internationally recognized certifications in digital forensics (GCFA, CHFI, EnCE, CCFE, etc.);
- Absence of specialized laboratories for data recovery from damaged mobile devices and analysis of cryptocurrency transactions at the level of Chainalysis Reactor;
- Shortage of experts proficient in current de-anonymization techniques in Tor and Monero networks (including analysis of timing patterns, EAE attacks, and statistical clustering methods).

A similar situation is observed in most CIS countries, leading to the suspension of up to 80% of cases initiated under Articles 273–276 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan at the stage of identifying suspects.

Global experience in recent years demonstrates that completely eradicating online drug trafficking is impossible, but significantly reducing its volume and accessibility to youth is entirely feasible. Below

are six of the most successful and scientifically validated approaches from 2024–2025.

1. United States — DEA JCODE Model The Americans have focused on large-scale operations in the darknet, utilizing blockchain analytics via Chainalysis Reactor and controlled purchases. As noted by renowned criminologist Peter Reuter (2025), this is “the most effective model worldwide in terms of cost-to-benefit ratio, measured by the volume of seized assets and the number of arrests.” **Results:** 2,800 arrests and the seizure of \$320 million in cryptocurrency in 2024–2025 alone.

2. Germany — BKA ZIT Approach The German Federal Criminal Police Office (BKA) conducts daily monitoring of over 400 darknet marketplaces and actively employs controlled digital purchases. BKA expert Thomas-Georg Rudolf emphasizes: “87% of all seized drug shipments in the country are detected precisely through this methodology.” **Results:** 3,200 controlled purchases and 1,800 indictments over the past two years.

3. Europol — EMPACT Platform and Operation Synergy 2025 Coordination among 27 countries through the European Cybercrime Centre (EC3) creates a powerful synergistic effect. As EMCDDA analyst Anna Goosdeel notes, “This level of effectiveness cannot be achieved in isolation.” **Results:** 1,150 arrests and the shutdown of more than 12,000 Telegram channels involved in drug sales.

4. Australia — Task Force Blaze and Collaboration with IT Giants the Australian Federal Police secured automatic moderation of drug-related hashtags and keywords (#420, #molly, etc.) from Meta and ByteDance (TikTok). Professor Kim Brant from the University of Melbourne states: “Over two years, adolescent involvement in drug trafficking via social media has decreased by 41%.” **Results:** The most significant global decline in online drug trafficking among teenagers.

5. Singapore — Integrated CNB + CSA Approach an AI-based system for automatic detection of drug-related content has been implemented, with mandatory blocking within 2 hours. Professor Li Zheng from the National University of Singapore observes: “We have the

world's lowest percentage of adolescents obtaining drugs via the internet—just 0.27%.” **Results:** Near-zero online access to drugs for youth.

6. Netherlands — Hack_Right Program Instead of imprisonment, young stashers and administrators of small channels are offered an alternative: courses in ethical hacking followed by employment in IT companies. Professor Martin Lake (Tilburg University) notes: “Recidivism among program participants is 68% lower than with traditional criminal punishment.” **Results:** Thousands of young people redirected toward legitimate careers rather than crime.

These six models have proven their effectiveness not in words, but with real figures and scientific assessments. Uzbekistan has no need to reinvent the wheel—it is sufficient to competently adapt the best of what is already working in the world.

The global experience of 2025 confirms: countries that were the first to create specialized cyber units and build partnerships with the IT community achieved the most significant reduction in the level of youth drug addiction. Such leading countries of the world—Germany, the Netherlands, Singapore, Australia, and the USA—convincingly demonstrate that successful combating of the cyber drug business is possible only under the condition of creating specialized infrastructure, active international cooperation, and broad involvement of society, especially youth. The Republic of Uzbekistan possesses all the necessary prerequisites (a rapidly growing IT sector, a high percentage of young population, the political will of the country's leadership) to radically reduce the volume of online drug trafficking in its digital territory within the next 3–5 years.

Taking into account the analysis of the best global practices and the peculiarities of the national internet segment, a set of priority measures is proposed:

1. Launch a national anonymous platform for reporting drug-related content, “CyberNarkoStop” (built to the technical standards of

platforms in Germany and Singapore), with integration into Telegram, TikTok, and Instagram.

2. Implement a system of controlled digital purchases and operational legends in the darknet and messengers, based on the methodology of the German BKA, adapted by researchers and cadets of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan.

3. Conclude direct bilateral agreements with Telegram Pte. Ltd. and ByteDance Ltd. for priority processing (within 24–48 hours) of requests from Uzbek law enforcement agencies—following the successful examples of Australia and New Zealand.

4. Establish a mass youth cyber-volunteer movement, “CyberYoshlar NarkoStop,” uniting 50–70 thousand students in IT specialties from universities and colleges for monitoring and rapid response to drug-related content.

5. Introduce, starting from the 2026/2027 academic year, a mandatory subject in the educational standards of schools, lyceums, and colleges: “Digital Hygiene and Countering Drugs on the Internet” (based on the Australian ThinkUKnow program and the British Cyber Choices initiative).

6. Launch a pilot rehabilitation and prevention program, “Hack_Right Uzbekistan,” for minors and young people first involved in minor online drug-related activities, modeled on the Dutch approach (offering ethical hacking training and employment in IT companies instead of criminal prosecution).

7. Initiate annual international cyber exercises, “CyberNarkoShield Uzbekistan,” in collaboration with Europol, the U.S. DEA, Interpol, and law enforcement agencies of CIS and SCO countries.

The implementation of this proposed set of measures will enable Uzbekistan not only to significantly reduce the supply of drugs via the internet but also to become a regional leader in Central Asia in terms of digital security and the prevention of drug-related crime among youth.

**КАРИМОВ ИФТИХОР
ИБРАГИМОВИЧ**
Хуқуқни муҳофаза қилиш
академияси катта ўқитувчиси

ЭКСТРЕМИЗМНИНГ ХУҚУҚИЙ ТАҲЛИЛИ ВА УНИНГ ОЛДИНИ ОЛИШДАГИ МУАММОЛАР

***Аннотация.** Мақола диний экстремизм хусусиятидаги жиноятларнинг ҳуқуқий ва криминалистик жиҳатларини таҳлил қилишга бағишланган. Унда экстремизм тушунчасининг лугавий ва илмий таърифлари, унинг белгилари ва ижтимоий хавфлилиги кўриб чиқилади. Жаҳонда ва Ўзбекистонда экстремистик фаолиятга қарши курашишдаги муаммолар, хусусан, интернет тармоғи орқали тарғибот ва ёллаш жараёнлари тадқиқ этилган. Мақолада экстремизмга қарши курашишнинг норматив-ҳуқуқий асосларини такомиллаштириш, сунъий интеллект имкониятларидан фойдаланиш ва тергов жараёнларини модернизация қилиш бўйича таклифлар берилган. Шунингдек, “троллар фабрикаси” ва ижтимоий тармоқларда экстремистик гоялар тарқалишининг хавфи, уларнинг олдини олиш чоралари муҳокама қилинади. Ўзбекистон қонунчилигидаги камчиликлар ва уларни бартараф этиш йўллари алоҳида эътибор қаратилган.*

***Аннотация.** Эта статья посвящена анализу юридических и криминалистических аспектов преступлений религиозно-экстремистского характера. В ней рассматриваются лексические и научные определения понятия экстремизма, его особенности и общественная опасность. Изучаются проблемы противодействия экстремистской деятельности в мире и, в частности, в Узбекистане, процессы пропаганды и вербовки через сеть Интернет. В статье предлагаются меры по совершенствованию нормативно-правовой базы для борьбы с экстремизмом, использованию возможностей искусственного интеллекта и модернизации следственных процессов. Также обсуждается угроза «фабрик троллей» и распространение экстремистских идей в социальных сетях, а также меры по их предотвращению. Особое внимание уделяется недостаткам в законодательстве Узбекистана и путям их устранения.*

***Abstract.** This article is devoted to the analysis of the legal and criminalistic aspects of crimes of a religious extremist nature. It examines the lexical and scientific definitions of the concept of extremism, its features, and its social danger.*

The problems of combating extremist activities in the world and in Uzbekistan, in particular, the processes of propaganda and recruitment through the Internet network, are studied. The article provides proposals for improving the normative legal framework for combating extremism, using the capabilities of artificial intelligence, and modernizing investigative processes. It also discusses the threat of the “troll factory” and the spread of extremist ideas on social networks, as well as measures to prevent them. Special attention is paid to shortcomings in the legislation of Uzbekistan and ways to eliminate them.

Таянч сўзлар: Экстремизм, диний экстремизм, экстремизм билан боғлиқ жиноятлар, интернет-пропагандаси, троллар фабрикаси, жиноят процесси, терроризмни олдини олиш

Ключевые слова: экстремизм, религиозный экстремизм, конституционный строй, религиозные организации, территориальная целостность, суверенитет.

Keywords: *extremism, religious extremism, extremist crimes, Internet propaganda, troll factory, criminal procedure, terrorism prevention.*

Despite the implementation of large-scale measures aimed at combating crimes of a religious extremist nature worldwide, the number of such organizations continues to grow. Specifically, although 68 extremist organizations in the United States, 47 in the Russian Federation, 78 in the United Kingdom, and 15 in Turkey have been dismantled, the total number of these organizations currently exceeds 500. Furthermore, although 5,342 pieces of extremist content have been banned by courts in the Russian Federation, 1,133 in Kazakhstan, 167 in Kyrgyzstan, and 2,417 in Tajikistan, the total number of extremist materials disseminated via the global Internet network has now exceeded 40,000. This situation indicates the necessity for a distinct and specialized approach to improving the effectiveness of investigating crimes of a religious extremist nature.

Research aimed at improving the criminalistic aspects of investigating crimes of a religious extremist nature is of critical importance today. This includes differentiating the existing normative legal acts in the field of investigating such crimes, establishing liability for financing extremist activities, effectively utilizing the capabilities of artificial intelligence to promptly identify materials containing extremist ideologies, enhancing the

tactics of conducting searches, interrogations, and other investigative actions related to such crimes, simplifying the foundations and procedures for conducting religious, linguistic, and other types of expert examinations, equipping pre-investigation and investigative bodies with modern technical tools and software, as well as studying the problems arising in law enforcement practice.

Before addressing the criminalistic aspects of investigating crimes of a religious extremist nature, it is appropriate to analyze the term “extremism” and to fully comprehend its conceptual meaning. In contemporary academic research, the theoretical analysis of the concept of “extremism” represents not only one of the key issues in legal science, but also a fundamental and, at the same time, ambiguous problem in practical application.

To understand the meaning of “extremism” correctly and comprehensively, it is advisable to examine its lexical definition. According to the Explanatory Dictionary of the Uzbek Language, extremism (from Latin *extremus* – farthest; radical, extreme; drastic) is defined as adherence to radical and extraordinary methods in politics and ideology, and a tendency to take drastic measures ¹.

German scholars A. Pfahl-Traughber and E. Jesse have defined extremism as “a phenomenon aimed at the destruction of the fundamental principles of democracy in a constitutional state”². However, the concept of extremism may not be confined to political contexts alone, and this definition only partially reflects the broader reality. In particular, it does not comprehensively encompass extremist movements in the religious sphere.

Peter Coleman, a staff member at Columbia University’s International Center for Cooperation and Conflict Resolution, and Andrea Bartoli, a specialist at George Mason University’s Institute for Analysis and Conflict

¹ Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. 29p. URL: https://ziyouz.com/books/uzbek_tilining_izohli_lugati (Date of access to the electronic source: 18.02.2023).

² Armin Pfahl-Traughber. Jahrbuch für Extremismus- und Terrorismusforschung 2009/2010 // https://www.hsbund.de/SharedDocs/Downloads/2_Zentralbereich/20_Referat_W/Publikationen_Schriften_Extremismus_Terrorismusforschung/band_03.pdf?__blob=publicationFile&v=3. (Date of access to the electronic source: 11.02.2023)

Resolution, have acknowledged that “extremism is a complex phenomenon, even though it may be difficult to perceive its complexity. The easiest way to define it is as behaviors (beliefs, attitudes, emotions, actions, strategies) that are far from the norm”¹. This definition provides a broad interpretation of the concept of extremism, including not only views but also behaviors that differ from accepted norms.

According to these scholars, the imbalance of power is also important in identifying extremism, as during conflicts the actions of members of a weaker group often appear more extreme than the actions of members of a stronger group that seeks to protect the status quo. In addition, weaker groups tend to prefer direct and episodic forms of violence (e.g., suicide bombings), while groups in power are more likely to prefer structured forms of violence (e.g., covert use of torture or unofficial sanctioning of police brutality).

Therefore, the emergence and development of the concept of “extremism,” the study of research conducted by foreign scholars in this regard, and the development of a definition of this concept based on the demands of the present day are required.

Likewise, S.N. Fridinsky provided a similar definition, stating that “violent actions of extremists against victims are often referred to as terrorism”². Based on this definition, it can be seen that in terms of content, extremism is very close to terrorism, since through terrorist acts murder, intimidation, and actions that cause terror among people are committed against victims.

Thus, the conceptual and terminological analysis of legal literature and legislative acts in the field of combating extremism makes it possible to identify the following key characteristics of extremism:

First, extremism involves not only violence (as a rule, of a radical nature) but also the use of non-violent methods, such as the dissemination of

¹Coleman, P.T., Bartoli, A. Addressing Extremism. Retrieved from [http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386 White Paper 2 Extremism 030809.pdf](http://www.tc.columbia.edu/i/a/document/9386%20White%20Paper%20Extremism%20030809.pdf) (Accessed: 11.02.2023)

² Fridinsky, S.N. Combating Extremism (Criminal-Legal and Criminological Aspects): PhD dissertation in Law. Rostov-on-Don, 2003. – pp. 26–27.

extremist materials and the incitement of national, religious, or ethnic hatred and discord.

Second, extremism is a systemic social phenomenon that combines ideological beliefs (which serve as motives and goals of extremist crimes and offenses) based on religious, racial, national, gender, or political motives that promote the superiority of one group over others¹.

Third, extremism presupposes actions prohibited by law (whether administrative or criminal offenses).

Fourth, extremism primarily consists of actions aimed at achieving goals that violate citizens' rights and freedoms and undermine the democratic foundations of the state.

Fifth, the concepts of "extremism" and "extremist activity" are closely interrelated and may be interpreted in accordance with the law enforcement practice of a particular state.

In other words, in each specific case, the essence of extremism may manifest itself through different forms and methods, which necessitates the application of various legal instruments taking into account the historically developed characteristics of a given state's development.

Based on the above-analyzed materials, the following conclusions can be drawn:

- Although a number of scientific studies have been conducted in the field of combating extremism, the concept of "extremism" differs in its interpretation across politics, science, and legislation. Furthermore, legal scholarship lacks a unified view regarding the essence of extremism, its subjects, objectives, and motives;

- The academic community considers extremism in both broad and narrow senses: in the broad sense, it is defined as "adherence to radical views to achieve certain goals"; in the narrow sense – as "activity aimed at defeating and eliminating opponents";

¹ Karyagina, A.B. Interethnic Conflicts as a Factor in the Spread of Extremism in the Southern Federal District: Problems and Solutions. In: Proceedings of the Scientific and Practical Conference. Omsk, 2021. – pp. 93–97.

– Based on the analysis, the following characteristics of extremism can be distinguished: adherence to uncompromising radical views and their dissemination in society; pursuit of ideological, religious, or political objectives; support for or use of violence; rejection of or deviation from current legislation and socially accepted moral norms; incitement of social, racial, national, religious, or other forms of hatred; and the generation of threats to national security;

– The concept of extremism is broader than that of terrorism, and the boundary between them is manifested in the use of violence in the actions of individuals, groups, or organizations;

– By its very nature, extremism – whether in the form of “radical views” or “active measures” – poses a direct threat to the constitutional order and national security.

Article 3 of the Law “On Combating Extremism” defines extremism as “radical forms of actions aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order of the Republic of Uzbekistan, seizing power by force and appropriating its authority, and inciting national, racial, ethnic or religious hatred” ¹. This definition is formulated in a clear and simple language.

However, in this definition, the legislator associates extremism with political power, evaluating it as radical forms of actions directed at the use of force against or seizure of power, and incitement of hatred. Nevertheless, the definition does not specify what exactly constitutes “radical forms of actions.” Additionally, the expression “radical forms of actions aimed at destabilizing the socio-political situation” remains ambiguous, which may result in classifying any act of violence as extremism, even if it does not actually fall under the scope of extremist activity.

Articles 244¹ and 244² of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan establish criminal liability for religious extremism. Likewise, Article 3 of the Law “On Combating Extremism” provides a definition of extremism. However, this definition does not clearly indicate which specific

¹ Law of the Republic of Uzbekistan “On Combating Extremism”. Tashkent, July 30, 2018, No. ORQ-489. <https://lex.uz/docs/384> (Accessed: 18.02.2023).

criminal acts constitute the crime of extremism. These criminal acts are elaborated in more detail under the concept of “extremist activity”.

For example, the concept of “extremism” is defined as consisting of four components, namely: radical forms of actions aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order, seizing power through violence and appropriating its authority, and inciting national, racial, ethnic, or religious hatred¹.

However, this definition does not include responsibility for a range of activities reflected in the concept of “extremist activity,” such as: actions aimed at violating the territorial integrity and sovereignty of the Republic of Uzbekistan; establishing or participating in illegal armed formations; engaging in terrorist activities; preparing, storing, distributing, or displaying materials that threaten public safety and public order; as well as producing, storing, distributing, or displaying attributes or symbols of extremist organizations; organizing or participating in mass riots based on political, ideological, racial, national, ethnic, or religious hatred or enmity; or openly calling for the implementation of such actions, including their planning, organization, preparation, or execution. Therefore, in this study, with the aim of unifying the aforementioned concepts, we propose the following revised definition of extremism based on the above analysis:

Extremism is the expression of radical forms of extremist activity aimed at destabilizing the socio-political situation, forcibly changing the constitutional order of the Republic of Uzbekistan, seizing power through violence and appropriating its authority, and inciting national, racial, ethnic, or religious hatred;

In addition, although detailed analyses of crimes characterized by religious extremism have not been carried out in the criminal law literature, terms such as “extremism,” “religious extremism,” and “crimes related to extremism” are commonly used.

¹ Law of the Republic of Uzbekistan “On Combating Extremism”. Tashkent, July 30, 2018, No.489. <https://lex.uz/docs/384> (Accessed: 18.02.2023).

It should be noted that the category of “crimes of an extremist nature” is significantly broader than that of “crimes related to extremism.” These concepts have both similarities and differences.

Crimes of an extremist nature are unlawful acts directed against the existing legal order in society, the constitutional foundations of the state, and national, religious, or social harmony. These crimes are typically based on radical ideas or aspirations, with the primary goal of ensuring ideological, political, or religious superiority of certain individuals or groups.

The main characteristics of crimes of an extremist nature are reflected in the following:

Extremist crimes are committed on ideological or doctrinal grounds. They are aimed at causing harm to society or the state through radical ideologies.

They are directed against the interests of the state or society, meaning that such crimes pose a threat to state sovereignty, territorial integrity, or national and religious harmony within society.

Crimes of an extremist nature involve methods such as the use of violence, intimidation, or threats.

Extremist organizations often disseminate their ideas through mass propaganda and by manipulating specific segments of society.

In today’s globalized world, information has become an inseparable part of human life. As a result, international extremist organizations have been widely using the global Internet network to recruit individuals into their ranks.

According to available data, the number of Internet users in Uzbekistan has exceeded 31 million, with 29.5 million of them using mobile Internet¹. This clearly reflects the rapid development of information and communication technologies in our country and the increasing availability of high-quality communication systems that enable citizens to exercise their constitutional rights to access, store, and disseminate information.

This situation indicates the urgent need to prevent the population from

¹ Shermatov, Sh. (2022). The number of Internet users in Uzbekistan exceeds 31 million. Retrieved from <https://www.gazeta.uz/uz/2022/12/15/internet-users/> (Accessed: 19.11.2023).

falling under the influence of extremist currents via the global Internet network and to create a healthy informational environment for youth. The President of the Republic of Uzbekistan, Shavkat Mirziyoyev, emphasizing the tasks related to strengthening ideological immunity in the hearts and minds of our youth, stated: “In fulfilling these tasks, we rely on our national traditions that have been formed over centuries and the rich heritage of our ancestors¹”.

Modern technologies today serve as a tool that allows terrorists and extremists to act with impunity in virtual space, inevitably providing extremist and terrorist organizations with global power and extensive reach².

In her research, G.V.Yeliseeva has studied how extremist organizations pursue political objectives by carrying out recruitment activities through the use of communication technologies, noting that Internet-based recruitment has become the most effective method at present³.

Researcher V.M.Kapitsin, who has studied the modern methods of recruitment into extremist organizations, emphasizes that individuals are motivated to join such organizations by ideological aspirations, the desire to change the world, to dominate others, to promote terrorism, and by notions of “brotherhood” and personal advancement⁴.

According to L.N.Pankova and Yu.V.Taranukha, extremist organizations most frequently use psychological, political, and ideological methods to recruit individuals into their ranks⁵.

¹ Mirziyoyev, Sh.M. (2016). The Rule of Law and the Protection of Human Interests as the Guarantee of National Development and Public Welfare. Speech at the ceremony dedicated to the 24th anniversary of the adoption of the Constitution of the Republic of Uzbekistan. Retrieved from <https://www.gazeta.uz/uz/2016/12/07/speech> (Accessed: 24.10.2022).

² Myurid, E. (2020). ISIS and Russia: Is Confrontation Inevitable? (ISIS is a terrorist organization banned in Russia). Moscow: Knizhny Mir, 186 pages.

³ 11. Yeliseyeva, G.V. (2024). Legal Foundations of Countering the Manifestations of Terrorism and Extremism in the Youth Environment. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osnovy-protivodeystviya-proyavleniyam-terrorizma-i-ekstremizma-v-molodezhnoy-srede> (Accessed: 07.04.2024).

⁴ Extremism and Terrorism: Political-Psychological Similarities and Differences. (2021). Journal of Social and Humanitarian Knowledge, pp. 49–56.

⁵ Pankovoy L.N., Taranuxi Yu.V. i dr. Profilaktika (preduprezhdeniye) ekstremizma i terrorizma metodicheskoye posobiye propagandistov M:- 2020. S 70-81

M.V.Novikova believes that today's recruiters first cultivate a destructive culture within the consciousness of the individual, and only then proceed to the recruitment stage. Initially, they instill hatred toward the rules and values of society, provoke animosity, and subsequently engage in the direct recruitment of individuals into their organizations¹.

According to surveys conducted among law enforcement officers currently working in practice and based on criminal cases initiated in relation to crimes of an extremist nature, it has been found that 90 percent of extremist organizations recruit individuals through social media platforms.

Analyses show that, currently, religious extremist organizations around the world actively conduct their propaganda mainly via social media platforms and messengers such as Telegram (48%), YouTube (14%), Facebook (13%), Odnoklassniki (13%), Instagram (11%), and WhatsApp (1%). These activities are aimed at inciting national and religious hatred, as well as encouraging individuals to commit suicide, and their consequences are extremely dangerous and alarming.

Currently, there are more than 40,000 extremist websites engaged in recruiting individuals on the global Internet network. According to Jeffrey Feltman, United Nations Under-Secretary-General for Political Affairs, there are around 50,000 Twitter accounts supporting the ideas and activities of ISIS (Islamic State of Iraq and the Levant), each with an average of 1,000 "followers" and "supporters." In addition, ISIS's media centers "Al-Furqan" and "Al-Hayat" conduct propaganda operations through social media platforms in Arabic, English, German, French, Russian, Hindi, Urdu, Bengali, Turkish, Kurdish, and several other languages².

Taking into account that extremist organizations are providing personnel to international terrorist networks, we can clearly understand how alarming the situation truly is.

¹ Novikova M.V., Nikolayeva I.I. Sposobi verbovki i kontrolya soznaniya v destruktivnix kultax. International journal of experimental education №12, 2019

² T.M.Albo. Propagandistskaya deyatel'nost' IGIL i metodi borbi s ney. <https://cyberleninka.ru/article/n/propagandistskaya-deyatelnost-igil-i-metody-borby-s-ney>. (Elektron manbaga murojaat qilingan vaqt: 03.11.2023)

The materials disseminated via the Internet take various forms and are mainly presented as text, audio, and video. For instance, on the YouTube video hosting platform, around 300 hours of video content are uploaded every minute across a wide range of topics. Over the past 15–20 years, mobile communication has become widespread in many countries around the world, including among the youth of Uzbekistan. Nowadays, text messaging through mobile applications such as WhatsApp, ICQ, MSN Messenger, and Telegram is becoming increasingly common¹.

As of now, approximately half of the world's population—around 3 billion people—use various social media platforms. Among them, the largest portion—2 billion individuals—are Facebook users. In Uzbekistan, the number of Facebook users is approaching one million, the majority of whom are between 25 and 34 years old, with 65.5% being men and 34.5% women. Instagram, with a global user base of 1 billion, has 1,586,500 users in Uzbekistan. Telegram, which has 200 million subscribers globally, serves 18 million users in Uzbekistan².

Extremist organizations, due to their ability to deliver large volumes of content in mere seconds through social media, are effectively using these tools to distribute extremist materials to their supporters. These groups frequently promote Islamic terms such as takfir, hijrah, jihad, caliphate, and shahid to further their ideological goals. For example, ISIS created a Facebook page named “Caliphatebook” to promote the widespread dissemination of its ideas and is currently attempting to cultivate supporters of radical ideologies through it³.

Such sites and accounts often appear suddenly on the network and

¹ A. Rakhmonov. Negative consequences of destructive ideas and the need to prevent them. Formation of ideological immunity – a requirement of the time. <https://telegra.ph/33-mavzu-08-14>. (Date of access to the electronic source: 03.02.2024)

² G. Gaffarova. The influence of social networks on the spirituality of youth. Academic research in educational sciences. Scientific Journal Impact Factor (SJIF) 2021: 5.723 <https://cyberleninka.ru/article/n/izhtimoiy-tarmolarning-yoshlar-manaviyatiga-tasiri>. (Date of access to the electronic source: 19.09.2022)

³ “Islamic State” launched its own social network. URL: <https://www.interfax.ru/world/428849>. (Date of access to the electronic source: 11.02.2023)

disappear after a certain time, frequently changing names and domains without altering their core content. As a result, it has become nearly impossible to block these sites.

Extremist and terrorist groups are also hiding their content within online sports pages, web conferences, and pornographic websites. Propaganda and information about future extremist activities are stored in a scattered manner across the entire internet. Extremists who know how to access hidden codes are able to compile and study this information in a centralized way.

According to experts, videos disseminated by militants are professionally produced and published on internet platforms. Due to the capabilities of the internet, such high-quality videos are used to promote militant activities. Each time new videos and photographs are released by militants, they differ in content and quality from the previous ones. Militants monitor how their content impacts the international community and adjust their activities accordingly ¹.

Our analysis indicates that extremist and terrorist organizations based in Syria, Iraq, Afghanistan, and other countries are actively recruiting individuals among the populations of Central Asian states.

These organizations employ the following methods to achieve their objectives:

- Inciting national, racial, ethnic, and religious hatred;
- Conducting ideological indoctrination of citizens directly or remotely (via the Internet);
- Portraying extremists and terrorists as true Muslims or Islamic warriors (creating a positive image);
- Offering material incentives;
- Exaggerating the state's social problems to foster public distrust in the government;
- Promoting their own interpretations of Islam and Sharia principles².

¹ Analysis of studied criminal cases

² A. Karimov. Factors influencing the commission of offenses related to extremism and terrorism among youth and some aspects of combating them. <https://www.in->

Based on the analysis of investigated criminal cases, it has been observed that extremist organizations utilize the following categories of individuals to recruit members through the global Internet network:

- *Ideological leaders;*
- *Field commanders;*
- *Religious bloggers;*
- *Troll factories;*
- *Sleeper cells.*

Ideological leaders are among the most crucial elements employed by international extremist organizations. Today, numerous channels, accounts, social media pages, and messaging platforms in the virtually unregulated online space provide the opportunity for unauthorized religious education. This, in turn, creates favorable conditions for the ideological leaders of extremist organizations to propagate the ideologies of religious fundamentalism and extremism under the guise of teaching generally accepted Islamic knowledge.

These ideological leaders often address socially sensitive and trending topics such as sexual relations, government policy, the “Russia–Ukraine war,” the “Palestinian crisis,” and others that attract public attention. They communicate freely with followers via social networks like Zoom, WhatsApp, Telegram, and others, answering any questions from interested users, thereby steadily increasing the number of their followers. Through these actions, they expand their circle of influence. Eventually, ideological leaders instill ideas such as “land of disbelief,” hijrah, jihad, martyrdom, and “restoration of the caliphate” in their followers, encouraging them to travel to conflict zones and participate in violent clashes¹.

As a result, many citizens become like “zombies,” joining the ranks of international terrorist and extremist organizations under the pretext of

academy.uz/index.php/EJLFAS/article/view/11275/80 (Date of access to the electronic source: 04.08.2023)

¹ S. Sharipov. Religious extremist movements and their ideas. The threat of terrorism. Official website of the Committee on Religious Affairs under the Cabinet of Ministers. <https://religions.uz/uz/news/detail?id=391> (Date of access to the electronic source: 11.02.2023)

carrying out so-called jihad and hijrah. For example, according to experts, 80 percent of ISIS militants were recruited through social media and messaging platforms¹.

In the recruitment of individuals into extremist and terrorist organizations, the so-called “field commanders” of these groups also play a crucial role. For instance, the leaders of international extremist and terrorist organizations based in countries experiencing armed conflict, such as Syria, Iraq, Afghanistan, and others, regularly upload footage of their battlefield operations, skills, and handling of weapons and ammunition directly to social media platforms. These videos and materials are professionally produced by experts with specialized knowledge. During the production process, the speeches of the Prophet Muhammad (peace be upon him) and verses from the Qur'an revealed during times of conflict are used as textual justifications, aiming to legitimize their destructive activities from a religious perspective. In addition, they make effective use of combat chants (nasheed), salawat (prayers in honor of the Prophet), and specific musical backgrounds to emotionally influence viewers.

Moreover, from a young age, boys develop an interest in military action through computer games such as Counter-Strike, GTA, PUBG, and other similar combat games. Observations show that field commanders of extremist organizations skillfully exploit this factor. The real-time combat scenes featured in their videos evoke a strong desire among young viewers to participate in such scenarios themselves. Terrorist recruiters engage youth through in-game chats of online combat games and are even creating game clones that simulate terrorist attacks as gameplay.

On July 23, 2021, during the opening of the 9th Moscow Conference on International Security, Director of Russia's Federal Security Service (FSB), Alexander Bortnikov, stated:

¹ Recruitment into ISIS ranks in most cases occurs through social networks and messengers. URL: <https://digital.report/vlasti-uzbekistana-80-storonnikov-igil-verbuet-cherez-internet> (Date of access to the electronic source: 11.02.2023)

“Youth represent a specific risk group, as they are being subjected to psychological manipulation through social networks and the chat functions of popular computer games. Moreover, terrorist groups have reached the point of creating their own clones of these games, designed to influence young users. In this way, potential supporters of terrorist and extremist organizations are being taught not only through voice chat but also through direct game-based simulations of terrorist attacks.”

For example, one such figure is Sirojiddin Ziyavutdinovich Mukhtarov, also known under the alias “Abu Saloh Oshiy,” who has been the ideological leader of the terrorist group “Tawhid wal-Jihad.” While the Russian Ministry of Defense has reported his death, his previously published video materials – showing him engaging in subversive activities in Syria – continue to circulate on social media platforms and have led many individuals to join these groups under his ideological influence¹.

These circumstances demonstrate the necessity for law enforcement and security personnel to exercise specific oversight within online gaming environments, particularly in genres such as Counter-Strike, GTA, PUBG, and other combat-style games.

According to Article 10 of the Law of the Republic of Uzbekistan “On Freedom of Conscience and Religious Organizations,” the preparation, import, and dissemination of religious content within the territory of the Republic shall only be permitted following a positive conclusion from a religious studies examination. This provision aims to prevent the spread of ideas and views that could lead to the disruption of interfaith harmony and religious tolerance, or incite religious violence and lawlessness. Additionally, the procedures for preparing, importing, and

¹ The Ministry of Defense reported the elimination of a terrorist leader in Syria. More details at RBC: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/631bb4429a7947c68e37dc50?from=copy> (Date of access to the electronic source: 04.09.2023)

distributing religious materials are to be established by the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan¹.

Nevertheless, at present, any individual can independently produce religious content and publish it on social media platforms at any time. It is well known that Article 12¹ of the Law “On Informatization” stipulates that website owners, including bloggers, must not allow the dissemination of extremist religious ideas through their platforms, are obliged to verify the accuracy of the information before posting it, and must immediately remove any content found to be false or in violation of the law ².

However, due to a lack of proper knowledge, most website owners and bloggers are not capable of identifying prohibited content within the texts and videos they publish. As a result, when appropriate measures of accountability are applied, law enforcement officials are often mistakenly perceived by the public as acting against religion.

In turn, the Agency for Information and Mass Communications of Uzbekistan is authorized to restrict access to websites if such obligations are not fulfilled.

What is particularly concerning is that despite formal bans, access to prohibited websites is still easily available through tools such as VPNs and proxy software.

An analysis of current law enforcement practices reveals a number of practical challenges, some of which stem from deficiencies within normative legal documents themselves. For instance, Clause 14 of the regulation approved by Resolution No. 132 of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan dated 28 June 2007 stipulates that, following the completion of Internet monitoring by the Center for Mass Communications Affairs, a conclusion must be submitted to the relevant authorities within five working days, or within thirty working days if

¹ Law of the Republic of Uzbekistan “On Freedom of Conscience and Religious Organizations”, No.699 of July 5, 2021.URL: <https://lex.uz/docs/5491534> (Date of access to the electronic source: 01.06.2022)

² Law of the Republic of Uzbekistan “On Informatization”, No. 560-II of December 11, 2003. URL: <https://lex.uz/docs/83472> (Date of access to the electronic source: 12.11.2023)

expert participation is required¹. It should be emphasized that this provision does not take into account the sensitive reality of how rapidly information spreads in the age of globalization. In five days, any type of harmful content could already be processed, reposted, or deleted, effectively eliminating the opportunity to initiate an expert examination.

Moreover, the legal framework in Uzbekistan currently lacks clear regulation over issues such as the operation of religious-themed internet channels, profiles, and bots, as well as the publication of religious content by websites that are not formally authorized to distribute such information.

In addition, the concept of “propaganda” is not clearly defined in the legislation, which creates difficulties in law enforcement practice when qualifying specific actions and legally assessing whether certain behavior constitutes the dissemination of prohibited ideas.

In recent times, significant reforms have been carried out in Uzbekistan aimed at genuinely ensuring citizens’ freedom of speech and conscience, as well as their right to access information. The increasing number of Internet users in the country, especially among the youth, has created a favorable environment for so-called “troll factories.” According to the analysis of criminal cases, extremist organizations have actively used troll factories to draw public attention to their agendas².

A “troll” is a fictional green creature from Scandinavian folklore known for its grotesque and disruptive behavior³. The term “troll factory” refers to a group of hackers operating through social networks with the aim of manipulating public consciousness, undermining political stability, and generating distrust toward state authorities by highlighting certain controversial issues (primarily those that could threaten public order or

¹ Resolution No. 132 of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan “On Measures to Improve the Monitoring of Compliance with Legislation in the Field of Mass Communications”, dated June 28, 2007. URL: <https://lex.uz/docs/1226048> (Date of access to the electronic source: 10.10.2022)

² Analysis of Studied Criminal Cases.

³ URL: <https://www.islamonline.uz/site/item/> (Date of access to the electronic source: 15.08.2023)

government authority) in a negative light¹. Such troll factories may also be created by governments themselves to improve the social and political climate on the Internet or to positively influence public opinion on specific matters.

For example, according to a report by the research organization Freedom House, in 30 countries, government-affiliated troll factories are active on social media platforms, posting comments and opinions in line with official agendas².

However, this study focuses on troll factories organized by extremist groups that exploit religious and political factors to promote alien ideologies and discredit religious and political scholars within a state.

A typical analysis group within a troll factory consists of around 10 individuals. Additionally, 10 more participants operate fake profiles on social networks. As a result, the total number of so-called “analysts” reaches approximately 100 people. If each of them manages 10 fake accounts, the perceived number of participants involved in preparing discussion threads, publishing blog posts, commenting on social media, and leaving remarks on news websites may appear to be around 1,000 individuals. In reality, however, there may be no more than 10 actual operators managing the entire operation³.

At present, so-called “troll groups” are actively working to increase the number of their supporters by raising topics that incite religious hatred through their channels on popular social media platforms such as YouTube, Instagram, Facebook, Telegram, X (formerly Twitter), and others. These groups are succeeding in expanding their influence among the public.

¹ M. Hakimjonov. “Troll Factory”. URL: <https://oliymahad.uz> (Date of access to the electronic source: 15.08.2023)

² Freedom House Discovered State “Troll Factories” in 30 Countries, Including Russia, Ukraine, and Belarus. URL: <https://meduza.io/news/2017/11/14/freedom-house-obnaruzhila-gosudarstvennye-fabriki-trolley-v-30-stranah-vklyuchaya-rossiyu-ukrainu-i-belorussiyu> (Date of access to the electronic source: 23.08.2023)

³ M. Hakimjonov. Troll Factory. URL: <https://oliymahad.uz/8878> (Date of access to the electronic source: 23.08.2023)

“Troll groups” not only post content that calls for jihad, hijrah, and martyrdom, but also distort topics such as hijab, beards, and religious freedom. In addition, they attract public attention by publishing misleading religious interpretations related to controversial issues like the “wedding night,” “sexual relations,” and other topics that have caused public uproar in the media.

The activity of troll groups mainly manifests through writing “posts” and accompanying them with comments on the Internet. For example, a troll group might publish a specially prepared video aimed at discrediting political elites or religious scholars. Then, coordinated troll hackers flood the comment section with thousands of manipulative remarks such as “tell the truth,” “who gave you the right,” or “are you afraid?”—including mocking and insulting language. These comments aim to escalate the situation and provoke others to join the conversation. Trolls then “like” each other’s comments, artificially inflating the post’s visibility and engagement.

As a result, the post quickly becomes one of the most viewed items on the platform, attracting even more users. Influenced by the apparent popularity and validation from others, additional users begin to support these views, eventually forming a “controlled crowd” that supports a particular narrative.

It should be noted that the state coups in Arab countries, as well as the “color revolutions” and violent clashes in Georgia, Belarus, Ukraine, and Kazakhstan, were largely the result of ideological influence campaigns conducted by interested powers using troll groups to manipulate public consciousness¹.

In conclusion, today, a “troll group” can insult and discredit anyone—from heads of state to ordinary citizens—and manipulate reality to fit their agenda, turning it into a distorted, negative version of events.

Based on the above, we believe the following measures would yield positive results:

¹ Jin Sharp: *Diktaturadan Demokratiyagacha*. 2022. Global Book. B.73

Currently, law enforcement agencies in Uzbekistan have the technical capability to block access to prohibited websites. However, they lack the tools to block accounts on social media platforms. The speed and convenience with which content can be distributed on these platforms, coupled with the limited monitoring capabilities of law enforcement, create favorable conditions for extremist organizations. These groups are therefore investing more resources into propaganda efforts in this direction.

According to Clause 8 of the Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan No. PQ-4436 dated September 4, 2019, “On Additional Measures for Improving Religious and Educational Activities,” the Supreme Court is instructed to publish, via its official website and other mass media outlets, a regularly updated list of organizations, websites, social media platforms, and mobile messengers that have been recognized by the court as extremist or terrorist and whose activities have been officially banned within the territory of the Republic of Uzbekistan.

To ensure the implementation of this directive, the Supreme Court has been continuously updating and publishing a list of sources and content (materials) that are prohibited from being imported, produced, distributed, or displayed within the country. This list is available in the “Open Data” section of the Court’s official website (<https://sud.uz/open-info/supreme-court-open-info>).

Based on this resolution, from 2019 to 2024, more than 80 rulings by the Supreme Court of Uzbekistan have led to the official ban of over 1,000 sources and their materials on the grounds of promoting extremist and terrorist ideologies. These include platforms such as Facebook, Odnoklassniki, Instagram, TikTok, the Telegram messenger, the YouTube video hosting service, and others, whose activities have been officially prohibited in Uzbekistan.

However, despite the existence of mechanisms for blocking websites, the technical inability to restrict or block social media accounts presents significant challenges in law enforcement practices. As a result,

the publication of banned sites and platforms by the Ministry of Justice and the Supreme Court through official websites and media outlets has, in practice, become a form of negative publicity rather than a public warning. This, in turn, has increased attention to such platforms among thousands of young users, potentially drawing them into the sphere of influence of these prohibited organizations.

Furthermore, according to Resolution No. 180 of the Cabinet of Ministers dated April 14, 2022, “On the Approval of the Regulation on the Procedure for Preparing, Importing, and Distributing Religious Materials and Conducting Religious Studies Expert Examination,” all religious content must undergo religious expert review, and a positive conclusion must serve as a legal basis for its preparation, import, and distribution in Uzbekistan. However, due to the lack of technical capability to block individual profiles and channels, many such entities continue their operations to this day.

It is also worth noting that in certain cases, citizens—particularly minors—receive religious content from various accounts and channels on social media. However, the lists of prohibited websites and platforms available on the official websites of the Ministry of Justice (<https://adliya.uz>) and the Supreme Court (<https://sud.uz>) are vague and difficult to navigate. As a result, individuals are often unable to independently verify whether the material they have received is associated with a banned source.

According to the results of a sociological survey, 56% of respondents believe that publishing the list of over 1,000 banned content sources through social media, based on Supreme Court rulings, is not an effective method for protecting individuals from falling under the influence of prohibited organizations. An additional 28% partially agreed with this assessment.

Therefore, drawing on the advanced experience of foreign countries, it is advisable to implement modern computer programs that utilize artificial intelligence to determine—without human intervention—whether certain materials are prohibited or not.

According to available data, Telegram Messenger is currently strengthening its security measures and enhancing user data protection. As stated by the platform's founder, Pavel Durov, Telegram has introduced a new system that includes the right to provide relevant authorities with the IP addresses and phone numbers of users who violate its terms of service.

Telegram's search functionality is significantly more powerful than that of other messengers, allowing users to locate public channels and bots more efficiently. Unfortunately, this functionality is sometimes exploited by individuals engaged in the sale of illegal goods.

In recent weeks, a specialized moderation team supported by artificial intelligence has made Telegram search much safer. It is now reported that problematic content identified through the search function is no longer accessible. Additionally, users are encouraged to report any harmful or illegal findings in the Telegram search system via the @SearchReport bot.

These measures underscore the need to use Telegram's search tool exclusively for legal purposes, especially in the context of strengthening the fight against crime. Telegram has emphasized that any user encountering dangerous or unlawful content in the search results should report it via @SearchReport.

It is noteworthy that in the first half of 2024 alone, Telegram blocked over 400,000 channels and groups associated with terrorism. Moreover, 19% of all terrorist attacks worldwide in 2023 were either organized through or had connections to social media platforms.

Telegram is undertaking serious measures to ensure security and prevent criminal activity on its platform, including the use of artificial intelligence and collaboration with law enforcement agencies. However, these measures must not infringe upon users' privacy rights.

In the context of rapid investigative operations, it is necessary to submit official requests to Telegram for the provision of IP addresses and phone numbers of individuals involved in extremist activity, as well as for

the blocking of profiles and channels declared prohibited by court decisions.

According to legal practice, it takes an average of six to eight months for the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan to officially ban even a single piece of content. During this time, the public remains fully exposed to the content, which poses a significant risk of hundreds of individuals falling under the influence of extremist ideologies.

Analysis of pre-investigative materials and criminal cases studied during the course of this research shows that in 70% of terrorism- and extremism-related cases, the websites, channels, and profiles associated with suspects or defendants were overlooked and not subjected to timely legal action..

According to the existing procedure, the suspect's (accused person's) phone, computer, and other technical devices are first seized, then inspected and sent for the appropriate forensic examination. After receiving the expert opinion, the pre-investigation and investigative authorities conduct relevant investigative actions based on the information contained in the seized devices, and the technical device is recognized as material evidence and submitted to the court along with the criminal case.

After that, the criminal case is scheduled for trial, a judicial investigation is conducted, and during the sentencing process, attention is paid to the technical device submitted by the investigative authority, and the issue of destroying the device is addressed in the judgment.

Unfortunately, it must be noted that the defendant's websites, channels, and profiles on the global Internet are not given attention during this process.

As a result of the continued activity of these sites, channels, and profiles, cases of new individuals being recruited into extremist organizations do not stop. This indicates that the work being carried out is insufficient.

For example, although on February 7, 2024, the Kibray District Criminal Court of Tashkent Region issued verdict No. 1-1107-2302/233, finding a group of individuals guilty under Articles 244¹, 244², and 159 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, no measures were taken regarding the Telegram, Instagram, and other mobile application channels

and profiles of the convicted persons, which contained materials about “hijrah” and “jihad” related to organizations banned in the Republic of Uzbekistan and had more than 9,000–10,000 followers. As a result, these profiles and channels continue to operate to this day.

In order to eliminate such negative situations, it has become necessary to introduce a procedural coercive measure that would allow the temporary restriction of the activity of relevant content both during the pre-trial proceedings and at the trial stage.

Therefore, within the framework of this research, a procedural coercive measure to suspend the activity of websites, channels, and profiles has been developed for inclusion in the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. This coercive measure serves to temporarily suspend the operation of websites, channels, and profiles containing criminal content belonging to the suspect, accused, or defendant; to prevent further criminal activity; to ensure that courts pay attention to such cases; and to enable effective enforcement of court verdicts.

**ТОШҚУВВАТОВ СИНДОР
ЯНГИБОЙ ЎҒЛИ**

Ҳуқуқни муҳофаза қилиш
академияси ўқитувчиси,
мустақил изланувчи

**ЭКСТРЕМИЗМНИНГ НАЗАРИЙ ВА ҲУҚУҚИЙ
ТАЛҚИНЛАРИ ҚИЁСИЙ ТАҲЛИЛИ: МИЛЛИЙ,
МИНТАҚАВИЙ ВА ХАЛҚАРО ЎЛЧАМЛАР**

***Аннотация:** Мазкур мақолада экстремизм тушунчасининг мазмун-моҳияти, уни аниқлашдаги назарий ва ҳуқуқий муаммолар ҳамда турли давлатлар ва минтақавий тузилмалардаги таърифларнинг ўзаро фарқлари тизимли тарзда таҳлил этилган. Муаллиф миллий, минтақавий ва халқаро ёндашувларни солиштирган ҳолда экстремизмга нисбатан ягона универсал таърифнинг мавжуд эмаслиги, бу эса давлатлар тарихи, сиёсий тузуми, маданий анъаналари ва қонунчилик амалиёти билан боглиқ эканини асослайди.*

БМТ, ШХТ, МДХ, Буюк Британия, Европа мамлакатлари, Россия, Марказий Осиё давлатлари ҳамда ўзбек олимлари томонидан берилган таърифлар илмий жиҳатдан қиёсий таҳлил қилиниб, уларнинг афзаллик ва камчиликлари кўрсатилган. Мақолада экстремизмнинг фалсафий, сиёсий, ҳуқуқий ва диний талқинлари ўртасидаги концептуал зиддиятлар очиб берилган ҳамда мавжуд таърифлар асосида муаллифлик таърифи таклиф этилган. Тадқиқот экстремизмни тўғри тушуниш ва унинг ҳуқуқий чегараларини аниқ белгилаш экстремизм ва терроризмга қарши курашишда самарали стратегиялар ишлаб чиқиш учун зарур методологик асос ҳисобланишини кўрсатади.

Аннотация: В данной статье систематически анализируется сущность понятия экстремизма, теоретические и правовые проблемы его определения, а также различия в определениях в разных странах и региональных структурах. Сравнивая национальный, региональный и международный подходы, автор обосновывает отсутствие единого универсального определения экстремизма, что связано с историей, политическим строем, культурными традициями и законодательной практикой государств. С научной точки зрения сравнительно проанализированы определения, данные учеными ООН, ШОС, СНГ, Великобритании, стран Европы, России, стран Центральной Азии и Узбекистана, показаны их преимущества и недостатки. В статье раскрываются концептуальные противоречия между философскими, политическими, правовыми и религиозными интерпретациями экстремизма, а также предлагается авторское определение на основе существующих определений. Исследование показывает, что правильное понимание экстремизма и четкое определение его правовых границ является необходимой методологической основой для разработки эффективных стратегий борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Abstract: This article systematically analyzes the essence of the concept of extremism, the theoretical and legal problems of its definition, as well as the differences in definitions in different countries and regional structures. By comparing national, regional, and international approaches, the author substantiates the lack of a unified universal definition of extremism, which is connected with the history, political system, cultural traditions, and legislative practice of states. From a scientific point of view, the definitions given by scientists of the UN, SCO, CIS, Great Britain, European countries, Russia, Central Asian countries, and Uzbekistan are comparatively analyzed, and their advantages and disadvantages are shown. The article reveals the conceptual contradictions between

philosophical, political, legal, and religious interpretations of extremism, and offers an author's definition based on existing definitions. The study shows that understanding extremism correctly and clearly defining its legal boundaries is a necessary methodological basis for developing effective strategies to combat extremism and terrorism.

Калим сўзлар: адоват, ашааддий, диний экстремизм, зўравонлик, идеология, инқироз, кескин, конституциявий тузум, мафкура, миллий қонунчилик, назарий ёндашувлар, радикализм, сиёсий экстремизм, терроризм, ўта, ўта сўл, ҳуқуқий ёндашув, экстремизм.

Ключевые слова: враждебность, крайний, религиозный экстремизм, насилие, идеология, кризис, напряженность, конституционный строй, идеология, национальное законодательство, теоретические подходы, радикализм, политический экстремизм, терроризм, крайний, крайне левый, правовой подход, экстремизм.

Keywords: hostility, extreme, religious extremism, violence, ideology, crisis, tension, constitutional system, ideology, national legislation, theoretical approaches, radicalism, political extremism, terrorism, extreme, extreme left, legal approach, extremism.

Замонавий жамиятда экстремизм жамият барқарорлиги, давлат хавфсизлиги ва халқаро муносабатларга жиддий таҳдид солаётган мураккаб ижтимоий-сиёсий ҳодиса сифатида намоён бўлмоқда. Бироқ, ушбу тушунчанинг мазмун-моҳиятини, ҳуқуқий чегараларини ва илмий концептуал йўналишларини ягона ва умумэътироф этилган тарзда белгилаш масаласи ҳанузгача очиқ қолмоқда. Шу нуқтаи назардан, мақолада экстремизм тушунчасининг тарихий ривожланиши, миллий, минтақавий ва халқаро таърифлари ҳамда олимлар орасидаги назарий талқинлар тизимли таҳлил қилишни талаб қилади. Бундан келиб чиқадиган мақсад - экстремизмни муайян ҳуқуқий ва илмий мезонлар асосида концептуаллаштириш орқали унинг ҳуқуқий таърифини мукаммаллаштириш ва амалиётда самарали контрстратегиялар ишлаб чиқиш учун методологик йўналишларни белгилашдир.

Ҳозирги кунга келиб, экстремизм нафақат Ўзбекистон Республикаси, балки бутун дунё учун асосий муаммо ва

тахдидлардан бири бўлиб қолмоқда. Ушбу атама илмий адабиётларда, қонун ҳужжатларида тез-тез учрайди, ҳатто халқаро ҳуқуқда ҳам кенг қўлланилади. Бироқ, шунга қарамай, ҳозирги кунда “экстремизм” атамаси на доктринал, на қонунчилик даражасида умумэътироф этилган ягона талқинга эга эмас.

Хусусан, рус олими Н.А.Левин “халқаро ҳуқуқда бугунги кунда ҳам “экстремизм” тушунчасининг ягона ёндашуви ишлаб чиқилмаган. Бу ҳолат кўплаб давлатларнинг ўзларининг тарихий, маданий ва сиёсий шарт-шароитларини, шунингдек, давлатдаги устунлик қилувчи динни ҳисобга олган ҳолда экстремизмнинг ўз тушунчасини мустаҳкамлашга интилиши билан боғлиқ¹”, -деб таъкидлайди.

Ушбу масалада биз Н.А. Левиннинг фикрига қўшиламыз. Чунки, Европа ва бошқа ғарб мамалакатлари кўпроқ зўравон экстремизмга таҳдид сифатида қарашади.

К.О.Никоновнинг “Бугунги кунда “экстремизм” тушунчасининг аниқ таърифи йўқ. Шунинг учун ушбу муаммони ўрганувчилар орасида “экстремизм” таърифига нисбатан қарама-қарши фикрлар мавжуд”², - деган даъвоси ҳам адолатли кўринади.

Экстремизм тушунчаси юзасидан К.О.Никоновнинг берган фикрига қисман қўшиламыз. Тўғри бугунги кунда халқаро ҳамжамият томонидан яқдиллик билан қабул қилинган ягона таъриф мавжуд эмас. Лекин мавжуд таърифларнинг барси ҳам мазмун жиҳатдан бир-бирига қарама-қарши эканлиги масаласи қўшилиш биров баҳсли масала ҳисобланади.

¹ Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «ДОННУ». – Донецк: ДОННУ, 2022. – Вып. 14, том 4: Юриспруденция, часть 1. – С. 231-235
<https://science.donnu.ru/wp-content/uploads/2022/04/vestnik-sno-tom-4.-yurisprudenciya-chast-1-2022.pdf>

² Никонов К. О. Проблемы определения экстремизма // Юрид. мир. – 2011. – № 7. – С. 41–43.

Н.В.Голубых ва М.П.Леготинлар ҳам “Бугунги кунда ҳуқуқшунослик фанида экстремизмни аниқлашда ягона концептуал ёндашув ишлаб чиқилмаган¹”, - деб таъкидлашади.

Ҳақиқатдан ҳам, ҳозирги кунда ҳуқуқ соҳасида экстремизм тушунчасига таъриф беришда ягона концептуал ёндашув мавжуд эмас. Ушбу масалада Н.В.Голубых ва М.П.Леготинларнинг юқоридаги фикрларига тўлиқ қўшиламиз.

Умуман олганда, ҳозирги кунда дунёдаги олимлар экстремизм тушунчасига турлича таърифлар беришган ва турлича ёндашувлар мавжуд.

Ижтимоий ҳодисаларни ўрганиш баъзан тиббий ташхис қўйиш жараёнига қиёс қилинади. Агар шифокор нотўғри ташхис қўйса, даволаш фойдасиз бўлиши ёки ҳатто оғир оқибатларга олиб келиши мумкин. Худди шундай, жамиятни “бемор” деб тасаввур қилсак, экстремизмга нотўғри баҳо бериш ҳам жамият учун хавфли бўлиши мумкин.

Шунингдек, ноаниқ ва мавҳум тушунчалардан фойдаланиш турли нотўғри қарашларни шакллантиради, улар эса янги низоларга сабаб бўлиши мумкин. Шу боис, экстремизмни тўғри тушуниш ва уни аниқлаш илмий зарурат сифатида намоён бўлади.

Бугунги кунда экстремизм шахс ва жамият учун замонавий ижтимоий борлиқнинг хавфли ва бузғунчи ҳодисаси сифатида намоён бўлмоқда. Бироқ нафақат жамоатчилик онгида, балки илмий доираларда ҳам экстремизмга оид ягона, умумий қабул қилинган тушунча мавжуд эмас. Тадқиқотчиларнинг фикрича, экстремизмни ўрганишга оид методологик база ва илмий ёндашувлар ҳали етарли даражада шаклланмаган².

Сўнгги вақтларда чоп этилган тадқиқотларда ҳам экстремизм тушунчасининг аниқланишида ҳанузгача номувофиқликлар кузатилаётгани, “универсал таъриф”нинг йўқлиги ва мавжуд илмий-

¹ Голубых Н. В., Леготин М.П. О сущности понятия “экстремизм” // Адвокат. – 2013. – № 6. – С. 60–63

² Neumann, P. (2017). Radicalized: New Jihadists and the Threat to the West. London: I.B. Tauris.

услубий ёндашувларнинг фрагментар характерга эга экани таъкидланмоқда¹.

Шунинг учун экстремизм тушунчасига миллий, минтақавий ва халқаро қонунчиликда, энциклопедиялар ва луғатларда берилган таърифлар ҳамда олимларнинг берган назарий қарашларни 3 гуруҳга бўлиб тадқиқ этишни мақсадга мувофиқ деб топдик.

Биринчи гуруҳга, яъни миллий — қонунчилик, энциклопедиялар, луғатларда берилган таърифлар ва ўзбекистонлик олимлар экстремизм ҳақидаги назарий қарашларни киритдик. Ушбу таърифлар ва назарий қарашларда экстремизм тушунчаси жамоат хавфсизлиги ва жамоат тартиби ҳамда конституциявий тузумга нисбатан хавф ва таҳдид даражасидан келиб чиққан ҳолда ишлаб чиқилган.

Авваламбор, экстремизм тушунчасига миллий манбаларимизда қандай таъриф берилганига тўхталиб ўтсак, мақсадга мувофиқ бўлар эди.

Жумладан, ушбу тушунчага Ўзбекистон миллий энциклопедиясида “экстремизм (лот. — ўта, кескин) — сиёсатда ва мафкурада ашаддий, ғавқулодда ҳаракат ва қарашларга асосланиб фаолият юритиш”, - деб изоҳ берилган².

Ўзбек тилининг изоҳли луғатида эса, экстремизм (*лот. extremus - энг охирги; ўтакетган, ашаддий; кескин*) сиёсатда ва мафкурада ашаддий, ғавқулодда усуллар билан йўл тутишга, кескин чоралар кўришга тарафдорлик дея таърифлаган³.

Ўзбекистон миллий энциклопедиясидаги ва ўзбек тилининг изоҳли луғатидаги таърифлар “сиёсат ва мафкура” билан боғланганлиги, “ашаддий, ғавқулоддалиқ” белгилари билан бир-

¹ El-Maoula, A., & others (2025). Extremism and Religion: A Systematic Literature Review. Humanities and Social Sciences Communications, Nature Portfolio. DOI: [10.1057/s41599-025-05685-z](https://doi.org/10.1057/s41599-025-05685-z).

² Ўзбекистон миллий энциклопедияси. 55-б.

URL: https://n.ziyouz.com/books/uzbek_tilining_izohli_lugati/O'zbek%20tilining%20izohli%20lug'ati%20-%20E.pdf

³ Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 28-б. URL: https://n.ziyouz.com/books/uzbek_tilining_izohli_lugati/%20E.pdf

бирига ўхшаш, бироқ Ўзбекистон миллий энциклопедиясида “ҳаракат ва қарашларга асосланиб фаолият юритиш” деб таъриф берилган бўлса, ўзбек тилининг изоҳли луғатида эса, “усуллар билан йўл тутишга, кескин чоралар кўришга тарафдорлик” дея таъриф берилган. Демак, ушбу таърифларнинг биринчисида экстремизм тушунчаси фаолият юритиш билан боғланган бўлса, иккинчисида тарафкашликни ифодалаган.

Ўз навбатида, экстремизм тушунчасига миллий қонунчилигимизда қандай тушунча берилганига эътибор қаратсак.

Хусусан, Ўзбекистон Республикасининг 30.07.2022 йилдаги ЎРҚ-486-сонли “Экстремизмга қарши кураш тўғрисида”ги Қонуннинг 3-моддасида экстремизм тушунчасига қуйидагича, яъни: экстремизм - ижтимоий-сиёсий вазиятни беқарорлаштиришга, Ўзбекистон Республикасининг конституциявий тузумини зўрлик билан ўзгартиришга, ҳокимиятни зўрлик ишлатиб эгаллашга ва унинг ваколатларини ўзлаштириб олишга, миллий, ирқий, этник ёки диний адоват кўзғатишга қаратилган ҳаракатларнинг ашаддий шакллари ифодаси деб таъриф берилган¹.

Қонунда экстремизм тушунчасига Ўзбекистон миллий энциклопедиясидаги ва ўзбек тилининг изоҳли луғатидаги таърифлардан биров кенгроқ таъриф берилган. Бироқ, фикримизча, ушбу таъриф экстремизмнинг тўлиқ моҳиятини очиқ бермаган. Чунки, бугунги кунда экстремизмнинг сиёсий, диний, миллий, иқтисодий, экологик, киберэкстремизм каби бир қанча турлари ҳам мавжуд.

Миллий тадқиқотчиларимиздан И.И.Каримов Қонунда берилган таърифни таҳлил қилиб, “экстремизм тушунчаси ижтимоий-сиёсий вазият, конституциявий тузум ва ҳокимият билан боғланган бўлиб, ҳокимиятга нисбатан зўрлик ишлатиш ёки эгаллаш, миллий, ирқий, этник ёки диний адоват кўзғатишга қаратилган ҳаракатларнинг ашаддий шакллари сифатида

¹Ўзбекистон Республикасининг “Экстремизмга қарши курашиш тўғрисида”ги Қонуни // URL: <https://lex.uz/docs/3841957>

баҳоланган. Аммо Қонунда, “ҳаракатларнинг ашаддий шакллари” қандай намоён бўлиши аниқ баён этилмаган. Шу билан бирга, “ижтимоий-сиёсий вазиятни беқарорлаштиришга қаратилган ҳаракатларнинг ашаддий шакллари ифодаси” деган жумла айнан нималарни қамраб олишини аниқ ифодаламаганлиги сабабли, ҳар қандай ҳаракат агар ўзида зўравонлик ҳаракатини назарда тутмаса ҳам, экстремизм сифатида баҳоланишига олиб келиши мумкин.”-деб фикр билдирган.

Биз И.И.Каримовнинг фикрига қисман қўшилган ҳолда шуни айтишимиз мумкинки, Қонунда берилган таърифда зўрлик ишлатишга кўпроқ урғу берилиб, зўрлик ишлатиш йўли билан Ўзбекистон Республикасининг конституциявий тузумини ўзгартириш, ҳокимиятни эгаллаш ва унинг ваколатларини ўзлаштириб олиш назарда тутилган. Бироқ, ҳақиқатдан ҳам, Қонунда, назарда тутилган “ҳаракатларнинг ашаддий шакллари” деганда нима тушунилиши ва улар қандай намоён бўлиши аниқ баён этилмаган.

Жумладан, З.Хусниддинов¹, А.Очилдиев², З.Исломов³ ва Ш.Икрамовлар⁴, экстремизмга қуйидагича, яъни “Экстремизм” сўзи “ақл бовар қилмас даражада”, “ҳаддан ошиш” маъноларини билдиради. Жамиятда қабул қилинган қадриятлар ва меъёрларга зид қарашларни илгари суриш, кескин қарашлар ва чораларга мойиллик экстремизмнинг асосий хусусияти ҳисобланади.”-деб таъриф беришган.

Юқорида биз тилга олган олимларимиз экстремизм тушунчасига кўпроқ фалсафий ва диний жиҳатдан ёндашган бўлиб,

¹ З.Хусниддинов. Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашнинг маънавий-маърифий асослари. // Тошкент ислом университети. -Т.: «Тошкент ислом университети» нашриёт-матбаа бирлашмаси, 2005. – 63 б.

² А.Очилдиев. Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашнинг маънавий-маърифий асослари. // Ўқув-амалий қўлланма. – Т. 2008. – 91.

³ З.Исломов. Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашнинг маънавий-маърифий асослари. // Ўқув-амалий қўлланма. – Т. 2017. – 86.

⁴ З.Исломов, Ш.Икрамов. Экстремизм ва терроризм – тараққиёт душмани // Ўқув-амалий қўлланма. –Т. 2015. – Б. 66.

экстремизмга хос бўлган хусусиятлар сифатида жамиятда қабул қилинган қадриятлар ва меъёрларга қарши чиқиш ва кескин чораларга мойилликни ажратиб кўрсатишган. Бироқ, жамиятда қабул қилинган қадриятлар ва меъёрларга қарши чиқиш ва кескин чораларга мойиллик ҳар доим ҳам экстремизм сифатида қабул қилинмаслиги сабабли биз уларнинг фикрларига қисман қўшиламиз.

Шунингдек, К.А.Шермуҳаммедов ва Ж.А.Каримовлар ҳам “экстремизм (лотинча – “ақл бовар қилмас даражада”, “ҳаддан ошиш”) - жамиятда қабул қилинган қонун-қоидаларга зид радикал қарашлар ва ҳаракатлар”ни англатишини маълум қилишган¹.

Ушбу таърифда эса, экстремизмга қонунга ҳилоф бўлган кескин қарашлар ва ҳаракатлар сифатида қаралганлиги сабабли олимларимизнинг фикрларига қисман қўшиламиз. Лекин, ушбу таъриф экстремизмга хос бўлган хусусиятларни тўлиқ камраб олмаган.

М.Х.Рустамбаев эса, Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг махсус қисмига берган шарҳида экстремизмга эмас, балки “диний экстремизм - энг кескин қарашларга, борлиққа ишонч ҳисси (одатда, сиёсатда). Ўзининг шак-шубҳасиз ҳақлигига, ҳақиқатни фақат ўзи билишига ишонч ҳисси сўнгги чораларга - зўравонлик ҳаракатларига мойиллиги билан ажралиб турадиган диний экстремизмнинг пайдо бўлишига замин яратади.” деб таъриф берган бўлиб, биз ушбу таърифга қисман қўшиламиз. Чунки, ушбу таърифда экстремизм тушунчасининг фақатгина диний жиҳатига эътибор қаратилган. Бироқ, ҳозирги жамиятда экстремизмнинг сиёсий, диний, миллий, иқтисодий, экологик, киберэкстремизм каби бир қатор бошқа турлари ҳам мавжуд.

Ушбу тушунчага Д.М. Миразов қуйидагича, яъни “Экстремизм деганда, одатда, ўта сўл, радикал қарашларга эга, ўз ғояси ёки фикрини бошқаларга зўрлаб сингдиришга интиладиган

¹ К.А.Шермуҳаммедов, Ж.А. Каримов. Экстремизм ва терроризмга қарши курашишнинг маънавий-маърифий асослари // Ўқув қўлланма. – Т. 2018. – Б.7-8.

кишиларнинг маслаги тушунилади”¹-деб таъриф берган. Тўғри, экстремистлар ўта сўл, радикал қарашларга эга бўлишади. Бироқ, ушбу таърифдаги “ўз ғояси ёки фикрини бошқаларга зўрлаб сингдиришга интиладиган кишиларнинг маслаги тушунилади” деган жумлага қўшилмаймиз. Чунки, ҳуқуқий жиҳатдан олганда, ушбу жумлани “ўз ғояси ёки қарашларини бошқаларга зўрлаб сингдиришга интиладиган шахсларнинг хатти-ҳаракатлари”-деб таърифлаш мақсадга мувофиқ бўлар эди.

И.И.Каримов эса, “Экстремизм – ижтимоий-сиёсий вазиятни беқарорлаштиришга, Ўзбекистон Республикасининг конституциявий тузумини зўрлик билан ўзгартиришга, ҳокимиятни зўрлик ишлатиб эгаллашга ва унинг ваколатларини ўзлаштириб олишга, миллий, ирқий, этник ёки диний адоват қўзғатишга қаратилган экстремистик фаолиятнинг ашаддий шакллари ифодасидир”-деб таъриф берган².

Биз И.И.Каримовнинг берган таърифга қисман қўшиламиз. Чунки, ушбу таърифда муаллиф экстремизмнинг миллий, ирқий, этник ёки диний каби турларини санаб ўтиш орқали чегараланган. Бироқ, бугунги кунда экстремизмнинг сиёсий, мафкуравий, иқтисодий, киберэкстремизм каби бир қанча турлари мавжуд бўлиб, улар ҳам экстремистик фаолиятнинг ашаддий шакллари ҳисобланади.

Т.К.Исмаиловнинг таъкидлашича, “Экстремизм – ижтимоий-сиёсий вазиятни беқарорлаштиришга, давлатнинг конституциявий тузумини зўрлик билан ўзгартиришга, ҳокимиятни зўрлик ишлатиш орқали эгаллаб олишга, миллий, ирқий, этник ёки диний адоват қўзғатишга қаратилган ҳаракатларнинг кескин шаклидир”³.

¹ Терроризм ва экстремизмга қарши курашнинг тактика ва методикаси: Маърузалар курси / Д. М. Миразов, Б.Н. Рашидов, Ш. А. Қулматов ва бошқ. – Т.: Ўзбекистон Республикаси ИИБ Академияси, 2017. – 5 б.

²И.И.Каримов. Диний экстремизм хусусиятидаги жиноятларни тергов қилишнинг криминалистик жиҳатлари: ю.ф.ф.док. дисс. – Т.: Ўзб.Респ.ИИБ Академияси, 2025. – Б. 23.

³ Т.К. Исмаилов. Экстремизм ва экстремистик фаолиятнинг назарий тушунчалари. // Жиноятчиликка қарши курашнинг жиноий-ҳуқуқий ва криминологик муаммолари. Халқаро

Экстремизм берилган ушбу таърифда ҳам экстремизмнинг миллий, ирқий, этник ёки диний каби турларигина келтириб ўтилган ва ушбу таъриф экстремизмнинг моҳиятини тўлиқ очиб бермаган.

Юқорида И.И.Каримов ва Т.К.Исмаиловлар томонидан келтирган таърифларда, экстремизмнинг айрим турларини санаб ўтиш орқали ушбу тушунчанинг моҳияти бироз торайган. Бу эса, жамоат хавфсизлиги ва жамоат тартиби учун хавфли бўлган сиёсий, мафкуравий, иқтисодий, киберэкстремизм каби бошқа экстремистик фаолият билан шуғулланган шахсларнинг жавобгарликка тортилмай қолишига олиб келиши мумкин.

Мавжуд маълумотлар таҳлили шуни кўрсатмоқдаки, ҳозирги кунда миллий олимларимиз орасида ҳам экстремизм тушунчаси масаласида ягона ёндашув ва таъриф мавжуд эмас.

Иккинчи гуруҳга, экстремизм тушунчасига ШХТ ва МДХ томонидан қабул қилинган ҳужжатларда ва ушбу минтақавий ташкилотлар аъзоси бўлган давлатларнинг миллий қонунларида берилган таърифлар ва ушбу минтақа олимлари томонидан илгари сурилган назарий қарашларни киритдик.

Хусусан, 2001 йил 15 июнда қабул қилинган Шанхай ҳамкорлик ташкилотининг “Терроризм, сепаратизм ва экстремизмга қарши курашиш тўғрисида”ги Конвенциясида биринчи марта экстремизм тушунчаси мустаҳкамланди. Конвенциянинг 1-моддасига кўра, “экстремизм” - ҳокимиятни зўрлик билан эгаллаш ёки ушлаб туриш, давлатнинг конституциявий тузумини зўрлик билан ўзгартириш, шунингдек жамоат хавфсизлигига зўрлик билан тажовуз қилиш, шу жумладан ноқонуний қуролли тузилмалар мақсадида юқорида кўрсатилган ташкилот ёки уларда иштирок этиш ҳамда томонлар миллий қонунчилигига мувофиқ жиноий тартибда

тақиб қилинадиган бирор бир қилмиш¹”, - деб ушбу тушунчага таъриф берилди.

2017 йил июнь ойида Остона шаҳрида (Қозоғистон) ШХТга аъзо давлатлар раҳбарлари томонидан имзоланган “Шанхай ҳамкорлик ташкилотининг экстремизмга қарши курашиш бўйича” Конвенциясида эса, “экстремизм - сиёсий, ижтимоий, ирқий, миллий ва диний низоларни зўравонлик ва бошқа ғайриконституциявий ҳаракатлар йўли билан ҳал этишга қаратилган мафкура ва амалиёт²”, -деб таъриф берилган.

Шу ўринда, ШХТ аъзоси бўлган Хитой Халқ Республикаси (ХХР) қонунчилигида “экстремизм” тушунчасининг аниқ **расмий, қатъий юридик** таърифи мавжуд эмаслигини алоҳида таъкидлаб ўтишни жоиз деб топдик. Ушбу давлатда экстремизм кўпинча “учлик ёвуз куч” - **сепаратизм + терроризм + диний экстремизм** контекстида сиёсий тушунча сифатида ишлатилади³.

Бироқ, ХХР Шинжон-Уйғур автоном райони халқ вакиллари XII йиғилиши Доимий кўмитасининг 2017 йил 29 мартдаги 28-йиғилишида қабул қилинган “Шинжон-Уйғур автоном районининг экстремизмга қарши курашиш тўғрисида”ги низомининг 3-моддасида “Экстремизм тушунчаси диний таълимотларни нотўғри талқин қилиш ёки бошқа воситалар орқали нафрат ёки камситишни кўзғатувчи ҳамда зўравонликни тарғиб

¹ “Терроризм, сепаратизм ва экстремизмга қарши курашиш тўғрисида”ги Шанхай Конвенцияси // <https://lex.uz/docs/2066680>

² Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. [https://nrm.uz/contentf?doc=593309_konvenciya_shanhayskoy_organizacii_sotrudnichestva_po_protivodeystviyu_ekstremizmu_\(astana_9_iyunya_2017_goda\)_ratificirovana_zakonom_ruz_ot_03_04_2018_g_n_zru-469_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana](https://nrm.uz/contentf?doc=593309_konvenciya_shanhayskoy_organizacii_sotrudnichestva_po_protivodeystviyu_ekstremizmu_(astana_9_iyunya_2017_goda)_ratificirovana_zakonom_ruz_ot_03_04_2018_g_n_zru-469_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana)

³ Julia Famularo. ‘Fighting the Enemy with Fists and Daggers’: The Chinese Communist Party’s Counter-Terrorism Policy in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region. In: Terrorism and Counter-Terrorism in China: Domestic and Foreign Policy Dimensions. Edited by Michael Clarke, Oxford University Press (2018). © Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780190922610.003.0003.

қилувчи ғоялар ва хатти-ҳаракатларни ўз ичига олади.¹”, - деб таъриф берилган.

Шанхай Хорижий тиллар университетининг Яқин Шарқ тадқиқотлари институти профессори, юридик фанлар доктори Лю Чжуньмин ўз тадқиқот ишида экстремизмни ислом дини билан боғлаб, қуйидагича, яъни: “Исломий экстремизм – ислом динининг экстремал оқимидир. Ислом экстремизми - замонавий исломдаги радикал ёки экстремистик ғоялар, сиёсий ва ижтимоий қарашларнинг умумий номидир. У диннинг тинчликсевар табиатидан четга чиқиб, диний ниқоб остида зўравонлик ва террорчилик ҳаракатларини амалга оширади, бу эса унинг асосий хусусиятларини ташкил этади.²”, - деб таъриф берган. Биз ушбу тадқиқотчининг қарашларига қисман қўшиламыз. Чунки, экстремизмнинг юзага келишини ислом динига боғлаш нотўғри, экстремистик қарашлар ва ғоялар ислом дини юзага келишидан олдин ҳам мавжуд бўлган. Тўғри, соф ислом дини экстремизмни тарғиб қилмайди, балки диний бағрикенгликни тарғиб қилади.

ХХР Шинжон университетининг Марказий Осиё тадқиқотлари институти профессори Пан Чжи Пин ўз тадқиқот ишида кўпчилик Хитойлик олимлар “ислом экстремизми”, “жиходчилар” тармоқлари, “Ал-Қоида” ва “ИШИД” мафкураси, радикаллашув механизмларига алоҳида эътибор қаратишини таъкидлайди³.

¹Xinjiang Uyghur Autonomous Region Regulation on De-extremification. // https://www.chinalawtranslate.com/en/xinjiang-uyghur-autonomous-region-regulation-on-de-extremification/?utm_source=chatgpt.com#_Toc478653539&gsc.tab=0

² 刘中民. 如何理解伊斯兰极端主义的概念 —— 以伊斯兰政治思潮为视角 (Лю Чжуньмин. Исломий экстремизм тушунчасини қандай тушуниш керак — Исломий сиёсий тафаккур нуқтаи назаридан) // https://mideast.shisu.edu.cn/_upload/article/files/b8/93/711f6d7f483098f0c0e525c04fed/f4a07305-4780-4fa1-b646-5d5e25250213.pdf?utm_source=chatgpt.com

³ 潘志平. 中国对恐怖主义的研究述评. 《国际政治研究》(季刊)2011年 第3期 (Пан Чжи Пин. Хитойнинг терроризмга оид тадқиқотларига шарҳ. "Халқаро сиёсат тадқиқотлари" (Чораклик журнал) 2011 йил, 3-сон) // https://www.jis.pku.edu.cn/docs/2018-06/20180628100720198744.pdf?utm_source=chatgpt.com

Шу билан бирга, Пан Чжи Пин “Хитой тадқиқотчилари дин терроризм манбаи эмаслигини, экстремистлар диний рамзлардан фойдаланишларини, аммо уларнинг фаолияти сиёсий характерга эга эканлигини, диний экстремизм, фундаментализм ва терроризм ўртасида фарқ борлиги тўғрисида яқдил қарашларга эгаллигини алоҳида таъкидлайди¹.

Умуман олганда, ХХР қонунчилиги ва тадқиқотчилари экстремизмга нисбатан “исломий экстремизм” ёки диний экстремизм тушунчасини қўллашади, шу билан бирга экстремизм диний эмас, балки сиёсий хусусиятга эга эканлигига урғу беришади.

Хусусан, МДХ олимлари орасида ҳам, “экстремизм” тушунчасининг жуда кўп талқинлари мавжуд, бу ҳолат ушбу минтақавий ташкилотга аъзо давлатларда турли даврларда ва турли шарт-шароитларда “экстремизм” тушунчасининг ҳуқуқий ва илмий таърифлари пайдо бўлганлиги билан изоҳланади. Шу сабабли бугунги кунда ушбу минтақада “экстремизм” атамасига нисбатан ягона тушунча мавжуд эмас.

Жумладан, С.И.Ожегов ва Н.Ю.Шведова экстремизм тушунчасига қуйидагича таъриф беришган: “экстремизм – ўта кескин қарашлар ва чораларга (одатда сиёсатда) содиқлик”².

Л.П.Крысин ўзининг “Толковый словарь иноязычных слов” номли луғатида тадқиқот мавзумиз бўлган ҳодисага қуйидагича: “Экстремизм, французча. *extrémisme* < лот. *extrēmus* — “энг чекка”. Сиёсатда, одатда, кескин қарашлар ва чора-тадбирларга мойиллик”³, - деб таъриф берган.

П.А.Данилов фикрича, экстремизм мафкураси, асосан, сиёсий мақсадларга эришиш учун нолегалитим асосда турли шаклдаги зўравонликни қўллашнинг назарий асоси бўлиб хизмат қилувчи

¹ Ўша манба.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

³ Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Изд-во Эскимо, 2006. С. 912.

радикал ғоявий йўналишлар ва назарий қарашлар мажмуи билан тавсифланади¹.

Н.Н.Артеменко ва Б.Н.Кичеев каби олимлар - “Сиёсатшуносликда экстремизм деганда, мавжуд сиёсий тизимни парчалашга қаратилган, бунда нафрат, адоват ва тажовузкорлик (агрессия) билан бирга кечадиган беқарорлаштирувчи омил тушунилади.

Ҳуқуқий нуқтаи назардан экстремизм қуйидаги белгилар билан тавсифланади: жамиятга қарши хусусиятга эгалиги; жамиятда демократик принциплар асосида ҳуқуқ-тартибот, қонунийлик ва тинчликни сақлаш зарурлиги ёки ҳақиқийлиги борасида шубҳа-гумон уйғотишга қаратилганлиги; жамоат учун хавфли оқибатларнинг юзага келиши; ҳаракатларнинг ноқонуний хусусиятга эгалиги, чунки экстремистик фаолият жиноят қонуни билан тақиқланган”²-деб таъриф беришган.

А.Г.Хлебушкиннинг берган таърифига кўра, экстремизм деганда, “амалга оширилиши конституциявий тузум асосларига ёки шахслараро муносабатларнинг конституциявий асосларига муҳим зарар етказадиган ёки етказиши мумкин бўлган ноқонуний фаолият” тушунилиши лозим³.

А.В.Юрчакнинг фикрига кўра, “экстремизм - зўравонлик қўллаган ҳолда муайян гуруҳларга нисбатан муросасизлик (тоқатсизлик), аҳоли қатламларининг айрим вакиллари томонидан ўзларининг моддий ёки ижтимоий аҳволи ёмонлашувига нисбатан

¹Данилов П.А. Защита прав, свобод и законных интересов личности при противодействии экстремизму: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Данилов П. А.; [Место защиты: Юрид. ин-т]. – Санкт-Петербург, 2011. С. 14.

² Артеменко Н.Н. Кичеев Б.Н. Понятие экстремизма // ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», Институт истории и права, г. Абакан, Республика Хакасия, Россия. 2019. С. 18.

³ Хлебушкин А. Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореферат дис. ... к.ю.н. : 12.00.08 / Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 2007. С 6-7.

билдирган муайян муносабат шакли бўлиб, ўзининг принципларини мажбурий равишда сингдиришдан иборат бўлган мафкурадир”¹.

Рус олими А.Т.Корниловнинг таъкидлашича, “экстремизм — умумий мафкурага, ягона қадриятларга ва мақсадга эга бўлмаган жамиятнинг парокандалиги маҳсулидир. Ушбу ижтимоий ҳодиса иқтисодий, ижтимоий, маънавий, миллатлараро, динлараро ва бошқа муносабатларда ижтимоий гуруҳлар манфаатлари ўртасида тенгсизлик ва қарама-қаршилик мавжуд бўлган жойда юзага келади. Экстремизмнинг илк кўринишлари жамиятнинг муайян ижтимоий гуруҳларга бўлиниши, улар ўртасида можаролар келиб чиқиши ва ушбу можароларни зўравонлик ёрдамида ҳал қилиш билан боғлиқ”².

Е.П.Быковнинг назарий қарашларига кўра, экстремизм - жамоат ва диний бирлашмалар, бошқа ташкилотлар, жисмоний шахслар томонидан миллий, ирқий, диний, ижтимоий, синфий, жинсий, сиёсий адоват ва нафрат сабабли содир этиладиган, инсон ва фуқаронинг ҳуқуқлари ҳамда асосий эркинликларини бузадиган, конституциявий тузум, давлат ва жамоат хавфсизлигига таҳдид соладиган ғайриқонуний хатти-ҳаракатлардир³.

Тожикистонлик тадқиқотчилардан Н.А.Кудратов ва К.А.Кудратов экстремизмга қуйидагича, яъни “кенг маънода, экстремизм — бу жамият, диний ва сиёсий ёки бошқа турдаги ташкилотлар ҳамда жисмоний шахсларнинг ягона бир мафкурани давлат мафкураси сифатида ўрнатишга, ижтимоий, мулкӣ, ирқӣ, миллий ёки диний адоватни қўзғатишга, миллий кадр-қимматни камситишга, инсон ҳуқуқларининг мутлақ қийматини инкор этишга, конституциявий тузум асосларини зўравонлик йўли билан

¹ Юрчак А. В. Понятие и сущность экстремизма // Вопросы науки и образования. 2018. №17 (29). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-ekstremizma> (дата обращения: 10.01.2022).

² Корнилов Т. А.; Международные аспекты противодействия экстремизму: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ]. – Москва, 2011. С. 8.

³ Быков Е.П. Административно-правовой механизм противодействия экстремистской деятельности в информационной сфере в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2025. – С. 31;

ўзгартиришга ва Тожикистон Республикасининг ҳудудий яхлитлигини бузишга, шунингдек унинг хавфсизлигига тажовуз қилишга қаратилган фаолиятни режалаштириш, ташкил этиш, тайёрлаш, молиялаштириш ёки бундай фаолиятни амалга оширишга бошқа тарзда кўмаклашишни, шунингдек мазкур фаолиятни амалга ошириш ёки шундай ҳаракатларни содир этишга очиқча даъватларни ўз ичига олган ҳаракатлар мажмуасидир”¹-деб таъриф беришган.

Яна бир Тожикистон Республикаси тадқиқотчиси Н.Д.Махмадизода таъкидлашича, “экстремизм - жамиятда кўзланган манфаатга эришиш учун ҳар қандай воситани қўллашни маъқул деб биладиган мафкурадир”².

Э.В.Демидованинг ўз тадқиқот ишида экстремизмга берган таърифи ҳам диққатга сазовор: у экстремизмни бир ёки бир нечта давлатларнинг барқарор сиёсий тизимини барбод этиш мақсадида беқарорлаштирувчи омил сифатида; ижтимоий хулқ-атворнинг барча даражаларида ҳар қандай чора ва воситалар билан жамиятни бузишга қаратилган ғайриижтимоий хатти-ҳаракат сифатида таърифлайди³. Ушбу талқин алоҳида эътиборга лойиқ, чунки у экстремизмни шунчаки экстремистик қарашларга эга бўлиш эмас, балки давлатнинг сиёсий тизимини бузувчи омил ҳамда ғайри ижтимоий (яъни умум қабул қилинган қонун-қоидаларга хилоф) хатти-ҳаракатлар сифатида кўриш имконини беради.

Л.В.Савинов экстремизмга қуйидагича таъриф берган: бу жамият ҳаётининг бирор бир соҳасида (сиёсий, иқтисодий, маънавий ёки ижтимоий) жамоат муносабатларига ўзгартириш киритиш мақсадида ноқонуний чоралар ёрдамида кескин қарашларни ифода

¹ Кудратов Н.А., Кудратов К.А. Некоторые подходы к определению понятия и сущности экстремизма // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан.// Журнал Законодательство № 2(10), 2013 апрель – июнь. – С. 77.

² А.Ш. Давлатзода. Опасность религиозного экстремизма для национальной культуры: автореферат дисс. ... канд.филос.наук.: 6D020600 / Таджикского национального университета. – Душанбе, 2025. С 13.

³ Демидова Е. В. Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 66–69.

этишдир¹. Бу талқинда экстремизм тушунчаси жамият ҳаётининг бир нечта соҳаларига нисбатан кўриб чиқилади, бу эса, унинг моҳиятини кенгайтиради.

Н.Н.Афанасевнинг қарашига кўра, “экстремизм турли мақсадларга (аксарият ҳолларда сиёсий) эришиш учун зўравон чораларни қўллашга асосланган радикал қарашлар тизимидир”². Ушбу таърифда экстремизм нафақат эътиқод ёки ғоя, балки ҳам фаолиятни, ҳам қарашларни қамраб олувчи муносабатлар мажмуаси сифатида эътироф этилади.

В.В.Бирюков эса, “экстремизмни ўз тамойилларини мажбуран ёйиш ва муҳолифларни зўрлик билан бостиришга асосланган мафкура³” сифатида таърифлашни таклиф этади. Муаллифнинг фикрича, бу таъриф тўлиқ эмас, чунки у фақат мафкурани ва уни тарқатиш ҳамда сингдиришга қаратилган чораларни ўз ичига олади, холос.

МДХ давлатлари қонунчилигида ҳам экстремизм тушунчасига берилган таърифларда муҳим фарқлар мавжудлиги кўзга ташланади. Масалан, Тожикистон Республикаси қонунчилиги экстремизмга қуйидагича таъриф беради: “экстремизм - сиёсий, ижтимоий, миллий, ирқий, минтақавий ва диний муаммоларни зўравонлик ва бошқа ноқонуний хатти-ҳаракатлар билан ҳал қилишга қаратилган мафкура ва экстремистик фаолиятнинг ифодасидир⁴”-деб таъриф берилган. Бунда экстремизм тушунчасига бир қанча муаммоларни, шу жумладан минтақавий муаммоларни зўравонлик ва бошқа ноқонуний хатти-ҳаракатлар билан ҳал қилишга қаратилган экстремистик фаолият сифатида қаралмоқда.

¹ Исследование и экспертиза экстремистских материалов / Л. В. Савинов [и др.]. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011. 176 с.

² Афанасьев Н. Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 234–235.

³ Бирюков В. В. Еще раз об экстремизме // Адвокат. 2006. № 12. С. 8–19.

⁴ Закон Республики Таджикистан о противодействии экстремизму от 02.01.2020 // URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=22828 (дата обращения: 15.11.2024).

Шунингдек, экстремизм таърифига унинг доктрина ёки мафкура сифатидаги таърифи ҳам киритилган, бироқ ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар нуқтаи назаридан, мафкура мавжудлиги ёки унга мойилликни исботлаш анча мураккаб масала ҳисобланади.

“Экстремизмга қарши курашиш тўғрисида”ги Қозоғистон Республикаси Қонунининг 1-моддаси 1-бандида “экстремизм” ва “экстремистик ҳаракатлар” тушунчалари алоҳида ажратилиб кўрсатилган бўлиб, экстремизмга экстремистик деб тавсифланувчи ҳаракатларни ташкил этиш ёки уларни содир этиш деб таъриф берилган. Шунингдек, қонунда экстремизм – фақатгина сиёсий, миллий ва диний турларга ажратиб кўрсатилган¹. Экстремизмни фақат уч турга ажратиш биров нотўғри ҳисобланади, чунки кўплаб тадқиқотчилар экстремизмнинг бир қанча турлари мавжудлигини таъкидлаб келадилар.

Умуман олганда, МДХга аъзо давлатлар - Россия Федерацияси², Молдова³, Қозоғистон⁴, Қирғизистон⁵, Тожикистон⁶, Беларус⁷ Республикаларида “Экстремизмга қарши курашиш тўғрисида”ги Қонунлари қабул қилинган. Ушбу қонунларнинг умумий жиҳати шундаки, улар инсон ва фуқароларнинг ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоя қилиш мақсадида экстремизмга

¹ О противодействии экстремизму: закон Республики Казахстан от 18.02.2005 // Информационная система «Юрист». URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 15.11.2024).

² Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ “О противодействии экстремистской деятельности” // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18939>

³ Закон № 54 от 21-02-2003 “О противодействии экстремистской деятельности” // https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=93636&lang=ru

⁴ Закон Республики Казахстан “О противодействии экстремизму” // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865

⁵ Закон Кыргызской Республики от 24 февраля 2023 года № 40 “О противодействии экстремистской деятельности” // <https://cbd.minjust.gov.kg/4-3281/edition/1243725/ru>

⁶ Закон Республики Таджикистан о противодействии экстремизму от 02.01.2020 // URL: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=22828 (дата обращения: 15.11.2024).

⁷ Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З “О противодействии экстремизму” // <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700203>

(экстремистик фаолиятга) қарши курашишнинг ҳуқуқий ва ташкилий асосларини белгилайди.

Шуни ҳам таъкидлаш жоизки, РФ, Беларус ва Қирғизистон республикаларининг қонунларида “экстремизм” ва “экстремистик фаолият” тушунчалари синоним бўлса, Ўзбекистон, Тожикистон ва Молдова республикалари қонунларида “экстремизм”, “экстремистик фаолият”дан ажратилган. Шунингдек, баъзи қонунларнинг ўзига хос хусусиятлари бор, улар, “экстремизм” тушунчасининг таърифига тааллуқлидир. МДХ давлатларининг қонунчилигида экстремизм тушунчасига берилган таърифларнинг ўхшаш жиҳатлари мавжуд. Чунки, ушбу давлатларнинг ҳуқуқ тизимининг негизи собиқ Иттифок даврига бориб тақалади.

Учинчи гуруҳга, экстремизм тушунчасига хорижий — ғарб давлатлари луғатлари, энциклопедиялари, қонунчилигида берилган таърифлар, ғарб олимлари тадқиқотларида илгари сурилган назарий қарашлар ҳамда халқаро ташкилотлар томонидан қабул қилинган ҳужжатларда берилган таърифларни киритдик.

Жумладан, Кембридж инглиз тили луғатида “экстремизм” атамасига қуйидагича: “Extremism — кўпчилик томонидан ақлга сиғмайдиган ва қабул қилиб бўлмайдиган деб ҳисобланган эътиқодларнинг кимдадир мавжуд бўлиши фактидан иборат”¹, деб таъриф берилган.

“Extremus сўзини сиёсий маънода илк бор ўз асарларида француз маърифатпарвари ва ҳуқуқшуноси Шарль Монтескье қўллаган бўлиб, у ўз тадқиқотларида давлат бошқаруви тизими нуқтаи назаридан зўравон бошқарув (деспотия) тушунчасини очиб беради ва таҳлил қилади. Монтескье жамият учун хавф туғдирувчи “энг чекка тенглик” деб аталган ҳолатни — у “якканинг ҳукмронлиги” деб атаган тузумни — батафсил тавсифлаб ўтади².

¹ Cambridge Dictionary. // <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/extremism>

² Montesquieu. 1977. David Wallace Carrithers (ed.). The Spirit of Laws: A Compendium of the First English Edition. Berkeley: U California P., 689.

“Буюк Француз инкилоби даврида эса, бу сўзни журналистлар аввал бор ўта чап ва ўта ўнг сиёсий кучларни ифода этиш учун (*extrémité gauche, extrémité droite*) қўллай бошлаган¹”, - деб таъкидлайди Н.Соснов.

Ўз навбатида, хорижий давлатлар қонунчилигида экстремизм тушунчасининг мустақамланишига эътибор қаратамиз.

Хусусан, 2015 йилда Буюк Британия ҳукумати экстремизмга қарши курашиш стратегияси лойиҳасини эълон қилди ва экстремизмни “давлатнинг асосий қадриятларига пассив ёки фаол қаршилиқ²” деб таърифлади. Ушбу ҳужжатда экстремизм ва терроризм тушунчаларининг қўшилиб кетган. Бу эса, жиддий камчилик ҳисобланади. Чунки, экстремистик деб эътироф этиладиган, бироқ террорчилик хусусиятига эга бўлмаган қилмишлар рўйхати мавжуд.

Францияда “экстремизм” тушунчасининг таърифи қонунчилик даражасида мавжуд эмас, аммо унинг кўринишлари билан боғлиқ кўплаб қонунлар амал қилади³. Бир томондан, бу кўпроқ миқдордаги қилмишларни экстремистик деб тақдим этиш ва улар учун жазо чораларини белгилаш имконини беради. Иккинчи томондан, ягона қонунчилик ҳужжатининг йўқлигини у билан боғлиқ қилмишларнинг тизимлаштирилмаганлиги сабабли камчилик деб ҳисоблаш мумкин.

Хорижий тадқиқотларга эътибор қаратадиган бўлсак, немис олимлари А.Пфал-Траугбер ва Э.Йессе экстремизмни конституциявий давлатда демократиянинг асосий тамойилларини

¹Соснов Н. Экстремизм: история и современность. – [Электронный ресурс]. – <https://vestnikburi.com/ekstremizm-istoriya-i-sovremennost/> (мурожаат қилинган сана 20.08.2025).

²Counter-Extremism Strategy (Policy Paper) // UK Government Official Website. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/counter-extremism-strategy> (мурожаат қилинган сана: 20.06.2024).

³ France Counter-Terrorism legislation // Legislation database of OSCE Participating States. // URL: https://legislationline.org/search?q=lang%3Aen%2Csort%3Amost_read_first%2Ctopics%3A135%2Ccountry%3A103%2Cpage%3A1 (мурожаат қилинган сана: 21.07.2024).

йўқ қилишга қаратилган ҳодиса сифатида таърифлаганлар¹. Бироқ, “экстремизм” тушунчаси фақатгина сиёсат соҳасига тегишли бўлмаслиги мумкинлиги сабабли, бу таъриф мазкур ҳодисанинг умумий моҳиятини қисман акс эттиради, холос.

Америкалик тадқиқотчилар – Колумбия университети доктори Питер Колман ва Жорж Мейсон университети доктори Андреа Бартоли – “Экстремизмга мурожаат” номли ўзларининг ҳаммуаллифликдаги тадқиқот ишида “Экстремизм мураккаб ижтимоий ҳодиса (феномен)дир. Бу феномен кўпинча одатдаги (бошқача сўз билан айтганда, умум қабул қилинган) қарашлардан фарқ қилувчи бир қанча фаолият турлари (этикодлар, ҳис-туйғулар, ҳаракатлар, стратегиялар ва хулқ-атвор) мажмуасидир²”, - деб таърифлашади.

Ушбу таърифнинг юқоридаги маҳаллий ёндашувлардан асосий фарқни қайд этишимиз муҳим ҳисобланади. Ушбу фарқ шундан иборатки, экстремизм фақат стратегия ёки мафкура сифатида эмас, балки ҳаракатлар, этикодлар ёхуд хулқ-атвор мажмуи сифатида белгиланган. Бундан ташқари, “умум қабул қилинганлардан фарқ қилувчи қарашлар” иборасини қўллаш бизга у ёки бу ҳаракатни бошқа нуқтаи назардан кўриб чиқиш имкониятини беради. Бу эса, ушбу таърифнинг ўзига хос жиҳати ҳисобланади. Чунки, айтиб бериш керакки, бир вақтнинг ўзида ҳам адолатли (масалан, миллий озчиликни озодлик учун кураши), ҳам адолатсиз (масалан, мавжуд қонуний ҳукуматга қарши терроризм) сифатида баҳоланиши мумкин.

Бунга ёрқин мисол сифатида бир неча йиллар олдин Украинада содир бўлган воқеаларни келтиришимиз мумкин.

¹ Зинурова Р. И., Тузиков А. Р. Экстремизм в мировом пространстве: теоретико-методологический аспект [Электронный ресурс] // Вестник Казанского технологического университета. 2011. №17. С. 216 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekstremizm-v-mirovom-prostranstve-teoretiko-metodologicheskii-aspekt> (дата обращения: 18.06.2023).

² Coleman P. T. Addressing Extremism. URL: <https://libertyunderattack.com/wp-content/uploads/2015/06/Addressing-Extremism-ICCCR-ICAR.pdf> (мурожаат қилинган сана: 28.06.2024).

Жумладан, Киевдаги ҳокимият нуқтаи назаридан, Украина давлатининг бир қисми бўлган ҳудудларнинг ажралиб чиқиб, Донецк Халқ Республикаси ва Луганск Халқ Республикаси номига ўзгартирилишини маъқулланган ушбу ҳудудлар аҳолиси экстремист ва террорист сифатида тавсифланган.

Бироқ, Донецк ва Луганск вилоятлари ҳудудида яшовчиларнинг аксарияти нуқтаи назаридан, улар – ўз озодлиги учун курашчилар бўлиб, эзгу амални бажарганлар. Яъни, айтиб бериш мумкин. Бу эса, ушбу тадқиқотчилар томонидан экстремизмга берилган таърифнинг ўзига хослигидан дарак беради.

Руминия Республикаси Орадея университетининг тадқиқотчилари: С.Трип, С.Бора, М.Мариан, А.Ҳалмаян, М.Драгаслар ўзларининг ишида экстремизмга қуйидагича таъриф беришган: экстремизм - бу сиёсий акторларнинг ўз мақсадларига эришиш учун фойдаланадиган сиёсий мафкуралар ва усуллардир¹. Шу билан бирга, экстремистик сиёсий мафкуралар жамиятнинг асосий фундаментал қадриятларига ва демократия тамойилларига зид қўйилади, экстремистик хулқ-атвор эса, меъёрдан четга чиққан ҳар қандай реакция, яъни, девиант (нормадан оғишган) хулқ-атвор ҳисобланади. Айнан шундай таърифларни мазкур олимлар жамият радикаллашувини кейинги тадқиқот қилишлари учун асос қилиб оладилар.

Маълум бир маънода, бундай талқиннинг ўзига хос жиҳати шундаки, экстремизм ҳам мафкураларни, ҳам уни илгари суриш усуллари қамраб олиши мумкин. Бошқа томондан, ушбу тушунча айнан сиёсат билан боғланган бўлиб, бу ҳолат айрим маҳаллий ва хорижий муаллифлар томонидан ажратиб кўрсатиладиган

¹ Trip S., Bora C. H., Marian M., Halmajan A., Drugas M. Psychological Mechanisms Involved in Radicalization and Extremism. A Rational Emotive Behavioral Conceptualization [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. Режим доступа: <https://www.frontiersin.org/article/10.3389/fpsyg.2019.00437> (дата обращения: 15.11.2025).

ижтимоий ёки диний экстремизмни алоҳида ҳодиса сифатида тадқиқ қилиш имкониятини истисно этади.

Словениянинг Марибор университети тадқиқотчиси Андрей Сотляр ўз тадқиқот ишида “Экстремизм — бу сиёсий атама бўлиб, терроризм, ксенофобия, динлараро ва миллатлараро нафрат, ирқчилик ва сиёсий радикализм доирасидаги фаолият турларини белгилайди. Бундай фаолиятлар маънавий, мафкуравий ёки сиёсий жиҳатдан давлатнинг мустаҳкамланган ва ёзилмаган ҳуқуқий нормаларига мос келмайди, ҳамда давлатни бошқариш усули сифатида демократияни ва мавжуд ижтимоий тартиботни инкор этади.”¹ – деб, ушбу тушунчага таъриф беради.

Бизнинг нуқтаи назаримиздан, бундай таъриф бир томондан экстремизм ёки экстремистик қилмиш деб ҳисобланиши мумкин бўлган ҳодисаларнинг чегараларини ноаниқ қилиб қўйса, бошқа томондан талқин қилиш йўналишини (сиёсий ёки ҳуқуқий) танлаш ва аниқроқ таъриф бериш имконини яратади. Шунга қарамай, тадқиқот нуқтаи назаридан бундай талқин аниқ белгиланган чегараларнинг мавжуд эмаслиги сабабли нотўғри ҳисобланади.

Экстремизм ҳодисасининг юқорида келтирилган тушунча ва талқинларини таҳлил қилиб, биз таърифларни турли концепциялар бўйича туркумлашни ва натижаларни умумлаштиришни таклиф этамиз (1-жадвалга қаранг).

1-жадвал. Турли концепцияларда экстремизмни таърифлашнинг афзалликлари ва камчиликлари.

Тадқиқот соҳаси	Афзалликлар	Камчиликлар
<i>Ўзбекистон Республикаси норматив-ҳуқуқий базаси</i>	Экстремизмнинг умумий хусусиятлари берилган;	Экстремизмнинг аниқ таърифи йўқ; Фақат жамият

¹ Sotlar A. Some Problems with a Definition and Perception of Extremism within a Society // Policing in Central and Eastern Europe: Dilemmas of Contemporary Criminal Justice. Document No.208033 Date Received: December 2004. <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/Mesko/208033.pdf> (муружаат қилинган сана: 28.06.2024).

	Экстремизм айрим ҳаракат ва қилмишларни санаб ўтиш орқали тавсифланган.	ҳаётининг бир соҳаси ҳисобга олинади
<i>Ҳуқуқий концепциялар</i>	Зўравонликка асосланган қилмишлар ҳисобга олинган; Мавжуд давлат тузумини бузишга қаратилган ҳаракатлар ажратилган.	Ягона келишилган фикр йўқ; Тор талқинлар; Экстремизм кўпинча фақат стратегия сифатида талқин этилади
<i>Сиёсатишунослик концепциялар</i>	Атаманинг комплекс таҳлил қилишга уринишлар мавжуд.	Экстремизм фақат идеология ёки стратегия сифатида кўрилади
<i>Хорижий концепциялар</i>	Экстремизм икки томонлама (адолатли ва адолатсиз) кўриб чиқилади.	Кўпинча “экстремизм” ва “терроризм” тушунчалари орасидаги чегара белгиланмаган.

Шу сабабли биз томондан тадқиқот ишимизда, юқоридаги таърифларни умумлаштирган ҳолда, экстремизм тушунчасига қуйидаги мазмунда таъриф берилди:

Маҳаллий, минтақавий ҳамда хорижий давлатларнинг қонунчилиги, минтақавий ва халқаро ташкилотларнинг ҳужжатлари ҳамда тадқиқотчилар томонидан келтирилган экстремизм тушунчасига берилган таърифларнинг юқоридаги вариантларини таҳлил ва танқид қилиш ҳамда ўзаро таққослаш орқали биз ушбу тушунчага қуйидаги муаллифлик таърифини ишлаб чиқдик:

Экстремизм — ижтимоий-сиёсий вазиятни беқарорлаштириш, Ўзбекистон Республикасининг конституциявий тузумини зўрлик билан ўзгартириш, ҳокимиятни зўрлик ишлатиб

эгаллаш ва унинг ваколатларини ўзлаштириб олиш мақсадида жамиятда адоват ёки душманлик кайфиятини қўзғатувчи кескин зўравонлик, нафрат ёхуд тоқатсизлик зоя (сиёсий, диний, миллатчилик ва ҳ.к.) ларини тарғиб қилиш, қўллаб-қувватлаш, рағбатлантириш, оқлаш ёки уларга даъват қилиш билан намоён бўладиган ғайриқонуний хатти-ҳаракатларнинг мажмуидир.

Бизнинг қарашимизча, бундай таъриф тушунчанинг мазмун-моҳиятини тўлиқроқ очади. Чунки, экстремизм дастлаб анъанавий жамият қарашларидан фарқ қилувчи ўта кескин (экстремал) қарашларни англатган. Қолаверса, илмий адабиётлар таҳлили жараёнида кўриб чиқилган таърифларнинг аксариятида экстремизм деганда фақатгина ғайриқонуний, кўпинча зўравонлик хусусиятига эга ҳаракатларни тушунилади. Бироқ, қилмишларнинг фақат зўравонлик хусусиятини келтириш ҳар доим ҳам тўғри эмас. Чунки, масалан, экстремистларнинг шахсий ғоявий қарашлари ва мафкураларини тарғиб қилиш кўпинча зўравонлик орқали амалга оширилмайди.

Шу билан бирга, “Экстремизмга қарши курашиш тўғрисида”ги ЎРҚ-489-сонли Ўзбекистон Республикаси Қонунига биноан, экстремистик (сиёсий, диний, миллий ва ҳ.к.) ташкилотларнинг атрибутларини ёки рамзий белгиларини намоёиш этиш ҳам экстремизмнинг кўриниши ҳисобланади. Бундай атрибутларини ёки рамзий белгиларини (кўчада, майдонда ёки интернет тармоғида) оммавий намоёиш қилаётган шахсларнинг хатти-ҳаракатлари тинч характерга эга бўлсада, бироқ улар ўзларининг ушбу хатти-ҳаракатлари билан экстремистик ташкилотларни фаолиятини тарғиб қилиши, бу ўз-ўзидан экстремизм ҳисобланади.

Ушбу берган таърифимизнинг яна бир муҳим жиҳати – бу жамият ҳаёти соҳаларини ёки уларнинг таркибий қисмларини қайта ислоҳ қилиш одатда, қарашларнинг кескинлиги жамият аъзоларининг (ёки бутун ижтимоий қатламларнинг) ҳаётдаги бирор вазиятдан норозилиги, у ёки бу муаммони (масалан, сиёсий, ижтимоий ёки иқтисодий) ҳал қилишнинг имконсизлиги каби

сабабли келиб чиқади. Бу эса, мавжуд тартибни қайта ислоҳ қилиш заруриятига ёки баъзан, сохта заруриятига олиб келиши мумкин. Ушбу ҳолат ҳам таклиф этилаётган таърифда назарда тутилган.

Хулоса қилиб айтганда, экстремизмнинг ушбу таърифи мазкур ҳодисани чуқурроқ ва ҳар томонлама ўрганишни таъминлайди. Шунингдек, уни тўлиқроқ тушуниш экстремизмга қарши курашиш бўйича самарали чора-тадбирлар ишлаб чиқиш имконини беради.

АШУРОВ УЛУГБЕК ЭРКИНОВИЧ

Ўзбекистон Республикаси Бош
прокуратураси бошқарма бошлиғи,
ю.ф.ф.д. (PhD)

ЎЗБЕКИСТОНДА ЖИНОЯТЧИЛИКНИНГ ОЛДИНИ ОЛИШ ШАКЛЛАРИ ВА УСУЛЛАРИНИ ТАКОМИЛЛАШТИРИШ МАСАЛАЛАРИ

Аннотация: Мазкур мақолада мамлакатимизда жиноятчиликнинг олдини олиш шакллари ва усуллари тақомиллаштириш масалалари, хусусан бу йўналишдаги норма ижодкорлиги масалалари, статистик маълумотлар таҳлили, профилактик тадбирларнинг аҳамияти ҳақида сўз юритилган. Шунингдек, мақолада жиноятчиликнинг олдини олишга доир таълим жараёни ва илм-фаннинг ўрни хусусида сўз юритилган.

Аннотация: В данной статье рассмотрены вопросы совершенствования форм и методов предупреждения преступности в нашей стране, в частности вопросы нормотворчества в данном направлении, анализ статистических данных, значение профилактических мероприятий. В статье также рассматривается образовательный процесс и роль науки в профилактике преступности.

Abstract: This article discusses the issues of improving the forms and methods of crime prevention in our country, in particular, the issues of rulemaking in this area, the analysis of statistical data, and the importance of preventive measures. The article also examines the educational process and the role of science in crime prevention.

Калит сўзлар: профилактика, жиноятчиликнинг олдини олиш, жамоатчилик, қонунчилик, ҳуқуқбузарлик

Ключевые слова: профилактика, предупреждение преступности, общество, законодательство, правонарушение

Keywords: prevention, crime prevention, society, legislation, offense

Мамлакатимизда жамоат хавфсизлигини таъминлаш, ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш ва жиноятчиликка қарши курашишнинг яхлит тизимини шакллантириш, ички ишлар органларининг энг қуйи бўғинидан республика даражасигача самарали фаолиятини йўлга қўйиш ва замонавий иш услубларини жорий этиш орқали мамлакатимизда ҳуқуқ-тартибот ва қонунийликни мустаҳкамлаш, аҳолининг тинчлиги ва осойишталигини таъминлаш бўйича сўнгги йилларда бир қатор ислохотлар амалга оширилмоқда. Хусусан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 26 мартда “Жамоат хавфсизлигини таъминлаш ва жиноятчиликка қарши курашиш соҳасида ички ишлар органлари фаолиятини сифат жиҳатидан янги босқичга кўтариш чора-тадбирлари тўғрисида”¹ги ПФ-6196-сон Фармони қабул қилинди. Ушбу Фармонда ички ишлар органлари ходимларининг замонавий қиёфасини яратиш, уларнинг масъулияти ва касбий салоҳиятини ошириш, жиноятчиликнинг янги кўринишларига қарши курашиш учун зарур кўникмаларни шакллантириш ҳамда соҳани тўлиқ рақамлаштиришга эришиш вазифаси белгиланган.

Жамоатчилик вакиллари билан биргаликда фуқароларнинг муаммоларини ўз вақтида аниқлаб, имкон қадар қисқа муддатларда ҳал этиш ишлари тўғри ташкил этилмаганлиги, фуқаролар йиғинлари ва ички ишлар органларининг ҳамкорликдаги фаолияти талаб даражасида ташкил этилмаганлиги оқибатида тан жароҳати

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 21 мартдаги “Жамоат хавфсизлигини таъминлаш ва жиноятчиликка қарши курашиш соҳасида ички ишлар органлари фаолиятини сифат жиҳатидан янги босқичга кўтариш чора-тадбирлари тўғрисида”ги Фармони <https://lex.uz/ru/docs/5344118>

етказиш билан боғлиқ жиноятлар сони юқорилигича қолмоқда. Хусусан, статистик маълумотларга кўра 2023 йилда жами 7401 та қасддан баданга енгил, ўртача оғир ёки оғир шикаст етказиш билан боғлиқ жиноятлар содир этилган бўлиб, улардан 33 таси рашк туфайли, 22 таси мол-мулк талашиш оқибатида, 643 таси мураси келишмаганлиги оқибатида ҳамда 374 таси бошқа сабаблар оқибатида содир этилган¹.

Ачинарлиси, бу турдаги жиноятларнинг аксарияти узок вақт мобайнида ҳал этилмаган оилавий низолар сабаб бўлмоқда. Бу эса профилактик тадбирлар тўғри йўлга қўйилмагани, раҳбарларнинг ҳуқуқбузарликлар профилактикасини таъминлашга масъул бўлган субъектлар билан ҳамкорликдаги ишларни ташкил этишдаги ташкилотчиликлари етарли эмаслигини кўрсатмоқда.

Қайд этиш керакки, Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 24 декабрдаги қарори билан прокуратура органлари томонидан ички ишлар органлари билан биргаликда маҳаллалар кесимида жиноятлар акс эттирилган туман (шаҳар)ларнинг электрон геоинформацион хариталари тузилиши белгиланган бўлса-да, бир қатор туман-шаҳарлардаги маҳаллалар кесимида электрон геоинформацион хариталар аксарият ўринларда шакллантирилмаган. Назаримизда, оила-турмуш муносабатлари доирасидаги ҳуқуқбузарликлар профилактикаси фаолиятини ташкил этиш ва мувофиқлаштиришда ҳудудлардаги барча маҳаллалар кесимида жиноятлар, айниқса оила-турмуш доирасида содир этилган жиноятлар акс эттирилган туман (шаҳар) ларнинг электрон геоинформацион хариталари тузилиши мақсадга мувофиқ.

Алоҳида қайд этиш керакки, жиноятчиликнинг олдини олиш ва уларни профилактика қилиш соҳасидаги муносабатларни тартибга солишга қаратилган 20 дан ортиқ қонунчилик ҳужжатларининг мавжудлиги ва уларнинг тарқоқ ҳолда эканлиги соҳага масъул органларнинг ўзаро бир-бирини такрорловчи функция ва

¹ <https://stat.uz/uz/rasmiy-statistika/crime-and-justice-2>

вазифаларни амалга оширишига, профилактика қилиш самарадорлиги ортишига салбий таъсир кўрсатмоқда.

Таъкидлаш лозимки, олимлар томонидан жиноятчиликнинг олдини олиш бўйича турлича қараш ва фикрлар билдирилган. Хусусан, Г.Нурмухаммедова ва Ф.Амоновга кўра, республика миқёсида, ҳудудлар ва алоҳида бўлимларда коррупциянинг олдини олиш ва унга қарши курашишга масъул бўлган мутахассисларни тайёрловчи, уларнинг махсус билим ва кўникмаларини ривожлантиришни таъминловчи, мансабдор шахсларга коррупциянинг зарарли оқибатларини тушунтирувчи мунтазам равишда мажбурий ўқитиш учун таълим тизимини яратиш лозим¹.

Навбатдаги масала статистик маълумотларни тўғри ва аниқ шакллантириш билан боғлиқ. Маълумки, бугунги кундаги мавжуд статистикани шакллантириш мезонлари объектив ҳолатни қамраб олмайди. Жорий амалиёт 1972 йилда БМТ томонидан жиноятчилик ҳолати ҳақидаги маълумотларни тақдим этиш тўғрисидаги мурожаатидан келиб чиқиб шакллантирилган. Бугунги кундаги статистик карточкалар ва статистик кўрсаткичлар мезонлари (умумий жиноятчилик, алоҳида жиноятлар тури, жиноятчи шахслар тоифаси ва бошқ.) собиқ Совет иттифоқи (1970) пайтидан бери юритилади.

Бироқ, жиноий-ҳуқуқий статистика динамикасига асосланган ички ишлар органлари фаолиятини баҳолаш тизими бугунги кун талабларига жавоб бермайди. Ички ишлар органлари томонидан юритиладиган жиноятчилик ҳолати бўйича статистик маълумотлар билан ҳар бир фуқаронинг танишиш, шунингдек уларни онлайн режимда кузатиш имконияти яратилмаган.

Таълим жараёни ва илм-фаннинг ҳуқуқни қўллаш амалиёти билан узвий интеграциясини таъминлаш мақсадида:

¹ Ф.Амонов, Г. Нурмухаммедова “Коррупция билан боғлиқ жиноятлар содир этилишига имкон берувчи шарт-шароитлар ва уларнинг олдини олиш масалалари // Academic research in educational sciences. 2022. №4.

- жиноят-ҳуқуқий статистика билан танишиш тартибини соддалаштириш;

- жиноятчилик ва ҳуқуқбузарлик ҳолати юзасидан очиқ маълумотлар базасини кенгайтириш, жумладан содир этилган жиноятлар бўйича барча маълумотларни ўзида акс эттирувчи e-criminalstat порталини ишга тушириш бўйича таклифлар ишлаб чиқиш. Бунда жиноятчилик ҳолати, унинг барча криминологик жиҳатлари, яъни жиноятлар сони, тури, динамикаси, жиноят содир этган шахсга оид маълумотлар (жинси, ёши, касби ва б.), ҳудудлар, яъни “Республика–вилоят-туман-шаҳар-маҳалла” кесимида тақдим этишни йўлга қўйиш мақсадга мувофиқ.

Бугунги кунда профилактика инспекторлари МЖТКнинг 14 та моддаси бўйича маъмурий ҳуқуқбузарликларни кўриб чиқади ҳамда 30 га яқин маъмурий ҳуқуқбузарликлар юзасидан тузилган баённомалар кўриб чиқиш учун судга тақдим этади. Профилактика инспекторлари томонидан тухмат, ҳақорат қилиш, енгил тан жароҳати етказиш, ит ва мушук боқиш қоидаларини бузиш, майда безорилик каби маъмурий ҳуқуқбузарликларни мустақил кўриб чиқиш ваколатининг мавжуд эмаслиги, шунингдек маъмурий баённомаларни кўриб чиқиш учун судга юборилиши, судда профилактика инспектори иштирокининг ҳам талаб этилиши унинг иш юкламаси ортишига олиб келмоқда. Шунингдек, маъмурий ҳуқуқбузарликка оид ишни судга тақдим этиш ва судда кўриш учун ходимнинг ўртача 5-6 соатлаб, қилмиш тан жароҳати билан боғлиқ ҳолларда эса унинг бир неча кунлаб вақти сарфланишига олиб келмоқда.

Маъмурий ҳуқуқбузарлик тўғрисидаги баённомани судга онлайн тарзда юбориш тартиби жорий қилинган бўлсада, у амалда тезкорликни таъминлашга, электрон ҳужжат алмашиш талабларига жавоб бермайди. Шунингдек АБД (яшаш манзиллари тўғрисида маълумотлар базаси), Ф-1, Ф-2 (маълумотлар) шакллари базаларини юритишга мўлжалланган дастурларни автоматик тўлдириш, тезкор маълумотларни қайта ишлаш ва эксплуатация қилишда уларнинг

ўзаро ягона интеграция қилинмаганлиги ҳуқуқбузарликларни профилактика қилиш, маъмурий ҳуқуқбузарлик ва жиноят ишини юритишни рақамлаштиришга тўсиқ бўлмоқда. Айрим ҳолларда статистик маълумотлар қоғоз шаклда юритилмоқда. Бу эса пробация ва профилактика тизимларининг тўлиқ рақамлаштирилмаганлиги унинг самарадорлигига салбий таъсир кўрсатмоқда.

Шунингдек, ҳозирда ҳуқуқбузарликлар профилактикаси ва жиноятчиликка қарши курашишда фаол иштирок этиб, фуқаролик бурчини бажарган шахсларга нисбатан шахсларни рағбатлантириш тизими шакллантирилмаган. Шунингдек, ҳуқуқбузарлик ёки жиноят ҳақида хабар берган шахсларнинг қонунга итоаткор фуқаро сифатида эмас, балки жамият аъзоларига зарар етказаётган шахс сифатида талқин қилиниши, айрим ижтимоий фаол фуқаролар (депутатлар, диний уламолар ва бошқ.) томонидан жамоавий изза қилиниши мамлакатимизда мазкур институтлар ривожланишига тўсиқ бўлмоқда.

Шу жиҳатдан жиноятчиликнинг олдини олишда фаол иштирок этиб, фуқаролик бурчини бажарган шахсларга нисбатан ҳуқуқбузарликлар профилактикаси ва жиноятчиликка қарши курашишда фаол иштирок этганлиги туфайли содир этилиши мумкин бўлган турли тазйиқларнинг олдини олиш, ҳуқуқ ва эркинликлари ҳамда қонуний манфаатларини ҳимоя қилиш, уларни ўзбошимчалик билан жазолаш, кибербуллинг (ижтимоий тармоқлар орқали зўравонлик қилиш) ҳолатларига барҳам беришнинг ҳуқуқий асосларини ишлаб чиқиш ҳамда жиноятчиликка қарши курашишда фаол иштирок этганларни моддий рағбатлантириш, “Ҳуқуқбузарликка қарши кураш аълочиси” кўкрак нишонини таъсис этиш бу борадаги чора-тадбирларни амалга оширишда кенг жамоатчилик вакиллари қамраб олиш ҳамда уларни рағбатлантиришга хизмат қилади деб ўйлаймиз.

МАРУПОВ ЭРКИН ЭЛМИРОВИЧ

Начальник цикла информационных технологий
Института повышения квалификации МВД Республики
Узбекистан

ДЕТИ И КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ: РИСКИ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА

Аннотация: Статья посвящена проблеме киберпреступности среди несовершеннолетних, рассматривая её актуальность и стремительный рост. Анализируются различные виды киберпреступлений, жертвами и исполнителями которых становятся дети: от преступлений против половой неприкосновенности до мошенничества и кибербуллинга. Выявляются причины вовлечения детей в киберпреступность и предлагаются меры профилактики, включая повышение медиаграмотности, работу с семьями и школами, а также совершенствование законодательства.

Abstract: This article addresses the issue of cybercrime among minors, examining its relevance and rapid growth. It analyzes various types of cybercrimes in which children are both victims and perpetrators, ranging from sexual offenses to fraud and cyberbullying. The study identifies reasons for children's involvement in cybercrime and proposes preventive measures, including enhancing media literacy, working with families and schools, and improving legislation.

Ключевые слова: киберпреступность, дети, интернет, профилактика, угрозы, безопасность.

Keywords: cybercrime, children, internet, prevention, threats, security.

В современном цифровом мире Интернет стал неотъемлемой частью жизни¹, предоставляя беспрецедентные возможности для общения, образования и развлечений. Однако, вместе с этим, он порождает новые виды угроз, особенно для детей и подростков²,

¹ Е.Ю. Андреевна: Влияние информационной среды и высоких технологий на преступность несовершеннолетних и молодежи, «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки» №3(66) 2022 Alley-science.ru.

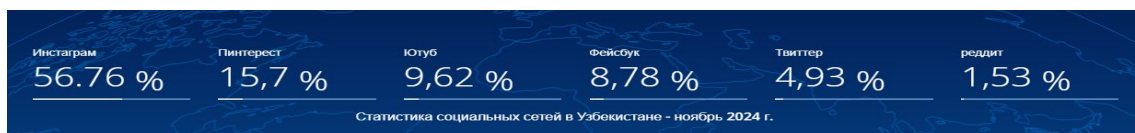
² Демидова-Петрова, Елизавета В. 2021. «Исследование преступности несовершеннолетних в современной России». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 1: 4–16. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.101>

которые становятся всё более уязвимыми перед лицом киберпреступности¹. Статистика пугающе демонстрирует рост преступлений в киберпространстве, вовлекающих несовершеннолетних: в 2022 году их число превысило 522 100, а в 2021 – 320 000. Дети оказываются как жертвами, так и исполнителями преступлений, что делает данную проблему исключительно актуальной и требующей комплексного рассмотрения². Несовершеннолетние легко становятся жертвами мошенников, кибербуллинга, сексуальной эксплуатации и вербовки в экстремистские организации, что во многом обусловлено отсутствием достаточного уровня медиаграмотности и критического мышления у детей и подростков, а также неблагоприятными условиями в семьях и школах. В данной статье будет проведён анализ видов киберпреступлений, затрагивающих несовершеннолетних, выявлены причины их вовлечения в преступную деятельность и предложены меры профилактики, направленные на обеспечение безопасности детей в виртуальном пространстве.

Согласна статистике основанная на совокупных данных, собранных Statcounter на ноябрь 2024 года относительно январь 2020 года рост использования социальных сетей в Узбекистане значительно вырос: Инстаграм – 56,7%, Пинтерест – 15,7%, Ютуб – 9,6%, Фейсбук 8,7%, Твитер – 4,93%, Редит – 1,53%.

¹ Д.А. Орлова Преступления несовершеннолетних в интернет-пространстве // Шаг в науку. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-nesovershennoletnih-v-internet-prostranstve> (дата обращения: 23.12.2024).

² А.Н. Берестовой, П.В. Цветков: О понятии и характеристике преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в киберпространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №4 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-i-harakteristike-prestupleniy-sovershaemyh-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-kiberprostranstve> (дата обращения: 23.12.2024).

Киберпреступления (преступления в сфере компьютерной информации по Уголовному кодексу РФ), которые совершаются против интересов несовершенно-летних лиц (детей и подростков) посредством телекоммуникационных сетей, в том числе интернета, в зависимости от целей можно условно разделить на следующие виды: 1) торговля детьми, осуществляемая через виртуальное пространство; 2) эксплуатация сексуальных услуг несовершеннолетних через интернет; 3) секстинг несовершеннолетних в медиапространстве; 4) распространение детской порнографии и порнографического контента с участием несовершеннолетних через киберпространство; 5) мошеннические действия, совершаемые в отношении детей и подростков через интернет; 6) шантаж и вымогательство, осуществляемые через интернет в отношении детей и подростков, с целью получения фото- или видеоматериалов, а также денежных средств; 7) киберзапугивание, киберсталкинг, груминг и кибербуллинг (кибертравля); 8) рекрутинг несовершеннолетних террористами через всемирную паутину; 9) вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления с использованием интернет сетей; 10) распространение и поощрение противозаконных действий среди несовершеннолетних - таких как скайукинг, руфинг, зацепинг и диггерство, которые стали общеопасным субкультурным явлением;

11) склонение несовершеннолетних к самоубийству через интернет, так называемый “кибербуллицид”¹.

Виды киберпреступлений, затрагивающих детей, многообразны и постоянно эволюционируют вместе с развитием технологий такие как преступления против половой неприкосновенности - это одна из наиболее опасных категорий. Сюда относятся: Секстинг - обмен сообщениями сексуального характера, часто вовлекающий детей младше 12 лет, онлайн-груминг - установление доверительных отношений с целью сексуальной эксплуатации, распространение детской порнографии, торговля детьми через виртуальное пространство, эксплуатация сексуальных услуг несовершеннолетних через интернет. Данная проблема возрастает в связи с доступностью интернета и технических средств. Преступления против половой неприкосновенности - это одна из наиболее опасных категорий. Сюда относятся секстинг - обмен сообщениями сексуального характера, часто вовлекающий детей младше 12 лет, онлайн-груминг - установление доверительных отношений с целью сексуальной эксплуатации, распространение детской порнографии, торговля детьми через виртуальное пространство, эксплуатация сексуальных услуг несовершеннолетних через интернет. Данная проблема возрастает в связи с доступностью интернета и технических средств.

Преступления против собственности, сюда относятся: мошенничество - хищение денег с электронных кошельков, банковских карт, в том числе с использованием фишинга, фрода, SMS-мошенничества. Дети используют чужие банковские карты для оплаты товаров и услуг онлайн и офлайн. Взлом аккаунтов в интернете для получения конфиденциальной информации или

¹ А.Н. Берестовой, П.В. Цветков: О понятии и характеристике преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в киберпространстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. №4 (100). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-i-harakteristike-prestupleniy-sovershaemyh-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-kiberprostranstve> (дата обращения: 23.12.2024).

денежных средств. Кража с использованием компьютерной техники - распространённое преступление среди несовершеннолетних. Незаконное приобретение и сбыт наркотиков через социальные сети, это когда подростки могут быть вовлечены в распространение наркотиков в качестве курьеров.

Преступления, связанные с насилием и запугиванием, к ним относятся: кибербуллинг (кибертравля) - унижение, онлайн оскорбления, киберсталкинг- онлайн преследование, кибербуллицид - манипуляции для установления сексуальных отношений с ребёнком, доведение до самоубийства.

Преступления, связанные с экстремизмом и терроризмом: вербовка в экстремистские и террористические организации.

Прочие преступления: вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность (например, распространение наркотиков), распространение противоправных действий (скайуокинг, ружинг, зацепинг, диггерство).

Важно отметить, что многие из этих преступлений тесно переплетаются и могут совершаться одновременно. Кроме того, анонимность и безнаказанность в киберпространстве значительно увеличивают риски для детей и подростков.

Основные причины вовлечения детей в киберпреступность многогранны и тесно переплетаются. Можно выделить несколько ключевых факторов:

Доступность и распространенность интернета: Практически у каждого подростка есть смартфон с доступом в интернет, что значительно облегчает совершение преступлений и делает их анонимными. Интернет предоставляет широкий спектр возможностей, но и увеличивает доступ к рискованному контенту и противоправным действиям.

Низкий уровень медиаграмотности и критического мышления: Дети и подростки зачастую не осознают риски, связанные с онлайн-активностью. Отсутствие знаний о безопасном поведении в интернете делает их лёгкой мишенью для мошенников и

манипуляторов. Они могут не понимать противоправность своих действий.

Проблемы в семье и школе: Неблагополучная семейная обстановка, недостаточный воспитательный потенциал школы, отсутствие должной профилактики преступлений среди несовершеннолетних – всё это создаёт благоприятную почву для девиантного поведения. Отсутствие родительского контроля и внимания, проблемы в общении со сверстниками, и негативный пример взрослых способствуют вовлечению детей в киберпреступность. Неполные семьи также являются фактором риска.

Влияние сверстников и стремление к самоутверждению: Желание быть принятым в группе, подражание кумирам и авторитетам в онлайн-сообществах, стремление к самовыражению – всё это может подтолкнуть подростка к совершению противоправных действий. Онлайн-игры, социальные сети и другие онлайн-платформы могут усиливать влияние сверстников и формировать искаженные представления о нормах поведения.

Экономические проблемы: Тяжелое материальное положение семьи, нужда в деньгах могут побудить детей к совершению преступлений, связанных с мошенничеством или кражами. Это особенно актуально при использовании онлайн-платформ для покупки или продажи товаров, а также для взлома аккаунтов в онлайн-играх.

В целом, вовлечение детей в киберпреступность - это комплексная проблема, требующая системного подхода и скоординированных действий со стороны семьи, школы, государства и общества в целом. Необходима работа по повышению медиаграмотности, укреплению семейных ценностей, совершенствованию системы профилактики правонарушений среди несовершеннолетних и усилению контроля за цифровым пространством.

Меры профилактики:

Повышение медиаграмотности: обучение детей и подростков безопасному поведению в интернете, критической оценке информации.

Работа с семьей и школой: создание благоприятной атмосферы в семье, активная воспитательная работа в школе, профилактика преступлений.

Усиление контроля со стороны государства: блокировка опасных сайтов, совершенствование законодательства, мониторинг интернет-пространства.

Международное сотрудничество: обмен опытом и информацией между странами для борьбы с киберпреступностью.

Психологическая помощь: поддержка детей и подростков, ставших жертвами киберпреступлений или насилия.

Заключение:

Проблема киберпреступности, затрагивающей детей, требует комплексного подхода. Необходимо объединить усилия государства, образовательных учреждений, родителей и самих детей для создания безопасной и благоприятной цифровой среды. Постоянный мониторинг ситуации, совершенствование законодательства и повышение медиаграмотности населения являются ключевыми факторами успешной профилактики киберпреступлений в отношении несовершеннолетних. Необходимость дальнейших исследований, потребность в более глубоком изучении причин и условий преступности несовершеннолетних в киберпространстве, разработке эффективных методов профилактики и предотвращения преступлений, а также совершенствовании правоприменительной практики. Это требует междисциплинарного подхода, объединяющего усилия криминологов, психологов, педагогов, юристов и представителей других профессий.

**TURDIMATOV MAMIRJON
MIRZAYEVICH**

Farg'ona davlat texnika universiteti,
“Dasturiy injiniring va kiberxavfsizlik”
kafedrası dotsenti, t.f.n

**SOBIROV SHERZODBEK
SOHIBJON O'G'LI**

“Axborot xavfsizligi” yo'nalishi
1-bosqich magistranti

**KIBERMAKONDA HUQUQNI MUHOFAZA QILISH:
MUAMMO VA YECHIMLAR**

***Annotatsiya:** Ushbu ilmiy maqolada kiber makonda huquqni muhofaza qilish tizimining dolzarb muammolari va ularni bartaraf etish yo'llari kompleks tarzda tahlil qilingan. So'nggi o'n yillikda raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi natijasida kiberjinoyatlar soni va murakkabligi sezilarli darajada oshdi. Internet, bulutli hisoblash, sun'iy intellekt va IoT texnologiyalarining keng qo'llanilishi jinoyatchilikning virtual muhitga ko'chishiga sabab bo'ldi.. Tadqiqot jarayonida normativ-huquqiy hujjatlar, xalqaro konvensiyalar, ilmiy adabiyotlar va xorijiy tajribalar tahlil qilindi. Natijalar shuni ko'rsatadiki, kiber makonda huquqni muhofaza qilish samaradorligini oshirish uchun qonunchilikni modernizatsiya qilish, raqamli kriminalistika imkoniyatlarini kengaytirish, kadrlar salohiyatini mustahkamlash va xalqaro hamkorlikni rivojlantirish zarur. Mazkur maqola magistratura darajasidagi ilmiy tadqiqotlar uchun nazariy va amaliy ahamiyatga ega.*

***Аннотация:** В данной научной статье комплексно проанализированы актуальные проблемы системы правоохранительной деятельности в киберпространстве и пути их решения. За последнее десятилетие в результате стремительного развития цифровых технологий значительно возросли количество и сложность киберпреступлений. Широкое использование интернета, облачных вычислений, искусственного интеллекта и технологий IoT стало причиной переноса преступной деятельности в виртуальную среду. В ходе исследования были проанализированы нормативно-правовые акты, международные конвенции, научная литература и зарубежный опыт. Полученные результаты свидетельствуют о том, что*

для повышения эффективности правоохранительной деятельности в киберпространстве необходимо модернизировать законодательство, расширять возможности цифровой криминалистики, укреплять кадровый потенциал и развивать международное сотрудничество. Данная статья имеет теоретическую и практическую значимость для научных исследований на уровне магистратуры.

Abstract: *This scientific article provides a comprehensive analysis of the current challenges facing the law enforcement system in cyberspace and the ways to address them. Over the past decade, the rapid development of digital technologies has led to a significant increase in the number and complexity of cybercrimes. The widespread use of the Internet, cloud computing, artificial intelligence, and IoT technologies has resulted in the shift of criminal activities into the virtual environment. During the study, regulatory and legal documents, international conventions, academic literature, and foreign experience were analyzed. The findings indicate that improving the effectiveness of law enforcement in cyberspace requires the modernization of legislation, the expansion of digital forensics capabilities, the strengthening of human resource capacity, and the development of international cooperation. This article has both theoretical and practical significance for graduate-level academic research.*

Kalit soʻzlar: *kiber makon, huquqni muhofaza qilish, kiberjinoyat, raqamli kriminalistika, kiberxavfsizlik, xalqaro hamkorlik.*

Ключевые слова: *киберпространство, правоохранительная деятельность, киберпреступность, цифровая криминалистика, кибербезопасность, международное сотрудничество.*

Keywords: *cyberspace, law enforcement, cybercrime, digital forensics, cybersecurity, international cooperation.*

Soʻnggi oʻn yillikda raqamli texnologiyalarning jadal rivojlanishi natijasida kiber makon jamiyat hayotining ajralmas qismiga aylandi. Internet, mobil aloqa, bulutli hisoblash texnologiyalari, sunʼiy intellekt va IoT¹ qurilmalarining keng joriy etilishi ijtimoiy-iqtisodiy jarayonlarni soddalashtirish va tezlashtirishga xizmat qilmoqda. Shu bilan birga, ushbu jarayonlar xavfsizlik masalalarini yangi bosqichga olib chiqdi. Endilikda

jinoyatchilik faqat jismoniy makon bilan cheklanib qolmay, virtual muhitda ham faol namoyon bo‘lmoqda¹.

Kiberjinoyatlar shaxsiy ma’lumotlarni noqonuniy qo‘lga kiritish, moliyaviy firibgarlik², intellektual mulk huquqlarini buzish³, davlat va muhim infratuzilmalarga qarshi hujumlar ko‘rinishida namoyon bo‘ladi⁴. Bunday jinoyatlar yuqori darajadagi anonimlik, tezkorlik va transchegaraviylik xususiyatiga ega⁵ bo‘lgani sababli ularni aniqlash va isbotlash an’anaviy huquqni muhofaza qilish mexanizmlari uchun murakkab vazifaga aylanmoqda⁶.

Huquqni muhofaza qiluvchi organlar tarixan jinoyatchilikka qarshi kurashda jismoniy dalillar, guvohlarning ko‘rsatmalari va hududiy yurisdiksiya doirasida faoliyat yuritib kelgan. Kiber makonda esa jinoyat sodir etilgan joyni aniqlash, jinoyatchining shaxsini tasdiqlash va raqamli dalillarni saqlab qolish masalalari murakkab tus oladi. Bundan tashqari, texnologik rivojlanish sur’atlari huquqiy tartibga solish mexanizmlaridan tezroq kechmoqda, bu esa normativ-huquqiy bo‘shliqlarni yuzaga keltiradi.

Mazkur ilmiy maqolaning asosiy maqsadi — kiber makonda huquqni muhofaza qilish tizimida mavjud muammolarni tizimli ravishda aniqlash, ularning huquqiy, tashkiliy va texnik jihatlarini tahlil qilish

¹ IJSRED. (2025). Digital forensics: Trends and challenges. International Journal of Scientific Research and Engineering Development, 7(3). <https://ijsred.com/volume7/issue3/IJSRED-V7I3P225.pdf>

² Narasimhan, P., & Kala, N. (2025). Emerging trends in digital forensics: Investigating cybercrime. International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology, 11(1), 3645–3652. <https://ijsrcseit.com/index.php/home/article/view/CSEIT251451>

³ James, J. W. (2024). Integrating data mining techniques in computer forensics for enhanced cybercrime investigation and incident response. International Journal of Intelligent Systems and Applications in Engineering, 12(4), 4117–4125. <https://ijisae.org/index.php/IJISAE/article/view/7007>

⁴ FORSEC Journal. (2025). Cloud and IoT forensics for strengthening cybercrime investigation: Acquisition challenges and analytical frameworks. <https://journal.ekantara.com/forsec/article/view/2>

⁵ Mohanan, S. C. V. (2020). Digital forensic in cyber security. International Journal of Engineering Research & Technology, 8(4). <https://www.ijert.org/digital-forensic-in-cyber-security>

hamda zamonaviy raqamli kriminalistika, institutsional islohotlar va xalqaro hamkorlik asosida samarali yechimlar ishlab chiqishdan iborat.

Kiber makonda huquqni muhofaza qilish masalalari so‘nggi o‘n yillikda ko‘plab xorijiy va mahalliy olimlar tomonidan faol o‘rganib kelinmoqda. Ushbu yo‘nalishdagi tadqiqotlar, asosan, kiberjinoyatchilikning kriminologik xususiyatlari, huquqiy tartibga solish mexanizmlari, raqamli kriminalistika va xalqaro hamkorlik masalalariga qaratilgan.

Masalan, M.Goodman va T.Holt tadqiqotlarida kiberjinoyatchilikning transmilliy xarakteri va uning an‘anaviy jinoyatchilikdan farqli jihatlari chuqur tahlil qilinadi. Ularning fikricha, kiberjinoyatlar hududiy chegaralarni inkor etgani sababli, davlatlarning alohida harakatlari yetarli bo‘lmay, xalqaro hamkorlik muhim ahamiyat kasb etadi. Shu bilan birga, R. Brenner kiberjinoyatlar uchun javobgarlik masalasida huquqiy aniqlik va yagona terminologiyani yetishmasligi muammosiga alohida e‘tibor qaratadi.

Axborot huquqi sohasidagi tadqiqotlarda esa kiber makonda shaxsiy hayot daxlsizligi va xavfsizlik o‘rtasidagi muvozanat masalasi muhim o‘rin tutadi. L.Lessig va D.Solove ishlarida raqamli muhitda huquqni muhofaza qilish jarayonida inson huquqlari va erkinliklarini cheklash xavfi mavjudligi ta’kidlanadi. Mualliflar davlat aralashuvi qonuniy, proporsional va shaffof bo‘lishi zarurligini asoslab beradi.

Xalqaro hamkorlikning asosiy shakllari qatoriga axborot almashinuvi, qo‘shma tergov guruhlar, ekstraditsiya² va huquqiy yordam mexanizmlari kiradi. Biroq, davlatlar o‘rtasidagi huquqiy tizimlar va siyosiy manfaatlardagi farqlar bu jarayonlarni murakkablashtiradi.

Shu jumladan, mintaqaviy va global darajadagi hamkorlik platformalarini rivojlantirish, yagona standartlar va protseduralarni joriy etish kiberjinoyatlarga qarshi kurashda muhim ahamiyat kasb etadi.

MDH va Markaziy Osiyo olimlari tadqiqotlarida esa kiber makonda huquqni muhofaza qilishning institutsional jihatlari, xususan, maxsus bo‘linmalar tashkil etish va kadrlar tayyorlash muammolari ko‘tariladi.

Ushbu ishlar milliy huquq tizimlarining rivojlanayotgan texnologiyalarga moslashish zaruratini ko'rsatib beradi.

Kiberjinoyatlar ko'pincha bir nechta davlat hududida sodir etiladi yoki ularning oqibatlari transmilliy xarakterga ega bo'ladi. Shu sababli, kiber makonda huquqni muhofaza qilish xalqaro hamkorliksiz samarali bo'lishi mumkin emas.

Metod. Mazkur tadqiqot kompleks metodologik yondashuv asosida olib borildi. Tadqiqotda sifat va miqdoriy tahlil usullari uyg'unlashtirildi, bu esa kiber makonda huquqni muhofaza qilish muammolarini ko'p qirrali tarzda o'rganish imkonini berdi.

Birinchi bosqichda normativ-huquqiy tahlil amalga oshirildi. Unda kiberjinoyatlarga oid milliy qonunchilik, xalqaro konvensiyalar va mintaqaviy hujjatlar solishtirma usulda o'rganildi. Bu orqali mavjud huquqiy mexanizmlarning kuchli va zaif tomonlari aniqlanib, ularni takomillashtirish zarurati asoslandi. Bunda esa, aynan kiber makonda huquqni muhofaza qilishning samaradorligi, avvalo, mustahkam va moslashuvchan huquqiy asoslarning mavjudligiga bog'liq. Zamonaviy sharoitda kiberjinoyatlar tezkor rivojlanib borayotgan texnologiyalar bilan uzviy bog'liq bo'lgani sababli, an'anaviy jinoyat huquqi normalari ko'pincha yetarli bo'lmay qolmoqda. Shu bois, ko'plab davlatlar kiberjinoyatlarga qarshi kurashish maqsadida maxsus qonunlar, kodekslarga qo'shimchalar va normativ-huquqiy hujjatlarni ishlab chiqmoqda.

Kiberjinoyat tushunchasining huquqiy talqini turli mamlakatlarda farqlanadi. Ayrim davlatlarda kiberjinoyat mustaqil jinoyat turi sifatida e'tirof etilsa, boshqalarda u an'anaviy jinoyatlarning virtual shakli sifatida qaraladi. Ushbu farqlilik esa xalqaro hamkorlik jarayonlarida muayyan muammolarni yuzaga keltiradi. Chunki jinoyat tarkibini turlicha talqin qilish ekstraditsiya, tergov va sud jarayonlarini murakkablashtiradi.

Shu jumladan, Budapesht konvensiyasi (Kiberjinoyatlar to'g'risidagi konvensiya) kiber makonda huquqni muhofaza qilishning muhim xalqaro huquqiy asosi hisoblanadi. Ushbu hujjat kiberjinoyatlarni tasniflash, protsessual vakolatlarni belgilash va davlatlar o'rtasida

hamkorlikni kuchaytirishga qaratilgan. Biroq, barcha davlatlar ushbu konvensiyaga qo'shilmaganligi sababli, global miqyosda yagona huquqiy makon hali to'liq shakllanmagan.

Milliy darajada esa kiber makonda huquqni muhofaza qilish qonunchilikni doimiy ravishda modernizatsiya qilishni talab etadi. Axborot xavfsizligi, shaxsiy ma'lumotlarni himoya qilish, elektron tijorat va raqamli dalillar bilan ishlashga oid normalar bir-biri bilan uzviy bog'liq holda rivojlanishi zarur. Aks holda, huquqiy bo'shliqlar kiberjinoyatchilar tomonidan faol foydalaniladi.

Ikkinchi bosqichda ilmiy adabiyotlar tahlili o'tkazildi. Kiberxavfsizlik, raqamli kriminalistika, axborot huquqi va kriminologiya sohasidagi zamonaviy ilmiy ishlar o'rganilib, asosiy nazariy yondashuvlar umumlashtirildi. Ushbu bosqich tadqiqotning konseptual asoslarini shakllantirishga xizmat qildi. Raqamli kriminalistika kiber makonda huquqni muhofaza qilishning markaziy elementlaridan biri hisoblanadi. U raqamli dalillarni aniqlash¹, yig'ish, saqlash, tahlil qilish² va sudda isbot sifatida taqdim etish jarayonlarini o'z ichiga oladi³. Zamonaviy kiberjinoyatlar murakkab texnik mexanizmlarga asoslangan bo'lgani sababli, raqamli kriminalistika vositalarisiz samarali tergov olib borish deyarli imkonsizdir.

Raqamli dalillar o'ziga xos xususiyatlarga ega: ular oson o'chirilishi, o'zgartirilishi yoki shifrlanishi mumkin. Shu bois, dalillarni yig'ish jarayonida ularning yaxlitligini (integrity) saqlash muhim ahamiyatga ega. Xalqaro amaliyotda bu borada "chain of custody" tamoyili keng qo'llaniladi, ya'ni dalilning qayerdan, qachon va kim tomonidan olingani aniq hujjatlashtiriladi.

¹ IJSRED. (2025). Digital forensics: Trends and challenges. International Journal of Scientific Research and Engineering Development, 7(3). <https://ijsred.com/volume7/issue3/IJSRED-V7I3P225.pdf>

² Mohanan, S. C. V. (2020). Digital forensic in cyber security. International Journal of Engineering Research & Technology, 8(4). <https://www.ijert.org/digital-forensic-in-cyber-security>

³ JISEM. (2024). Digital forensics and evidence recovery in modern cybersecurity. Journal of Information Systems Engineering and Management, 10(43s). <https://jistemjournal.com/index.php/journal/article/download/8364/3794>

Texnik jihatdan raqamli kriminalistika bir nechta yo‘nalishlarni qamrab oladi: disk forensikasi, tarmoq forensikasi, xotira (RAM) tahlili, mobil qurilmalar forensikasi va bulutli muhit forensikasi. Har bir yo‘nalish o‘ziga xos bilim va vositalarni talab etadi. Masalan, tarmoq forensikasi kiberhujumlarning manbasini aniqlashda muhim bo‘lsa, mobil qurilmalar forensikasi shaxsiy ma’lumotlar bilan bog‘liq jinoyatlarni fosh etishda keng qo‘llaniladi.

Shu qatorda, sun‘iy intellekt va mashinaviy o‘rganish texnologiyalarining rivojlanishi raqamli kriminalistika sohasiga ham kirib kelmoqda. Katta hajmdagi log-fayllarni avtomatik tahlil qilish, anomaliyalarni aniqlash va kiberhujumlarni prognozlash ushbu texnologiyalar yordamida yanada samarali amalga oshirilmoqda.

Uchinchi bosqichda texnik tahlil qo‘llanildi. Raqamli dalillarni yig‘ish, saqlash va tahlil qilishda foydalaniladigan raqamli kriminalistika vositalari va metodlari (log-fayllar tahlili, tarmoq trafikini monitoring qilish, disk forensikasi va xotira tahlili) o‘rganildi. Bu jarayon huquqni muhofaza qilish organlarining amaliy faoliyatida texnik imkoniyatlarning ahamiyatini baholashga yordam berdi. Kiber makonda huquqni muhofaza qilishning samaradorligi nafaqat huquqiy va texnik omillarga, balki institutsional va inson kapitaliga ham bevosita bog‘liq. Huquqni muhofaza qiluvchi organlar tarkibida kiberjinoyatlarga ixtisoslashgan bo‘linmalar tashkil etilishi zamonaviy davr talabi hisoblanadi.

Biroq, amaliyot shuni ko‘rsatadiki, ko‘plab davlatlarda kiberxavfsizlik bo‘yicha yetarli malakaga ega mutaxassislar yetishmaydi. Bu holat, avvalo, ta’lim tizimida raqamli kriminalistika va kiberhuquq yo‘nalishlarining yetarli darajada rivojlanmaganligi bilan izohlanadi. Shu sababli, oliy ta’lim muassasalarida ushbu yo‘nalishlar bo‘yicha maxsus magistratura va doktorantura dasturlarini joriy etish muhim ahamiyatga ega.

Shuningdek, huquqni muhofaza qiluvchi organlar xodimlari uchun doimiy malaka oshirish va qayta tayyorlash tizimini yo‘lga qo‘yish zarur. Chunki texnologiyalar tez o‘zgarib borar ekan, bir marta olingan bilimlar qisqa muddat ichida eskirishi mumkin.

To‘rtinchi bosqichda tizimli va institutsional yondashuv asosida huquqni muhofaza qilish organlari, texnologik infratuzilma va jamiyat o‘rtasidagi o‘zaro aloqalar tahlil qilindi. Ushbu yondashuv kiber makonda xavfsizlikni ta‘minlash faqat davlat organlarining vazifasi emas, balki xususiy sektor va fuqarolik jamiyati bilan hamkorlikni talab etishini ko‘rsatdi.

Myhozapa. Tadqiqot natijalari kiber makonda huquqni muhofaza qilish tizimida bir qator muhim muammolar mavjudligini aniqladi. Avvalo, huquqiy bazaning texnologik rivojlanish sur‘atlariga moslashishida kechikishlar kuzatilmoqda¹. Bu holat yangi turdagi kiberjinoyatlarni huquqiy jihatdan to‘g‘ri kvalifikatsiya qilishda qiyinchiliklar yaratadi².

Ikkinchidan, huquqni muhofaza qiluvchi organlarda raqamli kriminalistika sohasida yuqori malakali kadrlar yetishmasligi muhim muammo sifatida namoyon bo‘ldi. Kiberjinoyatlar murakkab texnik bilimlarni talab qilgani sababli, an‘anaviy tergov usullari ko‘plab holatlarda samarasiz bo‘lib qolmoqda. Natijada jinoyatlarni fosh etish darajasi pasayib, jinoyatchilar uchun jazosizlik muhiti yuzaga keladi.

Uchinchidan, texnik infratuzilmaning yetarli darajada rivojlanmaganligi raqamli dalillarni tezkor va ishonchli tahlil qilishga to‘sqinlik qilmoqda³. Xususan, shifrlangan ma‘lumotlar⁴, bulutli muhitda saqlanayotgan axborotlar va IoT qurilmalaridan olinadigan dalillar bilan ishlashda amaliy muammolar mavjud⁵.

¹ New Century Innovations Journal. (2024). Problems of cybercrime investigation in Uzbekistan. 17(3), 81–90. <https://newjournal.org/new/article/view/1036>

² E Conference Zone. (2024). Digital cybercrime investigation: Methods, tools and technologies. <https://econferencezone.org/index.php/ecz/article/view/2845>

³ Malik, A. W., Bhatti, D. S., Park, T.-J., Ishtiaq, H. U., Ryou, J.-C., & Kim, K.-I. (2024). Cloud digital forensics: Beyond tools, techniques, and challenges. *Sensors*, 24(2), 433. <https://doi.org/10.3390/s24020433>

⁴ Fairbanks, J., Arifin, M. M., Afreen, S., & Curtis, A. (2024). Survey and analysis of IoT operating systems: A comparative study on the effectiveness and acquisition time of open source digital forensics tools. *arXiv*. <https://arxiv.org/abs/2407.01474>

⁵ Forensic Science International: Digital Investigation. (2024). Comparative study of IoT forensic frameworks. 49, 301748. <https://doi.org/10.1016/j.fsidi.2024.301748>

Shu bilan birga, tadqiqot ijobiy tendensiyalarni ham aniqladi. Xalqaro hamkorlikning kuchayishi, kiberxavfsizlik bo'yicha maxsus bo'linmalar tashkil etilishi va raqamli kriminalistika standartlarining joriy etilishi kiberjinoyatlarga qarshi kurash samaradorligini oshirmoqda.

Olingan natijalar shuni ko'rsatadiki, kiber makonda huquqni muhofaza qilish masalasi kompleks va ko'p qatlamli yondashuvni talab qiladi. Muammolarni faqat texnik vositalar yordamida hal etish yetarli emas; huquqiy islohotlar, institutsional salohiyatni oshirish va xalqaro hamkorlikni mustahkamlash zarur.

Birinchidan, kiberjinoyatlarga oid qonunchilikni muntazam yangilab borish va uni xalqaro standartlarga moslashtirish lozim.

Ikkinchidan, huquqni muhofaza qiluvchi organlar xodimlarini raqamli kriminalistika va kiberxavfsizlik bo'yicha doimiy qayta tayyorlash muhim ahamiyatga ega.

Uchinchidan, zamonaviy texnik infratuzilma va laboratoriyalar tashkil etish kiberjinoyatlarni fosh etishda hal qiluvchi rol o'ynaydi.

Kiber makonda huquqni muhofaza qilishning amaliy jihatlarini yoritishda milliy va xorijiy tajribani solishtirma tahlil qilish muhim ahamiyatga ega¹. O'zbekiston Respublikasida so'nggi yillarda axborot xavfsizligini ta'minlash va kiberjinoyatlarga qarshi kurashish borasida qator islohotlar amalga oshirilmoqda².

Xususan, axborotlashtirish va kiberxavfsizlik sohasidagi normativ-huquqiy hujjatlar takomillashtirildi, huquqni muhofaza qiluvchi organlar tarkibida axborot texnologiyalari bilan bog'liq jinoyatlarga ixtisoslashgan bo'linmalar faoliyati yo'lga qo'yildi. Bu esa kiberjinoyatlarni aniqlash va tergov qilish samaradorligini oshirishga xizmat qilmoqda.

Shu bilan birga, rivojlangan davlatlar tajribasi bilan solishtirganda, ayrim muammolar saqlanib qolmoqda. Masalan, AQSh va Yevropa

¹ New Century Innovations Journal. (2024). Problems of cybercrime investigation in Uzbekistan. 17(3), 81–90. <https://newjournal.org/new/article/view/1036>

² Turdimatov M.M., Sobirov, S. Kiberfizik tizimlarda energiya boshqaruvi va xavfsizlik tahdidlariga qarshi innovatsion yechimlar. Research and Implementation, 3(10), 598–602. <https://rai-journal.uz/index.php/rai/article/view/1723>.

Ittifoqi mamlakatlarida raqamli kriminalistika laboratoriyalari zamonaviy texnik vositalar bilan to'liq jihozlangan bo'lib, sun'iy intellekt asosidagi tahlil tizimlari keng qo'llaniladi. Bundan tashqari, ushbu davlatlarda xususiy sektor bilan hamkorlik mexanizmlari yuqori darajada rivojlangan.

O'zbekiston sharoitida esa kadrlar salohiyatini oshirish, texnik infratuzilmani modernizatsiya qilish va xalqaro axborot almashinuvi mexanizmlarini kengaytirish dolzarb vazifa bo'lib qolmoqda. Shu nuqtayi nazardan, xorijiy tajribani to'g'ridan-to'g'ri ko'chirish emas, balki uni milliy huquqiy va institutsional sharoitlarga moslashtirish muhim ahamiyat kasb etadi.

Хулоса. Tadqiqot natijalari kiberjinoyatchilikning murakkab va tez o'zgaruvchan xususiyatga ega ekanligini, unga qarshi kurashishda an'anaviy yondashuvlar yetarli emasligini ko'rsatdi.

Xulosa sifatida, kiber makonda huquqni muhofaza qilish samaradorligini oshirish quyidagi omillarga bog'liq: zamonaviy va moslashuvchan qonunchilik bazasini shakllantirish, raqamli kriminalistika imkoniyatlarini kengaytirish, yuqori malakali kadrlar tayyorlash va xalqaro hamkorlikni mustahkamlash.

Ushbu yo'nalishlarda amalga oshiriladigan tizimli chora-tadbirlar kiber makonda xavfsizlikni ta'minlash, fuqarolar va davlat manfaatlarini himoya qilishda muhim ahamiyat kasb etadi. Mazkur maqola magistrlik dissertatsiyasi va ilmiy jurnallar uchun nazariy hamda amaliy ahamiyatga ega bo'lgan tadqiqot sifatida xizmat qilishi mumkin.

SADIROVA XURSAHOY
XUSANBOY QIZI

Farg ‘ona davlat texnika universiteti
“Dasturiy injiniring va kiberxavfsizlik”
kafedrası assistenti

KIBERMAKONDA HUQUQNI MUHOFAZA QILISH
FAOLIYATINING DOLZARB MUAMMOLARI VA ULARNI
BARTARAF ETISH SAMARALI MEXANIZMLARI

***Annotatsiya:** Ushbu maqolada kibermakonda huquqni muhofaza qilish faoliyatining dolzarb muammolari, ularning jamiyat xavfsizligi hamda shaxsiy ma’lumotlarni himoyalashdagi o’rni tahlil qilinadi. Raqamli texnologiyalar jadal rivojlanishi natijasida kiberjinoyatlar turlari va ko’lami kengayib bormoqda. Shu sababli, kiberxavfsizlikni ta’minlash, kiberjinoyatchilikka qarshi kurashishning zamonaviy yondashuvlari, xalqaro hamkorlik, normativ-huquqiy baza va zamonaviy texnik vositalarni qo’llashning ahamiyati yoritilgan. Maqolada kibermakonni huquqiy tartibga solish, huquqni muhofaza qiluvchi organlarning salohiyatini oshirish, shuningdek, profilaktika mexanizmlarini takomillashtirish bo’yicha ilmiy-amaliy takliflar ilgari suriladi.*

***Аннотация:** В данной статье анализируются актуальные проблемы правоохранительной деятельности в киберпространстве, а также их роль в обеспечении общественной безопасности и защите персональных данных. В условиях стремительного развития цифровых технологий расширяются виды и масштабы киберпреступности. В связи с этим в статье освещается важность обеспечения кибербезопасности, современные подходы к борьбе с киберпреступлениями, международное сотрудничество, нормативно-правовая база и применение современных технических средств. Предлагаются научно-практические рекомендации по совершенствованию правового регулирования киберпространства, повышению потенциала правоохранительных органов, а также улучшению профилактических механизмов.*

***Abstract:** This article analyzes the urgent problems of law enforcement activities in cyberspace, as well as their role in ensuring public security and protecting personal data. Due to the rapid development of digital technologies, the types and scale of cybercrimes are expanding. Therefore, the article highlights the importance of ensuring cybersecurity, modern approaches to combating*

cybercrime, international cooperation, the regulatory and legal framework, and the use of advanced technical tools. It proposes scientific and practical recommendations for improving the legal regulation of cyberspace, strengthening the capacity of law enforcement agencies, and enhancing preventive mechanisms.

Kalit soʻzlar: *Kibermakon, huquqni muhofaza qilish, kiberjinoyat, kiberxavfsizlik, shaxsiy maʼlumotlarni himoya qilish, raqamli xavfsizlik, normativ-huquqiy baza, xalqaro hamkorlik, texnik vositalar, profilaktika.*

Ключевые слова: *киберпространство, правоохранительная деятельность, киберпреступность, кибербезопасность, защита персональных данных, цифровая безопасность, нормативно-правовая база, международное сотрудничество, технические средства, профилактика.*

Keywords: *Cyberspace, law enforcement, cybercrime, cybersecurity, personal data protection, digital security, regulatory legal framework, international cooperation, technical tools, prevention.*

Bugungi kunda kiberxavfsizlik hamma mamlakatlar uchun ustuvor masala boʻlib, raqamli infratuzilma kengaygani sari kibermakonda jinoyatchilik ham jadal oʻsmoqda. Oʻzbekiston tajribasi shuni koʻrsatadiki, 2019–2024 yillarda kiberjinoyatlar soni 863 tadan 58 800 taga yetib, 68 baravarga oshgan. 2024 yilda deyarli har ikkinchi jinoyat axborot texnologiyalari vositasida sodir etilgani (umumiy jinoyatchilikdagi ulushi 44,4%) bu muammo dolzarbligini koʻrsatadi. Kirish qismida sohaga oid tushunchalar va masalaning jahon miqyosidagi ahamiyati haqida qisqacha maʼlumot berib, maqolaning asosiy yoʻnalishlarini belgilab oʻtish lozim¹.

Kibermakonda sodir boʻladigan jinoyatlar juda xilma-xildir. Odatda ularni ikki katta guruhga ajratish mumkin: kiber-davlat jinoyatlari (masalan, davlat sirlarini oʻgʻirlash, kiber-terror, kiber-sabotaj) va kiber-shaxsiy/xususiy jinoyatlari (moliyaviy firibgarlik, maʼlumot oʻgʻirligi, zoʻrlilik, pornografiya va boshqalar).

Moliyaviy sohalarga qaratilgan firibgarlik: Bank kartalari maʼlumotlarini oʻzlashtirish (kartalarni nazorat qilish), elektron banking

¹ Oʻzbekiston Respublikasi Qonun hujjatlari, Jumladan, “Kiberxavfsizlik toʻgʻrisida” qonuni (2022) va Jinoyat kodeksi “Uzbekistonda kiberjinoyatlar 68 barobar oshdi” (2025).

yoki onlayn to'lov tizimlariga hujum qilish kiberjinoyatlarning asosini tashkil etadi. Masalan, barcha kiberjinoyatlarning 98% bank kartalari orqali amalga oshiriladi. Ularning asosiy usullari – foydalanuvchi qurilmasiga zararli dastur yoki link orqali kirish (60% ta hollarda) hamda SMS-kodlar bilan aldash (16% hollarda) orqali amalga oshiriladi.

Shuningdek, onlayn kreditlarni o'zlashtirish (4%), savdo platformalarida firibgarlik (11%) va boshqa moliyaviy sxemalar (9%) ham sezilarli ulushga ega.

1-jadval. Jinoyat turlari va ularning ulushlari.

Jinoyat turi / usuli	Ta'rif	Ulush (%)
Bank kartasini nazorat qilish (virusli link/dastur)	Foydalanuvchi kartasidagi mablag'ni noqonuniy egallash	60%
SMS-kodlarni olish (firibgarlik sxemalari)	Bank kartasi operatsiyalarini boshqarish uchun kodni qo'lga kiritish	16%
Onlayn kreditlarni soxtalashtirish	Boshqalarning nomidan kredit rasmiylashtirish orqali mablag' olish	4%
Internet savdo platformalaridagi firibgarlik	Onlayn savdo saytlarida soxta e'lonlar orqali o'g'irlik	11%
Boshqa moliyaviy firibgarlik sxemalari	Turli firibgarlik usullari yordamida mablag' o'g'irlash	9%

Tarmoqdagi axborot o'g'irligi va buzilishi: Ma'lumot omborlariga hujum qilish, kompyuter tizimlariga ruxsatsiz kirish, ma'lumotni o'zgartirish yoki yo'qotish kabi jinoyatlar ham keng tarqalgan. Masalan, Jinoyat kodeksida 278⁴-modda “kompyuter axborotini modifikatsiyalash” jinoyati deb ko'rsatilib, axborotni yo'qotish yoki zarar yetkazish uchun jazo choralari belgilangan¹.

¹ IIV akademiyasi portali, “Kiberjinoyatlar qanchalik xavfli?” (2024)

Axborot tarqatish va manipulyatsiya qiluvchi jinoyatlar:

Internetda uchuvchi yolgʻon xabarlar, qalbaki saytlarga bogʻlash, shaxsiy maʼlumotlarni tarqatish (masalan, pornografik materiallar, tahdidor videolar) ham kiberjinoyat deb qaraladi. Bu kabi jinoyatlarga qarshi kurashishda huquqni muhofaza qilish organlari va jamoatchilik hamkorligi muhim.

Raqamli tahdidlar tobora rivojlanmoqda. **Ransomveyr (kiberhuquqbuzarlik)** – kompyuter yoki tarmoq maʼlumotlarini shifrlab, ularni ochish evaziga pul talab qilish, yaʼni kelajak tahdidi hisoblanadi. Shuningdek, davlat darajasida kiberhujumlar (masalan, siyosiy motivli kiber-sabotaj), sunʼiy intellekt (AI) ni qoʻllagan firibgarliklar, **kriptoaktivlar orqali huquqbuzarliklar** (AML/CFT muammolari) ham eʼtiborga loyiqdir. Bu borada Prezident Sh.Mirziyoyev ham kiberxavfsizlik boʻyicha xalqaro hamkorlik zarurligini taʼkidlagan¹.

Foydalanuvchilarning maʼlumotlaridan foydalanib, ularni aldash (masalan, fishing SMS va veb-saytlar, yolgʻon qoʻngʻiroqlar) ham keng tarqalgan. Yoshlar, ayniqsa, moliyaviy firibgarlik va onlayn nojoʻya kontent taʼsiriga uchraydi. Amaliyot shuni koʻrsatadiki, yoshlar (14–30 yosh) orasida onlayn qimor oʻyini va firibgarlik holatlari koʻpaygan (UNODC maʼlumotlariga koʻra. Kibermakondagi jinoyatchilik va tahdidlar doimiy oʻzgarib, yangi texnologiyalar (blokcheyn, bulutli hisoblash, sunʼiy intellekt) paydo boʻladi. Shuning uchun muammolarni toʻlaqonli tahlil qilib, ularni hal etishga yoʻnaltirilgan chora-tadbirlarni ishlab chiqish zarur.

Oʻzbekistonda kiberjinoyatlarga qarshi kurash huquqni muhofaza organlari zimmasida. Ichki ishlar vazirligi (IIV) tarkibidagi **Kiberxavfsizlik markazi va Kiberjinoyatlarga qarshi boʻlim** faoliyat koʻrsatmoqda. Markaz maqsadi – kiberxavfsizlikni taʼminlash uchun tahdidlarni aniqlash, axborot xavfsizligi boʻyicha maslahatlar berish va tarmoq hodisalarini tergov qilish hisoblanadi.

¹ Invexi (Investitsiya konsultatsiya markazi), “Strengthening the Fight Against Cybercrime in Uzbekistan” (2025).

Hozirgi vaqtda axborot infratuzilmasi va maxsus texnik vositalardan foydalanish kengaymoqda. Masalan, “Xavfsiz shahar” loyihasi doirasida barcha aholi maskanlarida videokuzatuv tizimlari, mintaqaviy va davlat axborot tizimlarini himoyalash loyihalari amalga oshirilmoqda. “Axborot xavfsizligi va jamoat tartibini ta’minlash markazi” tuzilib, tahdidlarga qarshi vaqtincha chora-tadbirlar, kompyuter forensikasi va kiberhujumlarni oldini olish bo’yicha tavsiyalar ishlab chiqilmoqda.

O‘zbekiston huquqiy bazasi so‘nggi paytlargina kiberjinoyatlar uchun maxsus moddalarga ega bo‘ldi (KK XXI bo‘limi, 278-2789-moddalar). Biroq eski qonunlar va qarorlarda muammo to‘g‘risida aniq ko‘rsatmalar kam bo‘lib, yuridik vakolatlarni tushuntirish zarurati tug‘iladi. Masalan, kiberjinoyatlar bilan bog‘liq ekspertizalar uchun maxsus qoidalar va metodologiya hozircha to‘liq ishlab chiqilmagan¹.

Leyboratoriyalar va raqamli forensika bilan shug‘ullanuvchi texnikalar yetarli emas. Shifrlash va blockchain kabi ilg‘or texnologiyalar tergovni murakkablashtiradi. Jumladan, kriptoaktivlar bilan bog‘liq huquqbuzarliklarni aniqlash va tergov qilishda mutaxassislar yetishmaydi.

Kiberjinoyatlar murakkabligi sababli tergovchi va prokurorlar doimiy trening talab qiladi. Amaliyot shuni ko‘rsatadiki, huquqni muhofaza qiluvchi xodimlar axborot xavfsizligi bo’yicha oliy ma’lumotga ega bo‘lishlari lozim, biroq buning uchun butun tizimda qayta tayyorlash va malakasini oshirish kurslari yetarli emas. OSCE tadqiqotlari bo’yicha mintaqada ushbu bilim bo’shlig‘ini bartaraf etish uchun qonunchilik, texnika va xodimlarni o‘qitishga jiddiy e’tibor qaratish lozimligi ta’kidlangan.

Kiberjinoyatlarga qarshi kurashishda kuchli me’yoriy-huquqiy bazani yaratish muhim. O‘zbekiston so‘nggi yillarda shu borada bir qator hujjatlarni qabul qildi. **2022 yil “Kiberxavfsizlik to‘g‘risida” qonuni** (O‘RQ-764-son, 15.04.2022) kiberxavfsizlik sohasidagi munosabatlarni

¹ SpecialEurasia, “Rising Cybercrime Alarms Uzbekistan’s National Security” (2025).

tartibga soladi. Ushbu qonunda kiberxavfsizlik asosiy tushunchalari, davlat siyosati va vakolatli organlar belgilangan¹.

O‘zbekiston Jinoyat kodeksi XXI bo‘limi (2781–2789-moddalar) axborot texnologiyalari sohasidagi jinoyatlarni belgilab beradi. Jumladan, 2782-moddada ruxsatsiz axborot resurslariga kirish jazosi, 2784-moddada axborotni o‘zgartirish jazosi, 2785-moddada kiber-sabotaj, 2786-moddada kiberfiribgarliklar keltirilgan. Masalan, noqonuniy kompyuter tizimiga kirish jinoyati uchun bazaviy hisob miqdorining 100 baravarigacha jarima yoki uch yilgacha huquqdan mahrum etish jazo choralari belgilangan.

2017–2023 yillarda “Xavfsiz shahar”, “Axborot-kommunikatsiya loyihalarni boshqarish” kabi prezident qarorlari qabul qilindi. Vazirlar Mahkamasining qarorlarida AHIT infratuzilmasini qurish, telekommunikatsiya operatorlari bilan hamkorlik va shifrlash tizimlari joriy etish kabi masalalar ko‘rib chiqilgan².

O‘zbekiston Kiberxavfsizlik qonuni bilan bir qatorda xalqaro normalarga bog‘lanishga harakat qilmoqda. 2025 yil oxirida O‘zbekiston hukumati **Xalqaro kiberjinoyatlarga qarshi Konvensiyani** (Buxarest, Virtual Convention) imzoladi. Bu qadam mamlakatni global hamjamiyat bilan muvofiqlashtirish va kiberjinoyatchilikka qarshi xalqaro hamkorlik uchun muhimdir.

Milliy darajada kiberjinoyatchilik uchun maxsus qonun ishlab chiqilishi rejalashtirilmoqda. Bu yangi hujjat axborot texnologiyalaridan foydalangan holda jinoyatlar, mas’uliyat, bank va texnologiya kompaniyalarining vakolatlarini aniqlab beradi. Masalan, Prezident qarorida “kiberjinoyat uchun jazo choralarini kuchaytirish, bank va to‘lov tizimlari javobgarligini oshirish” bo‘yicha topshiriqlar bor. Kiberxavfsizlik infratuzilmasi davlat va xususiy sektor imkoniyatlaridan iborat³.

¹ OSCE veb-sayti, “Capacity Building on Combating Cybercrime in Central Asia” (2020–2024).

² Securex.uz (Podrobno), “Uzbekistan signed the UN Convention against Cybercrime” (2025).

³ O‘zbekiston Respublikasi Axborot-kommunikatsiya texnologiyalari vazirligi qarorlari va Davlat standartlari.

O‘zbekiston “Kiberxavfsizlik markazi” (CSEC)ni tashkil etdi, u davlat axborot tizimlarida xavfsizlik talablariga sertifikatlash, tarmoq monitoringi va tahdidlarga qarshi test sinovlari bilan shug‘ullanadi. Shuningdek, davlat tizimlari va muhim infratuzilma obektlari mustaqil ekspertizadan o‘tkazilib, xavfsizligi attestatsiya qilinadi. Masalan, Vazirlar Mahkamasining 2017 yil qarori asosida “Markaz”ga tahdidlarni tahlil qilish, huquqbuzarliklarni oldini olish va texnologiya operatorlari bilan hamkorlik qilish vazifalari belgilangan.

Hukumat banklar va to‘lov tashkilotlarini anti-firibgarlik tizimlari o‘rnatishga majbur qilmoqda. Masalan, Markaziy bank tizimida firibgarlik tranzaksiyalarini aniqlash monitoringi yo‘lga qo‘yiladi. “Cybersecurity Compliance” inspeksiyalari kuchaytirilib, o‘z tizimini himoya qilmagan banklar javobgarlikka tortiladi. Shuningdek, telekommunikatsiya sohasida firibgarlik qo‘ng‘iroqlarini aniqlash va bloklash tizimlari joriy etildi.

Kiberxavfsizlik milliy masalasi bo‘lishiga qaramay, xalqaro hamkorlik muhim. Bu borada O‘zbekiston **SHHT**, **KKT** va **MDO** kabi tashkilotlarga a‘zo bo‘lib, boshqa davlatlar bilan tajriba almashishga kirishgan. MIB vakillarining Xitoy va Janubiy Koreya tajribasi bilan tanishuv safari natijasida yangi texnologiyalarni joriy etish bo‘yicha tavsiyalar olib kelindi. Ushbu infratuzilma va siyosat ilgari surib, kiberjinoyatlarga qarshi kurashning samaradorligini oshirish maqsadida quyidagilarni taklif qilamiz:

- Huquqni muhofaza qilish organlari uchun zamonaviy raqamli forensika laboratoriyalarini tashkil etish, mutaxassislar tayyorlash.
- Ta’lim muassasalarida axborot xavfsizligi va qonunchilikka oid kurslar ochish, kiber xabardorlikni yosh avlodga singdirish.
- Bank, moliya va AKT sohasida xalqaro standartlarga mos texnik talablarni majburiy qilish; shirkatlar uchun sertifikatlash va audit jarayonlari joriy etish.

- Fuqarolar va biznesni kiberhujumlardan mudofaa qilish bo'yicha jamoaviy mashg'ulotlar va mashg'ulotlardan o'rganish, fuqarolik jamiyati qatnashuvida simulyatsiyalar o'tkazish¹.

Maqolada keltirilgan tahlil shuni ko'rsatadiki, O'zbekiston kiberjinoyatchilik bilan kurashish sohasida keskin o'sish davrida turibdi. O'z navbatida, kiberjinoyatlar moliyaviy barqarorlik va milliy xavfsizlik uchun jiddiy xavf tug'dirmoqda. Mamlakat yetakchilari kiberxavfsizlikni ustuvor masalaga aylantirib, qonunchilikni takomillashtirish, nazorat mexanizmlarini kuchaytirish va xalqaro hamkorlikni rivojlantirish bo'yicha qadamlarga murojaat etmoqda. Biroq amaliyotda kuzatilayotgan muammolar – texnologik zaifliklar, mutaxassislar kamligi va sud-huquq masalalaridagi murakkabliklar – tizimli hal etishni talab etadi. Kiberxavfsizlik infratuzilmasini, axborot siyosatini, huquqiy asoslarni integratsiyalash va kuchaytirish orqali mazkur muammolar bartaraf etilishi mumkin. Shuningdek, axborot-ta'lim kampaniyalari orqali aholi xabardorligini oshirish va innovatsion yechimlarni joriy etish kiberjinoyatlarga qarshi kurashni samarali qiladi.

**ТОШКУВВАТОВ СИНДОР
ЯНГИБОЙ ЎҒЛИ**

Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
ўқитувчиси, мустақил изланувчи

**ЭКСТРЕМИЗМ БИЛАН БОҒЛИҚ ЖИНОЯТЛАР
ТУШУНЧАСИНИНГ НАЗАРИЙ-ҲУҚУҚИЙ ТАҲЛИЛИ**

Аннотация: Ушбу мақола Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодекси (ЖК) да экстремизм билан боғлиқ жиноятлар тушунчасининг ҳуқуқий жиҳатларини таҳлил қилади. Мақолада “экстремизм билан боғлиқ жиноятлар”, “экстремистик хусусиятга эга жиноятлар” ва “экстремистик йўналишдаги жиноятлар” атамаларининг ҳуқуқий фарқлари, уларнинг ЖКнинг тегишли моддаларидаги акси ва квалификация мезонлари кўриб

¹ Jurayev, N. M., Xomidova, N. Y., & Yuldasheva, X. X. (2020). Security analysis of urban railway systems: the need for a cyber-physical perspective. Cutting edge-science, 206.

чиқилган. Ўзбекистонлик ва рус олимлари (М.А. Ражабова, М. Курбанов, Р.Н. Пардаев, Т.А. Аристархова ва бошқалар) қарашларининг қиёсий таҳлили орқали экстремизм тоифаларининг ижтимоий-ҳуқуқий аҳамияти, мотивлар роли ҳамда амалий муаммолари ёритилган. Мақола экстремистик жиноятларнинг таркибий белгиларини аниқлаш ва уларни бошқа жиноятлардан фарқлаш масалаларига урғу беради, шунингдек, ҳуқуқий камчиликларни бартараф этиш таклифларини илгари суради.

Аннотация: В данной статье анализируются правовые аспекты понятия преступлений, связанных с экстремизмом, в Уголовном кодексе Республики Узбекистан. В работе рассматриваются правовые различия между терминами «преступления, связанные с экстремизмом», «преступления экстремистского характера» и «преступления экстремистской направленности», их отражение в соответствующих статьях Уголовного кодекса, а также критерии квалификации. На основе сравнительного анализа взглядов узбекских и российских ученых (М.А. Раджабова, М. Курбанов, Р.Н. Пардаев, Т.А. Аристархова и др.) раскрывается социально-правовое значение категорий экстремизма, роль мотивов и актуальные проблемы правоприменительной практики. Особое внимание уделяется вопросам определения конструктивных признаков экстремистских преступлений и их разграничения с иными составами преступлений, а также выдвигаются предложения по устранению выявленных правовых пробелов.

Abstract: This article analyzes the legal aspects of the concept of crimes related to extremism in the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (CC). The article examines the legal differences between the terms "crimes related to extremism," "crimes with extremist characteristics," and "crimes of an extremist nature," their reflection in the relevant articles of the CC, and the qualification criteria. Through a comparative analysis of the views of Uzbek and Russian scholars (M.A. Rajabova, M. Kurbanov, R.N. Pardayev, T.A. Aristarkhova, and others), the socio-legal significance of extremism categories, the role of motives, and practical problems are highlighted. The article emphasizes the issues of identifying the constituent elements of extremist crimes and distinguishing them from other crimes, as well as proposes suggestions for eliminating legal shortcomings.

Калим сўзлар: Экстремизм билан боғлиқ жиноятлар, экстремистик хусусиятга эга жиноятлар, экстремистик йўналишдаги жиноятлар, экстремистик мотив, жиноятни квалификация қилиш, жиноят таркиби,

жиноят процесси, криминалистика, тергов амалиёти, Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодекси.

Ключевые слова: Преступления, связанные с экстремизмом, преступления экстремистского характера, преступления экстремистской направленности, экстремистский мотив, квалификация преступлений, состав преступления, уголовный процесс, криминалистика, следственная практика, Уголовный кодекс Республики Узбекистан.

Keywords: Crimes related to extremism, crimes of extremist character, extremist-oriented crimes, extremist motive, criminal qualification, corpus delicti, criminal procedure, forensic science (criminalistics), investigation practice, Criminal Code of the Republic of Uzbekistan.

Ўз навбатида, экстремизм билан боғлиқ жиноятлар тушунчаси эътибор қаратиб, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг қайси моддаларида назарда тутилган жиноятлар экстремизм билан боғлиқ жиноятлар ҳисобланиши, уларнинг экстремистик хусусиятга эга бўлган жиноятлардан фарқи, ушбу масалалар бўйича олимларнинг қарашларини таҳлил қилсак.

Бугунги кунда жиноят ҳуқуқи назариясида экстремизм соҳасидаги ҳуқуқбузарликларни ифодаловчи учта атама — “экстремизм билан боғлиқ жиноятлар”, “экстремистик хусусиятга эга жиноятлар” ва “экстремистик йўналишдаги жиноятлар” олимлар томонидан кўп қўлланилади. Ушбу атамалар ўзаро мазмунан яқин бўлса-да, ҳуқуқий табиати, амал қилиш механизми ва квалификация мезонлари билан улар бир-биридан фарқланади. Ушбу тоифаларга кирувчи жиноятлар Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг тегишли моддаларида турли даражада ифодаланган.

М.А.Ражабованинг таъкидлашича, “Ўзбекистон Республикаси Жиноят ва Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодексларида ҳуқуқбузарликлар аниқ ва ихчам баён этилган бўлса-да, лекин

экстремизм билан боғлиқ бўлган моддалар бундан мустасно¹”. Биз муаллифнинг ушбу фикрларига қўшиламыз, бироқ аниқлик киритиш мақсадида бошқа ёндашувларни ҳам ўрганишимиз зарур бўлади.

М.Курбанов эса, “Жиноят кодексида экстремизм, шунингдек, диний экстремизм кўринишидаги жиноятлар тушунчаси аниқлаштирилмаган. Жиноят кодексининг бир қатор моддалари диспозициясида диний экстремизм, фундаментализм ва сепаратистик хатти-ҳаракатлар содир этганлик учун жиноий жавобгарлик белгиланган бўлсада, мазкур турдаги жиноят аниқ тавсифини баён этувчи, айнан қайси хатти-ҳаракатлар экстремистик, фундаменталистик ёки сепаратистик хатти-ҳаракатлар эканлиги тушунчаси берилмаган²”, - деб таъкидлайди. Биз ушбу тадқиқотчининг фикрига ҳам қўшиламыз. Ҳақиқатдан ҳам, экстремизм билан боғлиқ жиноятлар Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг бир нечта моддаларида ўз аксини топган бўлиб, олимлар ўртасида ушбу тоифадаги жиноятларга қайси жиноятлар кириши ҳақида турлича қарашлар мавжуд.

Жумладан, Р.Н. Пардаевнинг фикрига кўра, “экстремизм” сўзи ва унинг ҳосилалари Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг учта моддасида учрайди. 244¹-модда - “Жамоат хавфсизлиги ва жамоат тартибига таҳдид соладиган материалларни тайёрлаш ёки тарқатиш”, 244²-модда - “Диний экстремистик, сепаратистик, фундаменталистик ёки бошқа тақиқланган ташкилотлар тузиш, уларга раҳбарлик қилиш, уларда қатнашиш”, 246-модда - “Контрабанда”³. Биз ушбу тадқиқотчининг фикрларига қисман қўшиламыз. Чунки, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 156, 159,

¹ М.А.Ражабова. Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашишнинг жиноий-ҳукукий муаммолари, юридик фаилар доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация - Т.: 2002 6.264.

² М.Курбанов. Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашишнинг айрим жиҳатлари <https://sciencebox.uz/index.php/ajed/article/download/11093/10126/11000>

³ Экстремизм билан боғлиқ жиноятлар ва уларнинг қиёсий-ҳукукий таҳлили. // <https://worldlyjournals.com/index.php/IJSR/article/view/5513/8682>

244³, 246-моддаларида назарда тутилган жиноятлар ҳам бевосита экстремизм билан боғлиқ жиноят ҳисобланади.

Хусусан, М.А.Ражабова ўз тадқиқот ишида, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 156 ва 244¹-моддаларида назарда тутилган жиноятлар бир-бирига жуда ўхшаш ва яқинлиги қайд этган¹. Биз, ушбу олимамининг фикрларига, қўшиламыз. Ҳақиқатдан ҳам, 156-моддада миллий, ирқий, этник ёки диний адоватни тарғиб қилувчи материалларни тарқатиш мақсадида тайёрлаш, сақлаш ёки тарқатишнинг тарқатиш назарда тутилган бўлса, 244¹-моддада эса, диний экстремизм, сепаратизм ва ақидапарастлик ғоялари билан йўғрилган, қирғин солишга ёки фуқароларни зўрлик билан кўчириб юборишга даъват этадиган ёхуд аҳоли орасида ваҳима чиқаришга қаратилган материалларни тайёрлаш ёки уларни тарқатиш мақсадида сақлаш билан боғлиқ хатти-ҳаракатлар учун жавобгарлик назарда тутилган.

Ўз навбатида, миллий олимларимиздан М.Х.Рустамбоев Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 156-моддасига шарҳ берганларида, “Материаллар деганда, шарҳланаётган модданинг контекстида турли кўринишдаги босма нашрлар (китоблар, журналлар, брошюралар ва бошқ.), варақалар, плакатлар, босма нашрларнинг нусхалари, кино, фото, аудио, видео маҳсулотлар, интернет саҳифалари ва бошқа **экстремистик руҳдаги** материаллар назарда тутилади²”, - деб таъкидлайди.

Шу билан бирга, М.Х.Рустамбоев ушбу моддада назарда тутилган ижтимоий хавфли қилмишнинг, яъни “Жиноятнинг бевосита объекти миллий, ирқий, этник ёки диний белгиларга кўра нафратни ёки адоватни кўзғатиш кўринишидаги **экстремистик ҳаракатларга йўл қўймаслик** бўйича конституцион тамойилни

¹ М.А.Ражабова. Диний экстремизм ва терроризмга қарши курашишнинг жиноий-ҳуқуқий муаммолари, юридик фаилар доктори илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертация - Т.: 2002 - б. 260.

² М.Х.Рустамбоев. Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексига шарҳлар, Адолат - Т.: Ўзбекистон Республикаси Ички ишлар вазирлиги академияси, 2016 - б. 234.

кафолатловчи ижтимоий муносабатлар ҳисобланади¹”, - дея фикр билдирган.

Ш.Х.Алиев эса, “Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 157-моддасида назарда тутилган жиноятни ҳам экстремизмга таалукли”, - деб ҳисоблайди. Ушбу фикрини “Чет эл махсус хизматларининг манфаати йўлида экстремистик фаолият билан шуғулланиш орқали давлатга хоинлик қилишнинг жинояти содир этилади²”, - деб асослайди. Биз ушбу тадқиқотчининг фикрларига қўшилмаймиз. Чунки, ушбу жиноятни экстремизм билан боғлиқ жиноятларга киритиш бироз мунозарали ҳисобланади.

Яна бир олимимиз А.Закруллаев эса, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 242-, 243-, 248-, 274-моддаларида кўрсатилган жиноятларни ҳам терроризм ва экстремизм билан боғлиқ бўлган ижтимоий хавфли қилмишлар тоифасига киритган³. Ушбу жиноятларнинг содир этилиши ҳар доим ҳам экстремизм билан боғлиқ бўлмаганлиги сабабли биз А.Закруллаевнинг фикрларига қўшилмаймиз.

Ш.Ғ.Ғойибназаров эса, терроризм ва экстремизм ижтимоий ҳодисалар сифатида бир хил хусусият ва кўринишларга эга эканлигини, улар бир-бирини тўлдиришини ҳамда ўзаро мувофиқ келишини таъкидлаб, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 155, 156 ва 159-моддасида назарда тутилган жиноятларни экстремизм билан боғлиқ жиноятлар сифатида қайд этган⁴.

¹ М.Х.Рустамбоев. Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексига шарҳлар, Адолат - Т.: Ўзбекистон Республикаси Ички ишлар вазирлиги академияси, 2016 - б. 234.

² Ш.Х.Алиев Терроризм ва экстремизм учун жавобгарликнинг ҳуқуқий жиҳатлари, илмий мақола, Терроризм ва экстремизмга қарши курашиш: муаммо ва ечимлар, илмий мақолалар тўплами, Ички ишлар вазирлиги Академияси - Т.: 2022. Б 102.

³ А.Закруллаев, Терроризмга қарши курашишнинг криминологик жиҳатлари, юридик фанлар доктори илмий даражасини олиш учун йзилган диссертация автореферати - Т.: 2018 й Б. 16

⁴ Sh.G.Goyibnazarov. Terrorism and Extremism: Experience and Practice. // International Conference “Science of the 21st century: society and digitalization” Conference Proceedings. Scope Academic House, January 30, 2021, Sheffield, UK. // [https://inscience.uz/public/docs/1_UK%20\(PART-1\).pdf](https://inscience.uz/public/docs/1_UK%20(PART-1).pdf)

А.Каримов эса, экстремизм билан боғлиқ жиноятлар сифатида Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 156, 159, 244¹, 244³-моддаларида назарда тутилган жиноятларни таҳлил қилган¹.

Рус олимларидан Т.А.Аристархова эса, экстремистик хусусиятга эга жиноятларни қуйидаги турларга:

- содир этилишида экстремистик мотивлар жиноят таркибининг асосини ташкил этадиган жиноятлар;
- тегишли моддалар матнида экстремистик мотивлар оғирлаштирувчи ҳолат сифатида кўрсатилган жиноятлар;
- бошқа жиноятларга (юқоридаги икки ҳолат ҳам тушмайдиган, яъни дастлабки тергов ва суд муҳокамаси жараёнида жиноят сиёсий, мафкуравий, ирқий, миллий ёки диний адоват ёхуд бирон-бир ижтимоий гуруҳга нисбатан нафрат ёки душманлик замирида содир этилган жиноятлар) ажратган².

Ю.А.Королёв эса, “Экстремистик йўналишдаги жиноятлар - бу кенг ва умумий маънога эга бўлган “экстремистик фаолият” тушунчасининг бир қисмидир, чунки экстремизм намоён бўлишининг барча шакллари ҳам уларни жиноят деб топиш учун зарур бўлган моддий ва расмий белгиларга эга эмас.”³

Яна бир рус олими В.Ю.Мельников, экстремистик йўналишдаги жиноятларни 3 гуруҳга ажратади:

1) Шахсга қарши жиноятлар: қасддан одам ўлдириш, қасддан соғлиққа ҳаёт учун хавфли, ўртача оғири шикаст етказиш каби жиноятларни киритади. (ушбу жиноятлар сиёсий, мафкуравий, ирқий, миллий ва диний нафрат ёки душманлик ёхуд бирор-бир ижтимоий гуруҳга нисбатан нафрат ёки душманлик мотивлари

¹ А.Каримов. Диний экстремизм билан боғлиқ жиноятларни тергов қилишдаги муаммолар // <https://inlibrary.uz/index.php/legal-personnel/article/download/22393/23258>

² Т.А.Аристархова. Криминалистическая характеристика и совершенствование методики расследования преступлений против прав и законных интересов человека и гражданина, совершаемых по экстремистским мотивам. Дис...канд.юрид. наук. -Тула,2015. -С.31.

³Ю.А.Королёв. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности. Дис...канд.юрид.наук.- Екатеринбург,2022.-С.31.

асосида содир этилганда, экстремистик йўналишдаги жиноят ҳисобланади);

2) Инсон ва фуқаронинг конституциявий ҳуқуқ ҳамда эркинликларига қарши жиноятлар: Инсон ва фуқаронинг ҳуқуқ ва эркинликлари тенглигини бузиш; Виждон ва дин эркинлиги ҳуқуқини бузиш; Йиғилиш, митинг, намоёйиш, юриш, пикет ўтказиш ёки уларда иштирок этишга тўсқинлик қилиш.

3) Жамоат хавфсизлиги ва жамоат ахлоқига, шунингдек давлат хавфсизлигига қарши жиноятлар экстремистик жиноятлар: Безорилик (сиёсий, ирқий, миллий ёки диний нафрат ёхуд бирор ижтимоий гуруҳга нисбатан адоват мотиви билан содир этилганда); Вандализм (шу каби мотивлар билан содир этилганда); Мурдаларни ва улар дафн этилган жойларни таҳқирлаш; Нафрат ёки адоват кўзғатиш, шунингдек, инсон кадр-қимматини камситиш; Экстремистик ҳамжамиятни ташкил этиш; Экстремистик ташкилот фаолиятини ташкил этиш.¹

РФ ЖКнинг 282¹-моддасига илова қилинган 2-изоҳга мувофиқ, экстремистик йўналишдаги жиноятлар сирасига РФ ЖК Махсус қисмининг тегишли моддаларида кўзда тутилган ҳамда сиёсий, мафкуравий, ирқий, миллий ёки диний нафрат ёхуд адоват мотивлари, ё бўлмаса бирор-бир ижтимоий гуруҳга нисбатан нафрат ёки адоват мотиви билан содир этилган жиноятлар киради².

Олимларнинг фикрлари ва мавжуд маълумотлар таҳлили шуни кўрсатмоқдаки, экстремизм билан боғлиқ жиноятлар Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг бир нечта моддаларида ўз аксини топган ва улар тарқоқ ҳолатда ЖКнинг бир нечта бобларда баён этилган. Бироқ, олимлар орасида қайси жиноятлар экстремизм билан боғлиқ жиноятлар ва қайси жиноятлар экстремистик хусусиятга эга жиноятлар эканлиги юзасидан ягона фикр мавжуд эмас.

¹ В.Ю. Мельников. Преступления экстремистской направленности в Российской Федерации. // <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/38791/view>

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 г.) // https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397073#pos=4359;-50

Бизнинг фикримизча, **экстремизм билан боғлиқ боғлиқ жиноятлар** - экстремистик фаолиятни тўғридан-тўғри амалга ошириш ёки уни амалга оширилишига ёрдам берадиган ижтимоий хавфли қилмишлар мажмуини ифода этади. Бундай жиноятлар махсус таркибга эга бўлиб, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг тегишли моддаларида аниқ диспозициялар орқали ёритилган.

Хусусан, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг **156, 159, 244¹, 244², 244³, 246-моддаларида** назарда тутилган жиноятлар экстремизм билан боғлиқ жиноятлар ҳисобланади.

Бу тоифадаги жиноятларда асосий белги - **экстремистик фаолиятнинг тузилиши, ташкил этилиши ёки тарғиботи билан тўғридан-тўғри боғлиқ ҳисобланади.**

Экстремистик хусусиятга эга жиноятлар эса, ҳукуқий жиҳатдан анча кенг қамровли категория бўлиб, жиноят таркиби экстремизм билан бевосита боғлиқ бўлмаслиги мумкин. Бироқ, агар қилмиш **миллий, ирқий, этник, диний ёки идеологик адоват мотиви** билан содир этилган бўлса, у экстремистик хусусият касб этади.

Масалан, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 97-моддаси 2-қисмининг “к” банди (миллий ёки ирқий адоват замирида) ва “м” бандида (диний таассублар замирида) назарда тутилган жавобгарликни оғирлаштирадиган ҳолатларда қасддан одам ўлдириш жинояти экстремистик хусусиятга жиноят ҳисобланади.

Шу билан бирга, Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг **104-моддаси 2-қисми “ж” ва “з” бандларида, 105-моддаси 2-қисми “ж” ва “з” бандларида, 173-моддаси 2-қисми “а” бандида, 235-моддаси 2-қисми “б” бандида, 109-моддаси 2-қисми “а” бандида, 126¹-моддаси 5-қисми “д” банди ва 7-қисми “д” бандида** назарда тутилган жиноятларни ҳам экстремистик хусусиятга эга жиноятлар сирасига киритишимиз мумкин.

Бу тоифада жиноят экстремизмни ташкил этиши шарт эмас, мотив экстремистик бўлиши кифоя. Шу сабабли мазкур тоифа энг кенг қамровли ва мотив баҳоловчи характерга эга ҳисобланади.

1. Тушунчаларнинг меъёрий-ҳукукий фарқи (кенгайтирилган жадвал)

Мезонлар	Экстремизм билан боғлиқ жиноятлар	Экстремистик хусусиятга эга жиноятлар
Қонуний асос	ЖК 156, 159, 244 ¹ , 244 ² , 244 ³ , 246 моддалар	Умумий моддаларда мотив орқали белгиланади (97-м. 2-қ. “к” ва “м” бандилар, 104-м. 2-қ “ж” ва “з” бандлари, 105-м. 2-қ. “ж” ва “з” бандлари, 173-м. 2-қ. “а” банди, 235-м. 2-қ. “б” банди, 109-м. 2-қ. “а” банди, 126 ¹ -моддаси 5-қ. “д” банди ва 7-қ. “д” банди)
Қамров даражаси	Тор, махсус нормалар доирасида	Кенг, ҳар қандай жиноятга татбиқ қилиниши мумкин
Асосий белги	Экстремистик фаолиятни амалга ошириш	Экстремистик мотив (адоват, ғоявий сабаб)
Мотивнинг роли	Иккиламчи (шарҳловчи)	Бирламчи (квалификация мезони асоси)
Натижа	Жиноятнинг ўзи экстремизмдир	Жиноят экстремизмга айлантирувчи мотив орқали баҳоланади
Мисоллар	Материал тарқатиш, гуруҳ тузиш, тарғибот	Қасддан одам ўлдириш, безорилик, таҳдид, агрессия агар мотив бўлса

Юқоридаги таҳлил шуни кўрсатадики, **экстремизм билан боғлиқ жиноятлар** - тўғридан-тўғри экстремистик фаолиятга қаратилган, Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексда махсус белгиланган таркиблар тоифасидир. **Экстремистик хусусиятга эга жиноятлар** эса, ҳар қандай жиноятни қамраб олувчи, унинг экстремистик мотиви мавжуд бўлган ҳолларда қўлланиладиган кенг тушунчадир. Демак, ҳукукий қамров нуқтаи назаридан **экстремистик хусусиятга эга жиноятлар** кенгроқ тушунча

бўлиб, малакалаш белгиси сифатида **МОТИВ** ҳал қилувчи аҳамиятга эга.

**G'ANIYEVA SHAXRIZOD
NURMAXAMADOVNA**

Farg'ona davlat texnika universiteti Dasturiy
injiniring va kiberxavfsizlik kafedrası katta
o'qituvchisi, p.f.f.d. (PhD)

**SOTVOLDIYEV ASADBEK
ABRORJON O'G'LI**

Farg'ona davlat texnika universiteti
talabasi

ZAMONAVIY KIBERXAVFLAR FONIDA MAXFIY MULOQOT PLATFORMALARINI YARATISH MUAMMOLARI VA YECHIMLARI

***Annotatsiya:** Mazkur maqolada raqamli texnologiyalar rivojlanishi sharoitida maxfiy muloqot platformalarini yaratishning dolzarb muammolari, kiberxavfsizlik tahdidlari va ularni bartaraf etishning zamonaviy usullari tahlil qilinadi. Tadqiqot davlat organlari, xususiy kompaniyalar va fuqarolar uchun axborot xavfsizligini ta'minlashning nazariy va amaliy jihatlarini qamrab oladi.*

***Kalit so'zlar:** kiberxavfsizlik, maxfiy muloqot, kriptografiya, axborot ximoyasi, raqamli platformalar, shifrlash texnologiyalari*

Kirish. Bugungi kunda global raqamlashuv jarayonlari barcha sohalarni qamrab olmoqda. Insonlar o'rtasidagi muloqotning katta qismi raqamli platformalar orqali amalga oshmoqda. Biroq ushbu jarayonning rivojlanishi bilan bir qatorda kiberxavflar ham tobora kuchaymoqda. Jahon amaliyotida har yili millionlab kiberhujumlar qayd etilmoqda va ularning oqibatlari milliardlab dollar zararga olib kelmoqda.

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 27-apreldagi "O'zbekiston Respublikasida axborot xavfsizligini ta'minlash tizimini yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to'g'risida"gi Farmoni

mamlakatimizda ushbu sohaga qaratilgan e'tiborning darajasini ko'rsatadi. Hujjatda belgilanishicha, davlat organlari, jamoat tashkilotlari va xususiy korxonalar o'rtasidagi muloqotda axborot xavfsizligini ta'minlash muhim ustuvor vazifalardan biridir¹.

Zamonaviy kiberxavflar sharoitida maxfiy muloqot platformalarini yaratishning asosiy muammolarini aniqlash va ularni hal etishning samarali yo'llarini ishlab chiqishdan iborat. Bu borada xalqaro tajribani o'rganish, milliy xususiyatlarni hisobga olgan holda amaliy tavsiyalar berish zarur.

Raqamli muloqot platformalariga qaratilgan kiberxavflar turli shakllarda namoyon bo'lmoqda. Ularning eng xavflilari qatoriga quyidagilar kiradi.

Birinchidan, fishing hujumlari hozirgi davrda eng keng tarqalgan usullardan biri hisoblanadi. Jinoyatchilar foydalanuvchilarning ishonchini qozonish uchun rasmiy tashkilotlar nomidan qalbaki xabarlar yuboradilar. Natijada odamlar o'z maxfiy ma'lumotlarini, parol va finansiyl rekvizitlarini begonalarga berib qo'yadilar.

Ikkinchidan, shpion dasturlar orqali amalga oshirilgan hujumlar tobora murakkablashib bormoqda. Zamonaviy zararli dasturlar foydalanuvchi faoliyatini kuzatish, qurollarni yozib olish, ekran tasvirlarini olish va hatto mikrofon hamda kamerani masofadan boshqarish imkoniyatiga ega. Bunday dasturlar ko'pincha odatiy ilovalar qiyofasida yashiringan holda tarqatiladi.

Uchinchidan, "o'rtadagi odam" hujumlari maxfiy aloqa uchun jiddiy xavf tug'diradi. Bu usulda hujumchi ikki tomon o'rtasidagi muloqotga yashirincha kirib oladi va ma'lumotlarni o'zgartirish yoki o'g'irlash imkoniyatiga ega bo'ladi. Qo'shimcha shifrlanmagan aloqa kanallari ushbu tahdidga juda oson duch keladi.

To'rtinchidan, xizmatdan voz kechirish hujumlari platformalarning ishdan chiqishiga sabab bo'ladi. Jinoyatchilar serverlarga haddan tashqari ko'p so'rovlar yuborib, tizimni ishlamay qolishiga erishadilar. Bu esa

¹ Nurmaxamadovna, G. S. (2021). Start-Up: Essence and Main Components of Development. Barqarorlik va yetakchi tadqiqotlar onlayn ilmiy jurnali, 1(6), 264-270.

muhim ma'lumotlarga vaqtida kirish imkoniyatini yo'qotishga olib keladi¹.

Beshinchidan, sun'iy intellekt texnologiyalaridan foydalanilgan zamonaviy hujumlar yangi xavf darajasini ifodalaydi. Jinoyatchilar mashina o'rganishi algoritmlaridan foydalanib, ximoya tizimlarining zaif joylarini avtomatik ravishda topishadi va ularga mos hujum usullarini ishlab chiqadilar.

Zamonaviy maxfiy muloqot tizimlarini ishlab chiqishda bir qator murakkab muammolar mavjud. Ularni to'g'ri tushunish samarali yechimlar topishning asosini tashkil etadi.

Texnik jihatdan qaraganda, eng muhim muammo shifrlash algoritmlarining mustahkamligi va tezkorligi o'rtasidagi muvozanatni topishdir. Yuqori darajadagi kriptografik himoya katta hisoblash quvvatini talab qiladi, bu esa mobil qurilmalar uchun muammo tug'diradi. Foydalanuvchilar tez ishlovchi, ammo bir vaqtning o'zida maksimal darajada himoyalangan tizimlarni kutadilar. Ushbu ikki talabni bir vaqtda qondirish murakkab vazifa hisoblanadi.

Masshtablashtirish muammosi ham jiddiy e'tiborni talab etadi. Kichik guruhlar uchun mo'ljallangan maxfiy muloqot tizimlari millionlab foydalanuvchi darajasiga o'tganda o'z samaradorligini yo'qotishi mumkin. Bu holatda ma'lumotlar bazasini boshqarish, kalitlarni taqsimlash va serverlar yuklamasini optimallashtirish kabi masalalar paydo bo'ladi².

Foydalanuvchi tajribasi nuqtayi nazaridan qaraganda, xavfsizlik va qulaylik o'rtasida muvozanat yaratish kerak. Juda murakkab autentifikatsiya jarayonlari odamlarni platformadan voz kechishga

¹ Ганиева, С.Н., Базарбаев, М.Р. (2019). ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ. Научный вестник Наманганского государственного университета, 1 (5), 433-436.

² Нурмахамадовна, Г.С. Перспективы модернизации образовательных процессов с использованием интерактивных методов смешанного обучения. JournalNX, 9 (11), 57-62. Marlinspike M., Perrin T. The Double Ratchet Algorithm. Signal Foundation, 2016. 11 p.

majbur qilishi mumkin. Shuning uchun himoya tizimlari foydalanuvchi uchun qulay, ammo jinoyatchi uchun o'ta murakkab bo'lishi zarur.

Me'yoriy-huquqiy jihatdan qaraganda, turli mamlakatlarning kriptografiya sohasidagi talablari farq qiladi. Ayrim davlatlar jinoyatlarni tekshirishda huquq-tartibot organlariga shifrlangan ma'lumotlarga kirish imkoniyatini beruvchi maxsus eshiklar talab qiladilar. Biroq bunday yondashuv umumiy xavfsizlik darajasini pasaytiradi va zararli shaxslar tomonidan suiiste'mol qilinishi mumkin.

Moliyaviy resurslar masalasi ham mavjud. Yuqori darajadagi axborot xavfsizligini ta'minlash qimmat texnologiyalar, malakali mutaxassislar va doimiy tizimni yangilashni talab qiladi. Kichik tashkilotlar va startaplar bunday xarajatlarni ko'tara olmasligi mumkin.

Yuqorida sanab o'tilgan muammolarni hal etish uchun qator zamonaviy texnologiyalar va yondashuvlar mavjud. Ularning kompleks qo'llanilishi samarali natijalarga erishish imkoniyatini beradi.

Kriptografiya sohasida nuqtadan-nuqtagacha shifrlash prinsipi eng samarali yondashuv hisoblanadi. Bu usulda ma'lumotlar yuboruvchi tomonda shifrlanadi va faqat qabul qiluvchi tomonda ochiladi. Hatto platforma ma'murlari ham muloqot mazmuniga kirish imkoniyatiga ega bo'lmaydi. Bunday tizimlarga Signal, WhatsApp va Telegram kabi mashhur messenjerlar misol bo'la oladi.

Kvant kriptografiyasi kelajakda kiberxavfsizlik sohasida inqilob qilishi kutilmoqda. Bu texnologiya kvant mexanikasi qonunlaridan foydalanib, nazariy jihatdan sindirib bo'lmaydigan shifrlash tizimlarini yaratishga imkon beradi. Garchi hozircha keng qo'llanilmasa-da, ilg'or laboratoriyalarda faol tadqiqotlar olib borilmoqda.

Blokcheyn texnologiyasi ma'lumotlar yaxlitligini ta'minlashda muhim rol o'ynaydi. Markazlashmagan tizim yordamida har bir tranzaksiya va ma'lumot almashinishi qaytarib bo'lmaydigan tarzda qayd etiladi. Bu usul ma'lumotlarni o'zgartirish urinishlarini darhol aniqlashga imkon beradi.

Ko'p omilli autentifikatsiya tizimlari foydalanuvchi hisoblarining xavfsizligini sezilarli darajada oshiradi. Parol bilan birga biometrik

ma'lumotlar, bir martalik kodlar yoki maxsus qurilmalardan foydalanish hujumchilar uchun tizimga kirish imkoniyatini juda qiyinlashtiradi¹.

Sun'iy intellektdan himoya maqsadlarida ham foydalanish mumkin. Mashina o'rganishi algoritmlari foydalanuvchilarning odatiy xulq-atvorini o'rganib, g'ayritabiiy harakatlarni avtomatik ravishda aniqlay oladi. Masalan, agar hisobga noodatiy joydan kirish urinishi amalga oshirilsa, tizim darhol ogohlantirish beradi.

O'tkazilgan tahlil asosida quyidagi amaliy tavsiyalarni berish mumkin. Birinchidan, har qanday maxfiy muloqot platformasini ishlab chiqishda xavfsizlik prinsipi birinchi o'rinda turmog'i kerak. Foydalanuvchi qulayligi muhim bo'lsada, u hech qachon xavfsizlik hisobiga ta'minlanmasligi lozim.

Ikkinchidan, ochiq kodli yechimlarni imkon qadar qo'llash kerak. Bu tizimning shaffofligini ta'minlaydi va mustaqil ekspertlar tomonidan tekshirilish imkoniyatini beradi. Yashirin zaifliklar yoki maxsus qilib qoldirilgan xavfsizlik bo'shliqlari ehtimolini pasaytiradi.

Uchinchidan, tizimni doimiy yangilab turish va xavfsizlik tekshirishlarini muntazam ravishda o'tkazish zarur. Yangi tahdidlar har kuni paydo bo'lmoqda va ularga tez munosabat bildirish imkoniyatiga ega bo'lish kerak.

To'rtinchidan, foydalanuvchilarni o'qitish va ma'lumot berishga katta e'tibor qaratilishi lozim. Eng zamonaviy texnologiya ham agar odamlar uni noto'g'ri ishlatsa, kerakli xavfsizlikni ta'minlay olmaydi.

Xulosa qilib aytganda, zamonaviy kiberxavflar fonida maxfiy muloqot platformalarini yaratish murakkab, ammo hal qilinadigan vazifadir. Bu sohada muvaffaqiyatga erishish uchun texnik innovatsiyalarni joriy etish, me'yoriy-huquqiy bazani takomillashtirish, malakali kadrlar tayyorlash va xalqaro hamkorlikni rivojlantirish talab etiladi. O'zbekiston bu yo'nalishda muhim qadamlar tashlamoqda va istiqbolda yanada yuqori natijalarga erishishi mumkin. Raqamli transformatsiya davrida axborot xavfsizligini ta'minlash milliy

¹ Diffie W., Hellman M. New Directions in Cryptography. IEEE Transactions on Information Theory, 1976, Vol. 22, No. 6, pp. 644-654.

xavfsizlikning ajralmas qismi hisoblanadi va unga kompleks yondashuv zarur.

**KARIMOV ABDUKODIR
ABDISALOMOVICH**

Muhammad al-Xorazmiy nomidagi
Toshkent axborot texnologiyalari
universiteti tadqiqotchisi

**QAXRAMONOV ELBEK
QUVONDIQ O'G'LI**

Muhammad al-Xorazmiy nomidagi
Toshkent axborot texnologiyalari
universiteti tadqiqotchisi

BULUTLI HISOBLASHDA SHAXSIYLIKNI TA'MINLASHNING MAVJUD USULLARI TAHLILI

***Annotatsiya:** Bulutli hisoblashda shaxsiylikni ta'minlash — zamonaviy axborot xavfsizligining dolzarb muammosidir. Ma'lumotlar tashqi provayderlar tomonidan saqlanishi tufayli foydalanuvchilarning maxfiyligini himoya qilish murakkablashmoqda. Ushbu ishda bulut muhitida shaxsiylikni saqlashning mavjud usullari — shifrlash, kirishlarni boshqarish, anonimlashtirish, xavfsizlik sertifikatlari hamda ma'lumotlarni geografik chegarada saqlash tahlil qilinadi. Shuningdek, ularning kamchiliklari va takomillashtirish imkoniyatlari ko'rib chiqiladi. Yangi yondashuvlar sifatida blokcheyn asosida markazlashtirilmagan ma'lumot saqlash, differensial shaxsiylik, gibrid bulut modellari, anonim provayderlar hamda sun'iy intellekt yordamida xavfsizlik nazorati taklif etiladi. Har bir usulning qo'llanish sohasi, texnik amalga oshirish usullari va cheklovlari taqqoslanadi. Natijada, differensial shaxsiylik va blokcheyn texnologiyalari kelajakda bulutli tizimlarda shaxsiylikni ta'minlashning eng samarali yo'nalishlari sifatida ajralib turadi.*

***Аннотация:** Обеспечение конфиденциальности в облачных вычислениях является актуальной проблемой современной информационной безопасности. Защита конфиденциальности пользователей становится все более сложной в связи с тем, что данные хранятся у внешних провайдеров. В данной статье*

анализируются существующие методы сохранения конфиденциальности в облачной среде: шифрование, контроль доступа, анонимизация, сертификаты безопасности и хранение данных в географических границах. Также рассматриваются их недостатки и возможности совершенствования. В качестве новых подходов предлагаются децентрализованное хранение данных на основе блокчейна, дифференциальная идентификация, гибридные облачные модели, анонимные провайдеры и контроль безопасности с использованием искусственного интеллекта. Сравниваются область применения, методы технической реализации и ограничения каждого метода. В результате технологии дифференциальной идентификации и блокчейн выделяются как наиболее эффективные направления обеспечения конфиденциальности в облачных системах в будущем.

Abstract: Ensuring privacy in cloud computing is a pressing issue in modern information security. Protecting user privacy is becoming increasingly complex due to the fact that data is stored by external providers. This article analyzes existing methods for maintaining privacy in cloud environments: encryption, access control, anonymization, security certificates, and geographic data storage. Their shortcomings and potential for improvement are also discussed. New approaches proposed include decentralized data storage based on blockchain, differential identification, hybrid cloud models, anonymous providers, and artificial intelligence-based security control. The scope of application, technical implementation methods, and limitations of each method are compared. As a result, differential identification and blockchain technologies stand out as the most effective approaches for ensuring privacy in cloud systems in the future.

Kalit so‘zlar: Bulutli hisoblash, shaxsiylik, shifrlash, differensial shaxsiylik, blokcheyn, kirish boshqaruvi, anonimlashtirish.

Ключевые слова: Облачные вычисления, конфиденциальность, шифрование, дифференциальная идентификация, блокчейн, контроль доступа, анонимизация.

Keywords: Cloud computing, privacy, encryption, differential identification, blockchain, access control, anonymization.

Kirish

Bulutli hisoblashda shaxsiylikni ta'minlash — bu foydalanuvchilarning ma'lumotlarini himoya qilinishini, iznsiz kirishdan va maxfiylikning buzilishidan himoya qilishni anglatadi. Bulutli

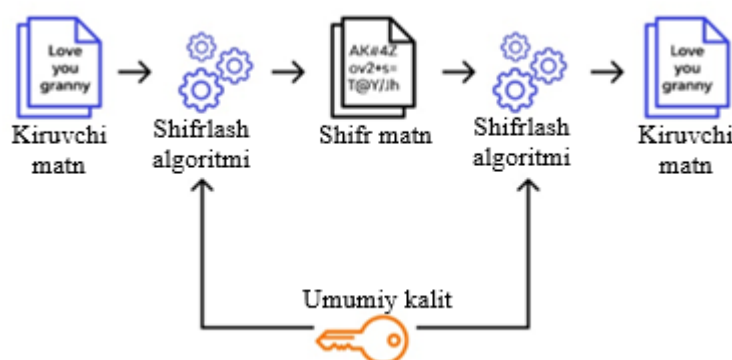
hisoblashda, ma'lumotlar tashqi provayderlar tomonidan saqlanadi va ishlanadi, bu esa shaxsiylikni ta'minlashni murakkablashtiradi. Hozirgi vaqtda bulutli hisoblashda shaxsiylikni himoya qilishning bir nechta usullari mavjud. Quyida ular tahlil qilinadi.

Mavjud usullar

Shifrlash (Encryption): Ma'lumotlarni shifrlash bulutda saqlanadigan ma'lumotlar uchun eng asosiy himoya vositasi va usuli hisoblanadi. Foydalanuvchi ma'lumotlari bulutga yuborilishidan oldin shifrlanadi va faqatgina haqiqiy kalitga ega bo'lgan shaxslar tomonidan o'qilishi mumkin.

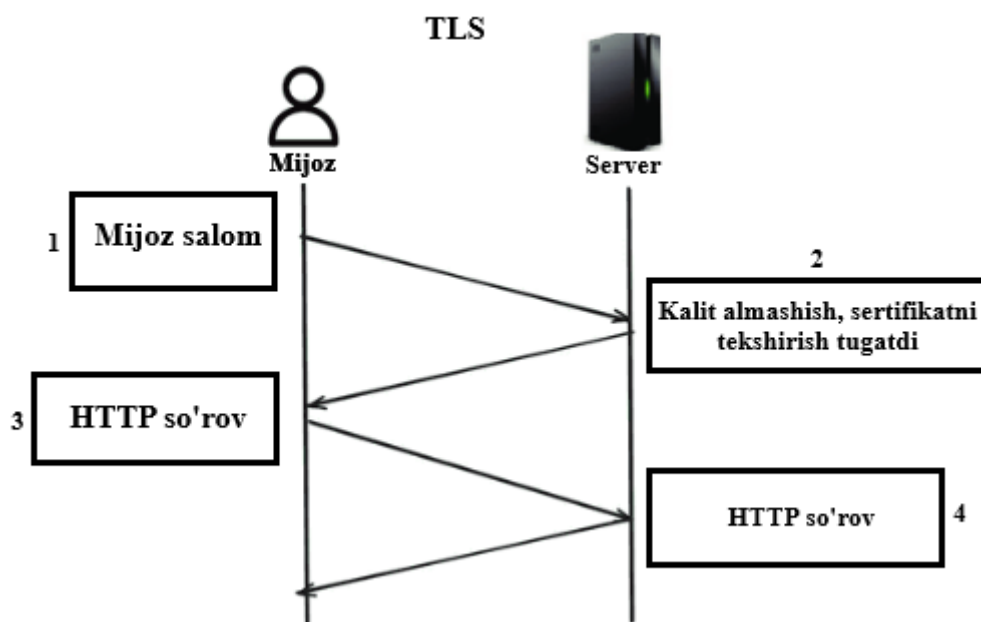
Shifrlashning ikki asosiy turi quyidagilar:

End-to-end shifrlash: Bu usulda, ma'lumotlar faqat yuboruvchi va qabul qiluvchi tomonlarda shifrlanadi va bulut provayderi uni hech qachon o'qiy olmaydi.

1-rasm. Simmetrik shifrlash

Transport Layer Security (TLS): Bulut tomonga yuborilayotgan ma'lumotlar yo'lda shifrlanadi, lekin bulut provayderi ma'lumotlarni o'qishi mumkin.

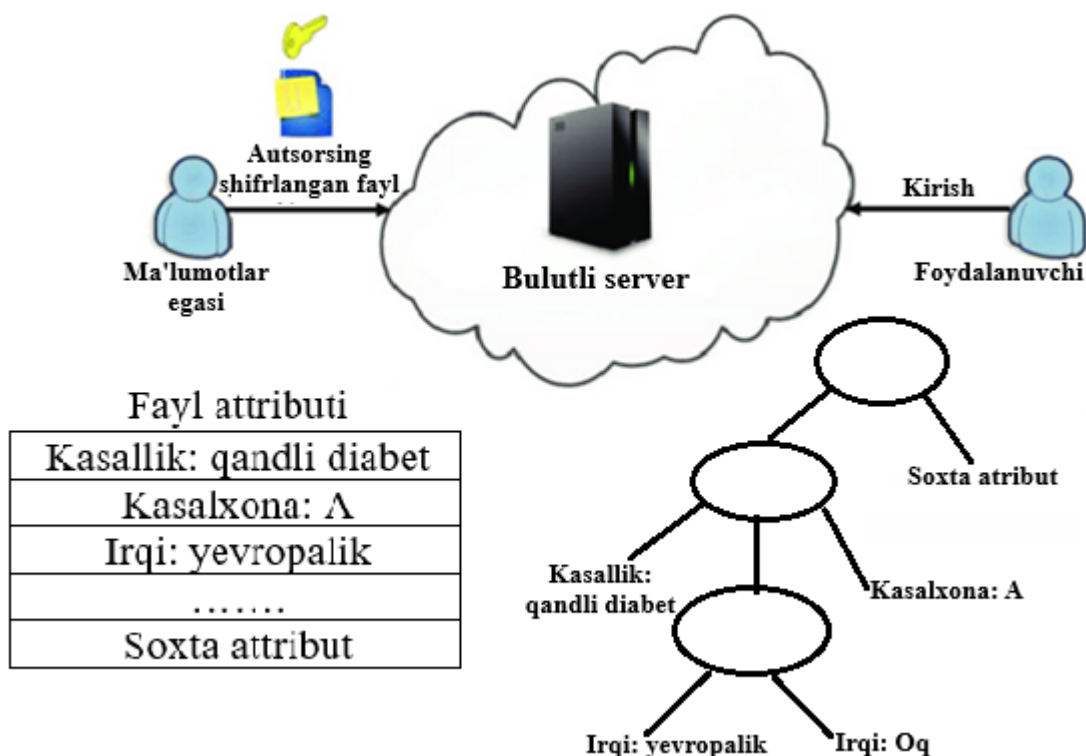

2- rasm. Transport Layer Security (TLS)

Foydalaishlarni boshqarish (Access Control): Bulut xizmatlari ma'lumotlarga kirishni boshqarish uchun foydalanuvchi huquqlarini belgilaydi. Bu huquqlar orqali faqat ma'lum shaxslar yoki guruhlar ma'lumotlarga kirish huquqiga ega bo'ladi.

Bulutli tizimlarda foydalanuvchi huquqlarini aniqlash, shaxsni tasdiqlash va kirishni boshqarish mexanizmlari (Access Control) shaxsiylikni himoya qilishda muhim rol o'ynaydi. An'anaviy **Role-Based Access Control (RBAC)** yondashuvi foydalanuvchilarni faqat lavozim yoki roli asosida ajratadi. Ammo zamonaviy tizimlarda **Attribute-Based Access Control (ABAC)** yoki **Zero-Trust Architecture (ZTA)** yondashuvlari yanada samarali hisoblanadi.

ABAC yondashuvida kirish huquqlari foydalanuvchining roli, joylashuvi, qurilma turi, vaqt, xavf darajasi kabi atributlar asosida aniqlanadi. Bu esa dinamik, kontekstga asoslangan xavfsizlikni ta'minlaydi. Shu bilan birga, **multi-factor authentication (MFA)** texnologiyasi foydalanuvchi identifikatsiyasini ikki yoki undan ortiq bosqichda tasdiqlash orqali ichki xavflarni kamaytiradi.

3-rasm. ABAC yondashuvda arxitekturas

Multi-Faktor autentifikatsiya (MFA) yordamida foydalanuvchilarni tekshirishni yanada kuchaytirish mumkin.

4-rasm. Multi-Faktor autentifikatsiyaga misol

Anonimlashtirish va pseudonimlashtirish (Anonymization and Pseudonymization)

Anonimlashtirish: Foydalanuvchining shaxsiy identifikatsiya qiluvchi ma'lumotlari butunlay o'chiriladi, shunda ma'lumotlar anonim bo'ladi.

Pseudonimlashtirish: Foydalanuvchining haqiqiy shaxsini aniqlash mumkin emas, lekin bu ma'lumotlar hali ham kerak bo'lganda aniqlanadigan bo'lishi mumkin.

Foydalanuvchi ma'lumotlarini shaxsiy identifikatsiyadan ajratish uchun anonimlashtirish va pseudonimlashtirish usullari keng qo'llaniladi. Ammo, bugungi texnologik sharoitda katta hajmdagi ma'lumotlar tahlili (Big Data Analytics) orqali qayta identifikatsiya qilish imkoniyati yuqori. Shu sababli, differensial shaxsiylik (Differential Privacy) tamoyiliga asoslangan yondashuvlar joriy etilmoqda.

Differensial shaxsiylik ma'lumotlar to'plamiga nazoratli "shovqin" (noise) qo'shish orqali individual foydalanuvchining aniqlanish ehtimolini kamaytiradi. Bu usul, ayniqsa, AI va ML tizimlarida maxfiylikni saqlagan holda o'qitish jarayonlarini (privacy-preserving machine learning) amalga oshirish imkonini beradi.

Bulut xizmat provayderlarining xavfsizlik sertifikatlari:

Bulut provayderlari ko'plab xalqaro xavfsizlik sertifikatlari (masalan, ISO 27001, SOC 2)ni qo'llab-quvvatlaydi. Bu sertifikatlar foydalanuvchilarga ma'lumotlarning xavfsizligini ta'minlashni kafolatlaydi.

Bulut xizmat provayderlari (AWS, Azure, Google Cloud va boshqalar) turli xalqaro xavfsizlik standartlariga mos ravishda sertifikatlashdan o'tgan bo'lishi mumkin. Bu foydalanuvchilarga ishonch beradi, biroq amalda bu sertifikatlar faqat audit paytidagi holatni tasdiqlaydi, real vaqt kuzatuvini emas. Shu bois Continuous Compliance Monitoring va Blockchain-based auditing mexanizmlarini joriy etish muhim.

Bu yondashuv orqali bulut provayderining har bir xavfsizlik amaliyoti real vaqt rejimida kuzatilib, foydalanuvchiga shaffof tarzda namoyish etiladi.

Shaxsiy ma'lumotlarni saqlash joyini tanlash:

Ma'lumotlarni geografik jihatdan ma'lum hududda saqlash ("data localization") ayrim mamlakatlar qonunchiligi talabiga binoan zarur hisoblanadi. Biroq bu yondashuv ma'lumot uzatishdagi

moslashuvchanlikni kamaytiradi. Shu sababli **federativ bulut (federated cloud)** modeli joriy etilmoqda. Bu modelda ma'lumotlar bir nechta mintaqaviy bulutlarda saqlanadi, ammo yagona boshqaruv tizimi orqali sinxronlashtiriladi.

Ushbu modelni Trusted Execution Environment (TEE) va end-to-end encryption bilan birlashtirish shaxsiylikni yuqori darajada ta'minlaydi.

1-jadval.

Bulutli hisoblashda shaxsiylikni ta'minlashning mavjud usullarini tahlil qilish va ularning kamchiliklari

Mavjud usul	Asosiy maqsad	Afzalliklari	Kamchiliklari / Cheklovlari	Takomillashtirish yoki yangi yondashuv taklifi
Shifrlash (Encryption)	Ma'lumotni ruxsatsiz kirishdan himoyalash	Kuchli kriptografik himoya- Ma'lumot uzatish va saqlashda xavfsizlikni ta'minlaydi	Shifrlangan ma'lumotda tahlil yoki qidiruv amalga oshirib bo'lmaydi- Kalit boshqaruvi murakkab (kalit yo'qolsa, ma'lumot tiklanmaydi)- Hisoblash yukini oshiradi	Homomorfik shifrlash yoki Searchable Encryption kabi ilg'or usullarni qo'llash- Kalit boshqaruvi uchun KMS (Key Management System) joriy etish
Foydalanuvchi kirishlarini boshqarish (Access Control)	Kim ma'lumotga kirishi mumkinligini aniqlash	Huquqlarni aniq taqsimlash imkonini beradi- MFA yordamida ishonchlilik oshadi	Ichki xodimlar tomonidan suiiste'mol qilish xavfi saqlanadi- Rollar noto'g'ri belgilanganda ruxsatsiz kirish xavfi mavjud- Katta tizimlarda boshqaruv murakkab	Attribute-Based Access Control (ABAC) ni joriy etish- Kirish siyosatini AI yordamida dinamik sozlash
Anonimlashtirish va pseudonimlashtirish	Foydalanuvchini identifikatsiyada n himoya qilish	Ma'lumotlarni statistik tahlil uchun saqlash	Anonimlashtirish orqaga qaytarilishi (re-identifikatsiya) mumkin- Tahlil	Differensial shaxsiylik (Differential Privacy) ni

		imkonini beradi- GDPR talablariga mos	aniqligi kamayadi- Pseudonimlashtirish da haligacha “ko‘prik” ma‘lumotlari mavjud	qo‘llash- Re-identifikatsiyani oldini olish uchun noisy data generation qo‘shish
Bulut xizmat provayderlari ning xavfsizlik sertifikatlari	Bulut provayderining xavfsizlik darajasini kafolatlash	Xalqaro standartlarga moslikni ko‘rsatadi- Foydalanuvchi ishonchini oshiradi	Sertifikatlar faqat audit paytida o‘lchanadi, real vaqtda emas- Provayder ichki siyosatini to‘liq oshkor etmaydi- Kafolat faqat ma‘muriy darajada	Real-time audit tizimlarini joriy etish- Blockchain asosida shaffof tekshirish mexanizmini yaratish
Ma‘lumot saqlash joyini tanlash (Data Localization)	Ma‘lumotni qonuniy va xavfsiz hududda saqlash	Qonunchilikka moslashadi- Foydalanuvchi hududiy xavfsizlikni boshqaradi	Xalqaro tarmoqlarda ma‘lumot uzatishda kechikishlar- Resurslardan foydalanish cheklanishi- Ma‘lumot uzatish paytida hali ham xavf mavjud	Federativ bulut modelini joriy etish (data joylashuvi va uzatilishini avtomatik muvofiqlashtirish)- Ma‘lumot uzatishda end-to-end shifrlash va TEE texnologiyalarini qo‘llash

Natijalar

Shaxsiy ma‘lumotlarni blokcheyn yordamida saqlash:

Blokcheyn texnologiyasi yordamida shaxsiy ma‘lumotlarni saqlash foydalanuvchining ma‘lumotlarini markazsizlashtirishni ta‘minlaydi. Bu texnologiya yordamida ma‘lumotlar o‘zgarishsiz va xavfsiz tarzda saqlanadi, va faqatgina foydalanuvchi o‘z ma‘lumotlariga kirish huquqiga ega bo‘ladi.

Blokcheyn orqali shaxsiy ma‘lumotlarning muallifligini tekshirish va izchil kuzatib borish mumkin.

Differensial shifrlash (Differential Privacy):

Bu usulda, ma'lumotlar yig'ish yoki tahlil qilish jarayonida, foydalanuvchilarning shaxsiy ma'lumotlari tasodifiy ravishda o'zgartiriladi yoki buziladi, shunda umumiy statistikalar olinadi, lekin individlarning shaxsiy ma'lumotlari saqlanadi.

Bu usulni ma'lumotlarni yig'ish va tahlil qilishda (masalan, bulutda ishlov berishda) foydalanuvchilarni himoya qilish uchun qo'llash mumkin.

Shaxsiy bulutlar va "Hybrid Cloud" modellarini ishlatish:

Shaxsiy bulutlar (Private Cloud) da foydalanuvchi o'zining barcha ma'lumotlarini saqlash va boshqarish imkoniyatiga ega bo'ladi, bu esa shaxsiylikni ta'minlashda katta afzallik beradi.

Gibrid bulutlar (Hybrid Cloud) esa korporativ tizimlar uchun optimal bo'lishi mumkin, chunki ular maxfiy ma'lumotlarni maxsus serverlarda saqlash imkoniyatini beradi, ammo boshqa ma'lumotlarni umumiy bulutlarda saqlash imkonini beradi.

Shaxsiy ma'lumotlar uchun anonim korxonalardan foydalanish:

Shaxsiy ma'lumotlarni saqlash uchun, shaxsiy huquqlarni himoya qiladigan va maxfiylikni ta'minlaydigan xizmatlarni taqdim etuvchi anonim bulut xizmat provayderlaridan foydalanish mumkin. Bu xizmatlar, masalan, faqat shifrlangan ma'lumotlarni saqlash va to'g'ridan-to'g'ri foydalanuvchiga ma'lumotlarni taqdim etish orqali shaxsiylikni ta'minlaydi.

Kengaytirilgan mashinali o'qitish (Machine Learning) va sun'iy intellektni qo'llash:

Bulutli hisoblashda, shaxsiy ma'lumotlarning xavfsizligini ta'minlash uchun *sun'iy intellekt* va *mashina o'rganish* yordamida anomal xatti-harakatlarni aniqlash va xavfsizlik tahdidlarini oldindan bashorat qilish imkoniyatlari mavjud. Bu esa foydalanuvchilarning ma'lumotlari xavfsizligini oshiradi.

2-jadval.

Bulutli hisoblashda shaxsiylikni ta'minlashning mavjud usullarini tahlil qilish va ularning kamchiliklari

Yangi taklif	Asosiy g'oya	Afzalliklari	Kamchiliklari /Cheklovlari	Amaliy qo'llanish sohalari	Texnik yechim va mexanizmlar
Blokcheyn asosida shaxsiy ma'lumotlarni saqlash	Ma'lumotlarni markazlashtiril magan (decentralized) tarzda saqlash, foydalanuvchi nazoratini kuchaytirish	Ma'lumotlar o'zgarmas (immutability) Foydalanuvchi to'liq azoratga ega. Audit izi (traceability) mavjud. Mualliflikni tekshirish mumkin	Tizim ishlashi sekinlashishi (tranzaksiya kechikishlari) Katta hajmdagi ma'lumotlar uchun xotira sarfi yuqori- Yashirin kalit yo'qolsa, ma'lumotga kirish imkonsiz	Sog'liqni saqlash tizimlari (elektron kartalar)- Elektron hukumat va identifikatsiya tizimlari- Bulutli fayl almashish platformalar i	Private Blockchain (Hyperledger, Corda)- Smart Contracts asosida ruxsat boshqaruvi- Decentralized Identity (DID) mexanizmlari
Differensial shifrlash (Differential Privacy)	Ma'lumot tahlilida foydalanuvchi identifikatsiyasini yashirish uchun statistik "shovqin" qo'shish	Foydalanuvchi shaxsini aniqlab bo'lmaydi. Katta hajmdagi ma'lumotlar bilan ishlashga mos. Maxfiylik va analitik sifat o'rtasida balans	Ma'lumot aniqligi biroz pasayadi "Shovqin" parametrlarini noto'g'ri sozlash statistik xatolarga olib keladi	Bulutli tahlil tizimlari (Data Analytics) AI va ML modellarini maxfiy o'qitish (Privacy preserving ML) Hukumat statistika tizimlari	Google DP Library, TensorFlow Privacy- Noise Injection Algorithms- Laplace yoki Gaussian mexanizmlari
Shaxsiy (Private) va Gibril (Hybrid) bulut modellarini joriy etish	Maxfiy ma'lumotlarni o'z serverlarda saqlab, boshqa ma'lumotlarni umumiy bulutda qayta ishlash	Maxfiy ma'lumotlar to'liq nazorat ostida- Moslashuvchan resurs taqsimoti- Ma'lumotlar segmentatsiyasi oson	Texnik xizmat va xarajat yuqori- Integratsiya va muvofiqlik (interoperability) muammosi mavjud- Tizim arxitekturasi murakkab	Korporativ IT infratuzilmalarMoliyaviy va bank tizimlari- Universitet yoki tibbiy ma'lumot bazalari	VMware Hybrid Cloud, OpenStack, Azure Arc- Data Partitioning texnikasi- VPN + SD-WAN integratsiyasi
Anonim bulut xizmat	Maxfiylikni saqlaydigan,	Provayder foydalanuvchi	Ishonchli anonim	Shaxsiy fayl saqlash	End-to-End Encryption

provayderlari dan foydalanish	shifrlangan bulut provayderlarid an foydalanish (zero- knowledge principle)	i ma'lumotlari ni ko'ra olmaydi- Foydalanuvchi shaxsiylik kafolatlanadi- Shifrlash avtomatik amalg oshadi	provayderlarni topish qiyin- Yuridik javobgarlik noaniq- Ma'lumot tiklash mexanizmi cheklangan	(Sync.com, Proton Drive)- Jurnalistika, huquq himoyasi, maxfiy loyihalar	(E2EE)- Zero- Knowledge Encryption- Encrypted Metadata Management
Sun'iy intellekt va mashinali o'qitish yordamida xavfsizlikni boshqarish	AI yordamida bulutdagi anomal harakatlarni aniqlash va tahdidlarni oldindan prognoz qilish	Real vaqqli monitoring- Anomaliyani avtomatik aniqlash- Tahdidlarni proaktiv bartaraf etish	AI modelining noto'g'ri o'qitilishi yolg'on signal beradi- Resurs sarf katta (GPU, tarmoq yuklamasi)- Maxfiy ma'lumotlar o'qitish jarayonida foydalaniladi	Bulut xavfsizligi markazlari (Cloud SOC)- Bank va moliyaviy tizimlarda firiibgarlikni aniqlash- IoT tarmoqlari monitoringi	AI-based IDS/IPS, Behavioral Analytics- Federated Learning (FL)- SIEM tizimlari (Splunk, IBM QRadar)

Blokcheyn asosidagi yondashuvlar bulutli tizimlarda markazsiz boshqaruvni yaratib, **shaxsiylik va shaffoflikni** birgalikda ta'minlaydi. Ayniqsa, **Decentralized Identity (DID)** konsepsiyasi foydalanuvchining o'z ma'lumotlarini to'liq boshqarish imkonini beradi.

Differensial shifrlash va Differensial shaxsiylik yondashuvlari statistik tahlilni saqlab qolgan holda **individual maxfiylikni himoya** qiladi, bu esa **AI asosida ma'lumot tahlilida** eng istiqbolli yo'nalish hisoblanadi.

Gibrid bulut modellari korporativ tizimlar uchun eng real yechim bo'lib, **ma'lumotlarni segmentatsiya qilish** orqali xavfsizlikni oshiradi.

Anonim provayderlar shaxsiy foydalanuvchilar uchun qulay, lekin yirik tashkilotlarda ularni yuridik jihatdan moslashtirish muammoli.

AI asosidagi xavfsizlik tizimlari bulutli infratuzilmada proaktiv nazoratni joriy etib, **avtomatik tahdidlarni aniqlash** imkonini beradi — bu esa inson omilini kamaytiradi va tizimni mustahkamlaydi.

Xulosa

Bulutli hisoblashda shaxsiylikni ta'minlash uchun ko'plab texnologik yondashuvlar mavjud. Hozirgi vaqtda, ma'lumotlarni shifrlash, anonimlashtirish va kuchli autentifikatsiya tizimlari eng keng tarqalgan usullardan hisoblanadi. Ammo yangi texnologiyalar, masalan, blokcheyn va differensial shifrlash kabi usullar, shaxsiy ma'lumotlarning himoyasini yanada kuchaytirish uchun katta potensialga ega. Bulutli tizimlar foydalanuvchilarning maxfiyligini ta'minlashda davom etishi kerak va shaxsiy ma'lumotlar xavfsizligini yanada oshirish uchun innovatsion yondashuvlar zarur.

QAXRAMONOV ELBEK

QUVONDIQ O'G'LI

Researcher at Muhammad al-Khwarizmi
Tashkent University of Information
Technologies

KARIMOV ABDUKODIR

ABDISALOMOVICH

Researcher at Muhammad al-Khwarizmi
Tashkent University of Information
Technologies

METHODS OF PROTECTING USER DATA FROM MALICIOUS SOFTWARE ON SOCIAL NETWORKS

***Аннотация:** В данной статье рассматривается растущая угроза вредоносного программного обеспечения (ВПО) в социальных сетях и рассматриваются эффективные методы защиты данных пользователей. Поскольку платформы социальных сетей стали неотъемлемой частью коммуникации, маркетинга и обмена информацией, они также стали основными целями для кибератак. В исследовании особое внимание уделяется*

профилактическим мерам, образованию в области кибербезопасности и роли искусственного интеллекта в обеспечении цифровой безопасности.

Abstract: *This article discusses the increasing threat of malware on social networks and highlights some effective ways to safeguard user data. Social media platforms have become vital channels for communication, marketing, and information exchange; therefore, they have become an easy target for cyberattacks. The preventive approach, education on cybersecurity, and the use of artificial intelligence in this regard are discussed in this research study.*

Ключевые слова: кибербезопасность, вредоносное ПО, социальные сети, фишинг, защита пользователей, цифровая безопасность, искусственный интеллект.

Keywords: *cybersecurity, malware, social networks, phishing, user protection, digital security, artificial intelligence.*

Introduction

Social networks like Facebook, Instagram, X, and TikTok have transformed digital communication, making it possible for billions of users to share personal information daily. In this regard, increased connectivity has also provided different opportunities for cybercriminals. Most malware attacks on social media are designed to steal login credentials, personal data, and financial information. Protection of user data is thus among the most important challenges of modern cybersecurity¹.

Methods

A social network can be defined as any online group or community of people interested in communicating, sharing information, building friendships, posting photos and videos, or exchanging opinions.

In other words, a social network is a virtual area that unites people: one can chat with friends, read news, or share some content there.

¹ European Network and Information Security Agency (ENISA). Threat Landscape 2021. <https://www.enisa.europa.eu/sites/default/files/publications/ENISA%20Threat%20Landscape%202021.pdf> [Accessed 4 November 2025].

Malware is a type of software created to harm computers or mobile devices, damage or steal data, or scam users in general¹.

The protection of users' data against malware in social networks presupposes measures aimed at preventing malicious applications or scams from getting access to, stealing, modifying, or destroying any personal information of users on social platforms, including messages, photos, passwords, contacts, or even banking accounts².

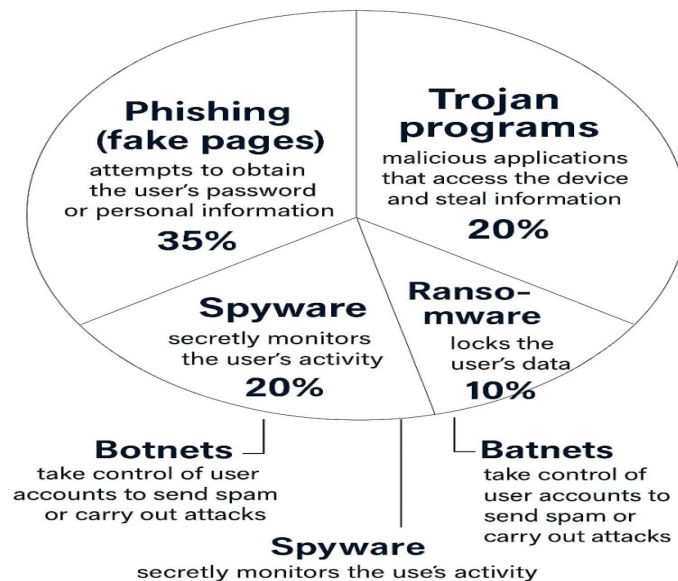

Fig 1. Main malware found on social networks

The following are some of the current work being done by scientists on ways to protect user data from malicious programs on social networks:

1. Yuval Elovici — In his “Stealing Reality” study, he analyzed how malware is able to keep track of and compile personal information by observing users on social networks.

2. Matthew Williams - In “Digital fingerprinting for identifying malicious collusive groups on Twitter”, he proposes a technique of using

¹ European Network and Information Security Agency (ENISA). Threat Landscape. Available from: <https://www.enisa.europa.eu/topics/cyber-threats/threat-landscape> [Accessed 4 November 2025].

² OWASP. Web Security Testing Guide (WSTG). Available from: <https://owasp.org/www-project-web-security-testing-guide/> [Accessed 4 November 2025].

digital fingerprints to detect the accounts involved in propagating malicious links on Twitter¹.

3. Grigori Sidorov - In “Cyberattack Detection in Social Network Messages Based on Convolutional Neural Networks and NLP Techniques”, he suggested using AI (NLP and CNN) to detect malicious messages on social networks.

4. Xuerong Zuo: He has also pointed out in the paper “Research on Personal Information Security Protection of Social Networks in the Era of Big Data” that it is required to raise user awareness, increase the responsibility of social network services, and enhance legal regulations for the protection of personal data ².

5. Francesca Cerruto: In “Social network data analysis to highlight privacy threats in sharing data”, she analyzed the risk of reconstructing users' personal data on social networks and recommended improving the privacy policies.

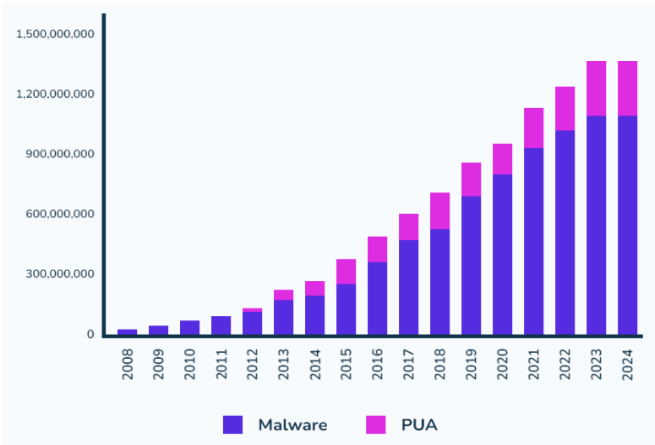

Fig 2. Total amount of malware and by year

This figure shows that the trends are growing for security threats, and it tells about the need to strengthen cybersecurity³.

¹FIDO Alliance. Passkeys / Passwordless Authentication. Available from: <https://fidoalliance.org/passkeys/> [Accessed 4 November 2025].

² Rescorla, E. The Transport Layer Security (TLS) Protocol Version 1.3. RFC 8446. Available from: <https://datatracker.ietf.org/doc/html/rfc8446> [Accessed 4 November 2025].

³ RSA Laboratories. PKCS #1: RSA Cryptography Specifications. RFC 2313. Available from: <https://datatracker.ietf.org/doc/html/rfc2313> [Accessed 4 November 2025]

Fig 3. Security behavior change improvement

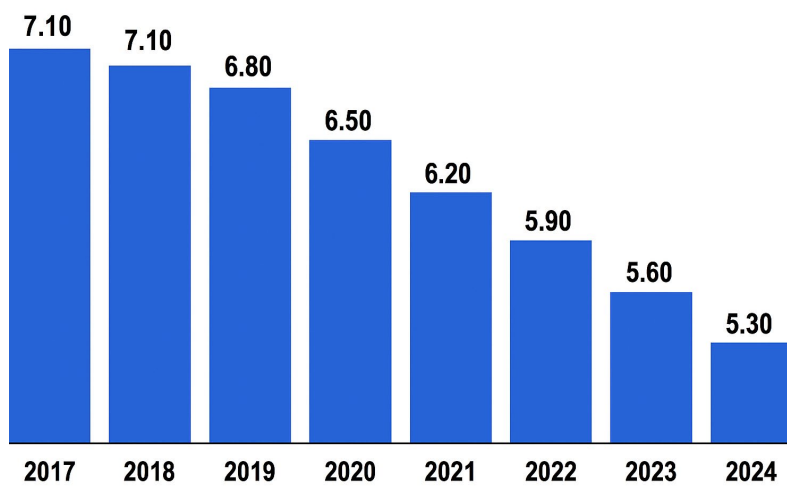

Fig 4. Uzbekistan security threats index

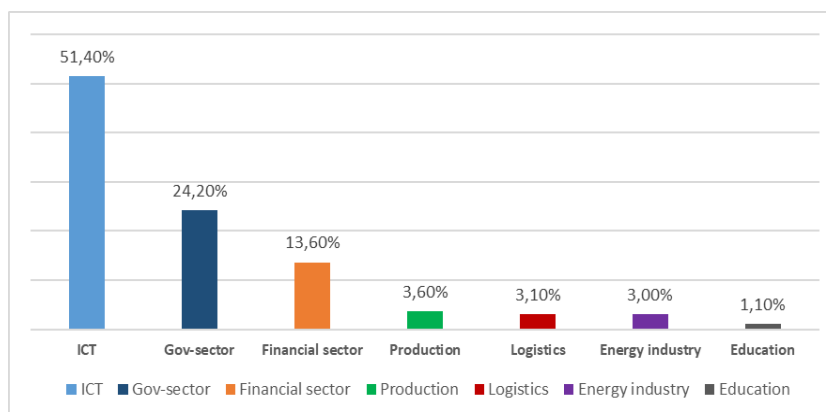

Fig 5. Analysis of the level of cybersecurity development in Uzbekistan

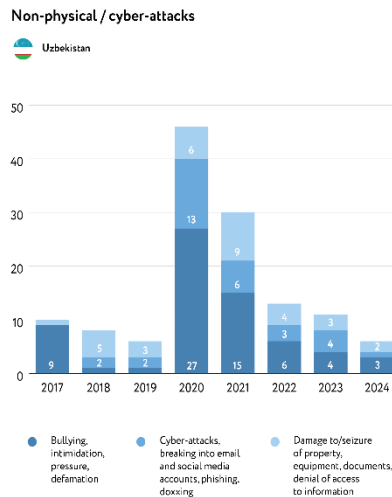

Fig 6. Attacks on media workers in Uzbekistan in 2024

Results

Methods for protecting user data:

2FA or MFA was designed to provide an extra layer of security for user accounts. Instead of relying on a password for an account, it requires extra verification as another means to ensure the person trying to get to the account is really the account owner. The main goal is to protect accounts even if the password is stolen or compromised¹.

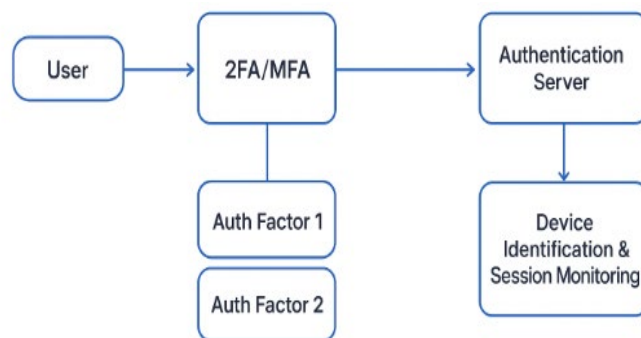

Fig 7. Strong authentication systems

Biometric authentication is a technique used to verify the user's identity based on his/her unique biological characteristics. Biometric

¹ Cloudflare Blog. A Detailed Look at RFC 8446 (TLS 1.3). Available from: <https://blog.cloudflare.com/rfc-8446-aka-tls-1-3/> [Accessed 4 November 2025].

authentication relies on physical or behavioral characteristics, rather than using a password or PIN¹.

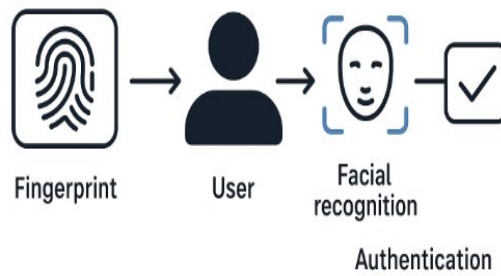

Fig 8. Biometric authentication. Device Identification

Fingerprinting definition: The method based on the principle of uniqueness of a device's (computer, phone, tablet) “fingerprint”.

Session monitoring definition: It is the way a user is tracked after he or she logs into a system.

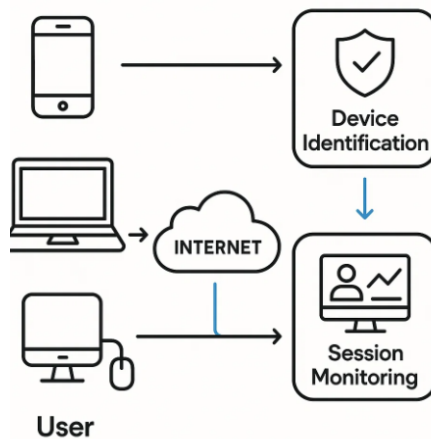

Fig 9. Device identification and session monitoring

¹ Malicious Phishing Detection in Social Networking Sites: A Systematic Review. ResearchGate. https://www.researchgate.net/publication/392680217_Multimodal_Phishing_Detection_on_Social_Networking_Sites_A_Systematic_Review [Accessed 4 November 2025].

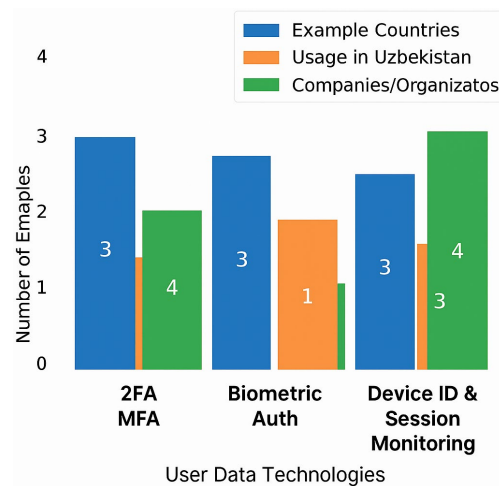

Fig 10. Comparison of user data protection technologies in social networks

AES-256 is symmetric, meaning that there is a single key for encryption and decryption. It utilizes a 256-bit key, which makes it highly secure. It's very quick and mainly works wonders for large data or files being transferred. For instance, it may be used in cloud storage to keep the files safe, or it can be used to keep data flowing across HTTPS secure. Only the person having the correct key will be able to decrypt the data; in case any third party gets hands on the encrypted data without the key, they will not be able to read it¹.

RSA is an asymmetric encryption algorithm, meaning that it relies on two keys: one for encryption, which can be public, and another for decryption, which should be private. Any person is allowed to use the public key to encrypt a message, while only the owner of the private key may decrypt it. RSA is normally used to transmit small pieces of sensitive information, such as passwords or keys, and in digital signatures.

TLS 1.3 is a protocol at the transport layer, with the basic purpose of safely transmitting data across the internet. The most important tasks of TLS 1.3 are encryption, authentication between parties-that is,

¹ Herath T. B. G., Khanna P., Ahmed M. "Cybersecurity Practices for Social Media Users: A Systematic Literature Review." *Journal of Cybersecurity and Privacy*, 2022;2:1–18. DOI:10.3390/jcp2010001 <https://doi.org/10.3390/jcp2010001>

verifying the legitimacy of the server and client-and integrity at the level of the data, so that it is not changed during the process¹.

This implies that the storage of personal files in cloud systems in encrypted form ensures that your data is saved on remote servers in such a way that only you or other authorized users will be able to read it. Before the files leave your device, they are encrypted with strong algorithms such as AES-256, meaning that even when somebody accesses the cloud server, they cannot read your data without the encryption key. It also ensures that your files remain private and secure from unauthorized access but allows you to access the same files from anywhere using your credentials².

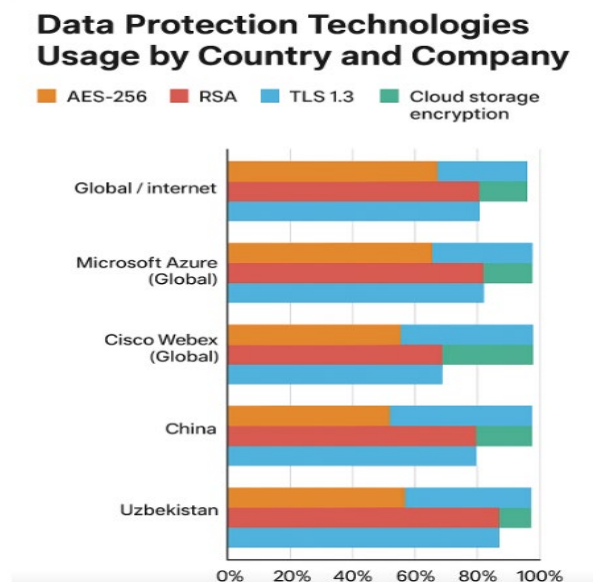

Fig 11. Data protection technologies usage by country and company

Download social media applications from official sources only: for instance, from Google Play, the Apple App Store, or an official website of the application. This can guarantee that the downloaded app is genuine,

¹ Albulayhi M. S., ElKhediri S. “A Comprehensive Study on Privacy and Security on Social Media.” iJIM – International Journal of Interactive Mobile Technologies, 2022;16(01). DOI:10.3991/ijim.v16i01.27761 <https://doi.org/10.3991/ijim.v16i01.27761>

² Koohang A., Floyd K., Yerby J., Paliszkiwicz J. “Social Media Privacy Concerns, Security Concerns, Trust, and Awareness: Empirical Validation of an Instrument.” Issues in Information Systems, 2021;22(2):133-145. DOI:10.48009/2_iis_2021_136-149. https://doi.org/10.48009/2_iis_2021_136-149

secure, and not containing malware or other kinds of malicious modifications. Using official sources ensures your personal data and device are not jeopardized by fake or other types of malicious apps.

It means regularly checking through the permissions to see which of these applications on your device have access to things such as your camera, microphone, contacts, location, or storage. You will be able to ensure that apps use no more permissions than they actually need and that your personal data is kept safe.

Steer clear of suspicious ads, links, or bots, as this implies one should not click on advertisements, URLs, or automated accounts that appear to be suspicious, unfamiliar, or untrusted. These often carry malware, phishing attempts, or scams that would compromise personal information or infect a device. You minimize the risk of data theft and fraud by ignoring or blocking them. In other words, avoiding suspicious adverts, links, and bots protects your personal data and device from harm.

Real-time scanning of malicious links means that any link you click or receive is immediately checked by some kind of security system or software to see if it's dangerous. It helps in the detection of phishing sites, malware, or harmful downloads and stops them before they actually harm your device or leak personal information.

IP and DNS filtering involve the use of network security measures to block access to websites that are either known or suspected to be malicious. IP filtering blocks traffic coming from certain IP addresses, while DNS filtering prevents your device from resolving the domain name of dangerous sites. It helps prevent users from accessing phishing websites, scam web pages, or malware-hosting sites to protect personal data and devices.

Keeping firewalls and antivirus software up to date means updating these security tools periodically to the latest version. Firewalls monitor and control network traffic going in and out to block unauthorized access,

while antivirus programs scan, detect, and remove malware and viruses, among other threats¹.

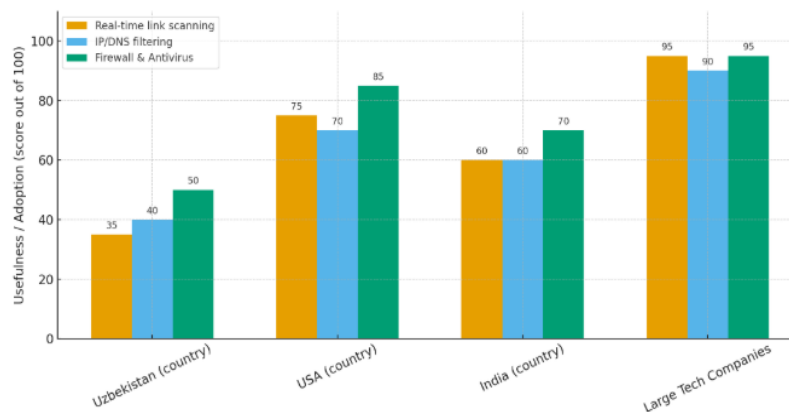

Fig 12. Comparative usefulness/adoption of security measures

It involves the design and delivery of educational programs meant to interactively teach users (employees, students, or the general user) about cybersecurity principles, threats, and safe practices. Such a program is hands-on, engaging, and practical rather than theoretical².

Giving instructions on recognizing phishing and malicious files involves telling users to be wary of any emails or messages that may seem fake, not to click on suspicious links, not to open unknown files, and never to give out sensitive personal or financial information to unknown sources. Users should also keep antivirus and system updates up to date, not enable macros in documents from unknown senders, and report any suspicious messages or files to the IT department. These guidelines are for assisting them in real-world cyber-attack protection.

Regular notification of cybersecurity rules and current or new threats serves to remind users. It keeps them from forgetting safe practices, what to do in risky situations, and reinforces the overall security culture of an organization. Examples of these are updating passwords,

¹ Efe A., Suliman H. "How Privacy Is Threatened from Social Media Communication?" Online Social Networks and Media, 2021;6(1):32-45. <https://dergipark.org.tr/en/pub/bbd/issue/59753/817542>

² Ahmed L. K. "The Application: Social Media and Their Security." ITM Conferences (ICACS 2024), 2024. https://www.itmconferences.org/articles/itmconf/pdf/2024/07/itmconf_icacs2024_01006.pdf

two-factor authentication, not clicking on suspicious links, and keeping antivirus and system updates current.

Conclusion

To put it all together, the protection of user data from malware on social networks relies fundamentally on technical, organizational, and educational measures. The availability of strong authentication methods increases-beca.

use of two-factor or multi-factor authentication and biometric verification-the difficulty of unauthorized access to accounts. AES-256, RSA, and TLS 1.3 encryption protocols protect the data at rest and in motion, while real-time link scanning, IP/DNS filtering, and up-to-date antivirus/firewall systems provide security against malware. Downloading applications only from official sources, keeping an eye on permissions given to applications, and avoiding suspicious links and ads are also very important practices to minimize risks.

Of equal importance is user awareness and training, allowing them to identify phishing attempts, malware, and other types of cyber threats. Continuous education, along with straightforward security policies and notifications, fortifies a proactive cybersecurity culture. Ultimately, highly advanced cryptographic protocols integrated with AI behavioral analysis and adaptive lightweight security ensure a strong defense framework for social network users. Given the continually changing nature of cyber threats, innovation and continuous user education are imperative for retaining privacy and data integrity and overall cybersecurity.

**G'ANIYEVA SHAXRIZOD
NURMAXAMADOVNA**

Farg'ona davlat texnika universiteti
p.f.f.d. (PhD)

**TOHIROV OYBEK
BAHODIRJON O'G'LI**

Farg'ona davlat texnika universiteti
talabasi

OCHIQ MANBALARDAN RAZVEDKA MA'LUMOTLARNI YIG'ISHDA MALTEGO PLATFORMASI ORQALI GRAFIK TAHLIL QILISHNING AHAMIYATI

***Annotatsiya:** Ushbu maqola ochiq manbalardan razvedka (OSINT) ma'lumotlarini yig'ish jarayonida grafik tahlilning ahamiyatini, shuningdek, Maltego platformasi misolida uni qo'llash mexanizmlarini ilmiy asosda tahlil qilingani. Maqolada real tajribalar asosida Maltego yordamida ma'lumot yig'ish, vizuallashtirish va tahdidlarni aniqlashning haqida ma'lumot berilgan.*

***Kalit so'zlar:** OSINT, Maltego, grafik tahlil, kiberrazvedka, ma'lumotlarni vizuallashtirish, ochiq manbalar, kiberxavfsizlik, shaxslararo aloqalar, tarmoq graflari, ma'lumotlar o'zaro bog'liqligi.*

Kirish. Hozirgi kunda raqamlashtirish jarayonlarining jadallashuvi, internet tarmoqlaridagi ma'lumotlar hajmining keskin ortishi va turli ochiq manbalar orqali mavjud bo'lgan axborotning kengayishi kiberxavfsizlik sohasida yangi yondashuvlarni talab etmoqda. Ochiq manbalardan razvedka (OSINT — Open Source Intelligence) ma'lumotlarini yig'ish, tahlil qilish va baholash bugungi axborot xavfsizligini ta'minlashning muhim bo'g'ini sifatida shakllanmoqda. OSINT texnikalari yordamida internet saytlar, ijtimoiy tarmoqlar, reyestrlar, domen ma'lumotlari, arxivlar va boshqa ko'plab ochiq

resurslardan zarur axborotni yig'ish va ularni tizimli ravishda tahlil qilish mumkin¹.

Bunda Maltego platformasi alohida o'rin egallaydi. Mazkur tizim ma'lumotlar orasidagi bog'liqliklarni grafik shaklda ifodalash, ularni vizual tarmoq ko'rinishida ko'rsatish, obyektlar o'rtasidagi yashirin munosabatlarni aniqlash va kiber hodisalarni tezkor tahlil qilish imkoniyatiga ega. Maltego yordamida domen nomlari, elektron pochta manzillari, IP-manzillar, ijtimoiy tarmoq profillari, tashkilotlar va shaxslar o'rtasidagi aloqalar birgina grafik model orqali yig'iladi va vizual tarzda tahlil qilinadi. Bu esa tadqiqot jarayonining samaradorligini oshiradi, ma'lumotni tezkor qayta ishlashni ta'minlaydi va aniqlik darajasini yuqorilantiradi².

Mazkur maqolada ochiq manbalardan axborot yig'ish jarayonida Maltego platformasining imkoniyatlari, grafik tahlilning ustunliklari hamda kiberxavfsizlik sohasida ushbu yondashuvning qo'llanish samaradorligi yoritib beriladi. Shuningdek, OSINT jarayonlarida vizual tahlilning ahamiyati, axborotlar orasidagi bog'liqliklarni aniqlashning amaliy jihatlari hamda Maltego orqali ma'lumotlarni tizimlashtirish usullari ko'rib chiqiladi. Ushbu tadqiqot zamonaviy kiberxavfsizlik amaliyotida ochiq manbalar razvedkasining o'rni va Maltego platformasining amaliy qo'llanilishi bo'yicha ilmiy-uslubiy asos bo'lib xizmat qiladi.

¹ Paterva. Maltego User Guide. – Paterva (Maltego) rasmiy hujjatlari, 2023.

² Caputo, D., Maloof, M. Open Source Intelligence Techniques: Resources for Searching and Analyzing Online Information. – Elsevier, 2021.

1- rasm. Maltego platformasi yordamida ma'lumotlarni tahlil qilish jarayoni.

Zamonaviy axborot jamiyatida ma'lumot strategik resurs hisoblanadi. Internet va global tarmoqlar rivojlanganligi sababli katta hajmdagi ma'lumotlar ochiq va bepul shaklda mavjud bo'ldi. Shu asosda razvedka faoliyatining alohida yo'nalishi OSINT (Open-Source Intelligence) ya'ni ochiq manbalardan razvedka ma'lumotlarini yig'ish shakllandi. Bugungi kunda OSINT davlat sektori, biznes, kiberxavfsizlik, jurnalistika va shaxsiy xavfsizlikda muhim vositaga aylangan. OSINT oddiy ma'lumot yig'ish emas, balki uni tahlil qilib, qaror qabul qilishga tayyor xulosalar chiqarishdir. Shu sababli uning nazariy asoslarini chuqur tushunish metodologiyasini bilish va amaliy qo'llash juda muhim. Asosiy elementlari Open Source (Ochiq manbalar) bepul yoki ruxsat bilan kirish mumkin bo'lgan axborot. Information Gathering (Axborot yig'ish) turli manbalardan ma'lumotlar to'plash. Intelligence (Razvedka) tahlil qilingan va qaror qabul qilishga tayyor ma'lumot. OSINT turli manbalardan foydalangan holda amalga oshiriladi. Ularni quyidagicha guruhlash mumkin: veb-saytlar, bloglar, yangilik portallari, forumlar, onlayn arxivlar va kataloglar. Ijtimoiy tarmoqlar (SOCMINT) Facebook,

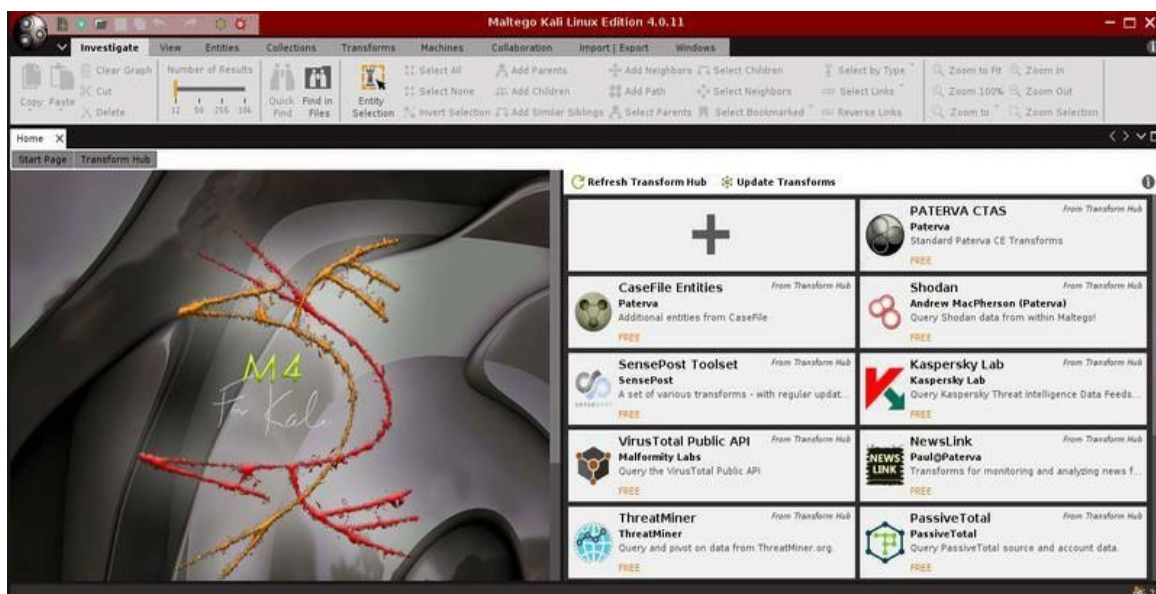
Instagram, Twitter, TikTok, Telegram, LinkedIn, Reddit kabi platformalar. Texnik manbalar (TECMINT) DNS va WHOIS yozuvlari, IP manzillar, server bannerlari, SSL sertifikatlari, port ma'lumotlari. Hukumat va korporativ ochiq ma'lumotlar Davlat reyestrlari, ochiq statistik ma'lumotlar, kompaniya hisobotlari tenderlar va litsenziyalar. Ommaviy axborot vositalari (OAV) Gazeta, jurnal, radio, televideniye va elektron yangiliklar. Geolokatsiya ma'lumotlari xaritalar, sun'iy yo'ldosh suratlari, koordinatalar va geoteglar. Bu manbalar OSINTni juda kuchli va samarali vositaga aylantiradi¹. Yig'iladigan ma'lumotning maqsadi belgilanadi shaxs, kompaniya, domen yoki IP manzil bo'yicha tekshiruv. Ma'lumotlar qo'lda qidirish, avtomatik vositalar (Maltego, Spiderfoot, FOCA) yoki API orqali yig'iladi. Ochiq manbalardan razvedka ma'lumotlarini yig'ish zamonaviy dunyoda strategik ahamiyatga ega. OSINTning nazariy asoslarini bilish va to'g'ri metodologiya qo'llash tahdidlarni aniqlash, risklarni kamaytirish va razvedka tizimini shakllantirish imkonini beradi². Manbalarni tanlash, ma'lumotni yig'ish, qayta ishlash va tahlil qilish orqali OSINT samarali va foydali vosita sifatida ishlatiladi. Zamonaviy razvedka va kiberxavfsizlik jarayonlarida faqat ma'lumot yig'ish kifoya qilmaydi. Ma'lumotni tushunish va ularni vizual tarzda tahlil qilish zarur. Shu yerda grafik tahlil (Graph Analysis) muhim vositaga aylanadi. Grafik tahlil — bu entitetlar (shaxslar, domenlar, IP manzillar, tashkilotlar) va ularning o'zaro aloqalarini vizual ko'rinishda ko'rsatish va tahlil qilish usuli. OSINT jarayonida grafik tahlil yordamida katta hajmdagi ma'lumotlar oson strukturalanadi, yashirin bog'lanishlar aniqlanadi va tahdidlar erta fosh etiladi. Grafik tahlil nazariy jihatdan graph theory (graf nazariyasi) ga asoslanadi. Bu nazariya obyektlarni nodlar (nodes) va ular orasidagi aloqalarni edge (chegaralar) yordamida ifodalaydi. Nodlar (nodes / vertex): shaxs, domen, IP manzil, tashkilot yoki telefon raqami. Edge

¹OSINT Framework. Ochiq manbalar razvedkasi bo'yicha onlayn platforma. — <https://osintframework.com>

² Sadirova Xursanoy Xusanboy Qizi, & Raxmatov Rasuljon Ravshanjon O'G'Li (2025). Kompyuter tarmoqlarida hujum izlarini aniqlash va ularni turlari bo'yicha tizimli TASNIFLASH. Al-Farg'oniy avlodlari, 1 (2), 40-44. doi: 10.5281/zenodo.15541367

(chegaralar / link): nodlar orasidagi bog‘lanishlar, aloqalar yoki operatsiyalar. Grafik tahlil asosiy vazifasi — nodlar va ularning aloqalari orqali ma’lumotlar orasidagi munosabatlarni aniqlash. Yashirin aloqalarni aniqlash: Masalan turli domenlar biror kompaniya yoki shaxs bilan bog‘liq ekanligini ko‘rsatadi. Kiberjinoyatchilar tarmog‘i. IP manzillar va domenlar o‘rtasidagi bog‘lanishlarni aniqlash zararli faoliyatlarni kuzatishdir. Firibgarlik sxemalari: Moliyaviy tranzaksiyalar yoki kompaniya aloqalaridagi yashirin bog‘lanishlarni aniqlash. Shaxslar va tashkilotlar aloqas. Ijtimoiy tarmoqlar va elektron pochta orqali shaxslar o‘rtasidagi tarmoqni vizual ko‘rsatish. Resurslarni samarali taqsimlash Graf orqali ma’lumotlarning qaysi qismi muhimligini va qaysi bog‘lanishlar xavfli ekanligini ko‘rish mumkin. Centrality (markaziylik): Qaysi nodlar tarmoqda eng ko‘p bog‘lanishlarga ega ekanligini aniqlash. Degree Centrality: Nodga ulangan edge soni. Betweenness Centrality: Nod qanchalik ko‘p o‘tkazuvchi rolini bajaradi. Closeness Centrality: Nod boshqa nodlarga qanchalik yaqin joylashgan. Community detection (jamoani aniqlash): Nodlarni guruhlariga ajratish. Masalan, firibgarlik yoki zararli tarmoqlarni topish, path analysis (yo‘l tahlili): nodlar orasidagi aloqalar zanjiri va bog‘lanish yo‘llari, visualization (vizualizatsiya): grafik shaklida ifodalash, ranglar va chiziqlar orqali bog‘lanishlarni oson tushunish, OSINTda ko‘plab dasturiy vositalar grafik tahlil uchun ishlatiladi. Maltego domen, IP, shaxs va ijtimoiy tarmoq bog‘lanishlarini vizual ko‘rsatadi. Gephi katta hajmdagi tarmoqlarni tahlil qilish va vizualizatsiya qilish, cytoscape asosan biologiya va ijtimoiy tarmoq tahlili uchun, Neo4j esa graflar bazasi va interaktiv tahlil, Pajek katta tarmoq grafiklarini yaratish va analiz qilish, ma’lumot yig‘ish domenlar, IP manzillar, shaxslar, kompaniyalar va ularning aloqalari, tuzilish yaratish nodlar va ularning bog‘lanishlarini grafik shaklida ifodalash uchun qo‘llaniladi. Vizualizatsiyada tarmoqni ranglar, o‘lchamlar va chiziqlar orqali ko‘rsatish uchun yaxshi manba bo‘lib, tahlil orqali yashirin aloqalarni, markaziy nodlarni va jamoalarni aniqlash mumkin. Natijada xulosa chiqarishda tahdidlar, xavfli bog‘lanishlar va tarmoqdagi muhim resurslarni aniqlash mumkin bo‘ladi.

Grafik tahlil OSINT jarayonining eng samarali vositalaridan biridir. U ma'lumotlarni vizualizatsiya qiladi, yashirin bog'lanishlarni ochib beradi va tahdidlarni aniqlashga yordam beradi. OSINT bilan birga qo'llanganida, grafik tahlil katta hajmdagi ma'lumotlar bilan ishlashni osonlashtiradi va strategik qarorlar qabul qilish jarayonini sezilarli darajada yaxshilaydi. Maltego — Paterva kompaniyasi tomonidan ishlab chiqilgan kuchli OSINT va grafik tahlil platformasi bo'lib, u shaxslar, tashkilotlar, domenlar, IP manzillar, telefon raqamlari va boshqa entitetlar orasidagi bog'lanishlarni aniqlash va vizual ko'rsatishga imkon beradi. Maltego platformasining samarali ishlashi uning arxitekturasiga bog'liq. Arxitektura foydalanuvchi interfeysi, transformlar, server va ma'lumotlar bazasi tizimlarini o'z ichiga oladi. Platforma kattalashtiriladigan va modul asosida ishlaydigan tizim sifatida yaratilgan, shuning uchun foydalanuvchi ehtiyojiga mos ravishda kengaytirilishi mumkin.

2 – rasm. Maltego Fremworki

Maltego arxitekturası komponentlari. Client (Foydalanuvchi interfeysi) Maltego Client — foydalanuvchi bilan o'zaro aloqada bo'ladigan asosiy dasturiy ta'minot. Grafik foydalanuvchi interfeysi (GUI) yordamida foydalanuvchi. Nodlar va bog'lanishlar yaratadi. Grafik

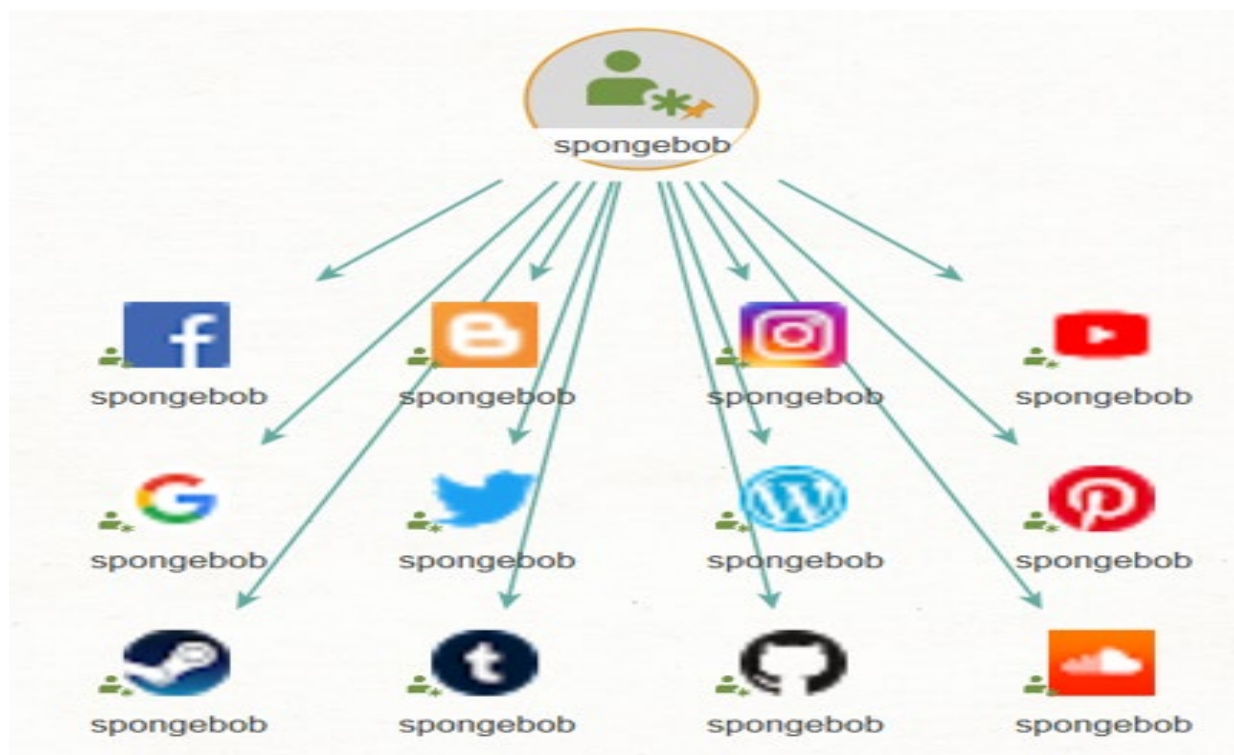
tahlil jarayonini boshqaradi. Transformlar orqali ma'lumot yig'adi. Client tizimi ko'plab funksiyalarni o'z ichiga oladi drag-and-drop, filterlash, rangli kodlash, tahlil natijalarini eksport qilish (PDF, CSV, PNG)¹.

Server (Maltego Transform Server). Transform server ma'lumotlarni yig'ish va tahlil qilishni boshqaradi. Transformlar — bu server orqali ishlaydigan avtomatik ma'lumot yig'ish skriptlari. Server quyidagi vazifalarni bajaradi: ochiq bazalardan ma'lumotni qidirish (WHOIS, DNS, IP, ijtimoiy tarmoqlar), transformlarni bajarish va natijalarni mijozga yuborish. Katta hajmdagi ma'lumotlarni saqlash va qayta ishlash². Transformlar bu ma'lumotlarni avtomatik yig'ish va bog'lash mexanizmi. Har bir transform turli manbalar bilan ishlaydi. Internet domenlari va IP manzillari.

Ijtimoiy tarmoqlar (Facebook, LinkedIn, Twitter, Telegram). Elektron pochta va telefon raqamlari, hukumat va korporativ ochiq ma'lumotlar, transformlar mijoz tomonidan chaqiriladi, server ularni bajaradi va natijalarni qaytaradi. Maltego grafik ma'lumotlar bazasini ishlatadi, bu orqali nodlar va ular orasidagi aloqalar saqlanadi. Foydalanuvchi tahlil qilgan tarmoq, natijalar, transformlar tarixini bazada saqlash mumkin. Bu bazaga asoslanib, foydalanuvchi tahlil natijalarini filtrlash, markaziy nodlarni aniqlash va jamoalarni topish imkoniyatiga ega bo'ladi.

¹ Mamatjonovich, O. D., & Ravshanjon o'g'li, R. R. (2024). Smart Emergency System – Aqlli is Gazi Datchigi. *Miasto Przyszłości*, 55, 1582–1585. Retrieved from <https://miastoprzyszlosci.com.pl/index.php/mp/article/view/5910>

² Рахматов Расулжон, & Мирзаев Жамшид Боймуродович. (2023). Кибербезопасность в области IoT технологии. *Miasto Przyszłości*, 43, 33–37. Retrieved from <https://miastoprzyszlosci.com.pl/index.php/mp/article/view/2193>

3 – rasm. Wayback Machine Transforms.

Wayback Machine Transforms — bu Maltego platformasida Internet arxivining Wayback Machine xizmatidan foydalanib, saytlar yoki URL manzillarining tarixiy holatini tahlil qilishga imkon beradigan transformlar to‘plamidir. Ular OSINT jarayonida juda foydali, chunki o‘chirilgan, o‘zgartirilgan yoki maxfiy qilingan ma’lumotlarni topish imkonini beradi ¹.

Ochiq manbalardan razvedka ma’lumotlarini (OSINT) yig‘ish jarayonida grafik tahlilning qo‘llanilishi ma’lumotlar o‘rtasidagi murakkab bog‘liqliklarni tezkor va samarali aniqlash imkonini beradi.

Tadqiqot davomida Maltego platformasining transformlar orqali ma’lumotlarni yig‘ish, ularni tarmoq grafigi ko‘rinishida vizuallashtirish hamda shaxslar, domenlar, IP-manzillar va boshqa obyektlar o‘rtasidagi aloqalarni tahlil qilishda yuqori samaradorlikka ega ekanligi aniqlandi.

¹ Бекназарова С. С., Ганиева Ш. Н. Технологии виртуальной реальности в образовании // ReFocus. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-virtualnoy-realnosti-v-obrazovanii-1> (дата обращения: 03.10.2025).

Maltego real vaqt rejimida katta hajmdagi ochiq ma'lumotlarni bir nuqtaga jamlash, ular orasidagi yashirin yoki bevosita bog'lanishlarni aniqlash, raqamli izlarni kuzatish va potensial kiber tahdidlarni erta aniqlash imkonini beradi¹. Ayniqsa, Wayback Machine, DNS, WHOIS, ijtimoiy tarmoqlar va boshqa OSINT manbalari bilan integratsiyasi grafik tahlilning analitik imkoniyatlarini sezilarli darajada kengaytiradi. Tahlil shuni ko'rsatadiki, Maltego nafaqat kiberrazvedka jarayonida, balki kiberjinoyatchilikni aniqlash, brend monitoringi, raqamli identifikatsiya, hujum vektorlarini aniqlash va xavfsizlik auditida ham samarali vosita hisoblanadi. Grafik tahlilga asoslangan bunday yondashuv axborot xavfsizligini ta'minlash, tizimlardagi zaifliklarni aniqlash hamda qaror qabul qilish jarayonini optimallashtirishda muhim o'rin tutadi. Umuman olganda, Maltego platformasi OSINT jarayonlarini ilmiy asosda chuqurlashtirish, ma'lumotlar ustida tizimli va vizual tahlil olib borish, shuningdek zamonaviy kiberxavfsizlik bo'yicha kompleks yondashuvni shakllantirishda muhim ahamiyat kasb etadi.

СОЛИЕВА САБРИЯ РАВШАН КИЗИ

Специалист по кибербезопасности
Компания ООО «Rubicon Wireless
Communication»

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОРГАНИЗАЦИИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: РОЛЬ ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Актуальность исследования. Современная уголовно-процессуальная система переживает трансформацию под влиянием стремительного технологического прогресса. Преступления совершаются в киберпространстве, цифровые следы хранятся на удалённых серверах и в «облаках», участники используют

¹ Ганиева Ш. Н., Абдурасулова Д. Б., Меликузиева С. Ф. Современные образовательные технологии // Теория и практика современной науки. 2018. №6 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-obrazovatelnye-tehnologii-4> (дата обращения: 03.10.2025).

анонимные идентификаторы и шифрование. В этих условиях классические следственные действия (допрос, очная ставка, осмотр места происшествия) всё чаще оказываются недостаточными и могут приводить к утрате значимой информации. Информационно-коммуникационные технологии становятся основным носителем данных, отражающих обстоятельства совершения преступлений, а цифровые следы — ключевым источником доказательственной информации. Однако в отсутствие чётко урегулированных правил обращения с цифровыми доказательствами практика их использования остаётся фрагментарной, что снижает эффективность расследования и приводит к неоднородности судебной практики.

Проблема исследования. Несмотря на развитие международных стандартов цифровой криминалистики (NIST, ISO, ENISA, Digital Forensic Research Workshop, CFFTPM) и наличие успешных моделей специализированных подразделений (ФБР, Европол, профильные структуры Великобритании и других стран), в национальной правовой системе сохраняются серьёзные проблемы: отсутствие единого юридического определения цифровых доказательств; отсутствие унифицированных протоколов их фиксации, хранения и анализа; нехватка forensic-инфраструктуры и квалифицированных специалистов; риски признания цифровых данных недопустимыми из-за использования несертифицированных инструментов и несоблюдения цепочки хранения.

Цель и задачи исследования. Цель исследования — провести системный анализ роли цифровой криминалистики в переосмыслении организации следственной деятельности в условиях цифровизации и выработать предложения по её институциональной интеграции в уголовный процесс.

Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрыть содержание цифровой криминалистики как самостоятельного направления экспертно-следственной практики; проанализировать правовые и организационные проблемы обращения с цифровыми доказательствами; изучить международные модели цифрового

расследования и оценить возможности их адаптации к национальной юрисдикции; предложить меры по совершенствованию нормативного регулирования, стандартизации процедур и подготовки кадров.

Объект и предмет исследования. Объект исследования — следственная деятельность в условиях цифровизации.

Предмет исследования — организационно-правовые и методические аспекты интеграции цифровой криминалистики в уголовный процесс, включая регулирование цифровых доказательств и взаимодействие следственных и экспертных органов.

Материалы и методы. Методологическую основу составляют: системный анализ действующих моделей следственной деятельности; сравнительно-правовой анализ зарубежного и международного опыта цифровой криминалистики; юридическое прогнозирование при формулировании предложений по реформированию; контент-анализ уголовно-процессуального законодательства, подзаконных актов, международных стандартов и академических публикаций. В работе учитываются международные модели цифрового расследования (NIST, ISO, ENISA, CFFTPM), а также опыт специализированных подразделений ФБР, Европола и правоохранительных органов ряда государств.

Основные результаты исследования. Анализ показал, что: цифровые данные, полученные с использованием ИКТ и обладающие признаками относимости и допустимости, объективно выполняют функцию электронных доказательств, однако их правовой статус в национальном праве чётко не закреплён; отсутствие единого определения цифровых доказательств и стандартизированных процедур их получения и хранения порождает правовую неопределённость и риски исключения таких материалов из доказательственной базы в суде; следственные органы сталкиваются с дефицитом технических средств, отсутствием сертифицированных криминалистических лабораторий и нехваткой

специалистов с необходимыми цифровыми компетенциями; взаимодействие следователя, эксперта и оперативных подразделений носит эпизодический характер, тогда как эффективное расследование цифровых преступлений требует интеграции криминалистической экспертизы в структуру следственных групп (по аналогии с моделями Joint Cybercrime Task Force); международные модели (включая CFFTPM, предусматривающую трёхуровневую систему экспресс-анализа и углублённой экспертизы цифровых носителей) демонстрируют высокую эффективность, но их унификация и адаптация на национальном уровне пока остаются ограниченными.

Выводы и предложения. Необходимо законодательно закрепить единое правовое определение цифровых доказательств и условия их допустимости в уголовном процессе. Требуется разработка и внедрение национальных стандартов работы с цифровыми уликами, основанных на международных моделях, с адаптацией к особенностям национальной правовой системы. Следует стандартизировать процедуры фиксации, хранения, анализа цифровых следов и формализовать цепочку хранения. Важно институционализировать цифровую криминалистику как самостоятельный этап уголовно-процессуальных процедур (идентификация, сбор, анализ, представление цифровых данных). Необходимы системные меры по подготовке и переподготовке следователей, дознавателей и экспертов с учётом цифровых компетенций, и основ кибербезопасности. Реализация обозначенных предложений позволит повысить достоверность и юридическую значимость цифровых доказательств, а также обеспечить надёжность доказательственной базы в условиях цифровой трансформации уголовного судопроизводства.

ШАХСГА ДОИР МАЪЛУМОТЛАР ТЎҒРИСИДАГИ ҚОНУНЧИЛИКНИ БУЗГАНЛИК УЧУН ЖАВОБГАРЛИК МАСАЛАЛАРИ

Ўзбекистон Республикасининг шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги қонунчилиги¹ шахсга доир маълумотларга ишлов бериш ва уларни ҳимоя қилиш чоғида қўлланиладиган ишлов бериш воситаларидан, шу жумладан ахборот технологияларидан қатъи назар юзага келадиган муносабатларга нисбатан татбиқ этилиши белгиланган.

Ушбу қонуннинг 28-моддасига мувофиқ, субъектнинг розилигисиз ёки бошқа қонуний асос мавжуд бўлмагани ҳолда шахсга доир маълумотларни ошкор этиш ва тарқатишга йўл қўйилмаслиги тўғрисида мулкдор ва (ёки) оператор ёки шахсга доир маълумотлардан фойдаланишга рухсат олган бошқа шахс томонидан рияё этилиши мажбурий бўлган талаб шахсга доир маълумотларнинг махфийлиги ҳисобланади. Мулкдор ва (ёки) оператор ҳамда шахсга доир маълумотлардан фойдаланишга рухсат олган бошқа шахслар субъектнинг розилигисиз шахсга доир маълумотларни учинчи шахсларга ошкор этмаслиги ва тарқатмаслиги шарт.

Бугунги кунда ахборот технологияларининг жадал ривожланиб бораётганлиги, кўплаб давлат хизматлари масофадан туриб (онлайн) амалга оширилаётганлиги, ушбу жараёнда шахсга доир маълумотлардан фойдаланилиши суръатлари жадал ошиб бораётганлиги шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги

¹ Ўзбекистон Республикасининг 2019 йил 2 июлда қабул қилинган «Шахсга доир маълумотлар тўғрисида» ги ЎРҚ-547-сонли Қонуни. Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси. <https://lex.uz/docs/4396419>

қонунчиликни бузганлик учун жавобгарлик масаласининг долзарблигини кучайтирмоқда.

Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодексининг 141²-моддасида шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги қонунчиликни бузганлик учун жиноий жавобгарлик белгиланган бўлиб, унга мувофиқ, шахсга доир маълумотларни қонунга хилоф равишда йиғиш, тизимлаштириш, сақлаш, ўзгартириш, тўлдириш, улардан фойдаланиш, уларни бериш, тарқатиш, узатиш, эгасизлантириш ва йўқ қилиш, худди шунингдек ахборот технологияларидан фойдаланган ҳолда, шу жумладан Интернет жаҳон ахборот тармоғида Ўзбекистон Республикаси фуқароларининг шахсга доир маълумотларига ишлов берилаётганда жисман Ўзбекистон Республикаси ҳудудида жойлашган техник воситаларда ҳамда Шахсга доир маълумотлар базаларининг давлат реестрида белгиланган тартибда рўйхатдан ўтказилган шахсга доир маълумотлар базаларида шахсга доир маълумотларни йиғишга, тизимлаштиришга ва сақлашга оид талабларга риоя этмаслик, ўша ҳаракатлар учун маъмурий жазо қўлланилганидан кейин содир этилган бўлса, жиноий жавобгарлик келиб чиқади.

Ушбу жиноят маъмурий преюдицияли жиноят ҳисобланиб, жиноий жавобгарлик келиб чиқиши учун шундай қилмиш учун илгари Ўзбекистон Республикаси Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодекснинг 46²-моддаси билан маъмурий жавобгарлик қўлланилган бўлиши керак.

Ушбу жиноятнинг объекти фуқароларнинг конституциявий ҳуқуқ ва эркинликлари ҳисобланади. Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг 31-моддасида ҳар ким ўз шахсига доир маълумотларнинг ҳимоя қилиниши ҳуқуқига, шунингдек нотўғри маълумотларнинг тузатилишини, ўзи тўғрисида қонунга хилоф йўл билан тўпланган ёки ҳуқуқий асосларга эга бўлмай қолган маълумотларнинг йўқ қилинишини талаб қилиш ҳуқуқига эгалиги белгиланган.

Демак тадқиқ қилинаётган жиноятнинг объекти фуқароларнинг конституцияда белгилаб қўйилган шахсга доир маълумотларнинг ҳимоя қилинишига оид ижтимоий муносабатлар ҳисобланади.

Ушбу жиноят объектив томондан ҳаракат ёки ҳаракатсизлик билан содир этилади. Жиноят кодекси 141²-моддаси бланкет диспозицияли жиноят ҳисобланганлиги сабабли, шахсга доир қонунчилик ҳужжатларини кўриб чиқиш зарур бўлади.

Шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги қонуннинг 4-моддасига мувофиқ, шахсга доир маълумотлар дегандан, муайян жисмоний шахсга тааллуқли бўлган ёки уни идентификация қилиш имконини берадиган, электрон тарзда, қоғозда ва (ёки) бошқа моддий жисмда қайд этилган ахборот; шахсга доир маълумотлар субъекти деганда шахсга доир маълумотлар ўзига тааллуқли бўлган жисмоний шахс; шахсга доир маълумотлар базаси деганда таркибида шахсга доир маълумотлар мавжуд бўлган ахборот тизими тарзидаги маълумотлар базаси; шахсга доир маълумотларга ишлов бериш деганда эса, шахсга доир маълумотларни йиғиш, тизимлаштириш, сақлаш, ўзгартириш, тўлдириш, улардан фойдаланиш, уларни бериш, тарқатиш, узатиш, эгасизлантириш ва йўқ қилиш бўйича бир ҳаракатни ёки ҳаракатлар мажмуини амалга ошириш тушунилиши белгиланган.

Шахсга доир маълумотлар базалари давлат реестри тўғрисидаги низом¹нинг 7-бандига асосан Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамаси ҳузуридаги Давлат персоналлаштириш маркази Давлат реестрини шакллантиради, юритади ва ундаги ахборотнинг яхлитлигини таъминлайди Давлат реестри шахсга доир маълумотлар базаларини рўйхатга олиш ва ҳисобини тизимлаштириш ҳамда шахсга доир маълумотларга ишлов бериш

¹ Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 2020 йил 8 февралдаги 71-сон қарори билан тасдиқланган Шахсга доир маълумотлар базалари давлат реестри тўғрисидаги низом. Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси. <https://lex.uz/docs/4729730>

жараёнида қонунчилик ҳужжатлари талабларига мувофиқликни назорат қилиш мақсадида шакллантирилади.

Шахсга доир маълумотларга ишлов беришда уларнинг ҳимоя қилинганлик даражасини белгилаш тўғрисидаги низомда шахсга доир маълумотлар базаси мулкдор ва (ёки) операторлари томонидан шахсга доир маълумотларга ишлов беришда ушбу маълумотларнинг хавфсизлигига бўлган таҳдидлардан келиб чиқиб, уларнинг ҳимоя қилинганлик даражасини белгилаш тартиби баён этилган¹.

Маълумотлар базаларида ишлов бериладиган шахсга доир маълумотлар “Шахсга доир маълумотлар тўғрисида”ги Ўзбекистон Республикасининг Қонуни 25, 26, 29-моддаларига мувофиқ махсус, биометрик, генетик ва ҳамма фойдаланиши мумкин бўлган маълумотлардан ташкил топади.

Бунда, биометрик маълумотлар деганда, субъектнинг анатомик ва физиологик ўзига хос хусусиятларини тавсифловчи шахсга доир маълумотлар; генетик маълумотлар деганда эса, субъектнинг наслдан-наслга ўтган ёки орттирилган хусусиятларига тааллуқли бўлган, субъектнинг биологик қиёфасини таҳлил қилиш ёки муқобил ахборот олиш имконини берадиган бошқа элементни таҳлил қилиш натижаси бўлган шахсга доир маълумотлар тушунилади.

Шу билан биргаликда махсус маълумотлар ҳам мавжуд бўлиб, бунда ирқий ёки ижтимоий келиб чиқишга оид маълумотлар, сиёсий, диний ёки дунёқарашга оид эътиқодлар, сиёсий партиялар ва касаба уюшмаларига аъзолик тўғрисидаги маълумотлар, шунингдек жисмоний ёки руҳий (психик) саломатликка тааллуқли маълумотлар, шахсий ҳаёт ва судланганлик тўғрисидаги маълумотлар шахсга доир махсус маълумотлар тушунилади.

¹ Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 2022 йил 5 октябрдаги 570-сон қарори билан тасдиқланган Шахсга доир маълумотларга ишлов беришда уларнинг ҳимоя қилинганлик даражасини белгилаш тўғрисидаги низом. Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси. <https://lex.uz/docs/6225462>

Биометрик ва генетик маълумотлар мавжуд бўлган моддий жисмларга ҳамда бундай маълумотларни шахсга доир маълумотлар базаларидан ташқарида сақлаш технологияларига оид талаблар тўғрисидаги низомда¹ биометрик ва генетик маълумотларга ишлов бериш мақсадида фойдаланиладиган ҳар қандай моддий жисмлар сақлашга оид талаблар белгиланган.

Биометрик ва генетик маълумотларни электрон шаклда сақлашда ушбу маълумотлар шифрланган ва криптографик ёки бошқа усулларда ҳимояланган бўлиши зарур бўлиб, мулкдор ва (ёки) оператор биометрик ва генетик маълумотлар қайд этилган моддий жисмларнинг ўғирланиши, ўчирилиши, йўқ қилиниши, рухсатсиз олиниши, ўзгартирилиши ҳамда назоратсиз қолдирилишининг олдини олувчи тегишли хавфсизлик чораларини кўриши лозим.

Шахсга доир маълумотлар базасининг мулкдори ва (ёки) операторининг шахсга доир маълумотларга ишлов берилишини ҳамда уларнинг ҳимоя қилинишини таъминловчи тузилмавий бўлинмаси ёки ваколатли шахси фаолиятини ташкил этишнинг намунавий тартиби²га кўра, шахсга доир маълумотларга ишлов берилиши ва уларнинг ҳимоя қилинишини таъминлаш учун вазифалар ҳажми, маълумотлар базаларининг сони ҳамда уларнинг автоматлаштирилганлик даражасидан келиб чиқиб, мулкдор ва (ёки) оператор томонидан бўлинма ташкил этилади ёки ваколатли шахс тайинланади.

¹ Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 2022 йил 5 октябрдаги 570-сон қарори билан тасдиқланган Биометрик ва генетик маълумотлар мавжуд бўлган моддий жисмларга ҳамда бундай маълумотларни шахсга доир маълумотлар базаларидан ташқарида сақлаш технологияларига оид талаблар тўғрисидаги низом. Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси. <https://lex.uz/docs/6225462>

² Ўзбекистон Республикаси адлия вазирининг 2023 йил 14 ноябрдаги 19-мх-сон буйруғи билан тасдиқланган Шахсга доир маълумотлар базасининг мулкдори ва (ёки) операторининг шахсга доир маълумотларга ишлов берилишини ҳамда уларнинг ҳимоя қилинишини таъминловчи тузилмавий бўлинмаси ёки ваколатли шахси фаолиятини ташкил этишнинг намунавий тартиби. Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси. <https://lex.uz/docs/6663969>

Қуйидагилар бўлинма ёки ваколатли шахснинг асосий вазифалари ҳисобланади:

шахсга доир маълумотларга ишлов беришда уларнинг ҳимоя қилинишини, яхлитлигини ва бут сақланишини ҳамда махфийлигига риоя этилишини таъминлаш;

шахсга доир маълумотларга қонунга хилоф равишда ишлов берилишининг олдини олиш, қонунчиликда белгиланган талаблар бузилганлиги аниқланган ҳолларда мулкдор ва (ёки) оператор билан келишган ҳолда шахсга доир маълумотларни блоклаш (чеклаш);

мулкдор ва (ёки) операторнинг шахсга доир маълумотлар базаси хавфсизлигини таъминлаш бўйича ахборот хавфсизлиги сиёсатини ташкил этиш ва мувофиқлаштириш;

шахсга доир маълумотлар билан ишловчи ходимлар учун семинар-тренинглар ташкил этиш;

мулкдор ва (ёки) операторнинг шахсга доир маълумотлар базаси хавфсизлигини таъминлашда уларга таҳдид соладиган сабабларни ўрганиш ҳамда мавжуд камчиликларни бартараф этиш ва уларнинг олдини олиш бўйича таклиф ва тавсиялар ишлаб чиқиш.

Шахсга доир маълумотларга ишлов беришнинг ҳам тартиби белгиланган бўлиб, унга мувофиқ, бундай маълумотларга ишлов бериш Шахсга доир маълумотларга ишлов беришнинг намунавий тартиби¹ билан белгиланади. Ушбу низомга мувофиқ, шахсга доир маълумотларга ишлов бериш деганда, шахсга доир маълумотларни йиғиш, тизимлаштириш, сақлаш, ўзгартириш, тўлдириш, улардан фойдаланиш, уларни бериш, тарқатиш, узатиш, эгасизлантириш ва йўқ қилиш бўйича бир ҳаракатни ёки ҳаракатлар мажмуини амалга ошириш тушунилади.

¹ Ўзбекистон Республикаси адлия вазирининг 2023 йил 14 ноябрдаги 20-мҳ-сон буйруғи билан тасдиқланган Шахсга доир маълумотларга ишлов беришнинг намунавий тартиби . Ўзбекистон Республикаси Қонунчилик маълумотлари миллий базаси. <https://lex.uz/docs/6663967>

Юқорида кўриб чиқилган ҳужжатларда белгиланган талабларга риоя этмаслик, тадқиқ қилинаётган жиноятнинг объектив томони мазмунини очиб беради.

Жиноят кодекси 141²-моддаси мазмунига кўра, шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги қонунчиликни бузилганлигининг ўзи тамом бўлган жиноят ҳисобланиб, бунда ушбу модданинг биринчи қисмида бирор-бир оқибат келиб чиқиши назарда тутилмаган.

Ушбу жиноятнинг субъекти 16 ёшга тўлган жисмоний шахслар ҳисобланади.

Жиноят субъектив томондан қасддан ҳам, эҳтиётсизликдан ҳам содир этилиши мумкин.

Суд амалиёти таҳлили шахсга доир қонун ҳужжатларини бузиш жиноятини нотўғри квалификация қилинаётган ҳолатлар мавжудлигини кўрсатмоқда. Жумладан, М.Д.га оид жиноят иши бунга мисол бўлади. тергов материалларига кўра, айбланувчи М.Д. жабрланувчилар О.С. ва Б.Қ.ларнинг ишончига кириб, уларга бошланғич тўловсиз автокредит олиб беришни ваъда қилиб, уларнинг паспортларини фотосуратга олиб, ўзларини юзларини телефон орқали сканер қилиб, О.С. ва Б.Қ.ларнинг номига банкдан кредит олиб, ўзининг эҳтиёжлари учун ишлатиб юборган. Дастлабки тергов органи М.Д.нинг қилмишларини Жиноят кодексининг 168-моддаси учинчи қисмининг “б,г” бандлари ва 141²-моддаси иккинчи қисмининг “б,в” бандлари билан квалификация қилиб, ишни судга чиқарган.

Суд дастлабки тергов органи томонидан Д.М.нинг жиноий ҳаракатини Ўзбекистон Республикаси ЖК 141²-моддаси иккинчи қисмининг “б,в” бандлари билан квалификация қилиб, нотўғри тўхтамга келган деб ҳисоблаган. Чунки, Ўзбекистон Республикаси Олий суди Пленумининг 2023 йил 23 июндаги “Фирибгарликка оид ишлар бўйича суд амалиёти тўғрисида”ги 17-сонли қарорининг 9-бандида, банклар ва бошқа кредит муассасаларидан онлайн шаклда кредит (микроқарз) маблағларини олиш мақсадида алдов ёки ишончни суиистеъмол қилиш йўли орқали ўзга шахсга тегишли

бўлган махсус идентификация талаб қилувчи техник воситалар (компьютер, ноутбук, телефон, планшет ва ҳ.к)нинг махсус кодларидан ёки ўзга шахснинг “электрон рақамли имзо”ларидан фойдаланиб, пул маблағлари ажратилишига ва келгусида ушбу пул маблағларидан эркин фойдаланиш имкониятини берувчи ҳисоб-рақамларга ўтказилишига эришганлик ҳолатлари фирибгарлик сифатида баҳоланиши лозимлиги ҳақида тушунтиришлар берилган. Дастлабки тергов органи томонидан судланувчи Д.М.нинг жиноий ҳаракатини квалификация қилишда юқорида қайд этилган Олий суд Пленуми қарорлари тушунтиришларига риоя қилинмаган. Суд, бундай ҳолда судланувчи Д.М.нинг жиноий ҳаракати Ўзбекистон Республикаси Жиноят кодекси 141²-моддаси иккинчи қисмининг “б,в” бандлари билан ортиқча малакаланган деб ҳисоблаб, унинг айбидан ушбу моддани чиқарган¹.

Бундай жиноятларга оид иккинчи ҳолатни кўриб чиқамиз. М.Д. ва Й.М. лар фуқаро А.С.нинг илтимосига кўра, фуқаро А.У.га фойдаланишида бўлган XXXXXXXXXX телефон рақами орқали унинг шахсига оид маълумотларини алоқа компанияларидан олишга келишган. XXX алоқа компанияси ходими М.Д. “Clarify” системасидан ўзининг логин ва пароли орқали мижоз А.У. фойдаланишида бўлган XXXXXXXXXX рақамига хизмат кўрсатиш-пул тўлов, молия, нақд пул тўлаш 1С асосида кириб, шахсий маълумотларга эга бўлиб, ушбу абонентнинг шахсга доир, яъни исми шарифи, яшаш манзили тўғрисидаги маълумотларни фуқаро А.С.га маълум қилган.

Суд. М.Д.ни Ўзбекистон Республикаси ЖКнинг 141²-моддаси иккинчи қисми “а” бандида назарда тутилган жиноятни содир этганликда айбдор деб топиб, ҳукм чиқарган².

¹ 1-2102-2401/124-сонли жиноят иши. Интернет тармоғида эълон қилинган суд қарорлари. <https://public.sud.uz/report/CRIMINAL>

² 1-1006-2407/980-сонли жиноят иши. Интернет тармоғида эълон қилинган суд қарорлари. <https://public.sud.uz/report/CRIMINAL>

Кўриб чиқилган иккинчи ҳолатда ҳақиқатда ҳам, судланувчининг ҳаракати дастлабки тергов ва суд томонидан тўғри квалификация қилинганлигини кўришимиз мумкин. Чунки, М.Д. шахсга доир маълумотлар базаларида шахсга доир маълумотларни йиғишга, тизимлаштиришга ва сақлашга оид талабларга риоя этмаган.

Жиноят кодексида ахборот технологияларидан фойдаланиб содир этилаётган жиноятларга доир бир қанча янги нормалар кириб келаётганлиги, жумладан шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги қонунчиликни бузганлик учун жавобгарлик белгиланган 141²-модданинг Ахборотлаштириш қоидаларини бузиш (278¹-модда), Компьютер ахборотидан қонунга хилоф равишда (рухсатсиз) фойдаланиш (278²-модда), Компьютер ахборотини модификациялаштириш (278⁴-модда) каби моддаларда назарда тутилган қилмишларга ўхшашлиги туфайли, Олий суд томонидан тегишли тушунтиришлар қабул қилиниши лозим деб ҳисоблаймиз.

**ОМАРОВ ТЕМИРЛАН
СЕРИКОВИЧ**

магистрант Академии
правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЛИГИОЗНОГО
ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В
КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ**

Аннотация: Статья посвящена специфическим аспектам предотвращения распространения религиозного экстремизма среди молодежи в виртуальной среде, исходя из направлений государственной политики Республики Казахстан по обеспечению информационной и духовно-нравственной защищенности населения. Автором детально изучается правовая база борьбы против радикальных проявлений религии, в частности

нормы законов РК «О противодействии экстремизму» и «О религиозной деятельности и религиозных организациях». Значительное внимание уделяется влиянию цифровых технологий на распространение экстремистской пропаганды и способам формирования психологической защиты подростков перед опасностью проникновения опасных учений. Описываются модели сотрудничества государственных органов, учебные и просветительские инициативы, направленные на профилактику рисков в соцсетях и мобильных приложениях. По итогам анализа сформулированы рекомендации относительно оптимизации мер своевременного обнаружения и минимизации угрозы религиозного экстремизма среди несовершеннолетних пользователей казахстанского сегмента сети Интернет.

Abstract: *This article examines specific aspects of preventing the spread of religious extremism among young people in the virtual environment, based on the state policy of the Republic of Kazakhstan to ensure the informational, spiritual, and moral security of the population. The author thoroughly examines the legal framework for combating radical manifestations of religion, in particular the provisions of the laws of the Republic of Kazakhstan "On Countering Extremism" and "On Religious Activity and Religious Organizations." Considerable attention is paid to the influence of digital technologies on the spread of extremist propaganda and ways to develop adolescent psychological defenses against the threat of dangerous teachings. Models of cooperation between government agencies, as well as training and educational initiatives aimed at preventing risks in social networks and mobile applications, are described. Based on the analysis, recommendations are formulated for optimizing measures for the timely detection and minimization of the threat of religious extremism among minors using the Kazakhstani segment of the internet.*

Ключевые слова: религиозный экстремизм, профилактика, несовершеннолетние, киберпространство, информационная безопасность, Республика Казахстан, цифровая профилактика, правовое регулирование, социальные сети.

Keywords: *religious extremism, prevention, minors, cyberspace, information security, Republic of Kazakhstan, digital prevention, legal regulation, social networks.*

Введение. Сегодняшняя эпоха характеризуется интенсивным развитием цифровых технологий и массовым использованием интернет-ресурсов, что ставит проблему предупреждения

распространения религиозного экстремизма среди детей и подростков в онлайн-пространстве на одно из первых мест в списке государственных приоритетов. Цифровые платформы, соцсети и мессенджеры превратились не только в инструмент общения, но и мощнейший механизм влияния на мировоззрение молодого поколения, вынуждая власти разрабатывать эффективные стратегии по предотвращению подобного негативного воздействия.

Казахстанская законодательная система направлена на пресечение любых видов экстремизма и обеспечение национальной информационной безопасности. Соответствующие законы, такие как Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 года, прямо запрещают функционирование организаций, чья деятельность связана с экстремистскими проявлениями. Согласно данному закону, запрещена деятельность организаций и их подразделений, целью или действиями которых являются экстремистские мероприятия.

Подростки представляют собой особую группу риска, поскольку именно эта возрастная группа наиболее подвержена манипуляциям сознания и убеждениям в цифровом пространстве. Молодые люди активно используют интернет, ищут пути самовыражения и признания, что создает оптимальные условия для вербовки приверженцев экстремистским движениям. Несмотря на значительные шаги властей Казахстана по разработке методов ранней диагностики и устранения угроз, остается актуальной задача углубленного научного изучения особенностей киберсреды, каналов и способов оказания идеологического давления, мероприятий образовательного характера, координации усилий ведомств и методов цифровой профилактики.

Главная цель предлагаемого исследования заключается в выявлении ключевых характеристик и перспективных подходов к профилактике религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в условиях цифрового пространства

Казахстана. Достижение указанной цели требует последовательного выполнения ряда задач:

1. детального рассмотрения правовых норм, регулирующих борьбу с религиозным экстремизмом и защиту информационной безопасности в республике;
2. идентификации современных моделей и путей идеологической обработки молодежи в виртуальном мире;
3. осмысления опыта профилактических мероприятий, включающих образовательную работу, воспитание и применение цифровых инструментов, а также формулирования предложений по улучшению существующей системы профилактики.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование продемонстрировало, что в Казахстане на протяжении последних лет наблюдается стабильная динамика роста административных правонарушений, связанных с распространением экстремистского содержания, несмотря на снижение общего количества зарегистрированных уголовных дел по аналогичным фактам. Анализ официальной статистики показывает следующую картину: в 2022 году правоохранительными органами зафиксированы 92 преступления экстремистской направленности, среди которых восемь эпизодов были сопряжены с вовлеченностью несовершеннолетних лиц. Однако в следующем, 2023 году, хотя число подобных преступлений уменьшилось до 78, количество юных правонарушителей выросло до десяти человек.

Далее, в 2024 году зарегистрировано 85 случаев, из которых двенадцать оказались связаны с подростками. Параллельно с этим существенно вырос показатель административных правонарушений, имеющих отношение к пропаганде религиозного экстремизма: с 320 эпизодов в 2022 году до 390 аналогичных происшествий в 2024 году. В Таблице 1 рассмотрим динамику преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности в Республике Казахстан за 2022-2024 гг.:

Таблица 1 – Динамика преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности в Республике Казахстан (2022-2024 гг.)

Год	Количество преступлений экстремистской направленности	Из них с участием несовершеннолетних	Административные правонарушения (в т.ч. онлайн)
2022	92	8	320
2023	78	10	355
2024	85	12	390
Источник: данные Генеральной прокуратуры РК, МВД РК [1]			

Наблюдаемая динамика свидетельствует о постепенном переносе экстремистской активности в Казахстане в виртуальное пространство, где значительно увеличивается участие несовершеннолетних. Несмотря на принимаемые меры по предупреждению, подростки остаются наиболее уязвимым контингентом, активно присутствуя в социальных сетях, тематических форумах и мессенджерах. Информация Комитета по вопросам общественного развития и данные МВД подтверждают, что свыше 60% зафиксированных противоправных действий реализуются именно в интернет-сегменте. Для визуального представления структуры правонарушений экстремистской направленности в 2024 году рассмотрим диаграмму, представленную на рисунке 1:

Рисунок 1. Структура правонарушений экстремистской направленности в Казахстане за 2024 год (%)

При изучении трудов отечественных исследователей, таких как Маулышариф М. и Базаркулова Ж.А., выяснилось, что развитие религиозного экстремизма среди молодых людей обусловлено целым рядом взаимосвязанных социальных, психологических и информационных факторов. Недостаточный уровень знания основ религии, нехватка навыков критического восприятия информации и низкая культура обращения с медиаресурсами выделяются авторами как значимые причины.

Правовая основа противодействия религиозному экстремизму в Казахстане представлена достаточно полно. Основополагающими актами являются Закон «О противодействии экстремизму», Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», Концепция государственной политики в религиозной сфере на 2021–2030 годы и государственная программа по борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Тем не менее, специалисты и юристы, такие как Аюпова З.К., Сералиева А.М. и Сапаров Б.Ж., указывают на недостаток четкости в нормах права, направленных непосредственно на профилактику экстремистских явлений среди несовершеннолетних пользователей Интернета.

Практическое внедрение мер по профилактике религиозного экстремизма в Казахстане показывает смену акцента с репрессивных мер на превентивные и просветительные подходы. Сегодня государственные органы всё активнее сосредотачиваются на информационно-разъяснительной работе, взаимодействии с молодежной аудиторией и обеспечении безопасной цифровой среды, а не исключительно на поиске и подавлении преступных проявлений.

По информации Управления по делам религий города Алматы за 2024 год, за указанный период было проведено более 7 тысяч информационно-разъяснительных мероприятий, направленных на предупреждение религиозного экстремизма и терроризма, с общим охватом аудитории свыше 285 тыс. человек.

Дополнительно в данном регионе состоялось примерно 700 собраний с участием представителей исламского духовенства, в которых приняли участие около 80 тыс. жителей. Приводится сводная таблица 2, отображающая объёмы предупредительных мероприятий в отдельных регионах Казахстана, основанная на открытых источниках официального портала государственных услуг республики:

Таблица 2 – Проведение профилактических мероприятий по предотвращению религиозного экстремизма в отдельных регионах Казахстана (2022–2025 гг.)

Регион	Период	Кол-во мероприятий / форматов	Охват аудитории / прочие данные
Алматы (город)	2024 год	7 712 информационно-разъяснительных мероприятий	более 285 000 человек
Кызылординская область (область)	2024 год	77 мероприятий по профилактике религиозного экстремизма	более 2 500 человек
Кызылординская область (область)	9 мес. 2025	8 594 мероприятия	охват 72 841 человек

Кызылординская область (область)	23	9 мес. 20	1 590 мероприятий	охват 20 074 человек

Исследования демонстрируют, что борьба с религиозным экстремизмом среди подростков в интернете сталкивается с серьезными препятствиями системного характера. Среди основных трудностей выделяют фрагментированность собранных данных, низкую степень медиаграмотности подрастающего поколения, неопределенность единой регламентации в законодательстве, слабый уровень взаимодействия между государственными структурами и гражданским обществом. Далее приводится систематизированное изложение обозначенных затруднений и возможных решений в таблице 3:

Таблица 3-Основные проблемы и пути их решения в профилактике религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в киберпространстве

Проблема	Описание	Пути решения
Фрагментарность статистики	Разные регионы и ведомства используют различные методики учета мероприятий и охвата аудитории, что затрудняет анализ	Разработка единых методик сбора и анализа данных, создание централизованной платформы мониторинга
Низкий уровень медиаграмотности	Подростки уязвимы к экстремистской пропаганде, недостаточно критично воспринимают информацию	Внедрение образовательных модулей по медиаграмотности, интерактивные тренинги и игровые онлайн-платформы
Отсутствие единых стандартов правового регулирования	Нет четких инструкций для профилактики экстремизма среди несовершеннолетних в интернете	Разработка подзаконных актов и методических рекомендаций для образовательных

		учреждений и интернет-платформ
Недостаточная координация с НПО	Эффективность просветительских программ снижается из-за отсутствия системного взаимодействия	Создание государственно-общественных коалиций, совместные кампании и обмен данными
Рост цифровой активности экстремистских группировок	Более 60 % противоправных действий фиксируется в сети; подростки — основная цель	Усиление цифрового мониторинга, модерация контента, создание безопасных образовательных платформ

Заключение. Изучив специфические черты профилактики религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в казахском сегменте интернета, мы пришли к выводу, что успешная реализация поставленных задач возможна лишь при условии тесной интеграции законодательных инициатив, образовательных практик и инновационных цифровых инструментов.

Повышение уровня медиаграмотности подростков, налаженная кооперация государственных учреждений и гражданских институтов, введение единых стандартов учета информации и качественный контроль сетевого пространства играют ключевую роль в достижении положительных результатов. Применение комплексной стратегии позволит снизить вероятность привлечения несовершеннолетних в экстремистские структуры и сформировать надежную основу информационной безопасности.

ALIMARDON AHMADOV
Prosecutor of the Scientific and Educational
Center for Combating Corruption
of the Law Enforcement Academy of the
Republic of Uzbekistan

PROTECTION OF VICTIMS' RIGHTS IN THE PROCESS OF CROSS-BORDER ASSET RECOVERY

Abstract: *This scientific article analyzes the issues of protection of rights of victims in asset recovery process, criminal and civil procedural mechanisms used to recover assets acquired through criminal means and taken abroad, forms of international cooperation (legal assistance, diplomatic means, informal cooperation), as well as experience and reforms since 2017 in Uzbekistan. Also, institutional proposals and recommendations in this area are provided, based on international standards and national legislation.*

Keywords: *victim, asset recovery mechanisms, illicit assets, cooperation.*

Аннотация: *В данной научной статье анализируются вопросы защиты прав потерпевших в процессе возврата активов, уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные механизмы, используемые для возврата имущества, приобретенного преступным путем и вывезенного за границу, формы международного сотрудничества (юридическая помощь, дипломатические средства, неформальное сотрудничество), а также опыт и реформы, проведенные в Узбекистане с 2017 года. Также представлены институциональные предложения и рекомендации в этой области, основанные на международных стандартах и национальном законодательстве.*

Ключевые слова: *потерпевший, механизмы возврата активов, незаконно приобретенные активы, сотрудничество.*

Annotatsiya: *Ushbu ilmiy maqolada jabrlanuvchilarning aktivlarni qaytarish chog'idagi huquqlarini himoya qilish masalasi, jinoiy yo'llar bilan qo'lga kiritilgan va chet elga olib chiqilgan aktivlarni qaytarib olish uchun qo'llaniladigan jinoiy va fuqarolik protsessual mexanizmlari, xalqaro hamkorlik shakllari (huquqiy yordam, diplomatik vositalar, norasmiy hamkorlik), shuningdek, 2017-yildan beri O'zbekistonda amalga oshirilgan islohotlar tahlil qilindi. Ushbu sohada xalqaro standartlar va milliy qonunchilikka asoslangan institutsional takliflar va tavsiyalar ham taqdim etilgan.*

Kalit so'zlar: jabrlanuvchi, aktivlarni qaytarib olish mexanizmlari, noqonuniy aktivlar, hamkorlik.

The illicit asset recovery is one of the priorities of the cross-border efforts in ensuring justice today. Academics have also debated whether the use of asset recovery as a form of restorative justice actually benefits victims or serves state-centered imperatives about revenue generation and political legitimacy¹. The United Nations Convention against Corruption (UNCAC) in its Chapter 5 defines the return of criminal assets as one of the fundamental principles and states that confiscated funds should be returned to “the party who has a legitimate right to them”². In this sense, international standards require states to achieve transparency in the process of returning criminal assets and to spend the recovered funds for the benefit of the victims³.

Uzbekistan has also been implementing large-scale reforms in this area in recent years. In particular, the Action Strategy adopted in 2017 set out tasks such as ensuring the rule of law, combating corruption, and democratizing the judicial system. In particular, in 2019, the confiscation of assets acquired through corruption by G. Karimova and others was issued, and on this basis, a steps were taken for the return of assets abroad. As a result of long diplomatic negotiations, an agreement in principle was reached with the Swiss government in 2020⁴. A final agreement was signed, according to which \$131 million was to be returned to Uzbekistan.

¹ Strang, Heather. “Experiments in Restorative Justice.” In *Regulatory Theory: Foundations and Applications*, edited by PETER DRAHOS, 483–98. ANU Press, 2017. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1q1crtm.39>. Taygeti Michalakea, Anticorruption and Transitional Justice: A Distinction Without a Difference, *Human Rights Law Review*, Volume 22, Issue 2, June 2022, ngac014, <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngac014>

² United Nations. *United Nations Convention against Corruption*. New York: UN; October 2003. Available from: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/convention.html>

³ FATF. *International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation (FATF Recommendations)*. Paris: FATF; 2012–2025. Available from: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html>

⁴ UNCAC Coalition. (2020, September 16). Asset recovery: Switzerland and Uzbekistan sign agreement on return of USD 131 million [Statement]. <https://uncaccoalition.org/asset-recovery-switzerland-and-uzbekistan-sign-agreement-on-return-of-usd-131-million-statement-by-uzbek-civil-society-activists/>

Thus, after the first tranche returned in 2022, it was agreed that additional tranches would be sent in the following years.

At the same time, France also returned around \$10 million in confiscated funds to Uzbekistan in 2020¹. Negotiations are also ongoing regarding assets in the US; as the US Department of Justice previously reported, approximately \$850 million worth of assets belonging to G. Karimova are frozen in various jurisdictions and international legal proceedings are underway to return them².

However, the vast majority of illicit assets are still not return, nor it is possible to start negotiations. As possible reasons are stated the lack of specialized body (unit)³ for asset recovery process, absence of appropriate legal framework devoted to this process, challenges related to post-recovery process and etc.⁴.

It is clear that Uzbekistan, based on international experience, feels the need to form an effective asset management institution. For example, in France, the Agency for the Management of Confiscated Assets (AGRASC)⁵, in Ireland, the Criminal Assets Bureau⁶ operate to store confiscated assets, prevent their loss of value, and organize their subsequent return as state revenue or compensation to victims.

In general, assets can be recovered through several mechanisms. Criminal law mechanisms primarily mean the initiation of criminal proceedings against persons who have committed crimes, their prosecution, and the confiscation of criminal proceeds in accordance with

¹ Doniyor Tuxsinov. Gulnara Karimova's ill-gotten assets being returned to Uzbekistan. Available at <https://kun.uz/en/news/2022/02/15/gulnara-karimovas-ill-gotten-assets-being-retuned-to-uzbekistan#!>

² U.S. Department of Justice. Kleptocracy Asset Recovery Initiative. U.S. Department of Justice.

³ Referenced as Financial Intelligence Units, in this regard see Gleason, P. and Gottselig, G. (eds.) (2004). Financial intelligence units: An overview. Legal Dept., Monetary and Financial Systems Dept.; Financial Market Integrity Div. International Monetary Fund & World Bank. <https://doi.org/10.5089/9781589063495.069>

⁴ OECD. (2024). Baseline Report of the Fifth Round of Monitoring of Anti-Corruption Reforms in Uzbekistan: The Istanbul Anti-Corruption Action Plan. <https://doi.org/10.1787/363ba9d8-en>

⁵ <https://agrasc.gouv.fr/en/presentation>

⁶ <https://www.cab.ie/>

the procedure established by a court verdict¹. The types of property that can be confiscated under a criminal verdict are determined by law, and include money and property obtained as a result of the crime, any form of their conversion or transfer to third parties, as well as instruments of crime².

In some cases, it may not be possible to prosecute the perpetrator. For example, the suspect has fled abroad or has immunity from prosecution, or the perpetrator has died³. In such cases, mechanisms for the return of assets “without criminal prosecution” (i.e. without a criminal conviction) are used⁴. In international practice, two such civil law methods are known: the first is direct confiscation of property without the initiation of criminal proceedings (Non-Conviction Based Confiscation – NCB confiscation)⁵, and the second is the civil forfeiture⁶. Article 54 of the UNCAC Convention recommends that states consider the possibility of confiscation without a criminal conviction, especially in cases where criminal prosecution is not possible⁷. In this way, judicial practice provides an opportunity to find justice outside the criminal process.

From a legal point of view, criminal and civil methods of confiscation complement each other. The presence of these two methods in legislation and practice serves to achieve a more comprehensive result

¹ Rose, C. (2024). The Progressive Development of International Law on the Return of Stolen Assets: Mapping the Paths Forward, *European Journal of International Law*, Volume 35, Pages 701–726, <https://doi.org/10.1093/ejil/chae042>

² Ivory, R. (2014). *Corruption, Asset Recovery, and the Protection of Property in Public International Law: The Human Rights of Bad Guys*. Cambridge University Press. ISBN 978-1-107-05850-7

³ Dornbierer, Andrew. *Illicit Enrichment: A Guide to Laws Targeting Unexplained Wealth*. Basel Institute on Governance, 2021. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/j.ctv2c74pzx>.

⁴ Anthony Davidson Gray. “Forfeiture Provisions and the Criminal/Civil Divide.” *New Criminal Law Review: An International and Interdisciplinary Journal*, vol. 15, no. 1, 2012, pp. 32–67. JSTOR, <https://doi.org/10.1525/nclr.2012.15.1.32>.

⁵ Grant, W., Gray, L.A., Greenberg, T. S., Samuel, L. M. (2009) *Stolen asset recovery: a good practices guide for non-conviction based asset forfeiture*. Stolen Asset Recovery (StAR) initiative Washington, DC: World Bank Group. <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-7890-8>

⁶ Mungan, Murat C., and Jonathan Klick. “Forfeiture of Illegal Gains, Attempts, and Implied Risk Preferences.” *The Journal of Legal Studies*, vol. 43, no. 1, 2014, pp. 137–53. JSTOR, <https://doi.org/10.1086/675351>.

⁷ United Nations. *United Nations Convention against Corruption*. New York: UN; October 2003. Available from: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/convention.html>

in the return of criminal assets. According to international standards, proceeds from criminal proceeds should be directed primarily to compensating the harm caused to the victim¹.

Criminally obtained assets are often transferred from one country to another. Therefore, their return cannot be achieved without international cooperation. An important mechanism for international cooperation is mutual legal assistance (MLA)². Within the framework of MLA, states assist each other in providing the necessary legal information and actions for the investigation and consideration of criminal cases in courts. In particular, legal assistance is requested from a foreign state in matters of confiscation and return of assets³, such as freezing bank accounts there, arresting property, and confiscating goods⁴. Subsequently, through this process, assets confiscated abroad can be returned to the requesting state to which they were sent.

Articles 54 and 55 of the UN Convention against Corruption require the recognition and enforcement of foreign confiscation orders, as well as the freezing of accounts for the purpose of confiscation. Meanwhile, Article 57 establishes the procedure for the return and distribution of confiscated assets⁵. According to it, the party affected by corruption (usually the country where the crime was committed or the victimized organization/individual in it) has the priority right to recover confiscated assets. However, UNCAC leaves considerable flexibility over how proceeds are repatriated, but as a practical matter this is done via

¹ Sotiropoulou, A., Brun, J.-P., Gray, L., Scott, C., & Stephenson, K. M. (2020). *Asset Recovery Handbook: A Guide for Practitioners* (2nd ed.). StAR Initiative. World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1616-1>

² Spicer J., (2024). Three ways to improve international cooperation in asset recovery. Basel Institute on Governance. <https://baselgovernance.org/blog/three-ways-improve-international-cooperation-asset-recovery>

³ Betti, L., Kozin, D., & Brun, J.-P. (2022). Orders without Borders Direct Enforcement of Foreign Restraint and Confiscation Decisions. The World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1830-1>

⁴ Helfer, L. R., Rose, C., & Brewster, R. (2023). Flexible institution building in the international anti-corruption regime: Proposing a transnational asset recovery mechanism. *American Journal of International Law*, 117(4), 559–600. <https://doi.org/10.1017/ajil.2023.22>

⁵ United Nations. United Nations Convention against Corruption. New York: UN; October 2003. Available from: <https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/convention.html>

intergovernmental deals that prioritise state-to-state arrangements over direct compensation of victims¹.

Within the framework of the MLA mechanism, Uzbekistan has established numerous cooperation relations based on the conventions on legal assistance within Interpol, the Shanghai Cooperation Organization, the CIS and bilateral agreements.

Countries sometimes further strengthen their cooperation in the field of MLA through special diplomatic agreements². In some cases, separate agreements or memoranda are signed between countries for the return of confiscated assets.

An example is the agreement between Uzbekistan and Switzerland on the return of illicit assets. According to this agreement, confiscated assets were to be returned to Uzbekistan in stages through a special trust fund under the auspices of the UN. The following principles were firmly established within the framework of the agreement: ensuring full transparency and openness of the return process, i.e., public disclosure of information about restitution; involving independent civil society institutions in the process; ultimately directing the returned funds to the social sphere, in particular to education and healthcare (spending for the welfare of the people); maintaining mechanisms for permanent and mutually respectful dialogue between Uzbekistan and Switzerland.

The agreement established a mechanism for distributing funds through the UN-funded Uzbekistan Vision 2030 Multi-Partner Trust Fund. The fund's governance structure includes a strategic committee consisting of high-level representatives from Uzbekistan and Switzerland, a steering committee consisting of representatives from both countries and the UN, and a civil society advisory board. This tripartite agreement, concluded through diplomatic channels, is a bright example of responsible

¹ Sotiropoulou, A., Brun, J.-P., Gray, L., Scott, C., & Stephenson, K. M. (2020). *Asset Recovery Handbook: A Guide for Practitioners* (2nd ed.). StAR Initiative. World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1616-1>

² Sotiropoulou, A., Brun, J.-P., Gray, L., Scott, C., & Stephenson, K. M. (2020). *Asset Recovery Handbook: A Guide for Practitioners* (2nd ed.). StAR Initiative. World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1616-1>

international restitution, with the interests of the affected people as a priority. Such agreements significantly reduce the risk of assets returned from abroad being diverted to illicit sources or subject to renewed corruption.

Cooperation through diplomatic channels can also serve to ease complex political issues in some cases. For example, the aforementioned Swiss-Uzbekistan agreement was a very favorable solution when compared with the Belgian case, as the Belgian court in 2025 retained half of the \$216 million confiscated in the same case for its own treasury and returned the other half to Uzbekistan without any conditions¹. Critics considered this decision to be contrary to the requirements of the UNCAC and stressed that Belgium should return the entire amount with appropriate conditions².

Informal communication channels are vital in asset recovery process. The best outcomes are expected when formal and informal network possibilities are combined for the efficient asset recovery process. The activities carried out by INTERPOL, Inter-Agency Networks and etc. could serve as a good example³.

In conclusion, the above analytical data show that the return of criminal proceeds exported abroad is a complex, multifaceted process, and its effective organization is crucial for protecting the rights and interests of victims. The following recommendations are presented:

1. Enshrine the interests of victims in the primary legislation. National legislation should establish clear and detailed procedures for the return of criminal assets. In particular, it is advisable to adopt a specified document regulating such issues as the procedure for distributing funds returned from abroad to victims and in what cases they are transferred to

¹ Jasper Jacobs. Over €100 million confiscated in Belgium after investigation in Uzbekistan. <https://www.brusselstimes.com/1514625/over-e100-million-confiscated-in-belgium-after-investigation-in-uzbekistan>

² Belgian and Uzbek Governments Profit from Termination of DoJ's Kleptocracy Unit. Richard Messick. <https://globalanticorruptionblog.com/tag/asset-recovery/>

³ FATF. (2023). Recovering International Proceeds of Crime through Inter-Agency Networks. Paris. <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/recovering-international-proceeds-crime-inter-agency-networks.html>

the state budget. It is also necessary to establish instructions specifying the competent authorities and procedures for accepting confiscated property and delivering it to victims in a timely manner. Such measures will also facilitate work with international partners.

2. Establish a dedicated asset management unit. A specialized government agency should be established to handle the storage, valuation, and sale (or targeted transfer) of criminally acquired and confiscated assets. This, in turn, will serve as a crucial platform for the rapid and efficient transfer of recovered assets to victims. It would also be useful to study the experience of structures operating in foreign countries, such as AGRASC or the Criminal Assets Bureau.

3. Transparency and public oversight in accordance with international standards. Full transparency should be ensured in the distribution of recovered assets. The practice of providing public information on all recovered funds and their use should be introduced. In particular, assets recovered from corruption cases should be recognized as “stolen money of the people” and civil society institutions should establish control over their use for the public good. The activities of advisory councils consisting of representatives of civil society and international organizations, as in the agreement with Switzerland, should be expanded. Such civil oversight will prevent further criminal plunder of proceeds and ensure the accountability of the government to the victims.

4. Directing returned funds to the rehabilitation of victims. Returned assets should be directed, by mutual agreement, to specific social projects and compensation for the losses caused to victims. For example, it is possible to establish special funds for the population affected by corruption or to assist affected communities through reeducation and health care programs.

Expanding international cooperation and taking initiatives. In addition to existing bilateral agreements, Uzbekistan should actively participate in major initiatives in the international arena. For example, it is necessary to support and implement the 10 principles adopted at the

Global Forum on Asset Recovery (GFAR) held in Washington in 2017¹. These principles cover aspects such as transparency, accountability, public interest orientation of recovered assets, and involvement of civil society. It is also necessary to further strengthen anti-money laundering measures in accordance with the FATF recommendations on the use of force in financial entrepreneurship, and introduce modern technologies for the rapid identification and freezing of assets. Strengthening participation in international networks, such as ARIN-WCA, Interpol's StAR initiative (Stolen Asset Recovery), and exchange of experience will yield positive results.

BORSIYEVA ZAMIRAT

Senior Prosecutor of the Scientific and
Educational Center for Combating
Corruption of the Law Enforcement
Academy of the Republic of
Uzbekistan

**BALANCE BETWEEN EFFECTIVENESS AND RIGHTS:
ISSUES OF IMPLEMENTING THE INSTITUTION OF ILLICIT
ENRICHMENT**

***Abstract:** The article examines contemporary approaches to legal responses to the phenomenon of illicit enrichment as one of the key indicators of corruption. Special attention is given to the comparison between criminal law and civil law models of liability, including international standards developed by the OECD, FATF, the World Bank, and provided for by the United Nations Convention against Corruption (UNCAC). The comparative analysis covers national approaches of countries such as the United States, Russia, Georgia, the United Kingdom, and Uzbekistan. The article substantiates the need to balance the effectiveness of prosecuting illicit enrichment with the observance of constitutional guarantees, including the presumption of innocence. It highlights the legal, institutional, and procedural elements that ensure the conformity of legal liability with international standards and the principles of the rule of law. Based on the analysis, recommendations are provided for legal reform in Uzbekistan in the context of a possible introduction of a civil law model of liability.*

¹ <https://uncaccoalition.org/learn-more/asset-recovery/>

Keywords: *Illicit enrichment, confiscation, civil liability, criminal prosecution, presumption of innocence, international standards, OECD, FATF.*

Introduction

Illicit enrichment is now a major concern on the political and legal agendas of many states due to globalization and the digitalization of the economy. The general definition of illicit enrichment is when a public official has assets that are obviously worth more than their legal income without being able to adequately justify where those assets came from. The legal system's response can vary greatly, ranging from criminal prosecution to the imposition of civil law punishments, even though in practice such a disparity between legal income and actual assets is frequently seen as an indication of corruption.

Different models of liability for illicit enrichment are shaped by legal traditions, the level of institutional development, the political and legal context, and international obligations. The issue is particularly relevant in countries with high levels of corruption and weak oversight of officials' income. In their standards, international organizations like the World Bank, the Financial Action Task Force (FATF), and the Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) stress the need to put in place efficient systems for identifying and preventing the illegitimate acquisition of assets by people carrying out official duties.

However, the application of liability measures for illicit enrichment faces a number of fundamental legal dilemmas. The primary one is striking a compromise between upholding the presumption of innocence and the requirement to guarantee accountability of public officials. There is frequently a chance that the burden of proof will be shifted to the accused in places where illicit gain is illegal. Although the civil model allows for more freedom, it calls into question whether sanctions can be applied without a criminal conviction.

The purpose of this article is to conduct a systematic comparative legal analysis of existing approaches to legal responses to illicit

enrichment, to identify the advantages and limitations of the criminal and civil models. In addition, it aims to provide recommendations for the possible reform of the legislation of the Republic of Uzbekistan in light of international standards and the principles of the rule of law.

1. The theoretical and legal nature of the institution of illicit enrichment

Definition and legal qualification

There is no single legal meaning for “illicit enrichment”, and it can be defined differently in different jurisdictions. Article 20 of the UNCAC, which defines illicit enrichment as a “significant increase in the assets of a public official that he or she cannot reasonably explain in relation to his or her lawful income”, is one of the foundational texts in international practice.¹

At the same time, in most countries the term does not function as an independent legal concept enshrined in national legislation. This is due either to the lack of consensus regarding the admissibility of rebuttable presumptions or to concerns about violating fundamental guarantees of fair trial.

Legal doctrine distinguishes between two main models for interpreting illicit enrichment:

- **Criminal law model** – the inability to explain the origin of assets is treated as a criminal offense and may lead to sanctions up to imprisonment;
- **Civil law model** – unexplained assets are subject to confiscation in favor of the state through administrative or civil proceedings, without classification as a criminal offense.

Additionally, the rebuttable presumption theory is in place in continental European nations, according to which the respondent bears the burden of demonstrating the state's well-founded suspicion. In some

¹ United Nations. United Nations Convention against Corruption. Adopted by the UN General Assembly on 31 October 2003. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (accessed: 29.05.2025).

jurisdictions, the prosecution has the whole burden of proof due to the strict presumption of innocence.

Historical evolution of approaches

Historically, the concept of unjust enrichment – the need to restore whatever that was received without adequate legal justification – existed within the framework of Roman private law, which is where the term of illicit enrichment originated. Legal systems started incorporating the private law idea of responsibility into the public law sphere as a way to reclaim assets obtained by evading fiscal or anti-corruption laws as the public service institution developed and the concept of accountability emerged.

In the 20th century, with the rise of transnational corruption, international organizations began actively developing standards to combat unjustified enrichment. The UNCAC, which led to legislative reforms in dozens of nations, was one of the key milestones. Furthermore, between 2003 and 2015, the OECD and FATF adopted methodological guidelines on asset recovery and liability for illicit wealth.

2. International standards and approaches to illicit enrichment

The UNCAC is the first comprehensive international instrument dedicated to the prevention, detection, and suppression of corruption at the interstate level. Article 20 of the Convention encourages States to consider the criminalization of illicit enrichment. Unlike the mandatory provisions (such as those concerning bribery or embezzlement in the public sector), Article 20 is discretionary in nature, reflecting the sensitivity of the issue for domestic legal systems.

States can choose between the criminal and civil law modes of regulation according to the broad framework provided by the Convention. It highlights clearly the need of upholding the core tenets of each State Party's legal system, particularly the presumption of innocence and the right to a fair trial.

In implementing the Convention, States may adopt measures such as financial monitoring, asset and income declarations for public officials, confiscation procedures, and asset investigations. Uzbekistan is a party to

the Convention and has declared its commitment to its implementation, including within the framework of the National Anti-Corruption Strategy.

The FATF – an intergovernmental body that sets standards for combating money laundering and the financing of terrorism – has issued a number of recommendations that directly address issues of unjustified enrichment. In particular, recommendation 30 necessitates the implementation of efficient judicial and investigative procedures to identify unexplained (illicit) riches, whereas Recommendation 4 specifically calls for procedures that permit asset confiscation without a prior conviction.

Even in the absence of a criminal accusation, FATF endorses a concept of civil asset confiscation that is based on non-conviction. This is particularly important in situations where it is not possible to pursue criminal charges because the suspect has died, fled, or there is insufficient evidence to indict them.

In its 2012 report¹, FATF emphasized that countries must be able to effectively identify, freeze, and confiscate proceeds of crime and property acquired with such proceeds. In the context of unexplained (illicit) wealth, this implies the possibility of establishing mechanisms for asset recovery when the origin of assets cannot be satisfactorily explained.

The OECD has also developed a range of instruments to counter illicit enrichment, including the Guidelines for Managing Conflict of Interest in the Public Service and reports on anti-corruption efforts in G20 countries.

One of the key elements of the OECD approach is the implementation of income, expenditure, and asset declaration mechanisms for public officials, as well as subsequent analysis and comparison of these data with the individual's actual lifestyle. The OECD

¹ FATF. International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism and Proliferation: The FATF Recommendations. – Paris: Financial Action Task Force, 2012. – URL:

<https://www.fatfgafi.org/media/fatf/documents/recommendations/pdfs/FATF%20Recommendations%202012.pdf> (accessed: 29.05.2025).

supports the creation of specialized units for analyzing asset origins and identifying signs of unjust enrichment.

The Group of States against Corruption (GRECO), operating under the Council of Europe, regularly assesses the anti-corruption policies of member states and highlights the importance of establishing effective civil oversight over the assets of public officials. GRECO particularly emphasizes the issue of the “justified burden of proof” in such cases and recommends ensuring procedural balance.

International practice in the application of standards

International organizations recommend that countries ensure the following:

- the possibility of confiscating property without a conviction (non-conviction based forfeiture);
- the implementation of procedures for auditing the origin of assets;
- the protection of the right against self-incrimination in the application of civil sanctions;
- the institutional independence of bodies responsible for asset analysis and confiscation.

Thus, at the international level, a consensus has emerged in favor of a hybrid approach that combines criminal and civil law elements while upholding high standards of legal protection.

3. Criminal law mechanism for combating illicit enrichment: a comparative legal analysis

Article 333 of the Criminal Code of El Salvador explicitly criminalizes illicit enrichment by public officials. The 2025 reform strengthened the sanctions, establishing penalties of 5 to 15 years of imprisonment and fines. One notable development was the removal of the need for an earlier civil ruling attesting to the lack of legitimate revenue streams, which made it possible to start criminal proceedings straight away. Although this process is acknowledged as a component of the nation’s anti-corruption system, openness and procedural safeguards are crucial, according to international observers. Although the law is in place,

there is still little judicial practice, and international organizations advise that implementation, statistics reporting, and rights protection be improved.

A similar approach is implemented in Mexico, where Article 224 of the Federal Criminal Code establishes criminal liability for the unjustified increase of assets by public officials, including the possibility of asset confiscation and imprisonment. Although the legislation formally aligns with the recommendations of GRECO and the OECD, practical challenges persist: investigations are rare, and there have been no convictions. The Supreme Court has declared certain provisions unconstitutional, but the article was subsequently re-enacted.

In its 2023 progress report on Mexico, the FATF noted that the country has taken steps to strengthen its measures against money laundering and terrorist financing. However, FATF emphasized the need to further reinforce institutional systems even more, especially with regard to the efficient examination and seizure of assets acquired illegally. In particular, Mexico received a rating of “Largely compliant” for Recommendation 4 (Confiscation and provisional measures), indicating certain inadequacies in the use of pertinent measures¹.

Thus, while FATF acknowledges Mexico’s efforts to counter illicit enrichment, it simultaneously calls for the strengthening of institutional frameworks to enhance the effectiveness of these measures.

4. Civil law mechanism for combating illicit enrichment: concept and international application

General characteristics of the civil law mechanism

The civil law mechanism for confiscating illicit enrichment involves depriving an individual of property without the need to prove the elements of a criminal offense. The basis for such confiscation is a discrepancy between assets and lawful income, established primarily through

¹ Financial Action Task Force (FATF). Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – Mexico: 5th Enhanced Follow-up Report. Paris: FATF, 2023. 10 p. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/fur-mexico-2023.html> (accessed: 04.06.2025).

documentary and analytical means. Unlike the criminal law mechanism, it:

- does not require the establishment of guilt;
- may be applied to third parties who are not formally accused;
- operates within the framework of civil proceedings;
- is based on the standard of proof known as the “preponderance of evidence”, as opposed to the criminal standard of “beyond a reasonable doubt”.

According to a report by the World Bank, civil asset confiscation is applied in more than 60 countries and is regarded as a key instrument for asset recovery in the fight against corruption, particularly under conditions where criminal prosecution is difficult or ineffective. Civil (or non-conviction based) confiscation (NCB) has been recognized as an effective tool for asset recovery in such contexts.

According to data from the Stolen Asset Recovery (StAR) Initiative – a joint project of the World Bank and the United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC) – NCB confiscation was used in 34% of asset recovery cases and in 46% of confiscation cases between 2010 and 2021.

These figures highlight the significance of civil confiscation as an effective instrument for combating corruption and recovering assets, especially in jurisdictions with insufficiently effective criminal prosecution systems¹.

International practice

In a number of countries, the fight against unexplained (illicit) increases in assets is carried out not through direct criminal liability, but through civil and administrative mechanisms aimed at the forfeiture of property without a criminal conviction.

¹ World Bank; United Nations Office on Drugs and Crime. Mapping international recoveries and returns of stolen assets under UNCAC: An insight into the practice of cross-border repatriation of proceeds of corruption over the past 10 years. 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/NairobiEGM2022/Session_I_-_StAR.pdf (accessed: 29.05.2025).

In the Russian Federation, there is no standalone criminal article on illicit enrichment; however, a hybrid approach is employed. This includes the application of Article 104.1¹ of the Criminal Code on asset confiscation, Federal Law No.230-FZ on the monitoring of public officials' expenditures, as well as provisions of the Civil Procedure Code (CPC), which allow for the transfer of assets to the state if their lawful origin cannot be confirmed.

The foundation of this mechanism is established by the following legal acts:

- Federal Law No. 230-FZ dated December 3, 2012, “On Monitoring the Compliance of Expenditures of Persons Holding Public Office and Other Persons with Their Incomes”;
- Federal Law No. 273-FZ dated December 25, 2008, “On Combating Corruption”;
- Article 235, paragraph 8 of the Civil Code of the Russian Federation;
- The Law of the Russian Federation “On Banks and Banking Activity” and other acts expanding the powers of the Prosecutor’s Office to access information constituting bank secrecy.

Unlike criminal confiscation, the transfer of property to the ownership of the Russian Federation by court decision – when no evidence is provided in accordance with Russian anti-corruption legislation to prove that the property was acquired through lawful income – is carried out within the framework of civil proceedings and does not require a criminal conviction. The procedure is initiated by the prosecutor, who holds exclusive powers to conduct the relevant investigation and file a claim in court for the recovery of assets.

The basis for filing a claim is the establishment of a fact that the value of an official’s property significantly exceeds their documented

¹ https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f22429461fc4befb140b98a33cf3521eea282

income over a three-year period, and the individual is unable to prove the legal origin of the assets.

In this mechanism, the Prosecutor's Office plays a central and coordinating role in enforcing the civil procedure for recovering unexplained (illicit) income:

- initiates inspections of individuals required to submit income and expenditure declarations;
- sends requests to banks, tax authorities, and other institutions, including the collection of information protected by bank secrecy, within the limits of anti-corruption oversight;
- analyzes the obtained data and determines whether there are grounds to initiate a claim;
- files a lawsuit in court to recover the property or its monetary equivalent;
- participates in court proceedings and defends public interests.

The Prosecutor's Office also holds the authority to assess the credibility of explanations and evidence presented by the individuals under review and may initiate expert examinations. By being vested with these powers, the prosecutorial authorities ensure a critical link between the asset declaration mechanism and the actual confiscation of unlawfully acquired property.

Judicial practice demonstrates the high effectiveness of this mechanism. In just one year, more than 50 lawsuits were filed, totaling over 79 billion rubles, a significant portion of which were upheld by the courts. The Constitutional Court of the Russian Federation, in its rulings¹, affirmed the permissibility of recovering property registered in the names of proxies, provided that there is evidence indicating that the funds used for its acquisition originated from a public official under whose control the proxies operated.

¹ Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on May 6, 2024) // Consultant Plus: Legal Reference System [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/f22429461fc4befb140b98a33cf3521eea282f7d/ (accessed: 04.06.2025).

Russian legislation has gradually expanded the list of assets subject to confiscation. Initially, It was initially limited to real estate and automobiles, but after Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020, it was expanded to include digital financial assets and digital currency; funds held in bank accounts (based on a federal law developed by the Government of the Russian Federation in implementation of the National Anti-Corruption Plan). Thus, the Russian experience demonstrates the high effectiveness of civil asset recovery mechanisms in addressing illicit income.

A similar practice is in place in Georgia, where since 2004 a civil confiscation system has been implemented, allowing for the forfeiture of property without prior criminal prosecution¹. In its judgment in *Gogitidze v. Georgia*², the European Court of Human Rights emphasized the permissibility of shifting the burden of proof to the respondent. The legislation permits the confiscation of property that cannot be substantiated by lawful sources, without requiring proof of a predicate offense.

Since 2017, the United Kingdom has applied the instrument known as the Unexplained Wealth Order (UWO), introduced by the Criminal Finances Act. This civil law mechanism enables the High Court to request information from the holder of assets valued at over £50,000 regarding the origin of those assets. In cases where the explanation is insufficient or not provided, the assets are subject to confiscation based on a civil court decision. The procedure operates independently of any criminal proceedings and is primarily aimed at foreign politically exposed persons (PEPs) involved in transnational corruption schemes.

Since 2015, Switzerland has enforced the Federal Act on the Freezing and the Restitution of Illicit Assets held by Foreign Politically

¹ MONEYVAL (2012), Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism in Georgia: Fourth Round Mutual Evaluation Report, p. 50., <http://goo.gl/AQ07sd>.

² European Court of Human Rights. Judgment of 14 November 2017 in the case of *Bužek v. Slovakia*, Application No. 45322/13. № 20127/07 // HUDOC. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154398> (accessed: 30.05.2025).

Exposed Persons (FIAA) ¹, which grants the Federal Council the authority to freeze and confiscate assets of foreign individuals without the need for criminal prosecution. The law is based on a presumption of illicit origin of assets unless proven otherwise. The procedure is administrative in nature and is aimed at preventing the use of Swiss jurisdiction to conceal assets by corrupt regimes. In practice, this mechanism has been applied to the assets of politicians from the Middle East, based on United Nations Security Council resolutions².

The United States has a well-developed system of civil forfeiture, governed in particular by § 981 of Title 18 of the U.S. Code and the Civil Asset Forfeiture Reform Act (CAFRA) of 2000³. This mechanism allows for the seizure of property connected to criminal activity, including corruption, without the need to bring criminal charges against the owner. Despite ongoing criticism, the U.S. Supreme Court in *Timbs v. Indiana* (2019) upheld the constitutionality of civil forfeiture, provided that it complies with the principle of proportionality⁴.

In Latin American countries such as Colombia, Peru, and Argentina, the non-conviction based forfeiture (NCBF) mechanism has gained wide application, allowing for the confiscation of assets outside the framework of criminal proceedings. For example, in Colombia, Law No. 1708 (2014) permits the seizure of assets that are not commensurate with lawful income⁵. In Peru, the Public Prosecutor's Office is authorized to initiate

¹ Federal Act of Switzerland on the Improvement of the Internal Control System in the Federal Administration (ICS Act), SR 172.010.1. Available at: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2016/322/en> (accessed: 29.05.2025).

² Federal Council of Switzerland. Report on Switzerland's Policy on the Return and Restitution of Illegally Acquired Assets. Bern. 2022.

³ United States. U.S. Code, Title 18, Section 981: Civil Forfeiture. In: Civil Asset Forfeiture Reform Act of 2000 (CAFRA), Public Law 106-185. Washington, D.C., 2000. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/981> (accessed: 30.05.2025).

⁴ U.S. Supreme Court. *Timbs v. Indiana*, 586 U.S. ____ (2019). URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/18pdf/17-1091_5536.pdf (accessed: 30.05.2025).

⁵ República de Colombia. Ley 1708 de 2014: Por medio de la cual se expide el Código de Extinción de Dominio. Diario Oficial No. 49.084, 20.01.2014. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=56676> (accessed: 30.05.2025).

civil forfeiture proceedings against unjustified assets¹. International organizations, including FATF and UNODC, have positively assessed the effectiveness of this model, particularly in contexts with limited institutional capacity and high levels of corruption².

5. International standards and their implementation in national legal systems

The UNCAC, adopted by the UN General Assembly on October 31, 2003, in Article 20, recommends that States consider establishing criminal liability for illicit enrichment – defined as a situation in which the assets of a public official substantially exceed their lawful income, without a satisfactory explanation.

A key feature of Article 20 is its **non-mandatory nature**, which allows for the consideration of legal traditions and principles specific to national legal systems. This recognition of diverse approaches makes Article 20 a flexible instrument within the framework of legal reforms.

It is important to note that the Implementation Review Group (IRG) has repeatedly emphasized that the establishment of liability under Article 20 must not violate the following:

- the presumption of innocence;
- the right to defense;
- the right not to incriminate oneself.

Thus, the implementation of Article 20 is possible either through a criminal law framework or by means of a civil or administrative confiscation model, reflecting the broad interpretation of the very concept of “enrichment”³.

The FATF, in its core recommendations, consistently emphasizes the importance of legal mechanisms aimed at combating illicit enrichment and ensuring the effective recovery of assets. In particular,

¹ Peru. Decreto Legislativo N° 1104 sobre la pérdida de dominio a favor del Estado. Lima, 2012. URL: <https://busquedas.elperuano.pe/normaslegales/decreto-legislativo-que-regula-la-extincion-de-dominio-decreto-legislativo-n-1104-828320-1/> (accessed: 30.05.2025).

² FATF. «Best Practices on Confiscation (Recommendations 4 and 38), 2021; UNODC. «Manual on Non-Conviction Based Asset Forfeiture», 2012.

³ UNODC (2022). Technical Guide to the United Nations Convention against Corruption

Recommendation 4 highlights the need for national jurisdictions to establish tools that enable the confiscation of property, including non-conviction based forfeiture (NCBF) approaches, as well as measures for the temporary freezing of assets subject to potential confiscation.

Recommendations 30 and 31 address institutional aspects, underscoring the necessity of granting competent authorities – including financial intelligence units, investigative bodies, and law enforcement agencies – sufficient powers to identify the origin of assets and to conduct relevant investigations, even in the absence of formal criminal proceedings. This facilitates proactive efforts to trace corrupt assets without waiting for criminal charges to be filed.

Recommendation 38 focuses on international cooperation and mutual legal assistance, including the provision and enforcement of requests for freezing, seizure, and return of illicit assets – an issue of particular relevance in cross-border corruption cases.

Taken together, these provisions form an international standard that supports a comprehensive approach to combating illicit enrichment, including mechanisms beyond traditional criminal prosecution.

FATF reports emphasize the need to ensure:

- a sufficient link to illicit activity;
- procedural fairness;
- cross-border recognition of confiscation orders¹.

Challenges in the implementation of standards

The main challenges in implementing international standards into national law include:

- lack of institutional independence of the judiciary and anti-corruption bodies;
- limited access to financial information and weak oversight systems;
- low level of legal awareness among the general public and public officials;

¹ FATF (2022). Best Practices on Confiscation and Asset Recovery.

- shortage of qualified personnel for investigating financial crimes.

In addition, the absence of clear procedural regulation – such as provisions governing the process for recognizing income as unjustified or the admissibility of certain types of evidence – creates a risk of arbitrary application of legal norms.

6. Arguments for the introduction of a civil law approach in Uzbekistan and mechanisms for its adaptation

Uzbekistan has proposed the introduction of a new article in the Criminal Code establishing liability for illicit enrichment by public officials. Specifically, the draft provision stipulates that a citizen who possesses assets significantly exceeding the lawful income of themselves and their family members, and is unable to provide evidence of the lawful origin of such assets, may be held criminally liable. This provision, in effect, establishes the offense of “unexplained asset accumulation” and requires careful analysis with respect to its compliance with the Constitution and the criminal procedure legislation of Uzbekistan.

First, it should be emphasized that the presumption of innocence is enshrined in the Constitution of Uzbekistan (Article 28) as a fundamental principle: “Every person accused of committing a crime shall be presumed innocent until proven guilty in accordance with the law...¹” The Criminal Procedure Code also explicitly affirms that the suspect, accused, or defendant is not required to prove their innocence, and that any doubts must be interpreted in their favor (Articles 23 and 86 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan).

The practice of the United Nations human rights bodies clarifies that the presumption of innocence “places the burden of proof on the prosecution” and guarantees that “no guilt may be presumed until the charge has been proved beyond reasonable doubt”. Accordingly, any criminal law provision must be constructed in such a way that the burden of proof remains with the state.

¹ National Legal Database, 01.05.2023, № 03/23/837/0241)

The proposed formulation of the offense (“assets that cannot be justified by evidence of their origin”) shifts the legal emphasis.

If the law explicitly states that a defendant’s inability to provide evidence of the lawful origin of property constitutes a criminal offense in itself, this effectively forces the defendant to prove their innocence. Such an approach is incompatible with the Constitution of the Republic of Uzbekistan and the principles of the Criminal Procedure Code: it requires the citizen to actively “justify” ownership of property rather than placing the burden on the prosecution to prove the unlawful origin. Moreover, the phrase “cannot provide evidence” raises concerns regarding the defendant’s right to remain silent and the inviolability of testimonial privilege – as guaranteed by Article 28 of the Constitution (the right not to testify against oneself or close relatives) and Article 46 of the Criminal Procedure Code of Uzbekistan.

From the perspective of international standards, the presumption of innocence is considered a fundamental component of a fair trial. For example, the UN Human Rights Committee has emphasized that even special provisions aimed at combating enrichment cannot override this presumption. Likewise, Article 20 of the UNCAC explicitly states that illicit enrichment provisions are to be adopted “subject to the constitution and the fundamental principles of the legal system” of the State Party. In other words, any such legislation must respect the presumption of innocence.

Comparative legal practice shows a cautious approach to the use of reverse presumptions. In many cases, only rebuttable presumptions are established, allowing the defendant to contest the court’s inference, or civil confiscation mechanisms are employed (e.g., in Georgia, Switzerland, and the United Kingdom).

The direct criminalization of “unexplained/illicit enrichment” without adherence to proper evidentiary procedures would result in a situation where the accused is compelled to provide evidence of their own innocence. This would violate the principle of *nulla poena sine lege* and undermine the presumption of innocence.

Thus, despite significant efforts put by Uzbekistan in combating corruption, the criminal law response to unjustified enrichment remains underdeveloped.

In this regard, the introduction of a civil law mechanism for the confiscation of unexplained (illicit) wealth represents a lawful and promising direction. This approach enables the state to achieve the objective of recovering assets of corrupt origin while upholding fundamental principles of the rule of law – most notably, the presumption of innocence and the right to a fair trial. By utilizing flexible civil law instruments, the state can respond effectively to cases of illicit enrichment without resorting to excessive expansion of criminal liability and without compromising the balance between the effectiveness of anti-corruption measures and the protection of individual rights.

Key advantages for Uzbekistan

The introduction of a civil law mechanism for asset confiscation into Uzbekistan's legal system offers a number of key advantages, stemming both from the country's international legal obligations and its domestic need to enhance the effectiveness of anti-corruption policy. First and foremost, the civil law mechanism complies with the UNCAC's international norms, the FATF's guidelines, and the OECD's recommendations – all of which Uzbekistan has continuously adhered to. In the areas of preventing financial crime and illicit enrichment, this guarantees that national laws are in line with international legal frameworks.

What is more, this mechanism significantly enhances the efficiency of asset recovery: confiscation can be carried out even in the absence of a criminal conviction, thereby expanding the state's ability to recover assets obtained through unlawful means. A key benefit of the civil procedure is the reduction of the burden on investigative authorities, since such cases are adjudicated in civil proceedings with the involvement of specialized prosecutors or representatives of authorized anti-corruption bodies, such as the Anti-Corruption Agency.

The civil law mechanism for the recovery of unexplained income may be applied in parallel with criminal investigations and considered independently by the court, as it is based on distinct legal grounds and is aimed at transferring to the state assets whose lawful origin cannot be confirmed.

At the same time, fundamental legal guarantees for property owners are preserved. The confiscation process includes the opportunity to appeal and seek compensation in the event of an unlawful seizure, and the absence of criminal charges means that the person is not held criminally accountable. Furthermore, incidents of unjustified enrichment can be promptly addressed because to the preventive effect of the civil procedure. Thus, the implementation of this approach is consistent with both Uzbekistan's international commitments and the practical objectives of strengthening the rule of law and promoting financial transparency.

MIRZAEV FAYZULLA

Associate Professor of the Department of
Combating Economic Crimes and
Legalization of Criminal Proceeds of the Law
Enforcement Academy of the Republic of
Uzbekistan

LEGAL REGULATION OF THE SYSTEM FOR COUNTERING THE LEGALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN: AN ORGANIZATIONAL-LEGAL PUBLIC GOVERNANCE MODEL

***Abstract:** This article examines the legal regulation of the anti-money laundering and counter-terrorist financing (AML/CFT) system in the Republic of Uzbekistan. The study argues that AML regulation should be doctrinally classified as an autonomous organizational-legal system of public governance rather than as a derivative extension of criminal law enforcement. Through doctrinal analysis, comparative institutional assessment, and structural-functional evaluation, the article demonstrates that the Uzbek AML/CFT framework integrates normative*

hierarchy, centralized institutional design, analytical infrastructure, risk-based supervision, and procedural enforcement into a unified governance mechanism. The research contributes to contemporary AML scholarship by reconceptualizing AML legal support as a multidimensional administrative-public model grounded in financial security doctrine.

Keywords: *money laundering, financial intelligence, public governance, administrative law, risk-based regulation.*

Аннотация: *Ушбу мақолада Ўзбекистон Республикасида жиноий даромадларни легаллаштиришга (ЖДЛ) қарши курашиш тизимининг ҳуқуқий тартибга солиниши илмий жиҳатдан таҳлил қилинади. Тадқиқотда ЖДЛни тартибга солишни жиноят-ҳуқуқий таъсир чораларининг ҳосилавий давоми сифатида эмас, балки оммавий бошқарув соҳасида шаклланган мустақил ташкилий-ҳуқуқий тизим сифатида илмий жиҳатдан асослаш мақсад қилинади. Илмий таҳлил, қиёсий институционал баҳолаш ва функционал ёндашув асосида Ўзбекистоннинг ЖДЛ тизими марказлаштирилган институционал инфратузилма, таваккалчиликка асосланган назорат механизмлари ҳамда процессуал ижрони уйғунлаштирган ягона бошқарув модели сифатида намоён бўлиши кўрсатилади. Тадқиқот ЖДЛ ҳуқуқий таъминланишини молиявий хавфсизлик доирасида кўп ўлчамли маъмурий-ҳуқуқий модель сифатида қайта концептуаллаштириш орқали замонавий илмий адабиётни назарий жиҳатдан бойитади..*

Калим сўзлар: *жиноий даромадларни легаллаштириш, молиявий разведка, оммавий бошқарув, маъмурий ҳуқуқ, таваккалчиликка асосланган тартибга солиш.*

Introduction

The modernization of public administration in the Republic of Uzbekistan has entailed a structural transformation of financial security governance. Economic liberalization, intensified cross-border financial activity, and digitalization of financial transactions have significantly increased exposure to risks associated with the legalization of criminal proceeds. In response, Uzbekistan has developed a comprehensive system for countering money laundering and terrorist financing (AML/CFT), integrating criminal liability, preventive supervision, centralized financial intelligence, and inter-agency coordination.

Although criminalization of money laundering constitutes a foundational element of this framework,¹ contemporary AML regimes extend far beyond penal enforcement. They operate through mandatory reporting obligations, customer due diligence mechanisms, risk-based supervisory models, typological research, and algorithmic risk assessment systems.² These instruments are predominantly administrative in nature and function as preventive governance technologies rather than as traditional components of criminal adjudication.

Despite substantial legislative reforms in Uzbekistan—including the adoption of the specialized AML/CFT law, presidential strategic acts, and the consolidation of financial intelligence functions—the legal nature of AML regulation remains insufficiently theorized. Existing discourse frequently frames AML either as a branch of criminal law or as a technical compliance regime within financial regulation.³ Such approaches, while analytically valuable, do not fully explain the structural configuration and functional dynamics of contemporary AML governance.

This article addresses the following research question: should the AML legal framework of the Republic of Uzbekistan be doctrinally classified as an autonomous organizational-legal system of public governance rather than as a derivative extension of criminal law enforcement?

The article advances the thesis that the Uzbek AML/CFT system constitutes a structurally integrated organizational-legal model of financial security governance. This model transcends the classical criminal-law paradigm by embedding preventive supervision, risk-based regulation, analytical management, and delegated compliance within a coordinated institutional architecture.

Research Methodology

¹ Alldridge, Peter. *Money Laundering Law*. Oxford: Hart Publishing, 2003.

² Cassese, Sabino. *The Global Polity: Global Dimensions of Democracy and the Rule of Law*. Sevilla: Global Law Press, 2006.

³ Egmont Group of Financial Intelligence Units. *FIU Information Paper*. 2013.

This study employs a combination of doctrinal legal analysis, comparative institutional assessment, and structural-functional evaluation.

Doctrinal analysis is applied to the Constitution of the Republic of Uzbekistan,¹ the Criminal Code,² the Law “On Counteracting the Legalization of Proceeds of Crime, Financing of Terrorism and Financing of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction,”³ presidential strategic acts, and subordinate regulatory instruments.

Comparative analysis draws upon international AML standards—particularly the FATF Recommendations—and established typologies of financial intelligence units (FIUs). Structural-functional methodology is used to assess the interaction between normative hierarchy, institutional configuration, analytical infrastructure, and procedural enforcement.

The research integrates insights from global administrative law theory, preventive justice doctrine, and regulatory governance scholarship in order to construct a coherent conceptual framework for understanding the administrative-legal character of AML regulation.

Theoretical Foundations of AML Legal Regulation

Money Laundering Beyond the Criminal Law Paradigm

Money laundering was initially conceptualized within the framework of criminal law following the 1988 Vienna Convention and later the 2000 Palermo Convention. These instruments established the obligation of states to criminalize the concealment and transformation of illicit proceeds.

However, the evolution of AML standards—particularly through the Financial Action Task Force (FATF)—shifted the regulatory focus toward preventive supervision and systemic risk management.⁴ Modern AML systems rely heavily on customer due diligence, suspicious

¹ Constitution of the Republic of Uzbekistan

² Criminal Code of the Republic of Uzbekistan (Art. 243).

³ Law of the Republic of Uzbekistan “On Counteracting the Legalization of Proceeds of Crime, Financing of Terrorism and Financing of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction.”

⁴ Financial Action Task Force (FATF). International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation. Paris: FATF, 2012

transaction reporting, national risk assessments, and supervisory coordination.

As Mitsilegas observes, AML regulation reflects a broader transformation from reactive criminal justice responses toward proactive regulatory governance.¹ Similarly, Levi notes that AML regimes increasingly function as compliance-based control systems reshaping the relationship between state authorities and private financial actors.²

Thus, money-laundering regulation can no longer be understood solely as a criminal offense. It operates as a hybrid regulatory field integrating criminal, administrative, and financial governance elements.

The Concept of Legal Support in Public Governance

The category of “legal support” extends beyond mere normative regulation. In administrative theory, effective governance depends not only on legal prescriptions but also on institutional design, competence allocation, coordination mechanisms, and oversight structures.³

Cassese emphasizes that modern public administration must be analyzed as an interacting system of institutions rather than as a collection of isolated norms. Similarly, Harlow and Rawlings describe contemporary regulatory regimes as networked governance systems combining hierarchy with coordination.

Applying these insights to AML regulation leads to a crucial conclusion: effectiveness derives not solely from criminalization or statutory clarity, but from the structured interaction of normative hierarchy, institutional architecture, analytical infrastructure, and compliance mechanisms.

Accordingly, AML legal support should be defined as a structurally integrated organizational-legal system of public governance in which normative prescriptions, institutional competences, analytical

¹ Financial Action Task Force (FATF). *Methodology for Assessing Technical Compliance with the FATF Recommendations and the Effectiveness of AML/CFT Systems*. Paris: FATF, 2013.

² Harlow, Carol, and Richard Rawlings. *Law and Administration*. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

³ Kingsbury, Benedict, Nico Krisch, and Richard B. Stewart. “The Emergence of Global Administrative Law.” *Law and Contemporary Problems* 68 (2005): 15–61.

infrastructures, procedural instruments, and delegated compliance obligations operate in coordinated interaction to prevent, detect, and suppress the legalization of criminal proceeds.

Comparative Models of Financial Intelligence and Institutional Design

Typology of Financial Intelligence Units

The institutional configuration of financial intelligence constitutes a structural determinant of AML effectiveness. While international standards establish substantive obligations, they do not prescribe a single institutional model. As a result, various configurations of Financial Intelligence Units (FIUs) have emerged.

The Egmont Group distinguishes four principal FIU types: administrative, law-enforcement, judicial (prosecutorial), and hybrid models.¹ This typology reflects differences in competence allocation, analytical autonomy, and procedural integration.

The **administrative model**, characteristic of several European jurisdictions (e.g., France's TRACFIN), situates the FIU within a ministry of finance or regulatory authority. Analytical processing is institutionally separated from criminal investigation.

The **law-enforcement model**, adopted in jurisdictions such as the United States (in its historical configuration), Russia, and several post-Soviet states, integrates financial intelligence within prosecutorial or investigative structures.

The **judicial model** places intelligence functions directly under prosecutorial or judicial oversight.

Finally, **hybrid configurations** combine elements of administrative and law-enforcement models in order to balance autonomy and operational efficiency.

Comparative scholarship indicates that institutional effectiveness depends less on formal typology and more on coherence of competence distribution and clarity of coordination mechanisms.

¹ Levi, Michael, and Peter Reuter. "Money Laundering." *Crime and Justice* 34 (2006): 289–375.

Administrative FIU Model: Analytical Independence

The administrative model emphasizes analytical neutrality and functional separation from investigative authorities. This configuration reduces the risk that intelligence processing becomes prematurely aligned with prosecutorial objectives.

Alldrige argues that institutional separation strengthens proportionality and protects against over-criminalization of economic behavior. Similarly, Levi and Reuter note that analytical independence may enhance strategic risk assessment by allowing broader systemic evaluation beyond evidentiary thresholds.¹

However, administrative separation may generate coordination challenges. Without robust information-sharing mechanisms, intelligence dissemination to law enforcement may be delayed.

Thus, while the administrative model prioritizes analytical autonomy, it requires structured inter-agency coordination to preserve enforcement effectiveness.

Law-Enforcement FIU Model: Functional Integration

The law-enforcement model integrates analytical and procedural competences within a single institutional structure. Its principal advantage lies in operational efficiency: intelligence and prosecution operate within a unified hierarchy.

Mitsilegas observes that such integration can strengthen prosecutorial capacity by aligning financial analysis with evidentiary requirements.² Fragmentation is minimized, and the intelligence-to-investigation transition is accelerated.

Yet integration also presents structural risks. If prosecutorial priorities dominate institutional culture, preventive intelligence may be subordinated to case-driven enforcement. Preventive justice theory warns that anticipatory governance requires proportionality and strategic autonomy.

¹ Levi, Michael, and Peter Reuter. "Money Laundering." *Crime and Justice* 34 (2006): 289–375.

² Mitsilegas, Valsamis. *EU Criminal Law and Policy*. Oxford: Hart Publishing, 2009.

Consequently, law-enforcement-type systems must maintain safeguards ensuring analytical independence within integrated structures.

Hybridization and Global Convergence

In practice, many jurisdictions adopt hybrid arrangements. For example, FinCEN operates within the U.S. Treasury but maintains close operational ties with law enforcement. The United Kingdom similarly combines administrative and investigative elements.

Global AML governance—particularly through FATF mutual evaluations—prioritizes effectiveness over institutional uniformity.¹ As long as a system ensures timely analysis, adequate dissemination, and measurable outcomes, structural flexibility is permitted.

This comparative context is essential for evaluating the Uzbek model. Institutional centralization should be assessed not in isolation but within the broader landscape of FIU typologies and global administrative expectations.

Evolution of the AML/CFT System in the Republic of Uzbekistan

Criminalization and Early Preventive Framework

The initial stage of AML development in Uzbekistan centered on criminalization of money laundering and terrorist financing under the Criminal Code. This established a foundational normative recognition of illicit capital legalization as a threat to economic security.

The subsequent adoption of the specialized AML/CFT Law introduced mandatory reporting obligations, customer identification requirements, and supervisory powers. This phase may be characterized as a rigid preventive model emphasizing formal transaction control.

While strengthening oversight, this model imposed significant compliance burdens and relied heavily on formal reporting thresholds.

Transition to Risk-Based Regulation

¹ Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). Risk Management and Corporate Governance. Paris: OECD Publishing, 2014.

The revision of FATF standards in 2012 accelerated the global transition toward risk-based governance. Uzbekistan gradually incorporated this paradigm into its national framework.

Risk-based regulation requires differentiated supervision based on national and sectoral risk assessments. It shifts regulatory emphasis from uniform transaction monitoring to strategic vulnerability analysis.

This transition marked a qualitative transformation of the Uzbek AML/CFT regime, aligning it with contemporary international standards and introducing analytical flexibility.

Institutional Consolidation and Centralization

A decisive structural reform was the consolidation of financial intelligence functions within the Department for Combating Economic Crimes under the General Prosecutor's Office.

This institutional integration placed Uzbekistan within the law-enforcement-type FIU model. Analytical and procedural competences were unified, reducing inter-agency fragmentation and enhancing operational coherence.

Centralization strengthened hierarchical coordination but also intensified the need to preserve analytical autonomy within integrated structures.

5.4 Normative Stratification and Regulatory Coherence

The Uzbek AML/CFT framework exhibits clear normative hierarchy:

1. Constitutional principles;
2. Sector-specific AML legislation;
3. Presidential strategic acts;¹
4. Cabinet resolutions (including Resolution No. 402);²
5. Subordinate regulatory instruments and internal control rules.

Internal control rules adopted for fourteen categories of obligated entities operationalize customer due diligence, suspicious transaction reporting, risk management procedures, and compliance standards.

¹ Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-6252 of 28 June 2021.

² Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No. 402.

This normative stratification demonstrates systemic maturity. However, effectiveness ultimately depends on the interaction between normative hierarchy and institutional configuration.

Institutional Balance and Functional Equilibrium in the Uzbek AML/CFT System

Centralization as an Instrument of Governance Coherence

The consolidation of financial intelligence functions within the Department for Combating Economic Crimes under the General Prosecutor's Office represents a defining structural feature of the Uzbek AML/CFT model. This configuration situates Uzbekistan within the law-enforcement-type FIU typology while preserving elements of preventive supervision through subordinate regulatory mechanisms.

Institutional centralization may be justified on several grounds: reduction of fragmentation, acceleration of intelligence-to-prosecution transition, and consolidation of hierarchical accountability. Comparative research demonstrates that dispersed competence allocation frequently impairs AML effectiveness due to delays in information exchange and overlapping supervisory mandates.

At the same time, centralization alters the internal logic of governance. When analytical and procedural functions are integrated within a prosecutorial structure, the boundaries between preventive intelligence and criminal investigation become institutionally compressed.

This raises a doctrinal question of structural classification: does AML governance operate primarily as an investigative subsystem, or does it constitute a broader administrative mechanism supplemented by criminal enforcement?

The analysis advanced in this article supports the latter interpretation.

Analytical Autonomy within an Integrated Structure

In administrative FIU models, analytical autonomy is institutionally secured through separation from investigative authorities. In law-

enforcement-type configurations, autonomy must be functionally preserved within integrated structures.

Analytical autonomy refers to the capacity of intelligence bodies to conduct systemic risk assessment independent of immediate prosecutorial imperatives. Such autonomy is necessary for:

- long-term strategic evaluation of vulnerabilities;
- typological research beyond individual case thresholds;
- development of sectoral risk differentiation;
- formulation of supervisory guidance.

Global administrative law scholarship emphasizes that regulatory bodies must retain operational independence to ensure proportionality and legitimacy.¹ Excessive prosecutorial dominance may shift the focus from systemic prevention to case-driven enforcement.

In the Uzbek system, institutional integration is accompanied by analytical specialization through structured risk assessment mechanisms. The existence of dedicated analytical units mitigates the risk of purely reactive enforcement logic.

Functional Equilibrium as a Structural Principle

The sustainability of the Uzbek AML/CFT system depends on maintaining functional equilibrium. Functional equilibrium denotes a structurally maintained and continuously adjusted balance between:

- analytical autonomy and prosecutorial integration;
- preventive supervisory discretion and procedural enforcement authority;
- centralized coordination and inter-agency networked governance;
- regulatory flexibility and constitutional safeguards.

This equilibrium is not static. It must adapt to evolving financial technologies, emerging typologies of illicit capital movement, and international compliance standards.

Where equilibrium is disrupted, structural distortions may occur. Over-centralization may constrain supervisory pluralism. Excessive

¹ Sharman, Jason. *The Money Laundry: Regulating Criminal Finance in the Global Economy*. Ithaca: Cornell University Press, 2011.

criminalization may weaken preventive capacity. Conversely, insufficient procedural linkage may render intelligence ineffective.

Thus, functional equilibrium operates as a systemic condition for sustainable AML governance.

The Risk Assessment Center and the Analytical Core of AML Governance

Institutionalization of Risk-Based Governance

The Risk Assessment Center constitutes the analytical core of the Uzbek AML/CFT framework. It institutionalizes the transition from static compliance oversight toward dynamic, data-driven risk management.

The Center performs automated collection, aggregation, and prioritization of suspicious transaction reports and other financial data. Its outputs inform supervisory intensity, legislative refinement, and strategic planning.

This institutionalization of risk-based governance reflects the paradigm established by the FATF Recommendations, which require states to identify, assess, and mitigate risks proportionately.

Risk-based governance transforms AML regulation from rule-based formalism into probabilistic evaluation grounded in analytical methodologies.

National and Sectoral Risk Assessments

National Risk Assessments (NRAs) serve as strategic instruments linking intelligence analysis with policy formulation. They evaluate threats, vulnerabilities, and institutional capacities across economic sectors.

Sectoral risk assessments further differentiate supervisory intensity among banking institutions, non-bank financial organizations, real estate markets, and designated non-financial businesses.

Such differentiation operationalizes proportionality and allocative efficiency in regulatory governance. It also enhances coherence between analytical findings and supervisory practice.

In Uzbekistan, NRAs have become embedded within strategic policy planning, reinforcing the administrative character of AML governance.

Typological Research and Preventive Intelligence

Beyond risk assessments, the analytical infrastructure conducts typological research identifying emerging laundering schemes and structural vulnerabilities.

Typologies serve preventive functions:

- dissemination of red-flag indicators;
- enhancement of compliance awareness;
- refinement of internal control standards;
- adaptation of supervisory priorities.

As Levi observes, knowledge-based enforcement strengthens systemic resilience by addressing patterns rather than isolated incidents.¹⁴

The analytical core therefore functions not merely as evidentiary support for prosecution but as a strategic governance instrument shaping regulatory evolution.

Digitalization and Algorithmic Risk Management

Digital transformation has significantly expanded analytical capacity. Automated suspicious transaction reporting systems generate large datasets requiring algorithmic processing.

Algorithmic risk scoring enhances prioritization but introduces challenges concerning transparency, methodological rigor, and procedural fairness.¹ Regulatory theory emphasizes that algorithmic governance must be accompanied by accountability safeguards to preserve legitimacy.

In Uzbekistan, digitalization strengthens centralized analytical coordination while requiring continued development of oversight mechanisms and data protection safeguards.

Analytical Infrastructure as the Functional Core

¹ Yeung, Karen. "Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation." *Regulation & Governance* 12, no. 4 (2018): 505–523.

The existence of a structured analytical center confirms that AML governance in Uzbekistan operates primarily through preventive, managerial, and risk-calibrated mechanisms.

Normative hierarchy defines powers. Institutional integration organizes competences. Yet analytical infrastructure determines strategic direction and operational prioritization.

Accordingly, the AML/CFT system should be doctrinally classified as an organizational-legal governance model whose functional core lies in analytical risk management rather than exclusively in criminal adjudication.

Conclusion

The analysis demonstrates that the AML/CFT system of the Republic of Uzbekistan cannot be adequately characterized solely as a mechanism of criminal law enforcement. Although criminalization of money laundering remains a structural foundation, the operational core of the regime lies within a broader administrative governance architecture grounded in risk-based supervision, centralized financial intelligence, digital analytical capacity, and strategic coordination. The evolution of the Uzbek framework reflects a transition from rigid transaction-based control toward a mature and integrated governance model aligned with international standards while preserving institutional coherence within the domestic legal order.

Comparative assessment confirms that Uzbekistan has adopted a law-enforcement-type financial intelligence configuration marked by functional integration of analytical and procedural competences. While this model enhances efficiency and reduces institutional fragmentation, its long-term sustainability depends on maintaining functional equilibrium between preventive supervision and prosecutorial enforcement, as well as between analytical autonomy and centralized coordination. Structural balance thus emerges as a systemic condition for effective AML governance.

This study advances three principal contributions to AML legal scholarship: it reconceptualizes AML regulation as an organizational-

legal public governance model; it reinterprets the law-enforcement-type FIU through the lens of administrative governance theory; and it formulates functional equilibrium as a doctrinal criterion for assessing institutional sustainability and reform. Understanding AML legal support in these terms provides a theoretically grounded framework for further development of financial security governance in the Republic of Uzbekistan.

ХОМИДОВ ШУХРАТ ГАФУРЖОНОВИЧ

преподаватель кафедры по борьбе с
экономическими преступлениями
и легализации преступных доходов

Правоохранительной академии Республики
Узбекистан учетная степень и звания не имеется

**АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОМПЛАЕНС В ГОССЕКТОРЕ:
ПЕРЕХОД ОТ ФОРМАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ К РИСК-
ОРИЕНТИРОВАННОМУ ПОДХОДУ В
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)**

***Аннотация:** В данной статье исследуется процесс институциональной и правовой трансформации антикоррупционной политики в Республике Узбекистан, характеризующийся переходом от традиционных методов административного принуждения к внедрению систем внутреннего антикоррупционного комплаенса и риск-ориентированного подхода.*

Автор анализирует эволюцию национального законодательства, начиная с принятия базового Закона в сфере противодействия коррупции и заканчивая масштабными реформами 2021–2025 годов. Особое внимание уделяется механизмам реализации Указов и Постановлений Президента в данной сфере, а также практическому применению Методики выявления и оценки коррупционных рисков. В работе подробно рассматривается интеграция международного стандарта ISO 37001 в деятельность органов государственного и хозяйственного управления, на основе анализа статистических данных за 2024 год и результатов национального рейтинга

эффективности антикоррупционной деятельности выявляются системные барьеры, препятствующие эффективному внедрению комплаенс-процедур.

Исследование обосновывает необходимость отхода от формального «бумажного» комплаенса в пользу создания реальной «вакцины добропорядочности», подкрепленной цифровыми инструментами контроля и прозрачностью государственных закупок.

Ключевые слова: антикоррупционный комплаенс, коррупционные риски, риск-ориентированный подход, международные стандарты ISO 37001, государственное управление, превенция коррупции, добропорядочность, цифровизация, государственные закупки.

Abstract: This article explores the process of institutional and legal transformation of anti-corruption policy in the Republic of Uzbekistan, characterized by a shift from traditional methods of administrative coercion to the implementation of internal anti-corruption compliance systems and a risk-based approach.

The author analyzes the evolution of national legislation, from the adoption of the basic Law on Combating Corruption to the large-scale reforms of 2021–2025. Special attention is paid to the mechanisms for implementing Presidential Decree and Resolution on this sphere, as well as the practical application of the Methodology for Identifying and Assessing Corruption Risks. The paper considers in detail the integration of the international standard ISO 37001 into the activities of state and economic management bodies. Based on the analysis of statistical data for 2024 and the results of the national rating of anti-corruption effectiveness, systemic barriers preventing the effective implementation of compliance procedures are identified.

The study substantiates the need to move away from formal "paper" compliance in favor of creating a real "vaccine of integrity," supported by digital control tools and transparency in public procurement.

Keywords: Anti-corruption compliance, corruption risks, risk-based approach, ISO 37001 international standards, public administration, corruption prevention, integrity, digitalization, public procurement.

Введение

Современная доктрина государственного управления рассматривает коррупцию не просто как совокупность правонарушений, а как системный сбой в институциональной среде, подрывающий верховенство закона и устойчивое развитие

государства¹. В условиях глобальной экономической нестабильности и цифровой трансформации традиционные репрессивные меры демонстрируют ограниченную эффективность. На первый план выходит антикоррупционный комплаенс – система превентивных мер, направленных на выявление, оценку и минимизацию коррупционных рисков внутри организации до момента их материализации.

Переход к риск-ориентированному подходу означает качественное изменение философии государственного контроля. Если формальный контроль ориентирован на проверку соблюдения всех регламентов без исключения, что часто приводит к бюрократизации, то риск-ориентированная модель концентрирует ресурсы на наиболее уязвимых «точках соприкосновения» должностного лица и частного интереса². Эта парадигма базируется на понимании того, что коррупция — это результат рационального выбора индивида в условиях, когда выгода от нарушения превышает риск наказания и моральные издержки. Следовательно, задача комплаенса – изменить эту формулу через усиление механизмов прозрачности, автоматизацию процессов и формирование культуры «нулевой терпимости».

В международной практике риск-ориентированный подход закреплен в руководящих принципах ОЭСР и Конвенции ООН против коррупции (UNCAC). Основная идея заключается в том, что организации должны внедрять «разумные и пропорциональные» меры контроля, соответствующие масштабу их деятельности и уровню присущих им рисков³. Для Республики Узбекистан, находящейся в процессе активной либерализации экономики, внедрение таких механизмов стало экзистенциальной

¹ An Anti-Corruption Ethics and Compliance Programme for Business: A Practical Guide, электронный ресурс, <https://businessintegrity.unodc.org>

² Corruption Risk Assessment in Public Institutions in South East Europe, электронный ресурс <http://rai-see.org>

³ Methods of Preventing Corruption: A Review and Analysis of Select Approaches - Public Safety Canada, электронный ресурс, <https://www.publicsafety.gc.ca>

необходимостью для привлечения иностранных инвестиций и повышения доверия граждан к институтам власти¹.

Эволюция антикоррупционной политики Республики Узбекистан: от институционального становления к цифровой трансформации

Путь Узбекистана к современному комплаенсу можно разделить на несколько ключевых этапов, каждый из которых отражает глубину понимания проблемы руководством страны. До 2016 года антикоррупционные меры носили преимущественно декларативный характер, а система государственного управления оставалась закрытой, что способствовало развитию теневой экономики [5].

Таблица 1. Этапы развития антикоррупционной системы в Узбекистане

Период	Ключевые события и акты	Основной вектор
2017– 2019	Закон «О противодействии коррупции» (№ ЗРУ-419), Указ № УП-5177 о либерализации валюты.	Создание базовой правовой основы, либерализация экономики.
2020– 2021	Создание Агентства по противодействию коррупции (Указ № УП-6013), Постановление № ПП-5177.	Институционализация превенции, запуск систем внутреннего комплаенса во всех ведомствах.
2022– 2023	Методика № 3383, Постановление № ПП-240, запуск платформы «Е-Anticorruption».	Переход к риск-ориентированной модели, цифровизация контроля рисков.

¹ Муродулло Ахмаджонов, Mechanisms for Identifying and Assessing Corruption Risks in Public Administration, International Journal of Law and Policy № 3(2), С. 1-21, <https://www.researchgate.net>

2024– 2025	Рейтингование эффективности, реформа комплаенс-служб, передача функций Антикоррупционное агентство в ряде министерств.	Оценка эффективности («работа над ошибками»), персонализация ответственности.

Закон «О противодействии коррупции» заложил фундамент, определив основные принципы борьбы с коррупцией: законность, приоритет прав человека, открытость, системность и неотвратимость ответственности¹. Однако подлинный прорыв произошел с созданием Агентства по противодействию коррупции (Антикоррупционное агентство). В отличие от правоохранительных органов, Антикоррупционное агентство ориентировано на аналитическую и координационную работу. Оно наделено полномочиями по мониторингу госзакупок, анализу конфликтов интересов и проведению антикоррупционной экспертизы нормативных актов².

Важнейшим инструментом стала «вакцина добропорядочности», введенная Постановлением Президента Республики Узбекистан № ПП-5177 от 07.07.2021 года. Данная концепция предполагает, что государственные служащие должны проходить регулярное обучение не просто буквальному тексту законов, а этическим нормам и способам разрешения конфликтов интересов. Это попытка воздействия на социокультурный код чиновничества, который в прошлом допускал фаворитизм и nepотизм как норму поведения.

¹ Corruption and anti-corruption efforts in Uzbekistan - U4 Helpdesk Answer, <https://knowledgehub.transparency.org>

² Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции», ЗРУ-419 от 03.01.2017, электронный ресурс, Законодательная база Республики Узбекистан, <https://lex.uz/docs/3088013>

Анализ механизмов риск-ориентированного подхода в государственных органах

Сущность перехода к риск-ориентированному подходу в Узбекистане детально раскрывается в Методике выявления и оценки коррупционных рисков, утвержденной приказом директора Антиторрупционного агентства¹. Данный документ устанавливает единые правила игры для всех субъектов госсектора, включая организации с долей государства более 50%.

Процесс управления рисками согласно Методике представляет собой циклический процесс, состоящий из нескольких критических фаз:

1. Идентификация коррупциогенных зон

На этом этапе каждый государственный орган обязан провести «картирование» своих функций. Выделяются процессы, где существует прямой контакт с физическими или юридическими лицами, распределяются финансовые средства или выдаются разрешительные документы. Особое внимание уделяется дискреционным полномочиям – ситуациям, когда должностное лицо может принимать решение по своему усмотрению без жестких критериев. К типичным рискам в госсекторе относятся взяточничество, злоупотребление властью, нецелевое использование ресурсов и конфликт интересов.

2. Оценка уровней риска

Оценка проводится путем сопоставления вероятности возникновения риска и тяжести его последствий. Методика предполагает использование балльной системы, на основе которой риски ранжируются по уровням:

Низкий: требует мониторинга в рамках текущей деятельности.

¹ Постановление Агентства по противодействию коррупции Республики Узбекистан Министерства юстиции Республики Узбекистан «Об утверждении Методики выявления и оценки коррупционных рисков в деятельности органов государственной власти и управления, в том числе их территориальных подразделений учреждений, организаций с долей государства более 50 процентов», зарегистрировано 31.08.2022 г., рег. номер 3383, <https://www.lex.uz/uz/docs/6180595>

Средний: требует внедрения дополнительных процедур контроля.

Высокий: требует немедленного вмешательства, пересмотра регламента функции или ее автоматизации.

3. Формирование реестра и плана минимизации

Итогом оценки становится «Реестр коррупционных рисков» и план мероприятий по их устранению. Например, если выявлен высокий риск при выдаче лицензий, мерой минимизации может стать перевод услуги в электронный формат через портал www.my.gov.uz, что исключает личный контакт должностного лица с заявителем.

Важным дополнением к методологии является Постановление Президента Республики Узбекистан от 11.05.2022 г. № ПП-240, которое расширило участие общественности в процессе оценки. Теперь результаты выявления рисков должны публиковаться, а гражданское общество имеет право давать свои заключения по эффективности предлагаемых мер¹. Это создает внешнее давление на ведомства, заставляя их не просто «рисовать» отчеты, а реально работать над уязвимостями.

Интеграция международного стандарта ISO 37001 в национальную практику²

Республика Узбекистан стала одной из первых стран в регионе, начавших массовое внедрение стандарта ISO 37001 «Системы менеджмента борьбы со взяточничеством» в государственном секторе. Это гибкий управленческий инструмент, который помогает организациям выявлять и предотвращать взяточничество со стороны своего персонала или деловых партнеров.

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию механизмов устранения коррупционных рисков в области государственного управления и расширению участия общественности в данной сфере», от 11.05.2022 г. № ПП-240, <https://lex.uz/docs/6000287>

² Сертификация ISO 37001, Система менеджмента противодействия коррупции, <https://iso-cert.uz/iso-37001>

Принципиальное отличие ISO 37001 от национальных административных регламентов заключается в требовании создания целостной системы менеджмента (ABMS). Основные элементы стандарта, внедряемые в Узбекистане, включают:

Приверженность руководства (Tone at the Top): Руководитель ведомства лично отвечает за эффективность антикоррупционной политики. Если в ведомстве выявлен факт коррупции, это автоматически означает сбой в системе менеджмента.

Проверка контрагентов (Due Diligence): Организация обязана проверять своих партнеров и поставщиков на предмет вовлеченности в коррупционные схемы. В контексте госзакупок Узбекистана это реализуется через включение антикоррупционных оговорок в договоры.

Антикоррупционная служба (Compliance Function): Стандарт требует наличия независимого подразделения или лица, обладающего правом прямого доступа к высшему руководству и органам надзора.

Преимущества сертификации по ISO 37001 для государственных структур Узбекистана очевидны: это снижение юридических рисков, улучшение репутации на международной арене и повышение прозрачности финансовых потоков.

Например, АО «Навоийский горно-металлургический комбинат» (НГМК), лидер национального рейтинга, активно использует принципы ISO для обеспечения прозрачности в своих цепочках поставок, что подтверждается его результатом в 96 баллов в 2024 году¹.

Однако внедрение стандарта сталкивается с рядом вызовов. Одной из основных проблем является формализм — получение

¹ Результаты исполнения поручений, обозначенных Президентом на расширенном заседании Национального совета по противодействию коррупции, а также результаты рейтинговой оценки эффективности работ по противодействию коррупции за 2024 год, электронный ресурс, <https://aca.uz/ru/article>,

сертификата ради самого документа, а не для изменения процессов. Кроме того, интеграция ISO 37001 с существующими системами управления (например, ISO 9001) часто вызывает сложности из-за дублирования документации и недостатка квалифицированных аудиторов в стране.

Цифровая трансформация является неотъемлемой частью риск-ориентированного подхода. В Узбекистане автоматизация контроля направлена на исключение человеческого фактора — основного источника коррупционных рисков. Постановлением № ПП-5177 было поручено создать электронную систему «Оценка коррупционных рисков», которая в 2023–2024 годах стала основным инструментом мониторинга для Антикоррупционного агентства¹.

Особое значение имеет реформа в сфере государственных закупок. С 1 августа 2021 года введена обязательная публикация результатов тендеров, а с декабря того же года закупочные комиссии лишены права самостоятельно проверять достоверность данных участников — эти функции переданы автоматизированным алгоритмам. Это прямой удар по практике «договорных» тендеров, где участники отсеивались по надуманным предлогам.

Тем не менее, цифровизация не является панацеей. Научные исследования указывают на риски «цифровой коррупции», когда уязвимости в программном обеспечении или привилегированный доступ администраторов позволяют обходить контроли².

Критический анализ эффективности комплаенс-служб: уроки 2024–2025 годов

Несмотря на наличие продвинутой нормативной базы, практика применения комплаенс-контроля в Узбекистане в 2024 году выявила серьезные системные дефекты. Статистические

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан «О дополнительных мерах по эффективной организации деятельности по противодействию коррупции», от 06.07.2021 г. № ПП-5177, <https://lex.uz/docs/5495538>

² Isabelle Adam, Mihaly Fazekas. Are emerging technologies helping win the fight against corruption? A review of the state of evidence. Information Economics and Policy, Электронный ресурс, <https://www.sciencedirect.com/science/article>

данные показывают парадоксальную ситуацию: при наличии комплаенс-отделов во всех министерствах количество коррупционных преступлений выросло на 12,5%, а ущерб государству увеличился вдвое, составив 2,8 трлн сумов¹.

Основной причиной этого феномена стало доминирование формального подхода. На расширенном заседании Национального совета по противодействию коррупции в марте 2025 года было отмечено, что деятельность комплаенс-служб в 117 ведомствах признана неэффективной². Основные претензии включали:

1. Отсутствие реальной независимости: Комплаенс-офицеры часто подчинялись напрямую руководителям ведомств, чьи действия они должны были контролировать.

2. Концентрация на «верхушке»: В то время как 75% преступлений совершаются на низовом уровне (районы и махалли), комплаенс-службы работали преимущественно в центральных аппаратах.

3. Недостаток компетенций: Многие сотрудники подразделений внутреннего контроля не имели специальной подготовки в области анализа разведывательных данных и риск-менеджмента.

В ответ на эти вызовы Президентом было принято решение о радикальной реформе. В рамках эксперимента в пяти наиболее подверженных коррупции структурах (министерства здравоохранения, строительства, водного хозяйства, а также компании «Узбекнефтегаз» и «Узсувтаъминот») функции комплаенс-контроля переданы напрямую Агентству по противодействию коррупции. Это означает переход к модели внешнего комплаенса, где контролеры не зависят от бюджета и воли руководства проверяемого ведомства.

¹ Национальный доклад о противодействии коррупции в Республике Узбекистан, электронный ресурс, <https://anticorruption.uz/>

² Заседание Национального совета по противодействию коррупции. <https://president.uz/ru/lists/view/7924>

Рейтинговая система стала важным механизмом подотчетности. Организации, попавшие в «красную зону» (ниже 55 баллов), обязаны ежеквартально отчитываться перед Национальным советом о мерах по исправлению ситуации. Министры этих ведомств теперь несут персональную политическую ответственность, что может привести к их отставке в случае отсутствия прогресса.

Таблица 2. Результаты рейтинга эффективности антикоррупционной деятельности (2024)¹

Организация	Балл (из 100)	Причины высокого/низкого результата
АО «НГМК»	96	Глубокая интеграция ISO 37001, автоматизация закупок.
Центральный банк	94	Строгий надзор, высокие стандарты корпоративного управления.
Налоговый комитет	92	Цифровизация налогового администрирования, минимизация контактов.
Агентство развития фармации	26	Слабый мониторинг рисков при регистрации лекарств, коррупционные скандалы.
Комитет казначейской службы	17	Неэффективный контроль за целевым использованием бюджетных средств.

¹ Индекс открытости 2024. <https://index.anticorruption.uz/ru/rating>

Агентство агропромышленно сти	9	Полное отсутствие превентивных механизмов и контроля рисков.

Социокультурный аспект: «Вакцина добропорядочности» и преодоление наследия

Одной из самых сложных задач реформы является изменение менталитета государственных служащих и населения. В Узбекистане исторически коррупция часто воспринималась как часть социальных обязательств (подарки, помощь родственникам), что создавало благоприятную среду для nepотизма и фаворитизма.

Концепция «вакцины добропорядочности» призвана разрушить эти паттерны. Она базируется на трех столпах:

Образование: Включение антикоррупционных модулей в программы всех уровней образования, от школ до Академии государственного управления.

Этика: Разработка и внедрение Кодексов профессиональной этики, нарушение которых влечет не только дисциплинарную, но и репутационную ответственность.

Прозрачность: Формирование у должностного лица понимания того, что любое его действие может быть проверено через цифровой след.

Тем не менее, исследования показывают, что «вакцина» действует медленно. В 2024 году Узбекистан занял 121-е место в Индексе восприятия коррупции Transparency International, потеряв 1 балл по сравнению с предыдущим годом¹. Это первое снижение рейтинга с 2012 года, что является тревожным сигналом: одних институциональных реформ недостаточно, если они не подкреплены реальным изменением поведения на местах.

Проблемой остается и слабый уровень защиты информаторов. Хотя Закон «О противодействии коррупции» декларирует защиту лиц, сообщающих о правонарушениях, на практике механизмы

¹ Индекс восприятия коррупции. <https://www.transparency.org/en/cpi/2024>

обеспечения их безопасности и защиты от увольнения проработаны недостаточно. Без активного участия граждан, которые не боятся сообщать о вымогательстве, комплаенс-системы остаются «слепыми» в отношении скрытых схем.

Сравнительный анализ с международными практиками

Опыт Узбекистана в области комплаенса во многом перекликается с мировыми трендами, но имеет свою специфику. Например, французский закон «Sapin II» также обязывает крупные компании внедрять риск-ориентированный комплаенс и проводить оценку географических рисков¹. Однако во Франции акцент делается на ответственности юридических лиц, в то время как в Узбекистане основной упор пока идет на административную и уголовную ответственность должностных лиц.

Интересен опыт стран Юго-Восточной Европы, где риск-ориентированный подход внедрялся через разработку «планов добропорядочности». Уроки этого региона показывают, что самой большой ошибкой является восприятие оценки рисков как разового упражнения. В Узбекистане Антикоррупционное агентство пытается избежать этой ошибки, внедряя систему ежеквартального мониторинга и рейтингования.

Главное отличие узбекской модели – высокая степень централизации вокруг Антикоррупционного агентства. Это оправдано на этапе становления системы, когда внутренние контроли в ведомствах еще слишком слабы и подвержены влиянию руководства. Однако в долгосрочной перспективе целью должен стать переход к децентрализованной ответственности, когда каждое ведомство само заинтересовано в чистоте своих рядов.

¹ The French Anti-Corruption Agency Guidelines, электронный ресурс, <https://www.agence-francaise-anticorruption.gouv.fr/>

Барьеры на пути к эффективному комплаенсу и пути их преодоления

Проведенный анализ позволяет выделить три группы барьеров, препятствующих переходу от формального контроля к реальному риск-ориентированному подходу:

1. Институциональные барьеры

Слабая независимость подразделений внутреннего контроля остается ключевой проблемой. Даже при согласовании назначения сотрудников с Антикоррупционное агентство, они остаются в штате ведомства, получают там зарплату и премии. Решением может стать создание единой службы комплаенс-офицеров, прикомандированных к ведомствам, но подчиняющихся напрямую Антикоррупционное агентство (эксперимент 2025 года).

2. Методологические барьеры

Методика № 3383 дает хорошую базу, но она требует дальнейшей детализации по отраслям. Например, риски в сельском хозяйстве (распределение субсидий) кардинально отличаются от рисков в таможне. Требуется разработка отраслевых справочников типовых рисков и мер их минимизации на основе больших данных (Big Data).

3. Технологические барьеры

Несмотря на успехи в цифровизации, разрыв между данными различных ведомств позволяет скрывать конфликты интересов. Необходимо завершить создание «Цифрового реестра бенефициаров», чтобы видеть реальных владельцев компаний, выигрывающих государственные тендеры.

Заключение

Переход от формального контроля к риск-ориентированному подходу в государственном секторе Республики Узбекистан является не просто техническим обновлением регламентов, а фундаментальной попыткой изменить ДНК государственного управления. Внедрение стандартов ISO 37001, запуск цифровых платформ и переход к жесткому рейтингованию эффективности

свидетельствуют о решимости руководства страны в искоренении коррупционных практик.

Однако, как показал анализ итогов 2024 года, формальное наличие комплаенс-структур не гарантирует снижения коррупции. Рост числа преступлений и ущерб свидетельствует о том, что система столкнулась с «иммунным ответом» старой бюрократии. Масштабная реформа комплаенс-служб 2025 года и передача функций контроля независимому Агентству — это вынужденная, но необходимая мера по усилению вертикали добропорядочности.

Для достижения устойчивого прогресса необходимо сосредоточиться на трех направлениях. Во-первых, это обеспечение реальной, а не задекларированной прозрачности через раскрытие бенефициарных владельцев и полную автоматизацию госзакупок. Во-вторых, это инвестиции в человеческий капитал — подготовку профессиональных комплаенс-менеджеров, способных проводить глубокий риск-анализ. И в-третьих, это развитие институтов гражданского общества, способных осуществлять независимый мониторинг и защищать информаторов. Только при сочетании жесткого технологического контроля и формирования новой этической среды «вакцина добропорядочности» даст ожидаемый эффект, обеспечив Узбекистану достойное место в мировых рейтингах и стабильный экономический рост.

**ХИДОЯТУЛЛАЕВ АЛИШЕР
ТОИРОВИЧ**

Начальник факультета
Правоохранительной академии
Республики Узбекистан
PhD, доцент

**ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ РАСЧЕТНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

***Аннотация:** В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями применения форм международных расчетов в международных торговых отношениях.*

***Abstract:** This article examines issues related to the specific features of applying forms of international payments in international trade relations.*

***Аннотация:** Ушбу мақолада халқаро савдо муносабатларида халқаро ҳисоб-китоб шакллари қўллашнинг ўзига хос жиҳатларига оид масалалар кўриб чиқилган.*

***Ключевые слова:** расчеты, платежное поручение, аккредитив, инкассо.*

***Keywords:** settlements, payment order, letter of credit, collection.*

***Калим сўзлар:** ҳисоб-китоблар, тўлов топшириқномаси, аккредитив, инкассо.*

В современных условиях развития мировой экономики международные расчетные отношения подвергаются значительной трансформации под влиянием процессов цифровизации финансовых услуг. Расширение использования электронных платежных инструментов и цифровых технологий способствует повышению эффективности международных финансовых операций и ускорению оборота капитала.

В Республике Узбекистан данные процессы активно реализуются в рамках государственной стратегии «Цифровой Узбекистан – 2030», а также на основе положений Закона Республики Узбекистан «О платежах и платежных системах» (2019 г.). В результате в стране наблюдается постепенный переход к

электронным формам документооборота и цифровым финансовым инструментам.

Одним из перспективных направлений развития международных расчетов является внедрение электронных документарных аккредитивов (**eUCP**), которые позволяют существенно снизить риск фальсификации документов, повысить прозрачность финансовых операций и ускорить процесс обработки платежных документов.

Цифровизация банковского сектора одновременно повышает требования к обеспечению безопасности финансовых операций. В связи с этим особую актуальность приобретает необходимость формирования у специалистов правоохранительных органов и судебной системы комплексных знаний в области кибербезопасности финансовых транзакций и цифровых платежных технологий.

В научной и правовой литературе под расчетными отношениями понимаются платежи, осуществляемые в рамках внешнеторговых и иных внешнеэкономических операций.

Международные расчеты существенно отличаются от внутренних (внутринациональных) платежных операций по следующим признакам:

1. Валютное регулирование: Расчеты производятся в иностранной валюте, что влечет за собой необходимость управления валютными рисками и соблюдения национального валютного законодательства.

2. Роль банков: Банки выступают не просто техническими посредниками, а контролерами соблюдения условий внешнеторговых контрактов и международных обычаев.

3. Технологическая база: Использование системы **SWIFT** является стандартом де-факто. Современное внедрение протоколов **SWIFT gpi (Global Payment Innovation)** позволяет отслеживать платежи в режиме реального времени, что критически важно для обеспечения прозрачности финансовых потоков.

Развитие и совершенствование международных расчетов непосредственно связано с процессами развития и интернационализации товарного производства и обращения. В данных отношениях отражается относительно обособленная форма движения стоимости в международном обороте, обусловленная несовпадением периодов производства и реализации товаров, а также территориальной удаленностью рынков сбыта.

Международные расчеты охватывают платежи по внешней торговле товарами и услугами, а также расчеты, связанные с деятельностью некоммерческих организаций, предоставлением кредитов и движением капиталов между государствами, включая финансирование строительства объектов за рубежом и оказание помощи развивающимся странам.

Международные расчеты представляют собой систему регулирования платежей по денежным требованиям и обязательствам, возникающим в сфере международных гражданско-правовых отношений.

В практике международной торговли большое значение имеет выбор формы расчетов за поставленную продукцию, выполненные работы или оказанные услуги. С учетом взаимных интересов участников внешнеэкономических сделок расчеты могут осуществляться в различных формах — в виде авансовых платежей, посредством инкассо, акцепта векселя, чековых расчетов, а также с использованием аккредитива и иных платежных инструментов.

Форма расчетов представляет собой сложившийся в международной коммерческой и банковской практике способ оформления, передачи и оплаты товарораспорядительных и платежных документов.

Выбор конкретной формы расчетов, применяемой при исполнении внешнеторгового контракта, определяется по соглашению сторон — участников внешнеторговой сделки.

Порядок проведения расчетов по экспортно-импортным операциям регулируется национальным законодательством

соответствующего государства, а также подчиняется международным правилам и обычаям документального оформления и оплаты платежных документов.

Порядок проведения расчетных операций регламентируется национальным законодательством (Закон РУз «О платежах и платежных системах» № ЗРУ-578), а также международно-правовыми актами. В частности, важную роль играют положения **Конвенции ООН о независимых гарантиях и резервных аккредитивах (Нью-Йорк, 1995 г.)**, которая создает единообразную правовую основу для трансграничных обязательств.¹

К основным формам международных расчетов относятся банковский перевод, аккредитив, инкассо и вексель.

Расчеты платежными поручениями (банковский перевод) являются одной из наиболее распространенных форм расчетов в имущественном обороте. В ряде правоотношений использование данной формы расчетов носит приоритетный характер.

Банковский перевод и система SWIFT. Согласно Типовому закону ЮНСИТРАЛ о международных кредитовых переводах (1992 г.), ключевым признаком международного характера транзакции является расположение банков-корреспондентов в разных юрисдикциях. Современная практика расчетов немыслима без стандарта **ISO 20022**, который становится основой для обмена финансовыми сообщениями в системе SWIFT gpi, обеспечивая беспрецедентный уровень структурированности данных.²

Суть данной формы расчетов заключается в том, что банк по поручению плательщика и за счет средств, находящихся на его счете, переводит определенную денежную сумму на счет указанного плательщиком лица в том же или другом банке в срок,

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о независимых гарантиях и резервных аккредитивах (Нью-Йорк, 1995 г.) // Сборник международных договоров ООН.

² Официальный отчет SWIFT: «ISO 20022: The global standard for financial messaging» [Электронный ресурс] // swift.com, 2023

установленный законодательством либо договором банковского счета, если иной срок не установлен банковской практикой или обычаями делового оборота.

При расчетах банковскими переводами коммерческие банки исполняют платежные поручения иностранных банков либо оплачивают выставленные на них банковские чеки по денежным обязательствам иностранных импортеров в соответствии с условиями корреспондентских соглашений. Одновременно банки могут выставлять платежные поручения и банковские чеки на иностранные банки по денежным обязательствам импортеров.

При осуществлении переводной операции банки участвуют в расчетах исключительно после предоставления плательщиком платежного поручения на оплату соответствующего контракта. При этом банки не несут ответственности за исполнение основного обязательства между сторонами сделки.

Банки не осуществляют контроль за фактом поставки товаров или передачи документов импортеру, а также за исполнением обязательств по контракту. Их обязанность ограничивается переводом денежных средств со счета плательщика на счет получателя платежа.

Унификация правил в сфере кредитовых переводов осуществляется преимущественно в рамках международной торговой практики (*lex mercatoria*), включая Правовое руководство ЮНСИТРАЛ по электронному переводу средств (1987 г.) и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международных кредитовых переводах (1992 г.).

Согласно Типовому закону ЮНСИТРАЛ 1992 г., кредитовый перевод представляет собой совокупность операций, начинающихся с платежного поручения отправителя перевода и направленных на предоставление денежных средств в распоряжение бенефициара.

Платежное поручение представляет собой безусловное распоряжение банку-получателю передать установленную или подлежащую установлению денежную сумму бенефициару.

Основным признаком международного характера кредитового перевода является участие банков, находящихся на территории различных государств.

К видам международных кредитовых переводов относятся:

- почтовый перевод;
- телеграфный (телексный) перевод;
- перевод посредством международной межбанковской системы SWIFT.¹

Аккредитив является одной из самых защищенных форм расчетов, минимизирующей риски как экспортера, так и импортера. Согласно Унифицированным правилам и обычаям для документарных аккредитивов (публикация МТП № 600, редакция 2007 г.), которые заменили устаревшую 500-ю редакцию, аккредитив представляет собой твердое обязательство банка-эмитента произвести платеж бенефициару против представления документов, строго соответствующих условиям аккредитива.

Документарный аккредитив. Важнейшим инструментом выступает публикация МТП № 600 (UCP 600). Как отмечает профессор Е.А. Суханов, автономность аккредитива от основного обязательства является правовой гарантией стабильности гражданского оборота.² При этом внедрение **eUCP (версия 2.1)** расширяет сферу применения правил на электронные записи, что коррелирует с положениями **Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (2017 г.)**.³

Основные виды аккредитивов включают безотзывные, подтвержденные, переводные (трансферабельные) и резервные (stand-by). В национальном законодательстве данные отношения регулируются ст. 796–803 Гражданского кодекса РУз. Ключевым

¹ Международные валютно-кредитные и финансовые отношения: Учебник. Под ред. Л.Н. Красавиной. — М.: Финансы и статистика, 1994.

² Гражданское право: В 4 т. Том 4: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. — 2-е изд. — М.: Статут, 2020

³ Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных передаваемых записях (2017 г.) // Официальный сайт ООН.

принципом здесь является «формальная строгость»: банки проверяют документы только по внешним признакам, не неся ответственности за качество самого товара.

Виды аккредитивов:

- отзывные и безотзывные;
- подтвержденные и неподтвержденные;
- покрытые и непокрытые;
- переводные и непереводные;
- возобновляемые (револьверные) и невозобновляемые;
- кумулятивные и некумулятивные;
- обычные и резервные;
- «аккредитивы с красной оговоркой» (досрочно открываемые аккредитивы).

Важнейшим инструментом правового регулирования документарных операций в международной торговле выступают **Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (UCP)**, разработанные Международной торговой палатой (МТП). Данный свод правил прошел длительный путь эволюции, начиная с момента первого одобрения в 1933 году на Венском конгрессе МТП, с последующими пересмотрами в 1951, 1962, 1974 и 1983 годах. С 1 июля 2007 года вступила в силу и действует по настоящее время наиболее актуальная редакция правил — **публикация МТП № 600 (UCP 600)**. Переход к данной редакции позволил существенно упростить текст правил, уточнить юридическую терминологию и минимизировать риски двусмысленного толкования обязательств банков.

Инкассо — это операция, при которой банк по поручению клиента получает платеж от импортера против передачи документов. Данная форма регулируется **Унифицированными правилами по инкассо (публикация МТП № 522, редакция 1995 г.)**, пришедшими на смену публикации № 322.

Различают «чистое инкассо» (только финансовые документы) и «документарное инкассо» (коммерческие документы). В отличие

от аккредитива, при инкассо банк не берет на себя платежное обязательство, что делает эту форму менее безопасной для экспортера, но более дешевой с точки зрения банковских комиссий

Виды инкассовых операций: чистое инкассо и документарное инкассо. Чистое инкассо – это инкассо финансовых документов, не сопровождаемых коммерческими документами. Документарное инкассо – это инкассо финансовых документов, сопровождаемых коммерческими документами, и инкассо коммерческих документов, не сопровождаемых финансовыми документами.

Инкассовые операции (инкассо) – это операции, осуществляемые банками на основании полученных инструкций в целях:

- получения акцепта и (или) платежа;
- выдачи коммерческих документов против акцепта и (или) против платежа;
- выдачи документов на других условиях.

Субъектами инкассовой операции могут выступать:

- доверитель - клиент, который поручает операцию по инкассированию своему банку;
- банк-ремитент - банк, которому доверитель поручает операцию по инкассированию;
- инкассирующий банк - любой банк, не являющийся банком-ремитентом, участвующий в операции по выполнению инкассового поручения;
- представляющий банк - инкассирующий банк, делающий представление плательщику;
- плательщик - лицо, которому должно быть сделано представление согласно инкассовому поручению.

Вексель (тратта) представляет собой безусловный приказ об уплате суммы в указанный срок. Международная унификация вексельного права базируется на Женевских конвенциях 1930 года. Существует два типа вексельного регулирования: женевское (континентальное) и англо-американское.

Несмотря на высокую степень юридической проработки вышеуказанных инструментов, важнейшей особенностью любых международных расчетных отношений остается наличие **специфических рисков**, возникающих при исполнении внешнеторговых контрактов. Сложность трансграничных операций и участие нескольких банковских институтов обуславливают необходимость классификации угроз.

К основным рискам международных расчетов относятся:

коммерческий риск — риск неисполнения обязательств одной из сторон внешнеторговой сделки;

валютный риск — риск изменения валютных курсов между моментом заключения контракта и осуществлением платежа;

банковский риск — риск неплатежеспособности или финансовой нестабильности банка, участвующего в расчетной операции;

политический риск — риск, связанный с изменением политической ситуации, введением экономических санкций или ограничений валютного регулирования;

документарный риск — риск несоответствия документов требованиям аккредитива или иных расчетных инструментов.¹

Таким образом, грамотное использование различных форм международных расчетов позволяет участникам внешнеэкономической деятельности существенно диверсифицировать и снижать уровень вышеуказанных рисков. В частности, в сравнительном аспекте применение **документарных аккредитивов** обеспечивает значительно более высокий уровень юридических и финансовых гарантий исполнения обязательств по сравнению с прямым **банковским переводом**, который оставляет экспортера практически незащищенным.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется качественной трансформацией этих классических

¹ Krugman P., Obstfeld M., Melitz M. (2021). International Economics: Theory and Policy

инструментов под влиянием **цифровизации**. Переход к электронным финансовым операциям продиктован необходимостью дальнейшего снижения транзакционных издержек и минимизации человеческого фактора. В связи с этим, в современную международную банковскую практику активно интегрируются следующие высокотехнологичные решения:

- **Цифровые платежные системы**, обеспечивающие трансграничное перемещение ликвидности в режиме реального времени;
- **Финансовые технологии (FinTech)**, направленные на автоматизацию комплаенс-контроля и скоринга контрагентов;
- **Технологии распределенных реестров (Blockchain)**, которые решают проблему доверия между сторонами за счет прозрачности и неизменяемости записей о транзакциях;
- **Электронные документарные аккредитивы (e-L/C)**, основанные на стандартах eUCP, которые радикально ускоряют процесс верификации товарораспорядительных документов.

Синергия данных технологий позволяет не только оптимизировать традиционные формы расчетов, но и формирует принципиально новую, транспарентную среду для осуществления внешнеторговых операций в Республике Узбекистан.

Использование цифровых технологий способствует снижению операционных рисков, повышению скорости проведения международных платежей и снижению издержек участников внешнеэкономической деятельности.

Одним из ключевых направлений модернизации международных расчетов является развитие **финансовых технологий (fintech)**, которые позволяют значительно повысить скорость и эффективность проведения платежей.

Финансовые технологии включают использование:

- цифровых платежных платформ
- электронных систем обработки платежей
- технологий распределенных реестров (blockchain)

- систем автоматизации банковских операций.

Особый интерес представляет применение **blockchain-технологий** в международной торговле. Использование распределенных реестров позволяет обеспечить высокий уровень прозрачности операций, снизить операционные издержки и минимизировать риск мошенничества.

В настоящее время крупнейшие международные банки активно тестируют системы **blockchain trade finance**, которые позволяют автоматизировать обработку документов и ускорить проведение международных расчетов.

В условиях глобализации к традиционным коммерческим и валютным рискам добавляется риск киберугроз. Применение технологии распределенных реестров (**Blockchain**) рассматривается исследователями как механизм минимизации «документарного риска» за счет неизменяемости данных в цепи поставок.¹

Еще одним важным направлением развития международных расчетов является внедрение **электронных документарных аккредитивов (e-L/C)**. Электронные аккредитивы позволяют существенно сократить время обработки документов и снизить административные расходы участников международной торговли.

Развитие цифровых технологий способствует повышению эффективности международных расчетов и формированию новой цифровой инфраструктуры международной торговли.

Таким образом, международные расчетные отношения играют ключевую роль в обеспечении функционирования международной торговли и глобальной экономической системы. Разнообразие форм международных расчетов позволяет участникам внешнеторговых операций выбирать наиболее эффективные платежные инструменты с учетом уровня коммерческих и финансовых рисков. В условиях цифровизации мировой экономики особое значение приобретает внедрение современных финансовых технологий, способствующих

¹ Хидоятуллаев А.Т. Вопросы совершенствования применения аккредитива в Республике Узбекистан // European Journal of Research. — 2020. — Vol. 5, Issue 6. — P. 3-10.

повышению прозрачности, надежности и эффективности международных платежей.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшей гармонизации национального законодательства Республики Узбекистан с нормами МТП. Для повышения эффективности внешнеторговых операций субъектам предпринимательства рекомендуется:

- Приоритетно использовать безотзывные аккредитивы в редакции UCP 600.
- Активнее внедрять механизмы цифрового подтверждения документов.
- Постоянно повышать квалификацию сотрудников в области международного торгового права.

НОРОВА ОЙДИН АЗАМАТ ҚИЗИ

Ҳуқуқни муҳофаза қилиш академияси
мустақил изланувчиси

ПРОКУРАТУРА ОРГАНЛАРИНИНГ КОРРУПЦИЯГА ҚАРШИ КУРАШИШ БЎЙИЧА ПРЕВЕНТИВ ФАОЛИЯТИ: РЕАКТИВ ҚОНУНИЙЛИКДАН ПРОАКТИВ ҚОНУНИЙЛИККА ЙЎЛ

Аннотация: Мақолада прокуратура органларининг коррупцияга қарши курашиш бўйича превентив фаолияти содир этилган ҳуқуқбузарликларнинг оқибати билан курашишга қаратилган реактив қонунийлик моделидан уларни олдини олишга йўналтирилган проактив қонунийликка ўтиш нуқтаи назаридан кўриб чиқилган.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы превентивной деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции в контексте перехода от реактивной модели законности, основанной на реагировании на уже совершённые правонарушения, к проактивной законности, ориентированной на их предупреждение.

Abstract: The article examines issues related to the preventive activities of prosecutorial authorities in combating corruption in the context of the transition

from a reactive model of legality, based on responding to already committed offences, to a proactive model of legality aimed at their prevention.

Калим сўзлар: коррупцияга қарши кураш, превенция, превентив фаолият, ҳуқуқий доктрина, реактив қонунийлик, проактив қонунийлик.

Ключевые слова: противодействие коррупции, превенция, превентивная деятельность, реактивная законность, активная законность.

Key words: combating corruption, prevention, preventive activities, reactive legality, proactive legality.

Коррупцияга қарши курашишнинг анъанавий усуллари кўпинча жазолаш чоралари, тартибга солиш тизимлари ва назорат механизмларига таянади. Ушбу ёндашувлар муҳим бўлса-да, улар асосан коррупцион ҳаракатларни аниқлаш ва жазолашга қаратилган бўлиб, одатда коррупцион хатти-ҳаракатлар учун имконият яратувчи асосий сабабларни бартараф этмайди. Бунда айнан коррупцияга қарши курашишда унинг олдини олишга қаратилган чоралар – превентив чоралар ҳал қилувчи роль ўйнайди. Айнан превентив чораларнинг қўлланилиши коррупциянинг келиб чиқиши асосий омиллари ва сабабларини бартараф этишга ва унинг жиддий салбий оқибатлари билан курашишда ёрдам беради. Самарали ва тўғри танланган превентив чоралар халқнинг давлат оранлари ва мансабдор шахсларга бўлган ишончини ҳам мустаҳкамлайди.

Роберт М. Хардавей превенцияни шифокорлик касби билан таққослаган ҳолда унинг энг содда таърифини беради. Унинг фикрига кўра, шифокор тиббиётнинг икки хил тури билан: даволаш ва профилактика амалиёти билан шуғулланади. Даволаш амалиёти бемор касал бўлганидан сўнг қўлланилади. Масалан, юрак хасталиги билан касалланган беморларга, жарроҳлик ёки даволашнинг турли хил услублари қўлланилади. Профилактик амалиёт эса, жисмоний машқлар, парҳез ва бошқа чоралар орқали юрак хасталиги касаллигини олдини олишга қаратилади¹.

¹ Robert M. Hardaway, Teaching Preventive Law, 16 PREVENTIVE L. REP. 3 (1997), p. 3.

Юридик фанда “превенция”, “превентив тартибга солиш”, “превентив функция” сўзларидан кам фойдаланилади, ушбу сўзлар асосан превентив чораларнинг маълум бир турини ўрганиш ва уни амалиётда қўллашга оид тадқиқотларда кўп учрайди.

Юридик-техник восита сифатида превенция қуйидагича намоён бўлади: масалан, қонунчиликда превенциянинг “профилактика”, “олдини олиш”, “курашиш” ва бошқа синонимларидан фойдаланилиши, норматив-ҳуқуқий ҳужжатларда бирор бир муаммонинг олдини олишга қаратилган чораларнинг белгиланиши, ёки жинойт-процессуал қонунчилигида белгиланган эҳтиёт чораларининг турлари ҳам превенциянинг бир кўриниши ҳисобланади.

Одатда превентив чораларни қўллаш ваколатли органлар (суд, прокуратура ва бошқа ҳуқуқни муҳофаза қилувчи органлар) томонидан ҳар бир ҳолатдан келиб чиққан ҳолда амалга оширилади. Шу билан бирга, фуқаролар ва фуқаролик жамияти институтлари ҳам ушбу жараёнларда фаол иштирок этишлари мумкин. Превентив чораларнинг тўғри танлаш ва самарали амалга ошириш давлат ва жамият олдида турган қатор салбий тенденциялар, шу жумладан, коррупциявий ҳолатларни назорат қилиш, уларнинг олдини олиш ва сабаблари билан курашиш имкониятини беради.

Таъкидлаш жоизки, коррупцияга қарши курашиш, уни олдини олишда прокуратура органлари ушбу соҳадаги фаолиятининг ўзига хос жиҳатлари билан бошқа ташкилотлардан ажралиб туради. Чунки, прокуратура органлари коррупцияга қарши курашиш бўйича кенг имконият ва ҳуқуқий воситаларга эга ўзига хос ваколатли орган ҳисобланади. Бу, биринчи навбатда, коррупцион ҳолатларнинг олдини олиш, айбдорларни жавобгарликка тортиш, шунингдек, коррупциявий ҳуқуқбузарликлар оқибатлари билан курашиш ёки уларни камайтиришга қаратилган фаолиятида намоён бўлади.

Замонавий ҳуқуқий давлат шароитида прокуратура институтининг роли ўзгариб, у конституциявий қонунийликни таъминловчи проактив механизмга айланиш йўлини босиб ўтмоқда.

Бу ўзгариш, айниқса, коррупциянинг олдини олиш соҳасида яққол намоён бўлмоқда, эндиликда прокуратура фақат жиноят содир бўлганидан кейин чора кўрадиган эмас, балки хатарларни аниқлаш, мувофиқликни кучайтириш ва конституциявий ҳамда маъмурий тартибни ҳимоя қилишга қаратилган фаолият билан шуғулланадиган орган сифатида шаклланмоқда.

“Прокуратура тўғрисида”ги Қонуннинг 2-моддасида прокуратура органларининг асосий вазифалари этиб, қонун устуворлигини таъминлаш, қонунийликни мустаҳкамлаш, фуқароларнинг ҳуқуқ ҳамда эркинликларини, жамият ва давлатнинг қонун билан кўриқланадиган манфаатларини ҳимоя қилиш, Ўзбекистон Республикаси конституциявий тузумини ҳимоя қилиш, ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш ва профилактика қилиш белгиланган.

Аслида превентив ҳуқуқий вазифалар прокуратура фаолияти учун мазмунан *бегона эмас*, яъни, прокуратуранинг тарихий шаклланган муҳим вазифаси бўлган қонунийлик ва қонун устуворлигини таъминлаш бугунги кунда нафақат мазкур шаклларнинг бузилиши факти билан, балки уларнинг бузилишини олдини олиш ва энг муҳими, қонунийлик ва қонун устуворлигининг мунтазам **ижросини олдиндан таъминлаш** билан боғлиқдир. Бу эса албатта ҳуқуқбузарликларга қарши превентив чораларни қўллаш вазифасини тақозо қилади.

Қолаверса бундай превентив сиёсатнинг, айниқса коррупцияга қарши курашиш соҳасида профилактиканинг прокуратура органлари вазифаларига киритилиши алоҳида ажратилган бир ҳолат эмас, балки кенгроқ, бутун дунёда содир бўлаётган ҳуқуқий-сиёсий трансформациянинг бир қисми эди.¹ Прокуратура органлари фаолиятининг фақат назорат, жиноят-терговга асосланган йўналишдан превентив ва олдини олишга қаратилган функцияларга

1 Le, L. C., Mai, S. T., Hoang, Y. H., Nguyen, D. Q., Pham, T. N., & Luong, H. T. (2025). Mandatory Prosecution in the Changing Time: A Systematic Literature Review. *Criminal Justice Ethics*, 44(1), 78–106. <https://doi.org/10.1080/0731129X.2025.2476303>

ўтиши – қонунийлик ва давлат бошқаруви ҳақидаги ҳуқуқий тасаввурларнинг чуқур ўзгаришини ифодалайди. Европа ҳуқуқий анъаналарида ҳам анъанавий тарзда жиноятларни таъқиб қилувчи орган сифатида қаралган прокуратура ҳозирги кунда конституциявий бошқарув ва институтлар яхлитлигини кафолатловчи тизимли механизм сифатида шаклланмоқда.¹ Франция ва Германия ҳуқуқий доктриналарида прокуратура фаолиятининг олдини олиш йўналишида қандай ривожлангани ҳамда ушбу тенденция Ўзбекистон прокуратура тизимида бундай ўзгаришлар юз бергани алоҳида эътиборга молик.

Реактив қонунийликдан проактив қонунийликка йўл

Француз ҳуқуқий доктринасида прокуратура (Ministère public) тарихан ижро ҳокимияти таркибидаги орган сифатида шаклланган бўлиб, унинг асосий функциялари жиноят ишларини қўзғатиш (ва тергов қилиш) ва жамият манфаатини (intérêt général) ҳимоя қилишдан иборат бўлган. Бу ёндашув “magistrature debout” анъанасига таяниб, прокурорлар фақат одил судлов тизими вакилларигина эмас, балки давлат органлари фаолиятининг қонунийлигини таъминловчи фаол агентлари сифатида қаралган.² Жин Прадел ва Жин Риверо каби йирик француз ҳуқуқшунослари прокурорнинг фақат жиноят-таъқиб эмас, балки бошқа маъмурий ва коснструктив, шунингдек, профилактик чоралар орқали ҳам жамоат тартибини сақлашдаги муҳим ролини алоҳида таъкидлаган.³ Француз ҳуқуқининг замонавий доктринаси, шунингдек прокуратурага оид қарашлар прокуратуранинг асосий вазифаси бўлган қонунийликни фақат **реактив** (бузилган қонуни тиклаш)

¹ Foster, S. (2012). Counter-Corruption: An International Perspective. Handbook of Policing Ethics.

² Fritz, Vera. "Le rôle et le statut particulier des magistrats du Ministère public". Histoire de la Justice au Luxembourg (1795 à nos jours): Institutions – Organisation – Acteurs, edited by Vera Fritz, Denis Scuto and Elisabeth Wingerter, Berlin, Boston: De Gruyter Oldenbourg, 2022, pp. 309-320. <https://doi.org/10.1515/9783110679656-013>

³ Pradel, Jean, Geert Corstens, et Gert Vermeulen. Droit pénal européen. 3e édition. Paris: Dalloz, 2009. Print.

эмас, балки **проактив**, яъни олдини олиш ва ижроси аввалдан кафолатланадиган ҳодиса сифатида талқин қилади.¹

2000 йилларда француз ҳуқуқий тизимида комплаенс ёндашуви асосида прокуратура ваколатларини кенгайтиришга қаратилган институционал ислоҳотлар рўй берди. 2016 йилдаги Коррупцияга қарши курашиш, шаффофлик ва иқтисодий модернизация тўғрисидаги қонунлар (Sapin II) орқали прокурорларга профилактика ва превентив чоралар кўриш, масалан, корпорацияларда коррупцияга қарши комплаенс доирасида битимларни кечиктириб туриш имконини берувчи “judisia d’intérêt public” (ижрони кечиктирувчи келишувлар) ҳуқуқи берилди.² Бу келишувлар корхоналар томонидан профилактик ислоҳотларни жорий этиш шарти билан амал қилади.

Германия ҳуқуқий тизимида ҳам прокурорнинг ҳуқуқбузарликларнинг олдини олишдаги роли **қонунийлик принципи (Legalitätsprinzip)**дан келиб чиқади.³ Вақт ўтиши билан бу вазифа кенгайиб, давлат бошқарувида ҳуқуқий яхлитликни таъминлашга доир конституциявий мажбурият, шунингдек, давлат органларида коррупцияни олдини олиш механизмлари шаклида ривожланди. Иккинчи жаҳон урушидан сўнг шаклланган “ҳуқуқий давлат” (Rechtsstaat) доктринаси ҳам прокуратурани фақат жиноятни, масалан, коррупцион жиноятларни таъқиб қилувчи орган эмас, балки уларнинг содир этилмаслиги ҳамда қонунийлик ҳукмронлигини кафолатлайдиган институт сифатида шакллантирди. Ҳанс-Гейнрих ва Улрих Зибер каби йирик немис ҳуқуқшунослари прокурорлар тизимли коррупция ва хизмат ваколатларини суиистеъмол қилиш каби жиноятлар содир этилишидан олдин

¹ Hodgson, Jacqueline S. and Soubise, Laurène, Prosecution in France (June 4, 2017). Hodgson, Jacqueline and Soubise, Laurène (2016) Prosecution in France. In: Oxford Handbooks online. New York: Oxford University Press.

² Transparency, Anti-Corruption and Economic Modernisation Act (2016-2020) <https://www.agence-francaise-anticorruption.gouv.fr/files/files/French%20AC%20Agency%20Guidelines%20.pdf>

³ Mark Deiters, . 2006. XV, 314 pages. unrevised ebook edition 2025. Legalitätsprinzip und Normgeltung.

уларнинг олдини олиш мажбуриятига эга эканлигини таъкидлайди.¹ Германияда прокуратура тизими таркибида фаолият юритувчи Korruptionsbekämpfungsstellen, яъни коррупцияга қарши кураш бўлинмалари бу тенденцияни амалиётга кўчирди. Улар қуйидаги соҳаларда фаолият олиб боради:

Комплаенс баҳолаш;

Давлат харидларида молиявий мониторинг;

Давлат хизматлари тизимидаги институционал заифликларни таҳлил қилиш.

Бу доктринал ўзгаришлар ҳуқуқдаги профилактик ёндашувнинг ифодаси бўлиб, жиноятгача бўлган ҳуқуқий тартибни таъминлаш прокурорнинг вазифасига киришини кўрсатиб берди.

Мазкур трансформатив ўзгаришлар шубҳасиз Ўзбекистонни ҳам четлаб ўтмади. Мустақилликдан сўнг, Ўзбекистон прокуратураси совет меросининг кўплаб элементларини сақлаб қолган, прокурорлар асосан назорат моделида фаолият юритишда давом этишган бўлса-да, 2000 йиллардаги прокуратура тизими ислохотлари ҳамда 2016 йилдан кейинги ҳуқуқий демократик ислохотлар прокуратура органлари фаолиятида превентив соҳанинг ривожланишига хизмат қилди. Прокуратуранинг асосий вазифаси бўлган қонунийликни олдиндан кафолатловчи превентив механизмлар, институционал ёндашувлар шаклланди ва қонунларда ўз аксини топди.

Кейинги йилларда прокуратуранинг қонунлар ижроси устидан назорат олиб бориш фаолияти тубдан ўзгартирилди. Илгари қонун бузилиши ҳолатларини аниқлаш ва жазолашга зўр берилган бўлса, эндиликда асосий эътибор бундай ҳолатларнинг олдини олиш, мавжуд муаммоларни бартараф этишга қаратилмоқда².

¹Sieber, U. (2016). The Paradigm Shift in the Global Risk Society: From Criminal Law to Global Security Law – An Analysis of the Changing Limits of Crime Control. *Journal of Eastern-European Criminal Law*, (1), 14–27.

² Мирзиёев Ш. Ҳозирги замон ва янги Ўзбекистон. – Тошкент: “O‘zbekiston” нашриёти, 2024. – 448 б.

Прокуратура органлари ўзининг коррупцияга қарши курашиш бўйича фаолиятини Ўзбекистон Республикаси Конституцияси, “Ўзбекистон Республикаси прокуратураси тўғрисида”ги, “Коррупцияга қарши курашиш тўғрисида”ги, “Ҳуқуқбузарликлар профилактикаси тўғрисида”ги Қонунлари, бошқа қонунлар ва Ўзбекистон Республикаси Президенти томонидан тасдиқланадиган норматив-ҳуқуқий ҳужжатлар, Бош прокурорнинг тегишли буйруқ ва қарорлари асосида амалга оширади.

Превентив функциялар прокуратура фаолиятида, айниқса коррупцияга қарши курашда, жиноий жавобгарликни таъминлашдан олдинги босқичдаги ҳуқуқий механизм сифатида шаклланимоқда. Бу қарашга кўра профилактика давлат томонидан қонунийлик, қонун устуворлиги ҳамда жамият манфаатларини таъминлашнинг ажралмас қисми бўлиб, фақат индивидуал коррупцион ҳолатлар (жиноятлар)нигина эмас, балки *структуралар ва тизимли сабабларга қарши курашни* ҳам ўз ичига олади. Ўз-ўзидан бу превентив фаолиятни тақозо қилади.

Бугунги кунда прокуратура органлари томонидан коррупциявий ҳуқуқбузарликларни олдини олиш, уларга сабаб бўлаётган омилларни аниқлаш ва бартараф қилиш бўйича салмоқли ишлар амалга оширилмоқда. Прокуратура органларининг ҳар қандай жиноятчиликка қарши курашиш бўйича фаолияти, уни олдини олиш мақсадини қўйган ҳолда маълум бир объектларга таъсир кўрсатиш орқали амалга оширилади.

Прокуратура органларининг коррупцияга қарши курашдаги превентив фаолиятининг асосий мақсади – давлат бошқарувида қонунийликни таъминлаш, институционал ҳалолликни мустаҳкамлаш ва коррупцион муҳит юзага келишига йўл қўймасликдан иборат.

Умуман олганда, амалга оширилаётган ислохотлар прокуратура органларини том маънода инсон ҳуқуқ ва эркинликларини ҳимоя қилувчи, халқ манфаатларига хизмат қилувчи тузилмага айлантирмоқда.

Энг муҳими, прокуратура тизими ҳам, одамларимизнинг унга нисбатан муносабати ҳам ўзгармоқда. Бугунги кунда, эл-юртимиз прокуратура тимсолида “жазоловчи идора”ни эмас, балки аҳоли ва тадбиркорларнинг бузилган ҳуқуқларини тиклашга қўмаклашадиган, уларнинг дардига шерик, мададкор бўлишга ҳаракат қиладиган халқпарвар тузилмани кўрмоқда¹.

MADAMINOV BOBURJON

SAYIDJON UGLI

Master's student at the Law Enforcement
Academy

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE INSTITUTION OF CIVIL CLAIM IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract: *This article analyzes the inviolability of property rights and its legal guarantees in the criminal proceedings of the Republic of Uzbekistan. The procedural order of compensation for property damage caused by a crime, the essence of the institute of civil claim, as well as the views of national and foreign scientists in this field are highlighted. The author presents conclusions on improving the mechanisms for restoring the violated rights of victims.*

Keywords: *private property, inviolability, criminal proceedings, civil claim, property damage, victim, restitution, compensation.*

Today, in the era of globalization and the rapid development of socio-economic relations, the creation of effective mechanisms for the protection of human rights and interests remains one of the priority directions of state policy². In particular, within the framework of ongoing reforms aimed at building a civil society, the role of the judicial-legal

¹ Мирзиёев Ш. Ҳозирги замон ва янги Ўзбекистон. – Тошкент: “O’zbekiston” нашриёти, 2024. – 448 б.

² Constitution of the Republic of Uzbekistan. – Tashkent: "Uzbekistan", 2023. – Article 55. (Everyone is guaranteed the right to judicial protection of their rights and freedoms, the right to appeal to court against unlawful decisions, actions, and inaction of state bodies and other organizations, and their officials).

system and specifically the institution of restoring violated rights through civil claims acquires special significance.

The elevation of legal culture in society and citizens' growing determination to defend their rights have led to a significant shift in both the volume and nature of statements of claim submitted to the courts. However, an analysis of practice reveals that a number of theoretical and practical problems still persist regarding the initiation of civil claims, their procedural substantiation, and the enforcement of their execution.

The relevance of this article lies in the necessity to develop scientifically grounded proposals for improving the institution of civil claims, implementing digital technologies in the judicial process, and clearly defining the subject of the claim within the context of current legal reforms. The aim of the study is to identify gaps in current legislation and explore ways to eliminate them by studying the legal nature of civil claims.

The right to property, as the foundation of a modern democratic rule-of-law state, is not only the basis of economic freedom but also a vital guarantee for the protection of human dignity. The ongoing constitutional reforms in the Republic of Uzbekistan, along with recognizing the diversity of forms of ownership, are aimed at ensuring the equality of their legal status and their equal protection by the state.

The principle of the inviolability of private property is acquiring an absolute character today. This means that no person or state body has the right to deprive an owner of their property without legal grounds and except by a court decision. Legislative norms on the protection of owners' rights grant the owner full freedom in exercising the powers of possession, use, and disposal of their property¹.

The inviolability of property rights is not limited solely to the protection of personal interests, but is also a fundamental condition for economic stability. The owner's powers of possession, use, and disposal of their property ensure their economic independence. However, these

¹ Constitution of the Republic of Uzbekistan. – Tashkent: "Uzbekistan", 2023. – Article 65.

rights do not imply absolute freedom; rather, they also impose certain obligations to society. In particular, when exercising their rights, the owner must not infringe upon the rights of other persons, must comply with environmental norms, and must not cause harm to the interests of society.

The state guarantees not only the protection of property, but also the restoration of the owner's rights in the event that they are violated. Restriction of property rights or expropriation of property for public needs may be carried out only in exceptional cases, in accordance with the procedure clearly established by law, and, most importantly, on the basis of a court decision. In such cases, the owner must receive prior and full compensation for the damage incurred, based on the market value of the property.

In the modern legal system, the procedural guarantees for the protection of owners' rights have been strengthened, and any unjustified interference is prohibited by law. This, in turn, serves to enhance citizens' entrepreneurial activity and to strengthen the country's investment attractiveness. In this process, the judiciary acts as the principal institution ensuring a balance between the interests of property owners and those of the state.

In the Republic of Uzbekistan, equality of all forms of property and their legal protection are guaranteed. Private property is inviolable. An owner may not be deprived of his or her property except in cases and in accordance with procedures prescribed by law, and not otherwise than on the basis of a court decision. The owner has the right, at his or her own discretion, to possess, use, and dispose of the property belonging to him or her. The use of property must not cause harm to the environment, nor violate the rights and lawful interests of other persons, society, or the state.

At present, the principle of the inviolability of private property has acquired an absolute character. This means that no individual or state authority has the right to deprive an owner of his or her property without legal grounds and solely in the absence of a court decision. The inviolability of property rights is not limited merely to the protection of

private interests; it also constitutes a fundamental condition for economic stability.

The powers of an owner with respect to his or her property ensure that person's economic independence. The state guarantees not only the protection of property, but also the restoration of the owner's rights in the event that they are violated. Pursuant to Article 275 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, an individual, enterprise, institution, or organization that has suffered pecuniary damage as a result of a crime has the right to bring a civil claim from the moment a criminal case is initiated until the commencement of the judicial investigation.¹

According to Article 276 of the Criminal Procedure Code, exemption of a civil claim filed within the framework of criminal proceedings from the payment of state duty serves as an effective procedural guarantee for the protection of the owner's rights. In this regard, the inquirer or investigator, pursuant to the requirements of Article 203 of the Criminal Procedure Code, is obliged to take measures to secure the claim by seizing the property of the suspect or the accused. This process is aimed not only at punishing the offender, but also at restoring justice, namely, returning the victim's financial situation to the condition that existed prior to the commission of the crime. Thus, the interaction and harmony between the norms of civil law and criminal procedure law serve to ensure the real protection of the inviolability of property in society.

In order to determine the essence of a civil claim in criminal proceedings, it is first necessary to understand the substance of the concept of a "claim." In legal scholarship, the concept of a claim has a dual meaning: substantive-legal and procedural-legal. From the substantive-legal perspective, a claim is a lawful demand by a person for the restoration of a violated right or for compensation for damage caused, whereas from the procedural-legal perspective, it is the means of

¹ Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. – Tashkent: Adolat, 1994. – Article 275.

enforcing such a demand through the coercive power of the state, that is, through a court.

A claim in criminal proceedings is distinguished by its specific nature. Here, a claim serves not only as a means of resolving a property dispute, but also as an instrument for eliminating the socially dangerous consequences caused by a crime. A claim is a procedural application submitted to the court by the victim (civil claimant) seeking recovery from the guilty person of pecuniary or non-pecuniary damage caused as a result of the crime.¹ For this reason, the institution of a claim appears in criminal proceedings as one of the most active forms of protecting human rights.

The issue of compensation for pecuniary damage caused by a crime is governed not only by the rules of criminal procedure, but also by the norms of substantive law. Pecuniary damage is understood as the loss of or damage to a person's property, as well as expenses that the person has had to incur as a consequence of the crime, or income that the person could have received but did not receive (lost profit). According to the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan, one of the circumstances that must be proved in a criminal case is the nature and amount of the damage caused².

There are two main forms of compensation for damage caused by a crime: restitution (return of the property in its original form) and compensation (payment in monetary form). If an item taken as a result of the crime has not lost its value and still exists, it shall be returned to its owner. If the property has been destroyed or damaged, monetary compensation shall be recovered within the limits of its market value. In this process, forensic economic or valuation examinations are often ordered in order to determine the extent of the pecuniary damage³.

¹ Commentary on the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. / Editor-in-Chief B.A. Mustafoev. – Tashkent: “Adolat2”, 2011. – Commentary to Article 275.

² Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. – Tashkent: Adolat, 1994. – Article 82.

³ Resolution No. 26 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated 27 December 2016 “On the Practice of Applying Legislation on Compensation for Pecuniary Damage Caused by a Crime.” – Clause 4.

As a procedural guarantee of this matter, the inquirer and the investigator are entrusted with the obligation to take measures to compensate for the pecuniary damage caused by the crime. In this regard, pursuant to Article 203 of the Criminal Procedure Code, measures are taken to seize the property of the accused or the suspect in order to secure the claim. This mechanism is aimed at ensuring the actual restoration of the violated rights of the person injured as a result of the crime at the stage of enforcement of the court judgment¹.

The restoration of a person's violated property rights in criminal proceedings begins with the proper determination of that person's procedural status. Where a civil claim has been filed, if it is established that the person has suffered pecuniary damage as a result of the act committed, the inquirer or investigator shall issue a decision, and the court shall issue a ruling, recognizing that person as a civil claimant. This procedural document provides the person with a full-fledged opportunity to protect his or her material interests within the framework of the criminal case.

According to procedural requirements, a copy of the issued decision or ruling must be provided without delay to the person who filed the claim or to his or her representative. In this process, law enforcement bodies are entrusted with an important duty of explanation. In particular, the civil claimant must be thoroughly informed of the rights and obligations предусмотренных? Need translate properly: provided for in Article 57 of the Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. These rights include the right to submit evidence, file motions, raise objections, and appeal the part of the court judgment relating to the civil claim.

If recognition of a person as a civil claimant is refused, a reasoned decision to that effect must also be issued. In such a case, the person must be informed of the procedure and time limits for appealing the decision. This mechanism serves to prevent unjustified refusals in criminal proceedings and to ensure the victim's right to a fair trial².

¹ Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. – Tashkent: Adolat, 1994. – Articles 203, 290.

² Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan. – Tashkent: Adolat, 1994. – Articles 56, 57.

In studying the nature of a civil claim in criminal proceedings, the views of foreign legal scholars are of particular importance. In particular, as the well-known legal scholar V.M. Savitsky emphasized, the existence of a civil claim in criminal proceedings is fully consistent with the principle of “procedural economy.” In his opinion, resolving both the issue of criminal punishment and the issue of compensation for pecuniary damage within a single court proceeding reduces the burden on the victim and increases the efficiency of the administration of justice¹.

Likewise, the foreign researcher I.Ya. Foynitsky described a civil claim as “an additional part of the criminal case.” According to his views, a crime encroaches not only upon the interests of the state (public law), but also upon the property rights of the individual (private law). Therefore, the institution of a civil claim in criminal proceedings serves as a mechanism for ensuring a balance between public and private rights².

In modern Western legal scholarship, particularly in the works of comparative lawyers such as R. David, the institution of a civil claim is interpreted as a process of “adhesion” (joinder). In this context, a civil-law claim is joined to criminal proceedings and becomes an integral part thereof. This enables the victim to make use of the capabilities of the investigative authorities in collecting evidence and to benefit from state guarantees in the protection of his or her rights³.

Uzbek legal scholars have also conducted in-depth research into the theoretical and practical issues of the institution of a civil claim in criminal proceedings. In particular, Professor Sh.S. Rashidova considers a civil claim to be one of the most effective means of protecting the rights of the victim. In her view, the consideration of a civil claim in criminal proceedings is consistent with the principle of “upholding human dignity,” since the state must not only punish the offender, but also

¹ Savitsky, V.M., Poteruzha, G.I. *The Victim in Soviet Criminal Procedure*. – Moscow: Gosyurizdat, 1963. – pp. 112–115.

² Foynitsky, I.Ya. *Course of Criminal Procedure*. Vol. 2. – St. Petersburg: Alfa, 1996. – p. 162.

³ David, R., Jauffret-Spinosi, C. *Major Legal Systems in the World Today*. – Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. – p. 144.

actively assist in recovering the material and moral damage caused to the victim¹.

Likewise, in his research, the scholar G.A. Abdumajidov addresses the procedural nature of a civil claim and regards it as an integral part of the criminal case. In his view, the precise determination of the amount of damage within the framework of the criminal case and the taking of measures by the investigative authorities to seize the property of the accused constitute the principal factors guaranteeing the enforcement of the future court judgment².

Another prominent legal scholar, U.A. Tukhtasheva, in addressing the improvement of the institution of a civil claim, emphasizes the need to expand the legal status of the victim. In her view, in criminal proceedings, a civil claimant should be afforded broader procedural opportunities not only to seek compensation for pecuniary damage, but also to claim compensation for non-pecuniary harm, which, in turn, would broaden the scope of “access to justice”³.

In conclusion, in the Republic of Uzbekistan, the equality and inviolability of all forms of property are guaranteed by the state. An owner may be deprived of his or her property only in cases provided for by law and on the basis of a court decision. This principle ensures the full and free exercise by the owner of the rights to possess, use, and dispose of his or her property.

At present, the inviolability of private property has acquired an absolute character, and no state authority has the right to restrict the rights of an owner without legal grounds⁴. The economic independence of an owner is determined by the freedom to use his or her property. At the same time, the state ensures not only the protection of property, but also the restoration of damage caused as a result of a crime.

¹ Rashidova, Sh.S. Problems of Ensuring the Rights and Interests of the Victim in Criminal Proceedings. – Tashkent: Tashkent State University of Law, 2018. – pp. 85–90.

² Abdumajidov, G.A. Criminal Procedure of the Republic of Uzbekistan: Textbook. – Tashkent: Adolat, 2005. – pp. 210–212.

³ Tukhtasheva, U.A. Procedural Guarantees for Ensuring Human Rights and Freedoms in Criminal Proceedings. – Tashkent: TSUL Publishing House, 2020. – pp. 145–148.

⁴ Law of the Republic of Uzbekistan “On the Protection of Private Property and Guarantees of Owners’ Rights.” – Tashkent, 24 September 2012. – Article 2.

In criminal proceedings, the institution of a civil claim is the principal means of restoring the violated property rights of the victim. In this regard, the procedural decision recognizing a person as a civil claimant enables him or her to protect his or her material interests before the court. This mechanism serves to ensure justice by relieving the victim of unnecessary hardship and exempting him or her from the payment of state duty.

**SATTAROV JASURBEK
AVAZBEKOVICH**

Senior Prosecutor of the Master's
Faculty at the Law Enforcement
Academy

CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF FRAUD COMMITTED THROUGH INFORMATION TECHNOLOGIES

***Abstract:** This article provides a comprehensive and systematic analysis of the theoretical and legal foundations of cyber fraud in the era of information technology. It highlights cybercrime statistics in Uzbekistan, along with specific aspects of national legislation and judicial practice. Furthermore, the article identifies the key socio-economic and technical factors leading to cyber fraud and offers practical proposals as well as scientifically grounded recommendations for ensuring cybersecurity.*

***Keywords:** Information technology, cybercrime, cyber fraud, cyber theft, phishing.*

The current stage of human development is characterized by the pervasive integration of information technology into all spheres of life. The Internet and computer systems have become indispensable components of modern existence, encompassing economic relations, public administration, and daily communication. Within the framework of the Development Strategy of New Uzbekistan for 2022–2026, particular emphasis is placed on digital transformation, the growth of the

digital economy, and the strengthening of information security. However, alongside technological progress, criminality is also evolving, discovering new and sophisticated methods of attacking property within cyberspace.

The relevance of this topic is underscored by the unprecedented surge in cybercrime. Specifically, in 2019, 863 crimes of 18 different types were committed using information technology; by 2024, this figure escalated to 58,800 crimes across 62 types. While the share of cybercrime in total criminality was 6.2% in 2023, it reached 44.4% in 2024. Consequently, nearly one in every two crimes in Uzbekistan is now committed through information technology, elevating cybersecurity to a matter of national significance. Between 2021 and 2024, the total damage caused by cybercrimes exceeded 1.9 trillion UZS [1].

The first recorded computer crimes occurred in the United States in the late 1970s. Stanley Rifkin, a computer security consultant for Security Pacific National Bank, bypassed the code controlling the Los Angeles bank's system and ordered the computer to transfer 10 million dollars to his account. According to another version, the first computer crime was committed in the U.S. in 1969 by Alphonse Confessore, who gained unauthorized access to an electronic computer network to commit a tax crime, resulting in damages of 620,000 USD. [2] Daniel Jordan Smith notes that the first computer-assisted fraud schemes appeared in Nigeria in the early 21st century: «In an Internet cafe with twenty-five terminals, a fraudster would use at least four terminals to send out scam emails» [3].

Among the most prevalent types of fraud committed via information technology is «phishing», a term that began to gain media popularity in 1996. The etymology of «phishing» is linked to the English word «fishing», used metaphorically. Another reason for this naming convention is that early hackers were referred to as «phreaks» (where «phreaking» denotes the exploration and experimentation with telecommunication systems). The terms «phreaks» and «hackers» shared closely related meanings [4].

Currently, various countries employ terms such as «computer fraud», «Internet fraud», «computer-related fraud», and «cyber fraud» to describe these offenses. Leading global scholars have also offered proposals regarding the nomenclature of computer-assisted fraud. Specifically, M.A. Efremov utilizes the synonymous concepts of «cyber fraud» and «fraud involving the use of computer data».

Article 8 of the Budapest Convention on Cybercrime (November 23, 2001), titled «Computer-related fraud» mandates that each Party establish as a criminal offense the causing of property loss to another person through: a) inputting, altering, deleting, or suppressing computer data; b) interfering with the functioning of a computer system, provided such acts are committed intentionally and without right, with fraudulent or dishonest intent, for the purpose of obtaining an illegal economic benefit for oneself or another. However, while the Convention defines cybercrime, it does not provide a specific definition for «cyber fraud».

Similarly, the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan does not contain a separate definition for «cyber fraud» It is treated as a form of fraud under Article 168 of the Criminal Code—namely, the acquisition of another's property or the right to another's property through deceit or abuse of trust. According to D.A.Zaykov, «computer fraud» refers to the appropriation, illegal use, or possession of another's property by causing property damage through deceit or breach of trust using computer technology. This includes the misappropriation of funds or causing property damage through the manipulation of ATMs, the Internet, gaming machines, other technical means, and mobile phones [5].

In our view, it is inaccurate to label fraud committed through information technology solely as «computer fraud», as such crimes are not limited to computer devices but utilize various technological advancements. Therefore, the term «cyber fraud» is more appropriate. We define **cyber fraud** as an illegal act aimed at acquiring another's property or the rights thereto through deceit or abuse of trust, utilizing information technology, the Internet, and computer systems.

Fraud is currently one of the most widespread crimes. Its distinctive feature is that the perpetrator does not employ physical force, threats, or weapons. Instead, they obtain property or rights through deception and the exploitation of trust. Consequently, the victim, unaware of the deception, voluntarily relinquishes their property to the criminal.

Article 168 of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan establishes criminal liability for fraud. Paragraph «g» of Part 2 of this article specifically penalizes fraud committed using information systems, including information technology (i.e., cyber fraud). Resolution No. 17 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan (June 23, 2023), «On Judicial Practice in Fraud Cases», clarifies that fraud using information systems involves the theft of property held in financial/banking institutions or funds by manipulating computer equipment, communication devices, tablets, or similar technical devices. Such fraud can occur through the alteration of information processed in computer systems or stored on data carriers, as well as through the entry of false information into a computer system.

This crime is considered completed from the moment the property enters the illegal possession of the perpetrator or others, and they gain a real opportunity to use or dispose of it. Legally, since a person gains the ability to dispose of bank funds from the moment they are credited to their account, the crime is deemed complete when the funds are transferred from the victim's account to the account of the perpetrator or a designated third party through deceit or abuse of trust.

The **object** of cyber fraud (the social relationship protected by criminal law) is the social relationship aimed at the protection of property. Some scholars consider the relationships regulating information security and system usage as an additional object. From the **objective side**, cyber fraud involves the acquisition of property or property rights through deceit or abuse of trust, specifically utilizing information technology as the instrument of the crime.

- **Deceit** involves misleading the victim by hiding the truth or providing intentionally false information to secure the voluntary transfer of property.

- **Abuse of trust** involves the illegal appropriation of property by exploiting a relationship of trust between the perpetrator and the owner, often based on personal or professional ties.

From the **subjective side**, cyber fraud is committed with direct intent and a mercenary motive; the perpetrator is aware of the socially dangerous nature of their actions and desires to commit them. The **subject** of the crime is any sane physical person who has reached the age of 16.

It is crucial to distinguish fraud committed using information technology from theft (larceny) committed by unauthorized access to an information system. In fraud, the victim, as a result of deceit or abuse of trust, voluntarily transfers the property or rights to the perpetrator using IT, being aware that the property is leaving their possession [6].

Cyber fraud possesses unique characteristics, notably **anonymity**. The use of VPN services, proxy servers, and anonymous messengers complicates the identification of criminals. Furthermore, these crimes are **trans-border**; a perpetrator in one country can seize the property of a victim in another. Unlike traditional fraudsters, cybercriminals often possess high-level technical skills. They are predominantly males aged 18–35, motivated by the desire for «easy money».

The primary factors and conditions facilitating cyber fraud include:

- **Economic factors:** Digitization of payments and the rise of cashless transactions.

- **Victimological factors:** Low digital literacy among citizens, gullibility, and the sharing of personal data (SMS codes, card numbers) with strangers.

- **Technical factors:** Vulnerabilities in software and imperfect cybersecurity systems.

The majority of cybercrimes (98%) involve bank card fraud or cyber theft. These are primarily executed through:

- Sending malicious links and software to gain control over devices (60%);
- Social engineering to obtain SMS confirmation codes (16%);
- Issuing online loans in another person's name (4%);
- Fraud on online shopping platforms (11%);
- Various other scam schemes (9%).

According to the Ministry of Internal Affairs of Uzbekistan, 95% of victims inadvertently create the conditions for the crime due to a low level of «cyber-culture»[7].

In conclusion, the sharp increase in cybercrimes, especially cyber fraud, indicates a shift of traditional criminality into the digital space. Although the current Criminal Code provides for liability, the trans-border nature and anonymity of these crimes make detection difficult. It is necessary to clearly define the concept of «cyber fraud» within the Criminal Code or through a Supreme Court Plenum resolution. Furthermore, prevention efforts must include regular public awareness campaigns via media and the Internet regarding new criminal methods and the promotion of cybersecurity skills among social media users.

REFERENCES / BIBLIOGRAPHY

1. Gazeta.uz. (2025, May 29). *Cybercrime Statistics and Analysis*. Available at:

2. Medvedev, S. S. (2008). *Fraud in the Sphere of High Technologies*. [Doctoral dissertation summary, Candidate of Legal Sciences]. Krasnodar. 31 p.

3. Daniel Jordan Smith. (2021). "The Pentecostal Prosperity Gospel in Nigeria: Paradoxes of Corruption and Inequality." *Journal of Modern African Studies*, 59(1), pp. 103-122.

4. Antonio San Martino and Xavier Perramon. (2010, November). "Phishing Secrets: History, Effects, and Countermeasures." *International Journal of Network Security*, Vol. 11, No. 3, pp. 163–171.

5. Zykov, D. A. (2002). *Victimological Aspects of Computer Fraud Prevention*. [Doctoral dissertation, Candidate of Legal Sciences: 12.00.08]. Vladimir. pp. 45–46.

6. Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan. (2023, June 23). *Resolution No. 17: "On Judicial Practice in Cases of Fraud"*. Available at:

7. Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. (n.d.). *Official News and Statistics*. Available at:

**KARIMOV ULUGBEK
XAKIMDJONOVICH**

**Independent Researcher at the
Academy of Law Enforcement**

ENSURING EFFECTIVE PROSECUTORIAL OVERSIGHT BY IMPROVING LIABILITY MEASURES FOR THE PROTECTION OF AGRICULTURAL LAND PLOTS IN UZBEKISTAN

Аннотация: Мақолада Ўзбекистонда ер участкаларини муҳофаза қилиш борасида олиб борилган ислоҳатлар, мазкур соҳадаги қонунчиликнинг шаклланиш ва ривожланиш босқичлари, шунингдек прокурор назоратининг ўрни ва жавобгарликнинг асослари таҳлил қилиниб, мамлакат ер фондининг стратегик аҳамиятга эга қисми бўлган аграр соҳага оид ерлари, айниқса суғориладиган ер майдонларини сақлаб қолиш давлат сиёсатининг устувор йўналишларидан бири эканлиги илмий асосланади. Шу билан бирга, ерларни ноқонуний ажратиш, уларнинг тоифасини ўзбошимчалик билан ўзгартириш ва ер соҳасидаги қонун бузилиши ҳолатларига нисбатан чора кўришда Жиноят, шунингдек Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодексларда белгиланган талаблар, сўнгги ўзгартиришларнинг аҳамияти ва уларнинг суд амалиётида қўлланилишига алоҳида эътибор қаратилган. Мақолада соҳада мавжуд ҳуқуқий бўйлиқлар, жумладан ер участкаларини қайта ижарага бериш тартиби ва бу институтнинг жиноят қонунчилиги билан мутаносиблиги масалалари илмий муҳокама объекти сифатида кўриб чиқилган. Тадқиқот натижалари асосида аграр соҳага оид ерларни муҳофаза

қилиш самарадорлигини ошириш, мавжуд муаммо ва қарама-қаршиликларни бартараф этиш, мазкур тоифадаги жиноятлар бўйича ягона суд амалиётини шакллантириш, шунингдек жиноят қонунчилигини такомиллаштириш орқали профилактика чораларини кучайтиришга қаратилган тақлифлар билдирилган.

Аннотация: В статье анализируются реформы, осуществлённые в Республике Узбекистан в сфере охраны земельных участков, этапы формирования и развития законодательства в данной области, а также роль прокурорского надзора и основания юридической ответственности. Научно обосновывается, что земли аграрного назначения, являющиеся стратегически значимой частью земельного фонда страны, в особенности орошаемые угодья, рассматриваются как одно из приоритетных направлений государственной политики. Одновременно особое внимание уделяется требованиям, закреплённым в Уголовном кодексе и Кодексе об административной ответственности, мерам реагирования на незаконное предоставление земельных участков, самовольное изменение их категории и иные нарушения земельного законодательства, а также значению последних изменений и практике их применения судами. В статье также рассматриваются существующие правовые пробелы, в том числе порядок субаренды земельных участков и соотношение данного института с нормами уголовного законодательства, которые выступают предметом научной дискуссии. По результатам исследования сформулированы предложения, направленные на повышение эффективности охраны земель аграрного назначения, устранение выявленных проблем и противоречий, формирование единообразной судебной практики по делам данной категории, а также усиление профилактических мер путём совершенствования уголовного законодательства.

Abstract: The article analyzes the reforms implemented in Uzbekistan in the field of land protection, the stages of formation and development of legislation in this area, as well as the role of prosecutorial supervision and the grounds of legal liability. It provides a scholarly justification that agricultural land, as a strategically significant component of the national land fund—particularly irrigated land—constitutes one of the priority areas of state policy. At the same time, special attention is given to the requirements established by the Criminal Code and the Code of Administrative Liability, the measures applied in response to the illegal allocation of land plots, the unauthorized change of land categories, and other violations of land legislation, as well as to the significance of recent amendments and their

application in judicial practice. The article also examines existing legal gaps, including the procedure for the sublease of land plots and the correlation of this institution with criminal law provisions, which are considered as subjects of academic discussion. Based on the research findings, proposals are put forward aimed at enhancing the effectiveness of protecting agricultural land, eliminating identified problems and inconsistencies, establishing uniform judicial practice for crimes of this category, and strengthening preventive measures through the improvement of criminal legislation.

Калим сўзлар: *озик-овқат хавфсизлиги, прокурор назорати, Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги Кодекси, Жиноят кодекси, аграр соҳага оид ер участкалари, ер муҳофазаси, ислохотлар, қайта ижара, ер тоифасини ўзгартириш, ер участкасини ўзбошимчалик билан эгаллаш.*

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, прокурорский надзор, Кодекс об административной ответственности, Уголовный кодекс, земли аграрного назначения, охрана земель, реформы, субаренда, изменение категории земель, самовольное занятие земельного участка.*

Keywords: *agricultural land plots, irrigated lands, land protection, prosecutorial supervision, Land Code, criminal liability, administrative responsibility, land reform, lease rights, sub-lease, illegal land seizure, land category transformation, food security.*

Agricultural land plots in the Republic of Uzbekistan possess exceptional value, as land of this category plays a crucial strategic role in ensuring national food security and the sustainable development of the agrarian sector.

Within the system of legislation regulating land use and land protection, agricultural (*land*) legislation has gradually formed as an independent and distinct legal branch. In particular, the legal foundations governing the activities of farmers have been consistently improved. This is primarily обусловлено by the fact that land, as a vital natural resource, requires special legal protection. For land to fully perform its economic and social functions-most notably, to maintain stable productivity and fertility-it is necessary to ensure the systematic implementation of targeted protective measures. From this perspective, taking into account the unique role of agriculture in the national economy, special attention

has been paid during the years of independence to establishing solid and sustainable legal foundations for the regulation of land relations.¹

At the same time, the protection of agricultural land plots should not be limited solely to ensuring a stable system of land use. It also encompasses the safeguarding of the rights of land users and lessees, the clear definition of their rights and obligations, and the application of preventive measures aimed at averting potential violations of land-use rules. Such prevention is achieved, inter alia, through the establishment of administrative and criminal liability for violations committed by landowners, land users, lessees, or other persons, thereby ensuring the inevitability of punishment and deterring future unlawful conduct.

An analysis of reforms implemented during 2017-2025 demonstrates that, alongside land allocation processes, significant efforts have been undertaken to strengthen land protection mechanisms and prevent agricultural land from being withdrawn from circulation. In parallel with the adoption of new regulatory legal acts, the demand for effective organization of prosecutorial supervision over the enforcement of land legislation has steadily increased, which deserves particular emphasis.

For example, by Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan No. PF-3406² dated March 11, 2004, *“On Additional Measures to Ensure the Enforcement of Laws Aimed at Implementing Reforms in Agriculture”* a specialized structural unit was established within the prosecution authorities. This unit was tasked with carrying out comprehensive measures to ensure the strict targeted use of land, prevent the withdrawal of irrigated cropland from agricultural circulation, and exercise continuous supervision over compliance with contractual obligations

¹ Ш.О.Бобоқулов Ўзбекистон Республикасида ердан фойдаланиш ва муҳофаза қилишни ҳуқуқий тартибга солиш муаммолари // Монография // “Lesson Press” нашриёти, <https://staff.tiame.uz/storage/users/942/books/Vk5XRbBd6VEfostteGlxqYCOlAsqx34YXOPGYwR.pdf>, 2024 й. – 6 б.

² Ўзбекистон Республикаси Президентининг 11.03.2004 йилдаги “Қишлоқ хўжалигида ислохотларни амалга оширишга қаратилган қонунлар ижросини таъминлашга оид қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПФ-3406-сонли Фармони // Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 28.09.2020 й., 06/20/6075/1330-сон

related to agricultural production. In addition, the prosecution authorities were entrusted with preventing violations of the procedures established by legislation and regulatory acts in the allocation of land to farms and dehkan households. Special emphasis was placed on preventing abuse of official authority by responsible officials, as well as eliminating practices based on nepotism, favoritism, and the use of kinship or informal personal relationships. Furthermore, the prosecution bodies were assigned the responsibility of protecting the rights and legitimate interests of farmers and dehkan households that ensure the targeted and careful use of land, preserve soil fertility, and comply with environmental standards.

Similarly, by Presidential Resolution No. PQ-138¹ of 21 February 2022, additional responsibilities were assigned to the prosecution authorities with the aim of further strengthening control over the rational use and protection of land plots.

This article seeks to comprehensively analyze the specific reforms implemented since independence to protect agricultural land plots, to identify the underlying reasons for these reforms, and to assess their effectiveness and practical impact at the present stage, while also highlighting existing challenges.

In the initial years of independence, the application of strict measures for administrative offenses and criminal acts related to land protection in Uzbekistan was based on the Criminal Code of the Uzbek SSR of 21 May 1959 and the Code on Administrative Offenses of the Uzbek SSR of 13 December 1985.

In 1994, by Laws No. 2012-XII and No. 2015-XII of 22 September, the Criminal Code² and the Code of Administrative Liability³ of the Republic of Uzbekistan were adopted and entered into force on 1 April

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 21.02.2022 йилдаги “Ер участкаларидан фойдаланишда давлат назорати самарадорлигини ошириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПҚ-138-сонли Қарори // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 22.02.2022 й., 07/22/138/0153-сон

² Ўзбекистон Республикасининг Жиноят кодекси // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 28.11.2025 й., 03/25/1098/1103-сон

³ Ўзбекистон Республикасининг Маъмурий жавобгарлик тўғрисидаги кодекси // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 28.11.2025 й., 03/25/1099/1104-сон

1995. Articles 60, 65, 66, 67, and 68 of the Code of Administrative Liability (*hereinafter – CAL*) established liability for violations of legislation governing the allocation, possession, use, and protection of land plots. These provisions were amended a total of eighteen times, four of which involved replacing the term “minimum wage” with “basic calculation amount,” with approximately 88 percent of all amendments occurring during 2018-2025.

The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan, which entered into force in 1995, initially established liability under Article 196 for land pollution or degradation resulting in mass illness, death of animals, birds, or fish, or other grave consequences, and under Article 197 for violations of land-use and land-protection requirements.

A comparative analysis of the CAL and the Criminal Code reveals that, in its original form, the Criminal Code did not establish specific liability for violations of land-allocation procedures or for unauthorized occupation of land. Consequently, serious violations in this sphere were often investigated under Articles 205, 206, and 209 of the Criminal Code, which relate to abuse of power, exceeding official authority, and official forgery.

When comparing the Code of Administrative Liability and the Criminal Code, it becomes evident that, in its basic form, the Criminal Code does not establish strict liability for violations of land allocation procedures or for the unauthorized occupation of land. As a result, in cases involving serious violations in this area, preliminary investigative actions have been carried out under Articles 205, 206, and 209 of the Criminal Code, which criminalize abuse of authority or official powers, exceeding the scope of authority or official powers, and official forgery (*excluding acts related to fraud and bribery*).

For instance, until 2021, unlawful allocation of irrigated land for non-agricultural purposes by district (*city*) authorities, in violation of Article 44 of the Land Code, was qualified either under Article 66 of the CAL or under Articles 205, 206, or 209 of the Criminal Code.

For reference, it should be noted that under **Article 44 of the Land Code**, the procedure for changing the designated category of irrigated land plots has undergone a number of transformations over the past nine years. Specifically, **until 2019**, such changes were carried out on the basis of a decision of the regional governor, subject to coordination with the Cabinet of Ministers. **Until 2021**, the procedure required a decision of the regional governor based on coordination with the Cabinet of Ministers and conclusions issued by the Ministries of Agriculture and Water Resources, as well as the State Committee for Land Resources, Geodesy, Cartography, and State Cadastre (*with the exception of cases where land was allocated for other purposes pursuant to a decision of the President of the Republic of Uzbekistan*). **Until 2025**, changes to the category of irrigated land were implemented by a decision of the President of the Republic of Uzbekistan based on conclusions provided by the Ministries of Agriculture and Water Resources.

At present, pursuant to the newly introduced **Article 44¹**, such changes are to be effected by a **Presidential decree** of the Republic of Uzbekistan, based on conclusions issued by the Ministries of Agriculture and Water Resources and the **Cadastre Agency under the Ministry of Economy and Finance**.

In other words, considering that **the authority to change the designated category of irrigated land plots has neither previously nor currently fallen within the competence of district (*city*) governors**, a legitimate question arises as to **by what procedures such land categories were altered and what mechanisms led to the emergence of these violations**.

An analysis of the mechanisms underlying such violations shows that, in most cases, the reclassification of land plots allocated for non-agricultural purposes was achieved through **formal manipulations**, including: recording such land in the minutes of land allocation (*realization*) commissions and in the adopted decisions of governors as land “not used for agricultural purposes,” or altering land contour

numbers during the preparation of land balance reports and in the course of land monitoring conducted under state assignments.

Most regrettably, when the category of such land was changed through allocation, **compensation for losses to agricultural and forestry production**, as provided for under **Article 87¹ of the Land Code** or under the Regulation approved by the Resolution of the Cabinet of Ministers No. 146² of 25 May 2011 “*On the Procedure for Compensation for Damage Caused to Owners, Users, Lessees, and Proprietors of Land Plots, Losses to Agricultural and Forestry Production, as well as Damage Resulting from the Withdrawal of Land from Agricultural Use*”, was often not assessed or paid.

In general, in such cases where irrigated land plots were allocated for non-agricultural purposes, **priority should have been given to assessing land fertility**, determining whether the land belonged to the category of particularly valuable fertile irrigated land, and calculating losses to agricultural and forestry production with the involvement of qualified specialists from relevant authorities.

However, in practice, taking into account that compensation for agricultural and forestry production losses was often paid at the expense of the state, **investigative actions were frequently conducted in a one-sided manner**, and such losses were not recognized as damage. As a result, criminal proceedings were prematurely and hastily terminated, and subsequently closed.

Conversely, for violations stipulated under **Article 66 of the Code of Administrative Liability**, liability was typically imposed only on the **secretary of the commission**, while other members—such as the deputy governor (*and in some cases the governor acting as chair of the commission*), representatives of agriculture, water management, ecology

¹ Ўзбекистон Республикаси Ер кодекси // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 05.05.2025 й., 03/25/1062/0410-сон

² Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 25.05.2011 йилдаги “Шаҳарсозлик фаолиятини амалга ошириш ҳамда кишлоқ хўжалигига оид бўлмаган бошқа эҳтиёжлар учун ер участкалари бериш тартибини такомиллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги 146-сонли қарори // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 31.05.2024 й., 09/24/316/0385-сон

and environmental protection, architecture and construction, geology and mineral resources, state property management, sanitary and epidemiological services, citizens' self-governing bodies, and other officials-were left outside the scope of responsibility.

At the same time, given that land plot realization was carried out on the basis of **commission minutes and governors' decisions**, it should be recognized that officials who signed the commission records often **exceeded their authority and committed official forgery**, which in turn led to the adoption of unlawful gubernatorial decisions. In such circumstances, district (*city*) governors, by signing decisions without thoroughly reviewing and evaluating the commission minutes, effectively enabled the reclassification of irrigated land plots through land realization, thereby causing **significant damage or substantial harm to state or public interests**. In these cases, losses to agricultural and forestry production that should have been compensated at the state's expense ought to have been recognized as legally relevant damage.

Furthermore, one of the previously existing legislative gaps-**illegal seizure of land plots**-was frequently identified in investigative reviews. In most cases, such practices resulted in violations of **Articles 24 and 36 of the Land Code**, ultimately creating serious difficulties for subsequent lessees in exercising their land-use rights.

Similarly, cases were identified in practice where land users or lessees failed to comply with land protection rules, which led either to the **unauthorized occupation of land plots by local residents**, or, conversely, to the **illegal sale of land plots**. The lack of a sufficiently robust legal framework for qualifying such conduct created notable enforcement difficulties. For example, although land users or lessees who illegally sold land plots were prosecuted under **Article 168 of the Criminal Code**, and unauthorized occupation cases were addressed under **Article 229¹**, the failure to ensure the **restoration of land plots to their original status** resulted in agricultural land, including irrigated land, being effectively withdrawn from lawful circulation.

Mardonov K.K.¹ posits that the ongoing instances of non-compliance with land legislation, irrational and inefficient use of land plots-including illegal constructions-and unauthorized land seizure in various regions necessitate the introduction of a unified control system through the extensive use of digital technologies. Furthermore, he emphasizes the need for enhanced cooperation between competent authorities in this area.

By 2021, significant shifts occurred in the protection of agricultural land plots. Specific grounds for criminal liability were introduced into the Criminal Code for the failure to take measures to prevent the unauthorized seizure of irrigated lands (*Article 197¹*), violation of the land allotment procedure (*Article 229⁴*), illegal withdrawal of a land plot (*Article 229⁵*), and the sale or other unlawful alienation of rights to irrigated land plots or parts thereof (*Article 229⁶*). Crucially, it was established that measures would be taken regardless of the amount of damage caused in cases involving the withdrawal of irrigated land plots from circulation, marking a radical change in the legal protection of the agricultural sector.

In our view, when protecting agricultural land, particularly irrigated areas, primary attention should be focused not merely on the damage caused or the failure to take action, but first and foremost on the withdrawal of such lands from economic circulation as a result of the violation, and secondly, on the measures taken to restore them to their original state.

According to the 2021 amendments, criminal liability is now established as follows:

– **Article 197¹ (Parts 1 or 2):** Failure by a landowner, land user, or tenant to take measures to prevent unauthorized seizure of irrigated land, including failure to notify competent authorities of such facts, if committed after the application of an administrative penalty for the same

¹ К.К.Мардонов Ўзбекистон Республикасида ер соҳасидаги қонунчилик ижроси устидан прокурор назоратининг устувор йўналишлари // Цифровизация деятельности судов: текущие и перспективные задачи, <https://inlibrary.uz/index.php/digitalization-activity-courts/article/view/16609>, - 2022., - №1, - 137-142 б.

act, or if committed repeatedly or by a group of persons by prior conspiracy;

– **Article 229⁴ (Part 1 and 2):** Violation of the land allotment procedure after an administrative penalty. Part 2 applies if the act is repeated, leads to the withdrawal of irrigated lands from agricultural turnover, is committed by a group of persons by prior conspiracy, or results in the alienation or reduction of state-owned land intended for the cultural, social, or recreational needs of the population.

– **Article 229⁵ (Parts 1-4):** Illegal withdrawal of a land plot after an administrative penalty, or if the withdrawal leads to the demolition of buildings, structures, or trees without prior and full compensation of their market value and associated damages. Stricter liability applies if the act causes substantial, large, or especially large-scale damage, or is committed in a manner dangerous to the public.

– **Article 229⁶:** Part 1 covers the sale or unlawful alienation of rights to irrigated land. Part 2 applies if the act results in large-scale damage, is committed by a group by prior conspiracy, by a dangerous recidivist, or through the abuse of official position. Part 3 applies to cases involving especially large-scale damage, an organized group, or an extremely dangerous recidivist.

Analysis of the reforms shows that during 2021–2025, a total of 493 criminal cases were initiated under these new articles. Of these, 9.7% pertained to the failure to prevent unauthorized land seizure, 43% to violations of land allotment procedures, 47% to the illegal sale or alienation of rights to irrigated land, and 0.2% to the illegal withdrawal of land plots.

However, alongside the achievements of these reforms, certain challenges in the application of criminal legislation remain unresolved, and new issues are emerging that require further scholarly and practical attention

Firstly, a person who commits a crime for the first time by failing to take measures to prevent the unauthorized occupation of irrigated land shall be exempted from criminal liability if he or she ensures the return of

the unlawfully occupied land plot and eliminates the consequences of such unauthorized occupation. A similar incentive mechanism, albeit partially (*for example, in the form of mitigation of punishment*), is also provided for the crime of unauthorized occupation of land plots.

However, such incentive opportunities are not stipulated in the Criminal Code for persons who violate the established procedure for allocating land. This, in turn, discourages the application of measures aimed at motivating such persons toward correction. Moreover, taking into account that the failure to take measures to prevent the unauthorized occupation of irrigated land is generally preceded by administrative liability and only subsequently qualifies as a criminal offense, it becomes necessary to consider extending similar incentive mechanisms to cases of unauthorized occupation of land plots.

That is, it is proposed to explicitly incorporate into Articles 197¹, 229¹, and 229⁴ of the Criminal Code a strict incentive norm whereby a person who commits a crime for the first time shall be exempted from criminal liability if he or she ensures the return of an unlawfully occupied or unlawfully allocated land plot and eliminates the consequences of unauthorized occupation or illegal allocation within thirty days from the date the crime is detected.

Secondly, a number of Presidential Decrees of the Republic of Uzbekistan have been adopted, including:

- the Decree of June 17, 2019 No. PF-5742¹ “On Measures to Ensure Efficient Use of Land and Water Resources in Agriculture”;
- the Decree of June 8, 2021 No. PF-6243² “On Measures to Ensure Equality and Transparency in Land Relations, Reliable Protection of Land Rights and Their Transformation into Market Assets”;

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 17.06.2019 йилдаги “Қишлоқ хўжалигида ер ва сув ресурсларидан самарали фойдаланиш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-5742-сон Фармони // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 18.02.2025 й., 06/25/22/0156-сон

² Ўзбекистон Республикаси Президентининг 08.06.2021 йилдаги “Ер муносабатларида тенглик ва шаффофликни таъминлаш, ерга бўлган ҳуқуқларни ишончли ҳимоя қилиш ва уларни бозор активига айлантириш чора-тадбирлари тўғрисида”ги ПФ-6243-сонли Фармони // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 12.09.2025 й., 06/25/172/0824-сон

– and the Decree of January 18, 2024 No. PF-15¹ “On Additional Measures to Improve the Procedure for Leasing Agricultural Land Plots.”

As a result of these reforms, on October 9, 2024, the Law of the Republic of Uzbekistan No. ORQ-973² “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan in Connection with the Improvement of the Procedure for Leasing Agricultural Land Plots” was adopted. This Law introduced Article 24⁵ into the Land Code, which provides for the possibility of transferring rights and obligations in respect of agricultural land plots to another person (*subleasing*).

By Resolution of the Cabinet of Ministers No. 6³, dated January 10, 2025, relevant amendments and additions were introduced to Resolution No. 709 of November 24, 2021, “On the Approval of Normative-Legal Acts Regarding the Procedure for Leasing Agricultural Land Plots.” These updates officially enacted the “Regulation on the Procedure for Transferring Rights and Obligations Over a Land Plot to Another Person (*Subleasing*)”

This Regulation establishes the procedure for transferring rights and obligations to agricultural and non-agricultural land plots. According to Article 8 of the Land Code of the Republic of Uzbekistan, the land fund is divided into eight categories, one of which consists of agricultural lands. Article 43 of the same Code specifies that agricultural lands include arable lands (*irrigated and rain-fed*), lands occupied by perennial

¹ Ўзбекистон Республикаси Президентининг 18.01.2024 йилдаги “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ер участкаларини ижарага бериш тартибини такомиллаштириш бўйича қўшимча чора-тадбирлар тўғрисида”ги ПФ-15-сонли Фармони // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 12.09.2025 й., 06/25/172/0824-сон

² Ўзбекистон Республикасининг 09.10.2024 йилдаги “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ер участкаларини ижарага бериш тартибининг такомиллаштирилиши муносабати билан Ўзбекистон Республикасининг айрим қонун ҳужжатларига ўзгартириш ва қўшимчалар киритиш тўғрисида”ги ЎРҚ-973-сон Қонуни // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 10.10.2024 й., 03/24/973/0800-сон

³ Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 10.01.2025 йилдаги “Вазирлар Маҳкамасининг “Қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ер участкаларини ижарага бериш тартибига доир норматив-ҳуқуқий ҳужжатларни тасдиқлаш тўғрисида” 2021 йил 24 ноябрдаги 709-сон қарорига қишлоқ хўжалигига мўлжалланган ер участкаларини ижарага бериш тартибини такомиллаштиришга қаратилган қўшимчалар киритиш ҳақида”ги 6-сонли қарори // Қонунчилик маълумотлари миллий базаси, 13.01.2025 й., 09/25/6/0023-сон

plantations (*orchards, vineyards, mulberry plantations, fruit tree nurseries and other perennial plantations*), fallow lands, hayfields, and pastures.

Under the Regulation, subleasing of a land plot must be carried out through a notarial office, and the lease agreement must be registered in the state register in accordance with the procedure established for the state registration of immovable property.

However, as noted above, by Law No. ORQ-708 of August 16, 2021, Article 229⁶ was introduced into the Criminal Code, establishing liability for selling rights to an irrigated land plot or part thereof, or for otherwise unlawfully transferring such rights to another person.

Resolution No. 36¹ of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan dated December 16, 2024 “On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Related to Violations of Land Legislation” clarifies in paragraphs 17–22 that selling rights to an irrigated land plot or part thereof means transferring such rights to another person in exchange for material benefit or other consideration.

At the same time, this Resolution does not explicitly state that actions carried out in accordance with Article 245 of the Land Code and the Regulation approved by Resolution No. 709 of the Cabinet of Ministers do not fall within the scope of criminal legal influence.

The existence of such contradictions may lead to disputes in law-enforcement practice in the future and may negatively affect the effectiveness of prosecutorial supervision. In order to eliminate these inconsistencies, it is considered appropriate to introduce the following amendments and additions, in particular:

– to supplement Chapter 2 of the Regulation “On the Procedure for Transferring Rights and Obligations to a Land Plot to Another Person (Sublease)” approved by Resolution No. 709 of the Cabinet of Ministers with Article 91, establishing that the transfer of lease rights to a land plot

¹ Ўзбекистон Республикаси Олий суди пленумининг 16.12.2024 йилдаги “Ер тўғрисидаги қонунчиликни бузиш билан боғлиқ жиноят ишлари бўйича суд амалиётининг айрим масалалари тўғрисида”ги 36-сонли Қарори

may be carried out on a gratuitous or paid basis, with the relevant conditions specified in the agreement;

– to supplement paragraph 17 of Resolution No. 36 of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan with a fourth subparagraph stating that cases of transferring land rights in accordance with Article 24⁵ of the Land Code and the above-mentioned Regulation shall be excluded from criminal liability, while sales of irrigated land plots carried out in violation of these requirements or other legislative acts shall constitute grounds for criminal prosecution.

This approach would require investigative bodies and courts to consider the intent of lessees, including attempts to conclude oral agreements or to avoid notarization of transactions when transferring rights to irrigated land plots, thereby preventing disputes during investigation and trial proceedings.

An analysis of the views of foreign scholars on the protection of agricultural land plots confirms the necessity of the proposed amendments. For example, Otcheskaya T.I.¹ notes that prosecutorial supervision over the enforcement of land legislation in the Russian Federation has specific features, which are обусловлены by the principle enshrined in the Land Code of the Russian Federation that land must be protected as one of the most important components of the environment.

In conclusion, considering that all types of agricultural land plots currently hold a vital strategic position in the socio-economic development of our country, it is essential to focus on their protection and the elimination of existing legal conflicts and inconsistencies. We believe that establishing a unified judicial practice for crimes committed against this category of land, along with refining criminal legislation, will not only ensure robust protection through prevention but also lead to a significant increase in the effectiveness of prosecutorial oversight over the execution of legislation in this field.

¹ Отческая Т.И. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о защите земли и почвы//Вектор юридических наук: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-ispolneniem-zakonodatelstva-o-zaschite-zemli-i-pochvy/viewer>, - 2024., -№6. – 60-71 б.

ИСЛОМБЕКОВ БЕҲЗОДБЕК
ИСЛОМБЕКОВИЧ
Ўзбекистон Республикаси Жамоат
хавфсизлиги университети мустақил
изланувчиси

МЕТРОПОЛИТЕН ОБЪЕКТЛАРИДА ЖАМОАТ ХАВФСИЗЛИГИ ВА УНИ ТАЪМИНЛАШГА ТАЪСИР ҚИЛУВЧИ ОМИЛЛАР

АННОТАЦИЯ. Мақолада метрополитенда жамоат хавфсизлиги ва уни таъминлашга таъсир қилувчи объектив, субъектив, антропоген, криминоген, техноген ва бошқа омиллар ҳақида сўз юритилади ва ҳозирги замон талаби ва хорижий тажрибалардан келиб чиқиб уларни бартараф қилишнинг йўл-йўриқлари кўрсатилади.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются объективные, субъективные, антропогенные, криминогенные, техногенные и другие факторы, влияющие на общественную безопасность и ее обеспечение в метрополитене, а также предлагаются рекомендации по их устранению на основе современных требований и зарубежного опыта.

ANNOTATION. The public safety in the metro and the objective, subjective, anthropogenic, criminogenic, technogenic, and other factors influencing its provision are discussed in the article. Based on current requirements and international experience, methods for eliminating these factors are presented.

Таянч сўзлар: жамоат хавфсизлиги, антропоген омиллар, криминоген омиллар, техноген омиллар, замонавий технологиялар.

Ключевые слова: общественная безопасность, антропогенные факторы, криминогенные факторы, современные технологии.

Keywords: public safety, anthropogenic factors, criminogenic factors, technogenic factors, modern technologies.

Метрополитен объектларида жамоат хавфсизлиги — автомобиль, темир йўл, ҳаво ва дарё транспортидан фарқ қилувчи, ёпиқ (ер ости тоннеллари) ва муайян чекланган (Ер усти халқа йўли) ҳудудда фаолият юритувчи метрополитен инфратузилма объектларида, аниқроғи, унинг ҳудудида ҳаракатланаётган

йўловчилар ва бошқа шахслар (метрополитендан фойдаланишда махсус ҳуқуққа эга бўлган ваколатли шахслар)нинг Конституцияда белгилаб қўйилган ҳаёти, соғлиғи учун хавф-хатарнинг йўқлиги, қонуний ҳуқуқлари, эркинликлари ва манфаатларининг барқарор таъминланишидир. Бу икки линияли поездлар ҳаракат тизимида теварак-атрофнинг ёпиқлиги, йўловчилар ҳаракатланадиган бекат ва майдончалар, метрополитен хизматчилари ҳамда ИИО метрополитенда хавфсизликни таъминлаш бошқармаси (МХТБ) хизмат биноларидан иборат барча инфраструктура объектлари (бекатлар, деполар, айрим кассалар, маъмурий ва бошқа хизмат бино ва иншоотлари, электр станциялар, шамоллатиш тизимлари, майдончалар, платформалар, йўлдан-йўлга ўтиш, кириш ва чиқиш жойлари ҳамда бошқ.)нинг ўраб олинганлиги ушбу ҳудудда жамоат хавфсизлиги учун хавф манбаи юқорилигидан далолат беради.

Жамоат хавфсизлигига таъсир кўрсатувчи *омиллар* ҳақида сўз юритилар экан, биз бу ўринда аввало “омил” сўзининг луғавий маъносига эътибор қаратамиз, *Омил* – I (араб. сабаб, таъсирчан куч). Иш-ҳаракат, воқеа-ҳодиса ва ш.к.нинг юзага чиқиши, содир бўлиши учун сабаб бўлган нарсаси; сабаб. II (араб. ишловчи, ҳаракатдаги; ҳақиқий; ишчи, хизматчи)¹. Юридик фанда омиллар турли мезонлар асосида таснифланади.

Масалан, метрополитен умумий тузилиши, келиб чиқишига кўра хавф манбаи юқори бўлган (табiiй) *объектив омиллар* сирасига киритиш мумкин. Метрополитен муайян чекланган масофа ва ҳудудни ташкил этганлиги сабабли, турли субъектив омиллар таъсирида содир бўладиган тажовузлар ва унинг оқибатида юз берадиган ҳалокатлардан ҳимояланиш, яшириниш ёки ундан қочиб қутулишнинг иложи бўлмайди.

Ўзбекистон Республикаси қурилиш ва уй-жой хўжалиги вазирининг “Хавфи юқори бўлган объектларининг рўйхатини тасдиқлаш ҳақида”ги 2024 йил 5 сентябрь 7/944 63–01-сонли буйруғининг “Хавфи юқори бўлган объектларнинг рўйхати” иловасининг 55-бандида “метрополитен транспорти инфра-тузилмаси объектлари – умумий тармоқ темир йўллари, тоннеллар ва эстакадалар, бекатлар, хизмат кўрсатиш объектлари ва

¹ Ўзбек тилининг изоҳли луғати. 5 жилдлик. 3 жилд. 80000 мингга яқин сўз ва сўз бирикмаси / Масъул муҳаррир А.Мадвалиев. – Тошкент: Uzbekiston, 2020. – Б. 122.

мухандислик таъминоти тизимлари” хавфи юқори бўлган объектлар рўйхатига киритилган¹.

Субъектив омиллар – булар метрополитен объектларига нисбатан бўладиган ҳар қандай ташқи таҳдидлар; инсон (субъект) қўли билан ва унинг иштирокида содир этилиши эҳтимол тутилган *антропоген омиллар* – жиноий хатти-ҳаракатлар, ғайриқонуний қилмишлар. Уларга қарши курашиш аввало, субъектив омилларни бартараф этиш орқали объектив омил (метрополитен объектлари)нинг хусусиятидан келиб чиқиб, унинг хавфсизлигини ҳар томонлама таъминлашга масъул бўлган давлатнинг махсус субъектлари фаолиятининг асосий мажбурияти ҳисобланади.

Юқоридагилардан келиб чиқадиган бўлсак, жамоат хавфсизлигига таъсир қилиш *мазмун* бўйича омилларни криминоген, антикриминоген ва огоҳлантирувчи омилларга ажратиб ўрганиш мақсадга мувофиқдир.

Метрополитенда жамоат тартиби ва жамоат хавфсизлигига таҳдид қилувчи *криминоген омиллар* – булар ўғрилик, талончилик, босқинчилик, фирибгарлик, товламачилик, одам ўлдириш, гиёҳвандлик ва шу каби бошқа ҳар қандай ҳуқуқбузарликларнинг содир этилишига шарт-шароит яратувчи вазият, шарт-шароит ҳисобланади.

Тадқиқотлар натижасида аниқландики, метрополитен объектларида бундай шарт-шароитлар, яъни криминоген омилларнинг юзага келишига қуйидагилар туртки бўлади:

а) куннинг тиғиз вақтлари – эрталаб соат 7.00 дан 10.00 гача, кечқурун соат 16.00 дан кечқурун 19.00 гача метро бекатларида одамларнинг тўпланиб қолиши сабабли платформалар ва вагонларда юзага келган тирбандлик ҳолати;

б) метро бекатларининг йирик корхона, таълим муассасалари, бозор ва савдо шаҳобчалари, стадионлар, санъат саройлари ва бошқа аҳоли зич яшайдиган манзиллардан ўтганлиги сабабли аҳолининг гавжумлиги;

в) пойтахтимизда бўлиб ўтадиган давлат тадбирлари, байрамлар, футбол мусобақалари, фестиваллар, турли кўнгилочар

¹ Ўзбекистон Республикаси қурилиш ва уй-жой хўжалиги вазирининг “Хавфи юқори бўлган объектларининг рўйхатини тасдиқлаш ҳақида”ги 2024 йил 5 сентябрь 7/94463–01-сонли буйруғи.

томошалар, концертлардан кейин бекатларда йўловчиларнинг ҳаддан ташқари кўпайиб кетиши;

г) куз ва қиш мавсумлари қаттиқ ёғингарчилик шароитларида одамларнинг метро хизматидан фойдаланишга бўлган эҳтиёжининг кучайиши ва бошқ.

Тадқиқотлар натижасида маълум бўлдики, метрополитен хавф манбаи юқори бўлган объект саналишининг яна бир омили – террорчилик хужумлари ёки портлашлар оқибатида метрополитеннинг чекланган ҳудудида ёки вагонларда қурбонлар сонининг ташқарига қараганда бир неча баробар кўп бўлиши. Бундай фожиали ҳолатлар дунё метрополитенларида кўп бор кузатилган.

Масалан, Россиялик олима А.С.Игошкинанинг таъкидлашича, метрополитеннинг инфраструктураси кўпуровчилик акти учун қулайлиги; йўловчилар оқимининг кўплиги ва тор маконда портлаш чоғида одамларга юқори даражада зарар етказилиши; поездлар ҳаракатининг тезлиги; станцияга киришнинг эркинлиги; кириш чоғида қурол ва портловчи моддаларни аниқлаш мақсадида йўловчилар оқимининг зичлигидан уларни синчковлик билан бирма-бир текширишнинг иложи йўқлиги¹ аҳамиятлидир. Бунга бир неча мисолларни келтириш мумкин: 2010 йилнинг 29 март куни Москва метросида бир қатор портлашлар содир этилди. Бу портлашлар метрополитеннинг “Сокольнический” йўналишининг “Лубянка”, “Парк культуры” бекатларида содир этилиб, террорчи бунда шахид белбоғидан фойдаланган². Шунингдек, Минск метрополитени Октябрь бекатида 2011 йилнинг 11 апрель куни содир этилган террорчилик акти натижасида 15 нафар фуқаро ҳалок бўлган ва 200 дан ортиқ шахс турли даражада жароҳатланган³.

Шу боис Россиялик олим М.А.Смирновнинг фикрича, метрополитен транспорт инфратузилмаси объектларида хавфсизликни таъминлаш мақсадида давлат ушбу йўналишда ташкилий, иқтисодий ва бошқа чоралардан иборат аниқ ва мақсадли сиёсат олиб бориши керак⁴.

¹ Игошкина А.С. Криминологические аспекты антитеррористической защищенности метрополитенов: дис.канд юрид наук. – М.: Московский университет МВД России, 2009. – С.16.

² <https://wikipedia.org>. Вызрывы в Московском метрополитене (2010).

³ <https://ru.wikipedia.org>. Террористический акт в Минском метрополитене.

⁴ Смирнов М.А. Административно-правовое обеспечение общественной безопасности на объектах метрополитена: дисс. на соискание ученой степени канд. юрид наук. – М.:

Айнан шунинг учун ҳам бугунги кунда оғир жиноятларнинг олдини олиш мақсадида уларнинг ҳали бошланмасданоқ барвақт олдини олиш борасида превентив чоралар кўриш давр талабидир. Шу муносабат билан, Ўзбекистон Республикаси Президентининг “Жамоат хавфсизлигини таъминлаш ва жиноятчиликка қарши курашиш соҳасида ички ишлар органлари фаолиятини сифат жиҳатдан янги босқичга кўтариш чора-тадбирлари тўғрисида”ги 2021 йил 26 март ПФ-6196-сон Фармони¹да “ички ишлар органлари ходимларининг замонавий қиёфасини яратиш, уларнинг масъулияти ва касбий салоҳиятини ошириш, жиноятчиликнинг янги кўринишларига қарши курашиш учун зарур кўникмаларни шакллантириш ҳамда соҳани *тўлиқ рақамлаштиришга эришиш*” билан боғлиқ фикрлар эндиликда ИИО МХТБ ходимларининг замон талабидан келиб чиқиб, ўз интеллектуал салоҳиятини янада ривожлантириш, ишга нисбатан талабчан ва чуқур масъулиятли бўлиш, хизматда инновацион рақамли технологияларни қўллаш кўникмаларини пухта эгаллашни тақозо этмоқда. Демак, метрополитен объектларида криминоген омилларни тўлиқ бартараф этиш кўрсаткичларидан энг муҳими – бу *инсон омили салоҳиятини кучайтириш*, метрополитен барча объектлари тизимини замонавий технологиялар билан жиҳозлаш орқали тўлиқ модернизациялашга эришишдир.

Метрополитенда жамоат хавфсизлигини таъминлашда *антикриминоген омиллар* – бу криминоген омилларни бартараф этиш учун уларга қарши курашда қўлланиладиган маъмурий-ҳуқуқий, жиной-ҳуқуқий ва профилактик чора-тадбирлар комплекси бўлиб, жиноятчиликка қарши курашиш ва уларнинг олдини олиш натижасида яратиладиган *барқарор вазият*. Метрополитен объектларида антикриминоген омиллар деганда, жиноятчиликка қарши таъсирчан чораларни ўз вақтида ва оқилона қўллаш орқали жамоат тартиби ва хавфсизлигини таъминлаш бўйича ҳуқуқбузарликларнинг ҳар қандай кўринишига қарши

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я.Кикотя, 2020. – С. 24.

¹ Жамоат хавфсизлигини таъминлаш ва жиноятчиликка қарши курашиш соҳасида ички ишлар органлари фаолиятини сифат жиҳатидан янги босқичга кўтариш чора-тадбирлари тўғрисида: Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 26 март ПФ-6196-сон Фармони //Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 26.03.2021 й., 06/21/6196/0240-сон)

курашишда қўлланиладиган восита ва усуллар комплексидан фойдаланиш орқали ҳудудда йўловчилар учун ҳар томонлама хавфсиз, қулай ва барқарор шарт-шароит яратиш тушунилади.

Метрополитенда жамоат хавфсизлигини таъминлашда амалга ошириладиган *огоҳлантирувчи омиллар* – бу метрополитен объектлари тизимида олиб бориладиган кенг қамровли профилактик тадбирлар (мас. объектнинг фаолият жараёни, ҳаракат таркибининг узлуксиз, барқарор ва уйғун ишлашининг таъминланиши учун хавфсизлик чоралари) комплексидан иборат.

Профилактик чора-тадбирлар қуйидагича:

биринчиси – метрополитенда бўлган йўловчиларни ҳуқуқбузарликлардан огоҳлантирувчи воситалар – метрополитен объектларининг барча ахборот ва видео тармоқлари орқали кенг доирада тарғибот ва ташвиқот шаклида олиб борилади;

иккинчиси – ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш билан боғлиқ техник воситалар – метрополитен объектларида ўрнатилган видеокузатув, радиоалоқа ва сигнализация қурилмаларидан фойдаланиш орқали ҳуқуқбузарликларни аниқлаш билан амалга оширилади;

учинчиси – ички ишлар органлари ходимларининг куч ва воситалари – инсон омили ёрдамида назоратдаги объектнинг барқарор, узлуксиз ва бир маромда фаолият юритишини таъминлаш мақсадида нарядлар шаклида (24/7 туну кун) қўриқлови ташкил этилади.

Метрополитенда жамоат хавфсизлигини таъминлашга таъсир этувчи омиллардан яна бири – бу енгиб бўлмайдиган куч, *табиий ва техноген омиллар* ҳисобланади.

Тадқиқот натижасида шу нарса маълум бўлдики, табиат ҳодисалари, фавқулодда ҳолатлар билан боғлиқ омиллар ҳам жамоат хавфсизлигини таъминлашда асосий эътибор қаратиладиган муҳим жиҳатлардан бири ҳисобланади. Масалан, 2019 йилнинг 18 декабрида метронинг Юнусобод йўналиши қурилиши ҳудудида тупроқ ўприлиши юз берган ва оқибатда 6 киши ҳалок бўлган. “Газета.uz”нинг сўровига биноан Тошкент прокуратураси биринчи бўлиб Фавқулодда ҳодисада айбдор бўлган тўрт нафар мутахассиснинг номини айтган. Ўрганишлар шундан далолат берадики, “Махсус текширув комиссиясининг хулосасига кўра, тупроқнинг ўприлиб тушиши қурилиш жараёнидаги камчиликлар

ва ишда лойиҳадан чекиниш, шунингдек, тупроқнинг тинимсиз ёмғир ва канализация сувларини шимиши оқибатида юз берган”. Айбдорларга нисбатан ЖК 257-м. 2-қ. “а” банди (одам ўлимига олиб келган меҳнатни муҳофаза қилиш қоидаларини бузиш) ва 258-модда 2-қ. “а” банди (одам ўлимига олиб келган тоғ-кон, қурилиш ёки портлатиш ишлари хавфсизлиги қоидаларини бузиш) “ижтимоий хавфи катта бўлмаган тоифага кирувчи” жиноят учун жавобгарлик назарда тутилган.

“Ўзбекистон темир йўллари” ДУК бошқармасининг ижобий тавсияномасини эътиборга олиб, Ўзбекистон Республикаси ЖПК 84-моддаси 2-қисмининг 2-бандига кўра шахснинг ижтимоий хавфи катта бўлмаган жиноятни биринчи марта содир этганлиги, қилмишидан чин кўнгилдан пушаймонлиги, жиноятни фош этишда фаол қатнашганлиги ва етказилган зарарни қоплаганлиги бўйича жиноят иши тугатилган¹.

Об-ҳавонинг ёмонлашиши, қалин қор натижасида йўлларнинг музлаши, тўхтовсиз ёмғир ёғиши, сел, аномал совуқ оқибатида метрополитенда йўловчиларнинг ҳаддан ташқари кўпайиб кетиши, шунингдек инсон таъсири билан боғлиқ юқумли касалликлар, эпидемия ва пандемия шароитида ҳам метрода ҳаракатланишнинг чекланишини ҳам фавқулодда ҳолат деб ҳисоблаш мумкин.

2019–2020 йилларда бутун жаҳон ва мамлакатимизда юз берган “COVID-19” пандемиясининг метрополитенда жамоат хавфсизлигини таъминлашга бевосита таъсир қилувчи энг хавфли омиллардан бири эканлиги исботланди. Интернет маълумотига кўра метродаги ҳавонинг 15%ни инсон терисидан чиққан микрозаррачалар ташкил этади². Агар метрополитенда ҳаракат чекланмай, Жаҳон Соғлиқни Сақлаш Ташкилоти ва мамлакатимиз ҳудудида эпидемиядан ҳимояланишнинг тегишли талабларига риоя этилмаганида, машъум касаллик қурбонлари сонининг ортиб кетишига олиб келган бўлар эди. Метро бекатлари ва транспортда тирбандлик ҳолатида бундай касалликларнинг тез тарқалиши исботланди.

Метрополитенда жамоат хавфсизлигини таъминлашга таъсир қилувчи омиллардан яна бири – метрополитен ҳудудлари, поезд

¹ Метронинг Юнусобод йўналиши қурилишидаги фавқулодда ҳодиса нима билан яқунланди? <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/24/yunusabad-case/>

² <https://dzen.ru/a/XZuA2DZCtgCtPvJl>.

вагонлари ичида йўловчилар томонидан унутиб қолдириладиган нарса ва ашёлардир. Бу ҳақда “Метрополитенда йўловчилар ҳамда бошқа шахсларнинг бўлиш қоидалари”нинг 2-бандида хавфсизликни таъминлаш мақсадида йўловчиларнинг юкларини “кўздан кечириш”га таъриф берилган. Қоидаларнинг “Метрополитендан фойдаланишда хавфсизлик талаблари” деб номланадиган 2-бобининг 7-бандида эса, “Қолдирилган ашёга (буюмга) бирор-бир механик таъсир кўрсатиш (бошқа жойга олиб ўтиш, очиш ва бошқалар) унинг атрофидаги ёруғликни, ҳароратни ва товушни ўзгартириш ҳамда ашё яқинида радиоэлектр воситаларидан фойдаланиш қатъиян ман этилади” дейилган.

Метрополитен бекатида эгасиз қолдириб кетилган нарса (ашё) аниқланган тақдирда унинг атрофи ўраб олиниб, белгиланган гуруҳ уни кўриқлаб туради, агар у поезд вағони ичида бўлса, йўловчилар тушириб юборилади, поезд йўналишдан олинадиган ва махсус гуруҳнинг келиши кутилади. Махсус гуруҳнинг етиб келиш вақти бекат жойлашувига қараб 2 дақиқадан 30 дақиқагачани ташкил этади. Бу эса, ўз навбатида, бекатларда фуқароларнинг йиғилиб қолишига, вазиятнинг таранглашувига, баъзида жамоат тартибининг бузилишига олиб келади. Поезд вағонидаги нарса (ашё)ни текшириш учун эса уни (нарсани аниқланган жойдан) охириги бекатга олиб борилади. Бу вақт давомида айрим метро бекатларида ҳаракатда узилиш рўй бериб, тирбандлик ҳосил бўлади, йўловчиларда безовталиқ, ташвишланиш ҳолати кузатилади.

Тадқиқот йўналишида метрополитен ҳудудига тақиқланган нарса (ашё)ларнинг олиб кирилиши, “шаҳид белбоғи” билан ўтиш бўйича 2023 йил танлаб олинган кун ва кўриқланаётган объектларда “Муляж” синов-ўқув машғулоти ўтказганимизда, салбий натижалар кузатилди. Бу, бизнинг назаримизда, ташвишланарли ҳолат ва бунга йўл қўйиб бўлмайди. Тошкент метрополитени ҳали замонавий техникалар билан тўлиқ таъминланмаган, фақат 2024 йилдан бошлаб, визуал рақамли электрон кузатув воситаларининг тест синовини ўтказиш бошланди.

Жаҳоннинг кўплаб ривожланган мамлакатлари метрополитенларида бу вазифа асосий ва аллақачон ҳал қилинган.

2024 йилнинг февраль ойида Россия Федерациясининг Москва шаҳрида “Хавфсизлик ва технологиялар” илмий форуми доирасида “Транспортда терроризм ва хавфсизлик” мавзусидаги XXVIII

Халқаро конференцияда РФнинг 7 та шаҳридаги метрополитенларининг вакиллари ҳам иштирок этдилар. Ушбу Конференцияда жамоат транспорти соҳасида қонунчилик ва халқаро ҳуқуқ нормалари, шунингдек шаҳар транспорти соҳасида хавфсизликни таъминлашнинг ўзига хос хусусиятлари юзасидан фикр ва мулоҳазалар алмашилди. Конференцияда метрополитенда жамоат хавфсизлигини таъминлаш бўйича қўлланиладиган янги техника ва технологиялар, энг сўнгги русумдаги замонавий электрон кузатув воситалари, умуман, транспорт ва хусусан, метрополитенда йўловчиларнинг ҳаракат жараёнида ўзини мутлақо хавфсиз ҳис қилиши учун яратилган шарт-шароитлар намоёни қилинди. Санкт-Петербург метрополитенида 2006 йилдан 2023 йилгача бўлган давр оралиғида амалга оширилган ишлар кўргазма расмлар орқали тақдимот қилинди. Унга кўра: 63 та станция ва 1 та депо майдончаси интеллектуал видеокузатув воситалари билан жиҳозланган; барча бекатларнинг чиқиш йўлакларига радиацион назоратни амалга оширувчи жами 83 та турникетлар ўрнатилган; метрополитен объектларининг чиқиш зоналари ва кўздан кечириш пунктларида жами 532 рамкадан иборат стационар металл детекторлар ўрнатилган; жами 83 та вестюбеллар турли типдаги (“SmartSkan XR 6045”, “Di-Skan 6040”, “Инспектор-6040Z”, Инспектор “55/65ZX”, “Сириус-П”) рентгенли кўздан кечириш қурилмалари билан жиҳозланган. Барча бекатлар ва депо майдончаларида “МО-2М”, М-ИОН” туридаги портловчи моддалар буғини аниқлашда 116 та детекторлардан фойдаланилади. Киришни назорат қилиш тизими билан метрополитеннинг барча объекти жиҳозланган (жами 72 бекат ва 6 та майдонча). Видеокузатув ва периметрларни қўриқлаш сигнализацияси тизими депонинг барча майдончаларига ўрнатилган. Бундан ташқари, шамоллатиш шахталари 118 та қўриқлаш-ташвиш сигнализацияси вентиляция киоскалари тизими билан жиҳозланган. Юқоридагилардан келиб чиқиб, бундай техникаларни Тошкент метрополитенига ҳам жорий этилмас экан, жамоат хавфсизлигини таъминлаш йўналишида жиддий силжишларга эришиб бўлмайди, деган тўхтамга келамиз.

Шундай қилиб, Тошкент метрополитенида жамоат хавфсизлиги ва уни таъминлашга ҳалақит берувчи омиллар ҳақида қуйидагича хулоса қилиш мумкин:

биринчидан, “Тошкент метрополитени” ДУКнинг ер ости ва ер усти халқа йўли йўналишлари – Чилонзор йўли, Ўзбекистон йўли ва Юнусобод йўли йўналишлари бекатлари ва Ўзбекистон мустақиллигининг 30 йиллиги номидаги ер усти халқа йўлининг ишга туширилган бекатларидаги кириш-чиқиш жойлари “Таран” ҳимоя тўсиқлари билан тўлиқ таъминланиши керак. Акс ҳолда бу метрополитен бекати ҳудудига ҳар қандай транспорт воситасининг ҳеч бир монеликсиз кира олишига имкон беради.

Иккинчидан, метрополитен бекатларида куннинг тиғиз вақтларида йўловчиларни тўлиқ назорат қилиш учун нарядларни кучайтириш, кузатув камераларини янги замонавийлари билан алмаштириш ва тўлиқ ишлашини таъминлаш лозим.

Учинчидан, йўловчиларнинг метрога кириб-чиқишини назорат қилувчи ИИО МХТБ ходимларига кўмаклашувчи замонавий техникалар (стационар металлдетекторлар, рентген нурли киоскалар ва бошқа техникалар)нинг етарли эмаслиги “Муляж” тадбири жараёнида метрополитенда жамоат хавфсизлигини таъминлаш ҳолатининг қониқарсизлигини намоён этди.

Хулоса қилиб айтганда, метрополитенда жамоат хавфсизлигига таҳдид қилувчи барча омилларни инсон интеллектуал салоҳиятини тўлиқ ишга солган ҳолда, ҳозирги замон фан-техника ютуқлари асосида бартараф этиш давримизнинг кечиктириб бўлмайдиган вазифаларидан бири ҳисобланади.

ФОЙДАЛАНИЛГАН АДАБИЁТЛАР:

1. Жамоат хавфсизлигини таъминлаш ва жиноятчиликка қарши курашиш соҳасида ички ишлар органлари фаолиятини сифат жиҳатидан янги босқичга кўтариш чора-тадбирлари тўғрисида: Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2021 йил 26 март ПФ-6196-сон Фармони //Қонун ҳужжатлари маълумотлари миллий базаси, 26.03.2021 й., 06/21/6196/0240-сон)
2. Ўзбекистон Республикаси қурилиш ва уй-жой хўжалиги вазирининг “Хавфи юқори бўлган объектларининг рўйхатини тасдиқлаш ҳақида”ги 2024 йил 5 сентябрь 7/94463–01-сонли буйруғи.
3. Игошкина А.С. Криминологические аспекты антитеррористической защищенности метрополитенов:

- дис.канд юрид наук. – Москва: Московский университет МВД России, 2009.
4. Метронинг Юнусобод йўналиши қурилишидаги фавқуллодда ҳодиса нима билан яқунланди? [https:// www.gazeta.Uz/ru/2020/12/24/yunusabad-case/](https://www.gazeta.Uz/ru/2020/12/24/yunusabad-case/)
 5. Смирнов М.А. Административно-правовое обеспечение общественной безопасности на объектах метрополитена: дисс. на соискание ученой степени канд. юрид наук. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я.Кикотя, 2020.
 6. Ўзбек тилининг изохли луғати. 5 жилдлик. 3 жилд. 80000 мингга яқин сўз ва сўз бирикмаси / Масъул муҳаррир А.Мадвалиев. – Тошкент: Uzbekiston, 2020. – Б. 122.
 7. <https://wikipedia.org>. Вызрывы в Московском метрополитене (2010).
 8. <https://ru.wikipedia.org>. Террористический акт в Минском метрополитене.
 9. <https://dzen.ru/a/XZuA2DZCtgCtPvJl>.

**“ZAMONAVIY CHAQIRIQLAR SHAROITIDA QONUN
USTUVORLIGINI TA’MINLASH: MUAMMO VA YECHIMLAR”
MAVZUSIDAGI XALQARO ILMIY-AMALIY KONFERENSIYA**

DASTURI

Tashkilotchi:	O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi (xalqaro tashkilotlar ko‘magida)
O‘tkazish sanasi va joyi:	2025-yil 27-28-noyabr, O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi <i>(Toshkent shahri, Yunusobod tumani, Rixsiliy ko‘chasi 9)</i>
O‘tkazish formati:	gibrid (onlayn/offlayn). Yalpi majlis. 1 – “Jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish: raqamli davrda yondashuvlar transformatsiyasi” 2 – “Raqamli davrda huquqni muhofaza qilish sohasida ta’lim va fan: muammolar va innovatsion yechimlar” 3 – “Korrupsiya 2.0: raqamli xatarlar va innovatsion yechimlar” 4 – “Kibermakonda huquqni muhofaza qilish faoliyati: muammo va yechimlar” 5 – “Chegara bilmas inson huquqlari: nolegal migratsiya, odam savdosi va raqamli voqelik (globallashuv hamda raqamli muhit sharoitida)” 6 – “Sun’iy intellektni huquqiy jihatdan tartibga solish: xalqaro tajriba va milliy istiqbollar” nomli parallel sessiyalar
Tadbir tillari:	o‘zbek, ingliz, rus

1-KUN (2025-YIL 27-NOYABR, Toshkent sh.)	
09:00 - 09:30	Ishtirokchilarni ro'yxatga olish/Onlayn-konferensiyaga ulanish
Birinchi parallel sessiya: “Jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish: raqamli davrda yondashuvlar transformatsiyasi”. Tadbirning ochilishi va salomlashuv: <i>Ye.V. Kolenko – O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘ining birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor</i> Moderator: D.L.Turaxonov — O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘ining o‘rinbosari	
Joy/ Ulanish uchun havola	111-konferensiyalar zali Zoom havolasi: https://us06web.zoom.us/j/86826729596?pwd=KRlkghvJhSqv8FP0GmLNTzvIzfl72.1 Identifikator: 868 2672 9596 Kirish kodi: 591100
9:30 - 10:40 Ma'ruzalar 10 daqiqagacha	Aleksandr Vodyanoy — BMT Narkotiklar va jinoyatchilik bo'yicha boshqarmasining Narkotiklarning noqonuniy aylanmasiga, jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish bo'yicha mintaqaviy maslahatchisi Mavzu: <i>Jinoiy daromadlarni legallashtirishga qarshi kurashishda sun'iy intellektning imkoniyatlari</i> Maykl Bul — “Egmont” Moliyaviy razvedka bo'linmalarining ilg'or tajribasi va yetakchilik markazining (ECOFEL) dastur rahbari (onlayn) Mavzu: <i>ECOFELni jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish sohasida o'qitish faoliyati: onlayn-kurslar va sertifikatlash dasturi</i> Stiven Lettik — Markaziy Osiyoda huquqni muhofaza qilish masalalari bo'yicha attashe/AQSh Adliya departamenti/Jinoiy ta'qib bo'linmasi/ ICITAP Mavzu: <i>Tadqiqotlar va kadrlar tayyorlash orqali jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashda xalqaro hamkorlikning ahamiyati</i> Richard Joys — Jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish sohasida xalqaro ekspert, “Mintaqaviy muloqot” XNNT eksperti (onlayn) Mavzu: <i>Jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirish, terrorizmni moliyalashtirish va odam savdosi o'rtasida bog'liqlik</i> Ramandip Chxina — Jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish sohasida xalqaro ekspert, FLE Compliance xalqaro kompaniyasining direktori (jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish), yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (onlayn) Mavzu: <i>Raqamli davrda samarali moliyaviy tergov o'tkazishda benefitsiar mulkdorlarning reestrlaridan foydalanish</i> Mark Kerroll — Buyuk Britaniya Qirollik prokuror xizmatining jinoiy sudlov bo'yicha maslahatchisi

	Mavzu: <i>Terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish: Buyuk Britaniya tajribasi</i> Anastasiya Maga — Osiyo va Tinch okeani uchun iqtisodiy va ijtimoiy komissiyasi (ESKATO) mintaqaviy konsultanti (onlayn) Mavzu: <i>Mintaqada noqonuniy moliyaviy oqimlarni o'lchash choralari to'g'risida</i> Xeyli Evans J.D. — Terrorizmga qarshi kurashish sohasida xalqaro huquqshunos Mavzu: <i>Biometrik texnologiyalar, API va PNR tizimlari va jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurash uchun nazorat texnologiyasidan foydalanishning qiyosiy amaliyoti</i>
10:40 - 11:00	Muhokamalar va xulosalar
11:00 - 11:30	Kofe-breyk
Birinchi parallel sessiya (davomi): "Jinoiy faoliyatdan olingan daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish: raqamli davrda yondashuvlar transformatsiyasi". Moderator: <i>D.L.Turaxonov — O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining o'rinbosari</i>	
11:30 - 12:45 Ma'ruzalar 10 daqiqagacha	Neslixan Karatash Durmush — Ankara Yıldırım Beyazıt University professori, fan doktori (onlayn) Mavzu: <i>Moliyaviy jinoyatlarga qarshi kurashishda raqamli transformatsiya: MASAK modeli va Turkiyada idoralararo hamkorlik</i> Shalala Agalarova-Yildirim — Ozarbayjon Respublikasining Moliyaviy monitoring xizmati axborot texnologiyalari bo'limining bosh mutaxassisi (onlayn) Mavzu: <i>Jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish sohasining salohiyatini oshirishda raqamli resurslarning rolini kuchaytirish</i> Boriyxon Malikov — O'zbekiston Respublikasi Iqtisodiy jinoyatlarga qarshi kurashish Departamenti vakili Mavzu: <i>Iqtisodiy jinoyatlarga qarshi kurashish departamenti faoliyatiga Xavflarni baholash markazini joriy etish</i> Daniel Vaskes Lorens — Jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish bo'yicha Yevropa ittifoqining Global fondi eksperti (onlayn) Mavzu: <i>FATFning aktivlarni qaytarish bo'yicha yangilangan tavsiyalarini amalda qo'llash</i> Tomas Krussmann — Toshkent shahridagi xalqaro Vestminster universitetining professori (Germaniya) Mavzu: <i>"Eshikni ochuvchi korruptsiya" transchegaraviy korruptsiya va jinoiy daromadlarni legallashtirishning bir turi sifatida</i> Nikolai Falko — BINANCEning huquqni muhofaza qiluvchi organlarning so'rovlari bilan ishlash bo'limi rahbari (Buyuk Britaniya) (onlayn) Mavzu: <i>BINANCEni huquqni muhofaza qiluvchi organlar bilan aktivlarni aniqlash, xatlash va qaytarish masalalari bo'yicha hamkorligi</i> Musin Temur Vasilievich — Compliance Hub Association prezidenti (onlayn) Mavzu: <i>Kriptokompaniyalarda moliyaviy boshqaruv</i>

	Mynzhanov Erlan Kaytarovich — Qozog‘iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qiluvchi organlar Akademiyasi Global tahdidlarga qarshi kurashishga maxsus tayyorlash kafedrası katta o‘qituvchisi <i>Mavzu: Jinoiy daromadlarni legallashtirishga qarshi kurashishning metodlari va instrumentlarini takomillashtirish</i> Alimardon Ahmadov — O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasining markaz prokurori (<i>ARIN-WCA Kotibiyati</i>) <i>Mavzu: ARIN-WCA: tarmoqning faoliyati va rivojlanish istiqbollari</i> Otaboyev Bobur Ibrat o‘g‘li — Toshkent davlat yuridik universiteti katta o‘qituvchisi <i>Mavzu: Jinoiy daromadlarni legallashtirishga va terrorizmni moliyalashtirishga qarshi kurashish; raqamli davrda yondoshuvlar transformatsiyasi</i>
12:45 - 12:55	Muhokamalar va xulosalar
12:55 - 13:00	Tadbir yopilishi
Ikkinchi parallel sessiya: “Raqamli davrda huquqni muhofaza qilish sohasida ta’lim va fan: muammolar va innovatsion yechimlar” Moderator: Ye.V. Kolenko — O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasining birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor.	
Joy/ Ulanish uchun havola	111-konferensiyalar zali (Faollar zali) ZOOM havolasi: https://us06web.zoom.us/j/87225303008?pwd=zGHWCFa6IFawFpICx0Cv1izR7PW9Sf.1 Identifikator: 872 2530 3008 Kirish kodi: 886354
14:00 - 15:20 <i>Ma’ruzalar 10 daqiqagacha</i>	Kolenko Evgeniy Vyacheslavovich — O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasining birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor <i>Mavzu: O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasining uch yillik faoliyati: shakllanishdan rivojlanishga</i> Turganbaev Aybek Kalmakovich – Qirg‘iz Respublikasi Bosh prokuraturasi Yuridik akademiyasi rektori <i>Mavzu: Prokuror kadrlarini tayyorlashning zamonaviy modellari rivoji: Qirg‘iz Respublikasi Bosh prokuraturasi yuridik akademiyasi tajribasi raqamli transformatsiya sharoitida</i> Shahverdiyev Sabuxi — Ozarbayjon Respublikasi Bosh prokuraturasi Ilmiy-o‘quv markazi boshlig‘i o‘rinbosari <i>Mavzu: Prokuratura organlarining ilmiy-o‘quv faoliyatidagi innovatsion yondashuvlar: Ozarbayjon Respublikasi Bosh prokuraturasi Ilmiy-o‘quv markazining raqamli ta’lim yechimlari</i> Shenaz Muzaffer — Xalqaro prokurorlar assotsiatsiyasining bosh yuridik maslahatchisi

	Mavzu: Kelajakka yo‘naltirilgan huquqni muhofaza qilish: yangi tahdidlarga qarshi kurashish uchun huquqni muhofaza qiluvchi organlar tayyorgarligini oshirish Patrik Olsson — Shvetsiyaning Lund universiteti professori Mavzu: Raqamli davrda qadriyatlarga asoslangan tayyorlov uchun ijtimoiy-huquqiy va etik komplayens modeliga tayangan huquqni muhofaza qilish pedagogikasini qayta talqin qilish Norov Asror Egamberdiyevich - Innovatsion rivojlanish agentligi direktori Mavzu: Ilmiy darajali kadrlar tayyorlash sohasidagi islohotlar va kelgusidagi rejalar.. Salixov Jasur Shavkatovich — O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Davlat siyosati va boshqaruvi akademiyasining rektori Mavzu: Raqamli davrda qonun ustuvorligi: ta’lim klasterlari va akademiyalararo hamkorlikning yangi bosqichi Qayumov Shuxrat Shukurovich — “CYBER” davlat universiteti rektori Mavzu: Kiberxavfsizlik va raqamli chaqiriqlar: “Cyber University” davlat universitetining ta’limiy missiyasi Selen Yureten Tandogan — Turkiya Adliya akademiyasining sudyasi Mavzu: Raqamli davrda huquqni muhofaza qilish sohasida ilm-fan va ta’lim: muammolar va innovatsion yechimlar Rustambekov Islombek Rustambekovich — Toshkent davlat yuridik universitetining rektori Mavzu: Raqamli transformatsiya davrida qonun ustuvorligi: normativ moslashuvdan ilg‘or huquqiy tartibga solishga qarab
15:20 - 15:30	Muhokamalar va xulosalar
15:30 - 15:45	Kofe-breyk
Moderator: <i>A.S.Odinayev</i> - O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘i o‘rinbosari v.b, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor	
15:45 - 17:00 Ma’ruzalar 10 daqiqagacha	Samet Tatar — Yuridik fanlar bo‘yicha dotsent, Axborot va kiberhuquq kafedrası mudiri, Anqara Yıldırım Beyazıt Universitetining Turkiya–O‘zbekiston huquqiy tadqiqotlar markazi direktori (onlayn) Mavzu: Huquqni muhofaza qiluvchi organlar xodimlarini tayyorlash tizimiga sun’iy intellektni integratsiya qilish: raqamli davrda qonun ustuvorligini ta’minlash Tillaboyev Mirzatilla Alisherovich - Inson huquqlari bo‘yicha O‘zbekiston Respublikasi milliy markazi direktori birinchi o‘rinbosari Mavzu: Yuridik ta’lim jarayoniga sun’iy intellekt platformalarini joriy etishning dolzarb masalalari Keith Arnaud - YUNESKO eksperti (onlayn) Mavzu: Zamonaviy huquqni muhofaza qilish ta’limida ilm-fan, raqamli innovatsiyalar va an’anaviy usullarni muvozanatlash (onlayn) Turgunov Murod Tursunboyevich - O‘zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi Davlat va huquq instituti direktori, yu.f.d., professor

	Mavzu: O'zbekistonda inson huquqlari sohasidagi ta'limning rivojlanish istiqbollari. Giuseppe Chiaramonte — davlat va huquqni muhofaza qilish organlari uchun kadrlar tayyorlash bo'yicha raqamli ta'lim texnologiyalari sohasidagi xalqaro ekspert, (AQSh). Mavzu: Tashkiliy barqarorlik: huquqni muhofaza qiluvchi organlar global modellardan nimalarni o'rganishi mumkin. Tapenova Asem Ryskanovna – Qozog'iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qilish organlari akademiyasining Ijtimoiy-gumanitar fanlar kafedrasida dotsenti, yuridik fanlari magistri (onlayn) Mavzu: Qozog'iston Respublikasi huquqni muhofaza qilish organlarida menejmentni takomillashtirish omili sifatida ta'lim jarayoniga sun'iy intellektni integratsiya qilish Tuxtasheva Umida Abdilovna — O'zbekiston Respublikasi Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi direktorining o'rinbosari, yuridik fanlari doktori, professor. Mavzu: Korrupsiyaga qarshi kurash sohasida fan, ta'lim va ma'rifat Xodjayev Baxshillo Kamolovich - Toshkent davlat yuridik universiteti Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo'yicha prorektori, yu.f.d., professor Mavzu: Huquqiy tadqiqot konsepsiyasi: ilm-fandagi zamonaviy tendensiyalar. Gianluidji Segalerba - Portugaliya Koimbra universiteti qoshidagi Falsafa tadqiqotlari instituti (IEF) a'zosi, PhD (onlayn) Mavzu: Liberalizm, shaxsiy rivojlanish, ijtimoiy-ma'naviy xilma-xillik va yuridik ta'lim tizimi Asadov Shavkat G'aybullayevich — Davlat siyosati va boshqaruv akademiyasi professori, yuridik fanlari doktori Mavzu: Davlat boshqaruvida qonun ustuvorligini ta'minlash va xizmatchilar mas'uliyatini oshirish Abdirov Nurgalym Majitovich – Qozog'iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qilish organlari akademiyasi rektori Mavzu: Huquqni muhofaza qiluvchi kadrlarni tayyorlash tizimining raqamli transformatsiyasi: Qozog'iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qilish organlari akademiyasi tajribasi Xayitov Xushvaqt Saparbayerovich - Oliy Majlis Qonunchilik palatasi Xalqaro ishlar, mudofaa va xavfsizlik masalalari qo'mitasi a'zosi Mavzu: O'zbekiston Respublikasining oliy ta'lim sohasida malakalarni tan olish Global konvensiyasiga qo'shilishining istiqbollari
17:00 - 17:30	Muhokamalar va xulosalar
17:30 - 18:00	Tadbir yopilishi
Parallel yo'nalishdagi tadbirlar	
09:30 - 11:00	Xorijiy ekspertlarning Akademiya kampusi bilan tanishuvi (ro'yxat bo'yicha)
11:00 - 11:30	Kofe-breyk

11:30 - 13:00	Ikki tomonlama uchrashuvlar; <i>(Alohida dastur bo'yicha)</i> Memorandumlarni imzolash; <i>(Alohida dastur bo'yicha)</i>
13:00 - 14:00	Tushlik
14:30 - 17:30	Ikki tomonlama uchrashuvlar; <i>(Alohida dastur bo'yicha)</i> Memorandumlarni imzolash; <i>(Alohida dastur bo'yicha)</i>

2-KUN (2025-YIL 28-NOYABR, Toshkent sh.)	
09:00 - 09:30	Ishtirokchilarni ro'yxatga olish/Onlayn-konferensiyaga ulanish
Tadbirning ochilishi va salomlashuv Moderator: Ye.V. Kolenko – <i>O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig'ining birinchi o'rinbosari, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD), professor</i>	
Joy/ulanish uchun havola	Konferensiyalar zali (Kongres zali) ZOOM havolasi https://us06web.zoom.us/j/85904721476?pwd=iJWZNDuxf4UGF6AaqScTWZpCOd8tJT.1 Identifikator: 859 0472 1476 Kirish kodi: 465103
09:30 - 09:40	O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi faoliyati to'g'risidagi videorolikni namoyish etish
09:40 - 11:00 <i>Kirish so'zlari 10 daqiqagacha.</i>	Yo'ldoshev Nig'matilla To'liqinovich – O'zbekiston Respublikasi Bosh prokurori Islamov Baxtiyor Djaxangirovich – O'zbekiston Respublikasi Oliy sudi raisi Saidov Akmal Xolmatovich – O'zbekiston Respublikasi Inson huquqlari bo'yicha Milliy markaz direktori, yuridik fanlari doktori, professor, akademik, BMT Inson huquqlari qo'mitasi a'zosi Tashpulatov Aziz Anvarovich — O'zbekiston Respublikasi ichki ishlar vaziri. Djurayev Rustam Mirzayevich – O'zbekiston Respublikasi Milliy gvardiyasi Qo'mondoni, general-mayor Mavlonov Akmalxo'ja Yusupovich – O'zbekiston Respublikasi Davlat bojxona qo'mitasi raisi, bojxona xizmati general-mayori Burkhanov Akmal Eshondedaevich — O'zbekiston Respublikasi Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi direktori Sharipov Kongratbay Avezimbetovich — O'zbekiston Respublikasi oliy ta'lim, fan va innovatsiyalar vaziri. Eshmuratov Abdulhakim Khushbokovich — O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Senati sud-huquq masalalari hamda korrupsiyaga qarshi kurashish qo'mitasi raisi

	Allaberganov Atabek Validjanovich – O‘zbekiston Respublikasi Hisob palatasi raisining o‘rinbosari Toyvo Klaar - Yevropa Ittifoqining elchisi Doktor Oliver Shtolpe – BMTning Giyohvand moddalar va jinoyatchilik bo‘yicha boshqarmasining (UNODC) Afg‘oniston, Markaziy Osiyo, Eron va Pokistondagi mintaqaviy vakili. Antti Karttunen — YeXHTning O‘zbekistondagi loyihalar koordinatori Abdirov Nurgalym Majitovich – Qozog‘iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qilish organlari akademiyasi rektori Turganbaev Aybek Kalmakovich – Qirg‘iz Respublikasi Bosh prokuraturasi Yuridik akademiyasi rektori Sara Noshadi - YUNESKOning O‘zbekistondagi Vakili Shenaz Muzaffer – Xalqaro prokurorlar assotsiatsiyasining bosh yuridik maslahatchisi.
11:00 - 11:30	Muhokamalar va xulosalar <i>Jamoaviy suratga tushish</i> <i>Kofe-breyk</i>
Uchinchi parallel sessiya: “Korrupsiya 2.0: raqamli xatarlar va innovatsion yechimlar”	
1-qo‘shimcha mavzu. Korrupsiyaning oldini olish: muammolar va ularning yechimlari Moderator: Ye.V. Kolenko – O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi boshlig‘ining birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlar bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor	
Joy/ Ulanish uchun havola	Konferensiyalar zali – (Kovorking-zal) ZOOM havolasi: https://us06web.zoom.us/j/82303525202?pwd=Twqbin8eUaiTepYSzlTIgViREv wjJx.1 Identifikator: 823 0352 5202 Kirish kodi: 238660
11:30 - 13:10 Ma’ruza 10 daqiqagacha	Kolenko Evgeniy Vyacheslavovich — O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasining birinchi o‘rinbosari, yuridik fanlari bo‘yicha falsafa doktori (PhD), professor. Mavzu: <i>Korrupsiyaga qarshi ta'limning yangi paradigmasi: fan, texnologiya va halollik madaniyatini integratsiyalash</i> Bekatova Zumrad Raximbayevna – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Senati Sud-huquq masalalari va korrupsiyaga qarshi kurashish qo‘mitasida doimiy asosda ishlovchi senator Mavzu: <i>Korrupsiyaga qarshi siyosatni shakllantirishda parlament a'zolarining roli: qonunchilik tashabbuslari va nazorat amaliyoti</i> Kamarul Zaman Mosman – Malayziya Korrupsiyaga qarshi kurashish akademiyasi Tergov va kriminalistika maktabi rahbari Mavzu: <i>Zamonaviy korrupsiyaga qarshi kurashda razvedkaning o‘rni (Malayziya tajribasidagi chaqiriqlar)</i> Patrik Olsson – Shvetsiyaning Lund universiteti professori Mavzu: <i>Raqamli dissipatsiya: korrupsiyaning evolyutsion tahdidlarini anglash va korrupsiyaga qarshi kurashning yangi avlod innovatsion strategiyalari</i>

	Tuxtashev Sherzod Azimovich – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Qonunchilik palatasi Korrupsiyaga qarshi kurashish va sud-huquq masalalari qo‘mitasi raisining o‘rinbosari Mavzu: <i>Parlamentning korrupsiyaning oldini olishdagi o‘rni</i> Allakuliyev Mirjalol Davronbekovich – O‘zbekiston Respublikasi Adliya vazirligi Qonunchilik Bosh boshqarmasi boshlig‘i Mavzu: <i>Korrupsiyaga qarshi ekspertiza 2.0: O‘zbekistonda norma ijodkorligida korrupsiyani oldini olishda zamonaviy usullar va tajriba</i> Ina Kubbe – Xalqaro korrupsiyaga qarshi kurashish akademiyasi (IACA, Avstriya) professori, korrupsiyaga qarshi kurashish, gender va demokratik boshqaruv sohasidagi ekspert (YXHT eksperti) Mavzu: <i>Gender va korrupsiya: zaiflikdan ishtirokchilikka qadar</i> Pun Tak I – Gonkongning Korrupsiyaga qarshi mustaqil komissiyasi (ICAC, Xitoy) vakili (<i>onlayn</i>) Mavzu: <i>Halollikni ta’minlashga qaratilgan innovatsiyalar</i> Vladimir Kozin – BMTning Giyohvandlik va jinoyatchilik boshqarmasining korrupsiyaga qarshi kurash bo‘yicha mintaqaviy maslahatchisi (<i>onlayn</i>) Mavzu: <i>GRACE dasturini qo‘llash tajribasi</i> Ye Ting Vu — AQSh Adliya vazirligi Xorijiy prokurorlikni rivojlantirish, yordam va tayyorgarlik bo‘yicha boshqarma (DOJ-OPDAT) direktorining o‘rinbosari (<i>onlayn</i>) Mavzu: <i>Korrupsiya bilan bog‘liq murakkab jinoyatlar turlari</i> Azat Irmanov – BMTning Giyohvandlik va jinoyatchilik boshqarmasi Mintaqaviy vakolatxonasining korrupsiyaga qarshi kurash dasturi milliy koordinatori Mavzu: <i>Antikorrupsion komplayens bo‘yicha o‘qitishni kuchaytirishning asosiy yo‘nalishlari: CABIN tarmog‘i faoliyati bo‘yicha xulosalar</i>
13:10 - 13:30	Muhokamalar va xulosalar
13:30 - 14:30	<i>Tushlik uchun tanaffus</i>
2-qo‘shimcha mavzu. Korrupsiyaviy jinoyatlarni kriminalizasiya qilish Ham-moderator: <i>A.Irmanov – BMTning Giyohvandlik va jinoyatchilik boshqarmasi Mintaqaviy vakolatxonasining Afg‘oniston, Markaziy Osiyo, Eron va Pokistondagi korrupsiyaga qarshi kurash dasturi milliy koordinatori</i>	
14:30 - 15:50 Ma’ruza 10 daqiqagacha	Musashayxov Karimjon Xusankhanovich – O‘zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi Korrupsiyaga qarshi kurashish sohasidagi choralarni muvofiqlashtirish boshqarmasi boshlig‘i o‘rinbosari Mavzu: <i>O‘zbekiston Respublikasida sport musobaqalari ishtirokchilari va tashkilotchilarining poraxo‘rlik bilan bog‘liq jinoyatlar uchun javobgarligi mexanizmlari</i> Kaspars Valpeteris – Markaziy Osiyo bo'yicha Yevropa Ittifoqi-ACT mintaqaviy koordinatori, O'zbekistondagi Civipol vakolatxonasi rahbari Mavzu: <i>Korrupsiyaga qarshi samarali choralalar</i> Sasheko Pavel Ivanovich – BMTning Giyohvand moddalar va jinoyatchilik bo‘yicha boshqarmasi eksperti (<i>onlayn</i>)

	Mavzu: BMTning Korrupsiyaga qarshi konvensiyasiga muvofiq poraxo'rlikni jinoyatlashtirishning ta'siri: dalillar bazasini shakllantirish amaliyoti Fayziyev Shavkat Ismatovich – O'zbekiston Respublikasi Hisob palatasi bosh inspektori, texnika fanlari doktori (DSc) Mavzu: Davlat auditida sun'iy intellekt texnologiyalarini qo'llash orqali korrupsion holatlarni oldini olish Maris Urbans – Iqtisodiy hamkorlik va taraqqiyot tashkiloti (OECD) Aksilkorrupsiya tarmog'ining tahlilchisi (<i>onlayn</i>) Mavzu: Istanbul harakatlar rejasi mintaqasi davlatlarida jinoiy-huquqiy siyosatini isloh qilish tendensiyalari Ismoilov Kamran Alixon o'g'li — Ozarbayjon Respublikasi Fan va ta'lim vazirligining ichki nazorat bo'limi boshlig'i Mavzu: Raqamli transformatsiya sharoitida fan va ta'lim tizimida qonun ustuvorligi hamda korrupsiya xavflarini boshqarish: Ozarbayjon tajribasi Ergashev Azamatxon Juraxonovich – Korrupsiyaga qarshi kurashish agentligi Korrupsiyani oldini olish va "komplayens-nazorat" tizimini joriy etish boshqarmasi boshlig'i o'rinbosari Mavzu: Korrupsiyaning oldini olishda komplayens-nazorat tizimining samaradorligi: muammo va yechimlar Aleksey Konov – BMT GJBning korrupsiyaga qarshi kurashish bo'yicha eksperti (<i>onlayn</i>) Mavzu: Yuridik shaxslarning korrupsiyaga oid huquqbuzarliklar uchun javobgarligi: ijobiy va salbiy tomonlari, joriy etishning mumkin bo'lgan yondashuvlari Gulnur Baxtiyarqizi Baxtiyar – Qozog'iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi tadqiqotchisi Mavzu: Korrupsiyaning oldini olish sohasida huquqiy axborotni tashkil qilishda sun'iy intellektdan foydalanish
15:50 - 16:00	Muhokamalar va xulosalar
16:00 - 16:15	Kofe-breyk
3-qo'shimcha mavzu. Korrupsiya va korrupsion xavflarni tahlil qilish: xalqaro standartlar va O'zbekiston tajribasi Ham-moderator: Dr. Viktor Kessler – Germaniya xalqaro hamkorlik jamiyati (GIZ) "Samarali davlat boshqaruvi" dasturi rahbari	
16:15 - 17:30 Ma'ruza 10 daqiqagacha	Salome Flores – BMTning Giyohvandlik va jinoyatchilik boshqarmasi Axborot markazi boshlig'i Mavzu: Korrupsiyani statistik o'lchash uchun asoslar Dmitriy Nurumov – qonun ustuvorligi, odil sudlovni raqamlashtirish va korrupsiyaga qarshi kurashish siyosati sohasidagi ekspert (Niderlandlar) (Yevropa Ittifoqi–GIZ eksperti) Mavzu: Jinoyat protsessida korrupsiyaviy xavflarini baholash: metodologik asoslar va huquqni qo'llash amaliyoti Sheyan Sherbatke-Cherch (Kanada) va Kventin Rid (Buyuk Britaniya) – korrupsiyaga qarshi kurashish sohasidagi ekspertlar "Mintaqaviy muloqot"

	XNNT (onlayn) Mavzu: <i>Ijtimoiy me'yorlarning korrupsiyaviy xavflarni baholashga va korrupsiyaga qarshi dasturlarni amalga oshirishga ta'siri</i> Nadira Alaxodjayeva – ALFAKON Systems Bosh direktori (Yevropa Ittifoqi va GIZ eksperti) Mavzu: <i>Korrupsiya xavflarini tahlil qilish va ISO 37001 xalqaro standartiga muvofiq poraxo'rlikka qarshi boshqaruv tizimini joriy etish - O'zbekiston tajribasi</i>
17:30-17:50	Muhokama va xulosalar
17:50-18:00	Tadbir yopilishi
To'rtinchi parallel sessiya: “Kibermakonda huquqni muhofaza qilish faoliyati: muammo va yechimlar” Moderator: L.Yu.Yugay - O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti bo'limi boshlig'i, yuridik fanlar doktori (DSc)	
Joy/ Ulanish uchun havola	1-konferensiyalar zali (Katta konferensiyalar zali) ZOOM havolasi https://us06web.zoom.us/j/83878006332?pwd=EoCNMUeLoO0dQ1pj3J6O7zMJhH3gsV.1 Identifikator: 838 7800 6332 Kirish kodi: 221960
11:30 - 13:10 Ma'ruzalar 10 daqiqagacha	Musayev Gayrat Farxadovich - O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Milliy xavfsizlik kengashi sho'ba mudiri Mavzu: <i>Huquqni muhofaza qilish organlari ta'limida raqamli kompetensiyalarni tizimli rivojlantirish: kiberjinoyatchilik tahdidlariga javob</i> Gadjiyev Xagani Moxubbat ogli - O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish Akademiyasi Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti Ixtisoslashtirilgan raqamli tadqiqot markazi boshlig'i, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD) Mavzu: <i>Zamonaviy tahdidlar sharoitida raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot institutining faoliyati to'g'risida</i> Pak Younjai - Seul g'arbiy okrugi prokurori (onlayn) Mavzu: <i>N-xona ishi bo'yicha raqamli ekspertizaning ahamiyati</i> Yuray Nosal - YEXHT Kotibiyatining Transmilliy tahdidlarga qarshi kurashish departamenti/Politsiya faoliyatining strategik masalalari bo'yicha bo'linmasi loyiha rahbari o'rinbosari (Avstriya) Mavzu: <i>Elektron dalillar bilan ishlashda huquqni muhofaza qiluvchi organlarning salohiyatini oshirish: xalqaro tashkilotlarning o'rni</i> Kalandarli Nigyar Guseyn qizi - Ozarbayjon Respublikasi prokuraturasi Ilmiy-ta'lim markazining Prokuratura organlari xodimlari faoliyatini baholash va kasbga tayyorlashni tashkil etish bo'limi boshlig'i, yuridik fanlar nomzodi. Mavzu: <i>Kiberjinoyatchilikka qarshi kurashning strategiyalari: Ozarbayjon Respublikasi tajribasi</i> Ranul Tantilage - Dublin Universitet kolleji Kiberxavfsizlik va kiberjinoyatlarni tergov qilish markazi xodimi, texnika fanlari doktori, kompyuter fanlari dotsenti Mavzu: <i>Dublin Universitet kolleji Kiberxavfsizlik va kiberjinoyatlarni tergov qilish markazining raqamli tergovchilar uchun ochiq manba vositalarini ishlab chiqish bo'yicha faoliyati natijalari haqida</i>

	Fernando Rodrigez (<i>Fernando Rodríguez</i>) - Ispaniya Milliy politsiyasi inspektori Antonio Ximeniz (<i>Antonio Jiménez</i>) - Ispaniya Milliy politsiyasi ofitseri <i>Mavzu: Ijtimoiy tarmoqlarda terrorchilik faoliyatiga qarshi kurashish bo'yicha Ispaniya milliy politsiyasining ilg'or tajribasi</i> Faradjiyev Mamed Axmedovich - Qirg'iziston Respublikasi Bosh prokuraturasi Yuridik akademiyasi A. Bertilon nomidagi kriminalistika markazi direktori <i>Mavzu: Sifatni nazorat qilishning raqamli texnologiyalaridan foydalangan holda hodisa joyini ko'zdan kechirish samaradorligini oshirish</i>
13:10 - 13:30	Muhokama va xulosalar
13:30 - 14:30	<i>Tushlik uchun tanaffus</i>
14:30 - 15:30 <i>Ma'ruzalar 10 daqiqagacha</i>	Rasulev Abdulaziz Karimovich – O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik va huquqiy siyosat institutining ilmiy kotibi, yuridik fanlar doktori, professor Muminov Bexzod Abduvaxobovich – O'zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Qonunchilik va huquqiy siyosat institutining bosh ilmiy xodimi, yuridik fanlar doktori, professor <i>Mavzu: Kiberjinoyatchilikka qarshi kurashda reaktiv modeldan proaktiv modelga o'tish vaqti keldi</i> Kapkeyev Nariman Ildarovich - Markaziy Osiyo, URP yo'nalishi rahbari, "Group IB" kompaniyasi vakili (Singapur) <i>Mavzu: Kibertahdidlar: chegaralar qayerda?</i> Aklova Mukaddas Mirmuxamadovna - Tojikiston davlat huquq, biznes va siyosat universiteti yuridik fakulteti dekani o'rinbosari, davlat va huquq nazariyasi kafedrasida dotsenti, yuridik fanlar nomzodi <i>Mavzu: Kiber tahdidlar va huquq-tartibot: raqamli beqarorlik sharoitida qonun ustuvorligini ta'minlash</i> Anna Illamaa - Estoniya xavfsizlik fanlari akademiyasi qoshidagi politsiya va chegara qo'riqlash kollejining katta o'qituvchisi (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Raqamli o'zgarishlar davrida politsiya: yangi tayyorgarlik tizimini shakllantirish uchun yechimlar</i>
15:30 - 16:00	Muhokama va xulosalar
16:00 - 16:15	<i>Kofe-breyk</i>
16:15 - 17:30 <i>Ma'ruzalar 10 daqiqagacha</i>	Ramazanov Daulet Mustafayevich - Qozog'iston Respublikasi Bosh prokurorining yordamchisi, Qozog'iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi izlanuvchisi (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Huquqni muhofaza qilish faoliyatida neyron tarmoqlarini qo'llashning ayrim dolzarb masalalari</i> G'ulomov Ahmad G'ulom o'g'li - O'zbekiston Respublikasi Bosh prokuraturasi Kiberjinoyatlarga qarshi kurashishda qonuniylikni ta'minlash bo'limi boshlig'i <i>Mavzu: Axborot texnologiyalari yordamida sodir etilgan jinoyatlarni fosh etish va tergov qilish amaliyotidagi zamonaviy tahdidlar va chaqiriqlar</i>

	Bobojanov Mirzabek Maxsudovich - O‘zbekiston Respublikasi Markaziy Banki “CERT-CBU” kiberxavfsizlik markazi bo‘lim boshlig‘i <i>Mavzu: Kibertahdidlarni monitoring qilish, zaifliklarni aniqlash va firibgarlikka qarshi kurashishda Markaziy Bankning o‘rni</i>
17:30 - 17:50	Muhokamalar va xulosalar
17:50 - 18:00	Tadbir yopilishi
Beshinchi parallel sessiya: “Chegara bilmas inson huquqlari: nolegal migratsiya, odam savdosi va raqamli voqelik (globallashuv hamda raqamli muhit sharoitida)” Moderator: <i>A.X.Saidov – Inson huquqlari bo‘yicha O‘zbekiston Respublikasi Milliy markazi direktori, y.f.d., professor, akademik, BMTning Inson huquqlari qo‘mitasi a‘zosi</i>	
Joy/ Ulanish uchun havola	126-xona (Anfiteatr) ZOOM havolasi https://us06web.zoom.us/j/85903505049?pwd=A9ajErNzJboKJOiYRrODnTiAanUxTd.1 Identifikator: 859 0350 5049 Kirish kodi: 487612
11:30 - 13:20 Ma‘ruzalar 10 daqiqagacha	Saidov Akmal Xolmatovich – Inson huquqlari bo‘yicha O‘zbekiston Respublikasi Milliy markazi direktori, y.f.d., professor, akademik, BMTning Inson huquqlari qo‘mitasi a‘zosi <i>Kirish so‘zi</i> Amina Buayash – Afrika milliy inson huquqlari institutlari tarmog‘i Migratsiya bo‘yicha ishchi guruhi raisi, Marokashning Inson huquqlari bo‘yicha Milliy kengashi raisi (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Migratsiya kontekstida inson huquqlarini ilgari surishda milliy inson huquqlari institutlarining roli: Afrika istiqbollari.</i> Musayev Behzod Anvarovich – O‘zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi huzuridagi Migratsiya agentligi direktori <i>Mavzu: Global geosiyosiy o‘zgarishlar fonida mehnat migratsiyasi jarayonlarining yangi tendensiyalari</i> Endryu Grey – Migratsiya bo‘yicha xalqaro tashkilotning O‘zbekistondagi missiyasi rahbari <i>Mavzu: MXTning O‘zbekistondagi faoliyati: sarhisob va istiqbollar</i> Eshmatova Feruza Farhodovna – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Inson huquqlari bo‘yicha Vakili (ombudsman), y.f.d. <i>Mavzu: Yangi O‘zbekistonda inson huquqlarini ishonchli himoya qilish kafolatlari</i> Raxmonova Surayyo Mahmudovna – O‘zbekiston Respublikasi Oliy Majlisining Bola huquqlari bo‘yicha vakili (Bolalar ombudsmani), y.f.d., professor <i>Mavzu: Odam savdosi va migratsiya global jarayonlarida bola huquqlari ta‘minlanishi muammolari</i>

	Xadicha Elmadmad – YuNESKO “Huquq va Migratsiya” markazi (CUDM) direktori, Kasablanka universiteti huquq fakulteti yuridik klinikasining vitse-prezidenti (Marokash) Mavzu: <i>Migrantlar huquqlarini himoya qilishning o‘ziga xos jihatlari: Marokash tajribasi</i> Andrea Frkanova – Migratsiya bo‘yicha xalqaro tashkilotning Yevropa va Markaziy Osiyo bo‘yicha mintaqaviy mehnat mobilligi koordinatori, Vena, Avstriya Mavzu: <i>Tasdiqlanmagan</i> Heyli Evans – Maks Plank jamg‘armasining xalqaro tinchlik va huquq ustuvorligi bo‘yicha ilmiy xodimi, AQSh Mavzu: <i>Odam savdosi va terrorizm: xalqaro huquqdagi kesishgan nuqtalar va javobgarlik masalalari</i> Tillabayev Mirzatillo Alisherovich – Inson huquqlari bo‘yicha O‘zbekiston Respublikasi Milliy markazi direktorining birinchi o‘rinbosari, y.f.d., professor Mavzu: <i>Odam savdosiga qarshi kurashishda inson huquqlarini ta‘minlashning dolzarb muammolari</i> Kamilov Oybek Xamidjonovich – O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti huzuridagi Xavfsizlik kengashi kotibiyati xodimi, y.f.f.d. (PhD) Mavzu: <i>O‘zbekiston migratsiya va inson huquqlari chorrahasida: chaqiriqlar va tartibga solish yo‘llari</i>
13:20 - 13:30	Muhokamalar va xulosalar
13:30 - 14:30	<i>Tushlik uchun tanaffus</i>
Moderator: L.X.Isoqov O‘zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish akademiyasi Xalqaro huquq va inson huquqlarini himoya qilish kafedrası boshlig‘i, y.f.d., professor J.T.Saidov Migratsiya bo‘yicha xalqaro tashkilotning O‘zbekistondagi missiyasi Mehnat migratsiyasi bo‘limi boshlig‘i	
14:30 - 15:30 Ma‘ruzalar 10 daqiqagacha	Daniil Kashnitskiy – Fransiyaning Pari Sité Yangi Sorbonna universiteti akademik aloqalar bo‘yicha koordinatori, PhD (<i>onlayn</i>) Mavzu: <i>Sharqiy Yevropa va Markaziy Osiyo mintaqasidagi migratsiya sharoitida zaif aholi qatlamlarining sog‘lig‘ini saqlash doirasida OITS (VICH) va sil kasalligiga oid tibbiy xizmatlar</i> Sanavvarzoda Golibjon Bakoievich – Tojikiston Davlat huquq, biznes va siyosat universiteti yuridik fakulteti Konstitutsiyaviy huquq kafedrası mudiri, y.f.d., dotsent Mavzu: <i>Migratsiya munosabatlarini raqamlashtirish: huquqiy tartibga solish masalalari</i> Ibraeva Alua Salamatovna – Al-Farobiy nomidagi Qozog‘iston Milliy universiteti Yuridik fakultetining davlat va huquq nazariyasi hamda tarixi, konstitutsiyaviy va ma‘muriy huquq kafedrası professori Mavzu: <i>Inson huquqlari global o‘lchovda: yangi xatarlar va tahdidlar, himoyaning yangi mexanizmlari — milliy va xalqaro tajriba</i> O‘rinboev Rustamjon O‘ktam o‘g‘li – Shvetsiyaning Lund universiteti professori (<i>onlayn</i>) Mavzu: <i>Smartfon transmilliyligi: Rossiya va Turkiyadagi o‘zbek migrantlarining kundalik transmilliy hayoti</i>

	Larisa Kangaspuro (Orfinskaya) – Finlyandiyaning Xelsinki universiteti Aleksanteri instituti ilmiy xodimi, t.f.n. (onlayn) <i>Mavzu: Inson hayot voqeligi: Markaziy Osiyodan Baltiya va Shimoliy Yevropa mamlakatlariga mehnat migratsiyasi</i> Joldasova Saxipjamal Jalgasovna – O‘zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi Tashkiliy departamenti Yuridik ta’minlash boshqarmasi bo‘lim boshlig‘i, y.f.d., dotsent <i>Mavzu: Raqamlashtirish davrida migratsiya siyosati: chaqiriqlar va tartibga solish istiqbollari</i>
15:30 - 16:00	Muhokamalar va xulosalar
16:00 - 16:15	<i>Kofe-breyk</i>
16:15 - 17:30 Ma’ruzalar 10 daqiqagacha	Akilov Firdavs Ilhomovich – Tojikiston Xalqaro Turizm va Tadbirkorlik Universiteti kafedra boshlig‘i, y.f.n. (onlayn) <i>Mavzu: Odam savdosiga javobgarlik: MDH davlatlari qonunchiligining qiyosiy-huquqiy tahlili</i> Eraliyev Sherzod – Shvetsiyaning Lund universiteti professori (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Migratsiya yo‘nalishlarining o‘zgarishi: Rossiya va Shimoliy Yevropa mintaqasi o‘rtasidagi Markaziy Osiyo mobilliklari</i> Useinova Karlygash Raximjanovna – Al-Farobiy nomidagi Qozog‘iston Milliy universiteti Yuridik fakultetining davlat va huquq nazariyasi hamda tarixi, konstitutsiyaviy va ma’muriy huquq kafedrasi mudiri, y.f.n., dotsent <i>Mavzu: Raqamlashtirish rivojlanishi sharoitida migrantlar huquqlarini himoya qilishning huquqiy tartibga solish muammolari: Qozog‘iston tajribasi</i> Xodjayeva Zuxra Adhamovna – O‘zbekiston Respublikasi IIV Tezkor-qidiruv departamenti Jinoyat qidiruv xizmati Uyushgan jinoyatchilikka qarshi kurashish boshqarmasi yetakchi mutaxassisi, podpolkovnik <i>Mavzu: Chegara bilmas inson huquqlari: odam savdosidan jabrlanganlarni himoya qilish va qo‘llab-quvvatlash</i> Seytaeva Janar Sekejeanovna – Qozog‘iston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish organlari akademiyasi kafedra boshlig‘i, y.f.n., dotsent (<i>onlayn</i>) <i>Mavzu: Odam savdosiga qarshi kurashish bo‘yicha Qozog‘iston Respublikasi va O‘zbekiston Respublikasi huquqni muhofaza qilish organlari faoliyatining huquqiy va tashkiliy asoslari</i> Muydinov Dilshod Najmiddinovich – O‘zbekiston Respublikasi Oliy ta’lim, fan va innovatsiyalar vazirligi, Xalqaro hamkorlik va reytinglar boshqarmasi boshlig‘i o‘rinbosari, s.f.d., dotsent <i>Mavzu: Globalizatsiya davrida nolegal migratsiya va inson xavfsizligi: sek’yuritizatsiya dilemmasi</i> Naim AllahRakha – Toshkent davlat yuridik universiteti Kiberhuquq kafedrasi dotsenti, y.f.f.d. (PhD) (Pokiston) <i>Mavzu: Ijtimoiy tarmoqlarda kiberxavfsizlikni ta’minlashning inson huquqlariga oid jihatlari</i> Amurtayeva Dinara Talgatovna — Qozog‘iston Respublikasi Bosh prokuraturasi huzuridagi Huquqni muhofaza qilish organlari akademiyasi Maxsus yuridik fanlar kafedrasi dotsenti, yuridik fanlar nomzodi

	Mavzu: <i>Qozog‘iston Respublikasi penitensiar tizimida mahkumlarning konstitutsiyaviy huquqlarini amalga oshirish</i> Ishanhodjayev Saidahmad Akramovich – A.Avloniy nomidagi pedagoglarni kasbiy rivojlantirish va yangi metodikalarga o‘rgatish milliy-tadqiqot instituti kafedrası dotsenti, y.f.n. Mavzu: <i>Globalashuv sharoitida nolegal migratsiya va odam savdosiga qarshi kurashishning o‘ziga xos jihatlari</i>
17:30 - 17:50	Muhokamalar va xulosalar
17:50 - 18:00	Tadbir yopilishi
Oltinchi parallel sessiya: “Sun’iy intellektni huquqiy jihatdan tartibga solish: xalqaro tajriba va milliy istiqbollar” Moderator: <i>E.M.Abzalov - Markaziy Osiyo sun’iy intellekt assotsiatsiyasi raisining maslahatchisi,</i> <i>3-darajali davlat adliya maslahatchisi, yuridik fanlar nomzodi</i>	
Joy/ Ulanish uchun havola	108-xona (yig‘ilishlar zali) Zoom havolasi: https://us06web.zoom.us/j/89391745903?pwd=cCkhoGTTa44VwvQu3YJ0FQFvTCARkQ.1 Identifikator: 893 9174 5903 Kirish kodi: 321853
11:30 - 13:00 <i>Ma’ruzalar 10 daqiqagacha</i>	Bexzod Ismoilov - Markaziy Osiyo sun’iy intellekt assotsiatsiyasi (AICA) ijrochi direktori Mavzu: <i>Markaziy Osiyoning sun’iy intellektni tartibga solish borasidagi tajribasi</i> Kalbildayeva Begaim Muxitovna – “Business Soft” IT kompaniyasi bosh direktori, xalqaro arbitr, IT-huquqshunos, Markaziy Osiyo sun’iy intellekt assotsiatsiyasining birinchi rezidenti va Qirg‘iziston ayollar kongressining faxriy a’zosi Mavzu: <i>Qonun ustuvorligini ta’minlash vositasi sifatida arbitraj va nizolarni muqobil hal qilish: arbitraj jarayonlarini raqamlashtirish hamda dalillarni tahlil etish va nizo natijalarini bashorat qilishda sun’iy intellekt vositalarini joriy etish</i> Abdujabbor Abdudjalilov - Tojikiston Respublikasi Fanlar akademiyasi Siyosatshunoslik, falsafa va huquq instituti direktori, yuridik fanlar doktori, professor (<i>onlayn</i>) Mavzu: <i>Huquq va raqamli texnologiyalar: huquqiy tartibga solishning turli jihatlari</i> Said Gulyamov - Toshkent davlat yuridik universiteti Kiberhuquq kafedrası mudiri, yuridik fanlar doktori, professor Mavzu: <i>Korrupsiyaning raqamli izi: shubhali pul o‘tkazmalarini aniqlashda sun’iy intellektidan foydalanish</i> Erman Yukselturk - Kirikkale universiteti professori, pedagogika fanlari doktori, professor - (<i>Turkiya Respublikasi</i>) Mavzu: <i>Sun’iy intellektni qo‘llashni huquqiy ta’minlash xususiyatlari</i> Foziljon Otaxonov - O‘zbekiston Respublikasi Odil sudlov akademiyasi professori, yuridik fanlar doktori

	Mavzu: <i>Sudyalik lavozimiga nomzodlarda sun'iy intellekt imkoniyatlaridan foydalanish bo'yicha amaliy ko'nikmalarni shakllantirish masalalari</i> Serkan Savash - Kirikkale universiteti dotsenti, kompyuter fanlari doktori, dotsent - (Turkiya Respublikasi) Mavzu: <i>Korrupsiyaga qarshi samarali kurashishda sun'iy intellektni qo'llash imkoniyatlari va sohalari</i> Sadikov Xurshid Primkulovich - Sudyalar oliy kengashi kotibi Mavzu: <i>Sun'iy intellektni qo'llashning huquqiy va axloqiy jihatlari</i> Ubaydullayeva Anna Vladimirovna - Toshkent davlat yuridik universiteti dotsenti v.b., falsafa doktori (PhD) Mavzu: <i>O'zbekistonda kiberxavfsizlik va kriptologiya sohasida ta'limni rivojlantirishning strategik yo'nalishlari: davlat boshqaruvidan huquqni qo'llashgacha</i>
13.00 - 13.20	Muhokamalar va xulosalar
13.20 - 13.30	Tadbir yopilishi
13:30 - 14:30	<i>Tushlik uchun tanaffus</i>
Alohida dastur bo'yicha	
11:30 - 13:00	Akademiya bilan tanishuv
13:30 - 14:30	Tushlik
15:00 - 17:00	Ikki tomonlama uchrashuvlar va memorandumlarni imzolash

ПРОГРАММА
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
НА ТЕМУ: «ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ»

Организатор:	Правоохранительная академия Республики Узбекистан <i>(при поддержке международных организаций)</i>
Дата и место проведения:	27-28 ноября 2025 г., Правоохранительная академия Республики Узбекистан <i>(г. Ташкент, Юнусабадский район, ул. Рихсилий 9)</i>
Формат проведения:	Гибрид (онлайн/оффлайн). Пленарное заседание. 1 – «ПОД/ФТ: трансформация подходов в цифровую эпоху» 2 – «Наука и образование в правоохранительной деятельности в цифровую эпоху: проблемы и инновационные решения» 3 – «Коррупция 2.0: цифровые риски и инновационные решения» 4 - «Правоохранительная деятельность в киберпространстве: вызовы и решения» 5 – «Безграничные права человека: незаконная миграция, торговля людьми и цифровая реальность (в условиях глобализации и цифровой среды)» 6 - «Правовое регулирование искусственного интеллекта: международный опыт и национальные перспективы» параллельные сессии.
Языки мероприятия:	узбекский, английский, русский

27 ноября 2025 года, г. Ташкент	
Первый день	
09:00 - 09:30	Регистрация участников/Подключение к онлайн-конференции
Сессия №1 «ПОД/ФТ: трансформация подходов в цифровую эпоху». Открытие мероприятия и приветствие: <i>Е.В. Коленко - Первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор</i> Модератор: Д.Л. Тураханов - заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан	
Место/ Ссылка для подключени я	Конференц-зал № 111 (АКТОВЫЙ зал) Ссылка ZOOM: https://us06web.zoom.us/j/86826729596?pwd=KRlkgvhJoSqvvg8FP0GmLNTzvzifl72.1 Идентификатор: 868 2672 9596 Код доступа: 591100
9:30 - 10:40 Доклады до 10 мин.	Александр Водяной — Региональный советник УНП ООН по противодействию незаконному обороту наркотиков, ОД/ФТ Тема: <i>Возможности искусственного интеллекта в противодействии отмыванию денег</i> Майкл Буль — Руководитель программы, Центр передового опыта и лидерства подразделений финансовой разведки «Эгмонт» (ECOFEL) (онлайн) Тема: <i>Образовательная деятельность ECOFEL в сфере ПОД/ФТ: онлайн-курсы и программа сертификации</i> Стивен Леттик — Атташе по правоохранительным вопросам в Центральной Азии, Департамент юстиции США/Уголовное подразделение/ICITAP Тема: <i>Важность международного сотрудничества в борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма посредством исследований и обучения</i> Ричард Джойс — международный эксперт в сфере ПОД/ФТ (США), эксперт МНПО «Региональный диалог» (онлайн) Тема: <i>Взаимосвязь отмывания денег, финансирования терроризма и торговли людьми</i> Рамандип Чхина — Международный эксперт в сфере ПОД/ФТ, директор (ПОД/ФТ) международной консалтинговой компании FLE Compliance (США), доктор философии по юридическим наукам (онлайн) Тема: <i>Использование реестров бенефициарных владельцев для эффективных финансовых расследований в цифровую эпоху</i> Марк Кэрролл — Эксперт по уголовному правосудию (Великобритания) Тема: <i>Цифровизация — это проблема не завтрашнего дня, а сегодняшняя реальность</i> Анастасия Мага — региональный консультант Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) (онлайн)

	Тема: <i>О мерах по измерению незаконных финансовых потоков в регионе</i> Хэйли Эванс Дж.Д. — Международный юрист в сфере борьбы с терроризмом (США), доктор права Тема: <i>Сравнительная практика использования биометрических технологий, систем API и PNR, а также технологий надзора в целях ПОД/ФТ</i>
10:40 - 11:00	Обсуждение и выводы
11:00 - 11:30	<i>Кофе-брейк</i>
Сессия №1 (продолжение) «ПОД/ФТ: трансформация подходов в цифровую эпоху». Модератор: <i>Д.Л. Тураханов - заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан</i>	
11:30 - 12:45 Доклады до 10 мин.	Неслихан Караташ Дурмуш — профессор Университета Йылдырым Бязит Анкара (Турция), доктор наук (онлайн) Тема: <i>Цифровая трансформация в борьбе с финансовыми преступлениями: модель МАСАК и институциональное сотрудничество в Турции</i> Томас Крюссманн — профессор Международного Вестминстерского университета в Ташкенте (Германия) Тема: <i>Коррупция через открытие дверей» как тип трансграничной коррупции и отмывания преступных доходов</i> Шалала Агаларова-Йилдырым — старший специалист отдела информационных технологий Службы финансового мониторинга Азербайджанской Республики (онлайн) Тема: <i>Усиление роли цифровых ресурсов в наращивании потенциала сферы ПОД/ФТ</i> Мынжанов Ерлан Кайтарович — старший преподаватель кафедры специальной подготовки по противодействию глобальным угрозам Академии правоохранительных органов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан Тема: <i>Совершенствование методов и инструментов противодействия легализации преступных доходов</i> Даниэль Васкес Льоренс — эксперт Глобального фонда ЕС по ПОД/ФТ (онлайн) Тема: <i>Практическая реализация обновленных рекомендаций ФАТФ по возврату активов</i> Николай Фалько — руководитель команды BINANCE по работе с запросами правоохранительных органов в СНГ, Центральной и Восточной Европе (Великобритания) (онлайн) Тема: <i>Сотрудничество BINANCE с правоохранительными органами в вопросах выявления, ареста и возврата активов</i> Мусин Тимур Васильевич — Президент Compliance Hub Association (онлайн) Тема: <i>Криптокомплаенс в финансовых организациях</i>

	Борийхон Маликов — старший инспектор Департамента по борьбе с экономическими преступлениями Республики Узбекистан Тема: Внедрение Центра оценки рисков в деятельность Департамента по борьбе с экономическими преступлениями Алимардон Ахмадов — прокурор центра Правоохранительной академии Республики Узбекистан (Секретариат ARIN-WCA) Тема: ARIN-WCA: деятельность сети и перспективы развития Отабоев Бобур Ибрat угли — старший преподаватель Ташкентского государственного юридического университета Тема: Борьба с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма; трансформация подходов в цифровую эпоху
12:45 - 12:55	Обсуждение и выводы
12:55 - 13:00	Заккрытие мероприятия
Сессия №2 «Наука и образование в правоохранительной деятельности в цифровую эпоху: проблемы и инновационные решения». Модератор: Е.В.Коленко - Первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор	
Место/ Ссылка для подключен ия	Конференц-зал № 111 (Актoвый зал) Ссылка ZOOM: https://us06web.zoom.us/j/87225303008?pwd=zGHWCFa6IFawFpICx0Cv1izR7PW9Sf.1 Идентификатор: 872 2530 3008 Код доступа: 886354
14:00 - 15:20 Доклады до 10 мин.	Коленко Евгений Вячеславович - Первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор Тема: Три года деятельности Правоохранительной Академии Республики Узбекистан: от становления к развитию Турганбаев Айбек Калмакович – ректор Юридической академии Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики Тема: Развитие современных моделей подготовки прокурорских кадров: опыт Юридической академии Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики в условиях цифровой трансформации Шахвердиев Сабухи - Заместитель начальника Научно-учебного центра Генпрокуратуры Азербайджанской Республики Тема: Инновационные подходы в научно-учебной деятельности органов прокуратуры: цифровые образовательные решения Научно-учебного центра Генеральной прокуратуры Азербайджана Шеназ Музаффер – генеральный юрисконсульт Международной ассоциации прокуроров

	Тема: Правоохранительная деятельность, ориентированная на будущее: повышение готовности правоохранительных органов к борьбе с новыми угрозами Патрик Олссон — Профессор Лундского университета (Швеция) Тема: Переосмысление педагогики правоохранительных органов: социально-правовая и этическая комплаенс-модель ценностно ориентированной подготовки в цифровую эпоху Норов Асрор Эгамбердиевич - Директор Агентства инновационного развития Тема: Реформы в сфере подготовки научных кадров и планы на будущее Салихов Жасур Шавкатович - Ректор Академии государственной политики и управления при Президенте Республики Узбекистан Тема: Верховенство закона в цифровую эпоху: новый этап развития образовательных кластеров и межакадемического сотрудничества Каюмов Шухрат Шукурович - ректор государственного университета CYBER Тема: Кибербезопасность и цифровые вызовы: образовательная миссия государственного университета «Cyber University» Селен Юретен Тандоган — Судья Академии правосудия Турции Тема: Наука и образование в правоохранительной сфере в цифровую эпоху: проблемы и инновационные решения Рустамбеков Исламбек Рустамбекович - ректора Ташкентского государственного юридического университета Тема: Верховенство права в эпоху цифровой трансформации: от нормативной адаптации к опережающему правовому регулированию
15:20 - 15:30	Обсуждение и выводы
15:30 - 15:45	<i>Кофе-брейк</i>
Модератор: А.С.Одинаев – и.о. заместителя начальника Академии правоохранительных органов Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор.	
15:45 - 17:00 Доклады до 10 мин.	Самет Татар — Доцент юридических наук, Заведующий кафедрой информационного и киберправа, Директор Турецко-Узбекского центра юридических исследований Университета Анкары Йылдырым Беязыт (онлайн) Тема: Интеграция искусственного интеллекта в систему подготовки сотрудников правоохранительных органов: обеспечение верховенства права в цифровую эпоху Тиллабаев Мирзатилло Алишерович – первый заместитель директора Национального центра Республики Узбекистан по правам человека Тема: Актуальные вопросы внедрения платформ искусственного интеллекта в процесс юридического образования Кейт Арно — эксперт ЮНЕСКО (онлайн) Тема: Баланс науки, цифровых инноваций и традиционных методик в современном обучении сотрудников правоохранительных органов

	Тургунов Муроджон Турсунбоевич – директор Института государства и права Академии наук Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Перспективы развития образования в сфере прав человека в Узбекистане.</i> Джузеппе Чьярамонте — международный эксперт в области цифровых образовательных технологий и подготовки кадров для государственных и правоохранительных учреждений (США) <i>Тема: Организационная устойчивость: чему правоохранительные органы могут научиться у глобальных моделей</i> Тапенова Асем Рыскановна - доцент Кафедры социально-гуманитарных дисциплин, магистр юридических наук Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (онлайн) <i>Тема: Интеграция ИИ в образовательный процесс как фактор совершенствования менеджмента в правоохранительных органах Республики Казахстан</i> Тухташева Умида Абдиловна - заместитель директора Агентства по противодействию коррупции Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Наука, образование и просвещение в сфере противодействия коррупции</i> Ходжаев Бахшилло Камолович – проректор по научной работе и инновациям Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Концепция правового исследования: современные тенденции в науке.</i> Джанлуиджи Сегалерба – член Института философских исследований (IEF) при Коимбском университете (Португалия), PhD (онлайн) <i>Тема: Либерализм, личностное развитие, социально-духовное разнообразие и система образования в юриспруденции</i> Асатов Шавкат Гайбуллаевич — профессор Академии государственной политики и управления, доктор юридических наук <i>Тема: Обеспечение верховенства закона в государственном управлении и повышение ответственности государственных служащих</i> Абдиров Нургалым Мажитович – ректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан <i>Тема: Цифровая трансформация системы подготовки правоохранительных кадров: опыт Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан</i> Хайтов Хушвакт Сапарбаевич — член Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса по международным делам, обороне и вопросам безопасности <i>Тема: Перспективы присоединения Республики Узбекистан к Глобальной конвенции о признании квалификаций в сфере высшего образования</i>
17:00 - 17:30	Обсуждение и выводы

17:30 - 18:00	Заккрытие мероприятия
Параллельные мероприятия	
09:30 - 11:00	<i>Ознакомление зарубежных экспертов с кампусом Академии (по списку)</i>
11:00 - 11:30	<i>Кофе-брейк</i>
11:30 - 13:00	<i>Двусторонние встречи (по отдельной программе)</i> <i>Подписание меморандумов (по отдельной программе)</i>
13:00 - 14:00	<i>Обед</i>
14:30 - 17:30	<i>Двусторонние встречи (по отдельной программе)</i> <i>Подписание меморандумов (по отдельной программе)</i>

Второй день (28 ноября 2025 года)	
09:00 - 09:30	Регистрация участников/Подключение к онлайн-конференции
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал: Конгресс хол Ссылка ZOOM: https://us06web.zoom.us/j/85904721476?pwd=iJWZNDuxf4UGF6AaqScTWZpCOd8tJT.1 Идентификатор: 859 0472 1476 Код доступа: 465103
Открытие мероприятия и приветствия Модератор: Е.В. Коленко - Первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор	
09:30 - 09:40	Демонстрация видеоролика о деятельности Правоохранительной академии Республики Узбекистан
09:40 - 11:00 <i>Приветствия до 10 мин.</i>	Йулдашев Нигматилла Тулкинович – Генеральный прокурор Республики Узбекистан Исламов Бахтиёр Джахангирович – Председатель Верховного суда Республики Узбекистан Саидов Акмал Холматович – директор Национального центра по правам человека Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор, академик, член Комитета ООН по правам человека Ташпулатов Азиз Анварович - Министр внутренних дел Республики Узбекистан

	Джураев Рустам Мирзаевич – Командующий Национальной гвардией Республики Узбекистан Мавлонов Акмалхужа Юсупович – Председатель Государственного таможенного комитета Бурханов Акмал Эшондадаевич – директор Агентства по противодействию коррупции Республики Узбекистан Шарипов Конгратбай Авезимбетович - Министр высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан Эшмуратов Абдулхаким Хушбокович – председатель Комитета Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан по судебным вопросам и противодействию коррупции Аллаберганов Атабек Валиджанович – Заместитель председателя Счётной палаты Республики Узбекистан Тойво Клаар – Посол Европейского Союза Доктор Оливер Штольпе – Региональный представитель УНП ООН в Афганистане, Центральной Азии, Иране и Пакистане Антти Карттунен – координатор проектов ОБСЕ в Узбекистане Абдиров Нургалым Мажитович – ректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан Турганбаев Айбек Калмакович – ректор Юридической академии Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики Сара Ношади – Представитель ЮНЕСКО в Узбекистане Шеназ Музаффер – генеральный юрисконсульт Международной ассоциации прокуроров.
11:00 - 11:30	Обсуждение и выводы
	<i>Групповое фотографирование</i>
	<i>Кофе-брейк</i>
Параллельная сессия №3 «Коррупция 2.0: цифровые риски и инновационные решения»	
Подтема №1. Предупреждение коррупции: проблемы и их решения Модератор: Е.В. Коленко - первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор	
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал: № 133 (Коворкинг-зал) Ссылка ZOOM: https://us06web.zoom.us/j/82303525202?pwd=Twqbin8eUaiTepYSzlTIgViREvwjJx.1 Идентификатор: 823 0352 5202 Код доступа: 238660

11:30 - 13:10 Доклады до 10 мин.	Коленко Евгений Вячеславович - Первый заместитель начальника Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам, профессор Тема: <i>Новая парадигма антикоррупционного образования: интеграция науки, технологий и культуры добропорядочности</i> Бекатова Зумрад Рахимбаевна – Сенатор, работающий на постоянной основе в Комитете Сената по судебно-правовым вопросам и противодействию коррупции Олий Мажлиса Республики Узбекистан Тема: <i>Роль парламентариев в формировании антикоррупционной политики: законодательные инициативы и практика контроля</i> Камарул Заман Мосман – Руководитель Школы исследований и криминалистики Малазийской антикоррупционной академии Тема: <i>Роль разведки в борьбе с современной коррупцией (вызовы Малайзии)</i> Патрик Олссон – профессор Лундского университета (Швеция) Тема: <i>Цифровая диссипация: понимание эволюционирующих угроз коррупции и стратегии инноваций нового поколения в сфере противодействия коррупции</i> Тухташев Шерзод Азимович – заместитель Председателя Комитета Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан по противодействию коррупции и судебно-правовым вопросам Тема: <i>Роль парламента в противодействии коррупции</i> Аллакулиев Миржалол Давронбекович – начальник Главного управления законодательства Министерства юстиции Республики Узбекистана Тема: <i>Антикоррупционная экспертиза 2.0: современные методы и опыт Узбекистана в предотвращении коррупции на стадии нормотворчества.</i> Ина Куббе – профессор Международной антикоррупционной академии (IACA, Австрия), эксперт в области противодействия коррупции, гендера и демократического управления (эксперт ОБСЕ) Тема: <i>Гендер и коррупция: от уязвимости к участию</i> Пун Так И – представитель Независимой комиссии по борьбе с коррупцией Гонконга (ICAC, Китай) (онлайн) Тема: <i>Инновации для честности</i> Владимир Козин – Региональный советник по противодействию коррупции УНП ООН (онлайн) Тема: <i>Опыт применения GRACE</i> Йе Тинг Ву (Ye-Ting Woo) – заместитель директора Управления по зарубежному прокурорскому развитию, помощи и подготовке Министерства юстиции США (DOJ-OPDAT) (онлайн) Тема: <i>Сложные виды преступлений, связанные с коррупцией</i> Азат Ирманов – национальный координатор программы по противодействию коррупции Регионального представительства УНП ООН Тема: <i>Ключевые направления усиления обучения в сфере антикоррупционного комплаенса: выводы работы сети CABIN</i>
13:10 - 13:30	Обсуждение и выводы

13:30 - 14:30	<i>Перерыв на обед</i>
Подтема №2. Криминализация коррупционных преступлений Модератор: Ирманов Азат – национальный координатор программы по противодействию коррупции Регионального представительства УНП ООН в Афганистане, Центральной Азии, Иране и Пакистане	
14:30 - 15:50 Доклады до 10 мин.	Мусашихов Каримжон Хусанханович – заместитель начальника Управления по координации мер в сфере борьбы с коррупцией Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан Тема: Механизмы ответственности участников и организаторов спортивных соревнований за преступления, связанные с взяточничеством в Республике Узбекистан Каспарс Валпетерис – Региональный координатор EU-АСТ по Центральной Азии, Глава представительства Civirol в Узбекистане Тема: Эффективные меры противодействия коррупции Сащенко Павел Иванович – эксперт УНП ООН по противодействию коррупции (онлайн) Тема: Эффект криминализации взяточничества в соответствии с КПК ООН: практика формирования доказательной базы Файзиев Шавкат Исмаатович – главный инспектор Счетной палаты Республики Узбекистан, доктор технических наук (DSc) Тема: Предотвращение коррупционных проявлений посредством применения технологий искусственного интеллекта в государственном аудите Марис Урбанс – аналитик Антикоррупционной сети ОЭСР (онлайн) Тема: Тренды реформирования уголовно-правовой политики в странах региона Стамбульского плана действий по борьбе с коррупцией Исмайлов Камран Алихан оглу — начальник отдела внутреннего контроля Министерства науки и образования Азербайджанской Республики Тема: Верховенство права и управление коррупционными рисками в системе науки и образования в условиях цифровой трансформации: опыт Азербайджанской Республики Эргашев Азаматхон Жураханович – заместитель начальника управления предупреждения коррупции и внедрения системы «комплаенс-контроля» Агентства по противодействию коррупции Тема: Эффективность системы комплаенс-контроля в предотвращении коррупции: проблемы и решения Алексей Конов – эксперт УНП ООН по противодействию коррупции (онлайн) Тема: Ответственность юриц за коррупционные правонарушения: аргументы за и против, возможные подходы к внедрению Гульнур Бахтияркызы Бахтияр – исследователь Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан Тема: Использование искусственного интеллекта в организации правовой информации в сфере предупреждения коррупции

15:50 - 16:00	Обсуждение и выводы
16:00 - 16:15	<i>Кофе-брейк</i>
Подтема №3. Анализ коррупции и коррупционных рисков - международные стандарты и опыт Узбекистана Модератор: Др. Виктор Кесслер – руководитель проекта GIZ «Надлежащее государственное управление»	
16:15 - 17:30 <i>Доклады до 10 мин.</i>	Саломе Флорес – руководитель Информационного Центра УНП ООН Тема: Основы для статистического измерения коррупции Дмитрий Нурумов – эксперт в сфере верховенства права, цифровизации правосудия и антикоррупционной политики (Нидерланды) (<i>эксперт ЕС – GIZ</i>) Тема: Оценка коррупционных рисков в уголовном процессе: методологические основы и правоприменительная практика Шеян Шербатке-Черч (Канада) и Квентин Рид (Великобритания) – эксперты в области противодействия коррупции МНПО «Региональный диалог» (<i>онлайн</i>) Тема: Влияние социальных норм на оценку коррупционных рисков и реализацию антикоррупционных программ Надира Алаходжаева – Генеральный директор ALFAKON Systems (<i>эксперт ЕС – GIZ</i>) Тема: Анализ коррупционных рисков и внедрение системы менеджмента противодействия взяточничеству по международному стандарту ISO 37001 - опыт Узбекистана
17:30 - 17:50	Обсуждение и выводы
17:50 - 18:00	Заккрытие мероприятия
Параллельная сессия №4 «Правоохранительная деятельность в киберпространстве: вызовы и решения» Модератор: Л.Ю. Югай – начальник отдела НИИ цифровой криминалистики Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор юридических наук (DSc)	
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал № 1 (Большой конференц-зал) Ссылка ZOOM: https://us06web.zoom.us/j/83878006332?pwd=EoCNMUeLoO0dQ1pj3J6O7zMJhN3gsv.1 Идентификатор: 838 7800 6332 Код доступа: 221960
11:30 - 13:10 <i>Доклады до 10 мин.</i>	Мусаев Гайрат Фархадович - Заведующий сектора Совета национальной безопасности при Президенте Республики Узбекистан Тема: Системное развитие цифровых компетенций в образовании правоохранительных органов: ответ на вызовы киберпреступности

	Гаджиев Хагани Мохуббат оглы - начальник Специализированного центра цифровых исследований Научно-исследовательского института цифровой криминалистики Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор философии (PhD) по юридическим наукам <i>Тема: О деятельности НИИ цифровой криминалистики в условиях современных вызовов</i> Пак Ёнджэ – Прокурор западного округа Сеула (<i>онлайн</i>) <i>Тема: Значимость цифровой криминалистики в деле «Nth room»</i> Юрай Носал - заместитель руководителя проектов Департамента по противодействию транснациональным угрозам/Подразделения по стратегическим вопросам полицейской деятельности Секретариата ОБСЕ (Австрия) <i>Тема: Наращивание потенциала правоохранительных органов в использование OSINT в уголовных расследованиях и связанные с этим проблемы</i> Каландарли Нигяр Гусейн кызы – начальник отдела Оценки деятельности работников прокуратуры и организации профессиональной подготовки Научно-образовательного центра прокуратуры Республики Азербайджан, кандидат юридических наук <i>Тема: Стратегии борьбы с киберпреступностью: опыт Азербайджанской Республики</i> Ранул Тантилаге – сотрудник Центра кибербезопасности и расследования киберпреступлений Университетского колледжа Дублина, доктор технических наук, доцент компьютерных наук <i>Тема: О результатах деятельности Центра кибербезопасности и расследования киберпреступлений Университетского колледжа Дублина по разработке инструментов с открытым исходным кодом для цифровых следователей</i> Фернандо Родригез (Fernando Rodríguez) - Инспектор Национальной полиции Испании Антонио Химениз (Antonio Jiménez) - Офицер Национальной полиции Испании <i>Тема: Передовой опыт национальной полиции Испании по противодействию террористической активности в социальных сетях</i> Фараджиев Мамед Ахмедович – директор криминалистического центра им. А. Бертильона Юридической академии Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики <i>Тема: Повышение эффективности осмотра места происшествия с использованием цифровых технологий контроля качества</i>
13:10 - 13:30	Обсуждение и выводы
13:30 - 14:30	<i>Перерыв на обед</i>
14:30 - 15:30 Доклады	Расулев Абдулазиз Каримович – ученый секретарь Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор

до 10 мин.	Муминов Бехзод Абдувахобович – главный научный сотрудник Института законодательства и правовой политики при Президенте Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор Тема: Борьба с киберпреступностью: время перейти от реактивной модели к проактивной Капкаев Нариман Ильдарович - Руководитель направления URP, Центральная Азия, представитель компании «Group IB» (Сингапур) Тема: Киберугрозы: где границы? Акилова Мукаддас Мирмухамедовна - заместитель декана юридического факультета, доцент кафедры теории государства и права Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, кандидат юридических наук Тема: Киберугрозы и правопорядок: обеспечение верховенства закона в условиях цифровой нестабильности Анна Илламаа - старший преподаватель Колледжа полиции и пограничной охраны при Академии наук безопасности Эстонии (онлайн) Тема: Полиция в эпоху цифровых изменений: решения для формирования новой системы подготовки
15:30 - 16:00	Обсуждение и выводы
16:00 - 16:15	<i>Кофе-брейк</i>
16:15 - 17:30 Доклады до 10 мин.	Рамазанов Даулет Мустафаевич - помощник Генерального прокурора Республики Казахстан, соискатель Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (онлайн) Тема: Некоторые актуальные вопросы применения нейронных сетей в правоохранительной деятельности Гуломов Ахмад Гулом угли – начальник отдела по обеспечению законности в сфере борьбы с киберпреступлениями Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан Тема: Современные вызовы и угрозы в практике раскрытия и расследования преступлений, совершенных с помощью информационных технологий Бобожанов Мирзабек Махсудович - Начальник отдела Центра кибербезопасности «CERT-CBU» Центрального банка Республики Узбекистан Тема: Роль Центрального банка в мониторинге киберугроз, выявлении уязвимостей и противодействии мошенничеству
17:30 - 17:50	Обсуждение и выводы
17:50 - 18:00	Заккрытие мероприятия
Параллельная сессия №5	

«Безграничные права человека: незаконная миграция, торговля людьми и цифровая реальность (в условиях глобализации и цифровой среды)» Модератор: А.Х. Саидов – директор Национального центра по правам человека Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор, академик, член Комитета ООН по правам человека	
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал: 126-й кабинет (Амфитеатр) Ссылка ZOOM: https://us06web.zoom.us/j/85903505049?pwd=A9ajErNzJboKJOiYRrODnTiAanUxFd.1 Идентификатор: 859 0350 5049 Код доступа: 487612
11:30 - 13:20 Доклады до 10 мин.	Саидов Акмал Холматович — директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, доктор юридических наук, профессор, академик, член Комитета ООН по правам человека Вступительное слово Амина Буайяш – Председатель Рабочей группы по миграции Сети африканских национальных институтов по правам человека, председатель Национального совета по правам человека Марокко (онлайн) Тема: <i>Выделение роли национальных институтов по правам человека в продвижении прав человека в контексте миграции: африканская перспектива</i> Мусаев Бехзод Анварович — директор Агентства по миграции при Кабинете Министров Республики Узбекистан Тема: <i>Новые тенденции процессов трудовой миграции на фоне глобальных геополитических изменений</i> Эндрю Грей — глава миссии Международной организации по миграции в Узбекистане Тема: <i>Деятельность МОМ в Узбекистане: итоги и перспективы</i> Эшматова Феруза Фарходовна — Уполномоченный по правам человека (омбудсман) Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук Тема: <i>Гарантии надежной защиты прав человека в Новом Узбекистане</i> Рахмонова Сурайё Махмудовна — Уполномоченный по правам ребёнка (Детский омбудсман) Олий Мажлиса Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор Тема: <i>Проблемы обеспечения прав ребенка в глобальных процессах торговли людьми и миграции</i> Хадича Элмадмад – директор Центра ЮНЕСКО «Права и миграция» (CUDM), вице-президент Юридической клиники факультета права Университета Касабланки (Марокко) Тема: <i>Вынужденно перемещенные женщины и их права: случай женщин с инвалидностью</i> Андреа Фрканова – Региональный координатор по вопросам трудовой мобильности (Европа и Центральная Азия), Международная организация по миграции, Вена, Австрия Тема: <i>Безопасные и законные способы работы</i>

	Тиллабаев Мирзатилло Алишерович — первый заместитель директора Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Актуальные проблемы обеспечения прав человека в борьбе с торговлей людьми</i> Камилов Ойбек Хамиджонович — сотрудник Секретариата Совета Безопасности при Президенте Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам (PhD) <i>Тема: На перекрёстке миграции и прав человека в Узбекистане: вызовы и пути регулирования</i>
13:20 - 13:30	Обсуждение и выводы
13:30 - 14:30	<i>Перерыв на обед</i>
Параллельная сессия №5 (продолжение) «Безграничные права человека: незаконная миграция, торговля людьми и цифровая реальность (в условиях глобализации и цифровой среды)» Модераторы: Исоқов Л.Х. — начальник кафедры международного права и защиты прав человека Правоохранительной академии Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор Саидов Ж.Т. — руководитель Отдела трудовой миграции Миссии Международной организации по миграции в Узбекистане	
14:30 - 15:30 Доклады до 10 мин.	Даниил Кашницкий — пост-докторант по социологии, университет Пари Ситэ, Новая Сорбонна, координатор по академическим связям, Франция, PhD (<i>онлайн</i>) <i>Тема: Медицинские услуги по сохранению здоровья уязвимых групп населения в условиях миграции в Восточной Европе и Центральной Азии: ВИЧ (СПИД) и туберкулёз</i> Санавварзода Голибджон Бакоевич — заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Государственного университета права, бизнеса и политики Таджикистана, доктор юридических наук, доцент <i>Тема: Цифровизация миграционных отношений: вопросы правового регулирования</i> Ибраева Алуа Саламатовна — профессор кафедры теории и истории государства и права, конституционного и административного права юридического факультета Казахского национального университета им. Аль-Фараби <i>Тема: Права человека в глобальном измерении: новые риски и угрозы, новые механизмы защиты — национальный и международный опыт</i> Уринбаев Рустамжон Уктам угли — профессор Лундского университета, Швеция (<i>онлайн</i>) <i>Тема: Трансмобильность смартфонов: повседневная транснациональная жизнь узбекских мигрантов в России и Турции</i> Лариса Кангаспуру (Орфинская) — научный сотрудник Института Александери, Университет Хельсинки, Финляндия, кандидат философских наук (<i>онлайн</i>)

	Тема: Реалии человеческой жизни: трудовая миграция из Центральной Азии в страны Балтии и Северной Европы Джолдасова Сахипжамал Джалгасовна — начальник отдела юридического обеспечения Организационного департамента МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, доцент Тема: Миграционная политика в эпоху цифровизации: вызовы и перспективы регулирования
15:30 - 16:00	Обсуждение и выводы
16:00 - 16:15	<i>Кофе-брейк</i>
16:15 - 17:30 Доклады до 10 мин.	Акилов Фирдавс Илхомович – заведующий кафедрой Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана, кандидат юридических наук (<i>онлайн</i>) Тема: Ответственность за торговлю людьми: сравнительно-правовой анализ законодательства государств СНГ Эралиев Шерзод — профессор Лундского университета, Швеция (<i>онлайн</i>) Тема: Изменение миграционных потоков: мобильность населения Центральной Азии между Россией и Северной Европой Усеинова Карлыгаш Рахимжановна — заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного и административного права юридического факультета Казахского национального университета им. Аль-Фараби, кандидат юридических наук, доцент Тема: Проблемы правового регулирования защиты прав мигрантов в условиях развития цифровизации: опыт Казахстана Ходжаева Зухра Адхамовна — ведущий специалист Управления по борьбе с организованной преступностью Департамента уголовного розыска Главного управления оперативно-розыскной деятельности МВД Республики Узбекистан, подполковник Тема: Безграничные права человека: защита и поддержка жертв торговли людьми Сейтаева Жанар Секежановна — заведующий кафедрой Академии правоохранительных органов Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент (<i>онлайн</i>) Тема: Правовые и организационные основы деятельности правоохранительных органов Казахстана и Узбекистана в борьбе с торговлей людьми Муйдинов Дилшод Нажмиддинович — заместитель начальника Управления международного сотрудничества и рейтингов Министерства высшего образования, науки и инноваций Республики Узбекистан, доктор социологических наук, доцент Тема: Незаконная миграция и безопасность человека в эпоху глобализации: дилемма секьюритизации Наим АллахРаха — доцент кафедры киберправа Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам (PhD) (<i>Пакистан</i>)

	Тема: Аспекты защиты прав человека при обеспечении кибербезопасности в социальных сетях Амуртаева Динара Талгатовна — доцент кафедры специальных юридических дисциплин, кандидат юридических наук, Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (<i>онлайн</i>) Тема: Реализация конституционных прав осужденных в пенитенциарной системе Республики Казахстан Ишанходжаев Саидахмад Акрамович — доцент кафедры Национального исследовательского института профессионального развития педагогов и освоения новых методик им. А. Авлоний, кандидат юридических наук Тема: Особенности борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми в условиях глобализации
17:30 - 17:50	Обсуждение и выводы
17:50 - 18:00	Заккрытие мероприятия
Параллельная сессия №6 «Правовое регулирование искусственного интеллекта: международный опыт и национальные перспективы» Модератор: <i>Э.М.Абзалов – советник председателя центральноазиатской ассоциации искусственного интеллекта, Государственный советник юстиции 3 класса, кандидат юридических наук</i>	
Место/ Ссылка для подключения	Конференц-зал: 108-й кабинет (Зал заседаний) Ссылка ZOOM: https://us06web.zoom.us/j/89391745903?pwd=cCkhoGTTa44VwvQu3YJ0FQFvTCARkQ.1 Идентификатор: 893 9174 5903 Код доступа: 321853
11:30 - 13:00 Доклады до 10 мин.	Бехзод Исмоилов - исполнительный директор Центрально Азиатской Ассоциации Искусственного Интеллекта (AICA) Тема: Опыт Центральной Азии в регулировании искусственного интеллекта Кайбылдаева Бегаим Мухитовна – Генеральный директор IT компании Business Soft, Международный арбитр, IT-юрист, Первый Резидент Центрально-Азиатской Ассоциации Искусственного Интеллекта и Почетный Член Конгресса Женщин Кыргызстана Тема: Арбитраж и альтернативное разрешение споров как инструмент обеспечения верховенства закона: цифровизация арбитражных процедур и внедрение AI-инструментов в анализ доказательств и прогнозирование исходов споров Абдуджаббор Абдуджалилов - начальник отдела Института политологии, философии и права Академии наук Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (<i>онлайн</i>) Тема: «Право и цифровые технологии: грани правового регулирования»

	Саид Гулямов - заведующий кафедрой Киберправа Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор <i>Тема: Цифровой след коррупции: использование ИИ для выявления подозрительных транзакций</i> Эрман Юкселтурк – профессор университета Кириккале, доктор педагогических наук, профессор – (Турецкая Республика) <i>Тема: Особенности правового обеспечения применения искусственного интеллекта</i> Фозилжон Отахонов - профессор Академии правосудия Республики Узбекистан, доктор юридических наук <i>Тема: Вопросы формирования у кандидатов на должности судей практических навыков использования возможностей искусственного интеллекта</i> Серкан Саваш - доцент кафедры компьютерной инженерии Университета Кириккале, доктор компьютерных наук, доцент (Турецкая Республика) <i>Тема: Потенциал и области применения искусственного интеллекта в эффективном противодействии коррупции</i> Садиков Хуршид Примкулович – секретарь Высшего судейского совета <i>Тема: Правовые и этические аспекты применения искусственного интеллекта</i> Убайдуллаева Анна Владимировна – и.о. доцента Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии (PhD) <i>Тема: Стратегические направления развития образования в области кибербезопасности и криптологии в Узбекистане: от государственного управления до правоприменения</i>
13:00 - 13:20	Обсуждение и выводы
13:20 - 13:30	Заккрытие мероприятия
13:30 - 14:30	<i>Перерыв на обед</i>
По отдельной программе	
11:30 - 13:00	Ознакомление с Академией
13:30 - 14:30	<i>Обед</i>
15:00 - 17:00	Двусторонние встречи и подписание меморандумов

The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan
International Scientific and Practical Conference
“ENSURING THE RULE OF LAW IN THE CONTEXT OF MODERN
CHALLENGES: PROBLEMS AND SOLUTIONS”
PROGRAM

- Organizer:** The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan
(with the support of international organizations)
- Date and venue:** November 27-28, 2025,
The Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan
(Tashkent, Yunusabad District, Rikhsiliy Street 9)
- Format:** hybrid (online/offline) Plenary Session,
- 1st - “AML/CFT: Transformation of Approaches in the Digital Age”
- 2nd - “Science and Education in Law Enforcement in Digital Age: Problems and Innovative Solutions”
- 3rd - “Corruption 2.0: digital risks and innovative solutions”
- 4th - “Law Enforcement Activities in Cyberspace: Challenges and Solutions”
- 5th - “Unlimited Human Rights: Irregular Migration, Human Trafficking, and the Digital Reality (in the Context of Globalization and the Digital Environment)”
- 6th - “Legal regulation of artificial intelligence: international experience and national perspectives”
- Parallel Sessions
- Languages:** Uzbek, English, Russian

DAY 1 (November 27, 2025, Tashkent)	
Welcoming session	
09:00 - 09:30	Participant Registration / Online Connection
Session No. 1 “AML/CFT: Transformation of Approaches in the Digital Age.” Opening and Welcoming Remarks: <i>E.V. Kolenko – First Deputy Head of the Law Enforcement Academy</i> Moderator: D.L. Turakhanov — Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan	
Venue / Online Link:	Conference Hall No. 111 (Assembly Hall) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/86826729596?pwd=KRlkghvJoSqvg8FP0GmLNTzviZfI72.1 Meeting ID: 868 2672 9596 Access code: 591100
9:30 - 10:40 Presentations up to 10 minutes	Aliaksandr Vadziyany – Regional Advisor of the UNODC on Countering Illicit Drug Trafficking, ML/TF Topic: <i>The potential of artificial intelligence in countering money laundering</i> Michael Boole – Program Manager, Michael Boole – Program Manager, Egmont Centre of FIU Excellence and Leadership (ECOFEL), Egmont Group of Financial Intelligence Units (online) Topic: <i>AML/CFT training activities of the ECOFEL: online courses and ECOFEL Certification Program</i> Stephen Lettic – Law Enforcement Attaché, Department of Justice/Criminal Division/ICITAP Topic: <i>The importance of international cooperation in combating AML/CFT through research and training</i> Richard Joyce – Expert (USA), INPO “Regional Dialogue” (online) Topic: <i>The interconnection between money laundering, terrorist financing and human trafficking</i> Ramandip Chhina – Doctor of Philosophy (D.Phil) in Law, University of Oxford (UK), Director (AML/CFT) FLE Compliance, USA (online) Topic: <i>Leveraging Beneficial Ownership Registers for Effective Financial Investigations in the Digital Era</i> Mark Carroll – Criminal Justice Expert (United Kingdom) Topic: <i>Digitalisation is not tomorrow’s problem. It is today’s reality</i> Anastasia Maga – Regional consultant, Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (ESCAP) (online) Topic: <i>Measures to measure illicit financial flows in the region</i> Hayley Evans J.D. – International Lawyer (USA) Topic: <i>A comparative practice in the use of biometric technologies, API and PNR systems, and supervisory technology for AML/CFT</i>
10:40 - 11:00	Discussion and conclusions

11:00 - 11:30	<i>Coffee break</i>
Session No. 1 (continued) “AML/CFT: Transformation of Approaches in the Digital Age.” Moderator: D.L.Turakhanov — Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan	
11:30 - 12:45 <i>Presentations up to 10 minutes</i>	Neslihan Karatas Durmus – Professor, PhD, Ankara Yıldırım Beyazıt University (<i>online</i>) Topic: <i>Digital transformation on struggle against financial crime: the MASAK model and institutional cooperation in Turkey.</i> Shalala Aghalarova-Ildirimli – Representative of the Financial Intelligence Unit of Azerbaijan (<i>online</i>) Topic: <i>Enhancing the role of digital resources in capacity development in the AML/CFT sector.</i> Malikov Boriyxon – Representative of the Department for Combating Economic Crime of the Republic of Uzbekistan Topic: <i>Implementation of the Risk Assessment Center into the activities of the Department for Combating Economic Crimes</i> Daniel Vazquez Llorens – Expert of the EU AML/CFT Global Facility (<i>online</i>) Topic: <i>Practical implementation of updated FATF recommendations on asset recovery</i> Thomas Kruessmann – Professor at Westminster International University in Tashkent (Germany) Topic: <i>“Door-opener corruption” as a type of cross-border corruption and money laundering</i> Nikolai Falko – Head of the Binance Case Team in the CIS, Central and Eastern Europe (<i>online</i>) Topic: <i>BINANCE's cooperation with law enforcement agencies in identifying, seizing and returning assets</i> Musin Temur Vasilievich – President of Compliance Hub Association (<i>online</i>) Topic: <i>Cryptocompliance in financial institutions</i> Mynzhanov Erlan Kaytarovich – Senior Lecturer Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan Topic: <i>Improving methods and instruments for combating the legalization of criminal proceeds</i> Alimardon Ahmadov – prosecutor of the center of the Law Enforcement Academy (ARIN-WCA Secretariat) Topic: <i>ARIN-WCA: network activities and development prospects</i> Otaboev Bobur Ibrat ugli - Senior Lecturer of Tashkent State University of Law Topic: <i>Fight against the legalization of criminal proceeds and the financing of terrorism; transformation of approaches in the digital age</i>
12:45 - 12:55	Discussion and conclusions

12:55 - 13:00	Closing of the event
Session 2: “Science and Education in Law Enforcement in Digital Age: Problems and Innovative Solutions” Moderator: E.V. Kolenko — <i>First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor.</i>	
Venue / Online Link:	Conference Hall No. 111 (Assembly Hall) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/87225303008?pwd=zGHWCFa6IFawFpICx0Cv1izR7PW9Sf.1 Meeting ID: 872 2530 3008 Access code: 886354
14:00 - 15:20 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Kolenko Evgeniy Vyacheslavovich — First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor <i>Topic: Three Years of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan: From Formation to Development</i> Turganbaev Aibek Kalmakovich — Rector of the Law Academy of the Prosecutor General’s Office of the Kyrgyz Republic <i>Topic: Development of Modern Models for Prosecutorial Training: The Experience of the Law Academy of the Prosecutor General’s Office of the Kyrgyz Republic in the Context of Digital Transformation</i> Shakhverdiyev Sabukhi — Deputy Head of the Scientific and Educational Center of the Prosecutor General’s Office of the Republic of Azerbaijan <i>Topic: Innovative Approaches in the Scientific and Training Activities of Prosecutorial Bodies: Digital Educational Solutions of the Scientific and Training Center of the Prosecutor General’s Office of Azerbaijan</i> Shenaz Muzaffer — General Counsel of the International Association of Prosecutors <i>Topic: Future-focused policing: Enhancing law enforcement training to combat emerging threats</i> Patrick Olsson — Professor at Lund University (Sweden) <i>Topic: Redefining Law Enforcement Pedagogy: A Socio-Legal and Ethical Compliance Model for Value-Driven Training in the Digital Era</i> Norov Asror Egamberdiyevich - Director of the Innovative Development Agency <i>Topic: Reforms in the Training of Research Personnel and Future Plans</i> Salikhov Jasur Shavkatovich - Rector of the Academy of Public Policy and Administration under the President of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: Rule of Law in the Digital Age: A New Stage in the Development of Educational Clusters and Inter-Academy Cooperation</i> Kayumov Shukhrat Shukurovich — Rector of the State University “CYBER” <i>Topic: Cybersecurity and Digital Challenges: The Educational Mission of the State University ‘Cyber University</i> Selen Yureten Tandogan — Judge at the Justice Academy of Türkiye <i>Topic: Science and Education in Law Enforcement in the Digital</i>

	<i>Age: Problems and Innovative Solutions</i> Rustambekov Islambek Rustambekovich — Rector of Tashkent State University of Law Topic: <i>Rule of Law in the Era of Digital Transformation: From Normative Adaptation to Proactive Legal Regulation</i>
15:20 - 15:30	Discussion and conclusions
15:30 - 15:45	<i>Coffee break</i>
Moderator: <i>A.S.Odinayev</i> — Acting Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor.	
15:45 - 17:00 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Samet Tatar — Associate Professor of Law, Head of the Department of Information and Cyber Law, Director of the Turkish-Uzbek Center for Legal Studies, Ankara Yıldırım Beyazıt University (<i>online</i>) Topic: <i>Integration of Artificial Intelligence into Law Enforcement Training: Ensuring the Rule of Law in the Digital Age</i> Tillaboyev Mirzatilla Alisherovich – First Deputy Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights Topic: <i>Current Issues in Implementing Artificial Intelligence Platforms in Legal Education</i> Keith Arnaud - UNESCO expert (<i>online</i>) Topic: <i>Balancing Science, Digital Innovation and Traditional Techniques in Modern Law Enforcement Education</i> Turgunov Murod Tursunboyevich – Director of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor Topic: <i>Prospects for the Development of Human Rights Education in Uzbekistan</i> Giuseppe Chiaramonte - an international expert in digital educational technologies for training personnel in the public and law-enforcement sectors, (U.S) Topic: <i>Organizational Resilience: What Law Enforcement Institutions Can Learn from Global Models</i> Tapenova Asem Ryskanovna — Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Master of Laws, Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General’s Office of the Republic of Kazakhstan (<i>online</i>) Topic: <i>Integration of Artificial Intelligence into the Educational Process as a Factor in Improving Management within the Law Enforcement Agencies of the Republic of Kazakhstan</i> Tuxtasheva Umida Abdilovna — Deputy Director of the Anti-Corruption Agency of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Laws, Professor Topic: <i>Science, education and public awareness in combating corruption.</i> Khodjayev Baxshillo Kamolovich – Vice-Rector for Research and Innovation of Tashkent State University of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor Topic: <i>The concept of legal research: modern trends in science</i> Gianluigi Segalerba – Member of the Institute of Philosophical Studies (IEF) at the University of Coimbra, Portugal, PhD (<i>online</i>)

	Topic: <i>Liberalism, personal development, socio-spiritual diversity, and the system of legal education</i> Asadov Shavkat Gaibullayevich — Professor at the Academy of Public Policy and Administration, Doctor of Laws Topic: <i>Ensuring the Rule of Law in Public Administration and Enhancing the Accountability of Civil Servants</i> Abdirov Nurgalym Mazhitovich — Rector of the Law Enforcement Academy under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan Topic: <i>Digital Transformation of the Law Enforcement Training System: Experience of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan</i> Khayitov Khushvaqt Saparbayevich — Member of the Committee on International Affairs, Defense and Security of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan Topic: <i>Prospects for the Accession of the Republic of Uzbekistan to the Global Convention on the Recognition of Qualifications concerning Higher Education</i>
17:00 - 17:30	Discussion and Conclusions
17:30 - 18:00	Closing of the Event
Parallel event	
09:30 - 11:00	Familiarization of Foreign Experts with the Academy Campus (according to the list)
11:00 - 11:30	<i>Coffee break</i>
11:30 - 13:00	Bilateral meetings; (According to a separate program) Ceremony of signing MoU with; (According to a separate program)
13:00 - 14:00	<i>Lunch</i>
14:30 - 17:30	Bilateral meetings; (According to a separate program) Ceremony of signing MoU with; (According to a separate program)

Day 2 (November 28, 2025)	
09:00 - 09:30	Participant Registration / Online Connection
Opening and Welcoming Remarks Moderator: E.V. Kolenko – First Deputy Head of the Law Enforcement Academy	
Venue / Online Link:	Conference Hall: Congress Hall Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/85904721476?pwd=iJWZNDuxf4UGF6AaqScTWZpCOd8tJT.1 Meeting ID: 859 0472 1476 Access code: 465103
09:30 - 09:40	Video Presentation: <i>Activities of the Law Enforcement Academy of Uzbekistan</i>
9:30 - 11:00 Introductions (up to 10 minutes)	Yuldoshev Nigmatilla Tulkhinovich – Prosecutor General of the Republic of Uzbekistan Islomov Bakhtiyor Jakhangirovich – Chairman of the Supreme Court of the Republic of Uzbekistan Saidov Akmal Kholmatovich – Director of the National Human Rights Centre of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Laws, Professor, Academician, Member of the UN Human Rights Committee Tashpulatov Aziz Anvarovich — Minister of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan. Juraev Rustam Mirzaevich – Commander of the National Guard of the Republic of Uzbekistan, Major General Mavlonov Akmalkhuzha Yusupovich – Chairman of the State Customs Committee, Major General of the Customs Service Burkhanov Akmal Eshondedaevich — Director of the Anti-Corruption Agency of the Republic of Uzbekistan Sharipov Kongratbay Avezimbetovich — Minister of Higher Education, Science and Innovation of the Republic of Uzbekistan. Eshmuratov Abdulkhakim Khushbokovich — Chairperson of the Committee on Combating Corruption and Judicial Affairs of the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan Allaberganov Atabek Validjanovich – Deputy Chairman of the Chamber of Accounts of the Republic of Uzbekistan Toyvo Klaar - Ambassador of the European Union Dr. Oliver Stolpe — UNODC Regional Representative for Afghanistan, Central Asia, Iran, and Pakistan Antti Karttunen — OSCE Project Co-ordinator in Uzbekistan Abdirov Nurgalym Mazhitovich — Rector of the Law Enforcement Academy under the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan Turganbaev Aibek Kalmakovich — Rector of the Law Academy of the Prosecutor General’s Office of the Kyrgyz Republic Sara Noshadi - UNESCO Representative in Uzbekistan Shenaz Muzaffer — General Counsel of the International Association of Prosecutors

11:00 - 11:30	Discussion and conclusions
	<i>Group photo</i>
	<i>Coffee break</i>
Parallel Session No. 3:	
“Corruption 2.0: digital risks and innovative solutions”	
Subtopic № 1. Preventing Corruption: Problems and Their Solutions	
Moderator: E.V.Kolenko – First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor	
Venue / Online Link:	Conference Hall No. 133 (Glass Hall) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/82303525202?pwd=Twqbin8eUaiTepYSzlTIgViREv wjJx.1 Meeting ID: 823 0352 5202 Access code: 238660
11:30-13:10 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Kolenko Evgeniy Vyacheslavovich – First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor <i>Topic: A new paradigm of anti-corruption education: integrating science, technology and a culture of integrity</i> Bekatova Zumrad Rahimbayevna – Senator serving on a permanent basis in the Senate Committee on Judicial-Legal Affairs and Anti-Corruption of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: The role of parliamentarians in shaping anti-corruption policy: legislative initiatives and oversight practice</i> Kamarul Zaman Mosman – Head of the Investigation and Forensics School, Malaysia Anti-Corruption Academy <i>Topic: The role of intelligence in combating modern corruption (Malaysia's Challenges)</i> Patrick Olsson – Professor at Lund University (Sweden) <i>Topic: Digital dissipation: understanding evolving corruption threats and next-generation innovation strategies in anti-corruption</i> Tuxtashev Sherzod Azimovich – Deputy Chair of the Committee of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan on anti-corruption and judicial and legal issues <i>Topic: The role of parliament in combating corruption</i> Allakuliev Mirjalol Davronbekovich – Head of the Main Department of Legislation of the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: Anti-corruption expertise 2.0: modern methods and Uzbekistan's experience in preventing corruption at the lawmaking stage</i> Ina Kubbe – professor at the International Anti-Corruption Academy (IACA, Austria), expert in anti-corruption, gender and democratic governance (OSCE expert) <i>Topic: Gender and corruption: from vulnerability to participation</i> Ms Poon Tak Yi – Representative of the Independent Commission Against

	Corruption (ICAC, Hong Kong, China) <i>(online)</i> Topic: <i>Innovation for Integrity</i> Vladimir Kozin – UNODC Regional Anti-Corruption Adviser <i>(online)</i> Topic: <i>Experience in applying GRACE</i> Ye-Ting Woo – Deputy Director of the U.S. Department of Justice, Office of Overseas Prosecutorial Development, Assistance and Training (DOJ-OPDAT) <i>(online)</i> Topic: <i>Complex crimes related to corruption</i> Azat Irmanov – National Coordinator of the Anti-Corruption Programme, UNODC Regional Office for Afghanistan, Central Asia, Iran and Pakistan Topic: <i>Key directions for strengthening training in anti-corruption compliance – insights from the work of the CABIN network</i>
13:10 - 13:30	Discussion and conclusions
13:30 - 14:30	Lunch break
Subtopic № 2. Criminalization of corruption offences Moderator: <i>A.Irmanov – National Coordinator of the Anti-Corruption Programme, UNODC Regional Office for Afghanistan, Central Asia, Iran and Pakistan</i>	
14:30 - 15:50 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Musashaykhov Karimjon Khusanxanovich – Deputy Head of the Department for Coordination of Anti-Corruption Measures, General Prosecutor’s Office of the Republic of Uzbekistan Topic: <i>Mechanisms of liability of participants and organizers of sports competitions for bribery-related offences in the Republic of Uzbekistan</i> Kaspars Valpeteris – EU-ACT Regional Coordinator for Central Asia, Head of the Civipol office in Uzbekistan Topic: <i>Effective anti-corruption measures</i> Pavel Sascheko – UNODC anti-corruption expert <i>(online)</i> Topic: <i>The effect of criminalization of bribery in accordance with the UNCAC: the practice of forming an evidence base</i> Fayziev Shavkat Ismatovich – Chief Inspector of the Accounts Chamber of the Republic of Uzbekistan, doctor of technical sciences (DSc) Topic: <i>Preventing corruption through the use of artificial intelligence technologies in public audit</i> Maris Urbans – OECD/ACN Anti-Corruption Analyst <i>(online)</i> Topic: <i>Trends in the reform of criminal law policy in the countries of the Istanbul Anti-Corruption Action Plan region</i> Ismayilov Kamran Alikhan oglu — Head of the Internal Control Department, Ministry of Science and Education of the Republic of Azerbaijan Topic: <i>The Rule of Law and Management of Corruption Risks in the Science and Education System under Digital Transformation: The Experience of the Republic of Azerbaijan</i> Ergashev Azamathon Jurakhonovich – Deputy Head of the Department for Corruption Prevention and Implementation of the Compliance Control System of the Anti-Corruption Agency Topic: <i>Effectiveness of the compliance control system in preventing corruption: problems and solutions</i> Alexey Konov - UNODC anti-corruption expert <i>(online)</i>

	Topic: <i>Liability of legal persons for corruption offences: arguments for and against, possible approaches to implementation</i> Gulnur Bakhtiyarkyzy Bakhtiyar – Researcher at the Law Enforcement Academy under the General Prosecutor’s Office of the Republic of Kazakhstan Topic: <i>Use of artificial intelligence in organizing legal information in the field of corruption prevention</i>
15:50 - 16:00	Discussion and conclusions
16:00 - 16:15	<i>Coffee break</i>
Subtopic № 3. Analysis of Corruption and Corruption Risks: International Standards and Uzbekistan’s Experience Moderator: Dr. Viktor Kessler – Project manager of the Good Governance Program	
16:15 - 17:30 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Salomé Flores Sierra Franzoni – Head of the UNODC Information Centre Topic: <i>Foundations for the statistical measurement of corruption</i> Dmitry Nurumov – expert in the fields of the rule of law, justice digitalization and anti-corruption policy (Netherlands) (<i>EU–GIZ Expert</i>) Topic: <i>Assessment of corruption risks in criminal proceedings: methodological foundations and law enforcement practice</i> Cheyenne Scharbatke-Church (Canada) & Quentin Reed (United Kingdom) – anti-corruption experts of the NGO “Regional Dialogue” (online) Topic: <i>The impact of social norms on the assessment of corruption risks and the implementation of anti-corruption programs</i> Nodira Alahodjaeva – Director General of ALFAKON Systems (<i>EU–GIZ expert</i>) Topic: <i>Analysis of corruption risks and the implementation of an anti-bribery management system under the international ISO 37001 standard: the experience of Uzbekistan</i>
17:30 - 17:50	Discussion and Conclusions
17:50 - 18:00	Closing of the Session
Parallel Session No. 4 “Law Enforcement Activities in Cyberspace: Challenges and Solutions” Moderator: L.Yu. Yugay - Head of Department of the Scientific Research Institute of Digital Forensics at the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences (DSc)	
Venue / Online Link:	Conference Hall 1 (Big Conference Hall) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/83878006332?pwd=EoCNMUeLoO0dQ1pj3J6O7zMJhH3gsv.1 Meeting ID: 838 7800 6332 Access code: 221960
	Gayrat Farhadovich Musaev - Head of Sector of the National Security Council under the President of the Republic of Uzbekistan Topic: <i>Systematic Development of Digital Competencies in Law Enforcement Education: Response to Cybercrime Challenges</i>

11:30 - 13:10 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Gadzhiev Khagani Mokhubbat ogly - Head of the Specialized Center for Digital Research at the Research Institute of Digital Forensics of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Philosophy (PhD) in Law <i>Topic: On the activities of the Research Institute of Digital Forensics in the context of modern challenges</i> Park Yeongjae - Prosecutor of the Western District of Seoul (<i>online</i>) <i>Topic: The importance of digital forensics in the Nth room case</i> Juraj Nosal - Deputy Project Manager of the OSCE Secretariat's Department for Combating Transnational Threats/Police Strategic Affairs Division (Austria) <i>Topic: Building law enforcement capacity in working with electronic evidence: the role of international organizations</i> Kalandarli Nigyar Huseyn kyzy - Head of the Department for Assessment of Prosecutor's Office Employees' Activities and Organization of Professional Training at the Scientific and Educational Center of the Prosecutor's Office of the Republic of Azerbaijan, Candidate of Legal Sciences <i>Topic: Strategies for Combating Cybercrime: The Experience of the Republic of Azerbaijan</i> Ranul Tantilage - Staff member of the Center for Cybersecurity and Cybercrime Investigation, University College Dublin, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor of Computer Science <i>Topic: On the results of the activities of the Center for Cybersecurity and Cybercrime Investigation of the University College of Dublin in the development of open-source tools for digital investigators</i> Fernando Rodriguez - Inspector of the National Police of Spain and Antonio Jimenez - Officer of the National Police of Spain <i>Topic: Best practices of the National Police of Spain in countering terrorist activity on social media</i> Faradzhiev Mamed Akhmedovich - Director of the A.Bertillon Forensic Center at the Law Academy of the General Prosecutor's Office of the Kyrgyz Republic <i>Topic: Improving the efficiency of crime scene examination using digital quality control technologies</i>
13:10 - 13:30	Discussion and conclusions
13:30 - 14:30	<i>Lunch break</i>
14:30 - 15:30 <i>Speeches for 10 minutes</i>	Rasulev Abdulaziz Karimovich - Scientific Secretary of the Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor Muminov Bekhzod Abduvakhobovich - Chief Research Fellow of the Institute of Legislation and Legal Policy under the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor <i>Topic: Combating cybercrime: Time to shift from a reactive model to a proactive one</i> Kapkaev Nariman Ildarovich - Head of URP Direction, Central Asia, representative of "Group IB" company (Singapore) <i>Topic: Cyber threats: where are the borders?</i>

	Akilova Mukaddas Mirmuxamadovna-Deputy Dean of the Faculty of Law, Tajik State University of Law, Business and Politics, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Candidate of Legal Sciences <i>Topic: Cyber threats and law and order: ensuring the rule of law in the context of digital instability</i> Anna Illamaa - Senior Lecturer, Police and Border Guard College - Estonian Academy of Security Sciences (<i>online</i>) <i>Topic: Police in the Era of Digital Transformation: Solutions for a New Training System</i>
15:30 - 16:00	Discussion and conclusions
16:00 - 16:15	<i>Coffee break</i>
16:15 - 17:30 <i>Speeches for 10 minutes</i>	Ramazanov Daulet Mustafayevich-Assistant to the Prosecutor General of the Republic of Kazakhstan, Research Fellow of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (<i>online</i>) <i>Topic: Some pressing issues of using neural networks in law enforcement activities</i> Gulomov Akhmad Gulom ugli - Head of the Department for Ensuring Legality in the Sphere of Combating Cybercrime at the General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: Modern Threats and Challenges in the Practice of Detecting and Investigating Crimes Committed Using Information Technologies</i> Bobozhanov Mirzabek Makhsudovich - Head of Department at the Cybersecurity Center "CERT-CBU" of the Central Bank of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: The role of the Central Bank in cyber threat monitoring, vulnerability detection, and fraud prevention</i>
17:30 - 17:50	Discussion and Conclusions
17:50 - 18:00	Closing of the Event
Parallel Session No. 5 “Unlimited Human Rights: Irregular Migration, Human Trafficking, and the Digital Reality (in the Context of Globalization and the Digital Environment)” Moderator: A.Kh.Saidov — Director of the National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Member of the UN Human Rights Committee	
Venue / Online Link:	Conference Hall No. 126 (Amphitheater) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/85903505049?pwd=A9ajErNzJboKJOiYRrODnTiAanUxFd.1 Meeting ID: 859 0350 5049 Access code: 487612
11:30 - 13:20	Akmal Kholmatovich Saidov — Director of the National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor,

Speeches up to 10 minutes	Academician, Member of the UN Human Rights Committee Opening speech Amina Bouayach – Chairperson of NANHRI WG on migration; President of the National Human Rights Council (CNDH) of the Kingdom of Morocco (online) <i>Topic: Highlighting the role of NHRIs in advancing Human Rights in the context of migration: an African perspective</i> Bekhzod Anvarovich Musaev — Director of the Agency for Migration under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan <i>Topic: New Trends in Labor Migration Processes Amid Global Geopolitical Changes</i> Andrew Gray — Chief of Mission, International Organization for Migration (IOM) in Uzbekistan <i>Topic: IOM Activities in Uzbekistan: Achievements and Prospects</i> Feruza Farhodovna Eshmatova — Commissioner for Human Rights (Ombudsman) of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences <i>Topic: Guarantees for the Reliable Protection of Human Rights in the New Uzbekistan</i> Surayyo Mahmudovna Rakhmonova — Commissioner for Children’s Rights (Child Ombudsman) of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor <i>Topic: Challenges in Protecting Children’s Rights in the Context of Global Human Trafficking and Migration Processes</i> Khadija Elmadmad – Director of the UNESCO “Rights and Migration” Centre (CUDM), Vice President of the Legal Clinic at the Faculty of Law, University of Casablanca (Morocco) <i>Topic: Women Forced to Displace and Their Rights: The Case of Women with Disabilities</i> Andrea Frkanova – Regional Labour Mobility Coordinator (Europe and Central Asia) International Organization for Migration, Vienna, Austria <i>Topic: Safe and Regular Labour Pathways</i> Mirzatillo Alisherovich Tillabayev — First Deputy Director, National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor <i>Topic: Current Challenges in Ensuring Human Rights in the Fight Against Human Trafficking</i> Oybek Hamidjonovich Kamilov — Staff Member, Security Council Secretariat under the President of the Republic of Uzbekistan, PhD in Legal Sciences <i>Topic: At the Crossroads of Migration and Human Rights in Uzbekistan: Challenges and Regulation Strategies</i>
13:20 - 13:30	Discussion and Conclusions
13:30 - 14:30	Lunch break
Parallel Session No. 5 (continued) “Unlimited Human Rights: Irregular Migration, Human Trafficking, and the Digital Reality (in the Context of Globalization and the Digital Environment)”	

Moderators: <i>L.Kh.Isokov</i> — Head of the Department of International Law and Human Rights Protection, Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Professor <i>J.T.Saidov</i> — Head of the Labor Migration Department, International Organization for Migration (IOM) Mission in Uzbekistan	
14:30 – 15:30 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Daniel Kashnitsky – PhD Postdoctoral researcher, CERMES3 (Centre for research on medicine, science, health, mental health, and society) Université Paris Cité (online) <i>Topic: Healthcare Services for Vulnerable Populations in the Context of Migration in Eastern Europe and Central Asia: HIV/AIDS and Tuberculosis</i> Golibjon Bakojevich Sanavvarzoda — Head of the Department of Constitutional Law, Faculty of Law, Business, and Politics, State University of Law, Business, and Politics of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor <i>Topic: Digitalization of Migration Relations: Legal Regulation Issues</i> Alua Salamatovna Ibraeva — Professor, Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University <i>Topic: Human Rights in the Global Dimension: New Risks and Threats, New Protection Mechanisms — National and International Experience</i> Rustamjon Oktamovich Urinboev — Professor, Lund University, Sweden (online) <i>Topic: Smartphone Transmobility: Everyday Transnational Life of Uzbek Migrants in Russia and Turkey</i> Larisa Kangaspuro (Orfinska) — Researcher, Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland, PhD (online) <i>Topic: Realities of Human Life: Labor Migration from Central Asia to the Baltic and Northern European Countries</i> Sahipjamal Jalgasovna Dzholdasova — Head of the Legal Support Department, Organizational Department, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor <i>Topic: Migration Policy in the Era of Digitalization: Challenges and Regulatory Prospects</i>
15:30 - 16:00	Discussion and Conclusions
16:00 - 16:15	<i>Coffee break</i>
16:15 - 17:30 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Firdavs Ilhomovich Akilov – Head of the Department at the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences (online) <i>Topic: Liability for Human Trafficking: A Comparative Legal Analysis of the Legislation of CIS States</i> Sherzod Eraliev — Professor, Lund University, Sweden (online) <i>Topic: Changing Migration Flows: Mobility of Central Asian Populations between Russia and Northern Europe</i> Karlygash Rakhimzhanovna Useinova — Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Al-Farabi Kazakh National University, Candidate of Legal Sciences,

	Associate Professor Topic: <i>Challenges in Legal Regulation of Migrants' Rights Protection in the Context of Digitalization: The Experience of Kazakhstan</i> Zukhra Adkhamovna Khodzhaeva — Senior Specialist, Department for Combating Organized Crime, Criminal Investigation Directorate, Main Department of Operational and Investigative Activities, Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, Lieutenant Colonel Topic: <i>Unlimited Human Rights: Protection and Support of Human Trafficking Victims</i> Zhanar Sekezhanovna Seitayeva — Head of Department, Academy of Law Enforcement Agencies of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (<i>online</i>) Topic: <i>Legal and Organizational Foundations of Law Enforcement Activities in Kazakhstan and Uzbekistan in Combating Human Trafficking</i> Dilshod Najmiddinovich Muydinov — Deputy Head, Department of International Cooperation and Rankings, Ministry of Higher Education, Science, and Innovations of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor Topic: <i>Irregular Migration and Human Security in the Era of Globalization: The Securitization Dilemma</i> Naeem AllahRakha — Associate Professor, Department of Cyber Law, Tashkent State University of Law, PhD in Legal Sciences (Pakistan) Topic: <i>Aspects of Human Rights Protection in Ensuring Cybersecurity on Social Media</i> Dinara Talgatovna Amurtayeva — Associate Professor of the Department of Special Legal Disciplines, PhD in Law, Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan Topic: <i>Implementation of Constitutional Rights of Convicted Persons in the Penitentiary System of the Republic of Kazakhstan</i> Saidakhmad Akramovich Ishankhodjaev — Associate Professor, National Research Institute for Professional Development of Teachers and Mastery of New Methods, named after A. Avloni, Candidate of Legal Sciences Topic: <i>Specifics of Combating Irregular Migration and Human Trafficking in the Context of Globalization</i>
17:30 - 17:50	Discussion and Conclusions
17:50 - 18:00	Closing of the Event
Parallel Session No. 6 “Legal regulation of artificial intelligence: international experience and national perspectives” Moderator: Abzalov E.M.– Advisor to the Chairman of the Central Asian Association of Artificial Intelligence, State Counselor of Justice 3rd Class, Candidate of Legal Sciences	
Venue / Online Link:	Conference Hall No. 108 (Meeting Hall) Zoom Link: https://us06web.zoom.us/j/89391745903?pwd=cCkhoGTTa44VwvQu3YJ0FQFvTCARkQ.1 Meeting ID: 893 9174 5903

	Access code: 321853
11:30 - 13:00 <i>Speeches up to 10 minutes</i>	Bexzod Ismoilov - Executive director of Central Asian Association for Artificial Intelligence <i>Topic: Central Asian Experience in Artificial Intelligence Regulation</i> Kaybildaeva Begaim Mukhitovna - General Director of It company Business Soft, International Arbitrator, IT Lawyer, First Resident of the Central Asian Association of Artificial Intelligence and Honorary Member of the Congress of Women of Kyrgyzstan <i>Topic: Arbitration and alternative dispute resolution as a tool for ensuring the rule of law: digitalization of arbitration procedures and implementation of AI tools in evidence analysis and dispute outcome forecasting</i> Abdujabbor Abdujalilov - Head of Department at the Institute of Political Science, Philosophy and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Law, Professor (<i>online</i>) <i>Topic: Law and digital technologies: facets of legal regulation</i> Said Gulyamov - Head of the Department of Cyber Law at Tashkent State University of Law, Doctor of Law, Professor <i>Topic: Digital trail of corruption: using AI to identify suspicious transactions</i> Erman Yukselturk - Professor at Kirikkale University, Doctor of Legal Sciences, Professor - (Republic of Turkey) <i>Topic: Features of legal support for the application of artificial intelligence</i> Foziljon Otakhonov - Professor at the Academy of Justice of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Legal Sciences <i>Topic: Issues of developing practical skills in using artificial intelligence capabilities among candidates for judicial positions</i> Serkan Savash - Associate Professor at Kirikkale University, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor (<i>offline</i>) - (Republic of Turkey) <i>Topic: Potential and areas of application of artificial intelligence in effective anti-corruption efforts</i> Sadikov Khurshid Primkulovich - Secretary of the High Judicial Council <i>Topic: Legal and ethical aspects of applying artificial intelligence</i> Ubaydullaeva Anna Vladimirovna - Acting Associate Professor at Tashkent State University of Law, Doctor of Philosophy (PhD) <i>Topic: Strategic directions for development of education in the field of cybersecurity and cryptology in Uzbekistan: from public administration to law enforcement</i>
13:00 - 13:20	Discussion and Conclusions
13:20 - 13:30	Closing of the Event
13:30 - 14:30	Lunch break
According to a separate program	
11:30 - 13:00	Familiarization with the Academy

13:30 - 14:30	Lunch
15:00 - 17:00	Bilateral meetings and signing of MoU

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
OLIY TA'LIM, FAN VA INNOVATSIYALAR
VAZIRLIGI HUZURIDAGI
OLIY ATTESTATSIYA
KOMISSIYASI

100047, Toshkent sh., Y. G'ulomov ko'chasi, 70
Tel.: (71) 233-28-83. Fax: (71) 233-06-47
e-mail: info@oak.uz <https://oak.uz>

SUPREME ATTESTATION
COMMISSION
AT THE MINISTRY OF HIGHER EDUCATION,
SCIENCE AND INNOVATIONS OF THE
REPUBLIC OF UZBEKISTAN

70, Y. Gulomov str., Tashkent, 100047
Tel.: (71) 233-28-83. Fax: (71) 233-06-47
e-mail: info@oak.uz <https://oak.uz>

Javob qaytarganda shu № ko'rsatilsin
When you answer show this №

№ 01/6920 «28» 11 2025 y.

Ўзбекистон Республикаси
Хукукни муҳофаза қилиш академиясига

Олий аттестация комиссияси Сизнинг 2025 йил 31 октябрдаги №30/5-180713/25-сон хатингизга жавобан «Замонавий чакириклар шароитида конун устиворлигини таъминлаш: муаммо ва ечимлар» мавзусида жорий йилнинг 27-28 ноябрь кунлари ўтказиладиган халқаро илмий-амалий конференция инглиз тилида нашр этилган илмий мақолалар юридик соҳа бўйича докторлик диссертациялари натижаларини чоп этиладиган хорижий илмий журналлардаги илмий мақолаларга тенглаштирилганини маълум қилади.

Асос: Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 2023 йил 6 апрелдаги Қарори; «Ўзбекистон Республикаси Олий аттестация комиссияси туғрисида»ги низомнинг 7-банди; Хукукни муҳофаза қилиш академияси мурожаати (31.10.2025 й., №30/5-180713/25); ОАК юридик фанлар бўйича эксперт кенгаши тавсияси (25.11.2025 й., №11); ОАК Тартиб-қоида комиссияси қарори (27.11.2025 й., №11/24); ОАК Раёсати қарори (28.11.2025 й., №377/5)

Бош илмий котиб

А.А.Шермухамедов

Ижрочи: К.Тухтабеков

ФОТОСУРАТЛАР

МУНДАРИЖА

Учинчи параллел сессия:

Коррупция 2.0: рақамли хатарлар ва инновацион ечимлар

Adxamov I.M. Davlat xaridlari tizimida korrupsiyaga qarshi mexanizmlar.....6-11

Коленко Е.В. Новая парадигма антикоррупционного образования: интеграция науки, технологий и культуры добропорядочности.....12-20

Ещанов А.Ш., Амерханов Р.А., Талкибаев А.Б. Зарубежный опыт государственной службы как один из факторов профилактики коррупционных правонарушений.....20-51

Шомирзаев С.Х. Коррупцияга қарши курашишда кадрларга оид коррупциявий хавфларни бошқариш масалалари.....51-57

Kenjaev T.I. Legal mechanisms for independent anti-corruption expertise of draft legislation: a comparative analysis.....57-72

Норова О.А. “Коррупция” тушунчаси: илмий қарашлар ва халқаро-ҳуқуқий асослар.....72-79

Nematillayev O.B. Corruption proofing of legislation as a means of prevention of corruption.....79-86

Mirzarahmonov Sh.A. Corruption as a global problem: the nature, causes and characteristics of corruption crimes.....86-91

Азимов Х. Ғ. Тиббиётдаги коррупцияни олдини олишда “сирли мижоз” модели: янги ёндашув ва амалий самарадорлик.....91-99

Xudoyorov R.T., Sultonaliyeva Z.SH. Moliyaviy hisobotlar tizimida korrupsiyaviy xavflar va innovatsion yondashuvlar.....99-104

Yumatov B.O. Significance of sociological research for anti-corruption monitoring.....105-113

Pulatov S.B. Algorithmic accountability as an element of anti-corruption regulation in the digital age: a conceptual and implementation framework for Uzbekistan.....113-125

Mahmarahimov I.B. Tender savdolarida raqobatga zid ravishda tuzilgan bitimlar bo'yicha javobgarlikni takomillashtirish istiqbollari.....125-129

Suvanova B.A. O'zbekiston Respublikasida korrupsiyaga qarshi kurashda davlat siyosati.....129-137

Хонниёзов Д.Н. Ўзбекистонда коррупцияга қарши курашишнинг устувор масалалари: прокуратура органлари мисолида.....138-143

Жалилов М. Коррупцияга қарши курашиш ва унинг олдини олишда рақамлаштиришнинг назарий ва амалий аҳамияти.....143-155

Худойбердиев Х.Б. Биринчи инстанция судларида жиноят ишларини юритишда коррупциявий хавф-хатарларни олдини олишдаги назарий ёндашувлар.....156-165

Ибрагимов М.Ж. Ўзбекистонда соғлиқни сақлаш соҳасида коррупцияни олдини олиш: муаммолар, хорижий тажриба ва ечимлар.....165-170

Тўртинчи параллел сессия:

Кибермаконда ҳуқуқни муҳофаза қилиш фаолияти:

муаммо ва ечимлар

Hasanli A.R., Garayev S.L. Challenges and opportunities for building data-driven supervisory frameworks.....172-179

Чамбаев Э.ДЖ. Цифровизация правосудия в Кыргызской Республике: вызовы, достижения и перспективы. Практическое влияние информационных систем на деятельность следователей.....180-191

Акилова М.М. Киберугрозы и правопорядок: обеспечение верховенства закона в условиях цифровой нестабильности.....191-201

Холмирзоев М.Ф. Проблема навязанного согласия при использовании цифровых платформ: правовой анализ и перспективы защиты персональных данных в цифровую эпоху.....	201-210
Фараджиев М.А. Повышение эффективности осмотра места происшествия с использованием цифровых технологий контроля качества.....	210-219
Расулев А.К., Муминов Б.А. Борьба с киберпреступностью: время перейти от реактивной модели к проактивной.....	219-231
Камилов О.Х. Узбекистан на перекрёстке миграции и прав человека: вызовы и пути регулирования.....	231-241
Elmadmad K.H. Undocumented women, children, and migrants with disabilities: multiple vulnerabilities and the need for multiple protections (the case of Morocco).....	241-243
Рахмонова С.М. Odam savdosi va migratsiya global jarayonlarida bola huquqlari ta'minlanishi muammolari.....	243-251
Salimova G.M. Modern challenges and threats in the budgetary sphere in the era of digital transformation.....	251-257
SHayzakov S.H.I. The procedural procedure for filing an appeal complaint and prosecutorial protest against judicial acts that have not entered into legal force.....	258-273
Kim O.V. Law enforcement activities in cyberspace to combat drug addiction: international experience, challenges, and solutions....	273-282
Каримов И.И. Экстремизмнинг ҳуқуқий таҳлили ва унинг олдини олишдаги муаммолар.....	282-305
Тошқувватов С.Я. Экстремизмнинг назарий ва ҳуқуқий талқинлари қиёсий таҳлили: миллий, минтақавий ва халқаро ўлчамлар.....	305-331
Ашуров У.Э. Ўзбекистонда жиноятчиликнинг олдини олиш шакллари ва усуллари тақомиллаштириш масалалари.....	331-337
Марупов Э.Э. Дети и киберпреступность: риски, предупреждение и профилактика.....	337-344
Turdimatov M.M., Sobirov Sh.S. Kiber makonda huquqni muhofaza qilish: muammo va yechimlar.....	344-354

Sadirova X.X. Kibermakonda huquqni muhofaza qilish faoliyatining dolzarb muammolari va ularni bartaraf etish samarali mexanizmlari.....	354-361
Тошқувватов С.Я. Экстремизм билан боғлиқ жиноятлар тушунчасининг назарий-ҳуқуқий таҳлили.....	361-371
G'aniyeva Sh.N., Sotvoldiyev A.A. Zamonaviy kiberxavflar fonida maxfiy muloqot platformalarini yaratish muammolari va yechimlari.....	371-376
Karimov A.A., Qaxramonov E.Q. Bulutli hisoblashda shaxsiylikni ta'minlashning mavjud usullari tahlili.....	376-387
Qaxramonov E.Q., Karimov A.A. Methods of protecting user data from malicious software on social networks.....	387-399
G'aniyeva Sh.N., Tohirov O.B. Ochiq manbalardan razvedka ma'lumotlarni yig'ishda maltego platformasi orqali grafik tahlil qilishning ahamiyati.....	399-407
Солиева С.Р. Новые подходы к организации следственной деятельности: роль цифровой криминалистики.....	407-411
Чориев А.К. Шахсга доир маълумотлар тўғрисидаги қонунчиликни бузганлик учун жавобгарлик масалалари.....	411-419
Омаров Т.С. Особенности профилактики религиозного экстремизма среди несовершеннолетних в киберпространстве.....	419-428
Ahmadov A. Protection of victims' rights in the process of Cross-border asset recovery.....	428-436
Borsiyeva Z. Balance between effectiveness and rights: issues of implementing the institution of illicit enrichment.....	436-453
Mirzaev F. Legal regulation of the system for countering the legalization of criminal proceeds in the republic of uzbekistan: an organizational-legal public governance model.....	453-467
Хомидов Ш. Г. Антикоррупционный комплаенс в госсекторе: переход от формального контроля к риск-ориентированному подходу в государственных органах (на примере республики узбекистан).....	467-481

Хидоятуллаев А.Т. Особенности международные расчетные отношения.....	482-493
Норова О.А. Прокуратура органларининг коррупцияга қарши курашиш бўйича превентив фаолияти: реактив қонунийликдан проактив қонунийликка йўл.....	493-501
Madaminov B.S. Theoretical and legal foundations of the institution of civil claim in criminal proceedings.....	501-509
Sattarov J.A. Criminal-legal and criminological aspects of fraud committed through information technologies.....	509-515
Karimov U.X. Ensuring effective prosecutorial oversight by improving liability measures for the protection of agricultural land plots in Uzbekistan.....	515-529
Ислombeков Б.И. Метрополитен объектларида жамоат хавфсизлиги ва уни таъминлашга таъсир қилувчи омиллар.....	530-540
Дастурлар	541-592
ОАК хати	593
Фотосуратлар	594-600
Мундарижа	601-605

**ZAMONAVIY CHAQIRIQLAR SHAROITIDA QONUN USTUVORLIGINI
TA'MINLASH:
MUAMMO VA YECHIMLAR**
mavzusidagi xalqaro ilmiy-amaliy konferensiya materiallari
T O ' P L A M I
2-JILD

СБОРНИК
материалов международной научно-практической конференции на тему:
**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ**
2-ТОМ

**ENSURING THE RULE OF LAW IN THE CONTEXT OF MODERN
CHALLENGES: PROBLEMS AND SOLUTIONS**
Materials of the international conference Collection
Volume II

Техник муҳаррир: Ш.Шайзаков
Компьютерда саҳифаловчи: Б.Мамадалиев
Дизайнер: Б.Мамадалиев
Босишга рухсат этилди: 25.03.2026 й.
Бичими 60x44 1/8, "Times New Roman"
гарнитурда рақамли босма усулида босилди.
Босма табоғи: 27,7. Адади: 100 нусха. Буюртма: № 1278
Нархи шартнома асосида
100190, Тошкент ш., Юнусобод тумани, Рихсилий кўчаси, 9 уй.
«IMPRESS MEDIA» MChJ босмахонасида чоп этилди.
Тошкент шаҳри, Қушбеги кўчаси, 6-уй.

Тўплам қуйидаги сайтга жойлаштирилган:
Ўзбекистон Республикаси Хуқуқни муҳофаза қилиш Академияси сайти:
www.proacademy.uz